Т. С. ЕРЕМИНА

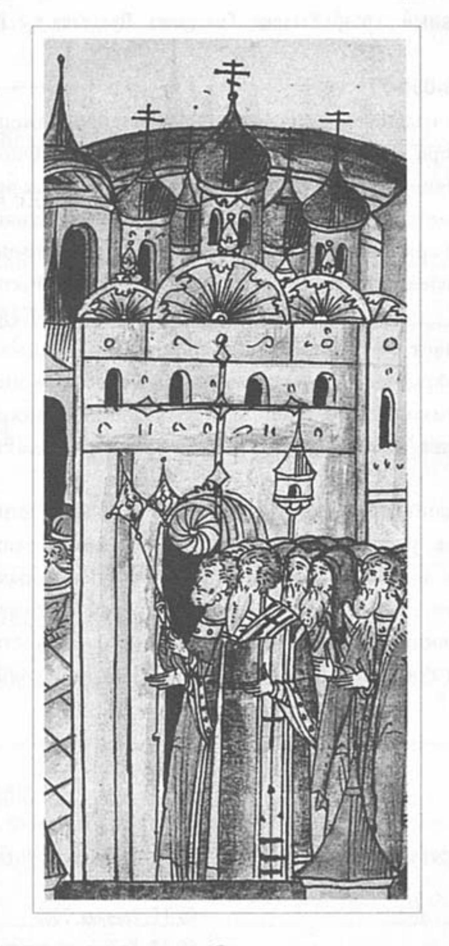
РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ

История. Символика. Предания

Т. С. ЕРЕМИНА

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ

История. Символика. Предания

ПРОГРЕСС ТРАДИЦИЯ
МОСКВА

УДК 2
ББК 86.372
Е 70

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Еремина Т.С.

Е-70 Русский православный храм. История. Символика. Предания. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 480 с., ил.

ISBN 5-89826-030-7

Предлагаемое издание является своеобразным продолжением уже вышедшей книги того же автора «Мир русских икон и монастырей». Оно во многом восполняет нехватку научно-популярной литературы по вопросам православия.

Автор обращается к истории создания первых христианских храмов, символике церковной архитектуры, к особому культу Богоматери на Руси; знакомит читателей с наиболее выдающимися соборами Древней Руси, сохранившимися и поныне.

Читатель узнает об основах православия и церковных книгах, о настенной живописи – фресках и «земных образах небесного мира» – иконах. Раздел церковной живописи посвящен рассмотрению конкретных икон, проблем иконографии, умению «читать» иконы, проникать в их глубинный смысл.

Древние предания, нашедшие отражение в русских летописях, сочинения известных историков, рассказы о русских князьях и святителях, выдающихся живописцах, древних песнопевцах и религиозных композиторах – все это также заинтересует самый широкий круг читателей, и прежде всего студентов и старшеклассников, изучающих историю религии и историю искусства, преподавателей курсов «История России», «Культурология», «История русского искусства».

ББК 86.372

В оформлении обложки использована миниатюра Лицевого летописного свода, 1570-е годы. "Погребение князя Дмитрия Донского в Архангельском соборе"

ISBN 5-89826-030-7

СОДЕРЖАНИЕ

КРЕЩЕНИЕ РУСИ 7
ХРАМЫ 23
СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ 51
ИКОНЫ. ИИСУС ХРИСТОС И БОГОРОДИЦА 83
ИКОНЫ. ВИЗАНТИЙСКИЕ СВЯТЫЕ 111
ИКОНЫ. РУССКИЕ СВЯТЫЕ 137
ИКОНОСТАС 173
НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ 201
БОГОСЛУЖЕНИЕ 235
ПАСТЫРИ 267
ЦЕРКОВНЫЕ ТАИНСТВА 297
ВЕЛИКИЕ ПРАЗДНИКИ 325
ДУХОВНОЕ ПЕНИЕ 351
ЖИВОПИСАНИЕ ИГЛОЮ 385
И ЗЛАТО, И СЕРЕБРО, И КАМЕНЬЯ ДРАГОЦЕННЫЕ... 407
КОЛОКОЛА 429
ПРИМЕЧАНИЯ 463

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Лето 988 года было в Киеве тихим и спокойным. Великий князь Владимир Святославич ушел с войском в поход на Корсунь, город греческий,* хотел воевать его, и сразу в стольном Киеве народу как будто поубавилось. Не мчались по улице, выбрасывая из-под копыт комья земли, холеные кони княжеских воинов, не слышались то грозные, то молодецкие крики «Дорогу!.. Посторонись!..», не выстраивались поутру к городским воротам многочисленные телеги с провиантом. Все уже забрали княжеские слуги, снаряжая Владимира Святославича в дальний поход. Нагрузили тяжелые обозы, снарядили коней, забрали молодцев из многих селений. Кого в дружину, воевать, кого – в обслугу, за воинами ухаживать.

Приходили из княжеского войска вести разные. То рассказывали, как осадил великий князь Корсунь и стоял у стен, наводя страх на жителей; то радовались, что Владимир, переняв воду, взял город; то шептались о посольстве великого князя к византийским царям Василию и Константину с просьбой выдать за него их сестру, царевну Анну.

И вот покой киевских жителей кончился. Вернулся великий князь из похода, привез с собой молодую жену – византийскую царевну, привез священников корсунских, сосуды церковные, иконы с изображением новых святых, даже останки неведомого киевлянам святого Климента.** Говорили, что принял Владимир Святославич в Корсуни новую веру, крестился там по христианскому обычаю, иначе не соглашались византийские цари отдать за него свою сестру. И будто бы уже свершилось в Корсуни от новой веры чудо великое. Тяжело заболел глазами великий князь, не видел ничего и скорбел сильно, не зная, что делать. Тогда царевна Анна велела ему сказать, что если хочет киевский властитель избавиться от тяжкого недуга, пусть скорее

* Греческий город Херсонес, по-русски Корсунь, ныне находится в пределах Севастополя.

** Св. Климент (умер ок. 215 г.) – христианский богослов, один из «отцов церкви», руководитель церковной школы в Александрии.

крестится. Принял Владимир новую веру, и едва епископ корсунский возложил на него свою руку, как прозрел великий князь и прославил византийского Бога, сказав: «Теперь узнал я Бога истинного!» [1]

С приездом великого князя начались в Киеве большие перемены. Прежде всего велел Владимир Святославич «опрокинуть идолы»,[2] разделаться со статуями прежних богов. Одних приказал изрубить, других сжечь, а статую Перуна, бога грома и молний, и вовсе повелел привязать к конскому хвосту и волочить с горы, колотя железными палками «для поругания беса».[3] С тоской смотрели напуганные киевляне на расправу со своими богами, оплакивали их падение, однако идти против великого князя не смели. Бросили статую еще вчера почитаемого идола в воды Днепра, и специально приставленные княжеские люди отпихивали деревянную колоду от берега, пока она не прошла пороги. Потом оставили идола в покое. Приблизился он к берегу, и то место тут же назвали Перуньей Отмелью.

Не успели киевляне опомниться от поругания своих прежних богов, как услышали новый приказ князя: идти назавтра всем на реку, чтобы принять святое крещение – обратиться в христианскую веру. Суровы были слова князя, что кричали его глашатаи по всему городу: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый или бедный, или нищий, или раб – да будет мне враг».[4]

На следующий день пришли смятенные киевляне на берег Днепра. Наверное, шептались между собой, вопрошали: «Как это – креститься? Окунаться в речную воду? По шею или с головой? Плыть или стоять на месте? Глубоко ли заходить?» Людей было много: никто не захотел стать врагом самому князю. Детишки шныряли между ног, а те, что поменьше, – плакали на руках.

Но вот появился сам великий князь Владимир со своими приближенными. Стал на возвышении, на склоне горы, и был виден в своих ярких княжеских одеждах отовсюду. Священники приступили к крещению. Люди «вошли в воду и стояли там одни по шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ»...[5] Так описывает первый русский летописец Нестор в «Повести временных лет» важнейшее деяние великого князя Владимира – крещение Руси.

Однако не сразу, не в один день пришла новая вера в русские земли. Процесс христианизации тянулся многие десятилетия: ведь первой приняла новую религию бабка князя Владимира –

великая княгиня Ольга. Она крестилась в столице Византии – Константинополе, называвшемся на Руси Царьградом, во время своей поездки туда около 955 г., то есть более чем за тридцать лет до времени, которое сейчас считается временем официального крещения Руси.[6]

В той же «Повести временных лет», начальной русской летописи, составленной монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, говорится об этом так: «В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях внуков твоих». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил».[7]

Царь Константин, отдав должное красоте и уму великой русской княгини, хотел даже жениться на ней, прямо заявив об этом Ольге: «Хочу взять тебя в жены себе». Но лукавая княгиня только посмеялась над византийским владыкой, ответив: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня?» И тут же упрекнула царя за то, что нарушает христианские законы: как можно жениться на той, которую назвал дочерью?

«Перехитрила ты меня», – то ли с усмешкой, то ли с сожалением ответил Константин и отпустил Ольгу, наградив многими дарами: золотом и серебром, иконами и разными сосудами.[8]

При поездке в Константинополь было у великой княгини еще одно, может быть, главное желание: породниться с порфирородными царями Византии, женить своего сына Святослава на константинопольской царевне. Однако Ольге это не удалось. Лишь ее внук Владимир привез в Киев византийскую принцессу,

установив таким образом не только политические и торговые связи с Византией, но и родственные.

По возвращении из Царьграда в Киев великая княгиня несомненно пыталась внедрить новую веру среди своих подданных. Прежде всего она, как заботливая мать и добрая христианка, хотела повернуть к христианскому Богу своего сына Святослава. Но потомок Игоря, воитель по природе, большую часть времени проводил в походах и сражениях и не внимал словам матери. Он ссылался на то, что дружина будет смеяться над ним. На это Ольга резонно возражала: «Если ты крестишься, то и все за тобой сделают то же».[9] Но великий князь Святослав не послушался матери, «творяше норовы поганьские».[10]

Пожалуй, нужно сделать еще шаг назад в истории установления христианства на Руси. Из той же «Повести временных лет» известно, что еще во времена князя Игоря*, мужа Ольги, то есть в 40-е гг. X в., в Киеве существовала соборная церковь святого Ильи.[11] Соборная – значит, главная. Следовательно, были и другие христианские храмы, были и прихожане. То есть новая вера понемногу, неторопливо завоевывала киевскую Русь, и официальное крещение, предпринятое Владимиром Святославичем в 988 году, не вызвало сопротивления городского населения, подготовленного к этому акту как политикой великого князя, так, видимо, и проповедями христианских священников, присылаемых сюда из греческой земли.

* Князь Игорь, родоначальник династии Рюриковичей, правил в Киеве с 912 по 945 гг.

Официальная дата крещения Руси, названная в «Повести временных лет», вызывает определенные сомнения у современных историков. Сопоставляя различные летописи и хроники, сравнивая русские и зарубежные источники, опираясь на бесспорные даты известных событий, ученые приходят к выводу, что сам факт крещения состоялся позже, в 990 г. Причем называют даже день – 1 августа.[12]

Согласно новым историческим исследованиям, Владимир Святославич заключил соглашение с византийскими царями в 988 г. и тогда же тайно крестился. По этому соглашению войска киевского князя были отправлены в Византию на помощь царям Василию II и Константину VIII, положение которых в Константинополе было очень неустойчивым. Страну раздирали внутренние усобицы. Василевсам (царям) угрожал Варда Фока, выдающийся византийский полководец, объявивший сам себя верховным правителем. Он собрал большую армию, и его полки уже стояли недалеко от Константинополя. Неудивительно, что василев-

сы, чтобы удержать свой шатающийся престол, обратились за помощью к северному соседу – великому киевскому князю.

В благодарность за военную поддержку византийские цари взяли на себя обязательство выдать свою сестру Анну за Владимира, однако поставили условие: правитель русов должен принять новую веру и креститься. Владимир честно выполнил все условия договора: и войска дал, и крестился. С помощью русских дружинников василевсы разбили воинов Варды Фоки и полностью подавили мятеж, снова утвердившись на царском престоле. Однако посылать сестру Анну на Русь не торопились. Прошло лето 989 года, а царевну Владимир так и не увидел.

Князь Владимир. Фрагмент иконы «Борис, Владимир и Глеб». Конец XV– начало XVI вв.

Разгневанный коварством греков, великий князь в конце лета, а возможно, в начале осени 989 года пошел с войском на греческий город Херсонес (Корсунь), находящийся в Северном Причерноморье, в Крыму. Девять месяцев продолжалась осада, и весной 990 г. войско Владимира овладело Корсунью.

Византийские императоры сдались под решительным натиском русского оружия. Киевский князь не только взял Херсонес, важный торговый центр, но и грозился идти на Константинополь, если условия договора не будут выполнены.

В сопровождении многочисленной свиты, состоящей из дипломатических лиц, священников, охраны и прислуги, принцесса Анна наконец прибыла в Корсунь, и здесь состоялась свадьба великого киевского князя с порфиророжденной невестой. Херсонес был возвращен византийским царям в качестве выкупа за невесту, и русские войска в июле 990 г. возвратились в Киев. А первого августа, вероятно, Владимир Святославич повелел всем киевлянам прийти на Днепр.

Так или, может быть, не совсем так совершилось крещение Руси. В конце концов, даже не очень-то и важно, в каком именно году это произошло, в 988 или 990. Важно, что на смену языческим верованиям пришло христианство, на смену древним богам – единый Бог.

Но почему все-таки именно христианство? Почему, например, не магометанство? Историческая наука, давая ответ на этот вопрос, связывает новую религию с новыми запросами общества, с развитием новых политических и экономических формаций. Может быть, наиболее сжато и точно это сформулировал историк А.М. Сахаров: «Древние культы восточных славян не годились для закрепления отношений господства и подчинения. Не соответствовали они и идее единства страны, так как в большинстве своем имели местное распространение. Для укрепления Киевского государства нужна была единая религия, которая обожествляла бы не только и не столько силы природы, но прежде всего новый общественный строй с его частной собственностью, с делением на богатых и бедных, на господ и эксплуатируемых. Потребность в новой религии – такой, какая уже утвердилась в крупных соседних государствах, вызывалась также необходимостью вступления Руси в более тесное политическое и культурное общение с другими странами и усиления ее международного авторитета и положения».[13]

Кроме того, что новая религия служила основой для объединения восточно-славянских племен в единое государство, она также способствовала развитию культурных и торговых связей с различными государствами, заключению мирных договоров и военных союзов. Экономические, политические и культурные контакты, которые связывали Киевскую Русь с одним из ближайших соседей – Византийской империей, с принятием христианства становились более прочными и неколебимыми.

Выбор веры как важнейший государственный акт нашел свое отражение и в несторовской «Повести временных лет». В статье под годом 6494 (986) пишет древний летописец, как пришли к Владимиру болгары магометанской веры и стали предлагать великому князю уверовать в их закон и поклониться Магомету. Поинтересовался Владимир, в чем же заключается их вера, и посланники перечислили все законы свои: «Совершать обрезание, не есть свинины, не пить вино, зато по смерти... можно творить блуд с женами».

Внимательно слушал великий князь посланников. Особенно понравилось ему разрешение иметь много жен: он сам, «любя жены и блуженье многое, послушаше сладко». А вот запрет на вино не понравился, и сказал он: «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти».[14] Сказал, наверное, с усмешкой, с затаенной хитростью, ибо как выдающийся государственный деятель он и тогда уже понимал, что магометанская вера не нужна Руси.

Далее, рассказывает Нестор, пришли к Владимиру иноземцы из Рима, посланные папой, но и их отослал великий князь, ссылаясь на то, что и «отцы наши» не принимали этой веры. Не прельстился правитель русов и проповедью хазарских евреев. Когда спросил Владимир, где их земля, ответили они: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал тогда Владимир: «Как же вы других учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны; если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Зато греческого философа Владимир Святославич слушал внимательно, с большим интересом. Рассказывал этот посланник о Боге, поведал о сотворении мира, пересказал многие библейские истории. И летописец по-своему передает Библию, повествуя о том, как сотворил Бог небо и землю, как низверг с неба ангела–отступника Сатанаила, как создал первого человека Адама и его жену Еву, и как изгнал их из рая за непослушание. Пересказывает Нестор предания о Каине и Авеле, о всемирном потопе и Ноевом ковчеге, о разделении людей по языкам и странам, повествует о жизни праотцов Авраама, Исаака, Иакова, о пророке Моисее, исходе из Египта, о царе Соломоне и других библейских героях. Передал монах-летописец и рассказ греческого философа о жизни Иисуса Христа, по-своему объяснил христианское учение о втором пришествии, о судном дне, о Царстве Небесном и геенне огненной. Наверное, хорошо живописал словами этот греческий посланец, ибо Владимир увидел своим внутренним взором праведников и мучеников, понял, что праведником быть лучше, а мысль о христианском вероучении «запала ему на сердце». Однако и тут он воздержался от окончательного решения, сказав коротко: «Подожду еще немного»...[15]

Прошло еще время, и вот в 987 г. великий князь снова обращается к вопросу выбора веры.

«В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о том свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе

будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?»[16]

Мудрые советники сказали князю, что своего «никто не бранит, но хвалит». А если великий князь и вправду хочет разобраться в том, чья вера лучше, пусть пошлет своих «мужей славных» в разные страны, чтобы они там разузнали получше, у кого какая вера и кто как служит Богу.

Владимир так и сделал. Послал своих славных мужей в разные земли, а когда они возвратились, внимательно выслушал перед всею дружиной.

И говорили послы так.

«Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть мечети, стоят там без пояса, сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем в других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И ответил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».[17]

Так, вслед своей бабке великой княгине Ольге, остановился Владимир на христианской вере. Однако понадобилось еще время для того, чтобы Владимир принял святое крещение и крестил киевлян.

Распространение христианства на Руси – длительный и сложный процесс. Не везде новая вера так спокойно завоевала умы и сердца людей, как в Киеве.

На севере Руси находились новгородские земли, куда еще в 980 г. Владимир назначил наместником своего дядю, легендарного Добрыню, который приходился братом матери великого князя Малуше, что служила ключницей у княгини Ольги. Летопись сообщает об этом так: «Володимер же посади Добрыну, уя* своего, в Новегороде».[18] Правда, дошедшие до нас новгородские летописи рисуют вполне благо-

* Уй – дядя по матери, стрый – дядя по отцу.

получную и даже радостную картину крещения новгородцев. Согласно этим источникам, ликовала вся русская земля: «Крестися Володимир и вся земля русская; и поставиша в Киеве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иным градом епископы и попы и диаконы; и бысть радость всюду».[19]

Первым архиепископом Новгородским стал Аким (Иоаким) Корсунянин, прибывший, как говорит его прозвище, из греческих земель, из города, где крестился сам великий киевский князь. Что же сделал этот греческий священник? Летопись отвечает: «...требища разруши, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхово...»[20]

Главного языческого бога Перуна низвергли, потащили в реку, «биюще жезлеем». Строго-настрого было приказано: никому не принимать идола, если он прибьется к берегу.

Летопись донесла до нас любопытную подробность. Один новгородец, который пришел на реку рано утром и намеревался везти горшки на торжище в город, увидел статую Перуна, прибитую волнами к берегу. Он оттолкнул низвергнутого бога шестом, сказав при этом: «Ты, Перушце, досыти еси пил и ял, а ныне поплови прочь».[21]

Отзвуки тех далеких событий нашли свое отражение и в предании, которое старалось объяснить многочисленные постоянные стычки жителей Новгорода на великом мосту через Волхов. Говорят, что когда идол Перунов проплыл под мостом, соединяющим левую и правую стороны города, низвергнутый бог бросил на Волховский мост свою палицу, что держал в руке. При этом он изрек: «Этим будут помнить меня дети новгородские»...[22]

Иной, более подробный и живописный рассказ о свержении языческого бога и последовавшем затем крещении новгородцев содержался в так называемой Иоакимовской летописи, которая дошла до нас лишь в отрывках. Однако ею пользовался известный историк XVIII в. В.Н. Татищев, когда писал свой капитальный труд «История Российская с самых древнейших времен».[23] Описание крещения новгородцев входило в эту летопись в качестве отдельной, небольшой, но законченной повести. В ней говорилось о том, как северные земли сопротивлялись насильственному обращению в христианство и как «Путята крести мечом, а Добрыня огнем». Путята и Добрыня – главные действующие лица тех далеких событий, воеводы великого киевского князя. Причем Добрыня еще и его дядя по матери.

В северных землях княжеский родственник сделал то же, что совершил Владимир в самом начале своего правления в Киеве: ут-

вердил языческих богов как главных, обязательных для всеобщего поклонения. «И пришед Добрына Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье ноугородьстии аки Богу».[24]

После того, как Владимир Святославич сверг старых богов и приказал бросить главу языческого пантеона Перуна в Днепр, то же самое сделал и Добрыня в Новгороде.

В отрывке из Иоакимовской летописи рассказывается, как новгородские люди, узнав о том, что Добрыня идет крестить их, собрали вече и поклялись не пускать княжеского воеводу в город и не дать низвергнуть своих языческих богов-идолов.

Когда же Добрыня приблизился к стенам, новгородцы разметали великий мост через Волхов и вышли к нему навстречу с оружием. Добрыня увещевал их добрыми словами, но строптивцы не хотели слушать его. Христианские священники, стоявшие с княжьим воеводой на Торговой стороне, ходили по торжищам и улицам, проповедовали новую веру, втолковывая несговорчивым северянам азы христианства. За два дня, что стояла дружина на Торговой стороне, на правом берегу Волхова, христианские священники крестили несколько сот человек. Новгородцы сопротивлялись, кто как мог. Так, например, тысяцкий Угоняй, «іездя всюду, вопил: «Лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание»». Народ же, рассвирепев, дом Добрыни разорил, имущество разграбил, да еще избил жену воеводы и некоторых его родственников.

Однако Владимиров тысяцкий Путята «яко муж смысленный и хитрый», приготовил лодки, выбрал пятьсот мужиков, ночью перевез их на другую сторону Волхова и вошел во град. Люди, жившие здесь (а их собралось до пяти тысяч) обступили Путяту и «бысть междо ними сеча зла». Грабили дома христиан, разметали церковь Преображения...

Заметим в скобках: значит и здесь, в Новгороде, уже было достаточно верующих, стояла христианская церковь, а скорее всего и не одна.

Когда же на рассвете подошел Добрыня со своими дружинниками и велел зажечь у берега некоторые дома, люди испугались и побежали тушить пожар. Тут уж было не до сечи: ведь мог сгореть весь город. Так что новгородцы запросили мира.

Добрыня собрал воинов, запретил грабить и тут же расправился с языческими идолами, которых сам ставил: «деревяннии сожгоша, а каменнии изломав, в реку вергоша».

С великими воплями и слезами провожали своих богов новгородцы, а Добрыня насмехался над ними, говоря: «Что, безум-

нии, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, кую пользу вы от них чаять можете».

Разослал великокняжеский воевода своих глашатаев по всему городу, и кричали они, чтобы все шли на крещение. Один посадник по имени Воробей, который был «вельми сладкоречив», пошел на торжище и там увещевал людей принять святое крещение. Тогда пошли многие, а тех, кто не хотел креститься, воины влачили силой. Мужчин крестили выше моста, женщин – ниже моста. Некоторые некрещеные стали говорить о себе, что они уже приняли новую веру, и тогда повелел Добрыня всем крещеным носить на шее кресты, деревянные, или медные, или какие-нибудь другие. А у кого их не будет, тому не верить и крестить. Разрушенную церковь Преображения Господня снова отстроили. Таким образом крестя новгородцев, отошел Путята к Киеву, а Добрыня, видимо, остался в Новгороде, где был его дом.

Так, по Иоакимовской летописи, в три захода прошло приобщение жителей Великого Новгорода к христианской вере: сначала на Торговой стороне, затем «на левом берегу Волхова», «во граде» и потом уж тех, кто хотел избежать крещения и пытался обмануть священников и дружинников великого киевского князя.

Историк О.М. Рапов называет даже числа: 29 августа, 8–9 сентября и 26 сентября 990 г., следом за крещением киевлян.[25] Столь точные даты помог установить церковный календарь. В древней Руси было принято увековечивать знаменательные события сооружением храмов в честь тех святых, праздники которых совпадали с данными событиями или отстояли от них на день-два. Отмеченные в летописях даты сооружения церквей и приделов в святой Софии Новгородской дали ученому возможность с большой степенью вероятности назвать именно эти числа.

Известно, что святая София Новгородская, главный храм города, имеет четыре придела, освященных в честь четырех церковных празднеств: Усекновения главы Иоанна Предтечи, Рождества Богородицы, родителей пресвятой Девы Марии – Иоакима и Анны – и Иоанна Богослова. Поскольку приделы возводились, как уже говорилось, в честь каких-либо памятных событий, скорее всего, этими событиями были дни крещения новгородцев, ибо за те пятьдесят пять лет, что прошли с 990 по 1045 гг., когда сооружался собор с приделами, по мнению историков, не было сколь-нибудь значимых событий, достойных быть запечатленными в каменной летописи города.

Таким образом, августовское крещение было затем отмечено созданием придела Усекновения главы Иоанна Предтечи в Со-

фийском соборе (по церковному календарю это событие отмечается 29 августа старого стиля). Второе, сентябрьское, – сначала созданием каменной церкви Иоакима и Анны, родителей пресвятой Девы Марии, а затем – сооружением двух приделов в той же Софии Новгородской – в честь Рождества Богородицы и в честь ее родителей, Иоакима и Анны (8 сентября ст.ст. – Рождество Богоматери, 9 сентября – день Иоакима и Анны). Третье крещение, также сентябрьское, было отмечено сооружением в Софийском соборе придела Иоанна Богослова, день преставления которого приходится на 26 сентября.

Так была крещена Русь при великом князе Владимире Святославиче, который за свои заслуги перед церковью назван святым и равноапостольным. И хотя сам князь до своего обращения в христианскую веру вел жизнь далеко не праведную (одних только жен у него было девять, не считая многочисленных наложниц), летописец Нестор, говоря о его смерти в 1015 г., восклицает: «Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее».[26]

Процесс христианизации Руси растянулся на многие десятилетия. Летописи свидетельствуют о том, что еще более двух столетий в русских землях сохранялось как бы двуверие, и языческие волхвы периодически появлялись в русских городах и селах.

Так, «Повесть временных лет» под 1071 г. говорит о нескольких подобных эпизодах. В это время в Киев пришел волхв, рассказывающий о том, что Днепр «потечет вспять и что земли начнут перемещаться».[27] В одну из ночей он пропал без вести.

И в Ростовской области во время неурожая явились два волхва из Ярославля. Отправились они по Волге и в каждом селении указывали на знатных жен, говоря, что «та жито прячет, а та – мед, а та – рыбу, а та – меха». С женщинами расправлялись голодающие люди, а имущество убитых волхвы забирали себе. Когда языческие проповедники пришли на Белоозеро, с ними было уже человек триста.

Некий Янь, «сын Вышатин», сборщик дани при князе Святославе, потребовал выдать ему волхвов, но окружающие язычников люди не послушали княжеского дружинника. Янь в одиночку пошел против неверных, сразился с ними, но не погиб. Они же бежали в лес, убив попа, что был с княжеским отрядом.

Войдя в город к белозерцам, Янь предупредил, что если не отдадут ему волхвов, будет стоять во граде весь год. Делать нечего – привели ему жители волхвов.

В споре двух вер, в диспуте, если можно так выразиться, христианина с язычниками победил, конечно, христианин Янь. Но христианские заповеди не помешали великокняжескому воину жестоко расправиться с неверующими. Мстя за своих жен, сестер, дочерей, княжеские дружинники «схватив, убили их и повесили на дубе»... Так погибли эти волхвы, «другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя»...[28]

Подобный же волхв объявился и в Новгороде. Он похвалялся, будто знает все наперед, и собрался перейти Волхов перед всем честным народом. В городе начался мятеж. Многие поверили волхву и хотели погубить епископа. Князь Глеб быстро расправился с непокорными и их духовным прародителем: взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Волхв ответил, что знает, и добавил: «Чудеса великие сотворю». Тогда Глеб, вынул топор, зарубил волхва, и «пал он мертв».[29] Люди же разошлись по домам, получив наглядный урок того, как не надо доверять приверженцам язычества.

Тем не менее христианская вера уже в начале XI столетия крепко утвердилась на Руси. Новая религия была письменной, она приобщила варварские прежде княжества к истории европейских и малоазиатских стран, и главное – к культуре Византии, одного из самых развитых государств того времени. Недаром академик Д.С. Лихачев говорил в 1988 г., когда торжественно отмечалось 1000-летие Крещения Руси: «Я думаю, что с Крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры. Так же, как украинской и белорусской».

После этого важнейшего государственного, политического акта «Русь сразу становится мировой державой, а Киев – соперником Константинополя».

«Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры».[30]

Конечно, быстрое и в общем безболезненное распространение христианства на Руси было подготовлено тем, что именно через земли восточных славян проходил путь «из варяг в греки», великая торговая дорога, связывавшая скандинавские земли с Византией. Здесь видели множество разных народов, слышали различные языки, исподволь приобщались к культуре разных племен. Да и само развитие Руси, интересы страны, объединяющейся в огромную империю, требовали единой, развитой «вселенской» религии.

Христианство дало на Руси толчок развитию письменности, с принятием христианства появились уникальная живопись и высокое прикладное искусство, христианство способствовало развитию архитектуры, музыки, литературы.

Не случайно тысячелетие Крещения Руси так торжественно отмечалось не только в России, но и в международном масштабе.

Подчеркивая возрождение церкви на нынешнем этапе, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, ныне патриарх всея Руси, говорил в дни славного юбилея: «Я думаю, церкви есть что сказать современному человеку. Христианская традиция ориентирована на человеческую личность в ее уникальной неповторимости и моральной ответственности. Экспансии массовой культуры церковь может противопоставить богатейшее духовное наследство многих веков; потребительскому отношению – призыв к самоотдаче человека на благо ближних; культу насилия, жестокости и войны – проповедь взаимной любви и мира во всем мире».[31]

Сегодня, по прошествии тысячи лет, после всех перипетий многовековой истории, еще ярче видим мы мудрость великого князя, приведшего Русь в мировую семью христианских народов и названного за то равноапостольным.

В истории христианства в России было много взлетов и падений. Русская Православная Церковь то воистину становилась во главе духовной жизни, то теряла свое величие, но всегда в ее лоне горел огонь великой любви, поддерживаемый святыми подвижниками. И от этого огня, по словам русского мыслителя Г.П. Федотова, «вся Русь зажигала свои лампадки».[32]

ХРАМЫ

Известно, что после своего крещения великий князь Владимир Святославич заложил в Киеве церковь, которую посвятил Пресвятой Богородице. Для ее возведения были приглашены мастера из греческой земли, а когда окончилось строительство, князь-христианин богато украсил церковь, «вдав ту все, еже бе взял в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты».[1] Служили в церкви корсунские священники, и Нестор летописец даже называет того, кому была поручена забота о Богородичном храме: Анастас Корсунянин.

Летописи и в этом случае не единодушны: «Повесть временных лет» называет датой закладки церкви 989 г., другие (Ипатьевская летопись) – 991, третьи (Никоновская летопись) – 993 г. Однако датой окончания строительства и освящения храма почти все летописцы, следом за Нестором, называют 996 г. Тогда князь «створи праздник велик в тъ день боляром и старцем градским и убогим раздая именья многа».[2]

Опираясь на Несторовскую летопись, можно сказать, что каменная церковь Пресвятой Богородицы возводилась семь лет. Завершение строительства широко отмечалось князем, его приближенными и духовенством. Щедрый на милостыню Владимир раздал городской бедноте немало разного имущества, одежды и денег. Сам он тоже посетил вновь отстроенный храм, молился в нем и сказал: «Даю церкви сей святой Богородицы от именья моего и от град моих десятую часть...» [3]

В честь того, что великий князь пожаловал храму десятую часть своих немалых доходов, церковь стала именоваться Десятинной.

Этот первый построенный Владимиром каменный христианский храм до нас не дошел: в 1240 г., когда татарские полчища хана Батыя штурмовали укрепленный Киев, Десятинная церковь

была разрушена. Как и велось в Древней Руси, в ней собралось множество людей: женщины, дети, ремесленники. Ища зашиты от невиданного ранее бедствия, торговцы со своими товарами забрались под своды, но стены, не выдержав, рухнули, похоронив под руинами тех, кто думал здесь найти спасение. Возможно, и татары применили стенобитное орудие, которое использовали при взятии городских стен.[4]

На том месте, где стояла прежде Десятинная церковь, неоднократно проводились археологические раскопки. Фрагменты цветного шифера, мраморных деталей, мозаик и фресок говорят о роскошной внутренней отделке первого русского каменного храма.

Вероятно, размеры и богатство украшений Десятинной церкви поражали посетителей. Да и как было не удивляться, попадая в этот большой, залитый светом храм, где переливались красками роскошные мозаики и фрески, где нога ступала по мраморным и майоликовым полам, испещренным затейливыми узорами, не похожими друг на друга в различных частях церкви. Как не почувствовать силу новой христианской религии, как не испытать благоговения перед ее могущественным Богом и окружающими его святыми...

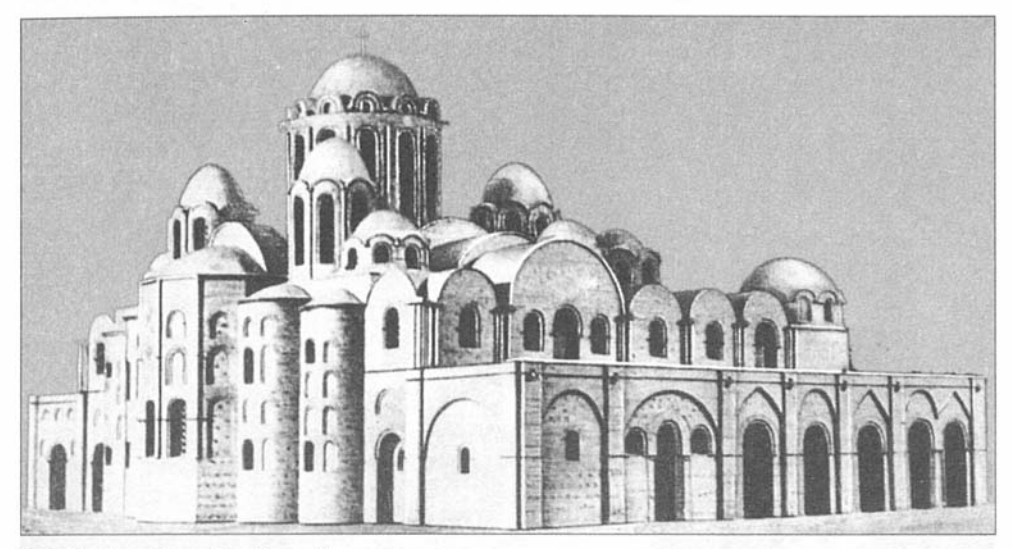
К XI – XII вв. на Руси в основном сложился определенный тип города – построения, огороженного, защищенного крепостными стенами, земляным валом и рвом с водой. В детинце, или кремле, как называли внутреннее ядро города, сосредотачивались главные сооружения, и первым среди них была соборная церковь, возвышавшаяся на главной площади. Для Древней Руси собор – не только главный храм города или монастыря, где совершали богослужение высшие духовные лица (патриархи, архимандриты), это еще и главное общественное здание. Здесь обычно «сажали на стол» князей, принимали иностранных послов, здесь хранилась городская казна, сюда в случае наступления неприятеля стекались городские жители в поисках последнего убежища от врага. При соборах создавались и книгохранилища, работали переписчики.[5]

Соборный храм города – это символ его независимости.

Именно в соборном храме хранились главные святыни города.

Таким храмом для Киевской Руси стал собор в честь Софии – Премудрости Божией, возведенный великим князем Ярославом Мудрым по образу и подобию Софийского храма в столице Византии Константинополе.

Вырос он на памятном месте. «Повесть временных лет» рассказывает, что однажды, когда великий князь Ярослав был в

Софийский собор в XI в. Киев. *Реконструкция.*

Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Этот беспокойный кочевой народ из степей низовьев Дона неоднократно тревожил покой Киевской Руси. Весь десятый век дикие племена вторгались в пределы русских княжеств, в 972 – разбили дружину великого князя Святослава, в 988 г. осаждали Киев. Десять лет воевал с ними и Владимир Великий. И вот – в 1036 г. печенеги снова подошли к киевским стенам.[6]

Ярослав собрал многих воинов, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в свой город... А было печенегов – без числа... Ярослав выступил из города, «исполчил» дружину, поставил варягов посредине, на правой стороне – киевлян, а на левом крыле – новгородцев, и стал перед градом. Печенеги пошли на приступ. Схватка произошла на том самом месте, где, по словам Нестора, стоит ныне святая София, «митрополия русская», было тогда здесь поле вне града.

Едва к вечеру в жестокой сече одолел врагов Ярослав. Побежали печенеги врозь и не знали, куда бежать. Одни тонули в Сетомли, иные же в иных реках, а остаток их, по ироническому замечанию летописца, «бегает где-то и до сего дня»...

Битва Ярослава с печенегами у Киева была последним жестоким сражением с южным кочевым соседом, который причинил много беспокойства Киевской Руси. После 1036 года печенеги переместились к низовьям Дуная, не тревожа больше русские княжества.

Киевский Софийский собор. *Вид с запада.*

На месте сражения и заложил Ярослав Мудрый главный храм Киевской Руси. Вообще этот великий князь, сын Владимира Святославича, вошел в историю как князь-строитель, князь-созидатель. При нем границы древнего Киева значительно раздвинулись, были сооружены новые земляные валы с проездными башнями-воротами, выросли новые строения. Как говорит Нестор, «заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота, заложил и церковь святой Софии, митрополию, а затем церковь на золотых воротах – святой Богоматери Благовещения, затем монастырь Св. Георгия и Св. Ирины»...[7]

Оценивая деяния отца и сына, первый русский летописец сравнивает труд Владимира Великого с трудом пахаря, который землю вспахал и умягчил, то есть крещением просветил, а труды сына, Ярослава Мудрого, – с трудом сеятеля, ибо он «насея книжными словесы сердца верных людей».

При Ярославе начала «вера хрестьяньска плодитися и расширяти», увеличилось число черноризцев-монахов, появились русские монастыри.

Величественное зрелище представлял собой Киев в результате Ярославова строительства. Входивший в город через Золотые ворота вступал на главную улицу, по сторонам которой стояли христианские монастыри Св. Ирины и Св. Георгия. За ними возвышались златоверхие купола Софийского собора, сверкавшие в солнечном свете, а за каменной аркой ворот Владимирова города виднелся верх Десятинной церкви.[8] Недаром митрополит Иларион в своей проповеди, известной нам как «Слово о законе и благодати», говорил про Ярослава, что тот «град... Киев величьствомъ яко венцем обложил».[9] Обращаясь там же к великому князю Владимиру, митрополит восклицал с пафосом: «Встани... Вижд же и град величьством сияющь, вижд церкви цветущи,... вижд град иконами святыих освещаем,... и хвалами и божественами пении святыми оглашаемъ».

Главный собор Киевской Руси – Св. София, к сожалению, дошел до нас в искаженном виде. Пожары, разрушения, переделки, ремонты – все это до неузнаваемости изменило первоначальный облик храма, созданного по подобию Св. Софии Константинопольской.

Культурные связи с Византией имели, несомненно, огромное влияние на Киевскую Русь. «Однако связи эти, – как говорил известный искусствовед В.Н. Лазарев, – никогда не носили характера слепого подчинения русских грекам. В этом процессе моменты сближения чередовались с моментами резких расхождений, причем заимствования не производились вслепую, механически, а неизменно переосмысливались и приспосабливались к запросам русской действительности».[10]

Это относится прежде всего к строительству христианских храмов. Из Византии пришли на Русь основные принципы культового зодчества – так называемый крестово-купольный храм, в основе которого – квадрат, разделенный четырьмя столбами на девять ячеек. Уже из самого определения видно, что в основе таких сооружений лежит как бы крест и главное внутреннее пространство образуется на пересечении двух мысленных перекладин этого креста. Причем внутреннее пространство покрыто высоким куполом, снаружи образующим церковную главу, увенчанную крестом.

Подкупольное пространство – это центр храма, место для служб и молитв. С востока к нему примыкает алтарная часть, на западе находится вход. В северных и южных крыльях чаще всего расположены церковные приделы – самостоятельные небольшие церковки, посвященные различным праздникам или святым. Зачастую в приделах были свои входы.

Ко всем входам в храм, а иногда только к западному, пристраивали паперти – своеобразные сени, где входящие могли привести себя в порядок и подготовиться для молитвы.

С наружной восточной части четырехугольник основного объема имел обычно три выступающих полукружия (абсиды) для алтаря и примыкающих к нему жертвенника и ризницы. Стены с узкими продолговатыми окнами разбивались фальшивыми арками. Иногда они были сплошными, сверху донизу, иногда стена разделялась как бы на два поля – верхнее и нижнее. Над арками сооружались полукруглые выступы – закомары.

Венчали храм главы, поставленные большей частью на круглые барабаны, прорезанные узкими окнами, дающими свет. Главы на русских церквах были луковичные, шлемовидные или, с XVII в., шатровые. Они завершались крестами, к нижней части которых было приделано изображение полумесяца. Существует расхожее мнение, что такой крест символизирует победу православия над мусульманством. Однако историки церкви считают, что подобные кресты с полумесяцем происходят от древних якорных крестов, употреблявшихся на Востоке.[11]

Храм весь пронизан церковной символикой. Так, купол означает как бы Главу Господню, а постамент, на котором он стоит, – апостолов. Идея молитвенного горения нашла воплощение в русских луковичных куполах, похожих на пламя свечи. Крест, завершающий купол, символизирует единение между земным и небесным, материальным и духовным.

Многоглавие церковных сооружений тоже по-своему объяснялось богословами: так, пятиглавие знаменует собой Господа и четырех евангелистов; семь глав означают семь даров святого Духа; девять – указывают на девять чинов сил небесных; а тридцать три главы символизируют тридцать три года земной жизни Христа.[12]

Лежащий в основе православного крестово-купольного храма крест указывает на страны света и символически объединяет их при пересечении, которое является центром храма, подкупольным пространством, где купола и своды означают небеса.

Любое церковное здание состоит из трех частей: алтарное пространство, где помещаются престол и «горнее место» для епископа, непосредственно храм – место для молящихся, и притвор, преддверие храма.

Пилоны, то есть столбы, опора здания, символизируют святых и подвижников, на чьих плечах покоится величие Церкви.

Пространство храма делится колоннами на три продольные части – нефа.

Трехнефное деление храма напоминает о трех ипостасях Бога: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой.

Расположение алтаря обязательно на востоке тоже имеет свое объяснение: по христианским представлениям именно на востоке находился центр земли – Иерусалим с горой Голгофой, на которой распяли Христа.

Фасады храмов были не такими, какими мы теперь видим большинство древних сооружений: они не штукатурились. Кладка из кирпича и камня, соединенная раствором извести с примесью толченого кирпича создавала общий розово-коричневый цвет строений.

Стены завершались полуциркульными закомарами.

Часто у северо-западного угла пристраивалась башня, где находилась лестница, ведущая на хоры – помещение второго этажа, предназначенное для князя и его семейства. Во время службы, как, впрочем, и в обычной жизни власть находилась над народом.

В Киевском Софийском соборе хоры были большие и светлые: они освещались через окна западного купола. Восточный купол освещал помещение алтаря. С хор хорошо было видно пышное, торжественное богослужение.

Основной массив храма окружала одноэтажная открытая галерея. Первоначально к ней примыкала северо-западная круглая башня с лестницей на хоры. Затем над галереей надстроили второй этаж, и на западе построили вторую башню.

Огромный двадцатиоконный купол заливал светом центральное подкупольное пространство. Группы из двенадцати малых куполов – по четыре с западной и по два с восточной угловых сторон храма – создавали впечатление пирамидальности, устремленности ввысь.

Русские православные храмы отличаются многоглавием. Так, сооруженная в конце X в. деревянная церковь Софии в Новгороде была, как говорится в летописи, «о тринадцати верхах», то есть вокруг высокой центральной башни группировались двенадцать меньших с куполами соответственно меньшего размера. Вообще деревянных храмов на Руси было множество, недаром один иностранный путешественник, некий Титмар Мерзенбургский, попав в Киев в начале XI в., написал, что в городе было более четырехсот церквей.[13]

Так что с уверенностью можно сказать, что русские мастера ко времени сооружения каменных христианских храмов имели свои художественные традиции, своих умельцев-строителей. Византийская архитектурная школа пришла не на пустое место, на

Руси была уже своя развитая культура. Именно это позволило «не только быстро воспринять высокую и сложную традицию строительного искусства греков, но и творчески ее переработать и переосмыслить».[14]

Заказывая строителям Софийский собор – главный храм своей могущественной державы – Ярослав Мудрый хотел, чтобы он напоминал одноименный собор в Константинополе, и, вероятно, желал, чтобы Киевский храм в чем-то превзошел своего греческого предшественника. Мастера постарались. На берегу Днепра вырос могучий пятинефный храм сложной пирамидальной композиции с огромными просторными хорами, расположенными по второму этажу с севера, запада и юга, богато украшенный внутри мозаикой, мрамором, другими благородными камнями, майоликой, инкрустациями.

И не случайно митрополит Иларион, восхваляя деяния Ярослава Мудрого, сказал, что этот великий князь «дом Божий великий святый създа на святость и освящение граду твоему»... И далее, описывая этот храм, подчеркивал, что Ярослав «с всякою красотою, украси златом и сребром и камением драгымь, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна всем окружным странам, якоже ина не обрящеся в всемь полунощи земнем, от встока до запада»...

Почему Ярослав Мудрый дал главному киевскому храму имя Софии? Что это значит?

Согласно учению византийских богословов, София – это «Премудрость Божия». Христианское учение переняло данный термин из позднеантичной философии. В одной из библейских книг, «Премудрость Соломона», написанной за два века до Рождества Христова, так прославляется «София»: «Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя... Она есть отблеск вечного света... Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд; Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью; в сравнении со светом она выше, ибо свет сменяется ночью, а премудрости не превозмогает злоба...» («Премудрость Соломона», 7).

Христианские богословы под «Премудростью Божией» подразумевают второе лицо святой Троицы – Иисуса Христа, которого апостол Павел в своем «Первом послании к Коринфянам» (1, 21, 24) называл «Божьей премудростью». На Руси в XI веке понятие «София» воспринималось как символ мудрости христианского учения, как приобщение к новой вере, как ее победа над язы-

ческими божествами. Софийские соборы, а в XI веке они были возведены не только в Киеве, но и в Новгороде, и в Полоцке, стали очагами пропаганды христианства, которое было добровольно принято Киевской Русью. Ибо Владимир, по словам митрополита Илариона, пришел к Христу «только от благааго помысла и остроумия». Святая София призвана была хранить «славный град» Киев от всех врагов, она покровительствовала киевским князьям, ибо его властители «не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля».[15]

Величественный каменный собор Св. Софии в Новгороде начал строиться всего через несколько лет после возведения Софии Киевской. Он вырос на берегу Волхова, на высокой левой стороне, в кремле, который на севере называли детинцем. Здесь и прежде стояла Софийская церковь. Дубовая, «о тринадцати верхах», она была возведена еще в 989 г. первым новгородским епископом Иоакимом после крещения новгородцев, но к середине XI в. обветшала. Не пощадил храм и огонь пожара – настоящего бедствия Древней Руси. Честолюбивые и богатые жители решили отстроить каменный собор. Сооруженный по образцу Софии Киевской, новгородский храм был окончен в 1050 г. Он утверждал в северных землях незыблемость христианской веры и величие новых богов Руси.[16]

Огромный по размерам, монументальный и основательный, новгородский Софийский собор построен как бы на одном дыхании. Особенно ценно то, что он дошел до нашего времени практически в том виде, в каком и был создан сыном Ярослава Мудрого, Владимиром Мономахом.

Как и Киевские памятники XI в., София Новгородская первоначально не была оштукатурена. Стены клались из огромных неотесанных камней в форме неправильных овалов и кругов, связанных розоватым от примеси битого кирпича раствором. Это необычное сочетание бело-серых валунов и розоватой извести давало ощущение богатырской мощи, крепости, незыблемости строений.

Схожесть с богатырем-воином усиливалась еще и оттого, что София Новгородская – проще, лаконичнее по архитектурному языку, чем София Киевская. Вместо тридцати глав киевского храма здесь только пять, да и разделка фасадов строже. Покрытие было серым, свинцовым, и только в XV в. средний большой купол был оббит позлащенной медью.

Софийский собор в Новгороде. XI в. *Вид с южной стороны.*

Внутреннее пространство собора делилось рядами столбов на пять продольных помещений – нефов, а снаружи храм с трех сторон окружала открытая галерея. Только восточная сторона Софии, обращенная к Волхову, не была загорожена галереей, и полукружия абсид с первого взгляда давали понять, где в храме находится алтарная часть. Потом южная галерея была заложена и превратилась в закрытую паперть – место захоронения знатных лиц.

Внутреннее пространство, как и было принято в Древней Руси, разделено на две части: нижнее, полутемное, – для простого народа, для всех горожан; верхнее, светлое, роскошно убранное, – для князя, его семьи и ближайших бояр. Внутреннее убранство Софии Новгородской было строже и проще, чем в Софии Киевской. Здесь отсутствовали мрамор, шифер; мозаики применялись в небольшом количестве: в главной, средней, абсиде над каменными ступенями «Горнего места» сохранились плиты с ор-

наментом из мозаики. Так что суровость, сдержанность храма распространялась и на его интерьер.

В XII в. Св. София перестала быть княжеским храмом и превратилась в главный храм новгородской вечевой республики. Жители Новгорода отождествляли Св. Софию с городом, считали ее символом своей родной земли и говорили: «Где Св. София, там Новгород».

Раскопки, проводимые в соборе, показали, что первоначально пол храма был ниже на полтора-два метра. Следовательно, и сам собор как бы врос в землю на эти полтора метра. Можно себе представить, насколько величественнее, устремленнее ввысь стал бы храм, если бы удалось убрать эти вековые наслоения грунта.

Вообще собор более полувека стоял нерасписанным, и только в 1108 г., по сообщению летописи, «почаша пьсати святую Софию». Однако от древней фресковой росписи в соборе сохранились лишь отдельные фрагменты.[17]

Как известно, в главных соборах городов часто хранилась и городская казна. Для этого были сделаны специальные тайники, о которых знали лишь немногие. Так что в случае нападения врагов, боящихся рушить храмы из страха перед гневом Божиим, казну удавалось сохранить. Однако не всегда. Об одном таком эпизоде, относящемся к Софии Новгородской, существует предание, рассказывающее о походе царя Ивана IV в Новгород.

Это было, вероятно, в 1547 г. Великий Новгород, трепеща, встречал московского царя, тогда еще совсем юного: Иоанну Васильевичу было всего семнадцать лет. Как удалось царю вызнать про то, что в Св. Софии скрыта в тайнике большая казна? От кого услышал он, что казна та хранится со времен князя Владимира? Ничего не говорит об этом летописец, лишь рассказывает, как приехал Иоанн ночью в собор, и начал пытать «про казну» софийского ключаря и пономаря. Долго мучил их царь, но ничего не добился: то ли крепкие попались люди, то ли сами ничего не знали о древней казне. Тогда пошел великий князь на всход (то есть на лестницу), откуда с древности восходили князья на церковные хоры. И тут «на самом всходе, на правой стороне, повеле стену ломати, и просыпися велие сокровище, древние слитки и гривны и в полтину и в рубль»...[18]

Довольный Иоанн повелел ссыпать богатство в возы и отослал их в Москву, снабдив, надо думать, немалой охраной.

В XII в. стараниями князя Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого, на северной окраине Киевской Руси возвысилось древнее Ростово-Суздальское княжество. Растет и крепнет моло-

дой город Владимир, заложенный Владимиром Мономахом в 1108 г. в живописной местности, на высоком левом берегу полноводной тогда реки Клязьмы, что через Оку выводила торговых людей на главную судоходную дорогу – реку Волгу. Именно этому городу на время, до возвышения Москвы, суждено было стать стольным градом Северо-Восточных земель, именно здесь во второй половине XII в. вырос большой каменный Успенский собор, что на несколько столетий стал главным храмом Владимиро-Суздальской Руси. Здесь в конце XIII – начале XIV вв. пребывал митрополит всея Руси. Здесь происходило венчание на великое княжество, здесь хранилась главнейшая святыня Руси – икона Богоматери, которую по имени города именовали Владимирской.[19]

Когда Юрий Долгорукий в 1155 г. захватил Киев и стал великим князем, он захотел, чтобы его сын Андрей находился рядом, и выделил ему Вышгород в одиннадцати верстах от стольного града. Однако Андрей рвался в свои родные суздальские места и однажды тайком от отца ушел из Киева, забрав с собой в качестве покровительницы икону Богоматери из Вышгородского женского монастыря.

Святыня уже славилась своими чудесами: сама сходила с места и парила в воздухе посреди церкви. Так что когда Андрей пришел к священнослужителям и захотел выбрать себе икону-путеводительницу, ему указали именно на эту, ибо она еще и превосходила все другие художеством письма.

Икона была привезена на Русь из Византии в первой четверти XII в., но предание говорило о том, что она писана самим евангелистом Лукой еще при жизни Богоматери.

Поэтичное «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» повествует о путешествии Андрея из Киева во Владимир, о неоднократном обращении самого князя и его спутников за помощью к иконе Пресвятой Девы Марии и о покровительстве Богородицы суздальскому правителю.

Икона Богоматери принимала участие и в политическом соперничестве между Ростовом и Владимиром. В «Сказании...»повествуется: когда Андрей задумал перевезти икону в Ростов, кони стали, не желая идти дальше. Переменили коней, но и эти не хотели двигаться. Князь молился Богоматери и получил от нее повеление оставить икону во Владимире. То место, где остановились кони (одиннадцать километров от города), с тех пор называется Боголюбово, а сам князь получил прозвание Боголюбского, ибо его возлюбил Бог и Богородица. Князь построил на том месте две каменные церкви и в одну из них поместил икону Богоматери.

После смерти отца Андрей Боголюбский стал великим князем. И то, что перенесение великого княжества из России южной в Россию северную шло как бы под покровительством Богоматери, чей образ находился с Андреем, выделило эту икону из числа других даров византийской православной церкви, окружило ее ореолом любви и самого князя, и его подданных.

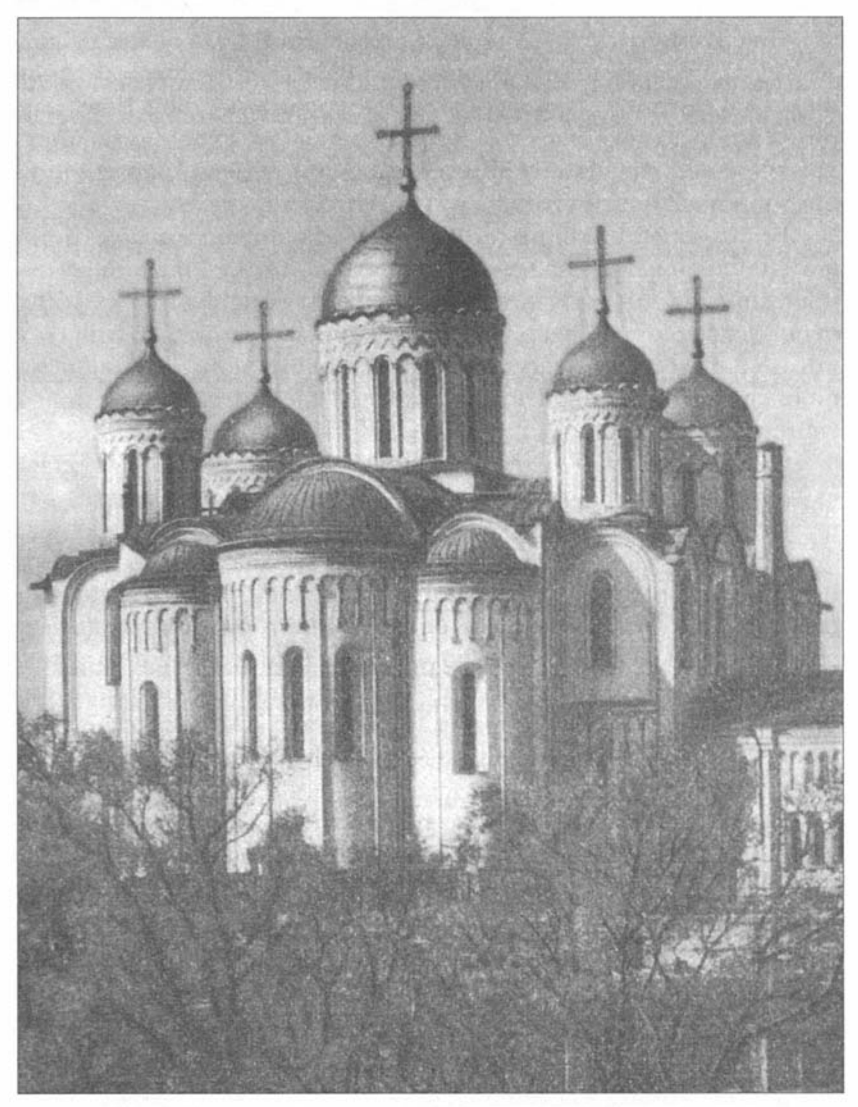
Во Владимире Андрей Боголюбский, вообще много строивший церквей и городских укреплений, заложил большой каменный собор в честь Успения Божьей Матери. Когда в 1160 г. строительство его было закончено, князь «украси ю дивно» и поставил здесь чудотворную икону Богоматери, «вкова в ню боле триидесят гривен золота, кроме серебра и каменья драгого и женчюга».[20]

Случалось ли вам, читатель, смотреть на владимирский Успенский собор с юга, из-за Клязьмы, с ее низкого берега, откуда лучше всего лицезреть это рукотворное чудо, стоящее на краю горы, будто парящее в воздухе? Представьте себе раннее утро, поднимающийся кверху туман от реки, и белокаменный храм на фоне нежного чистого неба, и уже блистающие в лучах восходящего солнца кресты в небесной вышине... Поистине осененными свыше были те неизвестные нам строители, что сумели именно на этом месте возвести собор, так гармонично слившийся не только с окружающей природой, но и как бы являющийся частью мироздания.

Владимирский собор не всегда был таким, каким мы его видим сейчас. Тот, первый, храм Андрея Боголюбского, меньший по размерам, сильно пострадал от пожара, случившегося в 1185 г. Восстановить его в прежнем великолепии было трудно, поэтому мастера Всеволода III в 1185 – 1189 гг. окружили его новыми стенами, соорудили как бы футляр для прежнего храма, расширив его, затем старый собор прорезали большими и малыми проемами, так что он превратился в центральную часть обновленного сооружения.

Владимирский Успенский собор – один из самых памятных храмов Древней Руси и одно из самых замечательных сооружений древнерусской архитектуры. Три века хранилась в нем главная святыня Руси – Владимирская икона Богоматери, пока с возвышением Москвы она не была перенесена в стольный град и не утвердилась на Кремлевском холме в главном храме России – Московском Успенском Соборе.

С Владимирским храмом связано имя всемирно известного русского иконописца Андрея Рублева, который в 1408 г. расписывал

Успенский собор во Владимире. XII в.

стены собора и писал иконы для иконостаса. В XVIII в., во время реставрации собора в 1773 –1774 гг., рублевский иконостас как устаревший был вынесен из храма и продан в село Васильевское Владимирской губернии. Только в 1922 г. иконостас был спасен. Его вывезли из деревенской церкви, отдали на реставрацию, и теперь сохранившиеся образы из этого иконостаса находятся в Третьяковской галерее Москвы и Русском музее Санкт-

Петербурга. Пышный, богато украшенный позолоченной резьбой иконостас, что находится сейчас в соборе, – работа мастеров XVIII в., выполненная в присущем тому времени стиле барокко.[21]

Много испытаний выпало на долю красавцу-храму.

В страшном 1237 г. татарский хан Батый во главе огромного войска двинулся на Русь, взял Рязань, Суздаль и стал готовиться к штурму Владимира. В Успенском соборе перед иконой Богоматери плакали и молились граждане. Когда стало ясно, что завоеватели скоро будут во граде, в храме Успения затворились супруга великого князя, его родственники, множество бояр и народа. Во время приступа враги подожгли церковь. Великокняжеское семейство погибло в огне и дыму, князья Всеволод и Мстислав нашли свою смерть в бою, и множество народа погибло от рук завоевателей.

Татары же «святую Богородицю разграбиша, чудную икону одраша». Однако образ Богоматери Владимирской уцелел. «Степенная книга» пишет, что «от самого чудотворного образа Богоматери всю драгую кузнь нечестивии обломаша. Божественный же образ ея удивлению достойно, как обретеся цел»...[22]

Пострадал собор и в 1410 г., когда город разоряла орда татарского царевича Талыча, и в 1536 г., когда случился большой пожар. К XVIII в. храм обветшал, стены и арки имели многочисленные трещины. Ремонт внес значительные изменения в архитектурный облик собора, и только в конце XIX в. древнему храму вернули его первоначальный вид, хотя облицовка была произведена новым камнем и с запада сделан новый притвор.[23] И сейчас Успенский собор господствует над Владимиром и примыкающими к нему землями. Золото его куполов видно издалека, и часто храм этот сравнивают с исполинским богатырем в золоченом шлеме, стоящим на страже города.

Почему главный соборный храм Владимиро-Суздальской Руси был поименован Успенским и освящен в честь Успения Богоматери, события, казалось бы, совсем не праздничного, овеянного изрядной долей скорби и уныния? Скорее всего, потому, что возведение храма закончилось как раз к этому большому церковному празднику, к 15 августа. Вместе с тем в посвящении храма Богородице просматривается и то особое почитание пресвятой Девы Марии, которое к середине XII в. уже складывалось на Руси. Этому способствовала и углубленная религиозность самого Андрея Боголюбского, и его преклонение перед иконой Богоматери, при-

везенной из Византии и овеянной славой евангелиста Луки, и чудеса от этой иконы, запавшие в душу князя-христианина.

Но еще, видимо, большое значение имели предания, связанные с самым почитаемым Успенским храмом Киевской Руси – Большим Успенским собором Киево-Печерской лавры.[24]

Апокрифические* предания об Успении Божьей Матери были хорошо известны на Руси. Согласно им Пресвятая Дева узнала о времени своей кончины от архангела Гавриила, который за три дня возвестил ей о времени ее отшествия из здешнего мира. Ко дню Успения все апостолы, кроме Фомы, слетелись к ложу Богоматери на облаках. После преставления не только душа, но и тело Богородицы было принято на небеса. Свидетелем вознесения Девы Марии был запоздавший апостол Фома, которому Богоматерь сбросила свой пояс в доказательство восшествия к Сыну.

На иконах, посвященных этому празднику, Богородица лежит на смертном одре в окружении апостолов, которые собрались со всех концов земли попрощаться с Божьей Матерью.

В центре, за ложем, стоит Иисус Христос, держащий на руках спеленутого младенца – душу Богоматери. В богословской литературе символический язык иконописи объясняется так: как пресвятая Дева Мария дала человеческое естество Сыну Божию, чтобы он родился на земле, так и Сын Божий, ставший ее сыном, дарует ей свое Божество, чтобы она пребывала на небе. Поэтому кончину Богоматери окружает не печаль, а радость. Смерть ее – это как бы короткий сон, за которым следуют воскрешение и вознесение.

Церковь изначально видела в Богоматери великую молитвенницу за человеческий род перед Богом. Ее называют «Заступницей усердной», «Нерушимой стеной», «Всех скорбящих радостью», «Целительницей», «Споручицей грешных». С давних времен Богородица – прибежище всех матерей мира, надежда и заступление христиан.

Иоанн Дамаскин, греческий богослов VIII в., в одном из своих сочинений, посвященных Успению Богородицы, рассказывает: некая Пульхерия, причисленная затем к лику святых, построила много церквей в Константинополе, и был среди них храм в честь Богородицы в местечке, называвшемся Влахерны. Туда она перенесла и гроб Богоматери с оставшимися в нем одеждами. Вокруг храма возник монастырь, который приобрел большую популярность благодаря ризам Богоматери, хранившимся там. Эта

* Апокрифы – произведения раннехристианской литературы о священных лицах и событиях, не признанные церковью каноническими. Некоторые апокрифы, особенно о жизни Богородицы, широко использовались в средневековой литературе и живописи.

обитель, как отмечает академик Д.С. Лихачев, имела огромное значение для развития религиозного сознания русских и установления на Руси культа Богоматери.

Вероятно, в становлении этого культа большую роль играло и событие, которое случилось в 866 г. у стен Константинополя. «Повесть временных лет» рассказывает, что тогда киевские князья Аскольд и Дир со своей дружиной, придя в Византию, «в двою сот корабль Царьград оступиша», то есть осадили Константинополь с двумястами кораблями.[25] Город был на краю гибели. Но спасло его чудо. Византийский император вместе с патриархом всю ночь молились во Влахернском храме, а затем с крестным ходом вынесли ризу Богоматери, в которой ее хоронили, и омочили в море. Бывшая перед тем тишина была нарушена, разразилась сильная буря и разбила корабли русских.

Видимо, памятно было русским воинам-язычникам поражение от царьградцев-христиан, уже тогда ощутили русские люди неведомую и мощную силу, что охраняла последователей христианской веры; их победа была победой правоверных над неверными.

С принятием христианства Богоматерь стала считаться защитницей русского воинства, а в честь пресвятой Девы Марии был учрежден особый праздник – Покров, который до XIX в. знала только Русь.

Строительство Успенских соборов на Руси связано с храмом в честь Богоматери во Влахернском монастыре Константинополя. Именно от него идут связи к Большой Успенской церкви в Киево-Печерском монастыре, а уже от главного собора первого и наиболее знаменитого монастыря Киевской Руси – к Успенским соборам Владимира и Москвы. Великая Печерская церковь Успения Божьей Матери была заложена при жизни преподобных Антония и Феодосия в 1073 г., но ни тот, ни другой не дожили до завершения ее строительства.[26] Однако предания тесно связывают возведение величественного каменного храма с именами основателей Лавры и с киевским князем Святославом, сыном Ярослава Мудрого, который отвел для него место на своем поле, неподалеку от великокняжеского загородного дворца в Берестове, пожертвовал сто гривен золота и сам начал копать ров.

Сооружение Великой церкви сопровождалось многими чудесами и знаменательными явлениями, изложенными в «Киево-Печерском патерике» и Несторовом «Житии Феодосия».[27]

Началось все с того самого времени, как трое Ярославичей пришли к преподобному Антонию, основателю пещерного монастыря, перед битвой с половцами, напавшими на Русскую землю,

и услышали от старца горестное предсказание о своем поражении. Сын же варяжского князя Шимон, бывший с ними, получил от преподобного предостережение и утешение:

– О чадо! Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут.

Шимон действительно чудесным образом избежал гибели, хотя и лежал уже среди мертвецов на поле брани, а когда вернулся назад, пришел снова к блаженному Антонию и поведал ему, что привез на Русь из своей варяжской земли золотой пояс и золотой венец, которые были на одном из изображений Иисуса Христа.

Поведал он и о том, что в видении своем сподобился узреть пречудную церковь в небесах и слышал глас, что величина церкви будет измерена его золотым поясом, и были названы точные меры – и ширина, и длина, и высота стен, и общая высота. Отдал Шимон этот золотой пояс и золотой венец преподобному Антонию и сказал: «Вот мера и основа будущей церкви, а венец пусть будет повешен над святым жертвенником».

Существует и еще одно предание, свидетельствующее, по мнению летописцев, о богоизбранности Печерской Богородичной церкви, которую узрел в своем видении Шимон, названный Антонием Симоном. Пришли в Киев мастера-строители из славного византийского города Царьграда, стали спрашивать, где будет та великая церковь, за которую уже вручено им столько золота самими Антонием и Феодосием Печерскими. Удивились преподобные, ведь они не бывали в Царьграде, не давали мастерам денег, а пребывали все время в своей обители.

И рассказали мастера чудесную историю о том, как явились к ним ангелы, как звали их к Царице Небесной – Богородице во Влахерны, как сказала та: «Хочу церковь себе построить на Руси, в Киеве», дала им золота и послала к Антонию и Феодосию Печерским. Еще дала Богоматерь мощи святых мучеников, чтобы положить их в основании новой церкви, и показала мастерам чудный храм в воздухе, а также повелела поставить в церкви икону Успения, сказав, что она будет наместной.*

Клялись греческие мастера, что получили золото из рук самих преподобных, затем проводили гостей до корабля и сами через месяц отправились в путь, в Киев. Говорили они также, что спрашивали Царицу Небесную о величине церкви, и та ответила, что послала уже меру – пояс сына своего, Иисуса Христа.

* То есть соответствующей главному празднику, в честь которого освящен данный храм.

Место же, на котором должна стоять церковь, тоже определили по чудесному знаку.

После молитв преподобного Антония вышли утром на поле перед монастырем, подаренное князем Святославом для строительства церкви, и увидели, что кругом лежит сильная роса. И лишь в том месте, где надлежало стоять храму, было сухо.

Золотым поясом Шимона, как и указывалось в видении варяга, это место было размерено, а потом Антоний, воздев руки, попросил Господа отметить то место огнем. «И тотчас пал огонь с неба и пожег все деревья и терновник, росу полизал и долину выжег, рву подобную. И все бывшие со святыми от страха упали, как мертвые». Так было положено основание Великой Печерской церкви.

Большой каменный храм был вчерне закончен к 1077 г., уже после смерти его основателей, но к отделке его приступили лишь в 1083 г. С росписью и украшением церкви связано еще одно предание, записанное в Киево-Печерском патерике. К тогдашнему игумену обители пришли византийские иконописцы и сказали, что они подрядились расписывать небольшую церковь, Печерская же слишком велика. Когда же настоятель спросил, кто рядился с ними, они назвали имена Антония и Феодосия и описали их облик. Поразились греки, узнав, что святые уже десять лет как умерли, попросили показать изображения старцев. Тогда игумен вынес к ним иконы преподобных. Узнали мастера святых, которые были «живы и по смерти», просили прощения у преподобных старцев и у самой Царицы Небесной.

Рассказали они, как хотели плыть домой, в Византию, но поднялась страшная буря на реке, и ладья сама шла против течения, как будто ее влекла какая-то сила. Повинуясь воле и силе Божией, остались они в Киеве, расписали стены церкви фресками, алтарь же украсили мозаикой, которую привезли с собой.

Освящение великой церкви свершилось 14 августа 1089 г., на нем присутствовали многие епископы, никем не званные, но чудесным образом узнавшие о предстоящем торжестве.

Церковь во имя Успения Божьей Матери, главный храм Киево-Печерской лавры, на протяжении столетий неоднократно подвергалась разрушениям, снова восстанавливалась и переделывалась. После опустошительных нашествий татаро-монгольских орд, после великого пожара 1718 г. древние фрески его были утрачены, не осталось и следов мозаичного украшения алтаря, да и сами очертания церкви изменились: появилось шесть новых приделов, которые затем были надстроены и объедине-

ны под одной общей крышей, а фасады украшены в стиле барокко. Уже в XVIII в. Великая Печерская церковь была совершенно непохожа на древнерусский храм XI – XII – XIII вв., который почти целиком сохранился под пышным барочным одеянием здания.

В конце XIX – начале XX вв. храм снова реставрировался, причем роспись была выполнена художником В.П. Верещагиным.

В это время в церкви находилась чудотворная икона Успения Божьей Матери, привезенная греческими художниками из Константинополя и помещенная над Царскими вратами. С правой стороны от главного иконостаса в стенной нише помещалась глава Св. равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси. Она была взята из каменной гробницы, обнаруженной в развалинах Десятинной церкви, заключена в серебряную гробницу и помещена в Успенской церкви знаменитым митрополитом Петром Могилой в 1695 г. У той же стены, с западного ее конца, находилась и гробница преподобного Феодосия.

К сожалению, Великая церковь Киево-Печерской лавры не сохранилась, она была взорвана немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г.[28]

Однако этот соборный храм, созданный как бы по слову самой Богородицы, определившей и его внешний вид, и пропорции, и размер, стал образцом, на который оглядывались последующие строители. Вслед за ним стараниями Владимира Мономаха были построены Успенские соборы в Суздале и Смоленске, причем практически в одно время, в 1101–1102 гг., затем – во Владимире, и потом уже храмы в честь Успения Божьей Матери широко распространились по Руси. Так что не случайно итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, приглашенный в Москву для возведения большого каменного собора в Кремле, прежде всего поехал во Владимир, чтобы посмотреть на Успенский собор, возвышающийся на холме над рекой Клязьмой.

В 1472 г. в Московском Кремле, недалеко от княжьего дворца, где жил великий князь Василий III, был заложен новый Успенский собор.[29] Строили его русские каменщики во главе с мастерами Кривцовым и Мышкиным. Была еще ранняя весна, земля, вероятно, не просохла или даже не совсем оттаяла, но работники «начаша же рвы копати, месяца апреля; ископавши же рвы и прежде древом подошву набиша, также на каменіем рвы оны наплънниша»... Похоже, строители торопились, потому что освящение строящегося храма состоялось «того же ме-

Успенский собор Московского Кремля. XV в.

сяца в 30 день», когда «преосвященный митрополит Филипп, со всем освященным събором, облекшися в священныа в одежа и вземше честный крест и святыя иконы, и поидоша на основание церкви».

Однако строительство не удалось закончить. Накануне завершения работ собор рухнул: за годы татарского ига разучились русские мастера строить, маловато было у них практики, а значит – умения.

Пригласили псковичей, больших умельцев по каменному делу. Те покачали головами: жидко сделали раствор, «не клеевито». Кроме того, было в то время в Москве землетрясение, во время которого «храми вси потресошася, яко и земли поколебатися». Предложили им самим поучаствовать в строительстве, но псковичи отказались: своей работы много.

Пришлось искать мастеров за границей. 26 марта 1475 г. посольство Семена Толбузина привезло в Москву известного в Италии мастера, «кои ставит церкви и палаты», по имени Аристотель Фиораванти.

Его, так же, как и первых мастеров-строителей, послали смотреть владимирский Успенский собор, который надлежало принять за образец. Аристотель съездил, посмотрел, подивился, не поверил, что храм выстроен русскими мастерами, а не его соотечественниками. Затем разобрали рухнувшие стены и приступили к возведению нового собора, который Фиораванти строил «по своей хитрости, а не яко же московские мастера».

Этапы возведения главного храма Руси подробно зафиксированы в летописях. Было отмечено, что при строительстве Фиораванти употреблял белые тесаные камни в кладке стен и кирпич для столпов, сводов и барабанов глав. От этого верхние части становились легче и не так сильно давили на нижние, укрепленные за счет больших каменных блоков. Кирпич применялся особый, большеразмерный и повышенной прочности. Он изготавливался специально для Фиораванти на заводе в Калитникове.

Раствор тоже был особый, «как тесто густое», он намертво схватывал тесаные блоки и кирпичи: «яко наутрие засохнет, то ножом не мощи разколупати».

Торжественное освящение нового Успенского собора состоялось 12 августа 1479 г. Пятиглавый белокаменный храм, построенный по образцу Владимирского, поражал ясностью и четкостью пропорций, мощностью и устремленностью ввысь, строгим и в меру необходимым архитектурным украшением. От этого всемирно известного теперь памятника архитектуры веет величавым

спокойствием, недаром один летописец отмечал: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством, и высотою, и светлостью, и звоностию и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опричь Владимирскиа церкви».

Успенский собор, так хорошо знакомый всем нам, был не первым храмом в честь Успения Богоматери на вершине Боровицкого холма. Еще за сто пятьдесят лет до освящения нынешнего собора в Кремле был построен первый Успенский храм. Святитель Петр, перенесший митрополию из Владимира в Москву, дал совет московскому князю Ивану Калите построить рядом с княжескими палатами в Кремле каменный храм. «Если ты меня послушаешь, – говорил святитель, – то и сам прославишься более иных князей с родом твоим, и град твой будет славен между всеми городами русскими, и святители поживут в нем, и кости мои здесь положены будут».[30]

Предсказатель будущего величия Москвы, а затем ее святой покровитель митрополит Петр не дожил до окончания строительства храма, заложенного в 1326 г. В том же году митрополит преставился, и гроб его, устроенный им самим около жертвенника новой церкви, стал святым местом Москвы. Вскоре после смерти митрополит Петр был канонизирован, то есть причислен к лику святых, и с того времени почитается как «заступник и утверждение земли русской и граду нашему Москве хранитель необоримый».

Первый, небольшой одноглавый Успенский собор простоял полтора столетия. Он обветшал от времени и, кроме того, был сильно поврежден пожаром 1470 г. С ростом могущества московского княжества, с превращением Москвы в стольный град объединенного государства, храм, построенный при Иване Калите, уже не мог выполнять роль главного храма Руси. Им стал Успенский собор, возведенный при великом князе Иване III, объединившем исконно русские земли вокруг единого центра – Москвы. И как новая столица переняла от Киева и Владимира пальму первенства среди всех городов русских, так и Успенский собор Московского Кремля вслед за Владимирским собором стал главным храмом русских земель.

Именно поэтому сюда была перенесена главная святыня Руси – Владимирская икона Богоматери, которая с конца XV в. заняла почетное место у Царских врат московского Успенского собора.

В начале XX в. в каждом городе и каждом монастыре был свой собор – главный храм, где совершало богослужение высшее духо-

Софийский собор в Вологде. 1568 – 1570 гг.

венство. Строительство новых соборов и их освящение шло с оглядкой на Москву, на ее Успенский собор, и потому, как бы доказывая свою преданность и подчиненность Москве, главные храмы многих городов стали именоваться Успенскими.

Интересна история возведения собора в одном из небольших северных городов – Вологде.[31] Этот город торговцев и ремесленников, стоящий на пути к Белому морю, царь Иван IV Грозный захотел превратить в крупную крепость и в 1565 г. приказал строить здесь кремль и собор. На протяжении семи лет Иван Васильевич неоднократно бывал в Вологде и подолгу жил

в этом северном городе, самолично наблюдая за строительством крепости и собора.

Вологодский храм по своему архитектурному облику напоминает московский Успенский собор: царь хотел в своей северной резиденции иметь подобие столичной святыни. Да и именовался собор первоначально Успенским, что подчеркивало связь с Москвой. Однако в 1571 г. строительство крепости внезапно прервалось – царь неожиданно отбыл в столицу, и этот спешный отъезд нашел свое объяснение в народных песнях и сказаниях. Одна из старин так повествует об этом замысле Ивана Грозного.

Посреди града он церковь склал,
Церковь лепую соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ее честного Успения;
Образец он взял с московского
Со собору со Успенского...
А как стали после свод сводить
Туда царь сам не коснел ходить,
Надзирал он над наемники,
Чтобы Божий крепче клали храм,
Не жалели б плинфы красные
И той извести горючия.
Когда царь о том кручинился,
В храме новом похаживал,
Как из своду туповатова
Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую...
Как наш грозный царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося,
Выходил из храма новова,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
Насон – город проклинаючи...

Вологда именуется в песне Насоном, видимо, потому, что закладка кремля проходила в присутствии самого царя в день святых Иасона и Сосипатра 28 апреля.* Собор же, возведенный в 1567–1570 гг., освящен был только в 1588 г., уже после смерти Ивана IV. Причем освящен во имя Св. Софии: так вологодское духовенство стремилось подчеркнуть свою самостоятельность по отношению к Новгороду.

* Здесь и далее – по старому стилю.

На протяжении многих веков православные храмы были местом, где не только совершались молитвы, но и где наиболее полно выражал себя талант русского народа. Храм стал местом, где органически соединялись различные виды искусства: архитектура и живопись, художественное слово и музыка. Влияние церквей на духовную жизнь прихожан было огромным, ни с чем не сравнимым. Храм был как бы уменьшенной копией вселенной, символом взаимосвязи неба и земли. Здесь человек приобщался к космическому мышлению, здесь постигал нравственные критерии человеческого общежития, здесь знакомился с высоким профессиональным искусством живописи, музыки. Именно в храме человек получал эстетическое наслаждение и возносился душой к небесам.

Философ конца XIX – начала XX вв. Е.Н.Трубецкой так сказал о православном храме: «Это гораздо больше, чем дом молитвы, – это целый мир, не тот греховный, хаотический и распавшийся на части мир, который мы наблюдаем, а мир, собранный воедино благодатью, таинственно преображенный в соборное тело Христово. Снаружи он... весь стремление ввысь, молитва, подъемлющая к крестам каменные громады и увенчанная сходящими с неба огненными языками. А внутри он – место совершения величайшего из всех таинств – того самого, которым полагается начало собору всей твари».[32]

Лучшие памятники древнерусской архитектуры – православные храмы – как бы освящают своим присутствием огромные просторы нашей Родины, они вырастают из земли, растворяясь в окружающем пространстве, являясь гимном человека во славу Творца.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Главная книга всех христиан – Библия, что в переводе с греческого значит «книги», ибо Библия представляет собой собрание религиозных книг, созданных в течение многих веков. Считается, что первые произведения этого огромного тома появились в XIII в. до н. э., а последние – во II в. н. э.[1] Поскольку формирование библейских книг продолжалось тысячелетия, в них нашли отражение различные события из жизни древних еврейских племен: их хозяйственные занятия, войны и походы, их образ жизни, различные социальные процессы, понятия об устройстве мира, и вместе с тем формирование религии и религиозных обычаев, ценностей, заповедей. На протяжении целых пятнадцати веков создавался этот выдающийся памятник, состоящий из древних исторических, литературных, идеологических частей, написанных разными авторами в разное время.

Сейчас из великого множества произведений, созданных за столь долгий период, в Библию входят только те, которые признаны, канонизированы церковью. Причем у католиков и православных их число неодинаково: у католиков Библия содержит 72 книги, у православных – 65 книг (38 книг Ветхого Завета и 27 книг Нового Завета). «Богодухновенными», каноническими книгами Библии считаются следующие: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, книги Екклезиаста, Исаии, Иеремии, четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), Откровение Иоанна Богослова и др.[2]

Ряд книг, входящих в состав Библии, церковь признает полезными, но не считает каноническими. Это вторая и третья книги Ездры, книги Товита, Иудифи, Премудрости Соломона и др.

Библия делится на две большие части: так называемые Ветхий Завет и Новый Завет. Само слово «Завет» означает завеща-

ние, наставление, совет, то есть союз Бога и человека. Ветхий Завет – это книги, написанные под знаком союза Бога с Авраамом и Моисеем, древнееврейскими праотцами. Книги Нового Завета написаны под знаком союза Бога с Иисусом Христом и рассказывают о событиях, начинающихся с 1 тысячелетия н. э., то есть с рождения Христа.

Книги Ветхого Завета можно условно разделить на три части:

1) книги сказаний; 2) книги поучений; 3) книги пророчеств.

То же самое можно сказать и о Новом Завете. Здесь к книгам сказаний относятся четыре Евангелия и Деяния апостолов, к книгам поучений – а́постольские послания, к книге пророчеств – Откровение Иоанна Богослова.

С XIII в. для удобства чтения книги в Библии делятся на главы, а главы – на стихи. Вот, например, в одном из пророчеств Ветхого Завета было сказано о Христе, что Он придет в мир младенцем: «Ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах [плечах] Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности. Князь мира» (Ис 9, 6)[3]. В скобках после каждой цитаты из Библии указывается, из какой книги взяты данные слова, номера главы и стиха. Скажем, данная цитата взята из книги пророка Исаии, глава 9, стих 6.

Или вот, например, еще одна библейская цитата, рассказывающая о рождении Иисуса Христа: «В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк 2, 8–14). Обозначения в скобках говорят, что описание взято из Евангелия от Луки, глава 2, стихи 8–14.

Что представляет из себя Ветхий Завет? Из всех его книг, признанных «богодухновенными», то есть написанными со слов самого Бога, вкладывающего слова в людей, которые только записывали их, остановимся на первых пяти, носящих названия: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Эти книги составляют так называемое Пятикнижие Моисеево, или Тору. Тора – это учение, которое дано людям Богом, но преподносится священником, ибо он – «вестник Господа Саваофа» (Мал 2, 7). Вместо слова «Гос-

пода» в некоторых переводах Библии стоит слово «яхве», ибо так называли своего Бога древние евреи.

До II в. до н. э. книги Моисея, в которых центральное место занимают законы и правила жизни, составляли одну книгу. Огромное ее содержание невозможно было разместить на одном свитке папируса, поэтому, вероятно, ее и разделили на пять частей.

Первая часть Моисеевых книг (Торы) – это описание сотворения мира, его древнейшая история. Бог за семь дней создал Землю и населил ее всевозможными тварями, сотворил Адама и Еву, и они счастливо жили в раю, пока не совершили грехопадения и были изгнаны из рая. Далее идет рассказ о всемирном потопе – каре человечества за его грехи, о спасении в ковчеге праведника Ноя с сыновьями; повествуется о древней истории избранного народа, о праотцах иудейских – патриархах Аврааме, Исааке, Иакове. Подробно рассказывается красивая и мудрая история Иосифа и его братьев, переселение в Египет и процветание евреев там. Первая книга – Бытие – кончается смертью Иосифа в Египте.

Вторая, третья и четвертая книги Торы содержат историю Моисея, родившегося в плену у египтян, ибо первые времена процветания избранного народа в Египте сменились жестокими гонениями. Несмотря на то, что фараон повелел истреблять всех еврейских детей мужского пола, провидение уберегло от смерти маленького Моисея: малыша в плетеной корзине нашла на реке дочь фараона, и он стал ее приемным сыном. Книга Исход описывает удивительную историю жизни Моисея: его воспитание во дворце, бегство в Синайскую пустыню, где он сорок лет пас овец своего тестя, и, наконец, призвание его Богом к высшему служению. Моисею предназначено было вывести свой народ из плена. На Египет одно за другим обрушиваются страшные бедствия, и смиривший свою гордость фараон наконец отпускает еврейский народ. Последняя ночь в Египте стала праздником евреев: они совершили свою первую Пасху как символ освобождения из плена и совершают ее с тех пор ежегодно.

Книга Исход описывает трудный период странствования евреев по Синайской пустыне. Сорок лет продолжалось это путешествие, ибо Господь захотел преподать израильтянам множество уроков веры и терпения.

Самое главное событие этого странствования – откровение, которое дано было Моисею у горы Синай. В облаке славы, при блеске молний и раскатах грома Господь явил свою волю Моисею, взошедшему на гору. Голос Божий, подобный громовым перека-

там, произнес десять заповедей, которые и были потом записаны в 20 главе книги Исход. Эти заповеди легли в основу всей жизни еврейского народа: признание истинного единого Бога и поклонение только ему; шестидневный труд и отдых в седьмой день, субботу; почитание отца и матери. И совсем краткие и непреложные истины: «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «не желай... ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20, 13–17).

Эти десять заповедей, написанные самим Господом на двух каменных скрижалях, на время путешествия были помещены в передвижной храм – скинию, или святилище, и тогда же, у Синайской горы, были даны указания, как должно быть устроено святилище. В первой части находился жертвенник, а во второй, именуемой Святая Святых, стоял золотой ковчег, в котором лежали две каменные скрижали с написанными на них десятью заповедями.

Третья книга Торы – Левит – содержит всевозможные обрядовые инструкции и наставления, каких животных приносить в жертву, когда и как совершать обряд заклания.

Подробно излагаются причины, по которым надо приносить жертву Богу. Запреты относительно пищи людей, гигиенические предписания, лечебные советы – все эти поучения были весьма полезны для странствующего народа. Поведение человека, заключившего договор – завет – с Богом, регламентировано почти во всех его проявлениях; за невыполнение того или иного предписания следовало наказание.

Книга Левит названа по имени Левия, все колена которого – Левиты – были избраны Богом для служения при Его святилище.

Следующая за книгой Левит книга Числа описывает историю странствий древних евреев по пустыне. В этой четвертой книге Пятикнижия евреи, утомленные долгим исходом, то высказывают недовольство действиями Моисея, то начинают роптать на Бога, поклоняться другим богам, нарушать заповеди, данные на горе Синай. Бог разгневался на еврейский народ и сначала поразил его язвою, а потом и вовсе хотел истребить, но лишь по просьбе Моисея не сделал этого. Однако наказание все-таки последовало: сорок лет должны были странствовать евреи по пустыне, пока не придут в заветную страну Ханаан. Наказание пало и на самого Моисея: он должен умереть, не достигнув обетованной земли.

В последней книге Торы – Второзаконии – изложено законодательство евреев. Большую часть ее составляет речь Моисея к

израильтянам, произнесенная им накануне перехода через реку Иордан и вступления в землю обетованную. Главное здесь, пожалуй, то, что теперь служение Богу будет производиться только в одном, центральном месте. Все прочие местные святилища должны быть разрушены.

Второзаконие, то есть Пятикнижие Моисеево, заканчивается смертью самого Моисея. На смену ему приходит Иисус Навин. Евреи готовятся переправиться через реку Иордан и вступить в обетованную землю Ханаан.

Дальнейшие книги Ветхого Завета носят названия: Книга Иисуса Навина, Книга Судей, Книга Руфи, четыре Книги Царств, две книги Паралипоменон (летописей, хроник), Книги Ездры и Неемии, Есфири, Иова, Псалтирь, Притчи Соломона, Книга Екклезиаста, Песнь Песней, Книги Исаии, Иеремии, Плач Иеремии, Книги пророков Иезекииля, Даниила и двенадцать книг малых пророков.

Страницы Ветхого Завета пестрят эпизодами, в которых мифологическое начало переплетается с историческим, многие фразы вошли в язык людей в качестве идиоматических выражений.

Так, например, выражение «Иерихонские трубы» связано с событиями, произошедшими во времена завоевания евреями Иерихонской крепости. Неприступные стены ее сами упали от трубных звуков неимоверной громкости и криков осаждающих, которыми командовал Иисус Навин.

Много легенд связано с царем Давидом, который правил с 1055 по 1015 гг. до н. э.[4] Простой пастух, он был избран Богом в цари вместо Саула и помазан пророком Самуилом на царство задолго до своего воцарения.

Он не только прекрасно играл на гуслях, но и победил великана Голиафа, пустив в него камень из пращи. Давид вел многочисленные войны со своими внешними и внутренними врагами, завоевал у иевуссеев город Иерусалим и сделал его столицей своего государства.

Давид прославился как воин, мудрец, псалмопевец, правитель и пророк.

Сын Давида царь Соломон (970–931 гг. до н. э.)[5] отличался необычайной мудростью. Вот один из примеров. Однажды к Соломону явились две женщины, спорившие из-за ребенка: каждая называла себя его матерью. Царь принял такое решение: рассечь младенца на две половины, части отдать каждой из женщин. Настоящая мать, не желая гибели ребенка, попросила, чтобы дитя отдали другой женщине. Вторая же прогово-

рила: «Пусть не будет ни мне, ни тебе, рубите». Так царь узнал, кто истинная мать младенца, и отдал ей ребенка. Выражение «Соломоново решение» и сейчас употребляется как пример мудрости и справедливости.

Соломон прославился также и тем, что возвел в Иерусалиме знаменитый прекрасный храм. Царь был очень женолюбив, имел 700 жен и 300 наложниц, причем впадал в грех и с иноземками, поклонявшимися чужим богам и устраивавшими капища своим божествам. В наказание Бог отнял у наследника Соломона часть царства, и его государство распалось на две половины, Иудею и Израиль.

В третьей и четвертой Книгах Царств рассказывается о бедах этих государств, теснимых грозными полчищами ассирийских войск. На Израильском престоле менялись один за другим цари, участились дворцовые перевороты. В печальный период истории, когда жена царя Ахава Иезавель совратила Израиль на служение своему богу Ваалу, в священных рощах воскуряли фимиам идолам и совершали оргии во время празднеств.

В Израиле появилось множество пророков. Имя одного из них знакомо, пожалуй, всем. Это Илия (Илья) – пророк, катающийся, по русским поверьям, во время грозы на своей огненной колеснице. В Библии Илия совершает множество чудес: исцеляет смертельно больных, вызывает в засуху дождь, переходит реку Иордан по воде как посуху, а однажды даже состязается с целой толпой пророков бога Ваала. Условие было такое: чей Бог сумеет зажечь огонь над жертвами для сожжения, тот истинен. Четыреста пятьдесят пророков взывали к своему богу Ваалу, но огня не было. Зато стоило Илие произнести единственную молитву, и с неба на его жертвенник пал огонь. Так Илия доказал, какой же Бог является истинным, и множество народа перешло на сторону Бога Яхве.

На русских иконах часто изображается сцена, когда Бог живым забирает пророка Илию на небо: сам Илия, уже находящийся в колеснице, запряженной огненными лошадьми, бросает плащ вниз, на землю, в руки своего ученика и последователя Елисея.

Этот пророк, оставшийся на земле, творит еще более удивительные чудеса: воскрешает мертвых, исцеляет от проказы или, наоборот, насылает ее на тех, кого надо наказать; двадцатью маленькими лепешками насыщает сто человек.

В конце четвертой Книги Царств говорится о гибели обоих еврейских государств: Израиль покорился Ассирии, Иудею завоевал Вавилон.

Столица Иудеи Иерусалим пал в 587 г. до н. э., взятый штурмом войсками Навуходоносора. Храм Соломона был разрушен, еврейский народ уведен в плен в Вавилон.[6]

Жизнь в плену продолжалась пятьдесят лет. Пророки, посланные и вдохновленные Богом, порицали грехи народа и правителей, страдали за свою правоту, но не отступали от своей веры и единого Бога.

Книги Паралипоменон (летописи, хроники) рассказывают о вавилонском плене, о том, как в 538 г. до н. э. персидский царь Кир захватил Вавилон, а через год разрешил пленникам из Израиля и Иудеи вернуться на родину.[7]

«Историческая часть» Библии заканчивается книгами Ездры и Неемии, которые посвящены истории вернувшихся из вавилонского плена. С именами этих исторических деятелей и их учеников связано составление книг Торы и других, которые ранее существовали только в священном предании. Именно в это время совершалась обработка и запись книг, окончательно оформилось Пятикнижие Моисея, исторических книг и трудов пророков.

В Библии есть книги, написанные пророками Исайей, Даниилом, Иеремией, Иезекиилем, которых называют «великими». Кроме них существует еще двенадцать малых пророков: Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария, Малахия.

Считается, что «великие» пророки были предшественниками христианства. Они заложили основы нового учения, предсказывали рождение мессии, говорили, что он будет из колена Давидова, и обещали верующим царство Божие. Так, например, пророк Иеремия вещал, что Иерусалим падет и Соломонов храм будет разрушен, что и сбылось. Исполнение пророчества обернулось величайшим злом для самого Иеремии. Когда Навуходоносор увел большинство жителей Иерусалима в вавилонский плен, Иеремия находился в темнице по обвинению в предательстве. Начальник вавилонских войск Годолия выпустил его, но группа иудеев, недовольных правлением пришельцев, организовала заговор и убила Годолию. Затем они бежали в Египет, взяв с собой Иеремию. Там след пророка теряется, вероятно, он и умер в Египте.

Пророк Иезекииль происходил из греческого рода и сам был жрецом. Первый период его деятельности приходился на время до разрушения храма в Иерусалиме, свершение чего он предсказывал. Во второй период он, находясь в вавилонском плену, проповедовал близкий конец плена и приход в будущем мессии. Иезекииль первый говорил о событиях «конца времени», и

его книга была первым произведением апокалиптической (то есть вещающей, пророчествующей о конце мира) литературы.

Пророк Даниил, находясь в Вавилонском плену, предсказал восстановление Иерусалима и новое его разрушение через пятьдесят лет войсками римлян. Почти за шесть столетий до н. э. было предвещено, что Христос родится от Девы, указан город Вифлеем, где должен появиться мессия, и даже был назван год смерти Христа.

Еще юношей Даниил разгадал сон царя Навуходоносора, предсказав гибель Вавилонского царства. На смену ему придет Персидское царство, но и оно исчезнет под владычеством Александра Македонского и его последователей. Однако, хоть Александр Великий и покорит всех царей Востока и Запада, на территории бывшей Римской империи возникнут новые государства, которые никогда не соединятся в одно.

Эти пророчества сбылись в истории: Вавилонская империя рухнула под ударами персов в 538 году до н. э., персидское государство было уничтожено армией Александра Македонского в 330 г. до н. э. Мировая держава римлян существовала многие столетия, но Западная римская империя распалась под ударами варваров в 476 г. н. э., и на ее территории постепенно возникли государства Западной Европы.

Среди книг Библии есть семь, которые называются Книгами премудрости, или поучениями:
– Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова;
– Книга Иова;
– Книга Екклесиаста (проповедника);
– Книга премудрости Соломона;
– Книга притчей Соломоновых;
– Песнь Песней Соломона;
– Псалтирь.

Песнь Песней Соломона выделяется среди прочих книг Ветхого Завета тем, что является собранием любовно-эротических песен и свадебных гимнов. Эта книга – гимн любви мужчины и женщины (жених – Соломон, невеста – Суламифь), элемент свадебного ритуала. Чтобы почувствовать, насколько Книга Песни Песней не походит на все другие книги Библии, вчитаемся в некоторые ее отрывки.

Глава 4.1. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской;

2. Зубы твои, как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними;
3. Как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими;
4. Шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных;
5. Два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.
....
9. Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.
10. О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста; О, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!
11. Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Псалтирь – книга псалмов – молитв, в которых содержались славословия или поучения, горестные жалобы или призыв о мщении врагам. Эти духовные песнопения звучали в храмах, во время богослужений. Религиозные гимны исполнялись в синагогах помимо чтения Торы.

Христианская церковь позаимствовала эту традицию, и псалмы звучат сейчас во время различных церковных служб.

В Псалтирь входит 150 псалмов. Они были созданы в разное время разными авторами, но, как явствует из названий, некоторые из них написаны самим царем Давидом. Однако большинство принадлежит к более поздним временам, авторство их определить невозможно.

Псалмы исполнялись в сопровождении щипкового инструмента (лютни и др.) и как истинно церковные гимны, воспевали Господа и были обращены к нему: «Услышь, Господи, слова мои, уразумей помышления мои! Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! ибо я к Тебе молюсь! Господи! рано услышь голос мой, – рано предстану пред Тобою, и буду ожидать. Ибо Ты Бог, не любящий беззакония; у Тебя не водворится злой. Нечестивые не пребудут пред очами Твоими: Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие. Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь. А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем»... (Пс 5).

Новый Завет – вторая часть Библии – священен только для христиан. Он связан с появлением новой религии, с утверждением ее в восточном мире, и содержит изложение жизни и учения Иисуса Христа и ряд других книг, связанных с деятельностью Его учеников. Новый Завет – богословский термин для обозначения, с одной стороны, договора между Богом и человеком, заключенного через Иисуса Христа, а, с другой стороны, – собрание книг, отражающих этот договор. Главная мысль Нового Завета – явление в мир Спасителя-Христа, Его искупительная миссия: освобождение человека от первородного греха, добровольная смерть на кресте, воскресение, учение о загробной жизни. Формирование Нового Завета началось со второй половины I в. н. э. и закончилось в конце II в. н. э., однако процесс канонизации многочисленных христианских писаний завершился только к IV в.

К этому времени священными стали считаться следующие книги:

– Четыре сочинения о жизни Иисуса Христа, написанные евангелистами Матфеем, Марком, Лукой, Иоанном. Они носят общее название «Евангелие», что значит – «благая, радостная весть», а весть эта – спасение мира через Иисуса Христа. Сочинения каждого из евангелистов могут печататься отдельно, и тогда они именуются «Евангелие от Луки» или «Евангелие от Марка».

– Деяния святых апостолов, где повествуется о странствиях апостолов (учеников Христа) Петра и Павла, посвятивших свою жизнь распространению христианства среди многих народов Средиземноморского бассейна;

– Четырнадцать посланий апостола Павла;

– Семь соборных посланий;

– Откровение Иоанна Богослова, иначе – «Апокалипсис», что в переводе означает «откровение».

Четыре канонических Евангелия, входящие в Новый Завет, были не единственными книгами, написанными о жизни Иисуса Христа. Известны не попавшие в канон Евангелие от Фомы, Евангелие от Иудеев, Евангелие от Иакова, Евангелие от Фомы Блаженного, Евангелие от Филиппа, Евангелие от Марии Магдалины и др. Эти книги называют апокрифами, что в переводе означает «отреченные книги». Они не признаны церковью как боговдохновенные и, более того, были запрещены. Апокрифические книги возникли в первые века христианства, они писались верующими, желавшими объяснить и дополнить Священное Писание. Авторы собирали устные предания, развивали и записыва-

ли те события, на которые в канонических Евангелиях были только намеки, а то и вовсе придумывали целые эпизоды и сюжеты. Апокрифических Евангелий насчитывается около пятидесяти. Так, «Первоевангелие Иакова» (брата Христа) описывает время от рождения Иисуса до избиения младенцев, в «Евангелии (Псевдо) от Матфея или Книге о происхождении блаженной Марии и детстве Спасителя» говорится о юности Христа. «Арабское Евангелие детства» повествует о пребывании Господа в Египте.

Существуют и апокрифические Деяния Апостолов: Петра и Павла, Варнавы, Филиппа и Фомы; сочинения о Божьей Матери. Так, например, апокриф «Хождение Богородицы по мукам» описывает нисхождение пресвятой Девы Марии в ад и затем предстательство ее перед престолом Сына.

Есть и апокрифические апокалипсисы, которые во многом отличаются от канонического: несколько апокалипсисов Иоанна (кроме библейского), «Апокалипсис Петра», «Апокалипсис Павла», «Откровение Варфоломея» и др.

Евангелия от Матфея, Марка и Луки, входящие в Новый Завет, очень близки друг к другу по содержанию, поэтому называются синоптическими, а эти три евангелиста – синоптиками.* Матфей, Марк и Лука рассказывают о жизни Иисуса как человека. Он мессия, он Сын Божий, но в изображении преобладают человеческие черты, недаром здесь последовательно и хронологически достоверно выстраиваются эпизоды жизни и смерти Спасителя.

В Евангелии от Матфея биография Христа дана кратко, его задача – доказать иудеям, что Иисус – тот самый долгожданный мессия, явление которого предсказывали еще древние пророки. Эта книга начинается с родословной Христа, и автор возводит ее к Аврааму, древнейшему праотцу, и легендарному иудейскому царю Давиду.

Евангелие от Иоанна подчеркивает божественную природу Христа, перед нами Бог в человеческом облике, который после воскресения вернется к Богу-Отцу.

Три синоптика и евангелист Иоанн как бы дополняют друг друга и дают яркий, определенный и в общем – единый образ Спасителя Мира, Бога-человека Христа.

Первым Евангелием считается Евангелие от Матфея. Прежде чем стать учеником Христа, одним из первых семи апостолов, Матфей был мытарем, то есть сборщиком пошлин. Он умел чи-

* Синопсис в богословской литературе – свод отрывков или сокращенное изложение проповедей, толкований Священного Писания и других сочинений церковных писателей, где материал располагается в хронологическом порядке.

Крылатый человек (символ евангелиста Матфея). Миниатюра из Евангелия Хитрово. Конец XIV в.

тать и писать, и по свидетельству древних историков, после смерти Христа пятнадцать лет проповедовал в Иерусалиме, а потом пошел возвещать Христову веру к персам и эфиопам. За пропаганду христианства Матфей принял мученическую смерть; память его отмечается 16 ноября.

Поскольку Матфей, видимо, поставил себе целью доказать своим единоплеменникам, что Иисус – именно тот мессия, которого все ожидают, он многие события связывает и объясняет ветхозаветными пророчествами. Его Евангелие делится на 28 глав. Начинается оно с родословной Христа и заканчивается беседою Спасителя с апостолами перед Вознесением.

Второе, более расширенное Евангелие принадлежит св. Марку. Будучи иудеем по происхождению, Марк еще юношей присоединился к христианам и помогал в проповедях нового учения апостолам Павлу и Варнаве. Позже он стал ближайшим сподвижником апостола Петра. Слушатели проповедей этого апостола хо-

Орел (символ евангелиста Иоанна). Миниатюра из Евангелия Хитрово. Конец XIV в.

тели видеть его учение написанным, и св. Марк изложил все, что слышал от св. Петра о жизни Иисуса. Его Евангелие состоит из 16 глав, начинается явлением Иоанна Крестителя, а заканчивается рассказом, как апостолы пошли проповедовать учение Христа после его Вознесения.

Третье Евангелие написано Лукой, одним из малых апостолов из числа семидесяти учеников Христа, образованным язычником, принявшим христианство. Он был врач и живописец, жил в Антиохии, где судьба свела его с апостолом Павлом. Лука проникся светом нового учения, сопровождал Павла во всех его путешествиях и написал два творения: Евангелие и Деяния апостолов.

Евангелие Луки предназначалось для некоего Феофила, видимо, перешедшего из язычества в новую веру. Наверное, он пользовался большим уважением у сограждан и желал яснее представить себе основы христианского вероучения. Лука подробно и обстоятельно описывает события, бывшие до рождения Христа, затем

его жизнь и учение, а заканчивает Вознесением Господа. Это творение состоит из 24 глав.

Четвертое Евангелие составлено любимым учеником Иисуса Иоанном, стоявшим на Голгофе у Креста Учителя. Именно ему умирающий Христос поручил свою мать Деву Марию, и до своего Успения Богоматерь жила в его доме. После Успения Богородицы Иоанн отбывает в Малую Азию, где трудится над организацией церкви и распространяет учение Христа. Умер Иоанн около 105–106 гг., когда ему, по преданию, было более ста лет. Его Евангелие написано в городе Ефесе и дополняет первые три синоптические Евангелия, которые недостаточно полно говорят о божественной стороне Спасителя, обходят молчанием его божественную природу. Иоанн рассказывает в основном о таких чудесах и делах Иисуса, которые свидетельствовали бы о его божественной природе. Особенность Евангелия от Иоанна – учение о Слове-Логосе, недаром оно так и начинается: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1, 1).

Иоанн развивает учение о том, что Христос и есть воплотившийся Логос, предвечно существующий, что Христос есть Слово изначальное. Дело еще и в том, что уже в те времена существовало учение некоего Коринфа, говорившее о том, что Иисус – простой человек, который принял божество лишь в период от крещения до своих крестных страданий. Евангелие от Иоанна опровергает это лжеучение и подчеркивает божество Христа. Оно содержит 21 главу.

Жизнь Иисуса Христа, если основываться на древней традиции, началась в 1 г. н. э. и закончилась в 33 г., то есть когда Спаситель достиг возраста 33 лет. Историки и богословы, анализируя Евангелия, пытаются уточнить даты жизни Христа. Так, евангелист Матфей пишет, что Иисус родился в Вифлееме, в дни правления царя Ирода. Из исторических источников известно, что Ирод начал править в 40 г. до н. э., а скончался в 4 г. до н. э. То есть, Иисус Христос согласно этим исторически верным датам, должен был родиться до 4 г. до н. э. Но Ирод же приказал уничтожить всех младенцев в возрасте до двух лет, то есть к 4 г. до н. э. Иисусу было уже два года. Значит, он должен был родиться в 6 или 5 г. до н. э.[8]

Однако евангелист Лука связывает время рождения Иисуса с переписью населения, проведенной по указу императора Августа. Древний историк Иосиф Флавий (род. в 37 г. н. э.) датирует эту перепись 6–7 гг. н. э., то есть получается, что Иисус родился на десять – двенадцать лет позже, чем предполагает Матфей.

С годом распятия Христа тоже нет единомыслия. Тот день был пятницей (единогласное утверждение евангелистов), кроме того – день Пасхи. Однако время называется разное: в годы императора Тиберия (4–37 гг.), прокуратора Понтия Пилата (26–36 гг.), первосвященника Анны (6–15 гг.), первосвященника Каифы (7–37 гг.).

Все указывает на то, что суд над Иисусом должен был состояться до 36 года. Наиболее вероятны года 30 или 33, когда день Пасхи приходился на пятницу.

В Евангелиях Иисус называется Назореем или Назарянином, хотя родился он в Вифлееме. Очевидно, родиной Христа все-таки был город Назарет, где Иисус воспитывался, жил до своего крещения, то есть до самого начала своего служения. Однако город Назарет не упоминается нигде, кроме Евангелия и других книг позднего христианства. Возможно, он был так мал, что не удостоился упоминания, либо его не было вовсе. Богословы склонны утверждать, что именно благодаря своей незначительности он ни разу не упоминался в Ветхом Завете. Однако в начале первого века Назарет насчитывал около 6000 жителей, он и сейчас служит местом паломничества христиан всего мира.[9]

Конечно, Евангелия – это не исторически точные описания жизни Иисуса, а богословские книги, где главное – проповедь, объяснение христианского вероучения. В наше время даже у самых скептически настроенных историков не вызывает сомнения тот факт, что человек по имени Иисус жил в обозначенный промежуток времени, проповедовал свое учение в основном в Галилее и ее окрестностях и что он был казнен в Иерусалиме на Пасху.

В светской исторической литературе тоже есть свидетельства о Христе. В «Иудейских древностях» уже названного Иосифа Флавия имеются два места, где говорится об Иисусе. Во-первых, упоминается об Иакове, который «был братом Иисуса, называемого Христом».[10] Во-вторых, есть знаменитое «Свидетельство Флавия»: «В то время жил Иисус, мудрый человек, если вообще его можно назвать человеком. Он совершал вещи необыкновенные и был учителем людей, которые с радостью воспринимали правду. За ним пошло много иудеев, равно как и язычников. Он и был Христом. А когда по доносам знаменитейших наших мужей Пилат приговорил его к распятию на кресте, его прежние приверженцы не отвернулись от него. Ибо на третий день он снова явился им живой, что предсказывали божьи пророки, так же как и многие другие поразительные вещи о нем».

Впрочем, справедливости ради, надо упомянуть и о том, что некоторые историки считают это сообщение Флавия позднейшей вставкой христианских богословов.

Упоминание о Христе есть у Тацита, историка первой четверти II в., у Светония (вторая четверть II в.). Тацит, описывая пожар Рима в 64 г., говорит, что христиан обвинили в поджоге и многих казнили. Он упоминает человека, имя которого носили христиане, и говорит, что он был казнен во времена императора Тиберия и прокуратора Понтия Пилата.

Светоний, рассказывая об императоре Клавдии, говорит, что он изгнал из Рима иудеев за то, что они постоянно устраивали смуту под предводительством Христа.

Кто же был Иисус Христос? Чем снискал он себе славу вечную в веках? По-разному объясняют это евангелисты, по-разному толкуют древние и современные богословы. Но суть всегда остается одна. Иисус – Сын Божий, пришедший в мир для того, чтобы спасти людей. Может быть, один из самых важных стихов в Библии – это стих Евангелия от Иоанна, где говорится: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3, 16). Тот же Иоанн, рассказывая о делах и словах того, кто называл себя Сыном Божиим, говорил: «Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин 20, 30–31).

Иоанн Креститель, предтеча (предшественник) и проповедник явления Христа, при крещении Иисуса сказал: «Сей есть, о Котором я сказал: за мной идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня» (Ин 1, 30).

С крещения Иисуса и начался его высокий духовный подвиг служения людям. Известная картина художника А.А. Иванова «Явление Христа народу» изображает как раз эту сцену: Иоанн Креститель указывает народу на приближающегося Иисуса, говоря слова Евангелия: «Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира» (Ин 1, 29). Народ, собравшийся на берегу реки, с надеждой тянется к Спасителю. Те, кто побогаче, книжники, фарисеи, саддукеи,* сомневаются – они не верят в пришествие Господа.

Во время крещения Иисуса, как утверждает предание, сошел Дух Божий в виде голубя, символизируя высшую правду и добро. И раздался глас с небес: «Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение» (Лк 3, 22).

* Саддукеи – иудейская секта, часто упоминаемая в Новом Завете. Они учили, что в будущем не будет ни вечного

После крещения Иисус удалился в пустыню, где молитвой и постом приготовлял себя к предстоящей деятельности.

До своего крещения Иисус тридцать лет жил как обыкновенный человек в городе Назарете, плотничал и вел хозяйство с матерью своей Марией. Правда, уже при рождении младенца было известно, что родился Спаситель мира. Родился он в яслях, в пещере, где укрывали скот, ибо в городе Вифлееме, куда Мария с Иосифом отправились по распоряжению властей, проводивших перепись населения, не оказалось места в гостинице. На небе над местом рождения Христа ярко засияла звезда, которую увидели волхвы (мудрецы). Звезда-путеводитель привела их к младенцу-Иисусу, они поклонились ему и принесли дары.

Известно, что весть о непорочном зачатии принес Деве Марии архангел Гавриил. Ангел Господень явился и к ее мужу Иосифу, который, узнав о беременности, хотел тайно отпустить ее. Но Ангел сказал, что Мария родит сына от Духа Святого, и младенца в будущем ждет великая судьба.

Это было время правления царя Ирода. Когда волхвы возвестили, что родился Царь Иудейский, Ирод приказал истребить всех младенцев до двух лет. Иосиф, предупрежденный Ангелом, вывез Марию с младенцем в Египет, и вернулись они в Израиль только после смерти Ирода.

блаженства для праведных, ни вечных мучений для нечестивых людей, отрицали бытие Ангелов и злых духов и будущее воскресение мертвых. Фарисеи, другая иудейская секта, имели притязания на необычную святость, строго исполняли многочисленные обряды, выставляли напоказ свои молитвенные подвиги. И саддукеи, и фарисеи были ярыми противниками Христа. Иисус же обличал их гордость, лицемерие, наружное благочестие и внутренюю нечистоту (Мф 23).

Общественное служение Иисуса началось в тридцать лет и длилось три с половиной года. Он ходил по дорогам Палестины, проповедовал свое учение то в домах бедных людей, то на холмах, то на берегу озера.

Иисус не только проповедовал. Он исцелял различные болезни, и слухи о чудесах привлекали к нему еще больше людей.

Он звал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; ...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф 11, 28–29).

Появились у Иисуса и двенадцать учеников, постоянных спутников Христа, которые были призваны им для проповеди евангельского учения. Позже они стали называться апостолами, что в переводе с греческого означает «посланники». После казни Иисуса апостолы разошлись по всей земле и проповедовали учение Спасителя в разных странах. В Евангелиях от Матфея, от Луки и в «Деяниях апостолов» называются их имена: это братья Петр (Симон) и Андрей (Первозванный, ибо его первого позвал идти за Собой Христос), братья Иаков Старший и Иоанн Богослов (евангелист), Филипп, Варфоломей (Нафанаил), Матфей

мытарь (евангелист), Фома, Иаков Алфеев, Фаддей (иначе – Иуда Леввей), Симон Зилот и Иуда Искариот (то есть – из города Кариота). После того, как последний предал Учителя и повесился, на его место был избран Матфей.

В Новом Завете упоминается, что Христос избрал еще и других семьдесят учеников, которые не были постоянными свидетелями и очевидцами деяний Сына Божиего, но с усердием проповедовали Его учение.

В изображениях двенадцати апостолов часто фигурируют апостол Павел, написавший 14 посланий, входящих в Новый Завет, и апостолы из числа семидесяти – евангелисты Лука и Марк.

Все апостолы, кроме Иоанна Богослова, приняли мученическую смерть за проповедь евангельского учения в разных странах.

Однажды, когда Христос находился в окружении своих учеников и множества народа, он взошел на гору и сказал проповедь, где излагал заповеди Нового Завета, нового договора между Богом и людьми, заключавшимся теперь через него, Иисуса.

В своей Нагорной проповеди Иисус провозглашал, что надо осознать свое ничтожество по сравнению с тем совершенством, к которому необходимо стремиться; избавиться от гордости, признать свою греховность, понять ничтожество своих знаний по сравнению с бездной неведомого: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 3).

Пример смирения и кротости – сам Иисус Христос; всей своей жизнью он учил людей этим качествам, ибо гордые не стремятся к совершенству, мнящие себя праведниками не замечают своих недостатков, они видят только прегрешения других.

И далее говорил Иисус: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие... Блаженны алчущие и жаждущие правды... Блаженны милостивые... Блаженны чистые сердцем... Блаженны миротворцы... Блаженны изгнанные за правду...» (Мф 5, 4–10).

Христос призывал к милосердию, он толковал о любви, о прощении врагов, о сострадании к ближним. Обращение к Богу очищает и возрождает каждого, кто искренне поверит в него. Иисус сулил праведникам жизнь вечную, а грешникам – муки ада. Он говорил о любви Бога-Отца ко всем людям, о том, что Господь желает спасти от греха каждого раскаявшегося.

К Иисусу шли люди со всех сторон. К нему приводили больных духовными и телесными недугами, и он исцелял дух человеческий и его тело. Однажды ему принесли весть о болезни некоего Лазаря, которого Иисус любил и в доме которого часто останавливался по пути в Иерусалим. Но Иисус на этот раз не поспешил к Лаза-

рю и сказал ученикам, что «эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий» (Ин 11, 4).

Когда же Христос пришел в дом Лазаря, оказалось, что тот уже умер и четыре дня как лежит во гробе. И свершилось величайшее чудо. Иисус пришел к пещере, приказал отнять камень, которым был заложен вход и «воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон!» (Ин 11, 43). Воскресший Лазарь вышел из пещеры, представ в погребальных пеленах перед изумленной толпой.

Происшедшее чудо привлекло к Иисусу массу народа. Многие уверовали в него, другие же поспешили доложить синедриону о случившемся. Члены верховного совета знали, что Иисус творит чудеса, но говорили, что творит он их властью дьявола. Теперь, испугавшись, что весь народ пойдет за Христом, синедрион решил расправиться с ним. Среди ближайших учеников нашли предателя – Иуду Искариота, который за тридцать сребренников отдал своего учителя в руки палачей.

Ночью в Гефсиманском саду, после того, как Спаситель провел свою последнюю прощальную тайную вечерю со своими учениками и рассказал им свою дальнейшую судьбу (предательство, смерть и воскресение на третий день), его схватили стражники. Иуда привел воинов и священников в сад и своим предательским поцелуем указал им того, кого они искали.

Сколько икон воспроизводят этот эпизод из земной жизни Спасителя... Сколько художников в меру своих сил и таланта пытались отразить на полотне тот вечер, полный таинственного смысла и символов...

Вот «Тайная вечеря» великого итальянского художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, написанная на стене трапезной монастыря Санта Мария делла Грацие в Милане.[11] Здесь изображен как раз тот момент, когда Иисус сказал своим ученикам, что один из них предаст его. Двенадцать учеников сидели тогда за трапезой, тринадцатым был среди них Христос. Величавый, несколько неземной, он один с философским, даже божественным спокойствием возвышается среди двенадцати, каждый из которых по-разному выражает свое отношение к словам Учителя. Картина полна бурного движения, в ней нет застылости, неземного спокойствия русских икон, в ней каждый из двенадцати по-своему реагирует на слова Иисуса. Одни привстали с места, обращаясь к соседу за разъяснением, другие тянутся к Христу, не желая верить горькому пророчеству, третьи с негодованием отвергают это, по их мнению, немыслимое предположение. Лица, тела, руки одиннадцати освещены, мы можем

догадаться о чувствах и мыслях каждого. И только лицо Иуды в тени, предатель прячется от света – так, по замыслу великого художника, можно сразу определить того, кто стал для мира воплощением корыстной бесчеловечности.

К величайшему сожалению, картина великого итальянца, написанная в 1498 г., сейчас погибает. Леонардо решился на эксперимент – он написал ее масляными красками и тем самым погубил картину. Слой краски тоненькими лепестками свертывается в трубочки и отделяется от стены. Многочисленные реставрации практически не спасают произведение, и сейчас «Тайная вечеря» не дает даже отдаленного представления о том, какой она была когда-то...

Иисуса, схваченного в Гефсиманском саду, привели в дом первосвященника. Ему плевали в лицо, глумились, насмехались и бичевали – Христос с терпением и покорностью переносил все унижения и боль. Утром его отвели к римскому наместнику Понтию Пилату, и тот невольно проникся уважением к подсудимому, который не сделал ничего противозаконного. Зависть и ревность привели его на суд, и Пилат собирался освободить узника. Однако огромная толпа, подстрекаемая первосвященниками, требовала казни Иисуса. Взвалив на Христа огромный деревянный крест, его повели на распятие. Воины подгоняли его бичами, а на голову Спасителя надели терновый венец – в знак глумления и насмешки над тем, кто называл себя Царем Иудейским.

Вместе с Иисусом к месту казни привели еще двух человек – разбойников, осужденных на смерть. На горе Голгофе, где должно было все свершиться, узников сначала привязали к крестам, затем прибили гвоздями руки и ноги и поставили кресты вертикально. Несколько часов, невыразимо страдая, висел Христос на кресте. Ругательства и насмешки раздавались вокруг. Один из воинов в ответ на просьбу дать воды, поднес к его губам губку, пропитанную уксусом. Другой проткнул ему бедро копьем. Иисус лишь молился своему Небесному Отцу: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34).

Когда он умер, настала тьма по всей земле и земля потряслась.

Некий Иосиф Аримафейский осмелился пойти к Понтию Пилату и попросил отдать тело Иисуса, чтобы похоронить его. Тот согласился, и Христа похоронили, завернув тело в пелены. Иосиф и Никодим, сочувствующие учению Христа, сняли распятого с креста и положили тело, обернутое в плащаницу, в пещеру, то есть гробницу, высеченную в скале в саду, принадлежащем Иосифу, а ко входу привалили большой камень.

Ко гробу поставили стражу, чтобы ученики не могли проникнуть в пещеру и взять тело Христа.

Женщины, присутствующие при смерти и погребении, купили ароматы и благовония для помазания тела Иисуса и в воскресенье (в субботу по еврейским обычаям нельзя ничего делать – это день покоя) очень рано пришли ко Гробу Господню. Женщины-мироносицы нашли камень отваленным от пещеры, а гроб пустым. На камне сидел Ангел, и голос вещал о том, что Сын Человеческий воскрес на третий день, как и обещал.

В течение сорока дней после этого Христос неоднократно являлся своим ученикам, чтобы убедить их в истинности своего воскресения.

На сороковой день он повелел всем собраться на горе Елеонской. На глазах многочисленной толпы он вознесся на небо, обещав снова прийти на землю. Второе пришествие должно быть в конце истории земли, и Спаситель придет как Царь вселенной, в славе и величии, в сопровождении сонма ангелов, чтобы совершить суд над человечеством, «чтобы воздать каждому по делам его» (Откр 22, 12).

Оставляя своих учеников, Иисус дал им завет: «Идите, научите все народы» (Мф 28, 19). Однако учеников было мало, и они не отличались ни ученостью, ни богатством. Но в день Пятидесятницы* случилось еще одно чудо: силой Святого Духа апостолы получили способность понимать чужие языки и говорить на них. Христос дал им силы исцелять больных и воскрешать мертвых.

Ученики Иисуса разбрелись по разным странам. Апостол Фома проповедовал в Индии, апостол Андрей Первозванный поднимался по Днепру, предрек рождение города Киева и воздвигнул крест на Киевских горах.

Однако в «Книге деяний святых апостолов», которая следует в Новом Завете следом за Евангелием, в основном рассказывается о двух апостолах: Петре и Павле. По традиции автором «Деяний» считается Лука, евангелист, врач и живописец. Как и «Евангелие от Луки», эта книга обращена к некоему Феофилу и рассказывает о явлениях Иисуса ученикам и дне Пятидесятницы, когда апостолы «исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках...» (Деян 2, 4), об исцелении хромого, совершенном апостолами Петром и Иоанном, о гонении Синедриона на апостолов, об избиениях их камнями и о проповеди нового учения, которую они вели, несмотря ни на что.

* Пятидесятница – праздник древнееврейского народа, установленный в память дарования народу закона на горе Синай. Празднуется на 50-й день после Пасхи.

Подробно повествует Лука об апостоле Павле, с которым странствовал, видимо, по всему Средиземноморью, обращая язычников в христианство. В «Деяниях» подробно рассказывается , как Савл (так до крещения звали Павла) сам устраивал гонения на верующих, «дыша угрозами и убийством» (Деян 9, 1). Однажды, когда он шел в Дамаск, чтобы вершить свои черные дела, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл! Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян 9, 3–4). Это был сам Иисус. Три дня после этого Савл не ел, не пил и ничего не видел, и только по великой милости Божией прозрел, крестился и стал одним из самых приверженных учеников Иисуса. Путешествуя после смерти Спасителя по разным странам, Павел создавал из новообращенных христианские общины и, когда уходил от них, писал им письма. Эти послания входят также в состав Нового Завета.

Всего «Посланий» в Евангелии двадцать одно, из них четырнадцать приписываются апостолу Павлу, а семь – другим апостолам (одно – Иакова, два послания Петра, три послания Иоанна Богослова, одно – Иуды апостола). Апостол Павел направил свои послания как в общины (к Римлянам, к Коринфянам, к Гадатам, к Ефесянам, к Филиппинцам, к Фесалоникийцам), так и к отдельным лицам (Тимофею, Титу, Филимону). И апостол Петр, и апостол Павел были казнены в Риме при императоре Нероне, причем апостол Петр был распят вниз головой. День 29 июня – день казни двух первоучеников Иисуса – чтится христианской церковью и ныне.

Библия заканчивается книгой, носящей название «Откровение Иоанна Богослова» или «Апокалипсис» (*греч.* «откровение»). Иоанн Богослов, любимый ученик Христа, прожил дольше всех апостолов. Подвергшийся гонениям вместе с другими христианами во времена императора Доминициана, Иоанн в 90-х гг. I в. был сослан на остров Патмос. Здесь убеленный сединами старец и написал свое боговдохновенное пророчество о судьбах мира и Церкви. В русской иконографии весьма распространен сюжет «Иоанн Богослов на Патмосе»: среди пустынных скал апостол диктует пророчества, идущие от самого Бога, а его ученик записывает слова Учителя.

«Откровение Иоанна Богослова» написано сложным, образным языком, полным символов, потому непонятно многим. В начале века насчитывалось больше восьмидесяти различных толкований Апокалипсиса, в наше время их, конечно, гораздо больше.

Иоанн Богослов с Прохором. *Мастерские Палеха.* XVIII в.

Одно из первых – это толкование архиепископа Кесарии Каппадокийской Андрея, духовного писателя, жившего то ли в V–VI, то ли в VII в.[12] Андрей Кесарийский считал, что в Откровении находится троякий смысл: исторический, иносказательный и аналогический. Последний, раскрывающий тайны будущего и жизни вечной, есть главный, и правильное истолкование его чрезвычайно трудно, тем более что многие пророчества относятся к неопределенному будущему.

Современные толкования приближают Откровение Иоанна Богослова к нашему времени великой технической революции и уже видимой экологической катастрофы. Так, например, в Апокалипсисе есть мысль, что зверь (антихрист) будет ставить свою печать на каждом человеке: «...всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и... никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откр 13, 16–17).

В одной из книг толкований это объясняется так: «Не исключена возможность, что во времена антихриста будет заведена усовершенствованная компьютерная регистрация наподобие современных банковских карточек. Усовершенствование будет состоять в том, что невидимый глазу компьютерный код будет печататься не на пластиковой карточке, как сейчас, но прямо на теле человека. Этот код, читаемый электронным или магнитным «глазом», будет передаваться в центральный компьютер, в котором будет храниться вся информация о данном человеке, личная и финансовая. Таким образом, установление личных кодов прямо на людях заменит собой надобность в деньгах, паспортах, визах, билетах, чеках, кредитных карточках и других личных документах. Благодаря индивидуальной кодировке все денежные операции – получение жалования и уплата долгов – могут быть проведены прямо в компьютере. При отсутствии денег грабителю забирать у человека будет нечего. Государство, в принципе, может легче контролировать преступность, так как передвижение людей ему будет известно благодаря центральному компьютеру... На практике же она (система личной кодировки) будет использована и для религиозно-политического контроля над людьми...».[13]

Содержание Апокалипсиса распадается на четыре части (у других толкователей – семь и больше частей).[14]

I часть. Сын Божий является Иоанну; в его руках судьбы Церквей, в виде семи светильников; о каждой церкви – особое пророчество,

«Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников *есть сия*: семь звезд суть Ангелы семи церквей, а семь светильников... суть семь церквей» (Откр 1, 20).

Далее следуют послания этим семи церквям, находившимся в Смирне, Ефесе, Пергаме, Фиатире, Сардисе, Филадельфии, Лаодикии. Каждая из церквей имела свои особенности, которые, по утверждению некоторых толкователей, соответствовали семи периодам будущей истории христианской церкви. В частности, Ангелу (епископу) Смирнской церкви дается такое наставление: «И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем, ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр 2, 8–10).

II часть. Иоанн восхи́щен на небо и здесь, представ перед престолом Бога, видит открывающиеся перед ним одну за другой семь тайн Божественных. «И от престола исходили молнии и громы, и гласы, и семь светильников огненных горели пред престолом, которые суть семь духов Божиих» (Откр 4, 5).

Здесь же были и четверо животных: лев, телец, человек и орел, которые стали символами евангелистов.

При снятии печатей с книги, которую держит в руках сидящий на престоле, появляются то конь белый, то конь рыжий (война), то вороной (голод), то «конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть» (Откр 6, 2–8). А когда Иоанн снял пятую печать, то «увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели» (Откр 6, 9). При снятии шестой печати произошло землетрясение, «и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась как кровь; и звезды небесные пали на землю..., и небо скрылось, свившись как свиток...» (Откр 6, 12–14). Когда же сняли седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, и увидел Иоанн семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им было семь труб (Откр 8, 2).

Наступает конец света.

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море, и третья часть моря сделалась кровью; и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и источники вод.

Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр 8, 7–11).[15]

При звуках трубы четвертого Ангела были поражены третья часть солнца, луны и звезд; когда вострубил пятый Ангел, звезда, упавшая с неба, отворила кладезь бездны, и помрачилось Солнце и воздух от дыма, а из дыма вышла саранча, способная убивать подобно скорпиону, и «царем над собою имела она ангела бездны» (Откр 9, 11).

Вострубил шестой Ангел, и от огня, серы, дыма, выходивших из львиных пастей коней, умерла треть людей...

Произошли страшные катастрофы, но вот открывается последняя тайна, вскрывается последняя печать, трубит седьмой Ангел. На земле наступает Царство Божие, «царство мира соделалось *царством* Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр 11, 15).

III часть. Борьба последователей Христа с приверженцами дракона на небесах и на земле.

«И явилось на небе великое знамение: Жена, облеченная в солнце» (Откр 12, 1). Толкователь Откровения Андрей Кесарийский отмечает, что под этой женой некоторые подразумевали Пресвятую Богородицу, долженствующую произвести на свет младенца. Однако, правильно понимать под женой Христианскую Церковь, которая болеет за каждого из людей, пока «не вообразится в них Христос», пока не родится в душе вера.[16]

Большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, который хвостом увлек с неба одну треть звезд и поверг на землю, хотел пожрать младенца, «которому надлежит пасти все народы...» (Откр 12, 5). Однако «восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Откр 12, 5), а жена скрылась в пустыне.

На небе произошла война: архангел Михаил и его ангелы сразились с драконом. И низвержен был древний змей, называемый дьяволом и сатаной, и его войско было низвергнуто вместе с ним.

Тут явился из моря невиданный зверь с семью головами и десятью рогами (антихрист, имеющий власть над прочими демона-

ми), и победил этот зверь на время святых и взял власть над живущими на земле.

Появился и второй зверь с двумя рогами, который вышел из земли (лжепророк, по толкованию Андрея Кесарийского). Он волшебством и обманом будет заставлять всех поклоняться первому зверю (антихристу), и будет творить великие знамения, чтобы антихриста принимали за Бога. И «убиваем был всякий, кто не будет поклониться образу зверя» (Откр 13, 15), и число его – «666». Значение этого числа пытались разгадать многие толкователи. У древних евреев, греков, римлян, арабов буквы имели и числовое значение, так что количество и значение букв того или другого имени могло соответствовать общей сумме «666». В результате «антихристами» оказались несколько римских пап, Нерон, Наполеон, Муссолини, Сталин и др. Число «6» у евреев – такое же несчастливое, как у язычников – «13». Само имя антихриста не открыто в Библии, «666» – это его знак, по которому в свое время можно будет определить дьявола.[17]

Увидел Иоанн «иное знамение на небе, великое и чудное: семь Ангелов, имеющих семь последних язв, которыми оканчивалась ярость Божия» (Откр 15, 1). Это последнее наказание. Последняя кара, которой подвергнутся люди, поклонявшиеся антихристу. Выльются на землю семь чаш гнева Божия, и каждая вылитая чаша причинит людям большие страдания: появятся жестокие и отвратительные гнойные раны, все одушевленное умрет в море, в реках вместо воды потечет кровь, солнце сожжет людей огнем.

А когда выльет свою чашу седьмой Ангел, из храма небесного раздастся голос: «Свершилось!» – и падут языческие города, и великий Вавилон, совершится величайшее землетрясение. Вавилон – олицетворение безбожия, нечестивости и мерзости, нравственного разложения и поклонения языческим богам. «Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр 17, 5). Предсказывая падение этого города антихриста, Иоанн восклицает: «Горе, горе *тебе*, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришел суд твой!» (Откр 18, 10), «в один час погибло такое богатство» (Откр 18, 17).

И явится сам Господь, на одежде и бедре которого написано имя: «Царь царей и Господь господствующих» (Откр 19, 16), с ним воинство небесное на белых конях. И схвачен будет зверь и его лжепророк, производящий чудеса перед ним, и брошены в озеро огненное, горящее серою. Наступит тысячелетнее царствование Христа, время мира и благополучия.

Однако по истечении этого срока сатана выйдет из темницы своей и будет снова обольщать народы и «собирать их на брань» (Откр 20, 7).

Толкователи Откровения считают, что «тысячелетнее царство» – последняя тысяча лет истории человечества. Она пройдет без сатанинского участия, но в конце сатана будет освобожден «на малое время», после чего свершится последний суд.

IV часть. Рассказ о Страшном Суде. Земля поклоняется дракону, слушает лжепророков, за что на нее изливается гнев Божий. Гибнут все, не принадлежащие к истине.

Считается, что когда Христос придет на землю во второй раз, все мертвые воскреснут, предстанут на Страшный Суд и будут судимы по своим добрым и злым делам. Какая чаша перевесит, в зависимости от этого человек отправится в ад или рай.

Один из толкователей Апокалипсиса считает это распространенным заблуждением и поясняет: «Весь христианский мир верит в воскресение из мертвых «праведных» и «неправедных», но не все знают, что между воскресением «праведных» и воскресением «неправедных» пройдет 21 тысяча лет царствования Христа на земле».[18]

К «первому воскресению» можно отнести все случаи, которые произойдут до тысячелетнего царства Христа: это праведники оживут и будут царствовать с Христом тысячу лет. «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр 20, 4 – 6).

Во втором воскресении, воскресении грешников, дух и тело их соединятся для вечных мучений в месте, которое называется «озером огненным» или «адом», «геенной огненной».

Освобожденный Сатана снова прельстит множество людей, и будет «число их, как песок морской» (Откр 20, 7). Зло снова станет царствовать над человечеством, губить души, дьявол снова захочет овладеть всей землей. И тогда снова свершится справедливый Божий суд, и никто не избежит страшной кары, а сатана и его лжепророк будут ввергнуты в «озеро огненное и серное» (Откр 20, 10).

Суд Бога, сидящего на великом белом престоле, – это последнее судилище, на которое предстанет каждый человек. Будут раскрыты книги, и среди них – книга жизни, и судимы будут все «по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр 20, 12).

Море и земля отдадут своих мертвецов, «и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Откр 20, 15).

Возникнет новый прекрасный великий город Иерусалим, который будет стоять среди огненного моря и которому не страшен будет бушующий огонь. Спасенные народы войдут в него, и «не войдет в него ничто нечистое» (Откр 21, 27). В пламени огненном очистится земля, Господь сотворит новую землю, которую заселят народы, спасшиеся в Божьем городе. Прекрасна будет жизнь на новой земле, где Бог осуществит свой замысел спасения людей.

Недаром в конце своей книги Иоанн восклицает:

«Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Откр 22, 17).

Это относится ко всем, берущим в руки Библию.

Священное писание, его Ветхий и Новый Завет – это своеобразный континент, на котором есть свои высочайшие вершины и свои глубокие таинственные впадины, похожие на озера, заполненные прозрачной водой. Каждый, кто взберется на одну из вершин, увидит еще более высокие и недоступные; всякий, кто попытается достичь дна одного из прозрачных озер, почувствует его непостижимую глубину, полную множества неразгаданных тайн. Главы этой величайшей в мире книги подобны миражам в пустыне: вот только что ясно видел и ощущал глубинный смысл ее страниц, а проходит время – и понимаешь, что подлинный, таинственный подтекст этого необыкновенного творения недоступен, пожалуй, никому из смертных, и каждое новое поколение будет читать и толковать бессмертные страницы по-своему.

Десятки самых светлых умов человечества на протяжении веков отмечали непостижимое вдохновение Библии, ее непроницаемую глубину, ее неразгаданные пророчества, ее гениальные исторические страницы.

«Что за книга это Священное Писание, – восклицал Ф.М. Достоевский, – какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных...»[19]

А великий немецкий поэт И.В. Гёте считал: «Пусть духовная культура непрерывно идет вперед, пусть естественные науки непрерывно растут вширь и вглубь, пусть дух человеческий охватывает все более и более широкие горизонты, – высот нравственной культуры христианства, озаряющей нас из Евангелия, мы никогда не превзойдем».[20]

Роль Библии в истории, литературе, искусстве, музыке настолько огромна, что нет никакой возможности перечислить все произведения, сюжеты которых взяты из ее страниц. Вся древнерусская живопись, все искусство эпохи Возрождения проникнуты ее мотивами, насыщены ее героями. Микеланджело и Рембрандт, Рубенс и Эль Греко, Андрей Рублев и Феофан Грек, Александр Иванов, Николай Ге – это только некоторые из множества художников, чьи произведения на библейские темы вошли в сокровищницу мирового искусства. Без знания ветхозаветных и новозаветных сюжетов многое, очень многое в русском и мировом искусстве останется для нас темным, непонятным. И неважно, верующий Вы или атеист – знание Библии необходимо для каждого культурного человека.

«Закрывая Библию, – писал протоиерей Александр Мень, – каждый читатель, будь то атеист, скептик или верующий, вынесет из ее чтения нечто свое, соответствующее его взглядам. Одни оценят ее художественную, литературную сторону, других она взволнует, у третьих, быть может, вызовет протест. Хотелось бы только, чтобы читатель не остался равнодушным. Ведь если с тех пор, как была написана последняя библейская страница, многое и изменилось в жизни людей, то всегда остаются проблемы, которые не устаревают, которые будут актуальны в любой век. Они-то и составляют суть Библии. Поэтому, как и в прошлом, каждая новая эпоха снова и снова будет находить в ней источник вдохновения и пищу для раздумий».[21]

ИКОНЫ. ИИСУС ХРИСТОС И БОГОРОДИЦА

Едва человек входит в православный храм, его взгляд падает на иконостас – высокую преграду из икон, отгораживающую алтарную часть храма от основного объема.[*] Там, в центре, среди хорошо читаемых издали икон деисусного чина[**] – преобладающая над всеми, выделяющаяся четко и ясно фигура Иисуса Христа. Чаще всего он изображается сидящим на престоле (троне), иногда трон окружают различные небесные силы. Образ Христа может быть поясным, оплечным или оглавным, но всегда он торжественен и величав, мудро-спокоен и одухотворен.

* См. главу «Храмы».

** См. главу «Иконостас».

Тот же лик Спасителя смотрит на пришедшего в храм с высоты, с барабана главного купола. Он где-то там, в небесах, он царит над землей, всевидящим оком взирая на людей. Это Вседержитель, Победитель смерти, который все держит в своих руках.

Образ Иисуса Христа узнаешь сразу, где бы он ни был помещен: в настенной росписи храмов, в деисусном чине иконостаса или его праздничном ряду, на маленьких моленных иконах.

Образ Христа таким, каким мы видим его сейчас, сложился в Византии к началу IV в., ко времени правления императора Константина Великого (306–337 гг.), который покровительствовал новой религии, поддерживал христианскую церковь и перенес столицу в город Константинополь. Это так называемый исторический тип Иисуса в возрасте его крестных страданий, с удлиненным лицом, темно-русыми волосами, небольшой бородой.

Самые первые изображения Христа появились на заре христианства в I веке, в живописи римских катакомб: тогда христианская религия была гонима, верующие вынуждены были скрываться, а моления устраивались в подземных лабиринтах, стены которых украшались живописью на евангельские темы.

В то время появились символические изображения Иисуса, в основу которых брались образы из Священного Писания или из природы. Это мог быть процветший жезл Ааронов, агнец или рыба.

В основе изображения Христа в виде агнца (жертвенное животное) лежат слова евангелиста Иоанна: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира» (Ин 1, 29).

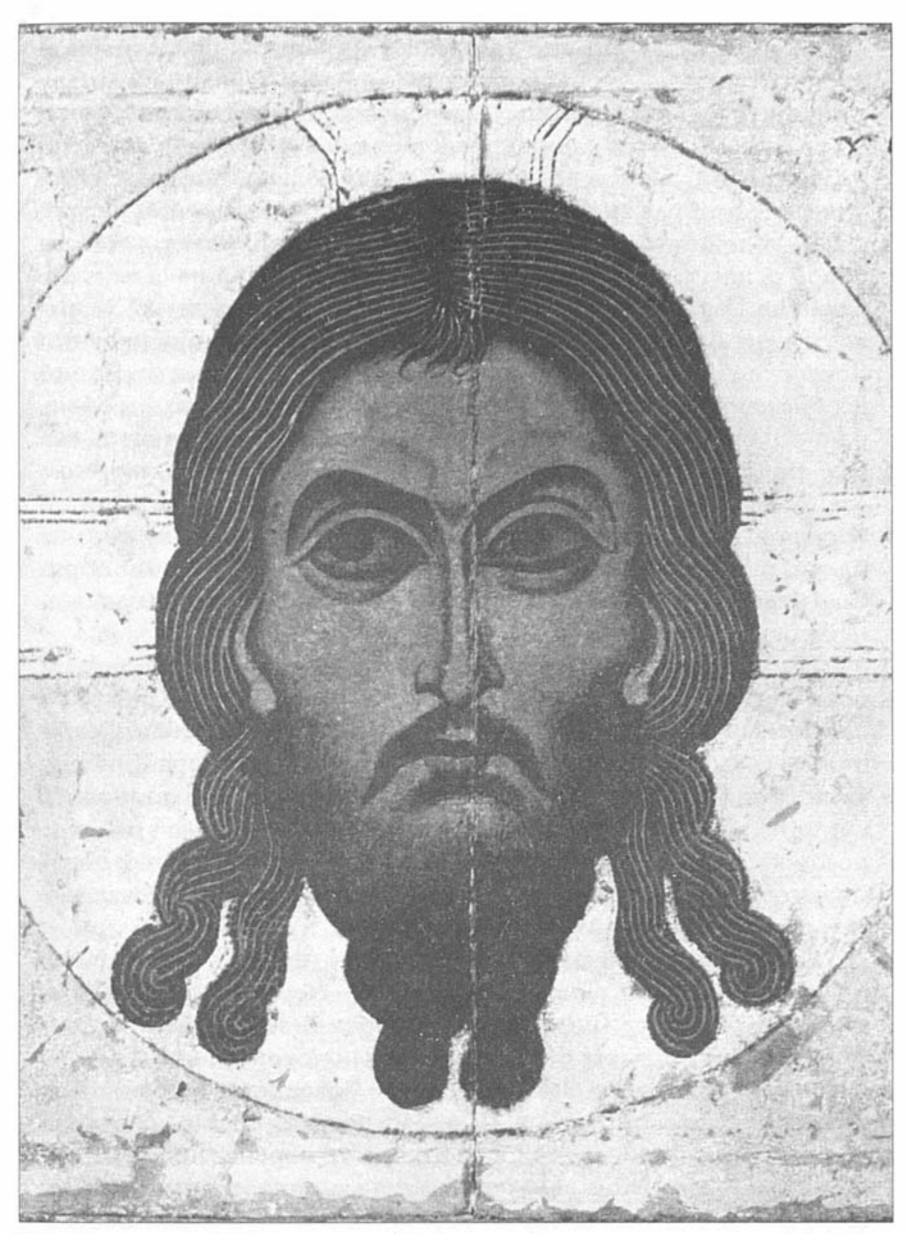
Изображение Христа в виде рыбы ведет свое начало от греческого слова «рыба» – «ихфис», которое трактуется как сокращение из первых букв пяти слов: Иисус Христос Божий Сын Спаситель.

В раннехристианском искусстве, которое во многом еще следовало традициям древних греков и римлян, появляется так называемый «идеальный» тип изображения Спасителя. Это юноша с пышными и длинными локонами, ниспадающими на плечи. Во II–III вв. складывается символический образ «Доброго Пастыря» – юного пастуха в короткой тунике с овцой на плечах, воплощающего Сына Божьего, посланного в мир пасти Божие стадо. Подобное мозаичное изображение начала V в. сохранилось в мавзолее Галлы Плацидии в Равенне, городе на севере Италии. Здесь изображена живая сельская сцена: красивый юноша в пурпурных одеждах, присев на скалу, ласкает одну овцу, а другие бродят рядом. Вокруг головы его золотой нимб, в левой руке – высокий золотой посох с крестом. Эта мозаика служит свидетельством того, как образ совсем юного прекрасного отрока постепенно видоизменяется в образ Царя Небесного, торжественно восседающего среди своего стада.[1]

Другая трактовка Сына Божьего в древнехристианском искусстве – в виде Еммануила в соответствии с пророчеством старшего из четырех великих пророков Израиля Исайи: «...се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис 7, 14).

Правда, в более раннюю эпоху, в VI столетии, изображения Спасителя с надписью «Еммануил» представляют Христа в его историческом облике, а не в облике юного отрока, как установилось в церковном искусстве позднее. Возможно, отроческий возраст Иисуса на более поздних изображениях типа Спас-Еммануил сложился под влиянием евангельского эпизода, где юный Христос вел беседу с учителями в храме.

Впервые изображения Иисуса Христа в его историческом облике, в возрасте крестных страданий, появились в середине II в.

Спас Нерукотворный. Фрагмент иконы XII в.

в живописи катакомб, где христиане устраивали богослужения и хоронили своих умерших собратьев по вере. Среди множества живописных и скульптурных материалов, относящихся к искусству катакомб, образ Христа предстает как в виде символических изображений, так и в его историческом облике, причем символические изображения преобладают во времена гонений на христиан, а действительные изображения – в периоды торжества новой религии. И хотя в те далекие времена исторические изображения Иисуса были крайне редки, все-таки и там уже встречается тот образ Спасителя, который установился в церковном искусстве позднее. В катакомбе Каллиста было найдено изображение Христа в годах его славного служения людям очень раннего времени: периода 117–138 гг. К сожалению, теперь его уже не существует, и оно известно только в гравюрном воспроизведении.[2] Но в этом изображении Иисуса с недлинной бородой, волосами, разделенными посредине и падающими на плечи, в типе его лица без труда узнается более поздний образ Спасителя, который, как считается, установился в христианском искусстве к IV веку.

Ни в одном из четырех Евангелий, ни в каком-либо другом произведении евангелистов нет описания внешности Христа, но подлинный образ Спасителя всегда интересовал христиан. Сохранились сведения, что сестра византийского императора Константина Великого Констанция в начале IV в. пыталась установить среди изображений Иисуса подлинное и обратилась с этим вопросом к историку церкви Евсевию. Однако он ответил, что образ Спасителя «не по силам человеческой живописи» и советовал вернуться к «внутреннему созерцанию».[3]

Поиски исторического облика Христа привели к появлению одного из основных типов изображения – Нерукотворного Образа на святом убрусе (полотенце). По преданию, лик Богочеловека чудесным образом отпечатался на полотенце, когда Иисус умылся и вытерся им. Затем в течение более трех веков он был утерян и вновь обретен в IV в. Но по-настоящему известен Нерукотворный образ стал в 944 г., после перенесения из Едессы в Константинополь. Он становится каноническим: изображение Христа оглавное в окружении крестчатого венца, с небольшой бородкой и длинными волосами до плеч.

Существует несколько легенд о происхождении образа Спаса Нерукотворного. Согласно первой эдесский царь Авгарь много слышал о чудесах, творимых Иисусом Христом, и когда заболел, то послал своего живописца Ананию, чтобы тот пригласил

Спасителя в Едессу. Если же Христос откажется, то Анания должен был написать портрет Иисуса для царя.

Живописец прибыл в Иудею и увидел Христа, беседующего с людьми. Народу было много, и пробиться к Иисусу Анания не смог. Тогда он взошел на близлежащую гору и там стал рисовать портрет Спасителя. Видя его старания, Христос призвал к себе Ананию, узнал о просьбе царя Авгаря, затем омыл свое лицо водою и вытер полотенцем, на котором тотчас и запечатлелся его образ. По дороге домой Анания остановился в одном месте, спрятал образ среди кирпичей, а ночью там появился необычайный свет. Прибежали жители и увидели, что лик Иисуса отпечатался также на одном из кирпичей. Впоследствии его стали называть Спас на чрепии.

Второе предание рассказывает о том, что когда Христос шел на Голгофу, то лицо его было покрыто потом и кровью. Он взял плат у одного из своих учеников, вытер лицо, и на плате остался его образ. По другим источникам, плат дала Иисусу некая Вероника.

Изображение Христа на иконах Спаса Нерукотворного обычно спокойное, с открытыми глазами. В католических странах в этом сюжете лик Иисуса страдальческий, иногда с закрытыми глазами, на голове терновый венец и следы крови.

С иконой, известной под названием «Спас императора Мануила» и находящейся сейчас в Успенском соборе Московского Кремля, связано следующее предание. Греческий император Мануил, будучи изрядным живописцем, изобразил на одной иконе Спасителя с благословляющею рукою. Но однажды некий священник, уличенный в каких-то злоупотреблениях, был сурово наказан самим императором. В ту же ночь во сне к Мануилу явился Христос и укорил его за то, что царь принимает на себя не данную ему власть судить священство. Когда наутро император проснулся, то все тело его было покрыто ранами в наказание за превышение своей власти, а на иконе рука Спасителя стала указывать «долу» в знак того, что и царская власть подчиняется власти Божией.[4]

Считается, что икона взята в Москву из новгородского Софийского собора вместе с другими святынями. Ее древняя живопись не сохранилась: памятник переписан в XVI–XVII вв., но доска указывает на то, что это произведение древнерусского искусства могло быть создано в XII в.

Эта древняя греческая икона, как свидетельствуют описи, долгое время стояла в конце местного ряда* иконостаса

* См. главу «Иконостас».

Успенского собора Московского Кремля, пока патриарх Никон не переставил ее на самое почетное место, справа от Царских врат, именно из-за того самого предания, которое подчеркивает неподсудность церковных иерархов светской, то есть царской власти.[5]

Впрочем, это не спасло Никона: его споры с царем Алексеем Михайловичем закончились тем, что сначала сам святитель в Успенском соборе сложил с себя патриаршию власть, а затем, лишенный уже собором святительского сана, был сослан в Белозерский Ферапонтов монастырь.

В русском церковном искусстве изображения Иисуса Христа претерпели определенные изменения: образ Спасителя становится более мягким, человечным по сравнению с византийским искусством.

Русские иконописцы, изображая Сына Божия в его человеческом облике, пытались воссоздать его духовную сущность, отобразить его божественное происхождение. В иконах сохраняется всегда величавый характер образа; от них веет строгим вдумчивым покоем, призывом к кроткому послушанию, высокой вере.

Среди многочисленных памятников древнерусской культуры есть определенный пласт произведений, которые издавна почитаются на Руси как святыни.

Если памятники, будь то архитектурные сооружения или скульптурные портреты, стеллы, камни или настенные доски, – это сохранившиеся предметы культуры прошлого или настоящего, то святыни овеяны ореолом избранности, совершенства, Божиим промыслом, особой благодатью. Чаще всего они отмечены в истории чем-то особенно значительным, необъяснимым, что мы называем чудом.

Удивительно ли, что в самые решающие, судьбоносные моменты люди, в глубине души которых живет неистребимая жажда чуда, обращаются к своим святыням, веря в дарованное им необычайное свойство совершить такое чудо. Святыни безусловно связаны с церковью, с ее непоколебимой верой в Божественный промысел, с ее глубоким убеждением в силе искренней молитвы, с ее благоговейным почитанием всех небесных покровителей людей, живущих на земле. Наши святыни – это и главный храм России, Успенский собор Московского Кремля, это и Новгородская София, и Успенский Владимирский собор, и многочисленные храмы и соборы Суздаля, Владимира, Ростова, Углича... Конечно, это и чудотворные иконы, прежде всего, иконы Божьей

Матери Владимирской, Казанской, Смоленской, Иверской, Федоровской, которые веками почитались всей Россией.

В самые трудные моменты истории, в самые, казалось бы, безысходные минуты русские люди обращались к ним.

Вспомним Отечественную войну 1812 года с французами, представим себе мысленным взором летний день на Бородинском поле, изрытом укреплениями, русских солдат, допустивших французов почти к Москве, их чувства накануне битвы.

В эти беспокойные, полные тревожного ожидания минуты на Бородинское поле вынесли икону Смоленской Божьей Матери, которую солдаты называли «матушкой, заступницей».

Лев Николаевич Толстой так описывает ее появление на будущем поле брани в своем романе «Война и мир»:

«...За батальоном, шедшим по пыльной дороге, шли в ризах священники и один старичок в клобуке с причтом и певчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом, в окладе икону. Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией. За иконой, кругом ее, впереди ее, со всех сторон шли, бежали и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшие на полотенцах икону люди переменились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебен... пение негромко раздавалось под открытым небом. Огромная толпа с открытыми головами офицеров, солдат, ополченцев окружала икону. ...Как только уставшие дьячки (певшие двадцатый молебен) начинали лениво и привычно петь: «Спаси от бед рабы твоя, богородице», и священник и дьякон подхватывали: «Яко вси по бозе к тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предстательству», – на всех лицах вспыхивало опять... выражение сознания торжественности наступающей минуты... и чаще опускались головы, встряхивались волоса и слышались вздохи и удары крестов по грудям.

Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась... Кто-то, вероятно, очень важное лицо, судя по поспешности, с которою перед ним сторонились, подходил к иконе.

Это был Кутузов, объезжавший позицию. Он... подошел к молебну.

...Когда кончили молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до

Богоматерь Одигитрия Смоленская. XV в.

земли. Генералитет последовал его примеру; потом офицеры и за ними, давя друг друга, топчась, пыхтя и толкаясь, с взволнованными лицами, полезли солдаты и ополченцы».[6]

Нет, не случайно оказалась эта икона на Бородинском поле! Уже одним своим присутствием в войске поднимала она дух солдат, видевших в Богородице надежную заступницу и предстательницу перед Богом.

Икона Божьей Матери, получившая название Смоленской, издавна славилась на Руси. Она была овеяна вековой славой и известна своими чудотворениями. Предание приписывало ее кисти евангелиста Луки, которому первому принадлежат изображения Пресвятой Девы Марии.

К нам на Русь она прибыла как одна из первых византийских икон. По одной версии царевна Анна, сестра греческого императора Василия, привезла эту икону как благословение на брак с великим князем Владимиром, принявшим христианство в 988 г. По другой версии греческий император Константин Мономах, выдавая свою дочь в 1046 г. за черниговского князя Всеволода Ярославича, благословил им царевну Анну. По наследству икона досталась сыну Всеволода – Владимиру Мономаху, который привез ее в Смоленск и поставил там в храме Успения Богоматери, который он устроил в 1101 г.[7]

С тех пор икона стала называться Смоленской, хотя по изображению Богоматери и Иисуса Христа она принадлежит к византийскому иконографическому типу Одигитрии, что значит «путеводительница».

Дева Мария, представленная по пояс, держит младенца Иисуса на левой руке. Оба запечатлены прямолинейно, строго анфас, причем Христос правой рукой благословляет, а в левой держит свернутый свиток.

Одним из самых распространенных преданий, связанных с этой иконой, является предание о спасении города Смоленска во время нашествия Батыя в 1237 году.

Тогда в храме, где пребывала чудотворная икона, сторож ночью услышал глас, повелевший ему обратиться к богатырю Меркурию, благородному римлянину, который находился на службе у князя Смоленского.

Меркурий пришел в храм и в свою очередь услышал повеление свыше: «Посылаю тебя оградить дом Мой! Силою Христа победишь исполина, но тебя ожидает венец мученический».

Богатырь вышел на единоборство с татарином, сразился с ним и победил. Однако пророчество сбылось: сам Меркурий был

убит ночью врагами, когда, изнуренный усталостью, заснул, – ему отрубили голову. Но Батый отступил от города, и Смоленск тогда не подвергся разорению.

Благодарные горожане похоронили богатыря в храме Богоматери, и церковь чтит его как святого мученика и нового чудотворца.

Как икона из Смоленска оказалась в Москве, абсолютно точно не установлено. По одним источникам, она была принесена в столицу для защиты от очередного набега татар в 1395 г.; по другим – в 1398 г. Летописи отмечают, что ее захватил в плен какой-то Юрга, возможно литовский воевода, перешедший на сторону московского князя и принесший ему в дар смоленскую святыню. Историк И.М. Снегирев выдвигает еще одну версию: человек, упоминающийся в летописи как Юрга, это, вероятно, последний смоленский князь Юрий Святославович, изгнанный литовским князем Витовтом из Смоленска в 1404 г. и искавший спасения и защиты у московского князя.

Во всяком случае, икону в Москве с почетом приняли и поместили в Благовещенском соборе по правую сторону от Царских врат, где она и находилась до 1456 г., то есть чуть больше полувека.

Но вот в Москву прибыло из Смоленска, находившегося под литовским господством, специальное посольство: епископ Мисаил и наместник города со многими сановниками. Они просили великого князя Василия Васильевича Темного отпустить икону обратно в Смоленск. Великий князь посовещался с архиереями и боярами и решил, что «нельзя держать в плену Владычицу мира». Сняли с иконы точный список, оставили его в Благовещенском соборе, а саму святыню отпустили на место ее постоянного обитания. Прощание проходило с большими торжествами. Отслужили молебен, и после литургии святой образ был вручен смоленскому епископу. Великий князь, его дети, митрополит, духовенство столицы с иконами и крестами, воинство, бесчисленное множество народа провожали чудотворную икону за город, и две версты несли ее на руках.

С 1404 по 1514 гг. Смоленск входил в состав великого княжества Литовского. Через десять лет после его возвращения в состав великого княжества Московского, при великом князе Василии Иоанновиче, на месте последнего прощания с чудотворной иконой Богоматери был построен Новодевичий монастырь – в память взятия Смоленска и присоединения его к российской державе. Туда перенесли список с иконы Богоматери Смоленской, который находился в Благовещенском соборе Московско-

го Кремля, и установили праздник в честь смоленской святыни двадцать восьмого июля.[8]

Вообще практически все древние памятники в нашей стране, начиная с X в., обязаны своим происхождением церкви. Именно христианство, православная вера являлась началом, средоточием искусства на Руси.

Церковная живопись была необходимой принадлежностью богослужения, она олицетворяла важнейшие церковные догматы, библейские предания, евангельские символы и события. У нее была одна цель – проповедь христианской веры, но не словом, а образом; она должна была пробуждать благоговейные чувства, создавать молитвенное настроение.

Иконы предназначались для молитвы. И как молитву нельзя было изменять по собственному усмотрению, так и иконы должны были строго следовать канону, заимствованному Русью из Византии. Но вместе с тем памятники иконописи – это великое искусство, которое создала средневековая Русь и которое только в XX в. стало известно миру.

Как долго мы о нем ничего не знали... Как долго со старых досок, украшенных золотом и серебром окладов, смотрели на людей темные лики, покрытые сажей от свечей и потемневшей олифой!

Их пробовали чистить, терли толченым кирпичом, но вместе с верхним слоем снимали и краски. Их записывали: на темную доску накладывали новый левкас (грунт) и писали тот же или иной сюжет. Их подновляли: по едва видному рисунку наносили новый, зачастую невыразительный, ремесленный.

Однако именно многочисленные слои разновременной живописи помогли сохраниться старому красочному слою. Ведь изображение жило восемьдесят – сто лет, затем темнело, записывалось, и чтобы открыть древнюю живопись, реставраторам приходилось снимать до пяти–семи слоев.

Собирать, изучать и реставрировать старые иконы стали во второй половине XIX в., но лишь в XX в., когда процесс реставрации достиг определенного совершенства, из-под вздувшейся вскипевшей олифы стали проступать неожиданно яркие, чистые краски.

Красота старого церковного искусства была просто поразительна: горели непривычные, похожие на россыпь драгоценных камней цветовые пятна, удивляли и необычность подбора красок, и точность рисунка, и наивное и вместе с тем мудрое мироощущение наших предков.

Это было одним из замечательных художественных открытий XX века. Русская церковная живопись предстала перед миром как уникальное явление, имеющее огромное художественное значение.

Известный искусствовед В.Н. Лазарев, говоря о русской иконописи, замечает: «...Ее сияющие краски, сильные и яркие, ее ритмические силуэты, певучие и мягкие, ее просветленные лики, ласковые и поэтичные, ее эпическое настроение, спокойное и сосредоточенное, – все это вызывает у зрителя ощущение какой-то внутренней легкости, когда все противоборствующие страсти приведены в согласие и когда возникает то особое чувство гармонии, которое рождается при звуках совершенной музыки».[9]

В наше столетие были раскрыты и отреставрированы практически все русские иконы, легенда которых так или иначе уводит в глубину веков. Теперь в сокровищницах Государственной Третьяковской галереи, Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, Русского музея в Санкт-Петербурге, музеев Московского Кремля, Троице-Сергиевой лавры, Новгорода, Владимира, Пскова, Ярославля находятся шедевры древнерусской живописи, которые вызывают у специалистов и любителей искусства постоянный интерес, радость от знакомства со столь необычным самобытным явлением, благоговейное почитание и преклонение перед мастерством живописцев, среди которых такие признанные всем миром мастера как Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий.

Иконы (в переводе с греческого – «образ») – это изображения Иисуса Христа, Богоматери, святых, которые призваны напоминать о событиях Священного Писания. Пришедшая на Русь вместе с христианством из Византии, иконопись берет свое начало от погребальных портретов, которые писались после смерти людей и возлагались на гробы. Считается, что наиболее древним прообразом икон являются египетские погребальные портреты, выполненные на деревянных дощечках восковыми красками (так называемые «фаюмские портреты»). Они помещались в головах на могилах и саркофагах для поклонения и прощания с умершими. При похоронах первых христиан и мучеников за веру к таким портретам подходили с крестным знамением в знак открытого исповедания веры.

Церковь рассматривает икону как символ божества, таинственным образом с ним связанный, напоминающий людям о божественном мире.

Говоря о той главной роли, ради которой создавались иконы, отец Павел Флоренский писал: «...икона имеет целью вывести сознание в мир духовный, показать «тайные и сверхъестественные зрелища».[10]

На Руси иконопочитание было необыкновенно развито. Иконы находились везде: в избах, в палатах, в церквях, в маленьких моленных часовнях на дорогах, на полях сражений. Они сопровождали человека в течение всей жизни, начиная с рождения и кончая смертью. Их богато украшали, одевая в золото, серебро, драгоценные камни, их почитали как часть того первообраза, которому они были посвящены. Недаром в одной из летописей говорилось:

«Иже святым иконам не поклоняется, чюжь есть веры святыя, яко иконная честь на первый образ переходит».[11]

Беря свое начало от византийской живописи, строго следуя ее канонам, русская иконопись сумела выработать свой самостоятельный язык. Для нее характерны и свой способ отражения жизни, и свои живописные приемы, и свои секреты ремесла – как в подготовке досок, так и в приготовлении красок. Но самое главное заключается в том, что наши мудрые предки привнесли в церковную живопись свое оптимистическое мироощущение, радость полноты земной жизни, утверждение бытия.

«Именно России дано было явить то совершенство художественного языка иконы, которое с наибольшей силой открыло глубину содержания литургигического образа, его духовность, – отмечал историк церкви и богослов Л. Успенский. – Можно сказать, что если Византия дала миру по преимуществу богословие в слове, то богословие в образе дано было Россией».[12]

Но чтобы познать это «богословие в образе», нужно прежде всего понимание языка древнерусской церковной живописи. Наши предки легко «читали» как иконы, так и настенную живопись храмов, для них это было знакомо и понятно с детства.

Чтобы полностью оценить истинную красоту древнерусской живописи, надо познать ее внутреннюю сущность, проникнуться мироощущением наших предков, принять их систему нравственных ценностей. Тогда иконопись станет понятной и близкой современному человеку не только своей совершенной красотой, но и своим духом.

Икона пишется на специально подготовленной доске, по бокам которой оставлены поля, а в середине находится выдолбленное пространство, напоминающее корытце, – ковчег. В этом-то

ковчеге и пишется само изображение, но не на голой доске, а на покрытой грунтом, так называемым левкасом. Это особым образом приготовленная смесь тертого мела с укрепляющими составами: животным или рыбьим клеем.

Всматриваясь в икону, глядя на лик или на сцену, представленную здесь, прежде всего обращаешь внимание на необычность изображения: предметы не уменьшаются по мере удаления от зрителя, а зачастую напротив – увеличиваются. Это явление носит название «обратной перспективы», и появление ее в иконописном искусстве совсем не случайно. Любой живописец, рисуя картину, представляет ее с точки зрения смотрящего человека, и тогда все предметы по законам материального мира при удалении уменьшаются, а параллельные линии сходятся у горизонта. Но иконописцы не считаются с законами линейной перспективы. Наоборот, если древний изограф изображает, например, стол, то та сторона, которая обращена к зрителю, будет короче той, что удалена от него. Это объясняется тем, что древние мастера писали иконы как бы с точки зрения изображаемого: Христа, Богоматери, святого. Не мы на них, но они смотрят на нас из своего горнего мира, и человек перед их взором – лишь малая частица Вселенной. В соответствии с этим «взором из мира иконы» то, что ближе к образу, пишется крупнее; то, что отстоит дальше, – пишется мельче.

Разная величина фигур определяется их значимостью. Чем выше божественная сущность представленного образа, тем крупнее он на иконе. Интересно и то, что древние изографы совмещали несколько сцен, происходящих в разное время и в разных местах. Так, например, в сюжетах «Рождества Христова» мы видим Деву Марию и Младенца в яслях, над которым склонились животные. Здесь же представлены и пастухи, узнавшие о рождении Богомладенца, и волхвы, идущие за Вифлеемской звездой, и поклонение новорожденному Иисусу, и сидящий в глубоком раздумье Иосиф.

Однако иконная живопись не старалась передать все те подробности, в которых происходило действие. Зачастую лишь отдельные элементы определяли место, где развивалось событие: одна палата указывала на город, дерево – на рощу, благословляющая рука в верхнем углу иконы – на то, что Бог видит все, благословляет происходящее и участвующих в нем.

Лики святых, изображаемых на иконах, – плоски, необъемны. Это было одним из главных правил, которых следовало придерживаться: иконописец должен представить святого не в

Рождество Христово. XV – XVI вв.

какой-то определенный, заданный момент, а изобразить его таким, каким он бывает «всегда». У зрителя должно возникать ощущение того, что он стоит перед источником света. И как не видно теней на солнечном диске или на светящейся лампе, так нет теней и на ликах святых, ибо они и есть тот живой свет, к которому тянутся верующие.

Образ света создается и при помощи золота, которое украшает иконы. «Именно золотом изображается на иконе то,

что имеет прямое отношение к Силе Божией, к явлению Божией благодати. Это явление благодатного света икона передает золотым нимбом вокруг головы святого», – написано в «Настольной книге священнослужителя».[13] Золото фона как бы подчеркивает вневременное, внепространственное происхождение сюжета, принадлежность его не к мирскому, а божественному ряду. «Кроме иконного фона и нимба, золото в виде растекающихся струй (ассиста) накладывается на одежды Спасителя и на другие предметы, через которые подчеркнуто проявление Силы Божией. Ассист своим золотым струением знаменует непосредственное проявление Божественных энергий», – объясняется там же.

Византийские иконы обычно сумрачны, в них преобладают коричневые, вишневые, темно-красные тона. Русские мастера играют красками как драгоценными камнями, и оттого русская иконопись нарядна, радостна для глаз. Она удивляет сочетаниями чистых, незамутненных тонов, причем часто цвет несет в себе определенную символику. Так, красная одежда Богоматери возвеличивает Ее Богоматеринство, голубая прославляет Ее Вечное Девство. Зеленый цвет указывает на гармонию Божественного бытия. В трактатах о церковной живописи подчеркивается, что белый цвет причастен к божественному свету, черный – цвет смерти, кромешной адской тьмы, синий – небесный, созерцательный, зеленый – выражение юности и жизни.[14]

Однако стройной системы здесь не существует, и древний изограф, в рисунке не отступающий от канона, в красках был более свободен и за счет цвета, за счет распределения цветовых пятен мог придать различную эмоциональную окраску тому или иному сюжету.

Церковная живопись рассматривалась на расстоянии, и потому живописцу было важно, чтобы святых узнавали издалека. Как раз в этом очень помогал цвет. Искусствовед М.В. Алпатов заметил, что «по темно-вишневому плащу [можно было легко узнать] Богоматерь, по светло-малиновому – апостола Павла, по охристому – апостола Петра, по ярко-красному плащу – мучеников Георгия и Димитрия, по огненно-красному фону – Илью Пророка, который живым поднялся в небесный эфир, и по тому же красному цвету – вечный огонь в аду, в котором Сатана царствует над осужденными грешниками».[15]

Продолжая разговор о красках русских икон, М.В.Алпатов пишет: «Что бы икона ни изображала – торжественное празднество или печальный обряд – в ее красках, в их выборе, в их распре-

делении на доске художник заботился о том, чтобы они составляли нечто целое, гармоничное, восполняли друг друга, дружили друг с другом. Недаром нам слышится в иконах веселый перезвон красок. Краски подходят друг к другу, как цветы, составляющие красивый букет, оживляют поверхность иконной доски, нередко выделяя ее сердцевину наиболее ярким и светлым пятном. Если между холодными и теплыми достигнуто равновесие, то они покоят глаз зрителя, внушают ему представление о том, как благоустроен должен быть мир».[16]

Древнерусская живопись – это своеобразная красочная симфония, которая на протяжении многих веков звучала во славу Творца и Мироздания.

Издавна покровительницей и заступницей русской земли считается пресвятая Дева Мария. Она окружена особым почитанием, особой любовью верующего народа. На Руси было великое множество чудотворных и явленных (то есть явившихся чудесным образом в каком-то определенном месте) икон Богородицы. Много и всевозможных празднований в честь Девы Марии и ее икон: в православном календаре только в июле установлены празднования в честь икон Богоматери, носящих названия Ахтырской, Феодотьевской, Галатской, Домостроительницы, Влахернской, Казанской, Тобольской, Устюжско-Благовещенской, Кипрской, Коневской, Ржевской, Смоленской, Троеручицы, Абалацкой-Знамение, Гребневской и других.

На иконах типа Одигитрии (путеводительницы) Дева Мария представлена с Богомладенцем, который держит в одной руке свернутый свиток, а другой благословляет. Изображения Богоматери и Младенца – строгие, прямоличные, их головы не касаются друг друга.

Лирический образ Богоматери с Младенцем, носящий в Византии название «Елеуса» (милующая), развился из иконографического типа Одигитрии не позднее XII в. На Руси подобные изображения стали называть «Умиление», что наиболее точно передает содержание этого типа икон. На них Богоматерь с умилением смотрит на Сына, ласкает его, и Младенец с нежностью прижимается к Матери. Иисус может быть и на правой, и на левой стороне.

Часто иконы типа Умиления, так же, как и типа Одигитрии, имеют второе название по месту, где они находились. Многочисленные списки с этих почитаемых и большей частью чудотворных икон легко определяются по иконографическим призна-

кам, присущим каждому варианту: Владимирской, Донской, Федоровской, Ярославской, Яхромской и другим.

Многие изображения Девы Марии связаны с различными событиями нашей истории. Так, Владимирская икона, по преданию, неоднократно спасала Москву от нашествия татар; Донская принимала участие в исторической Куликовской битве; Казанская покровительствовала русскому войску в 1612 г. при изгнании поляков из Кремля; Федоровская играла благословляющую роль при избрании на царство первого представителя дома Романовых – юного Михаила.

Изображая Деву Марию, русские иконописцы создавали образ Матери, которая знает о страданиях, ждущих Ее Сына и которая с рождения Богомладенца отдает Его людям во имя их спасения.

Богоматерь на русских иконах всегда в печали, но печаль эта бывает разной: то скорбной, то светлой, однако она исполнена душевной ясности, мудрости и большой духовной силы. Богородица может торжественно «являть» Младенца миру, может нежно прижимать Сына к себе или легко поддерживать Его – Она всегда полна благоговения. Дева Мария поклоняется своему Божественному ребенку и кротко смиряется с неизбежностью жертвы.

Лиричность, просветленность и отрешенность – вот, пожалуй, главные черты, характерные для изображения Богородицы на русских иконах.

Икона Богоматери «Одигитрия Смоленская» была одним из первых творений византийских иконописцев, привезенных на Русь вскоре после принятия христианства.

Вообще от этого раннего периода, от так называемого домонгольского времени, то есть от XI–XIII вв., до нас дошло очень мало памятников. Зачастую искусствоведы даже не знают, где и когда были написаны эти иконы, откуда привезены, какие из них создавались византийскими мастерами, а какие – их русскими учениками. Из летописей известно, что великий князь Владимир, впоследствии названный святым, после крещения в городе Корсуни привез с собой греческие иконы и поставил их в Десятинной церкви, первой в Киеве, построенной им. Мы знаем, что иконы эти широко почитались; появившиеся на Руси иконописцы во всем подражали им; они ценились и оберегались от всевозможных бедствий, а некоторые даже стали настолько известны, что летописи говорят о них без всяких комментариев, как о чем-то, хорошо знакомом каждому. Такой была икона Божьей Матери, носящая название Пирогощей, видимо, по имени церкви, где она находилась.

Эта икона прибыла в Киев на одном корабле вместе с другой иконой Богоматери, позже названной Владимирской.[17]

Владимирская икона Богоматери – памятник мирового значения, православная святыня, которая издавна почиталась как покровительница и защитница Руси. В течение восьми столетий наши предки свято верили в чудотворную силу реликвии, благоговели перед ней и взывали к ее заступничеству в самые трудные моменты истории.

Икона была привезена на Русь из Византии в первой четверти XII в., но предание говорит о ее более раннем происхождении: утверждается, что писана она самим евангелистом Лукой еще при жизни Богородицы.

Вглядитесь в изображение...

Богоматерь держит младенца на правой руке, а ребенок прильнул к ее щеке и протягивает ручки, обнимая за шею. Левая ножка Иисуса согнута так, что видна ступня – характерный признак иконы, по которому ее легко узнать среди других изображений типа «Умиление».

Мария задумалась, прижав к себе сына, ее взгляд устремлен вдаль. В этом взгляде и отрешенность, и мудрость, и печаль: мать знает, какие страдания ждут ее дитя, но отдает его людям.

К началу нашего века «Владимирская Богоматерь» практически была скрыта под окладом, потемневшей от времени олифой и различными поновлениями, но святители не разрешали трогать икону для изучения и научной реставрации. Только в 1919 г. по особому распоряжению правительства и благодаря благоговейному отношению к великому памятнику тогдашней главы русской церкви патриарха Тихона началось подробное исследование святыни. Ее сняли, икона была освобождена от поздних наслоений и реставраций. С тех пор икона «Богоматерь Владимирская», эта «несравненная, чудесная, извечная песнь материнства», по словам И.Э. Грабаря, находится в Государственной Третьяковской галерее, а ныне снова передана церкви.[18]

Первое упоминание в летописях иконы Богоматери относится к 1155 году и связано с именем князя Андрея Боголюбского, сына основателя Москвы Юрия Долгорукого.

Получив после смерти отца в наследство Ростово-Суздальскую землю, Юрий, которого летописи чаще называют Георгием, стремился на юг, к Киеву, за что и получил прозвища «Долгая рука». Дважды он занимал Киевский престол и только в 1155 г., казалось, навсегда захватил Киев, не ведая, что до смерти осталось всего два года...

Став великим князем, Юрий захотел, чтобы сын его Андрей находился рядом, и выделил ему Вышгород, что в одиннадцати верстах от Киева. Андрей же рвался в свои родные суздальские места, и однажды тайком от отца ушел из Киева, забрав с собой в качестве покровительницы икону Богоматери из Вышгородского женского монастыря.

Эта икона уже славилась своими чудесами; сама сходила с места, а однажды ее видели парившей в воздухе посреди церкви. Но Андрей отметил и другое – икона превосходила все другие художеством письма.

И вот ночью, скрываясь от отца, князь Андрей ушел из Вышгорода со своею княгиней, боярами, попом Микулой и дьяконом с их семьями.

После смерти отца он стал великим князем. И то, что перенесение великого княжения из России южной в Россию северную шло как бы под покровительством Богоматери, чей образ находился с Андреем Боголюбским, выделило эту икону из числа других даров византийской церкви, окружило ее ореолом любви и самого князя, и его подданных.

Прошло чуть меньше десяти лет, и Владимирская икона Богоматери стала настолько популярной, что о ней и чудесах, творимых ею, была написана повесть.[19]

Кратко рассказывая о киевских делах, повесть сдержанно и точно передает события, предшествующие тайному побегу Андрея Боголюбского из великостольного города. Придя в вышгородский женский монастырь и увидев икону Богоматери, князь «припаде на земли моляся глаголя: «О пресвятая Богородица мати Христа Бога нашего, аде хощеши ми заступница быти на Ростовскую землю, посетити новопросвещенные люди, да по твоей воли вся си будут, и тогда, взем икону, поеха на Ростовскую землю»».

В пути набожный князь несколько раз обращался к иконе Божьей Матери, и каждый раз она ему помогала, что еще больше укрепило веру в ее чудотворную силу.

Чудо первое случилось во время переправы через реку, когда князь приказал своему проводнику найти брод в разлившейся Вазузе. Проводник на коне въехал в бурную реку и неожиданно начал тонуть вместе с лошадью. Князь испугался, что из-за него погибнет человек, и начал молиться перед иконой, прося не дать ему стать виновником чужой смерти. Неожиданно проводник показался на середине реки с батогом в руках. Он благополучно достиг берега и вознес вместе с князем благодарение Богородице.

Молитвы перед чудотворной иконой помогли жене попа Микулы спастись от взбесившейся лошади, а больной беременной княгине родить здоровое дитя и самой поправиться.

Икона Богоматери принимала участие и в политическом соперничестве между Ростовом и Владимиром. Когда Андрей задумал перевезти святыню в Ростов, кони стали, не желая идти дальше. Переменили коней, но и эти не хотели двигаться. Князь молился Богоматери и получил от нее повеление – оставить икону во Владимире. То место, где остановились кони (одиннадцать километров от города), с тех пор называется Боголюбово, ибо его возлюбили Бог и Богородица. Князь построил здесь две каменные церкви и в одной из них поместил икону Богоматери. Во Владимире же был заложен большой каменный собор в честь Успения Божьей Матери. Когда в 1160 г. строительство его закончилось, князь «украси ю дивно», и поставил здесь чудотворную икону Богоматери, «вкова в ню боле триидесят гривен золота, кроме серебра и каменья драгого и женчюга».

Глубокой ночью 29 июня 1174 г. заговорщики, придя во дворец в Боголюбове, убили Андрея.

Событие это со всеми подробностями передано в еще одной древней рукописи – «Повести об убийстве Андрея Боголюбского».[20] В сказании содержится множество конкретных деталей, живых подробностей, которые говорят о том, что писано оно очевидцем тех страшных событий. Одним из вероятных авторов литературоведы и историки называют главу Успенского собора во Владимире Микулу, того самого, что со своей попадьей сопровождал Андрея Боголюбского в бегстве из Киева.

В Боголюбове и Владимире начались грабежи, «пока не стал ходить Микула с образом святой Богородицы в ризах по городу – тогда пресеклись грабежи».

Владимирская икона Богоматери, столь любимая и почитаемая Андреем Боголюбским, икона, уже двадцать лет связанная с его именем, провожала князя в последний путь.

...Но вот пришел страшный 1237 год, когда татарский хан Батый во главе огромного войска двинулся на Русь.

Икона Богоматери была в эти дни свидетельницей всеобщего горя. Перед ней молились и плакали горожане, а когда стало ясно, что завоеватели скоро будут в городе, в храме Успения затворились великая княгиня, бояре, епископ, священнослужители.

Татары подожгли храм.

Владимирская икона Богоматери видела, как епископ благословлял людей перед неизбежной смертью, как иные из них

погибали в пламени, иные задыхались от дыма. Татары выломали двери и, ворвавшись в церковь, расправились с русичами. Великокняжеское семейство погибло в огне и дыму.

Нечестивые же «святую Богородицу разграбиша, чюдную икону одраша...» С иконы был содран золотой и серебряный оклад. Отдирая его, татары повредили и живопись. Сам образ, однако, уцелел. «Степенная книга», используя древние летописи как источники, пишет очень определенно: «...от самого чудотворнаго образа Богоматери всю драгую кузнь нечестивии обломаша. Божественный же образ ея, удивлению достойно, како обретеся цел, кроме всякого врежения и уязвления от непостоянного огня и от рук беззаконных Христоненавидець Агарян...»[21]

После нашествия Русь оправлялась медленно. Прошли годы, пока князь владимирский Ярослав Всеволодович снова отстроил Успенский собор и привел в надлежащий вид владимирскую святыню.

«И оттоле сий чудотворный Богородичин образ подобно прежнему своего благолепия достойное украшение приемлет».[22]

Прежде чем снова Владимирская икона Божьей Матери будет упомянута в летописях и больше того – сыграет, по мнению тогдашних летописцев, определенную роль в истории, пройдут долгие годы.

Постепенно главой России становится Москва. Во времена Василия, сына Дмитрия Донского, на востоке вновь появился могущественный и страшный враг – Тимур (Тамерлан).

Василий Дмитриевич стал за Коломною на берегу Оки.

А в столице церкви были открыты с раннего утра до глубокой ночи. Перед алтарями лились слезы и звучали молитвы.

Василий Дмитриевич написал митрополиту Киприану, что успокоить людей может Владимирская икона Божьей Матери; ведь она не раз уже помогала в тяжелые минуты. «И пречистыя чудную икону взяли и понесоша от града Владимира на Москву страна ради Темиря Оксакова Татарьска, его же иногда в повестех слышахом далеча суща под востоки солнечными ныне же близ яко при дверях приближился есть».[23]

26 августа 1395 г. икону торжественно встречали в Москве, на поле, называвшемся Кучковым в честь первых бояр Кучковичей. Навстречу вышли духовенство, бояре, князья, простые люди, женщины и дети, нищие и калеки.

Тимур шел прямиком к городу, усыпая путь свой трупами воинов и мирных жителей. Потом остановился на берегу Оки и две недели стоял как бы в раздумье.

Богоматерь Владимирская. XII в.

Образ Богоматери поставили в Успенском соборе Москвы и молились, молились перед ним о заступничестве, о покровительстве. Ждали вестей от великого князя Василия Дмитриевича.

И вот – неожиданная радость. В тот самый день, как в Москве встретили святую икону, Тимур повернул назад.

Наверное, были в таком ходе событий свои объективные причины, но предки наши приписывали отступление Тимура заступничеству Владимирской Богоматери. В сказании говорится, что в ночь на 28 августа Тимур видел «сон страшен зело, яко гору высоку вельми, и с горы идяху к нему святители, имущи жезлы златы в руках и претяще ему зело и над святители на воздусе жену в багряных ризах со множеством воинства, претяще ему люте...»[24]

То есть видел чужих святых, в том числе и Богородицу, которым не поклонялся и которых боялся, потому и ушел с Руси.

Возвратясь в Москву, государь соорудил на древнем Кучковом поле, где встречали икону, каменный храм Богоматери с монастырем, получившим название Сретенского.

И с того времени наша церковь торжественно отмечает 26 августа праздник Сретения иконы Владимирской Богоматери – вот уже семь веков люди благодарят Богородицу за то, что спасла от одного из самых ужасных вражеских нашествий.

Окончательно икона была перенесена в Москву в 1480 г.

К тому времени молодое русское государство, чувствуя свои все прибывающие силы, не хотело больше гнуть шею перед Ордой, и когда хан Ахмат в очередной раз направил своих послов за данью, Иоанн Васильевич III взял у них басму (образ их царя), взломал ее, бросил на землю и растоптал.

Ахмат в ярости двинул войско на Москву. Он подошел к Угре, встал на правом берегу, а русское войско расположилось на левом. Иоанн Васильевич послал за чудодейственной иконой во Владимир, чтобы вновь, как и в прежние времена, искать заступничества Богоматери. Скорее всего, 23 июня икона прибыла в Москву, ее торжественно встретили, отслужили молебен, и под ее защитой Иоанн III сам выступил в поход.

Около двух недель стояли на Угре войска, не предпринимая никаких решительных действий.

В конце октября настали сильные морозы. Река покрылась льдом. Великий князь приказал отступить, чтобы сразиться с неприятелем на боровских полях.

И вот случилось чудо: татары, увидев опустевший берег, подумали, что русские заманивают их в засаду и, развернувшись, побежали прочь.

Наши предки свято верили в то, что спасла их милость Божья, заступница – Богоматерь, Владимирскую икону которой они так почитали.

Угру стали называть тогда поясом Богоматери, охраняющим московские владения...

С укреплением Московского княжества главную святыню Руси – Владимирскую икону Богоматери понадобилось перенести из Владимира в Москву, и с 1480 г. она прочно заняла свое место в главном храме России – Успенском соборе Кремля...

Русская святыня была свидетельницей и великой смуты в русском государстве, и возведения на престол Лжедмитрия I – беглого монаха Гришки Отрепьева, и поругания патриарха Иова, не пожелавшего прославлять самозванца, и позорной смерти Лжедмитрия, бежавшего от разгневанного народа, и короткого царствования Лжедмитрия II, и хозяйничанья поляков в Кремле.

Враги крепко сидели за кремлевскими стенами, пока нижегородский посадник Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский не возглавили народное ополчение. Призыв «Станем за святую Русь, за дом Богоматери» сплотил многотысячную армию освободителей.

В осажденной Москве, в польском плену, одолеваемый болезнями, томился архиепископ Елассонский Арсений. Девятнадцать месяцев, пока в Кремле находились поляки и литовцы, он сохранял от поругания нашу русскую святыню – Владимирскую икону.

После изгнания поляков из Кремля разные отряды ополчения двинулись в Китай-город, сошлись у Лобного места, начался торжественный молебен.

Тут из Фроловых (Спасских) ворот Кремля показался другой крестный ход – это навстречу ополчению архиепископ Елассонский Арсений с кремлевским духовенством несли Владимирскую икону Богоматери.[25] Ее встречали радостными криками и рыданиями: многие уже потеряли надежду когда-либо увидеть эту русскую святыню.

После молебна войско и народ двинулись в Кремль и ужаснулись: церкви разорены, иконы разбиты, престолы ободраны, грязь...

Молебном в Успенском соборе окончилось народное торжество после освобождения Москвы, и Богоматерь Владимирская была особо почитаема в эти дни.

Еще одно тяжелое испытание Владимирская икона Богоматери претерпела во время Отечественной войны 1812 года. Несколько месяцев – с осени до весны – находилась она как бы в из-

гнании, странствуя по дорогам Москвы, Владимира, Мурома, пока наконец после победы над Наполеоном снова не заняла свое место в Успенском соборе.

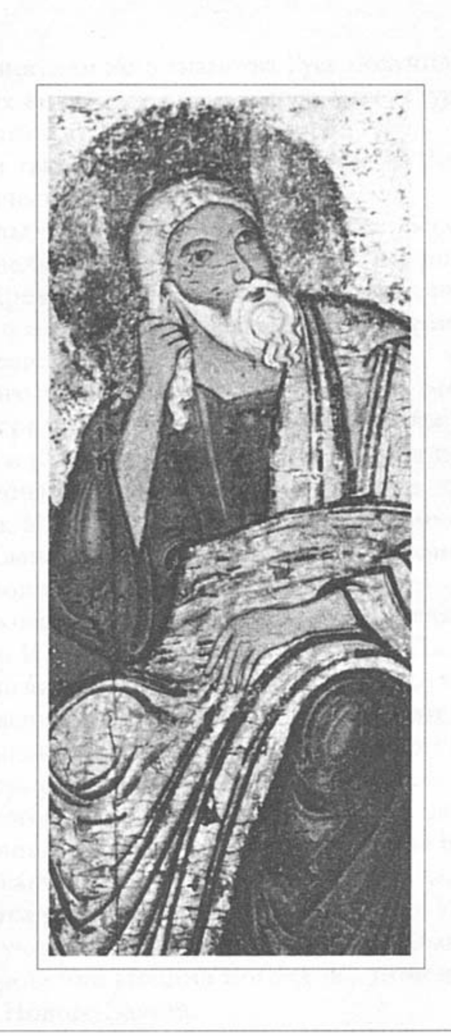
А через семьдесят лет, 28 мая 1883 года, «Богоматерь Владимирская» присутствовала на торжественном освящении храма Христа Спасителя, сооруженного на Волхонке в память о войне 1812 года.

Когда вы окажетесь перед Владимирской иконой Божьей Матери, вспомните все, что она видела, попытайтесь посмотреть на нее глазами наших предков, видевших в этом образе величайшую святыню и палладиум* Русского государства.

И пусть святыни наших предков станут и нашими святынями.

* Палладиум – защита, оплот. Слово образовано от названия статуи греческой богини Афины Паллады, охранявшей город Афины от врагов.

ИКОНЫ. ВИЗАНТИЙСКИЕ СВЯТЫЕ

Вместе с принятием христианства Русь получила от греческой церкви всех ее святых и житийную литературу, то есть описание деяний того или иного святого.

Кто же они такие – святые, пришедшие из Византии на смену русским языческим богам?

Это и ангелы – небесные служители Бога, бесплотные существа, обладающие божественной силой; это и пророки, то есть проповедники в Древней Палестине, предсказывавшие будущее от имени Бога; это и апостолы, ученики Иисуса Христа, проповедовавшие Евангелие в разных концах света.

Из большого числа небесных служителей Бога только семь имеют имена; среди них главенствуют архангелы (ангело-начальники) Михаил и Гавриил. Первый – предводитель небесных сил, архистратиг, воитель; второй – провозвестник тайн, предсказатель воли Бога. Именно он возвестил Деве Марии рождение Божественного Сына, о чем рассказывается в Евангелии и что отражено в иконописном сюжете «Благовещение».

Среди ветхозаветных прорицателей выделяются четыре великих пророка: Исайя, Иеремия, Иезекииль и Даниил, чьи книги вошли в библейский Ветхий Завет. Иконы, изображающие четырех великих и двенадцать малых пророков, составляют четвертый, пророческий ряд иконостасов русских православных церквей.*

Среди пророков, возведенных в чин святых, пожалуй, наиболее известен Илия, вознесенный живым на небо в огненной колеснице за свое ревностное служение Богу.

Что же касается апостолов, то среди них наиболее часто встречаются имена Петра и Павла, а также Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, написавшего Евангелие и Апокалипсис – Откровение Иоанна Богослова, помещенный в конце библейского Нового Завета.

* Подробнее об этом см. главу «Иконостас».

Святые – это и люди, которые при жизни отличались особым благочестием, совершали какие-то деяния во имя Божие, пострадали за свою веру и после смерти были отмечены даром чудотворения. Так, например, Василий Великий – святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской, живший в IV в. и прославившийся своей борьбой с ересями и богословскими сочинениями, среди которых различные поучения, псалмы, послания; а великомученик Димитрий Солунский, сын солунского воеводы, занимал пост проконсула в Римской империи и был казнен в 306 г. за открытое исповедание веры.

Святые оказывают людям покровительство в жизни и различных делах, к ним обращаются с просьбами о помощи в болезни и житейских неудачах. Святые – это небесные заступники живущих на земле, посредники между Богом и людьми. Они ходатайствуют перед Господом за страждущих и своими усердными молитвами усиливают действие людских молений.

Среди общехристианских святых православная церковь особо выделяет Иоанна Предтечу, который по значимости своей как бы занимает место следом за Богородицей. Этот святой считается последним пророком, предсказавшим пришествие мессии – Иисуса Христа – и крестившим его в реке Иордан. Изображается Иоанн Предтеча одетым во власяницу, с босыми ногами; он стоит слева от Христа.

Евангелие рассказывает о том, что во времена царя Ирода в Иудее жил священник Захария с женой Елизаветой, но детей у них не было, и они очень горевали от этого. Однажды, когда Захария служил у алтаря, явился ему Ангел и сказал: «Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елизавета родит тебе сына и наречешь ему имя: Иоанн» (Лк 1, 13).

Захария не поверил – ведь они с женой были очень старыми людьми, и за то был наказан: он лишился дара речи до тех пор, пока не сбудется предсказание Архангела.

Когда у Елизаветы родился сын, его нарекли Иоанном, и Захария снова начал говорить. Священник предсказывал, что младенец будет великим пророком и предтечею Господним: он явился перед Христом, чтобы предвещать явление Господа. Иоанн Предтеча был на шесть месяцев старше Иисуса, а у его матери Елизаветы Дева Мария провела три месяца, пока ждала ребенка.

Иоанн вырос благочестивым человеком; чтобы никто не мешал ему молиться Богу, он ушел в пустыню к реке Иордан и там жил в пещере, носил грубую одежду из верблюжьего волоса (власяницу), питался акридами (род саранчи) и диким медом. Он бро-

дил по городам и деревням близ Иордана, призывал к покаянию и возвещал пришествие Христа. Народ приходил к Иордану, каялся в своих грехах, а Иоанн крестил людей в реке в знак того, что Бог прощает им грехи.

В тридцать лет Иисус Христос тоже пришел на Иордан, чтобы Иоанн крестил его. Когда Иисус вышел из воды, небо над ним раскрылось, спустился Святой Дух в виде голубя и слышен был глас с небес: «Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лк 3, 22).

Иоанн обличал грехи людей, не боялся сильных мира сего и упрекал царя Ирода за неправедную жизнь: тот отнял у своего брата Филиппа жену Иродиаду и женился на ней.

Иоанна заключили в темницу, но убить боялись.

Однажды Ирод праздновал день своего рождения. На пиру, куда съехалось много гостей, плясала дочь Иродиады и угодила Ироду. Он сказал: «Проси у меня чего хочешь, хоть половину моего царства, все тебе дам». И поклялся в этом.

Дочь спросила у своей матери, Иродиады, что просить, и та ответила: «Головы Иоанна Крестителя».

Ирод не мог нарушить своей клятвы, и хоть жалко было ему Иоанна, все-таки приказал оруженосцу исполнить просьбу девы. Тот пошел в темницу, отсек голову Крестителя, принес ее на блюде и отдал девице, а та – своей матери.

Ученики похоронили Иоанна Крестителя, а Ирод всю жизнь боялся убитого, и когда услышал о чудесах Иисуса Христа, сказал: «Это Иоанн Креститель воскрес из мертвых...»

Первая изгнанная жена Ирода была дочерью аравийского царя Арепы. Оскорбленный царь воевал с Иродом, нанес ему жестокое поражение, разбил войска, что было воспринято как наказание за смерть Иоанна Крестителя.

После усекновения главы Иоанна Предтечи жена царского домоправителя взяла тайно святую главу, положила в сосуд и погребла на Елеонской горе, в одном из поместий Ирода. Через много лет, когда землю получил некий Иннокентий, при строительстве церкви главу нашли, от нее было много чудес и знамений, но перед своей смертью Иннокентий снова скрыл святыню в том же месте.

При императоре Константине Иоанн Креститель явился двум инокам и указал место погребения своей главы. Однако из-за нерадивости иноков глава перешла к некоему горшечнику, хранилась у него в семье и передавалась по наследству. Затем ею завладел нечестивый священник, использовал для привлечения людей к ереси, а когда был разоблачен, то бежал, закопав главу в пеще-

ре. Однако в этой пещере поселились позже благочестивые иноки, там возник монастырь, и в 452 г. архимандриту монастыря Маркелу явился в видении Иоанн Предтеча и указал место сокрытия своей главы. Так святыня была обретена вторично.

В середине IX в., когда в Константинополе возникли волнения, главу Иоанна Предтечи перенесли снова, затем во время иконоборческих гонений опять спрятали. Она была обретена в третий раз после восстановления иконопочитания в 850 г.: в видении патриарху Игнатию было указано место ее захоронения.

В соответствии с Евангелием Иоанн Креститель на многих иконах держит в руках свою голову как знак мученической кончины.

В русской православной церкви количество праздников в честь Иоанна Предтечи уступает только Господским и Богородичным: 23 сентября – зачатие, 24 июня – рождество, 29 августа – усекновение главы, 24 февраля – 1 и 2 обретение главы пророка. Кроме того, на следующий день после Крещения Господня, 7 января, отмечается Собор Иоанна Предтечи как святого, принимавшего непосредственное участие в столь важном событии.[1]

Среди большого сонма византийских святых, пришедших на Русь с принятием христианства, пожалуй, наибольшую популярность приобрел святитель Николай, которого у нас называют Николаем Чудотворцем, Николой Угодником.

Епископ далекого, неведомого города Миры, расположенного в римской провинции Ликии, на юго-западном побережье Малой Азии, святитель Николай, живший в конце III – начале IV вв., стал известен во многих землях еще при своей долгой жизни.[2] А после смерти имя его так прославилось, что во всех христианских странах было построено множество церквей, соборов, монастырей, посвященных этому святому.

Русские люди чествовали Николая Чудотворца с особым усердием и чаще, чем к другим святым, обращались к нему с молитвой. Образ святителя находился во всех русских православных домах, часовнях на дорогах, в небольших сельских церквах, в храмах и соборах, ибо этот святой считался надежным заступником и верным покровителем всех страждущих. И не было на Руси, пожалуй, ни одного города без Никольской церкви.

Даже в русских народных пословицах отразились эти особые чувства к Николаю Угоднику: «Нет за нас поборника супротив Николы», «Попроси Николу, и он скажет Спасу», «Всем богам по сапогам, а Николе боле, что ходит боле...».[3] Его называли «скорым предстателем и защитником», «теплым заступником», и пра-

вославные люди особенно ценили этого святителя за доброту, твердость характера, за то, что он открыто поднимал свой голос в защиту невинных, решительно и смело помогал несправедливо осужденным и гонимым. Именно поэтому к нему обращались в самых различных случаях: с просьбами об охранении на водах, о спасении от бурь и кораблекрушений, об избавлении от болезней и о помощи в житейских делах. На иконах и фресках святитель Николай всегда изображается по канону, сложившемуся еще в Византии, так что его легко узнать среди других святых по характерному лику и омофору* с большими крестами на плечах.

На образах, близких к Византии, св. Николай суров и строг, да и черты лица ближе к греческим: длинный тонкий нос, небольшой рот. А на иконах русских, особенно новгородских, исчезает выражение суровости и строгости, на первый план выступает доброта и милосердие.

Первая церковь во имя Николая Чудотворца и первые иконы святителя появились в Киеве почти за сто лет до того, как св. Владимир крестил Русь в 988 г.

В «Повести временных лет», написанной монахом-летописцем Нестором, говорится о том, что в 882 г. киевские князья Аскольд и Дир были убиты новгородским князем Олегом, захватившим Киев, и на могиле Аскольда была сооружена церковь в честь святителя Николая: «И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша ю на горе, иже ся ныне зовет Угорьское, кое ныне Олъмин двор; на той могиле поставил Олъма церковь святаго Николу».[4]

По преданию, Аскольд и Дир, правившие в Киеве во второй половине IX в., первоначально были язычниками, но после одного из нападений на Византию, которое было отражено благодаря молитвам православных греков, приняли святое крещение, причем Аскольд получил второе имя Николай в честь чудотворца.

Это предание оспаривается некоторыми историками, которые первой христианкой на Руси считают княгиню Ольгу, бабку крестителя Руси Владимира Святого.

Одни исследователи под Олъмой подразумевают княгиню Ольгу, другие считают, что это иное лицо, но важно одно: при Ольге Николаевская церковь уже стояла на Аскольдовой могиле на горе над Днепром.[5]

По свидетельству летописи в начале XI в. (1038 г.) в Киеве был уже не только храм, но и женский монастырь в честь святителя Николая.[6] В знаменитой Софии Киевской, сооруженной великим князем Ярославом в 1036 г. на месте его победы над печенегами

* Омофор – наплечник, длинный и широкий плат, украшенный крестами. Возлагается на плечи так, что справа и слева располагаются большие кресты, а концы омофора спускаются спереди и сзади. Часть облачения архиереев, то есть высшего духовенства.

Св. Николай. XII в.

находился чудотворный образ святителя, известный как «Никола Мокрый». Название идет от чуда, часто изображаемого в житийных иконах: спасения киевского «отрочати».[7]

...Тогда в Киеве жили муж с женой и единственным сыном, еще младенцем. В день памяти св. Бориса и Глеба они отправились вверх по Днепру в Вышеград, где находились мощи этих мучеников. Но на обратном пути случилось несчастье – ребенок выпал из рук матери в воду и утонул.

Бесконечно было горе родителей. Сначала они упрекали св. Николая, что не помог уберечь их единственное дитя, потом опомнились и стали молить о прощении и об утешении их в горе. А утром перед богослужением в св. Софии Киевской, когда пономарь вошел в церковь, он услышал плач ребенка. Вместе со сторожем пошли на хоры и там, за крепко запертой дверью, которую пришлось открывать, увидели перед образом св. Николая младенца; он был мокрым, будто вынутым из воды.

По всему городу стали спрашивать, чье это дитя. Когда родители утонувшего ребенка пришли в церковь, то узнали своего младенца, и восславили они Николая Угодника за это диво дивное.

Образ святителя с тех пор стал называться «Николой Мокрым». Он пребывал на том же самом месте, на хорах, до нашего века, и от него впоследствии молящиеся получали помощь и чудотворения.[8]

Вслед за Киевом, где прославились первые чудотворные иконы св. Николая, свою лепту в распространении славы святителя вложил и Великий Новгород.

Здесь, в Николо-Дворищенском соборе на Торговой стороне, находилась вторая по своей древности явленная чудотворная икона Николы, получившая название Липенской.

Никольский храм стоял на так называемом Ярославовом дворище. Князь Ярослав I Владимирович во время своего княжения в Новгороде перенес сюда с древнего городища княжеский дворец. Однажды тридцатилетний князь Мстислав, уже восемнадцать лет правивший Новгородом (он вступил на новгородское княжение в 1088 г.), вдруг тяжело заболел и по обычаям того времени обратился с горячими мольбами к Спасителю и великому божьему угоднику Николаю. Молитва больного была услышана, святитель явился князю в сновидении, повелел ему отправить в Киев посольство за своей иконой, назвав место нахождения (у Св. Софии на палатах), размеры и отметив, что она имеет «кругловидное очертание». Священник с причтом и одним из знатных бояр со слугами отправилась за иконой, но на озере Ильмень были застигнуты бурей. Они пристали к острову Липно и стояли там три дня. На четвертый день обещанная в дальних странах икона была неожиданно обретена плавающей в ильменских водах, причем размеры ее точно сходились с указанными во сне. Князь, помолившись вновь обретенному образу, поправился, икону поместили в одной из действующих церквей, и Мстислав обещал построить для святыни храм во имя святителя Николая.[9]

Новгородские Первая и Вторая летописи под 1113 г. говорят о сооружении такой церкви, а Новгородская Третья летопись упоминает еще и об иконе: «В лето 6621 (1113) князь великий Мстислав Володимерович... нареченный во св. крещении Георгий, заложил церковь каменну в В. Новегороде святого Николы Чудотворца на княжи дворе. Того же лета образ Николы Чудотворца Мирликийского приплыл из Киева в Великий Новград дска круглая, и взяли по Липне, при епископе Иоанне, и тое икону устроиша в том превеликом храме на Ярославле дворище в церкви».[10]

Образ св. Николая стоял как храмовый в иконостасе Николо-Дворищенского собора.

Эта икона дошла до нашего времени и находится в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике. Правда, от XII в. в ее живописи сохранились лишь крохотные кусочки: в XIV в. переписывалась одежда, в XVI – лик, фон и одежда, да и в более позднее время ее неоднократно поновляли. Однако усилиями реставраторов памятник раскрыт, и можно хотя бы отдаленно себе представить, как он выглядел в древности.[11]

Икона уникальна по форме – сейчас это единственное произведение древнерусской станковой живописи круглой формы. Искусствоведы знают, что «образ на щите» как символ победы родился в древней Греции и был известен в христианском искусстве XIII в.; однако позднее эта форма исчезла.

Специалисты считают, что изготовили икону не новгородские мастера, а скорее всего греческие иконописцы, жившие в то время в Киеве.

Через сто восемьдесят лет после обретения этой святыни, в 1292 г., на острове Липно, в «семи поприщах от Новгорода», была заложена церковь.[12] Она не сохранилась до нашего времени, но остался ее храмовый образ* «Никола Липенский». Среди других древних икон эта выделяется не только своими незаурядными художественными достоинствами. Надпись точно указывает на время ее создания – 1294 год и называет мастера – Алексу Петрова, что является уникальным случаем в древнерусской живописи.

* Икона, изображающая того святого или тот праздник, в честь которого освящен храм.

В Третьяковской галерее есть еще одна знаменитая икона Николая Чудотворца, написанная в XIV в.[13] Она ведет свое происхождение из Никольского собора Николо-Угрешского монастыря под Москвой, который и был основан в честь этой святыни. Перед ней, по преданию, молился сам Дмитрий Донской во время похода на Мамаево побоище в 1380 г. Эта икона явилась князю, когда он отошел от Москвы на «пятьдесят поприщ».

Дмитрий Донской, увидев ее, от радости воскликнул, что «сия вся *угреша* сердце его», отчего местечко и было названо «Угреша».[14]

Возвращаясь после победы над Мамаем домой, великий князь достиг того места, где спустился ему в руки чудесный образ святителя Николая. Благодарный Дмитрий Донской вместе со всем своим воинством преклонил колени перед Чудотворцем и Угодником Божиим и «повеле на оном месте сооружити храм во имя и в честь святителя... И воздвигну ту обитель славну».

Николо-Угрешский монастырь, стоявший на подходе к Москве, претерпел множество всяких бедствий, пожаров, грабежей и разорений от врагов, но снова и снова возрождался и даже именовался «царским монастырем», ибо русские самодержцы часто совершали сюда паломничества.

Почему же так полюбился русскому народу мирликийский святитель, живший более чем за шесть веков до принятия Русью христианства? Чем подкупил русскую душу этот ревностный поборник христианства, знавший не только благодарность людей, но и их поношение, сидевший не только на святительской кафедре, но и за тюремной решеткой?

Ответ на эти вопросы кроется в Житии святителя, широко распространенном на Руси и являвшимся одним из наиболее популярных видов чтения.

Будущий святитель родился у престарелых родителей, долго не имевших детей, в г. Патар, где епископом был его дядя. Св. Николай рано показал себя в учении и был назначен пресвитером в церковь, где служил его родственник, затем вскоре он получил сан священника, а когда родители умерли, раздал нищим и нуждающимся свое имущество и отправился в Палестину в паломничество по святым местам. Его корабль попал в бурю, и здесь проявилась великая способность к чудотворению, которой оказался награжден святитель. Своими молитвами Николай утихомирил стихию и даже оживил матроса, упавшего с мачты и разбившегося.

После возвращения из Иерусалима святитель на время удалился в уединенную обитель, стараясь избегать славы и почета, а затем, когда скончался архиепископ Ликии, его избрали на главную кафедру провинции, хотя св. Николай и отказывался от этой чести.

Поставление в епископы Мир Ликийских тоже не обошлось без Божьего промысла. Одному из служителей храма Господь во сне указал: избрать того, кто первым явится на утреннее богослужение и назовется именем Николай. Увидев этого первого явившегося в церковь и услышав его имя (конечно, это был будущий святитель), епископы со всей Ликии, собравшиеся в Мирах, провозгласили: «Примите, братия, своего пастыря!»

Но время признания христиан еще не наступило, и святителя Мирликийского не обошли гонения. За то, что неустрашимо поддерживал он в христианской вере своих собратьев, епископ вместе со многими другими христианами был заключен в темницу. Голод, холод, надругательства – все претерпел св. Николай, поддерживая в товарищах бодрость духа.

Клейма иконы «Св. Николай с житием». XIV – XV вв.

Он пережил тюрьму и вышел из нее по указу императора Галерия, который в 311 г., мучимый болезнью, решил ослабить гонения на христиан и выпустить их из темниц, чтобы они молили своего Бога о здравии бывшего их гонителя. Но окончательное утверждение христианства пришло с императором Константином, который победил своих соперников и с 325 г. стал править единолично, поддерживая новую веру.

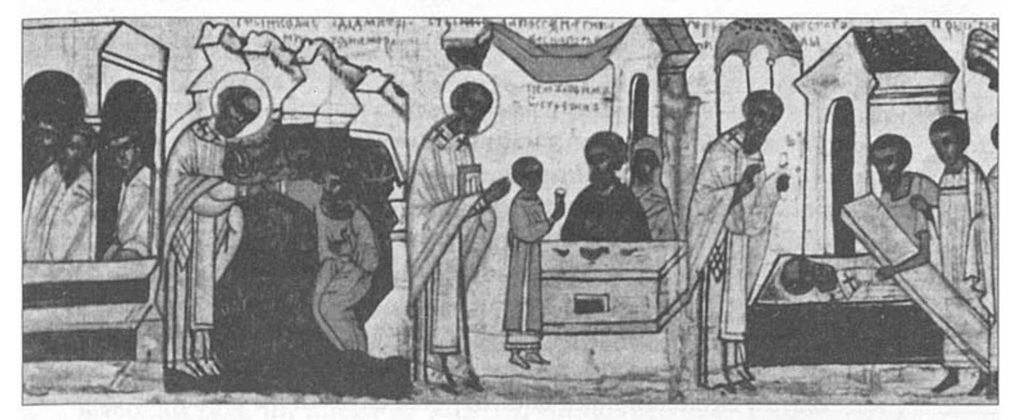
Главный святитель Мир Ликийских тоже взялся за искоренение язычества в своей области и разрушил языческое капище Афродиты, уничтожив даже само основание его.

Тогда же, в 325 г., состоялся и I вселенский Собор, получивший название Никейского – по городу Никее, столице Вифинии, где он проходил. 318 епископов под председательством самого императора Константина I, заседая около двух месяцев, ввели во всеобщее церковное употребление символ веры и отвергли, торжественно предав анафеме, учение Ария и его последователей, отрицавших божество Сына Божия и не признававших Его единосущным Богу-Отцу.

На соборе св. Николай, возмущенный богохульством еретика Ария, ударил его по щеке. За это епископа Мирликийского лишили омофора как символа святительского сана и заключили в башню.

И снова св. Николай оказался под покровительством Бога: в видении некоторых участников собора сам Господь Иисус Христос подал Николаю Евангелие, а Пречистая Дева возложила на его плечи омофор. Николай был освобожден из заключения. Ему вернули прежний сан и почтили его как великого Угодника Божия.

Отсюда и пошло изображение Иисуса Христа и Богоматери на иконах святителя. Почти всегда они стоят над головой Нико-

Клейма иконы «Св. Николай с житием». XIV – XV вв.

лая, чуть сбоку, иногда – в рост, иногда – по пояс, Христос подает святителю Евангелие, а Богородица простирает над ним омофор.

Много еще чудес сотворил при жизни епископ Мирликийский, даже являлся во сне самому императору Константину с повелением выпустить из тюрьмы невинно осужденных. И царь освободил людей с наказом: «Идите и благодарите святителя Николая, которого вы призвали себе на помощь».

Св. Николай дожил до глубокой старости. Точно год его преставления неизвестен; по одному месяцеслову – это 342 г., по другим он умер где-то между 345 – 352 гг.

Святитель был погребен в соборной Мирской церкви, а день 6 декабря стал днем памяти Николая Угодника.

Однако к концу XI в., когда на Ликию обрушились нашествия сарацин и страна опустела, мощи святителя были перенесены в италийский город Бар. Перед этим знаменательным событием св. Николай явился главному священнику города и повелел сказать клиру и народу, чтобы они перенесли мощи его в Бар.

Отсюда на Руси появился второй праздник св. Николая – 9 мая, день перенесения мощей из Мир Ликийских в г. Бар.[15]

Житие св. Николая по-разному отображается на иконах: в короткой или более полной редакции. В краткой трактовке изображаются рождение, поступление в учение, рукоположение в диаконы, пресвитеры и епископы, помощь бедному и его дочерям, явление во сне царю Константину и его епарху (правителю) Евлавию, избавление от смерти трех неправедно осужденных, изгнание бесов и разрушение языческого капища, успение.

В более полной редакции жития святителя рассказывается подробнее о всех его чудесах, совершавшихся как при жизни, так

и после смерти угодника Божьего, а также о перенесении его мощей в Бар.

Так, «чудо об Агрикове сыне»[16] рассказывает о том, как одного юношу захватили в плен сарацины, внезапно напавшие на церковь св. Николая, куда он пришел помолиться. За красоту князь сделал пленника своим виночерпием. Два года рыдали безутешные родители, даже в церковь не ходили, но потом решили, что лучше обратиться к св. Николаю: если кто и может помочь, то только он. И св. Николай действительно помог – вызволил отрока, служащего сарацинскому князю, и доставил прямо в дом родителей. Это чудо может изображаться даже в двух клеймах*: в одном Николай похищает отрока, служащего царю, а в другом ставит его перед родителями.

* Изображение какой-либо сцены, связанной с жизнью данного святого, на полях иконы или вокруг центрального образа.

Святитель Николай был и остается особо почитаемым среди русских православных людей святым, ибо, как пишет народное сказание о его житии, «где ни приходит, кто его призывает с верою и помолится ему, неленива его помощь и борз к милости, тепл на заступление; в Латинских землях телом лежит, а на небеси святая его душа, а в нас на Руси милосердие его и чудеса неизреченна: слепии прозирают, глусии слышат, немии глаголют, хромии ходят и беснии чисти и здравы стали...»[17]

На самом высоком месте Боровицкого холма Московского Кремля расположен огромный четырехугольник Большого Кремлевского дворца. Здесь проходят заседания высших органов государственной власти, и по всему второму этажу с двумя рядами окон, отчего снаружи дворец кажется трехэтажным, расположены залы, посвященные русским дореволюционным орденам и носящие названия Георгиевского, Владимирского, Екатерининского, Андреевского.

Среди них самый большой – Георгиевский, сооруженный в честь ордена Георгия Победоносца. Барельефные изваяния воина на коне, поражающего дракона, расположены на торцовых стенах этого парадного зала. Цилиндрический свод его богато украшен лепниной, а в простенках помещены мраморные плиты с именами георгиевских кавалеров и названиями особо отличившихся в сражениях частей.

Все украшения этого белого прекрасного зала посвящены победам русского оружия, начиная с XV и кончая XIX в. Под сводами размещены аллегорические статуи побед, а также царств и княжеств, входивших в состав Русского государства.

Предназначенный быть «храмом славы победоносного русского воинства», Георгиевский зал Большого Кремлевского Дворца своим торжественным убранством еще раз подчеркивал то значение, которое придавало государство главнейшей из всех воинских наград, связанной с именем святого великомученика Георгия, издавна считавшегося на Руси олицетворением воинской доблести.

Орден в честь покровителя ратников Георгия Победоносца был учрежден на Руси во второй половине XVIII в. императрицей Екатериной II и присуждался исключительно за храбрость на поле битвы. В статуте ордена специально оговаривалось, что «ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену св. Георгия за воинские подвиги; удостаивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверху сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием».[18]

Орден делился на четыре степени, причем сначала присуждалась четвертая, низшая степень, к которой, как и к третьей, полагался так называемый малый крест. К первой и второй степеням ордена прибавлялся большой крест и знаки с четырехлучевой золотой звездой.

О том, как ценился этот орден, говорят и такие факты.

За всю историю России первая степень была вручена лишь двадцать пять раз, а полных Георгиевских кавалеров, имевших все четыре степени ордена, было лишь четыре: М.И. Кутузов-Смоленский, М.Б. Барклай-де-Толли, И.Ф. Ласкевич-Эриванский и И.И. Дибич-Забалканский.[19]

Популярность ордена в армии была очень велика, но он присуждался только офицерам. В 1807 г. появился новый знак для низших воинских чинов, повторяющий форму Георгиевского ордена, который стал известен как «Георгиевский крест». С 1856 г. он разделился также на четыре степени, и солдат, имевший их все, стал считаться также «полным Георгиевским кавалером».

Хотя орден св. Георгия и Георгиевский крест – это разные награды, но и на том, и на другом изображался св. Георгий Победоносец, воин на коне, поражающий копьем змея.

На орденский знак св. Георгий, поражающий змея, пришел с герба Московского царства. Вообще еще с Киевской Руси св. Георгий считался патроном великих князей, а также небесным покровителем русского воинства. Всадник с копьем или мечом появился на печатях и монетах великого княжества Московско-

го после победоносной Куликовской битвы, и постепенно он соединился с образом Георгия Победоносца.

При царе Алексее Михайловиче, когда гербом Русского государства стал двуглавый орел, на груди его все равно помещался всадник на коне, как герб Москвы.

Правда, полностью отождествление «ездеца на коне» с именем Георгия Победоносца произошло несколько позже, в 1730 г., когда в описании герба всадник был назван именем великомученика.

На московский герб святой Георгий шагнул с русских икон как горячо любимый и почитаемый народом образ, с которым неизменно связывалась небесная помощь всем ратоборцам.

Кто же был этот византийский святой, пришедший вместе с другими греческими святыми на Русь с принятием христианства и завоевавший столь огромную популярность, что его изображение украшало и московский герб, и главную воинскую награду России?

В Житии святого сказано, что он родился в малоазийской области Каппадокии у благородных родителей, исповедающих христианскую веру.[20] Отца его, не захотевшего отречься от Христа, замучили, а мать переехала в Палестину, где у нее были свои владения.

Ко времени своего мученического подвига Георгий был красив лицом, мужественен, храбр в битвах и считался воинским трибуном, то есть начальником войска.

Правивший в то время император Диоклетиан оценил мужество и способности прекрасного юноши и присвоил ему почетное звание комита, то есть старшего военачальника, который должен был сопровождать императора в путешествиях. А еще через некоторое время Георгий получил более высокое звание воеводы.

Император Диоклетиан, видя в христианах определенную угрозу существования империи, замыслил истребить всех приверженцев Иисуса, и для устранения желающих встать на этот путь повелел применять к взятым под стражу такие мучения, которые заставили бы непокорных отречься от новой веры и преклонить колени перед старыми языческими богами.

Диоклетиан созвал большой совет, на который прибыли князья, военачальники, члены сената, и провозгласил свою новую политическую линию: истребление христиан, защита древних греческих богов, любые самые жестокие муки для непокорных!

Георгий, тайно веровавший до того в Иисуса Христа, понял, что настало время действовать. Теперь, когда император-язычник объявил гонения на христиан, надо встать на защиту сво-

ей веры и личным примером доказать ее истинность и неистребимость.

Мужественный юноша раздал все свое имущество бедным, даровал своим рабам свободу и явился на совещание к императору, где открыто объявил себя приверженцем христианской веры.

В гневе римский император повелел отправить своего военачальника в темницу. Его ноги забили в колодки, а грудь придавили тяжелым камнем.

Начались изощренные и страшные пытки, которым слуги императора подвергали святого Георгия: великомученика привязывали к колесу, под которым были поставлены доски с железными остриями, и при вращении колеса эти острия вонзались в тело, резали и рвали его.

Потом Георгия сбросили в ров и засыпали негашеной известью, а когда через три дня откопали, святой предстал целым и невредимым. Великомученика обули в железные сапоги с раскаленными гвоздями и с побоями погнали по улицам, но на очередном допросе у Диоклетиана Георгий предстал со здоровыми ногами, и на вопрос императора, как ему понравились сапоги, ответил что понравились, улыбаясь при этом.

Когда великомученика повели на казнь за город, царица Александра, пробравшись через толпу, припала к ногам Георгия, проклиная его мучителей и их богов. Диоклетиан пришел в бешенство: его супруга отказывается от своей веры и готова идти за последователем Христа! Ослепленный гневом, он решил послать царицу на казнь вместе со святым Георгием.

Их повели по улицам города. Но по дороге Александра скончалась. Георгий же спокойно и мужественно принял казнь и положил свою голову под меч.

Это случилось 23 апреля 303 г., и с тех пор 23 апреля отмечается церковью как день памяти святого великомученика Георгия.

А через десять лет, когда на римский престол взошел император Константин, он официально признал новую религию и приказал начертать на своих знаменах крест и слова, звучавшие в устах тысяч великомучеников за христианскую веру: «Сим победиши».

Культ святого Георгия быстро распространился среди христиан. Уже в V в. в Риме была построена церковь во имя этого святого, где хранилась часть мощей великомученика, а также его ратное копье и хоругвь. В то время, видимо, возникло и оформилось Житие святого, где подчеркивалось его великомучени-

чество и не было никакой связи с его воинским званием и покровительством ратным людям.

Со временем изменилось представление о святом: над чертами великомученика постепенно берут верх черты воина. Если раньше святой Георгий представал с крестом в руках как знаком мученичества, то теперь он стал изображаться с копьем и щитом, стоящим, едущим на коне или поражающим дракона. Он облекается в воинские доспехи и часто предстает среди других воинов: Федора Стратилата, Федора Тирона, Прокопия, Меркурия, Евстафия, Димитрия.

Среди святых воинов Георгий скоро занял одно из главных мест, и его изображения появились на монетах византийской династии Комнинов, а затем перешли на монеты Палеологов. Часто встречается изображение Георгия и на византийских печатях.

На Русь святой Георгий пришел уже как Победоносец, поэтому его образ был сразу взят на вооружение великими князьями.

Сын Владимира Святого Ярослав Мудрый, в святом крещении принявший имя Георгия, способствовал распространению почитания своего небесного покровителя. Он основал в столице Киевской Руси храм в честь своего ангела-хранителя Георгия Победоносца. На строительство Ярослав затратил большие средства, к возведению храма он привлек огромное число строителей, и 26 ноября 1051 г. храм был освящен митрополитом Иларионом. С этого времени день 26 ноября превратился в особый осенний праздник св. Георгия, Юрьев день: в древности у русских людей Георгий назывался Юрием, что являлось, видимо, производным от несколько измененного имени святого – Гюрги или Гюргий.[21]

Этого праздника, осеннего Георгия, не знала византийская церковь, он отмечался только на Руси. В это время кончались осенние сельскохозяйственные работы, и крепостные крестьяне, рассчитавшись со своим прежним хозяином, в течение двух недель (неделя до 26 ноября и неделя после) имели возможность использовать свое право выхода. До самого конца XVI в. Юрьев день, осенний Георгий, был тесно связан в сознании людей с возможностью хоть как-то облегчить свою участь, сменив хозяина. Св. Георгий и в этом случае выступал как бы защитником и покровителем русских людей, не покидавшим их в тяготах суровой жизни.

Сам факт того, что к осеннему празднику св. Георгия, к 26 ноября, было приурочено право крестьян менять своего хозяина, говорит о широкой популярности Георгия на Руси.

Мы помним его по народной пословице, существующей до сих пор: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Она появилась в то время, когда Борис Годунов отменил право крепостных крестьян переходить в этот день к новому хозяину.

Ярослав Мудрый посвятил святому Георгию и специальный придел в построенной им Софии Киевской, а в 1030 г., после победоносного похода на чудь, заложил «град Юрьев», ныне город Тарту в Эстонии. Юрьевым он назывался в XI–XIII вв., а также с 1893 по 1919 гг.[22]

Культ святого Георгия распространился и на Новгород. Тот же Ярослав Мудрый в 1030 г. основал здесь в трех верстах к югу от города, на левом берегу реки Волхова, там, где он вытекает из Ильменского озера, Юрьев монастырь. Первый собор в честь св. Георгия в этом монастыре был, вероятно, невелик и скорее всего – деревянный. Но в начале XII в., когда Юрьев монастырь окреп и разросся, здесь правнуком Ярослава Мудрого, Мстиславом Владимировичем, также нареченным в святом крещении Георгием, был заложен каменный собор.[23]

Храм был построен окончательно в 1119 г. сыном Мстислава князем Всеволодом. Удивительно то, что летописи донесли до нас имя его создателя: это неведомый нам мастер Петр, скорее всего, русский человек, так как к его имени не прибавлены слова «Грек» или «Гречин».

С первых времен своего основания Юрьев монастырь был центром политической жизни города: здесь велась княжеская летопись, а сам Георгиевский собор стал вместо Софии Новгородской княжеской усыпальницей.

Юрьев монастырь с величественным Георгиевским собором дошел до нашего времени, и ныне является одним из самых древних памятников Великого Новгорода. Возведенный на левом берегу Волхова, он не смог затмить собой величия и красоты новгородской Софии, но смело конкурировал с ней и по замыслу, и по исполнению. Неизвестный русский зодчий Петр сумел придать мощному объему собора характер законченного целого, и даже высокая прямоугольная башня с северо-западного угла, внутри которой расположена лестница, ведущая на пышные полати-хоры, не смотрится здесь чуждым элементом.

При реставрационных работах, проведенных в 1933 – 1936 гг., были убраны различные пристройки XIX в., и сейчас собор выглядит таким, каким его задумывали древнерусские мастера.

Ко времени освящения Георгиевского собора, видимо, была написана и храмовая икона св. Георгия. Эта икона – одна из двух

очень ранних изображений святого, относящихся к домонгольскому времени. Она находится в Государственной Третьяковской галерее и датируется XI в., а точнее – 1030 г., когда в Новгороде князем Ярославом Владимировичем был основан Георгиевский собор.[24] Видимо, икона была написана в честь небесного покровителя князя в то же самое время, когда был сооружен первый, еще деревянный монастырский храм.

В соответствии с византийским и древнерусским канонами Георгий на иконе Третьяковской галереи представлен в рост с копьем в правой руке, согнутой и прижатой к груди, и с мечом в ножнах в опущенной левой руке. Круглый щит помещен за левым плечом святого. Короткие волосы завиваются в тугие кудри, стянутые княжеским венцом.

Конечно, такой древний памятник не мог дойти до нас в своем изначальном виде: на месте утрат красочного слоя оставлены записи XIV, XVI, XVII, XIX вв. Однако в целом сохранность древнейшей иконы неплохая и дает достаточно полное представление о живописном искусстве мастеров, работавших в домонгольской Руси и украшавших первые русские храмы.

Искусствовед В.Н. Лазарев так писал об этом памятнике:

«Величавая и торжественная фигура Георгия воплощает силу и воинскую доблесть, во многом перекликаясь с героическими образами древнерусских воинских повестей. От нее исходит дух непоколебимой твердости, той самой твердости, которая позволяла русскому воинству одерживать победы над далеко превосходящими их по численности противниками».[25]

Вторая икона св. Георгия, также домонгольского времени, находится в Успенском соборе Московского Кремля.[26] Изображение святого здесь относится к XII в. По мнению того же В.Н. Лазарева, эта икона могла быть заказана в начале XII в. новгородским князем Георгием Андреевичем, сыном Андрея Боголюбского, который недолго княжил в Новгороде и был изгнан оттуда в 1174 г., затем ушел из Руси и, согласно летописям, был мужем грузинской царицы Тамары.[27]

Святыня входила в состав иконостаса Успенского собора Московского Кремля, и только в 1934 г., когда художник-реставратор В.О. Кириков начал расчистку изображения Богоматери Одигитрии, на обратной стороне, покрытой густым слоем масляных красок, опытный глаз реставратора определил возможность древней живописи. Предположения подтвердились: после удаления масляных красок и целого ряда поздних слоев записи открылось великолепное поясное изображение св. Георгия, дошедшее до нашего

Св. Георгий. XII в.

Св. Георгий с житием. XIV в.

времени на удивление в хорошем состоянии. Прекрасно сохранился лик святого, вся правая сторона его фигуры и большая часть золотого фона. Самые же серьезные утраты пришлись на левую половину фигуры, плащ, рукоять меча, левое плечо. Повреждения эти незначительны, и памятник прочно вошел в число шедевров древнерусской домонгольской живописи. Св. Георгий предстает как юный защитник христианства и русской земли, прекрасный телом и душой. Изображенный по пояс, святой великомученик, большеглазый, с изогнутыми бровями, крутыми короткими кудрями, вооруженный копьем и мечом, отрешенно и бесстрастно смотрит куда-то в сторону, и его красный плащ и золотые пластинчатые доспехи, занимающие большую часть доски, делают икону чрезвычайно привлекательной и красочной. Своей силой и добротой святой воин напоминает былинные образы литературы Древней Руси.

Самое популярное из всех чудес, прочно вошедшее в иконографию великомученика, – «Чудо Георгия о змие», где святой спасает от страшного чудовища целый город и царскую дочь.

На родине св. Георгия, около города Бейрута, где жило много идолопоклонников, близ Ливанских гор было большое озеро. И вот в этом озере поселился огромный змей. Выходя из своего прибежища, он пожирал людей, и никто не мог с ним справиться, ибо самый воздух вокруг, зараженный его дыханием, становился смертоносным.

Тогда правитель той страны принял решение каждый день жертвовать змею детей кого-либо из жителей, а когда придет черед, отдать чудовищу свою единственную дочь.

Так по жребию посылали люди той страны змею своих детей, пока не пришла очередь царской дочери. Наряженная в лучшие одежды и оплаканная родителями, оказалась девушка на берегу озера, горько рыдая и ожидая своего смертного часа.

Неожиданно явился перед ней прекрасный юноша на белом коне с копьем в руках – сам Георгий Победоносец. Увидев плачущую царевну, он обратился к ней, чтобы узнать, почему она стоит на берегу озера и что за горе у нее. Но девушка умоляла прекрасного юношу поскорее уйти от этого ужасного места, а не то он погибнет вместе с ней. Св. Георгий настаивал и наконец услышал горький рассказ о страшном чудовище и о царском слове. Девушка снова умоляла Георгия уйти, ибо невозможно спастись от чудовища, и тут из озера показался змей. Осенив себя крестным знамением, со словами «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», бросился Георгий на страшилище и поразил его копьем, ударив в самую глотку. Копье прижимало змея к земле, конь

топтал его ногами, а потом святой Георгий велел девице связать своим поясом змея и вести его, как послушного пса, в город.

Народ в ужасе шарахался от чудовища, но Георгий говорил: «Не бойтесь и веруйте в господа нашего Иисуса Христа». И когда убил Георгий змея посреди города, тысячи жителей его уверовали во Христа и приняли святое крещение, а было их двадцать пять тысяч, не считая женщин и детей.

На том месте впоследствии построили церковь во имя Пресвятой Богородицы и Георгия Победоносца, который охраняет христианскую церковь от погубителей и от греха, как сохранил прекрасную дочь царя от змея-пожирателя.

«Чудо святого Георгия о змие» стало одной из излюбленных тем древнерусской живописи.

Сюжет легко узнаваем: всадник в красном плаще на белом коне колет копьем змия. Здесь есть простор для фантазии древних мастеров, есть поэтичность, сказочность и вместе с тем общечеловеческий смысл: добро побеждает зло. Недаром на этих иконах Георгий Победоносец «...дается носителем доброго, светлого начала. В его ослепительном блистании есть нечто грозовое, нечто такое, что уподобляет его сверкающей молнии. И невольно кажется, что нет такой силы в мире, которая смогла бы остановить стремительный бег этого победоносного воителя».[28]

Композиция икон «Чудо Георгия о змие» бывает в сокращенном и расширенном варианте. Сокращенный вариант изображает только Георгия на коне, поражающего змия. В правом углу обычно присутствует сегмент неба, в котором или Христос, благословляющий Победоносца, или его рука.

В расширенном варианте есть и царевна, ведущая усмиренное чудовище на своем пояске в город; и башня с царем, царицей и приближенными, наблюдающими с высоты за происходящими событиями; и народ, дивящийся чуду. Иногда у головы Георгия летит ангел, венчающий Победоносца короной.

Благодаря тому, что основной праздник св. Георгия приходится на весну, на 23 апреля, образ этого византийского мученика на Руси был тесно связан с возрождением природы, началом весенних сельскохозяйственных работ, с солнцем, с теплом, с надеждами на новый урожай.

Георгий полюбился русскому крестьянину и стал покровителем земледелия и скотоводства. Ведь на весенний Юрьев день, когда уже появлялась молодая трава, скотину – главное богатство земледельца – впервые выгоняли после зимы в поле.

В Юрьев день служили обедни и молебны, просили у св. Георгия благословения, сохранения и убережения скота и будущего урожая. Засеянные поля обходили с угощениями от праздничного стола и пели при этом:

Юрий, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпущай росу,
На теплое лето,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое...[29]

Многочисленные пословицы и поговорки подчеркивают связь Юрия-Егория с пастухами и земледельцами: «На Юрия дождь – скоту легкий год», «На Егория роса – будут добрые проса», «На Егорья мороз, будет под кустом овес», «Св. Юрий по полю ходить, хлеб-жито робить»...

Даже про весь цикл крестьянских работ, начинавшихся ранней весной и заканчивающихся поздней осенью, говорили: «Юрьем починают, Юрьем и кончают»...[30]

Популярность византийского святого стала столь велика, что возникло множество русифицированных легенд и преданий о его житии, появились даже целые духовные стихотворные поэмы. В них у Георгия есть отец, которого именуют Федором Стратилатом, мать – София Премудрая, сестры, которые отреклись от христианской веры, убоявшись смерти. Сама внешность Георгия – Егория описывается в чисто народных традициях:

По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова его вся жемчужна...
...Во лбу то солнце, в тылу то месяц,
По косицам звезды перехожие...[31]

В этих стихах главный противник Егория – Демьянище (переделанное имя Диоклетианище), он нападает на царство отца Егория, царя убивает, а детей его берет с собой.

Сам Егорий терпит всевозможные муки: его рубят топорами, пилят пилами, окунают в горячую смолу, привязывают к колесу,

надевают сапоги с гвоздями, а затем сажают в погреб и даже засыпают песком. Освобожденный небесной силой самой Богородицы, Егорий отправляется к себе на родину, где все разорено и опустошено. Он мстит губителю отца, преодолевая различные препятствия: огненные реки, толкучие горы, клевучих птиц, волков и диких зверей.

Едет он, Георгий храбрый,
К той земле светлорусской,
От востока до запада поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бесерменскую веру побеждаючи...

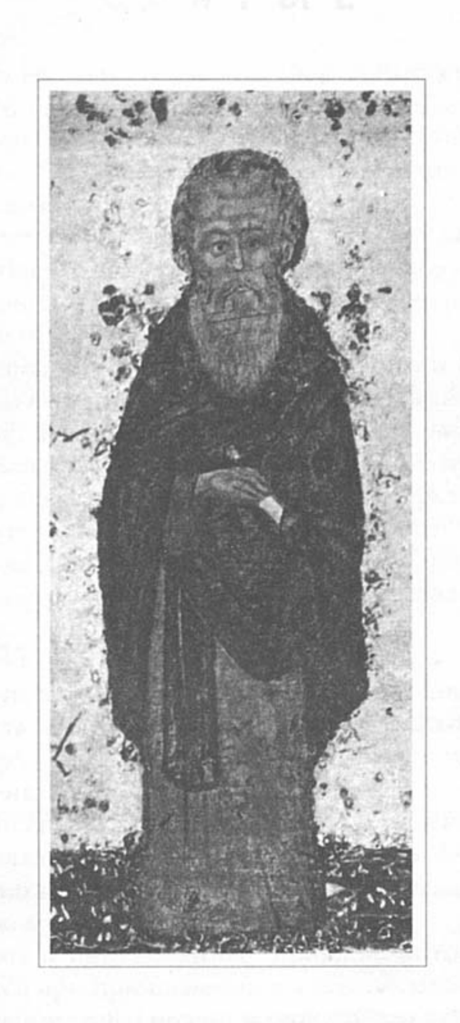
Заключают поэму строчки, которые говорят о том, как ждали Георгия на этой земле, как дали великий обет:

Отдать землю светлорусскую,
Принять от тебя веру крещеную.
Приемлет он, Георгий храбрый,
Ту землю светлорусскую.
Под свой велик покров,
Утверждает веру крещеную
По всей земле светлорусской...[32]

Образ Георгия Победоносца, воина на коне, так почитался на Руси, что шагнул из житийной литературы, из народных преданий, из древнерусской церковной живописи на герб русского государства.

Сегодня св. Георгий, олицетворяющий покровительство и защиту ратных людей, как бы снова воскрес из временного забытья, и сейчас, как и прежде на протяжении многих веков, победоносный всадник, поражающий все зло мира, украшает герб столицы нашей Родины.

ИКОНЫ. РУССКИЕ СВЯТЫЕ

Вместе с процессом русификации византийских святых на Руси шел и другой процесс – появление и развитие культа новых святых, чисто русских, рожденных на родной земле или здесь служивших отчизне и Богу, здесь совершавших свои деяния, оставшиеся в памяти людей.

Русские святые стали небесными покровителями России; их героическое подвижничество, отраженное в получившей широкое распространение житийной литературе, озаряло своим светом духовную и нравственную жизнь русичей.

Имена преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, киево-печерских и соловецких угодников, святителей Петра, Алексия, Филиппа, Ионы и Гермогена, святых князей Бориса и Глеба, Владимира и Александра Невского веками сохраняются в памяти людей не только потому, что каждый народ чтит свою историю и выдающихся деятелей прошлого, но прежде всего в силу тех высоких нравственных идеалов, олицетворением которых они являлись и на которых воспитывались поколения русских людей.

Причтение подвижников благочестия к лику святых, то есть канонизация, начиналась обыкновенно с народного почитания. Затем следовала местная канонизация в отдельных епархиях или даже монастырях и храмах; и наконец – канонизация общая, когда торжественно провозглашалось, что данный подвижник вносится в списки святых, чтобы быть прославляемым всей церковью. Составлялись специальные месяцесловы или святцы (календари), где по всем дням всех двенадцати месяцев было расписано, когда какому святому праздновать.

Существуют и определенные правила, которыми церковь руководствуется при причислении к лику святых: это прежде всего благочестивая жизнь и подвиг усопшего; дар чудотворений еще

при жизни его или, по большей части, после смерти; в некоторых случаях – нетление мощей.

Первыми русскими святыми, канонизированными вскоре после их смерти в 1015 г., стали киевские князья Борис и Глеб, сыновья великого князя Владимира Святославовича, крестившего Русь в 988 г. Убитые по приказанию их старшего брата Святополка, получившего за то прозвание Окаянного, князья были похоронены в Вышгороде, в десяти километрах от Киева. При великом князе Ярославе Мудром, глубоко почитавшем память убиенных братьев, их мощи были помещены в специально устроенной часовне, а в 1026 г. – во вновь построенном храме в честь святых мучеников. Через сорок шесть лет, 2 мая 1072 г., состоялось перенесение мощей святых страстотерпцев в новую церковь, построенную вместо старой, обветшавшей. Видимо, это и было первой канонизацией святых, и до сих пор день 2 мая отмечается в церковном календаре как день поминовения великомучеников Бориса и Глеба.[1]

Вторичное перенесение мощей также приходится на 2 мая: в 1115 г. Владимир Мономах устроил торжество, связанное с перезахоронением мощей святых князей в богатом и обширном каменном храме.

Постепенно сложилась иконография этих первых русских святых: Борис и Глеб изображались стоящими рядом, прямолично, в богатых великокняжеских нарядах, в шапках с меховой опушкой на головах. В правой руке каждый из них держал крест, символ мученической смерти, а в левой – вложенный в ножны меч, символ княжеской власти.

Следом за Борисом и Глебом были канонизированы основатель монашества на Руси Феодосии Печерский; затем новгородский епископ Никита; великая княгиня Ольга, первой принявшая христианство; учитель преподобного Феодосия Антоний Печерский; Леонтий Ростовский; креститель Руси Владимир; великий князь Александр Невский и прочие. Общее число святых, внесенных в месяцесловы ко времени Макарьевских соборов, к середине XVI в., составляло шестьдесят восемь имен.

На двух соборах, созванных митрополитом Макарием в 1547 и 1549 гг., было канонизировано тридцать девять русских святых, из них только восемь не имели ранее ни общецерковного, ни местного, ни храмового почитания; остальные так или иначе уже были прославлены церковью.[2] Были написаны специальные службы и жития, которые вошли в «Книгу новых чудотворцев», продолжающую и дополняющую уже созданные макарьевские Вели-

Св. Борис и Глеб. XIV в.

кие Минеи Четьи, где описывались жития уже канонизированных святых. Сам же святитель Макарий был причислен к лику святых в наши дни, в 1988 г., когда отмечали 1000-летие Крещения Руси и когда исполнилось 425 лет со дня его кончины.[3]

Юбилейный Поместный Собор Русской Православной Церкви отмечал большие заслуги митрополита в деле собирания церковной письменности и прославления русских святых, в поднятии уровня духовного просвещения сородичей.

В следующие за Макарьевскими сборами полтора столетия в святцы было внесено еще множество имен преподобных, епископов, князей, праведников и юродивых, так что от собора 1549 г. до учреждения Синода Петром I было канонизировано 146 святых, а в дальнейшем, в период до конца XIX в. – еще двадцать пять святых, из них десять к общецерковному почитанию.[4]

Согласно «Верному месяцеслову русских святых», вышедшему в 1903 г., к началу нашего века в России насчитывалось более 380 подвижников, причисленных к лику святых русской церковью.

Среди них звездой первой величины сияет имя преподобного Сергия Радонежского, которого называют «величайшим из святых Древней Руси,... гармоническим выразителем русского идеала святости».[5] На иконах преподобный изображается по пояс и в рост, с ликом, обращенным к людям, в монашеском одеянии: темно-коричневой мантии и в куколе. У него седая окладистая борода по грудь, седые волосы, в левой руке – свернутый свиток, а правая согнута перед грудью и сложена в благословляющем жесте. От всех икон святого веет мудрым спокойствием, каким-то высшим пониманием смысла жизни, несуетностью и добротой.

...Не случайно преподобный отец наш Сергий облюбовал для своей обители то место, где сейчас красуется Троице-Сергиева лавра. Наверное, красива была гора Маковец в то время, когда молодой Сергий вместе со своим братом Стефаном впервые пришел сюда. Скорее всего, была весна, когда лес еще прозрачен, когда по глубоким впадинам лежит серый, пропитанный влагой снег, но уже появились чистые зеленые островки новой травы, и когда березы уже в нежной зеленой дымке распускающихся листьев. На гору Маковец преподобный поднялся еще юношей Варфоломеем, ибо именно это имя получил он при рождении. Его семья жила тогда в двенадцати километрах отсюда, в небольшом городке Радонеже, куда родители перебрались из Ростова Великого. Сергий смог осуществить свое заветное желание – уйти из мира в пустынную обитель и жить в одиночестве – только тогда, когда отец и мать окончили свой жизненный путь и нашли последний

покой на кладбище Хотьковского монастыря, что тоже было недалеко от Радонежа.[6]

Видимо, место, где Варфоломей и его брат Стефан, уже принявший монашество после смерти жены, решили основать обитель, поразило братьев своей красотой и той особой благодатью, которая чувствуется душой. Небольшая площадка, окруженная со всех сторон лесом, елями и соснами, возвышалась над округой. Внизу, с двух сторон горы, была вода: лесной ручей сливался с речкой Кончурой.

Трудна жизнь отшельников. Нет самого необходимого, все надо добывать своим трудом, и труд этот тяжек, изнурителен. Да и не каждый может жить вдали от людей, среди лесного зверья и лесного безмолвия. Стефан не выдержал, ушел в Москву, в Богоявленский монастырь, а Варфоломей остался наедине с самим собою и Богом. Вскоре его желание стать иноком осуществилось.

Некий старец – игумен Митрофан, который обитал недалеко от новой пустыни и даже некоторое время жил с Варфоломеем в его келье, постриг двадцатитрехлетнего юношу в монахи и нарек его Сергием, ибо день пострижения, седьмое октября, был днем святых Сергия и Вакха. Прожив с молодым монахом неделю, старец Митрофан ушел, и Сергий остался один вершить свой подвижнический путь.

Несколько лет единственным посетителем преподобного был лесной медведь, который приходил за хлебом и всегда получал его, даже когда у самого Сергия кончались все запасы. А между тем по округе пошли слухи о том, что живет в пустыни отшельник, у людей ничего не просит, тихо и спокойно вершит свой иноческий подвиг, творя молитвы Господу за себя и за всех других. К нему потянулись люди, просили принять к себе, чтобы вместе спасаться.

Рядом с кельей Сергия вырастали новые кельи, а когда их стало двенадцать, по числу апостолов, жилище обнесли тыном, чтобы защищаться от лесного зверья и не дать в разорение свой нехитрый огород, от которого кормились братья.

Сергий подавал пример в труде, был для всех «как купленный раб»: и деревья рубил, и бревна носил, и воду таскал, и зерно молол, и пищу варил, и одежду шил. Он привык уже и к зимнему холоду и летнему зною, к осенней слякоти и весенним ветрам, к скудной пище и долгим молитвам. Братия просила Сергия, чтобы тот стал игуменом, он отказывался, ибо был чужд всякого властолюбия. Его уговаривали, убеждали, но Сергий уступил только тогда, когда товарищи его взбунтовались и пригрозили разойтись. Уступил с оговоркой – как решит церковная власть, но власть в лице

Преп. Сергий Радонежский в житии. XVI в.

епископа Афанасия поддержала иноков, и Сергий, за несколько дней перешагнув низшие церковные звания, стал священником и игуменом.

Оказавшись во главе братии, Сергий не изменил своего прежнего образа жизни: по-прежнему работал для всех, не выделяя себя среди прочих.

Пятьдесят с лишним лет оставался Сергий монастырским игуменом, пятьдесят лет под его руководством росла и ширилась, набирала духовное величие и красоту Троицкая обитель. Основанный Сергием монастырь, по словам виднейшего представителя русского литературного зарубежья Б. Зайцева, стал «узлом духовного излучения, питательным источником для всего рождающегося государства».[7] Его корни – на юге, в Киеве, где преподобные Антоний и Феодосий еще в XI в. создали Киево-Печерскую лавру, мать всех русских монастырей.

Преподобный Сергий никогда не стремился участвовать в политических делах. Смолоду мечтавший только об уединении в пустынной обители и служении Богу, он с годами становится как бы важнейшим духовным стержнем, поддерживающим государство. «Вся жизнь и его, и Лавры переплетена с судьбой России того времени, – пишет Б. Зайцев. – Во всех страданиях и радостях ее – и он участник. Не имея власти даже и церковной, неизменно словом, обликом, молитвой он поддерживает Русь, государство».[8]

Отец Павел Флоренский, выдающийся философ и богослов XX века, сказал о Троицкой обители слова, которые находят отклик в душе каждого русского человека: «Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным образом всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни, «чюдного старца», святого Сергия».[9]

С первых лет своего существования, с тех самых пор, как преподобный старец поддержал московского князя Дмитрия Донского в борьбе против татар накануне вошедшего в историю Мамаева побоища – знаменитой Куликовской битвы, обитель Живоначальной Троицы была самым тесным образом связана с жизнью своей страны, с надеждами и чаяниями Руси.

К тому времени, к 1380 г., когда великий князь Дмитрий Иоаннович собрал воедино воинство почти всех русских княжеств и двинул их на грозившие новым разорением полки Мамая, Русь уже полтора столетия стонала под гнетом татарского ига.

Много раз за этот долгий срок земли русичей подвергались опустошительным набегам, много раз содрогалась наша земля от

громового топота копыт татарской конницы, много раз в городах и селах стоял общий плач и слышались мольбы о спасении...

Беспокойно было на душе у великого князя, когда он со своими князьями и боярами приехал в Троицкий монастырь к преподобному Сергию. Дмитрий Иоаннович, сопровождаемый только князьями, боярами и воеводами, пришел в монастырь ненадолго, чтобы помолиться в святой обители и получить у преподобного благословение на ратный подвиг, ибо имел он великую веру к святому старцу. Князю был известен божественный дар пророчества, которым был награжден Сергий, и Дмитрий хотел спросить Троицкого игумена, велит ли он идти русскому войску против безбожных татар и что ожидает впереди это великое начинание.

По завершении молебна и трапезы преподобный благословил великого князя крестом, окропил святой водой и благословил на великую битву:

– ...Иди против безбожных, и так как Бог помогать тебе будет, победишь, и в здравии в свое отечество с великими похвалами возвратишься.

Потом Сергий прибавил:

– Еще не пришло время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном, но многим, без числа многим воинам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью...

В то время в обители жили два инока, которые в мирской жизни были известны своей воинской храбростью и мужеством. Этих доблестных воинов, Александра Пересвета, бывшего боярина брянского, и Андрея (Родиона) Ослябю, бывшего боярина любецкого, дал игумен Сергий великому князю, дабы они стали примером мужества для всего русского воинства. Пересвет и Ослябя выступили в поход не в ратной, а в иноческой одежде: вместо шлемов на головах их были монашеские шапки – схимы с нашитыми на них крестами.

Когда Дмитрий Иоаннович покидал обитель, святой Сергий шепнул ему одному на ухо:

– ...Победиши враги твоя...

И вот настал предопределенный час. С татарской стороны выехал вперед богатырь Челибей, похвалялся своей огромной силой, потрясал копьем, вызывая на единоборство кого-нибудь из русских.

Навстречу ему выехал один из послушников Сергия – схимонах Александр Пересвет. Самоотверженный инок-воин, готовый принять венец Царствия Небесного, двинулся навстречу «татар-

скому Голиафу». Богатыри сразились – и пали оба в смертельном единоборстве, не уступив один другому ни в храбрости, ни в силе.

Затем началось общее сражение. «Закипела битва кровавая, заблестели мечи острые как молнии, затрещали копья, полилась кровь богатырская под седлами, покатились шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские»,– повествовал святитель Димитрий Ростовский.

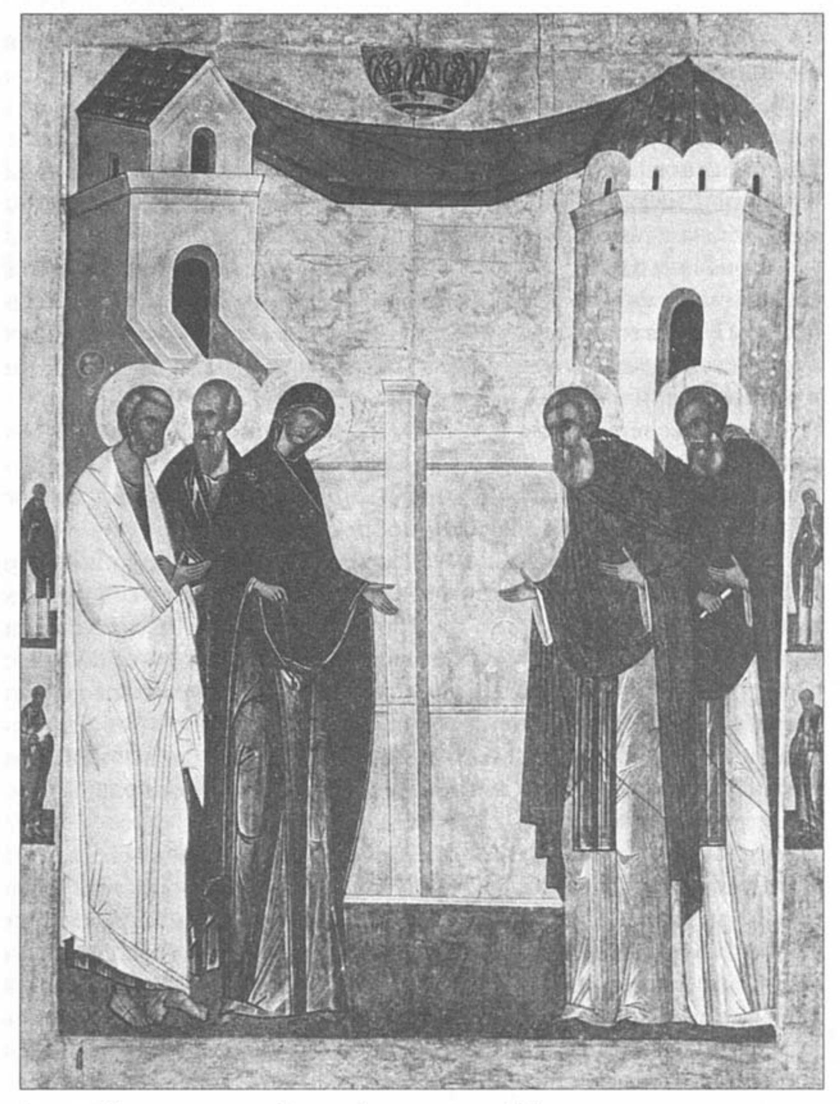
Пока шла здесь, на Куликовом поле, великая битва, в обители на Маковце святой игумен Сергий с братией стоял на молитве во храме Пресвятой Троицы. И так велик был его дар провидения, что рассказывал он братии все, что вершилось на берегах Дона и Непрядвы, и называл имена павших героев.

После возвращения в Москву великий князь Дмитрий Иоаннович, получивший за победу на Куликовом поле прозвание «Донской», снова пришел в Троицкую обитель к святому Сергию, «благодарность ему воздавая за доброе пророчество».

Почтение к преподобному Сергию было так велико, что митрополит Алексий перед кончиной, задумав выбрать себе преемника, остановился именно на Троицком игумене. Однако когда святитель захотел надеть на Сергия золотой митрополичий крест с драгоценными камнями, Сергий категорически отказался от такой почести. «Прости меня, владыко, ибо от юности не был златоносец, в старости же тем более хочу в нищете пребывать». Алексий настаивал, но Сергий проявил твердость: пообещал вовсе уйти из обители, и тогда святитель отступил.

Тяжелый и долгий путь аскетического подвижничества привел Сергия к способности творить чудеса. Первое из них связано с обычным монастырским бытом: иссяк источник, около которого поселился Сергий, и прибывающим монастырским жителям негде стало брать воду. Возроптала братия, и тогда Сергий, взяв одного инока с собой, пошел в лес, нашел небольшую лужицу, с молитвой и крестным знамением ударил посохом о землю – и тут же забил мощный родник.

Второе чудо свершилось, когда молва о святом отшельнике уже широко распространилась по округе. Отец принес к Сергию больного ребенка, но дитя умерло по пути, и несчастный родитель, скорбя и жалуясь, пошел готовить гроб. Когда же он вернулся к преподобному – ребенок оказался жив. Святой старец сказал этому мужу, что ребенок вовсе и не умирал, просто замерз в дороге, а теперь вот согрелся и ожил. Сергий запретил рассказывать о чуде кому бы то ни было, и узналось все гораздо позже, после кончины святого, от его келейника.

Явление Богоматери преп. Сергию Радонежскому. XVI в.

Исцеление тяжелобольного, который три недели не мог спать и есть, выздоровление бесноватого боярина, привезенного с берегов Волги, внезапная слепота греческого епископа, который не хотел поверить в святость преподобного, и затем его исцеление – все эти чудеса укрепляли веру людей в святого, увеличивали число желающих подвизаться на монашеском поприще, способствовали росту популярности Троицкой обители и ее игумена.

По преданию, усердие в вере и чистота жизни преподобного были вознаграждены тем, что сама Богородица удостоила его своим посещением. Однажды ночью, когда Сергий стоял на молитве и пел акафист пресвятой Деве Марии, он внезапно прервал моление и сказал своему ученику Михею: «Чадо! Бди и бодрствуй, ибо посещение чудесное будет нам сейчас». И когда он это произнес, тотчас раздался голос: «Пречистая грядет!»

Святой вышел из кельи в сени, с ним его ученик. Яркий свет осиял все вокруг, и они увидели Пресвятую Деву с двумя апостолами, Петром и Иоанном. Сергий пал ниц, а Богоматерь коснулась его и сказала: «Не бойся, избранник мой. Пришла посетить тебя, услышана была молитва твоя об учениках твоих, когда о них молился, и об обители твоей. Не печалься о прочем, ибо отныне всем будет изобиловать обитель и не только при жизни твоей, но и после твоего отхождения к Господу неотступна буду от обители твоей, потребное подавая щедро!»

Пресвятая Дева исчезла, а Сергий и Михей, пораженные небывалым явлением, рассказали все братии и все вместе отпели молебен Богородице.

Пророческие слова Владычицы Небесной исполнились в полной мере. И при преемнике Сергия Никоне, которого назначил сам преподобный за полгода до своей кончины, и при других игуменах обитель терпела много бедствий, бывала разоряема и разогнана, но каждый раз восстанавливалась, сохраняя и поддерживая общежительное монашеское бытие, которое насадил здесь святой Сергий.

Иконы с изображением явления Богоматери преподобному Сергию появились вскоре после смерти троицкого чудотворца. Каноническое изображение соответствует сцене, описанной Епифанием Премудрым, а затем Пахомием Сербом в «Житии Сергия Радонежского»: слева стоит сама Богородица в сопровождении апостолов Петра и Иоанна, а справа – Сергий и его келейник Михей, которые склоняются перед пресвятой Девой.

Интересна история одной из икон этого сюжета. В XVI в. по заказу сына Ивана Грозного царя Федора для мощей преподобного была изготовлена новая рака. На доске от старой гробницы троицкий иконописец Евстафий Головкин написал икону «Явление Богоматери преподобному Сергию», которая и была установлена у святых мощей. Икона стала чудотворной, ибо от молитв у раки святого перед этим образом происходило много чудесных исцелений. Икона являлась «молением» о здравии не только царя Федора и его жены Ирины, но и всех православных, приходящих в святую Троицу за исцелением.

Потом чудотворную икону в качестве средника вставили в складень,* створки которого были написаны, видимо, другими мастерами. Складень этот стал сопутствовать русскому войску практически во всех крупных походах. Так, в 1654 г. царь Алексей Михайлович брал его с собой, когда выступил против польского короля. Победное завершение кампании в значительной степени повысило значимость данной святыни. Складень с чудотворной иконой от гробницы Сергия находился в стане русских воинов во многих походах Петра I. А в 1914 г. он пребывал в ставке главнокомандующего на полях первой мировой войны.[10]

* Складень – икона, предназначенная для путешествующих в виде двух, трех или большего количества створок. Средник – средняя икона.

Преподобный Сергий скончался 25 сентября (8 октября) 1392 г., и даже при кончине своей троицкий игумен остался верен себе: просил похоронить его не в церкви, а, как всех, вне ее. Но эту последнюю просьбу своего наставника братия не уважила: митрополит Киприан, к которому обратились иноки за помощью, распорядился похоронить Сергия именно в церкви в знак особого уважения к почившему.

Замечательный художник слова Б.К. Зайцев, написавший повесть о Сергии Радонежском, так сказал о преподобном: «В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости неземной облик Сергия утоляет и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергий будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим – немой укор. Безмолвно Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере».[11]

Ученики и «собеседники» преподобного Сергия: Авраамий Галицкий, Кирилл Белозерский, Павел Обнорский, Пахомий Нерехтский, Сергей Нуромский, Савва Сторожевский, Стефан Махрищский, Дмитрий Прилуцкий, Мефодий Пешношский – основали в северных землях более тридцати монастырей, а от них образовалось еще более пятидесяти. Они продвигались все дальше и дальше от Московского княжества, густо заселяя заволжские места, неся с собой свет в самые темные, отдаленные уголки русской земли.

Недаром отметил русский писатель Б.К. Зайцев: «И куда бы из Москвы в окрестности не двинуться – всюду следы Сергия».[12]

На южной окраине Вологодского уезда, где были глухие и обширные леса, на реках Обноре и Нуроме обосновались ученики преподобного Сергия – Павел Обнорский и Сергей Нуромский.

Павел Обнорский, «великий любитель безмолвия», был образцом отшельника, редкого даже для Руси. Целые годы жил он

в дупле дуба, и Сергей Нуромский, его сосед и тоже большой пустынножитель, приходя навестить духовного собрата, находил его здесь в обществе медведя и птиц, сидящих на голове и плечах преподобного и принимающих пищу из его рук.

В Государственной Третьяковской галерее есть небольшая икона, с которой смотрит на нас маленький крепкий старичок с окладистой бородкой, с доброжелательным и умным лицом, живыми глазами. Это Кирилл Белозерский, игумен обители, основанной им недалеко от Вологды.[13] Данный образ, написанный за три года до смерти белозерского святого вологодским художником Дионисием Глушицким, стоит наособицу в огромном ряду русских икон именно в силу своей портретности, в силу реальности изображения, так несвойственной древнерусской живописи. Глядя на эту икону-портрет, живо представляешь себе белозерского игумена, семенящего между деревянными кельями, наставляющего кротким, добрым голосом свою братию или молящегося со слезами на глазах в своей келье.

Преподобный Кирилл, основавший монастырь на севере и тридцать лет бывший его игуменом, родился в Москве, был пострижен в Симоновом монастыре и там неоднократно встречался с преподобным Сергием Радонежским, который заметно выделял его среди прочей братии.[14]

Преподобный Кирилл изнурял свое тело, возвышая дух, даже юродствовал одно время, «возлюбив бесчестие больше чести». Архимандрит налагал на него епитимью. Совершая по воле настоятеля строгий пост, вкушая в течение шести месяцев хлеб и воду, Кирилл только радовался духом этому невольному умертвлению плоти. Но его притворное юродство было разгадано, и архимандрит перестал налагать наказания на этого инока, ищущего их.

Кирилл задумал безмолвствовать. Его посадили в отдельную келью переписывать церковные книги, ибо он хорошо умел писать. Безмолвие в одинокой келье за служебными книгами, долгие молитвы, ночи без сна в коленопреклонении и пении псалмов не принесли Кириллу внутреннего успокоения. Он по-прежнему жаждал больших подвигов во славу Божию.

Снова работа на поварне, иноческое служение «во многих трудах и злостраданиях», и через девять лет такого бытия – рукоположение в священники. После того, как архимандрит Симонова монастыря Феодор был избран архиереем на престол Ростовской архиепископии, на его место в обители возвели настоятелем старца Кирилла.

Фрагмент иконы «Преп. Кирилл Белозерский». *Дионисий Глушицкий.* XV в.

Но через некоторое время Кирилл, даже поставленный в игумены, оставил настоятельство, ушел в прежнюю келью и затворился в ней, чтобы начать безмолствовать.

Из различных городов и сел приходили к нему люди, духовные и мирские, что вызвало зависть у вновь назначенного монастырского архимандрита. Преподобный Кирилл, узнав об этом, ушел в монастырь Рождества Богородицы, который был в Старом Симонове, и думал о том, чтобы удалиться в пустынь.

Долгими ночами обращался он в молитвах к Пресвятой Богородице: «Сама ты наставь меня, покажи мне путь, которым пойду». И вот однажды ночью, когда Кирилл по обычаю пел акафист Деве Марии, вдруг услышал он голос Пречистой Богоматери, которая повелевала ему идти на Белое озеро. Преподобный отворил оконце кельи и увидел на севере, там, где Белое озеро, великий свет и узрел внутренним взором то место, которое назначала ему Богородица.

Вместе со своим духовным братом, иноком Симонова монастыря Ферапонтом ушел Кирилл из обители, и через много дней достигли они Белого озера.

Шестидесятилетний старец, каким был к тому времени Кирилл, обошел с Ферапонтом немало мест, пока в одном из них не узнал то, что было показано ему Богородицей.

Кирилл остался на этом «зело красном» месте, а Ферапонт, пробыв недолго с ним, ушел и устроил свою обитель в пятнадцати верстах от Кирилловой.

Много опасностей подстерегало преподобного старца в его одиноком житье. Однажды его сонного чуть не задавило огромным деревом, после чего он стал бодрствовать и ночью, проводя целые сутки без сна: ночью на молитве, днем – в работе на земле. Другой раз, собрав много хвороста, Кирилл зажег его, но ветер был такой большой, что разыгрался лесной пожар, и пустынник только чудом выбрался из огня невредимым.

Как и вокруг преподобного Сергия, стали собираться вокруг Кирилла иноки и окрестные мужики. Не обошлось и без борьбы за землю, без зависти и злобы: некий боярин подослал разбойников ограбить скит, думая, что Кирилл принес с собой из Москвы большие деньги. Крестьянин-сосед пытался подожечь келью, правда, позже раскаялся и в результате пришел к Кириллу, чтобы тот постриг его в иночество.

Церковь в Кирилловом монастыре была освящена во имя Успения Божьей Матери, в чем усматривается связь с Москвой и ее Успенским собором – главным храмом Руси.

Как и Сергий в Троицкой обители, Кирилл установил в своем монастыре строгое общежитие: совместный труд, совместная собственность и ничего личного. Но, пожалуй, устав в Кирилловом монастыре соблюдался еще строже, еще крепче, чем в других местах: в кельях нельзя было иметь никаких вещей, даже куска хлеба, даже питья. Ни в церкви, ни в трапезной никаких посторонних разговоров не вели, все совершалось в молчании, и в течение долгих молитв не разрешалось даже прислониться к стене.

Сам Кирилл был очень строг к себе, кроток к обидчикам, носил, как и Сергий, ветхие, много раз чиненые одежды, не позволял монахам ходить к мирянам за милостынею и отклонял все дарственные, предлагаемые ему боярами.

Была у Кирилла особая черта – способность умиляться многому, в том числе и простому куску хлеба, и часто не мог он сдержать слез ни во время божественной литургии, ни во время чтения духовных книг, ни во время бесед с другими людьми. Обладал преподобный и даром прозорливости, словно читал в душе людей, будто видел, кто с какими намерениями приходит в обитель.

Житие повествует о том, как однажды пришел к Кириллу некий брат по имени Феодот и был принят в обитель. Однако «по прошествии некоторого времени вложил ему диавол ненависть к святому отцу», то есть Кириллу. Долго мучился Феодот, хотел уйти из монастыря и поделился своими мыслями со старцем Игнатием. Тот утешал мятущегося и говорил: «...Если помысла своего лукавого послушаешь и уйдешь отсюда, отступишь от спасения своего и врагу радость доставишь».

Так мучился брат Феодот целый год, «борясь с помыслом и не имея покоя». Захотел он рассказать обо всем преподобному Кириллу, но, войдя к нему в келью, «устыдился святолепных седин его», не смог ничего сказать и собрался уходить. Старец остановил его: «Брат Феодот, поскольку ты сам не хочешь исповедать мне помышлений твоих, вот что я скажу тебе...» И рассказал преподобный иноку все, что тот хранил в тайне. Упал Феодот на пол, просил прощения у святого, а Кирилл утешал его: «Не скорби, брат Феодот, все соблазняются на мой счет, почитая меня добрым. Ты один увидел истину, познав меня, как человека злого и грешного. Кто я такой, грешный и непотребный?»

С этого момента обрел инок Феодот душевный покой и начал испытывать к святому Кириллу еще большую любовь и веру, чем прежде.

Мудрый старец распознавал и тех, кто приходил в монастырь издалека, и сообщал братии о намерении прибывших: «Этот хочет с нами жить, а этот намерен уйти».

Подобно Сергию Радонежскому, преподобный Кирилл Белозерский был наделен способностью творить чудеса: излечил одержимого бесом; а однажды по его молитвам сосуды, в которых иссякло вино, в одно мгновение наполнились снова, чтобы было с чем служить литургию в субботний и воскресные дни; во время страшного пожара в обители, когда казалось, что огонь вот-вот

охватит все кругом, по молитвам святого и после его крестного знамения стихия утихла...

Житие преподобного Кирилла Белозерского, составленное в его обители, рассказывает о даровании князю Михаилу и его жене дара чадородия; о прозрении слепого; об исцелении тяжелобольного боярина от святой воды, присланной из монастыря.

Скончался Кирилл Белозерский 9 июня 1427 г., девяностолетним старцем. В обитель на Белое озеро он пришел шестидесятилетним и подвизался в подвиге пустынножительства еще тридцать лет.

Если от преподобного Сергия не осталось ни строчки, то от Кирилла Белозерского до нас дошли его послания к князьям: московскому и удельным. По словам Г.П. Федотова, белозерский старец «с кротостью и простотой русской полукнижной речи внушает идеал справедливой и человечной власти».[15] Он просит князей о примирении и даже предлагает ввести изменения в дела управления государством, говорит о неподкупном суде, об отмене корчемничества и таможен, наказании «татей»... По мнению того же Г.П. Федотова, преподобному Кириллу присуща «твердая, хотя и кроткая независимость к сильным мира сего».[16]

После смерти преподобного завет святого старца о нестяжании был нарушен, и монастырь быстро стал крупным земельным собственником, соперничающим с Троицкой обителью. Однако общежитие и строгая уставная жизнь сохранялись, и в XV–XVI вв., когда Сергиева обитель уже находилась в некотором упадке, Кирилло-Белозерский монастырь являлся «центром излучения живой святости».[17]

Еще при жизни Кирилла Белозерского вокруг его обители было основано много малых пустынь, насельники которых питались тем духовным огнем, который принес в эти края Кирилл как живой продолжатель традиции св. Сергия Радонежского.

По примеру Византии Русская Православная Церковь причисляет к лику святых не только мучеников, как, например, Бориса и Глеба, не только преподобных, как Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, но и архиереев. По сведениям Г.П. Федотова, среди святых насчитывается около семидесяти епископов, которые именуются святителями.

В разное время были канонизированы пять московских святителей, память которых отмечается в один день – 5 октября, когда русская церковь празднует Собор всех святителей. Первый из святителей, митрополит Петр, был причислен к лику святых в

Митрополит Петр.
Фрагмент иконы XV в.

1339 г., митрополиты Алексий и Иона – в 1543 г., митрополит Филипп – в 1875, а патриарх Гермоген – в 1913 г.[18]

Сейчас в сонм московских святых вошли святители Макарий, Иннокентий, Филарет и патриарх Тихон, канонизированный Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1989 г.[19] Вместе с ним в дни торжественного празднования 400-летия установления патриаршего управления в Русской Церкви к лику святых был причислен и первый патриарх Московский и Всея Руси Иов.

Жили святители в разное время, деяния их отделяют друг от друга столетия, но всех их объединяет одно: они ревностно служили русскому народу и церкви в тяжелые годы испытаний, неоднократно выпадавших на долю нашей Родины.

Все святители изображаются похоже: они предстают в образе старцев с седыми бородами, убеленных сединами, одетых в архиерейские одежды: святительский саккос, на плечах – омофор с большими крестами, как у Николая Чудотворца. В одной руке святители обычно держат Евангелие, другая сложена в благословляющем жесте.

СВЯТИТЕЛЬ ПЕТР первый перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву; при нем начато строительство Успенского собора Московского Кремля, в котором Петр и был похоронен в 1326 г.[20] Первосвятитель Петр известен и как живописец: написанная им храмовая икона Успения Божьей Матери стояла в иконостасе Успенского собора Московского Кремля. Там же находилась икона Богоматери, названная Петровской, та самая, которую Петр написал еще будучи игуменом Ратским и преподнес своему предшественнику митрополиту Максиму. Святитель Петр канонизирован к общему почитанию в 1339 г., через тринадцать лет после своей смерти. Этот первосвятитель глубоко почитался по всей Руси: у его гроба князья целовали крест в знак верности московскому великому князю, здесь же избирались русские первосвятители, и ни одно важное государственное дело не обходилось без предварительной молитвы у гроба святителя Петра.

По иконописному подлиннику Петр изображается маститым старцем, с не очень длинной широкой седой бородой.

Наиболее известная икона с изображением святого – «Митрополит Петр с житием», принадлежащая мастерской Дионисия.[21] Написанная в восьмидесятые годы XV в., она и поныне находится в Московском Успенском соборе. Святитель предстает на ней в рост, лицом к молящимся, руки разведены в стороны, в левой – Евангелие, а правая сложена в благословляющем жесте. В клеймах – сцены из детства и юности, поставление Петра в митрополиты Константинопольским патриархом, перенесение митрополичьей кафедры из Владимира в Москву, строительство Успенского собора Московского Кремля, перенесение праха митрополита в уже построенный Успенский собор, исцеление больных у его раки. Интересно клеймо, где представлен сон Ивана Калиты: великий князь видел себя едущим на коне около высокой горы со снегом, тающим на вершине. Митрополит Петр разъяснил князю, что это означает возрастающее значение московского княжества и скорую смерть самого святителя.

МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ возглавлял Русскую Церковь и, по существу, Московское княжество во времена малолетства великого князя Дмитрия, будущего героя поля Куликова, получившего за победу над татарами прозвание Донского. Он приложил много трудов для того, чтобы сплотить княжества, положить конец смутам и тревогам: налаживал отношения с ханами Золотой Орды и даже исцелил от слепоты царицу Тайдулу. При нем основаны Андроньевский монастырь в Москве, Чудов монастырь в Московском Кремле и другие обители. Митрополит Алексий скончался в 1378 г. в возрасте семидесяти восьми лет и был погребен в Чудовом монастыре.[22]

По иконописному подлиннику митрополит Алексий «подобием сед, брада аки Власиева, на конце раздвоилась, на голове – белый клобук, в руках – Евангелие, одет в саккос и омофор».[23]

На известной житийной иконе митрополита Алексия, написанной, как и житийная икона митрополита Петра, в восьмидесятых годах XV в. Дионисием, первосвятитель изображен так же, как и его предшественник Петр – в архиерейской одежде и в белом клобуке на голове. Позже, на Большом Московском соборе 1667 г., было разъяснено, что митрополиты Петр, Алексий и Иона не носили белых клобуков, хотя их и пишут так. С XIV в. этот головной убор священников носил только архиепископ Новгородский: впервые белый клобук был прислан архиепископу Новгородскому Василию от греческого патриарха где-то в середине XIV в., так как Василий умер в 1352 г. Право носить белый клобук было предоставлено московским митрополитам только в 1564 г. на Московском соборе.[24]

Митрополит Алексий в житии. *Дионисий.* XV в.

Клейма житийной иконы митрополита Алексия рассказывают о событиях из жизни святителя: поставление в епископы города Владимира, поездка по велению великого князя в Орду и исцеление ханши Тайдулы, общение с Сергием Радонежским, преставление Алексия, обретение его мощей и чудеса, случившиеся после смерти первосвятителя.[25]

СВЯТИТЕЛЬ ИОНА особо почитался за то, что стал первым русским митрополитом, посвящение которого произошло в 1448 г. не в Константинополе, а в Москве и совершено русскими архиереями. С того времени Русская Церковь получила самостоятельное управление.

По иконописному подлиннику «митрополит Киевский и Московский и всея России новый чудотворец Иона подобием вельми стар и сед, брада покороче Власиевы, на конец мало подвоилась, на главе шапка святительская, риза кресчатая празелень, святительской саккос, в омофоре, в руке Евангелие, другая благословенна.»[26]

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛИПП, пришедший на митрополичью кафедру через сто лет после святого Ионы из Соловецкой обители, снискал особое почитание тем, что поднял свой голос против жестокосердия и произвола Ивана Грозного, против введенной им опричнины, за что и поплатился жизнью.* Он был заточен в тюрьму, в Тверской Отрочь монастырь, где был задушен приближенным грозного царя Малютой Скуратовым в 1569 г. Позже, в 1591 г., мощи его были перенесены в Соловецкий монастырь, где он долгие годы был игуменом, а оттуда при Никоне в 1652 г. – в Москву, в Успенский собор Кремля.[27]

* Подробнее о святителе Филиппе см. главу «Пастыри».

По иконописному подлиннику святитель Филипп «подобием исчерна надсед, власы с ушей кратки, брада аки Николина, покороче, надседа мало, на главе шапка святительская, риза святительская, саккос, в омофоре и Евангелие».[28]

Отмечая сходство этого иконографического типа с написанием святого Николая Чудотворца, знаток древнерусского искусства Н.В. Покровский отмечал, что это вызвано сходством их характеров, твердостью и ревностью в православной вере. «Святой Николай проявил себя с этой стороны в борьбе с арианством, св. Филипп – в борьбе с опричниною. Образ действий того и другого отличался прямотою и решительностью».[29]

ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН прославился тем, что в смутное время нашествия самозванца Лжедмитрия и польского короля Сигизмунда III стойко противостоял врагам и изменившим боярам, рас-

сылал по стране воззвания к русскому народу и призывал его к защите Отечества и веры. Поляки заключили патриарха в подземелье Чудова монастыря, где он пробыл в заточении девять месяцев и скончался от голода в 1612 г. Тело Гермогена было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 г. перенесено в Успенский собор Московского Кремля.[30]

Патриарх Гермоген изображается так же, как все святители, в архиерейских ризах, саккосе, омофоре.

Собор русских подвижников благочестия разнообразен и многолик. Среди тех, кто удостоился быть причисленным к лику святых, есть монахи и церковные иерархи, князья и княгини, просветители малых народов и воины, мученики за веру и юродивые. Каждый из них в свое время по-своему служил Богу, но, по словам патриарха Московского и Всея Руси Алексия, «их жизнь, их подвиг, обращенный прежде всего к людям, до сих пор зажигает и вдохновляет наши сердца».[31]

К сожалению, перечислить имена и подвиги всех русских святых невозможно, поэтому просто вкратце вспомним жизнь и деяния еще некоторых из них.

Великая княгиня ОЛЬГА, жена великого князя Игоря, после смерти мужа в 945 г. управляла русской землей и первая из русских князей приняла христианство. Ее поездка в Царьград отражена во многих древнерусских, западных и византийских источниках, особенно в труде Константина Багрянородного, лично принимавшего ее. Княгиня Ольга умерла в 969 г., а в 986 г. при внуке ее Владимире мощи святой были обретены и перенесены в Десятинную церковь, построенную при этом князе-крестителе Руси и затем разрушенную при татарском нашествии.[32]

Православная церковь нарекла великую княгиню Ольгу святой и равноапостольной за ее вклад в дело распространения православия в русских землях.

В одной из башен Софийского собора в Киеве сохранились фрески, изображающие киевскую княгиню Ольгу во время ее пребывания в Константинополе (Царьграде) в 957 г. На одной русская правительница изображена на приеме у Константина Багрянородного. Это молодая красивая женщина в богатых византийских одеждах. На второй фреске император Константин и княгиня Ольга представлены в ложе ипподрома. Здесь Ольга, сидящая рядом с императором, одета в светло-салатовое платье, голова ее покрыта платом, ниспадающим сзади на плечи. Выражение лица – властное, волевое.[33]

Святой равноапостольный великий князь Киевский ВЛАДИМИР, внук великой княгини Ольги, прославился своими победоносными походами и, главное, тем, что при нем Русь в 988 г. приняла христианство. Он правил русским государством тридцать пять лет, с 980 по 1015 гг. и был погребен в созданной им Десятинной церкви, разрушенной при нашествии Батыя.

Празднование святому равноапостольному Владимиру было установлено Александром Невским после того, как 15 июля 1240 г., в день кончины Владимира, им была одержана победа над крестоносцами на реке Неве, однако церковное почитание великого князя Владимира началось значительно раньше.

Великий князь Владимир часто изображается на иконах с первыми русскими святыми Борисом и Глебом, отцом которых он был. Обычно он стоит посредине в великокняжеской одежде и шапке, обликом сухощав, борода недлинная и узкая.[34]

Великий князь АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ получил от своего отца Ярослава в удел новгородские земли и как новгородский князь прославился победой над шведами на берегах Невы 15 июля 1240 г., за что и получил прозвание Невского, и победой над немцами на Чудском озере 5 апреля 1242 г. в сражении, названном Ледовым побоищем. Став в 1252 г. великим князем, Александр Невский не раз ездил в Орду устанавливать мирные отношения с ханом. После одной из таких поездок, когда князя продержали в Орде целую зиму и лето, он, возвращаясь на родину, заболел и скончался в Городце 14 ноября 1263 г. в возрасте всего сорока трех лет. Перед смертью Александр принял пострижение, тело его было погребено во Владимире, в церкви Рождества Богородицы. Петр I в 1724 г. повелел перенести мощи благоверного князя в Санкт-Петербург, во вновь основанный Александро-Невский монастырь. Его дочь Елизавета в 1753 г. соорудила для мощей святого Александра Невского раку из первого серебра, добытого в ее царствование из рудников, а Екатерина I учредила в честь Александра Невского орден.[35]

Русская Церковь причла Александра Невского к лику святых за его христианские добродетели и чудеса, бывшие у его гроба.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ, воспитанный митрополитом Алексием, стал великим князем в 1362 г. В 1380 г. он одержал победу над татарами в знаменитом Мамаевом побоище – в битве на поле Куликовом, которая положила начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига. Умер 19 мая 1389 г., погребен в Архангельском соборе Московского Кремля.

По иконописному подлиннику «подобием сед, власы кудреваты, брада с Николину, проста, ризы княжеские».

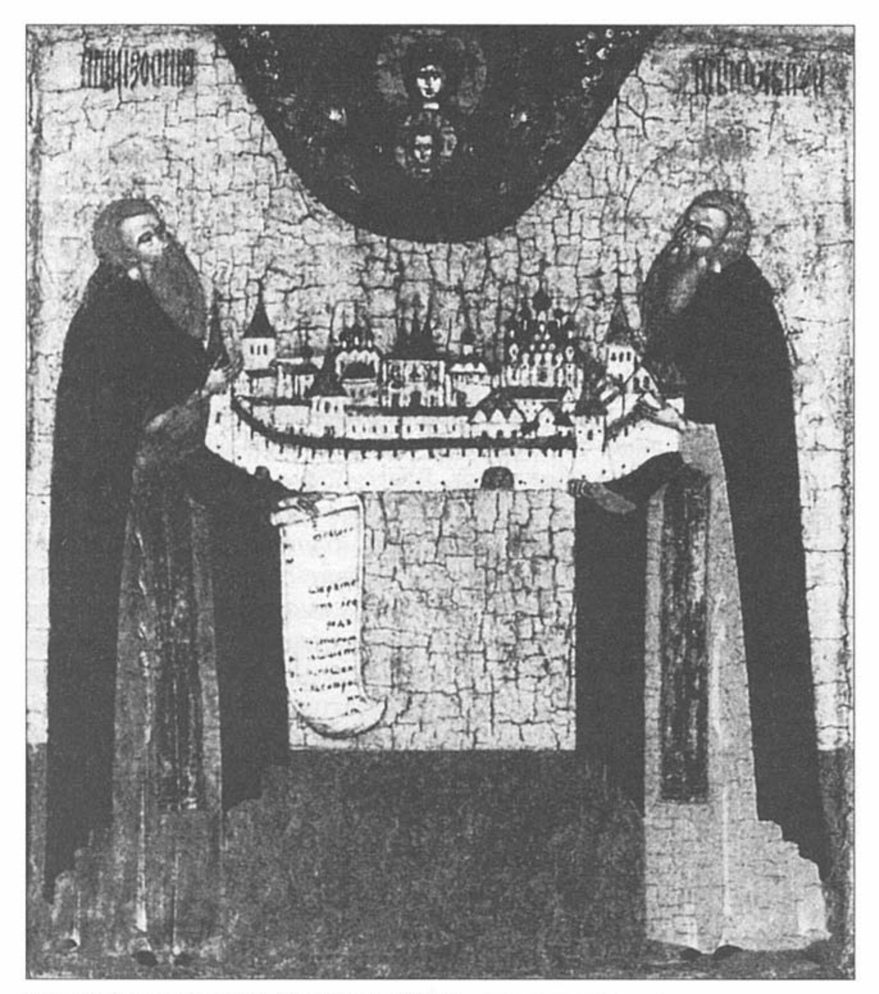
С именем Дмитрия Донского связана известная икона Феофана Грека «Богоматерь Донская»: по преданию, она находилась с великим князем во время Куликовской битвы, затем помещалась в Успенском соборе г. Коломны, а в XVI в. перенесена в Благовещенский собор Московского Кремля. В 1591 г. в память отражения крымских татар царь Федор Иоаннович в честь этой иконы основал Донской монастырь.

Дмитрий Донской изображается в клеймах житийных икон митрополита Алексия: Алексий перед смертью благословляет князя; при преставлении святителя Дмитрий Донской стоит во главе паствы в ногах митрополита.

Канонизирован Дмитрий Донской только в наши дни, в 1988 г., когда отмечалось 1000-летие крещения Руси.[36]

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ, сын великого князя Юрия (Георгия) Долгорукого, родился в Суздале в 1111 г., вырос в суздальской земле и любил северный край. Когда его отец сел на великое княжение в Киеве, Андрей тайно бежал в родные земли, взяв с собой икону Богоматери, привезенную в Киев из Византии. Именно этой иконе под именем Владимирской суждено было стать главной святыней русской земли. Для нее князь Андрей построил во Владимире соборный храм, поместил туда святыню и богато украсил золотым окладом с драгоценными камнями. Став великим князем, Андрей перенес свою столицу во Владимир, и с этого времени началось возвышение северных земель. С именем Андрея Боголюбского связано празднование 1 августа дня Всемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы. Этот праздник был установлен князем в 1164 г. в честь победы над волжскими булгарами. Андрей Боголюбский был убит своими приближенными в Боголюбовом дворце, построенном им недалеко от Владимира, 29 июня 1174 г. Похоронен в Успенском соборе Владимира.

С именем этого князя связан сюжет иконы «Богоматерь Боголюбская»: когда Андрей в 1155 г., взяв икону Богоматери, пришел во Владимир и хотел двинуться дальше, в Ростов, кони стали и ничто не могло сдвинуть их с места, а ночью явилась князю во сне Богородица и приказала оставить свой образ во Владимире. В память об этом чудесном событии Андрей повелел написать икону Богоматери такой, как она ему явилась. С тех пор на иконах «Богоматерь Боголюбская» Дева Мария изображается в царском одеянии, в рост, со свитком в правой руке и ликом, обращенным в правый

Преп. Зосима и Савватий Соловецкие. XVII в.

верхний угол, где находится Спас. Иногда Богородица предстает одна, но часто, особенно в поздние времена, перед ней склоняется в земном поклоне сам Андрей Боголюбский, который, по иконописному подлиннику «подобием рус, волосы мало кудреваты, брада не велика, аки князя Бориса, ризы княжеские, шуба бархатная, багряная, выворот соболий, на голове шапка княжеская, опушка соболья, исподняя риза лазоревая, и в сапогах».[37]

ЗОСИМА И САВВАТИЙ СОЛОВЕЦКИЕ. Преподобный Савватий жил во времена великого князя Василия Темного, при митрополите Фотии. В 1396 г. он принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, затем удалился на Ладожское озеро, на остров

Преп. Леонтий Ростовский. Фрагмент иконы XV в.

Валаам, а потом еще дальше – к Белому морю. Вместе с иноком Аввой-Германом, встретившимся ему в пути, прибыл преподобный Савватий на Соловецкий остров, водрузил на нем крест и поставил келью. Перед смертью Савватий перебрался на берег, к поселению Выг Наволок, где и преставился.

Преподобный Зосима возобновил на Соловецком острове запустелую обитель Савватия, построил там церковь и устроил монастырь, был игуменом с 1452 по 1479 г., когда он умер. В 1471 г. Зосима перенес на остров мощи преподобного Савватия и поместил их в храме Преображения, сооруженном на том месте, где отшельники впервые водрузили крест. Всего Зосима прожил на Соловецком острове сорок два года.

Зосима и Савватий Соловецкие часто изображаются как избранные святые на различных иконах, особенно – северных писем.

В XVII в. появилась иконографическая разновидность сюжета на тему жития этих святых: «Обитель Зосимы и Савватия Соловецких». На иконах представлен Соловецкий монастырь: три каменных храма и высокие звонницы с колоколами за монастырской стеной, в центре на фоне собора – сюжет Преображения со стоящими по бокам Зосимой и Савватием. На этих же иконах Зосима и Савватий могут изображаться вторично лежащими в гробницах.[38]

ЛЕОНТИЙ РОСТОВСКИЙ – святой XI в., был постриженником Печерского монастыря, где жил в пещере у преподобного Антония. Предание говорит о том, что он был родом цареградец, то есть родился в Константинополе, в Византии; затем первым из печерских иноков стал святителем – ростовским епископом. Насаляя христианство в еще языческом крае, служитель подвергался не только гонениям, но и мучениям, и побоям, его хотели даже убить. Учением и чудесами завоевывал преподобный Леонтий сердца людей, однако путь его закончился мученической кончиной в 1073 г.

По иконописному подлиннику «Леонтий чудотворец подобием рус, брада аки Козмина, на голове клобук белый, ризы святительские, с омофором».

В музее Троице-Сергиевой лавры есть икона «Леонтий Ростовский» XV в., на которой святой изображен в рост, с отведенными в стороны руками. Правая сложена в благословляющем жесте, а в левой преподобный держит Евангелие. На нем епископские одежды: белая крестчатая риза, розовый с коричневыми крестами омофор, а на голове – белый клобук.[39]

ДМИТРИЙ ПРИЛУЦКИЙ – вологодский чудотворец XIV в. Сначала он основал обитель во имя святителя Николая на берегу Переяславского озера и был там некоторое время игуменом. В 1354 г. неоднократно встречался и беседовал с преподобным Сергием Радонежским. Слава о нем достигла и великокняжеского двора: вместе с Сергием Дмитрий крестил одного из сыновей Дмитрия Донского. В поисках уединения преподобный оставил Переяславль и отправился в глухие места севера, где в пяти верстах от Вологды, «при луке» (излучине) реки Вологды в 1371 г. основал монастырь, названный Спасо-Прилуцким. Ближайший последователь Сергия Радонежского, основатель первого на русском севере общежительного монастыря, Дмитрий Прилуцкий скончался в 1392 г., по преданию, как бы уснул в келье, и она была наполнена чудесным благоуханием.

Одна из известных икон мастерской Дионисия «Дмитрий Прилуцкий с житием» конца XV в. находится в областном краеведческом музее Вологды и происходит из Спасо-Прилуцкого монастыря. По манере письма и композиции она напоминает житийные иконы митрополитов Петра и Алексия, написанные в 80-х гг. XV в. Дионисием, но по колориту более темная. Особенно обращает на себя внимание лицо преподобного Дмитрия с ярко выраженным индивидуальным оттенком. В шестнадцати клеймах рассказываются основные эпизоды жизни святого: пострижение в монастырь, встреча с Дмитрием Донским, приглашавшим преподобного крестить княжеских детей, кончина Дмитрия Прилуцкого и чудеса.[40]

НИКОН РАДОНЕЖСКИЙ – второй после Сергия игумен Троице-Сергиевой лавры, назначенный самим Сергием за шесть месяцев до кончины. Когда в 1408 г. татарский хан Едигей разорил Троице-Сергиев монастырь, Никон собрал братию и восстановил разрушенную обитель. При нем в 1422 г. был воздвигнут каменный храм Живоначальной Троицы, который украшали Андрей Рублев и Даниил Черный. Тогда же Рублевым была написана всемирно известная икона Троицы. До макарьевского времени был чтим местно, после в соответствии с соборным постановлением ему стали праздновать всею церковью.

В соответствии с иконописным подлинником Никон Радонежский «подобием стар, сед, брада проста, подоле Николиной, а Сергиевой меньше, ризы преподобнические».

На иконах, находящихся в Троице-Сергиевой лавре, Никон изображается и в рост, и по пояс, обычно в темной мантии, с парамандом и куколем*, спущенным на плечи.

В иконостасе Троицкого собора стоит икона 1671 г., вклад царя Алексея Михайловича. – «Сергий и Никон Радонежские, молящиеся перед Троицей». Святые представлены в рост, с руками, протянутыми к изображенной наверху Троице. Никон в темно-коричневой мантии, исподняя одежда светлая, параманд темно-зеленый.[41]

* Куколь – монашеский головной убор.

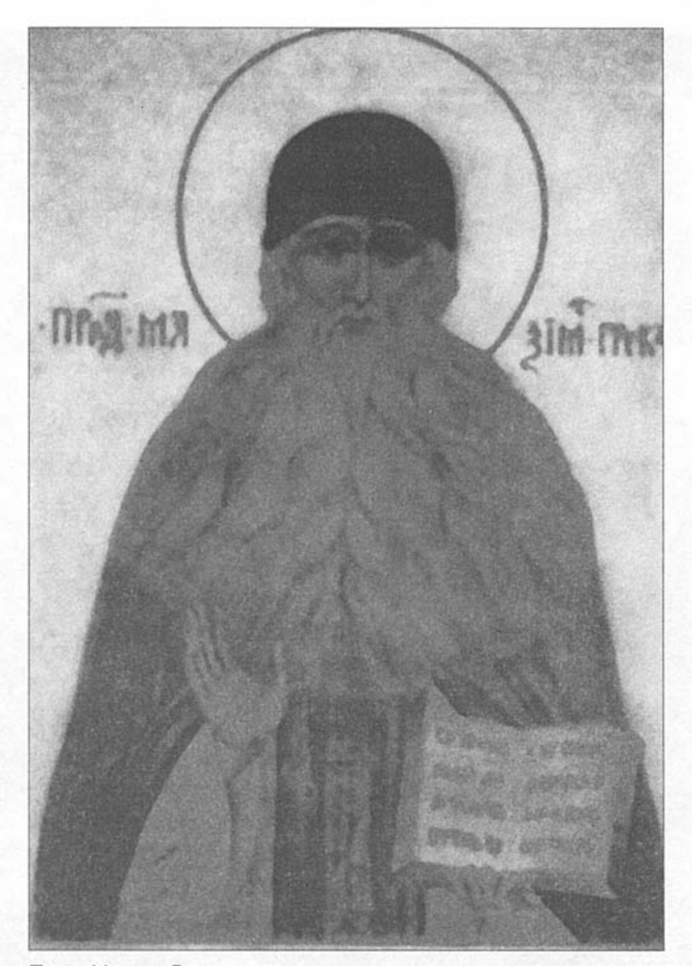
МАКСИМ ГРЕК, сын богатого греческого сановника, получивший хорошее образование и много путешествовавший, приехал в Россию по приглашению московского князя Василия Иоанновича, который обратился к константинопольскому патриарху с просьбой прислать ученого-грека, чтобы разобраться в книгах своей матери, Софии Палеолог. Максим Грек много трудился для духовного просвещения России, переводил церковные книги с греческого на славянский. Шесть лет провел Максим Грек в тюрьме: ему поставили в вину намеренную неточность переводов; затем двадцать лет жил в Твери под надзором. В конце жизни преподобный поселился в Троице-Сергиевой лавре, где и был похоронен в 1556 г.

Бывший инок Ватопедского монастыря на Афоне Максим Грек, радонежский чудотворец, «подобием сед, брада широка и плеча закрыла, длиною до персей, в камилавке (монашеской шапочке), ризы монашеские, в руках книги».

В собрании музея Троице-Сергиевой лавры есть икона Максима Грека, где он представлен по грудь с очень широкой густой бородой. Черты лица носят портретный характер: у него восточный тип лица, крючковатый нос, резкие складки на щеках. На голове камилавка.[42]

В собрании Третьяковской галереи также имеется похожая икона-портрет XVII в.: большая широкая борода закрывает грудь и плечи, на голове – монашеская шапочка.

ИОАНН НОВГОРОДСКИЙ, первый архиепископ Новгорода, был рукоположен в Киеве в 1165 г., а скончался в 1185 г. Именно он в 1170 г., во время осады Новгорода войсками суздальцев во главе с Андреем Боголюбским, торжественно вынес икону Знамение Богородицы и поставил на крепостной стене для защиты города и поддержания духа сражающихся. Стрелы

Преп. Максим Грек.

тучей летели в сторону городских укреплений, и одна стрела вонзилась в икону. Та повернулась ликом Богородицы в сторону Софии Новгородской, из глаз Пресвятой Девы капали слезы. Гнев небесный посеял ужас в полках суздальцев и обратил их в бегство. Эта битва новгородцев с суздальцами запечатлена на двух иконах XV в., одна из которых находится в Третьяковской галерее, другая в Новгородском музее. В первом ярусе изображения рассказывается о переносе иконы из церкви на Ильине улице в Софию Новгородскую, во втором ярусе запечатлен момент битвы, когда стрела попала в икону Знамения, в третьем ярусе – поражение суздальцев. Архиепископ находится рядом с иконой Богоматери.[43]

Св. Антоний Римлянин. XVI в.

АНТОНИЙ РИМЛЯНИН – еще один новгородский святой, родом из Рима. Он раздал все свое имущество нищим, на девятнадцатом году жизни постригся в монахи и ушел в пустынь. В 1106 г. он приплыл из Италии в Новгород, купил землю у новгородцев и соорудил две церкви, в том числе и соборную Рождества Богородицы, входящую в новгородский монастырь, названный по имени святого Антониевым.

В собрании Третьяковской галереи есть несколько икон с изображением Антония Римлянина. В них отражено предание,

связанное с появлением итальянца в Новгороде: он приплыл чудесным образом на камне, принесшем его по воде. На иконах Антоний стоит на этом самом камне в темной мантии и светлом куколе. Он как бы преподносит Богу и людям белокаменную церковь Богоматери.[44]

ВАРЛААМ ХУТЫНСКИЙ родом из Новгорода. Он основал в десяти верстах от славного города Хутынский монастырь, где и был игуменом до своей смерти в 1192 г. Обладал даром чудотворения и предсказания, был насадителем иночества в новгородских землях.

Этот святой пишется так: «Изчерна рус, с проседью, брада до персей, узка, на главе схима, риза преподобническая».

Варлаам Хутынский изображен на иконе XV в. из собрания Русского музея «Богоматерь Знамение с избранными святыми». Новгородский святой стоит первым слева в рост, рядом с ним Иоанн Милостивый, Параскева Пятница и Анастасия.

Может быть представлен и на персональных иконах.[45]

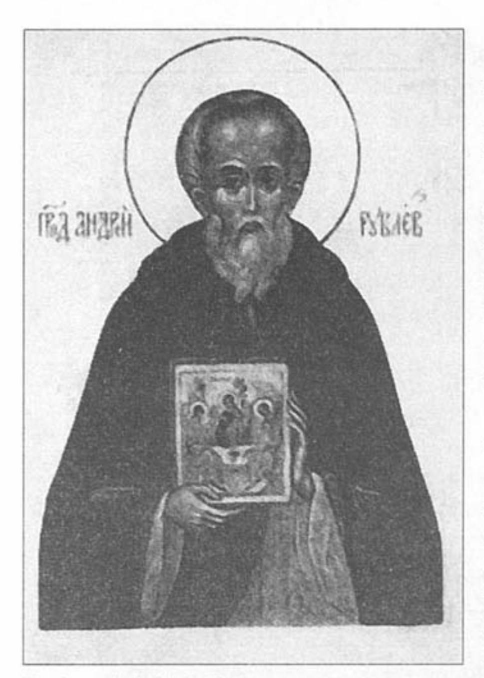
ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ, юродивый, живший во времена Ивана Грозного, с юных лет оставил родительский дом и жил, не имея ни крова, ни пристанища, страдая от холода и жары, ибо ходил все время обнаженным. Люди стекались слушать его поучения, и молва о святом достигла двора. Сам царь Иван Грозный с приближенным присутствовал при кончине Василия Блаженного, а погребение совершал митрополит Макарий с освященным собором. Могила этого юродивого, умершего в 1557 г., находилась на том месте, где Иван Грозный в память покорения Казани воздвиг храм во имя Покрова Богородицы, который чаще стал называться храмом Василия Блаженного. К святым Василий Блаженный был причислен при сыне Грозного Федоре Иоанновиче в 1588 г., когда соорудили серебряную раку угоднику и установили его празднование 2 августа, в день кончины.

По иконописному подлиннику Василий Блаженный «подобием стар и сед, власы с ушей курчеваты... брада курчевата и седа невелика, наг весь и у руке платок».

На иконах XVI–XVII вв., где юродивый изображается единолично, его худая обнаженная фигура в рост обращена к Троице, размещенной в верхнем углу, или Спасу.

Василий Блаженный изображен также на иконе Симона Ушакова «Древо Московского государства – Похвала Богоматери Владимирской».

Лик этого угодника неоднократно встречается на иконах «Богоматерь Боголюбская» XVII в.[46]

Св. Андрей Рублев. Современная икона

Современный период канонизации русских святых берет свое начало от Поместного Собора Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг., когда на Руси было восстановлено патриаршество. Среди прочих вопросов на этом Соборе вновь обсуждали вопросы канонизации, и к лику святых были причислены святители Софроний Иркутский и Иосиф Архангельский.[47]

После более чем полувекового перерыва, в семидесятые – восьмидесятые годы церковь вновь приступила к прославлению своих угодников. В торжественные дни празднования тысячелетия Крещения Руси Русская Православная Церковь причислила к сонму святых еще девять русских подвижников. В Деянии юбилейного Поместного Собора, проходившего в июне 1988 г. в Троице-Сергиевой лавре, говорилось, что, «изучив жития, чудеса, труды и подвиги...подвижников благочестия, живших в разное время церковной истории», Собор выносит свое решение об их канонизации «в полном убеждении об истинности и достоверности чудес, по молитвам этих подвижников совершающихся, отмечая все возможные виды их христианской добродетели, высокой духовной жизни и церковного служения».[48]

К лику святых были причислены: великий князь московский Дмитрий Донской, победивший татар в Куликовской битве; всемирно известный иконописец Андрей Рублев, чья икона «Святая Троица» входит в число бессмертных мировых шедевров; монах-аскет Максим Грек, автор разнообразных творений, много сделавший для духовного просвещения Руси в XVI в.; митрополит Московский и всея Руси Макарий, трудившийся над поднятием уровня духовного просвещения сородичей, над прославлением русских святых; преподобный Паисий Величковский, схиархимандрит XVIII в.; блаженная Ксения, еще при жизни своей в конце XVIII – начале XIX вв. почитавшаяся как скоропомощница и чудотворица; угодники XIX в., оказавшие значительное нравственное влияние на развитие общества – епископ Игнатий Брянчани-

нов, иеросхимонах Амвросий Оптинский, епископ Феофан Затворник.

Сегодня число русских святых еще увеличилось. В год, следующий за юбилейным годом тысячелетия Крещения Руси, в связи с торжественными празднованиями 400-летия установления патриаршества в Русской Православной Церкви, были канонизированы два святителя: Иов, ставший первым московским патриархом в 1589 г., и Тихон, достойно несший свой патриарший сан в тяжелейшие для России годы с 1917 по 1925, до самой своей кончины.[49]

В 1992 г. в связи с широко отмечавшимся 600-летием со времени преставления великого подвижника преподобного Сергия Радонежского были причислены к лику святых для общецерковного почитания его родители – схимонах Кирилл и схимонахиня Мария, которые уже раньше считались местночтимыми Радонежскими святыми. По обычаям того времени, родители, вырастив детей, уходили в монастырь. Вот и родители преподобного Сергия приняли монашеский постриг в Хотьковском монастыре под Москвой, в трех километрах от Радонежа, где и преставились. Там и поныне находятся их останки, ныне считающиеся святыми мощами.[50]

В Деянии Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви говорилось: «Попущением Божиим в наш век было воздвигнуто на Руси гонение на Церковь Христову. И вновь, как в древние века, свидетельствуя о победе Христовой, пролилась кровь мучеников».[51]

В честь всех погибших и страдавших в наше время христиан установлено празднование Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января (по ст. стилю, если совпадает с воскресеньем, или в ближайший воскресный день после этого дня). В Собор включены имена новых русских святых: патриарха Тихона, митрополита Киевского и Галицкого Владимира, митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина и убиенных с последним в 1922 г. архимандритов Сергия (Исина), Юрия Новицкого и Иоанна Кронштадтского; убитых под Алапаевском в 1918 г. великой княгини Елизаветы и инокини Варвары. Этот день будет также днем памяти всех вновь канонизируемых новомучеников и исповедников Российских. Их деяния будут отражены в житиях, их лики будут запечатлены на иконах.

Сейчас в церковной живописи складываются новые иконографические сюжеты, посвященные уже прославленным или вновь прославляемым русским святым. Предназначенные для почитания иконы помещаются в старых и восстановленных храмах,

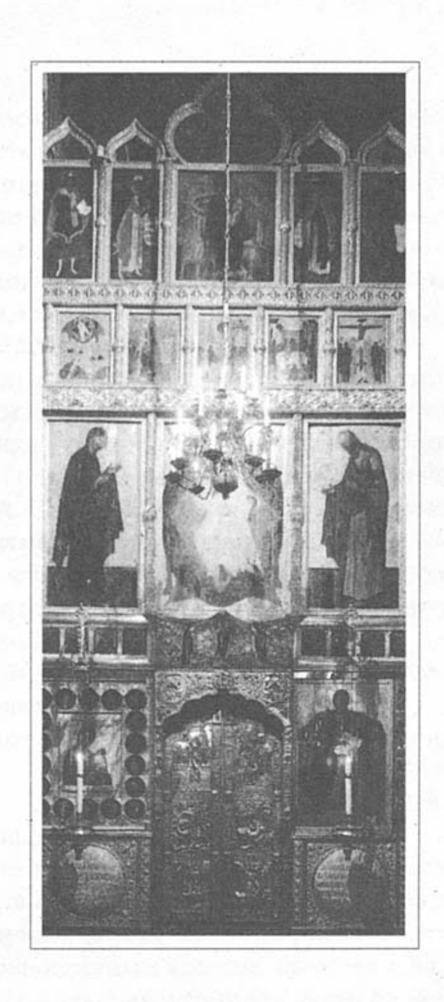
как, например, икона преподобного Андрея Рублева с житием в клеймах, написанная иконописцем и музейным реставратором И.В. Ватагиной. Икона находится в Николо-Кузнецком храме, где задолго до канонизации иконописца совершались молебны преподобному.[52]

Великий иконописец представлен здесь по пояс в монашеском одеянии с иконой Пресвятой Троицы в руках, развернутой прямолично.

К тысячелетию Крещения Руси написана икона «Собор всех святых, в русской земле просиявших» (автор – монахиня Иулиания, в миру М.Н. Соколова).[53] Здесь в центре на фоне Успенского Собора изображена главная святыня Руси – Владимирская икона Богоматери, которую держат московские святители Петр и Алексий. Внизу – родоначальники христианства на Руси: великий князь Владимир, княгиня Ольга, великомученики Борис и Глеб. Здесь же внизу – сонм киевских святых, преподобные отцы Антониевых и Феодосиевых пещер, вверху – новгородские и другие северные святые, среди которых Антоний Римлянин, Зосима и Савватий Соловецкие. Кирилл Белозерский и другие.

«Мир древнерусской святости», по словам Д.С. Лихачева, во многом забытый в течение атеистического XX века, теперь вновь открывается перед людьми, интересующимися историей своей страны и историей православной церкви. Любовь к Родине, правдолюбие, честность, доброта, незлобивость – эти вековечные ценности прививаются молодому поколению в том числе и через знакомство с житиями тех далеких наших предков, которых Церковь именует святыми. «В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути», – сказал русский мыслитель Г.П. Федотов, подчеркивая значимость познания духовной жизни святых русского православия.[54] Ведь именно их подвижничество составляло ту духовную ауру России, которая формировала бытие наших предков, воспитывало их нравственность.

ИКОНОСТАС

Русская православная церковь и богослужение в ней отличаются нарядностью и праздничностью, яркостью внутреннего убранства, обилием серебра и позолоты, торжественно сверкающих в пламени свечей. Можно представить, как воздействовало это великолепие на наших далеких предков, оказывавшихся пред ликами святых в богато и любовно украшенном храме после курной избы, где стены покрывала сажа от дыма, а маленькие окошки едва пропускали свет.

Первые иконы, пришедшие к нам из Византии, стали образцами для русских мастеров. Но, следуя церковным канонам, практически не отступая от сложившейся веками иконографии, иконописцы на Руси создавали творения, резко отличающиеся от творений учителей. Сравнивая суровость, аскетичность, подчас холодность византийцев с многоцветьем, узорчатостью, теплотой древнерусской живописи, понимаешь, что, перенесенное на русскую почву, искусство иконописи заговорило другим языком, обрело новую жизнь.

Русские иконописцы не только создали подлинные шедевры, вошедшие в золотой фонд мирового искусства, но и дали миру такое уникальное художественное явление, как высокий сомкнутый иконостас.

Иконостас – преграда из икон, вставленных в специальные крепления-тябла, отгораживающая основной объем храма от его алтарной части – имеет огромное значение в литургическом действии, а также в создании великолепного убранства храма. Но высокий сомкнутый иконостас – это уникальное явление, присущее русским православным храмам, начиная с XV в.

Преграда, отделяющая алтарную часть от основного объема храма, где собираются верующие, стала необходимым элементом внутреннего интерьера храмов уже в подземных церквях ката-

комб. Сначала это были невысокие, решетчатые или сплошные мраморные преграды.

В VI в. форма алтарных преград в Византии усложняется: появляются двенадцать колонн, символизирующих двенадцать апостолов, проповедующих учение церкви; три двери – три входа в алтарь, различные рельефные украшения. Позже на алтарных преградах стал изображаться Спаситель, а за ним и Богородица с Иоанном Предтечей, обращенные в молитве к Христу, располагающемуся в центре. Эта композиция получила название «деисус» (правильнее «деисис» – моление) и стала необходимой частью алтарных преград, перешедших затем на Руси в иконостасы.

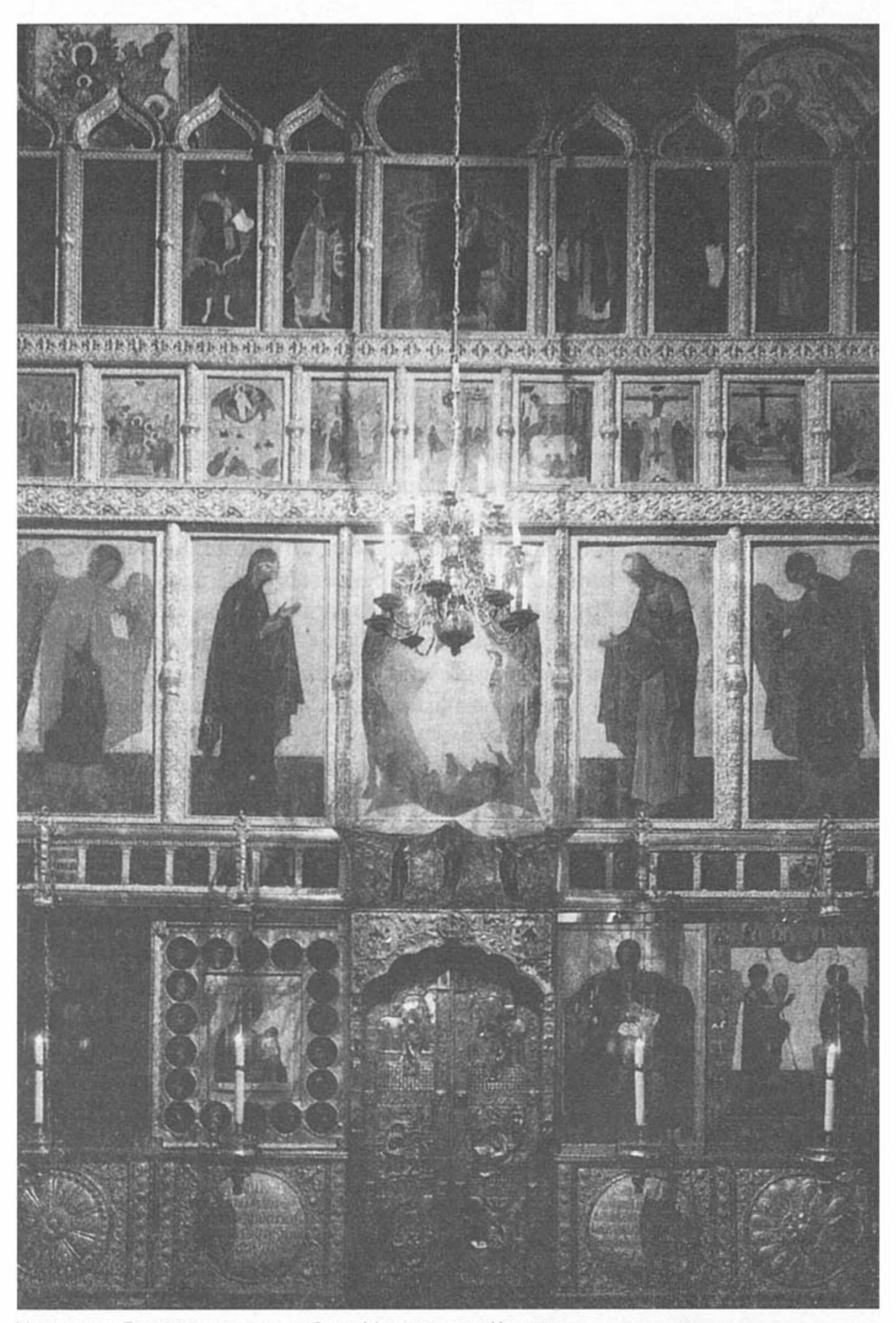
Композиция постепенно усложнялась. По бокам трехфигурного деисуса стали появляться другие святые: архангелы, апостолы Петр и Павел; возник второй ряд икон.

Однако высокий сомкнутый иконостас, представляющий одну из главных особенностей русского православного храма, сложился и окончательно оформился в конце XIV – начале XV вв.[1] Его создание связано с творчеством таких замечательных мастеров живописи, как византиец Феофан Грек, старец Даниил Черный, чернец Андрей Рублев. Именно они написали иконы, находящиеся сейчас в Благовещенском соборе Московского Кремля – первом законченном образце русского высокого сомкнутого иконостаса.

До наших дней дошли различные фрагменты древних иконостасов из Новгорода, Владимиро-Суздальского княжества, областей русского севера. Разрозненные иконы находятся в ведущих государственных музеях нашей страны, свидетельствуя о высоком художественном мастерстве русских иконописцев. Но они дают лишь слабое представление о том, как выглядели древние иконостасы в православных церквях, какими видели их наши далекие предки, с благоговением входившие в храм Божий.

И только в двух храмах – в Благовещенском соборе Московского Кремля и в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры – сохранились древние иконостасы, относящиеся к концу XIV – началу XV вв. Кроме того, что иконы из этих алтарных преград имеют уникальную художественную ценность, ибо связаны с именами таких мастеров как Феофан Грек и преподобный Андрей Рублев, они еще дороги нам тем, что дают целостное впечатление об убранстве русских православных церквей в давние времена.

Иконостас главного храма России – Успенского собора Московского Кремля – относится к середине XVII в. и связан с дея-

Иконостас Благовещенского собора Московского Кремля.

тельностью и церковной реформой патриарха Никона. Его состав почти не изменился с того времени, хотя многие иконы местного ряда теперь находятся в музеях.

Отвечая на вопрос, в чем выразился вклад Феофана Грека и Андрея Рублева в развитии иконостаса, известный искусствовед В.Н. Лазарев пишет: «Стремясь увеличить иконостас и сделать его композицию более внушительной, Феофан написал фигуры чина на досках высотой более двух метров и шириной более метра. Благодаря введению в композицию иконостаса столь больших икон иконостас приобрел невиданную ранее монументальность. Он намного вырос в высоту, а входящие в его состав фигуры оказались настолько укрупненными, что они приобрели новую пластическую выразительность... Следующий шаг на пути развития иконостаса был сделан Андреем Рублевым. Три года спустя, то есть в 1408 году, он ввел в исполненный им совместно с Даниилом Черным иконостас владимирского Успенского собора новый, пророческий ярус. Тем самым композиция иконостаса еще более увеличилась в размере, а алтарное пространство окончательно скрылось из глаз молящихся».[2]

Иконостасы Благовещенского собора Московского Кремля, Успенского собора во Владимире и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры стали основополагающими для всех последующих церковных живописцев.

Как и всякая деталь в архитектуре и в убранстве церкви, иконостас также имеет свою религиозную символику: в нем нашел отражение образ рая, сложившийся в представлении наших предков. Рай, Царство Небесное, – это прежде всего высокое место, гора, на которой «обитает» Бог, именно поэтому алтарь и алтарная преграда находятся на возвышении – солее; в рай ведут врата – их символизируют Царские врата иконостаса, которые открываются и закрываются в ходе богослужения; райская гора была огражденным местом – и алтарная часть загораживается иконостасом; рай – это роскошный сад, поэтому иконостас богато украшается орнаментом с цветами, травами, виноградом. Лицевые изображения иконостаса представляют апостолов, пророков, праотцев, группирующихся вокруг царящего над всеми образа Иисуса Христа.

Обычно иконостас делится на пять рядов: первый ряд, то есть нижний, – местный, второй – деисусный, третий – праздничный, четвертый – пророческий, пятый – праотеческий. В маленьких церквях может быть только три первых ряда, причем иногда второй и третий ряд меняются местами.

В местном ряду, получившем свое название оттого, что в нем изображаются местные святые, слева от Царских врат находится икона Богоматери, справа – Иисуса Христа. Рядом со Спасителем – храмовая икона праздника или святого, в честь которого освящен престол храма. Над Царскими вратами помещается Тайная вечеря. Слева и справа от Царских дверей имеются северные и южные двери иконостаса, на них изображаются чаще всего архидьяконы Стефаний и Лаврентий, или благоразумный разбойник, или архангелы Михаил и Гавриил.

В середине второго, деисусного чина (ряда) располагается Господь Вседержитель, по бокам его – предстоящие святые: Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел. За ними по обе стороны Христа могут в различном порядке идти другие святые: апостол Андрей Первозванный, святитель Василий Великий, великомученик Георгий Победоносец, святители Николай Чудотворец, Григорий Богослов, апостол и евангелист Иоанн Богослов, святитель Иоанн Златоуст, великомученик Дмитрий Солунский.

В третьем, праздничном ряду, обычно изображаются двенадцать главных праздников: Рождество Богородицы, Введение во храм, Благовещение, Рождество Христово, Сретение Господне, Крещение (Богоявление), Вход Господень в Иерусалим, Преображение, Вознесение, Святая Троица, Успение Божьей Матери, Воздвижение Честного Креста. Однако возможны различные варианты. Так, в праздничном ряду иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры девятнадцать икон, причем Рождества Богородицы, Введения во храм, Троицы, Воздвижения нет, зато присутствуют сюжеты Страстного цикла: Распятие, Снятие с креста, Положение во гроб и другие, более подробно рассказывающие о земной жизни Христа.

В первых трех рядах иконостаса раскрываются темы Нового Завета, в четвертом и пятом – темы Ветхого Завета. В зависимости от объема храма на этих последних двух рядах святые изображаются в рост или по пояс.

С XVII в. иконостасы стали богато украшаться резными золочеными рамами, появились даже шестой и седьмой ряды: страстной чин и чин церковных таинств; иногда иконостасы завершаются скульптурными распятиями и фигурами предстоящих святых.

Рассчитанный на охват одним взглядом, русский высокий иконостас имеет строгое построение: он как бы разделен невидимой вертикальной линией пополам, и на этой центральной оси расположены Царские врата, Христос из деисусного чина, Богома-

терь Знамение из пророческого ряда, сюжет «Отечество» в праотеческом ряду, к которым устремлены все другие фигуры.

Иконостасы весьма велики по своему составу: так, во Владимирском и Московском Успенских соборах они состояли из восьмидесяти трех икон, причем общая ширина первого составляла 28,5 м, а высота икон только центрального деисусного чина была более трех метров.

Чтобы образы святых можно было рассмотреть и сразу узнать издалека, они писались с той простотой и ясностью, которые стали отличительными чертами лаконичного и выразительного языка создателей монументальных композиций. Скупые линии, сила цвета, выразительный силуэт – всеми этими качествами в полной мере наделены русские иконостасы времен расцвета древнерусской живописи.

Деисусный чин иконостасов – это моление святых, предстоящих перед Господом Вседержителем за род человеческий.

Начало деисусному чину положило, видимо, рельефное изображение полуфигур святых, которые в Византии украшали так называемый архитрав – архитектурную деталь, балку, лежащую на колоннах алтарной преграды; на ней высекали изображения Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи. Эти три фигуры составляли первоначальный деисусный чин и тогда, когда вместо высеченных из мрамора изображений на архитрав начали помещать иконы.

Две самые ранние из дошедших до нас русских деисусных икон относятся к XII в. и представляют из себя композицию из трех фигур, написанных на вытянутой горизонтально доске. Они хранятся в Государственной Третьяковской галерее, а ранее обе находились в Успенском соборе Московского Кремля.

Первый деисус, с оплечным изображением Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи, висел над гробом митрополита Филиппа. Искусствоведы считают, что его писали мастера Владимиро-Суздальской Руси. Второй, тоже оплечный, восходит, предположительно, к Новгороду. Он изображает Спаса Еммануила и склоняющих к нему головы архангелов Михаила и Гавриила. Икона располагалась над северными дверями иконостаса Успенского собора.

Со временем трехфигурные композиции на одной доске стали заменяться изображениями на отдельных досках. Храмы на Руси в то время были в основном небольшими, и деисусные чины иконостасов тоже были невелики по размерам; преобладали полуфигурные изображения.

Деисус. Спас Еммануил и ангелы. XII в.

С развитием деисусного чина состав его усложняется, в него входят семь обязательных фигур, расположенных по три слева и справа от Спасителя. К Богоматери и Предтече прибавились два архангела, Михаил и Гавриил, и два апостола – Петр и Павел.

Формирование русского высокого иконостаса с большим, выразительным деисусным чином связано, как уже говорилось выше, с именами Феофана Грека и Андрея Рублева. Поработав в Новгороде и расписав там церковь Спаса Преображения на Ильине улице, византиец приехал в Москву, где украшал церкви Рождества Богородицы (1395 г.), Архангельский (1399 г.) и Благовещенский (1405 г.) соборы Московского Кремля.[3]

Получив заказ на украшение великокняжеской Благовещенской церкви,* Феофан решился на значительное увеличение размеров иконостаса, прежде всего за счет увеличения деисусного чина. Изображения святых написаны на досках высотой более двух метров и шириной более метра. Кроме того, чин расширился до одиннадцати фигур: к классической седмице прибавились изображения отцов церкви Василия Великого и Иоанна Златоуста, а также юных великомучеников Дмитрия и Георгия.

Кисти Феофана Грека, как считают исследователи его творчества, без сомнения принадлежат фигуры Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангела Гавриила, апостола Павла, Иоанна Златоуста и Василия Великого. Другие фи-

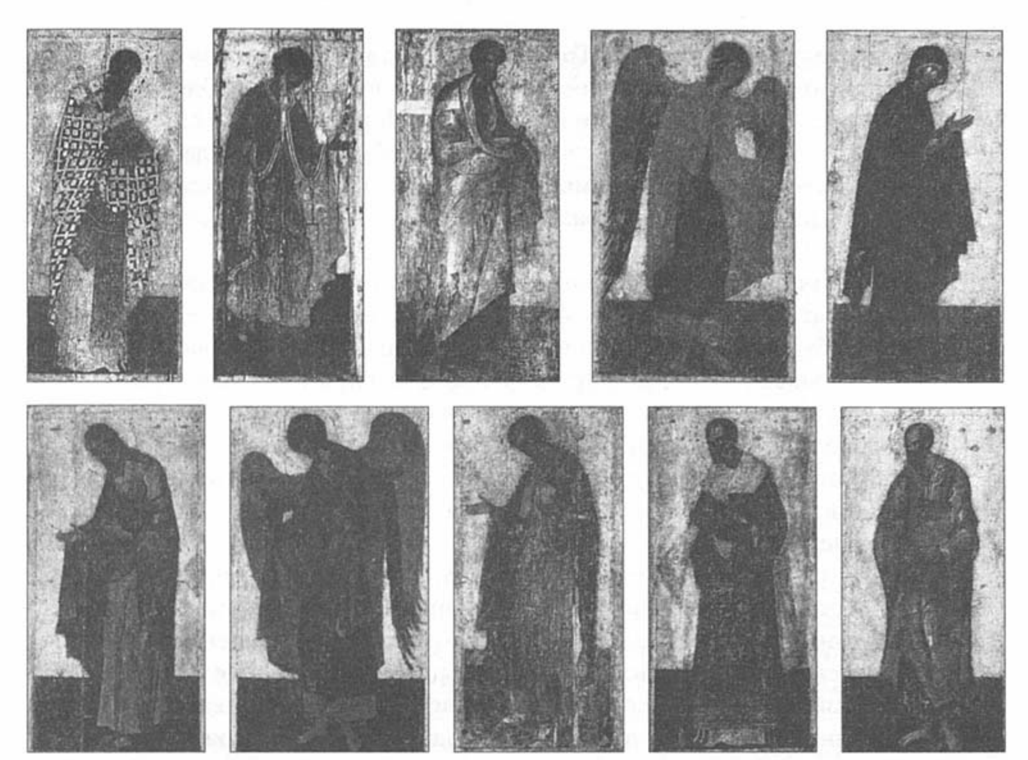
* Возможно, иконостас, находящийся в Благовещенском соборе Московского Кремля, был создан для Архангельского собора и перенесен в Благовещенский лишь в 1489 г., после переделки и расширения последнего.

Христос Вседержитель (Спас в силах).

Икона деисусного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. *Феофан Грек?*

Конец XIV– начало XV вв.

Иконы деисусного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. Конец XIV– начало XV вв.

гуры написаны его помощниками, которыми были Прохор с Городца и Андрей Рублев. Все десять фигур деисусного чина Благовещенского иконостаса предстают перед нами в молитвенных позах: их руки вытянуты вперед, к Спасителю, головы склонены в сторону Христа, фигуры развернуты к центру. Высокие, темные, резко очерченные силуэты их ясно выделяются на золотом фоне досок. Рисунок лаконичен, четок, композиция строго продумана, так что входящий в храм человек может сразу, одним взглядом окинуть весь ряд святых. Вместе с тем каждая фигура строго индивидуальна, легко узнаваема даже с большого расстояния.

Подчеркивая высочайшее мастерство греческого иконописца, прославившегося на русской земле, известный искусствовед В.Н. Лазарев пишет: «Феофан замечательно передает индивидуальную жизнь каждого из святых. В Предтече он подчеркивает глубочайшее смирение, в Богоматери – любовь и преданность, в Христе – суровую величавость, в Василии Великом – фанатизм, в Иоанне Златоусте – высокую принципиальность, в Павле – силу интеллекта, в архангеле Гаврииле – душевную ясность».[4]

Следуя за Феофаном Греком и вместе с тем развивая русские традиции в создании высоких иконостасов, Андрей Рублев через три года, в 1408 г., вместе с Даниилом Черным создал еще один замечательный иконостас в Успенском соборе города Владимира. Добиваясь большей монументальности и выразительности деисуса, Рублев увеличил его размер: высота чиновых икон равнялась теперь 3,14 метра.[5]

Сейчас иконы деисусного чина владимирского Успенского собора находятся в Третьяковской галерее и Русском музее Санкт-Петербурга. Раскрытые лучшими мастерами уже в наше время, они украшают собрания двух главных музеев, а ведь судьба их могла сложиться совсем иначе: в связи с реставрацией Успенского собора в восемнадцатом веке старый, рублевский иконостас был продан в село Васильевское Владимирской губернии, а на его месте поставлен новый, в духе того времени, обожавшем богатство украшений и их обилие.[6]

Огромные трехметровые фигуры рублевского деисусного чина составляли грандиозную композицию, в которой на мерцающем, переливающемся, блестящем золотом фоне выделялись фигуры святых. Используя лаконичные выразительные средства, русский живописец создал иконостас, органически связанный с огромным пространством собора, подчеркивающий красоту архитектурных форм древнего храма.

Среди других деисусных чинов иконостасов выделяется так называемый звенигородский чин, также, по мнению искусствоведов, рублевского письма. От него остались лишь три полуфигурных образа: Спас, архангел Михаил и апостол Павел. И хотя Спас плохо сохранился, на доске имеются большие утраты красочного слоя, исследователи отмечают, что Рублев в этой своей работе отходит от традиционного иконографического типа Христа, наделяя его типичными русскими чертами.

К выдающимся памятникам древнерусской живописи принадлежит и деисусный чин Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Однако пятнадцать фигур его были написаны разными мастерами, что нарушает восприятие композиции как единого целого. Исследователи считают, что кисти Андрея Рублева в этом чине бесспорно принадлежат две иконы: архангела Гавриила и апостола Павла.[7]

С веками деисусные чины разрастались и стали включать в себя еще большее количество фигур. Так, по описи XVII в. в Благовещенском соборе значится тринадцать фигур: появились изображения Симеона и Даниила Столпника. А в деисусном чине

Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря находится двадцать одна фигура.

Праздничный чин иконостасов располагался между деисусным и пророческим рядами, а иногда – между местным и деисусным. Здесь помещались иконы на темы двенадцати главных церковных праздников, так называемых двунадесятых, рассказывающих о евангельских событиях из жизни Иисуса Христа и Девы Марии. Обычно праздничный ряд начинается с сюжета Благовещение и заканчивается Успением Богородицы, а между ними от северной стены храма к южной располагаются остальные праздники.

До нашего времени сохранился праздничный чин иконостаса Софийского собора в Новгороде, написанный в 1341 г., то есть почти за шестьдесят лет до праздничного чина Благовещенского собора Московского Кремля. В это время по инициативе новгородского архиепископа Василия в Софийском соборе проходили большие работы: его ремонтировали, отливали большой колокол, украшали, писали новые иконы. Благодаря заботам архиепископа появился и сохранившийся доныне праздничный чин, состоящий из двенадцати сюжетов. Искусствоведы сходятся в том, что иконы, писанные на трех вытянутых досках, по четыре сюжета на каждой (что соответствовало древним византийским формам и было распространено на Руси в X–XII вв.), изготовлены византийскими провинциальными мастерами. Об этом говорят и манера письма, и краски, и греческие надписи. Кроме того, в летописях отмечен тот факт, что в это время в Новгороде работал с артелью некий грек Исайя, расписавший два храма. Возможно, что и праздничный чин новгородской Софии также принадлежит его кисти. Сейчас эти иконы находятся в Новгородском историко-археологическом музее; они еще не до конца расчищены и изучены.[8]

Начиная с XIV в. иконы праздничных чинов иконостасов писались каждая на отдельной доске. Число сюжетов возрастает. Так, в Благовещенском соборе Московского Кремля праздничный чин состоит из пятнадцати икон, которые можно видеть в храме и сейчас. Но уже в XVII в., о чем свидетельствуют описи, их было семнадцать: в то время прибавились Снятие с креста и Уверение Фомы.

Сейчас пятнадцать сюжетов этого чина располагаются в следующем порядке: Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Преполовение (икона XVI в.), Крещение, Преображение, Воскрешение Лазаря, Вход в Иерусалим, Тайная вечеря, Распятие,

Благовещение

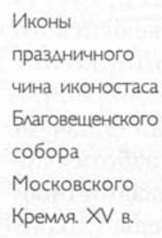
Рождество Христово

Сретение

Преполовение

Иконы праздничного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. XV в.

Крещение

Преображение

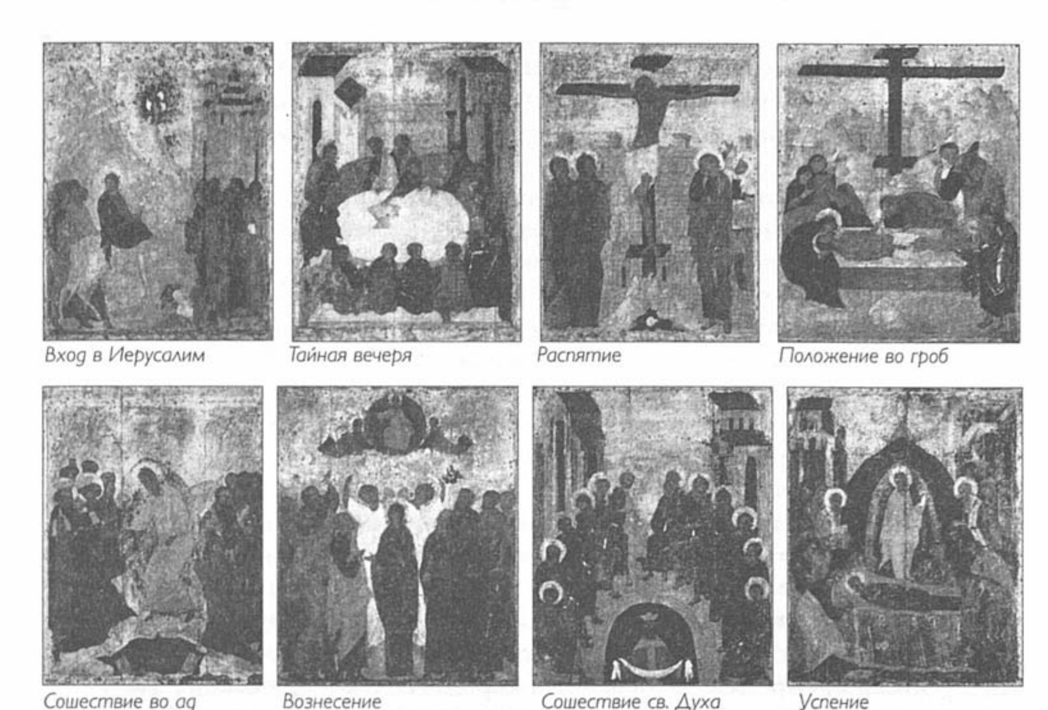
Воскрешение Лазаря

Положение во гроб, Сошествие во ад, Вознесение, Сошествие св. Духа, Успение. Изучая иконографию, манеру письма, колорит этих древних памятников, искусствоведы отметили, что они принадлежат кисти двух различных художников, причем левая половина чина, начиная с Благовещения и кончая Входом в Иерусалим, отнесена к творчеству Андрея Рублева, а правая – к творчеству Прохора с Городца.

Одной из лучших икон праздничного ряда, наиболее «рублевской» по манере письма, художественным достоинствам, настроению считается Сретение.[9]

Праздничный чин иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры включает в себя уже девятнадцать икон: кроме тех сюжетов, которые были в Благовещенском соборе, здесь присутствуют Омовение ног, Причащение хлебом, Причащение вином, Снятие с креста, Жены-мироносицы у гроба Господня (в Благовещенском соборе есть Преполовение, отсутствующее в Троицком соборе).[10]

В XVI – XVII вв. праздничный чин иконостасов еще более разрастается и насчитывает подчас больше двадцати икон. Так, в иконостасе Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря по описи XVIII в. значится двадцать две иконы: здесь введены такие

Вход в Иерусалим *Тайная вечеря* *Распятие* *Положение во гроб*

Сошествие во ад *Вознесение* *Сошествие св. Духа* *Успение*

сюжеты, как Рождество Богоматери, Введение во храм, Уверение Фомы, а также иконы страстного цикла – Суд Пилата, Шествие на Голгофу. Когда образовался новый ярус иконостасов с изображением Страстей Христовых (XVII в.), иконы страстного цикла перекочевали туда.

Нижний ряд иконостасов складывался из икон, которые располагались слева и справа от Царских врат, между северными и южными вратами, ведущими в жертвенник и диаконник.

По сложившейся традиции, местный чин состоит из икон Иисуса Христа – справа от Царских врат, Богородицы – слева от Царских врат. Название местного ряд получил оттого, что второй справа от Царских врат, рядом с Господской, ставилась икона, изображающая праздник, в честь которого освящен храм. Здесь же находились изображения святого покровителя храма, чтимые иконы.

До XVI в. ни в составе этих икон, ни в порядке их расположения не было единообразия. Да и стояли они еще не сплошь, а могли перемежаться с росписью стенок и столбов, с пеленами, украшавшими алтарную преграду. Поскольку правил по построению местного ряда не существовало (они появились лишь поз-

же, в XVII в., и были утверждены Собором в 1667 г.), поэтому на наиболее почетные места у Царских врат ставили, чаще всего в киотах, почитаемые иконы, чудотворные или отмеченные чем-то в истории.

Так, местный ряд иконостаса главного храма России – Успенского собора Московского Кремля – представлял собой в основном собрание древних икон из различных местностей России. Присоединяя к столице города и области, московские правители обычно брали из храмов наиболее почитаемые иконы – местные святыни – и помещали их в Московском Кремле. Действо носило символический характер и знаменовало собою соединение всех русских земель под главенством стольного града, который считался преемником величия и славы столиц домонгольской Руси – Киева и Владимира.

Новый каменный Успенский собор, построенный итальянцем Аристотелем Фиораванти и освященный 12 августа 1479 г., был украшен иконостасом работы замечательного русского мастера Дионисия. Однако при Иване Грозном иконы местного ряда иконостаса были практически заменены новыми, привезенными из городов, завоеванных царем. Из дионисиевских памятников была оставлена только храмовая икона «Успение». Именно при Иване Грозном в первопрестольном соборе оказались древние святыни из Владимира, Новгорода, Пскова, Великого Устюга, Смоленска. Наиболее чтимые народом, прославленные чудотворениями иконы играли важную роль во время праздничных богослужений, выносились во время торжественных крестных ходов.

Следующее большое изменение иконостаса Успенского собора и его местного ряда было проведено при царе Алексее Михайловиче патриархом Никоном в 1653 – 1655 гг. Именно он переместил всенародно почитаемую икону Богоматери Владимирской, которая со времени перенесения ее в Москву из Владимира стояла по правую сторону Царских врат, на левую сторону. Справа, на самое почетное место, была помещена икона, изображающая Спаса на престоле, греческую икону XII в., известную под названием «Спас императора Мануила». В конец местного ряда переместилась и «Троица», ранее стоявшая гораздо ближе к центру.

Очень пострадал собор и его иконостас во время войны с французами в 1812 г. Разграбленный, разоренный первопрестольный храм был восстановлен заново только в 1881–1883 гг.

В конце XIX в. местный ряд иконостаса Успенского собора состоял из икон, насчитывающих многовековую историю, связан-

ных с известными историческими лицами и знаменательными событиями.[11]

Так, с южной стороны от Царских врат располагались иконы: Спас на престоле, Успение Божьей Матери, Устюжское Благовещение, Тихвинская Божья Матерь (над южными дверями), Царь Царем или Предста царица, Спас Ярое око (над дверьми, ведущими в Дмитриевский придел), Дмитрий Солунский.

С северной стороны от Царских врат помещались иконы Владимирской Божьей Матери, Спас на престоле, Смоленской Божьей Матери (список с подлинной чудотворной иконы, которая находилась в соборе города Смоленска), Спас Еммануил с архангелами Михаилом и Гавриилом (над северной дверью), Господь Вседержитель на престоле, О тебе радуется, Успение Божьей Матери (над дверью, ведущей в Петропавловский придел), Спас Нерукотворный (над Успением), Николай Зарайский, Св. Троица.

Иконы местного ряда Успенского собора были особо почитаемы святителями и народом. Так, Спас на престоле, иначе называемый Спасом императора Мануила, – икона древнего греческого письма, привезенная по преданию из Греции в дар новгородским князьям и помещенная в Софийском соборе.* Оттуда она была взята в Москву по велению великого князя Ивана Васильевича.[12] Перенесенная в первопрестольный храм как священный трофей покорения Новгорода, икона сначала помещалась в конце местного ряда, а затем, при Никоне, была поставлена на самое почетное место – первой справа от Царских врат.

* Подробнее об этом см. в главе «Иконы. Иисус Христос и Богородица».

Находившаяся рядом со «Спасом на престоле» храмовая икона Успения Божьей Матери была написана основателем Успенского собора первым русским митрополитом Петром, умершим в 1326 г., в год окончания строительства храма.

В Государственной Третьяковской галерее находится сейчас известная икона XII в. – Устюжское Благовещение. Она была вывезена из Великого Устюга в 1567 г. при Иване Грозном. Икона прославилась тем, что в 1290 г. по молению юродивого Прокопия отвратила от Устюга страшную каменную тучу, грозившую истребить город во время землетрясения. Туча разразилась дождем из раскаленных камней вне городской черты. Современные искусствоведы считают, что эта легенда возникла в XVIII в. на основе жития святого Прокопия Устюжского, составленного в XVII в. Они связывают Устюжскую икону с искусством Новгорода и предполагают, что икона вывезена из Георгиевского собора Юрьева монастыря.

Икона Деисус Царь Царем или Предста царица, где в центре изображен Иисус Христос в царском одеянии, сидящим на престоле, слева от него Богоматерь, тоже в царском одеянии, а справа – Иоанн Предтеча, церковными преданиями связывается с именем первого русского живописца Алимпия, жившего в XI в. в Киево-Печерской лавре. В XVI–XVII вв. икона находилась рядом с храмовым изображением Успения. Современные искусствоведы считают, что она писана сербским художником, вероятно, в XVI в. в Новгороде.

Икона Спас Ярое Око, находящаяся сейчас в экспозиции музеев Московского Кремля, в начале XVII в. помещалась в левой части алтаря Успенского собора, а по описям 1627 г. уже значится висящей над дверями, ведущими в придел Дмитрия Солунского, то есть в местном ряду. Первоначально икона была выносной: внизу видны три следа от вилки, ручка которой позднее была отпилена. Время ее возникновения – примерно 40-е гг. XIV столетия, когда при митрополите Феогносте образовался круг живописцев, ядро которого составляли приглашенные им столичные византийские мастера.

Южная сторона иконостаса заканчивалась у мощей святого митрополита Филиппа, где находился образ великомученика Дмитрия Солунского, изображенного в рост. Считалось, что икона писана на гробовой доске этого святого, которая была принесена в 1197 г. во Владимир, а оттуда в 1380 г. в Москву. Это бывшая храмовая икона владимирского Дмитриевского собора, изображавшая небесного покровителя великого князя Дмитрия Донского, который и привез ее в Москву в год Куликовской битвы. Дмитрий Солунский считался также покровителем всех воинов.

На северной стороне от Царских врат первым стоял и сейчас стоит киот, в котором помещалась особо почитаемая на Руси святыня – Владимирская икона Богоматери.

Икона эта была чтимой во все времена. С перенесением в столицу она постоянно находилась у Царских врат, неоднократно помогала в спасении города от врагов, служила благословением для великих князей и царей во всех важнейших событиях их жизни, принимала участие в избрании русских первосвятителей.*

В Третьяковской галерее находится также интересная икона XII в., писанная на одной доске, – образ Спаса Еммануила с архангелами Михаилом и Гавриилом в погрудном изображении. В Успенском соборе висела над северной дверью иконостаса.

* Подробнее см. в главе: «Иконы. Иисус Христос и Богородица».

Между северными алтарными вратами и вратами, ведущими в Петропавловский придел, находилась древняя греческая икона Господа Вседержителя на престоле с благословляющей правой рукой и евангелием в левой. По преданию, она была привезена из Греции во Владимир, а оттуда перенесена в Москву при великом князе Василии Иоанновиче. На иконе была надпись, говорящая о том, что Андрей Боголюбский имел обычай брать этот образ в походы, и что он был с ним при победе над Казанскими булгарами.

На северной стороне, около иконы Николы Зарайского, помещался образ Пресвятой Троицы. По мнению искусствоведа Т.В. Толстой, эта икона середины XIV в. была написана, видимо, для собора 1326 г. Вначале она находилась у Царских врат, рядом с Владимирской, потом в 1655 г. ее перенесли в конец местного ряда к северной стороне. Такой новый порядок размещения икон в местном ряду иконостаса ввел по совету антиохийского патриарха Макария Никон, который старался во всем следовать греческим обычаям.

Среди множества сюжетов, находящих свое воплощение в различных иконах местных рядов иконостасов, сюжет Троицы надо отметить особо. Ведь икона Андрея Рублева, написанная для Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры и помещавшаяся в местном ряду иконостаса этого собора, – шедевр мирового искусства и, пожалуй, самое известное произведение древнерусской живописи.

На иконах Пресвятой Троицы обычно изображаются три ангела, которые сидят за круглым столом на фоне здания, Мамврийского дуба и горки. На столе – чаша с вином и еда. Часто средний ангел протягивает руку к чаше. Внизу – Авраам, или юноша-слуга, закалывающий тельца. Могут быть изображения Авраама и Сарры, подающих угощение; они же могут находиться за столом среди ангелов.

На иконе Андрея Рублева, которую он написал «в похвалу преподобному Сергию Радонежскому», нет бытовых деталей: отсутствуют фигуры Авраама и Сарры, нет сцены с закланием тельца, на столе – лишь одна жертвенная чаша. Традиционный библейский сюжет, воплощающий идею троичности божества, идею триединого Бога, выполнен на высочайшем художественном и философском уровне. Икона, в которой нет ни действия, ни движения, рассчитана на длительное, внимательное созерцание; она полна одухотворенности, высокой просветленности и торжественного покоя.

Написанная ориентировочно в 1411 г., икона была раскрыта только в 1919 г.[13] По наблюдениям реставраторов, она прорисовывалась трижды: в начале XVII в., в годуновское время; в конце XVIII в. одновременно с ремонтом других икон иконостаса Троицкого собора, а также в XIX в. Теперь шедевр Рублева в его первоначальном виде представлен в коллекции Третьяковской галереи, а вместо него в местном ряду иконостаса собора находится копия.

Среди прочих икон этого сюжета, воплощающего идею троичности божества, можно отметить две иконы. Одна – «Троица ветхозаветная с бытием» XVI в., другая – кисти иконописца Дмитрия Крашенинникова, XVII в. В двадцати трех клеймах изображаются библейские сюжеты, начиная с первого дня творения и кончая видениями Моисеем неопалимой купины, а Иаковом – лестницы.

Другие изображения Троицы в Третьяковской галерее также заслуживают внимания.[14]

Царские врата – это центральные двухстворчатые двери иконостаса, ведущие в алтарь. Они делались из дерева, расписывались определенными сюжетами и украшались чеканным серебром. Существует два вида росписи Царских врат. Первый вид был распространен в Новгороде и прилегающих к нему землях. Наверху, в закругленной части врат, – сцена Благовещения, причем Архангел Гавриил изображается на левой половине двери, а Богоматерь – на правой. Внизу в рост – Василий Великий и Иоанн Златоуст. Второй вид: наверху – Благовещение, а внизу четыре как бы самостоятельные иконы – изображения четырех евангелистов. Они обычно писались в таком порядке: Иоанн Богослов (слева вверху), Матфей (справа вверху), Лука (слева внизу), Марк (справа внизу). Иоанн Богослов изображался с Прохором на фоне горок на острове Патмос, остальные три евангелиста – на фоне палат.

Над евангелистами изображались их символы: Матфей – крылатый человек, Марк – лев, Лука – телец, Иоанн – орел. Объясняются символы по-разному. Одни богословы говорят, что это указание на Иисуса Христа, который вочеловечился (изображается человек), покорил врагов (лев), принес себя в жертву за род человеческий (телец) и вознесся на небо (орел). Другие идут от содержания Евангелий и иначе трактуют символы. В Евангелии Марка речь идет о царском происхождении и достоинстве Иисуса Христа (отсюда символ льва), в Евангелии Матфея описываются деяния Христа как человека (отсюда человек), в Евангелии Луки рассказывается о служении

Господа (отсюда телец), в Евангелии Иоанна мысль возносится над бытием и парит как птица (отсюда – орел). В рукописи XVIII в. сказано кратко: «Образ человека означает воплощение; образ льва выражает царственное действие; образ тельца показывает священнодейственное и священническое служение; образ орла означает приосенение Св. Духа».

МАТФЕЙ – мытарь, то есть сборщик податей. Он собирал пошлину, когда прошел мимо Иисус Христос и позвал его за собой. Матфей пошел за Спасителем, пригласил Иисуса в свой дом, угощал Учителя и Его учеников и слушал проповеди. Книжники и фарисеи спросили Иисуса и его учеников, отчего они едят и пьют с грешниками и мытарями. Христос ответил, что врач нужен не здоровым, а больным, и что Он пришел призвать к покаянию не праведников, а грешников.

МАРК – известен по текстам деяний апостолов: он был родственником Варнавы и сопровождал его и апостола Павла в путешествии на Кипр и в Малую Азию. Его Евангелие создано в 50–70 гг. после Рождества Христова в Риме, рассчитано на христиан языческого происхождения.

ЛУКА – грек, врач, живописец. Был участником многих деяний апостола Павла, написал «Деяния апостолов». Его Евангелие – самое поэтичное и художественное, он почти полностью включил Евангелие Марка и обработал его.

ИОАНН – переработал первые три Евангелия, сделал упор больше не на земной жизни Христа, а на его духовном наследии. Написал также «Откровение Иоанна Богослова», иначе «Апокалипсис».

По рукописи XVIII в. Иоанн Богослов – старец плешивый с длинной бородой, Матфей – старец с длинной бородой, Лука – не старый, кудрявый, с малой бородой, Марк – с проседью в круглой бороде.

Царские врата с изображением Благовещения и четырех евангелистов из Рублевского иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры (1425 – 1427 гг.) хранятся в собрании музея монастыря.

Царские врата XVII в., вклад царя Михаила Федоровича, находятся сейчас в соборе.

Царские врата XV в. новгородской школы имеются в собрании Третьяковской галереи. Здесь между сценой Благовещения и изображениями евангелистов помещены две сцены Евхаристии: на одной и на другой Христос и шесть апостолов, причем направлены они не как обычно к центру, а от центра.

Богоматерь Знамение. XV в.

Среди прочих икон с изображениями евангелистов надо отметить икону «Лука, пишущий икону Богоматери» XV в.[15]

По преданию, Лука был живописцем, он первым еще при жизни Богородицы изобразил ее и получил благословение Девы Марии.

В четвертый ряд иконостасов русских церквей – так называемый пророческий чин – входят пророки. Этот ряд ввел Андрей Рублев при создании иконостаса Успенского собора Владимира. В центре изображается Богоматерь Знамение, слева и справа от нее пророки, обычно развернутые к центру. Но если на доске три пророка, то средний может писаться анфас.

К пророкам – ветхозаветным праведникам и предсказателям, провозвестникам воли Божьей – относятся: Енох, Ной, Авраам, Иаков, Моисей, цари Давид, Соломон, Илия, Елисей и др. Особо выделяются четыре великих пророка: Исайя, Иеремия, Иезекииль, царь Даниил, известные своими книгами. Кроме них, есть еще двенадцать малых пророков: Амос, Авдий, Осия, Иоиль, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария, Малахия. Последним из пророков был Иоанн Креститель.

Слово «пророк» буквально означает «прорицатель», так переводится древнееврейский термин «нави». Дополненные и объединенные в сборники, речения пророков были, видимо, окончательно отредактированы в VI–V вв. до н. э. и вошли в Ветхий Завет. До нас дошли книги четырех великих пророков: Исайи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, и двенадцати малых.*

Наиболее древний пророческий чин, созданный в 20-е гг. XV в., находится в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры.[16] Однако изображение Богоматери Знамение здесь относится к XVIII в. В этом иконостасе двенадцать пророков: с левой стороны от Богоматери – Соломон, Исайя, Иеремия, Гедеон, Иезекииль, Аввакум, с правой – Моисей, Давид, Иоиль, Иона, Иаков, Даниил. Изображения поясные, они объединены по два на каждой доске.

В находящемся в Третьяковской галерее пророческом чине иконостаса Успенского собора Большого Тихвинского монастыря – шестнадцать пророков: Иезекииль, Елисей, Иоиль, Малахия, Гедеон, Наум, Софония, Давид, Амос, Захария, Илия, Иессей, Соломон, Михей, Исайя; не хватает иконы с изображением Даниила.

Обычно пророки – это старцы с различными видами бород: Моисей – с проседью в редкой бороде, Давид – с круглой короткой бородкой, Илия – с длинной седой бородой, Иезекииль –

* См. главу «Священное писание».

с остроконечной бородой и так далее. Но некоторые пророки изображаются молодыми: Соломон – юный, безбородый, такие же Даниил, Аввакум, Захария (не путать с другим Захарией, отцом Иоанна Предтечи, старцем с длинной бородой, в священнической одежде).

Царя-пророка Даниила легко узнать по маленькой шапочке на голове.

Один из самых древних пророков – МОИСЕЙ. Он жил за тринадцать – пятнадцать веков до Рождества Христова. Насыщенная драматическими событиями жизнь этого пророка, воспитанного дочерью фараона, спасшего израильские племена от египетского плена, получившего на горе Синай скрижали завета от Бога, служила основой для многих произведений изобразительного искусства.

В пророческом чине иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры Моисей изображен по пояс, склоненным вправо. Он с небольшой бородой, в левой руке держит развернутый список, а правая в молитвенном жесте согнута перед грудью. На нем коричнево-желтый гиматий и голубой с пробелами хитон.

Моисей изображается на иконах с сюжетами Преображения Господня: вместе с пророком Илией он беседовал с Иисусом Христом на горе Фавор во время его Преображения. Моисей стоит слева от Христа со скрижалью в руках, к нему повернута фигура Иисуса. Одна из самых ярких икон с этим сюжетом – «Преображение» Феофана Грека, находящаяся в Третьяковской галерее.

С видением Моисея связан сюжет икон «Неопалимая Купина»: Моисей пас стадо, когда увидел на горе Хориве горящий, но не сгорающий куст. На иконах изображается Богоматерь с Младенцем на фоне зеленого и красного квадратов с вогнутыми сторонами, означающих куст и пламя. Богоматерь сравнивается с неопалимой купиной, это ее символ по пророку Моисею.

В иконах этого сюжета часто пишутся пророчества или образные изображения пророчеств о Богоматери: по Моисею – «неопалимая купина», по Даниилу – «гора нерукосечная», по Иакову – «лестница небесная», по Иезекиилю – «врата».

В пророческом чине иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры присутствуют также изображения четырех великих пророков.[17]

ИСАЙЯ предстает старцем с бородой и длинными седыми прядями волос. Правая рука его вытянута вперед, а в левой он держит свернутый белый свиток. По иконописному подлиннику Исайя «подобием стар и сед, брадою и волосы аки Илия Пророк,

ризы пророческие... в руке свиток, на нем написано: «Се дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут ему имя Еммануил, еже сказаемо, с нами Бог».

В этом же чине пророк Иеремия – старец с небольшой круглой бородой: и он, и Иезекииль держат перед собой развернутые списки, а царь-пророк Даниил изображен в маленькой шапочке на голове.

С ДАНИИЛОМ связан сюжет иконы «Богоматерь Гора нерукосечная». Она является иллюстрацией толкования пророком Даниилом сна царя Навуходоносора на слова: «Аз видех гору, от нея же отсечеся камень нерукосечный» (Дан 2). На иконе изображается Богоматерь с Младенцем на престоле, в руках у нее – лестница (по видению Иакова) и камень.

На свитке в руках Даниила, при изображении его в пророческом ряду или на отдельных иконах, пишется обычно: ...«гору разумну, от нея же отсечеся камень». Прообраз Богоматери по пророку Даниилу – «гора нерукосечная».

В русских иконах встречается сюжет «Даниил пророк во рву львином», где Даниил изображается окруженным львами в пещере с раскрытой книгой в руках. Наверху – пророк Аввакум, несомый ангелом. На иконе запечатлена сцена из жития святого, когда, при персидском царе Дарии, Даниил был брошен в ров с голодными львами, но животные не тронули его.

В композицию «Страшного суда» также включена сцена с этим пророком: «Видения пророка Даниила». Ангел показывает Даниилу четырех зверей, которые символизируют царства, долженствующие погибнуть: Вавилонское – медведь, Македонское – грифон, Персидское – лев, Римское – рогатый зверь.

Даниил вместе с царями-пророками Давидом и Соломоном часто присутствует в композициях «Воскресение – Сошествие во ад».

Цари-пророки ДАВИД и СОЛОМОН изображаются в иконах «Похвала Богородице», часто с моделями храма, который они построили в Иерусалиме.

Образы Давида и Соломона есть в пророческом ряду иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Давид – с круглой короткой бородой, с развернутым свитком в руках; Соломон, сын Давида, – без бороды, с темными кудрявыми короткими волосами. В соответствии с иконописными традициями эти цари-пророки всегда изображаются в царских венцах, богато украшенных драгоценными камнями и жемчугом.

С Соломоном связан сюжет иконы «Премудрость созда себе дом». Она является иллюстрацией текста «Притчи Соломоновы»:

Илия Пророк в пустыне. Конец XIII – начало XIV вв.

«Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь...» (гл. 9, 1). Изображается как бы земное воплощение премудрости Божией – Богоматерь с Младенцем. Над ней на башне – царь Соломон с раскрытым свитком.

Среди икон, изображающих пророков, следует обратить внимание на икону XV в. Новгородской школы в собрании Третьяковской галереи «Пророки Даниил, Давид, Соломон». Изображение погрудное. Давид в центре анфас, слева – Даниил, справа – Соло-

мон. Давид и Соломон – в царских венцах, Даниил – в пророческой шапочке с повязкой на лбу.[18]

Одними из величайших пророков, живших почти за десять веков до Рождества Христова, были ИЛИЯ и его ученик Елисей. По иконописному подлиннику Илия «подобием стар и сед, власы космат, брада продолговата до персей и терхава, аки праотца Авраама, на вые его платок, риза на нем милоть или шуба, выворот мохнат козлим, исподь светлодикая празелень, в руке свиток»...

Икона Илии есть в пророческом ряду иконостаса придела Успенского собора Большого Тихвинского монастыря, который находится в Третьяковской галерее. Датируется XV – XVII вв.

Интересна икона «Илия Пророк» конца XIV – начала XV вв. в собрании Третьяковской галереи. Изображение здесь поясное, руки Илия держит перед грудью, в левой – свернутый свиток. Фон иконы красный.

Среди других сюжетов наиболее распространены «Илия Пророк в пустыне» и «Огненное восхождение Илии Пророка». По житию Илия, обличающий язычников и призывающий к покаянию, в наказание за непослушание на три года послал на землю засуху и голод, а сам в это время жил в сокровенном месте у потока Хораф, где вороны приносили ему пищу. Эти события и нашли свое отражение в сюжете «Илия Пророк в пустыне». На иконах Илия изображается сидящим на фоне пещеры в горах, а ворон несет ему еду.

«Огненное Восхождение Илии Пророка» – наиболее часто встречающаяся композиция, в которой рассказывается о том, как Илия за свою ревностную службу Богу был взят живым на небо. Его ученик Елисей присутствовал при этом и вместе с упавшей милотью (плащом) Илии получил дар пророчества вдвое больший, чем имел учитель. В верхней части иконы на фоне огненного вихря пишется колесница, запряженная огненными конями, в ней – Илия. Внизу Елисей принимает милоть учителя. В верхнем правом углу часто изображается сектор неба с благословляющей рукой Бога.[19]

Пятый, верхний чин иконостасов носит название праотеческого. Он как бы представляет первоначальную ветхозаветную церковь, начиная от Адама и кончая Законом Моисеевым, принятым им от Бога. Само изображение Моисея, ветхозаветного старца, входит в пророческий чин.

В центре праотеческого яруса до XVI в. обычно помещался образ Святой Троицы – явление трех ангелов Аврааму у дуба Мам-

врийского как символ, первое откровение Триединого Бога. Со второй половины XVI в. и в XVII в. здесь появляется композиция «Отечество», иначе называвшаяся Новозаветной Троицей, также воплощение триединой сущности Божества. На этих иконах изображаются на облаках Бог-Отец в виде старца с державой в руке, Бог-Сын с крестом в руке и над ними Святой Дух в виде голубя.

По обыкновению на первых местах рядом с иконой «Отечество» стояли Адам, Ева и их второй сын Авель, убитый старшим братом Каином. За ними располагались прочие праотцы. В XVI в. пророки и праотцы различались не строго, и в некоторых праотеческих ярусах есть пророки Иоиль и Осия. Изображение Евы также имеется не всегда.

В праотеческом чине иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры находятся иконы: в середине – Бог Саваоф, налево от него – Авель, Сиф, Исаак, Енос, Левий, Симеон, Ассир, Вениамин, Иов, Лот; направо – Адам, Ной, Авраам, Иаков, Сим, Иуда, Дан, Иосиф, Енох, Завулон.

Все праотцы обычно изображаются старцами, за исключением Авеля – он молодой, безбородый. В руках у них развернутые свитки с соответствующими текстами: молитвенными обращениями к Богу, нравоучительными изречениями, указаниями на важнейшие события из жизни праотцев.[20]

НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ

В Новгороде, на правом берегу реки Волхов, на Торговой стороне, в самом конце Ильиной улицы стоит храм Спаса Преображения, известный не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Построенный в 1374 г.,[1] он вошел в мировую сокровищницу культуры и как выдающееся произведение новгородского зодчества конца XIV в., и как замечательный памятник древнерусской живописи, ибо расписывал его один из величайших мастеров – византиец Феофан Грек. Призванный на Русь во времена великого князя Дмитрия Донского, этот чужестранец провел в северо-восточных землях около тридцати лет, украшая храмы в Великом и Нижнем Новгороде, в Коломне и Москве. Обретя вторую родину в русских княжествах, Феофан Грек прославился как изограф (иконописец), создавший именно на Руси свои самые замечательные произведения.

Красива церковь Спаса на Ильине... Гордым лебедем замерла среди небольшого открытого пространства, зеленого летом, белого зимой, и кажется, что ее высоко поднятая глава плывет среди облаков в неярком северном небе... Душа ликует уже при одном приближении к этому стройному, вытянутому вверх храму, где все радует глаз: простота и ясность основного объема, удивительная пропорциональность, декоративный убор фасадов, устремленный в небо купол...

Переступив порог церкви, встречаешься с еще одним чудом – фресками великого Феофана, расписавшего своей быстрой, легкой и мудрой кистью стены и своды церкви через четыре года после завершения ее строительства, «повелением благородного и боголюбивого боярина Василия Даниловича со уличаны Ильины улицы».[2]

Поднимем глаза кверху, к небесам, и увидим Спаса Вседержителя – Пантократора, гневно и строго глядящего на нас из подкупольного пространства. Достаточно одного взора на огромное

погрудное изображение, чтобы понять: это грозный судия мира, пришедший воздать должное праведникам и грешникам, живым и мертвым. В левой руке Пантократор держит Евангелие, персты правой сложены в особом именословном жесте,* который здесь трудно воспринимать как жест благословения.[3] Общий красно-коричневый тон придает еще бóльшую силу грозному образу Христа. Под гневным взглядом его огромных темных глаз стоящий в храме человек чувствует себя песчинкой в безбрежном океане Вселенной. Осознавая свою ничтожность, он с готовностью склоняется перед грозной мощью божества, царящего над миром.

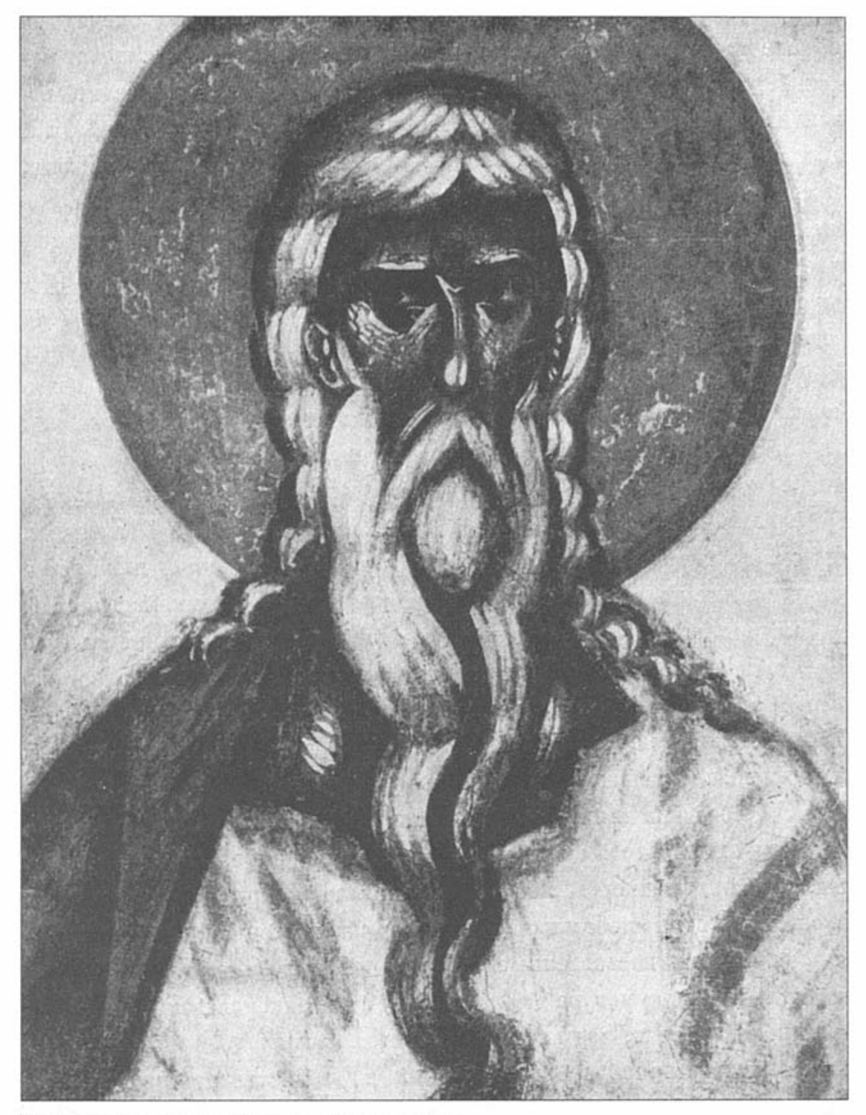
* Именословный жест – благословляющий жест, когда сложенные особым образом пальцы как бы образуют буквы ИС ХС – Иисус Христос.

Изображение Спаса Вседержителя, выделяющегося своими размерами среди серафимов, ангелов, праотцов, заключено в круг. Его опоясывает надпись, издалека, снизу, воспринимающаяся как изощренное узорочье по красно-коричневому фону. Она говорит о спасении душ праведных в день Страшного Суда.

Спас Вседержитель царит наверху, «на небе», в окружении серафимов и архангелов. Шестикрылые серафимы как бы застыли в парении, сложив по две пары своих крыльев над головой и внизу, в ногах, и широко распластав средние вроде птичьих крыльев в полете. Эти странные неземные существа образуют небесный хоровод с четырьмя архангелами, среди которых узнается небесный архистратиг, предводитель небесных сил архангел Михаил: он в коротком боевом плаще и с перевязью на груди. Здесь же вестник непорочного зачатия Богородицы архангел Гавриил в своих белых одеждах.

Простерты крылья за спиной архангелов, в правой руке каждый из них держит жезл с различными навершиями то в виде ромба, то квадрата, то круга, то непонятного цветка, а в левой у каждого – сфера: с первыми буквами греческих слов, складывающихся во фразу: «Христос Боже Владыка Спаситель».[4]

Ниже в проемах светового барабана, на котором стоит купол, возвышаются фигуры праотцов – провозвестников Нового Завета. Здесь величественный старец Адам – первый человек на земле; юноша с белой овечкой на руках – Авель, убитый своим старшим братом Каином; третий сын Адама Сиф, спокойный, седовласый, похожий на отца, со свитком в руках – символом мудрости; ветхозаветный праведник Ной с ковчегом в форме ладьи на руках; убеленный сединами Илия с поднятой правой рукой, что означает его пророчествования о Христе; Иоанн Предтеча во власянице на голом теле, в грубом плаще...

Пророк Мелхиседек. Фрагмент фрески церкви
Спаса Преображения в Новгороде. *Феофан Грек.* XIV в.

Среди ветхозаветных праведников особенно выделяется изображение Мелхиседека, величавого старца с длинной седой бородой, волнами изгибающейся на груди. Силой и мощью веет от этого библейского персонажа, царя Салимского и священника, принесшего жертву истинному Богу на горе Фавор.[5] Книга Бытия повествует, что он вышел навстречу патриарху Аврааму,

Средний ангел из «Троицы». Фрагмент фрески церкви Спаса Преображения в Новгороде. *Феофан Грек.* XIV в.

который возвращался с отбитыми у четырех восточных царей людьми, благословил его и протянул еду и питье. Тот оказал ему знаки почтения и отдал десятую часть от всего. Позже царь Давид, пророчествуя о Мессии, сказал о Нем в псалме 109: «Ты священник во век по чину Мелхиседека» (Пс 109, 4).

«Фантастической, сверхъестественной силой», по словам искусствоведа М.В. Алпатова, веет от этой фигуры библейского пророка, как бы стоящего наверху, на горе, где ветер вздувает широкую складку плаща на груди. Струятся седые волосы, усы, борода, проницательно глядят умные глаза; мудрость, величественный непокой ощущается во всей фигуре.

К сожалению, феофановские фрески в церкви Спаса на Ильине дошли до нас фрагментарно. Лучше всего они сохранились в росписи купола и барабана и в небольшой камере в северо-западном углу храма. Видимо, там была молельня заказчика и там же хранились боярские ценности и важные бумаги. Но и эти куски уникальной росписи пострадали во время Великой Отечественной войны: в куполе фашисты устроили наблюдательный пункт и так закоптили всемирно известные фрески, что совсем удалить следы копоти уже невозможно. От взрывов снарядов побиты лица Макария Египетского и некоторых из столпников, по другим изображениям прошли трещины.[6]

В этой небольшой камере на хорах храма, носящей название Троицкого придела, пророки и святые максимально приближены к смотрящему человеку. Здесь мы видим Деву Марию с Младенцем на груди, изображенную в образе Богоматери Знамение. Центральное место восточной стены занимает композиция ветхозаветной Троицы с заметно увеличенной фигурой среднего ангела, как бы накрывающего своими распахнутыми крыльями двух следующих с ним спутников-ангелов.

С западной стены взирают на вошедших в храмовый придел Макарий Египетский и св. Акакий, с северной – Арсений Великий и Иоанн Лествичник, преподобные Варсонофий и Ефрем Сирин, архангел Гавриил. А на южной стене высятся колоссальные изображения пяти столпников. «Роспись камеры, – по глубокому замечанию искусствоведа Г.И. Вздорнова, – своеобразный апофеоз покаяния и отшельничества, призыв к чистой и праведной жизни».[7] Среди фигур пяти столпников – изображение Симеона Старшего, известного в качестве основателя столпничества, одного из самых необычных видов подвижничества во имя Христа. Столпники выбирали какую-то небольшую возвышенную площадку, всходили на нее и не покидали

потом в течение многих лет, предаваясь в столь неудобных условиях молитвам во имя Господа. Так, Симеон Старший стоял на столпе близ города Антиохии в Сирии сорок семь лет, терпел холод, ветер, зной, дождь; а столпник Алипий, изображенный здесь же, – пятьдесят три года.

Глядя на росписи храма Спаса на Ильине взором искусствоведа, изучившего древнюю живопись и Руси, и Византии, В.Н. Лазарев отмечает: «Византийские художники обычно изображают святых успокоившимися, принявшими все догматы церкви, не испытывающими никаких терзаний и сомнений. Отсюда их душевная уравновешенность. Не таковы святые Феофана. В них все клокочет и бурлит. Они непрестанно борются с обуревающими их страстями. И борьба эта дается им дорогой ценой. Познав «соблазны мира», они уже утратили наивную веру, для них обретение этой веры есть дело тяжелых нравственных усилий, им надо всходить на высокие столпы, чтобы отдалиться от «злого мира» и приблизиться к небу, чтобы подавить свою плоть и «греховные» помыслы. Отсюда их страстность, их полный драматизма пафос... И хотя на их грозных, убеленных сединами лицах лежит печать покоя, лица эти полны трагического пафоса, так как за ними скрывается мучительная внутренняя борьба».[8]

Долгое время шедевр новгородской монументальной живописи – фрески церкви Спаса на Ильине – были сокрыты под слоями побелки и штукатурки. Их расчистка началась в 1910 –1913 гг., потом с перерывами продолжалась в 1918, 1920 –22, 1936, 1968 гг.[9]

Сегодня, изучая бесценное наследие гениального византийского изографа, невозможно удержаться от самых высоких слов, определяющих степень его мастерства. Манера письма Феофана «отличается необыкновенной виртуозностью исполнения, большой свободой в обращении с иконографическими традициями, безудержной смелостью в композиционных исканиях» (М.К. Каргер). Художнику присущи «изощренная отточенность формы» (М.К. Каргер), «невиданная острота индивидуальных характеристик и подлинно трагический пафос» (В.Н. Лазарев). Феофан пишет «свободно, легко, непринужденно. Он умеет придать каждому лицу свое индивидуальное выражение, умеет насытить движением любой мазок, каждую линию» (В.Н. Лазарев).[10]

Наше небольшое путешествие в церковь Спаса Преображения на Ильиной улице в Новгороде хочется закончить словами А.И. Анисимова: «Росписи Спаса Преображения являются наиболее законченным выражением той внутренней силы, которая до-

стигает здесь вершины. Здесь точное соответствие между замыслами художника и их воплощением – то безукоризненное соответствие, которое характеризует классический период в развитии всякого стиля».[11]

Роспись церкви Спаса Преображения – высочайшая вершина древнерусской стенной живописи, но, разумеется, не единственная. Артели безвестных художников расписывали храмы с XI в.

Известно, что в Киевской Руси в середине XI в. была большая мастерская, в которую входили византийские и русские мастера. Они строили и украшали огромный митрополичий храм – собор св. Софии, а затем Великую Успенскую церковь Киево-Печерской лавры.[12]

От XI в. дошли до нас и отдельные фрагменты росписи св. Софии Новгородской. В южной галерее храма сохранились фресковые портреты византийского царя Константина и его матери Елены, при которых христианство в Византии было признано официальной религией.

Новгородский Софийский собор, построенный в середине XI в., до 1108 г. оставался нерасписанным. Видимо, лишь отдельные изображения, игравшие роль икон, украшали столбы и нижние части стен. К таким изображениям относятся и фрагменты южной галереи, открытые в конце XIX в. Долгое время их считали письмом XII в., и лишь современные исследования позволили с большой точностью отнести эту роспись к XI в. «Уникальная, ни на что не похожая манера письма» (В.Н. Лазарев) и надпись «Олена», сделанная древним уставным письмом (сейчас она исчезла), говорят о том, что открытый фрагмент принадлежит кисти местного новгородского мастера.

Древнерусская настенная живопись XII в. сохранилась в нескольких новгородских храмах: в Николо-Дворищенском соборе, в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря, уцелели отдельные фрагменты фресок в Софии Новгородской, в башне Георгиевского собора Юрьева монастыря, в церкви Успения (теперь Благовещения) у деревни Аркажи в трех километрах от Новгорода.

Очень интересные фрески XII в. сохранились и в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря во Пскове.[13] Новгородский епископ Нифонт, грек по происхождению, призвал для исполнения этих фресок греческих художников, которые сделали росписи, абсолютно не похожие на новгородские. В XVIII–XIX вв. эти фрески были побелены и частично заштука-

Трубящий ангел. Фрагмент фрески собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря под Псковом. XIV в.

турены, а их расчистка началась только в 1928 г. Разумеется, живопись пострадала от подобного обращения, однако специалисты считают ее сохранность относительно хорошей, и сейчас можно сказать, что фресковая роспись Мирожского монастыря – уникальный ансамбль древнерусских фресок XII века.

Среди более поздних памятников монументальной живописи выделяются фрески собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря под Псковом (1313 г.).[14]

Особо надо сказать о фресках церкви Спаса на Нередице близ Новгорода, выполненных в 1199 г. и принадлежавших к числу наиболее сохранившихся фресковых ансамблей во всей Европе. К великому сожалению, эти фрески не дошли до нашего времени: храм Спаса Нередицы был разрушен во время Великой Отечественной войны. По словам В.Н. Лазарева, «фрески Нередицы поражали не только своей превосходной сохранностью, а и редкостной полнотой в подборе сюжетов, дававших в совокупности почти исчерпывающее представление о системе церковной росписи XII века».[15]

Сегодня мы знаем эти фрески по фотографиям и отдельным фрагментам, которые сохранились после варварского разрушения храма фашистской артиллерией при вторжении немцев в Новгород. Все они побиты и поцарапаны, верхний красочный слой значительно утрачен.

Сейчас церковь Спаса на Нередице восстановлена, все уцелевшие остатки росписи сохранены, но они дают лишь бледное представление о том, как выглядела превосходно сохранившаяся до XX в. живопись. Поэтому в большинстве публикаций даются снимки, сделанные до второй мировой войны.

Бригада мастеров, работавшая здесь в XII в., видимо, торопилась с росписью храма, поэтому евангельские сюжеты идут не по определенному плану, не друг за другом, а вразнобой, без исторической последовательности. О том, что мастеров было восемь или десять, говорят разностильные росписи отдельных частей храма: один писал в свободной манере, с применением резких светотеней, другой пользовался сочными, смелыми тонами, третий склонялся к графической, даже «орнаментальной» манере письма.

В целом фрески покрывали храм Спаса от пола до потолка, располагаясь друг над другом поясами-регистрами. Все это походило на «гигантский цветной ковер, сплошь затягивающий стены и своды».

Называя искусство Спаса Нередицы «суровым искусством», В.Н. Лазарев подчеркивал, что «здесь все пронизано страхом перед магическим всесилием божества и перед муками загробной жизни... Куда бы ни глянул зритель, всюду он видел лики святых, как бы гипнотизировавших его своим взглядом и внушавших ему чувство индивидуальной беспомощности. Рядом с этими святыми, чьи могучие фигуры крепко вросли в землю и в чьих черных, как

уголь, глазах было что-то острое и пронизывающее, человек ощущал себя маленьким и ничтожным. Эмоциональная сила воздействия этого искусства была настолько велика, что оно захватывало даже современного зрителя, позволяя ему понять, что чувствовали новгородцы XII века, когда они робко вступали в построенную их князем церковь...»[16]

Что же такое фреска, чем она отличается от иконного письма и от мозаики, поначалу широко применявшейся в русских храмах, но потом исчезнувшей из обихода древних мастеров-живописцев?

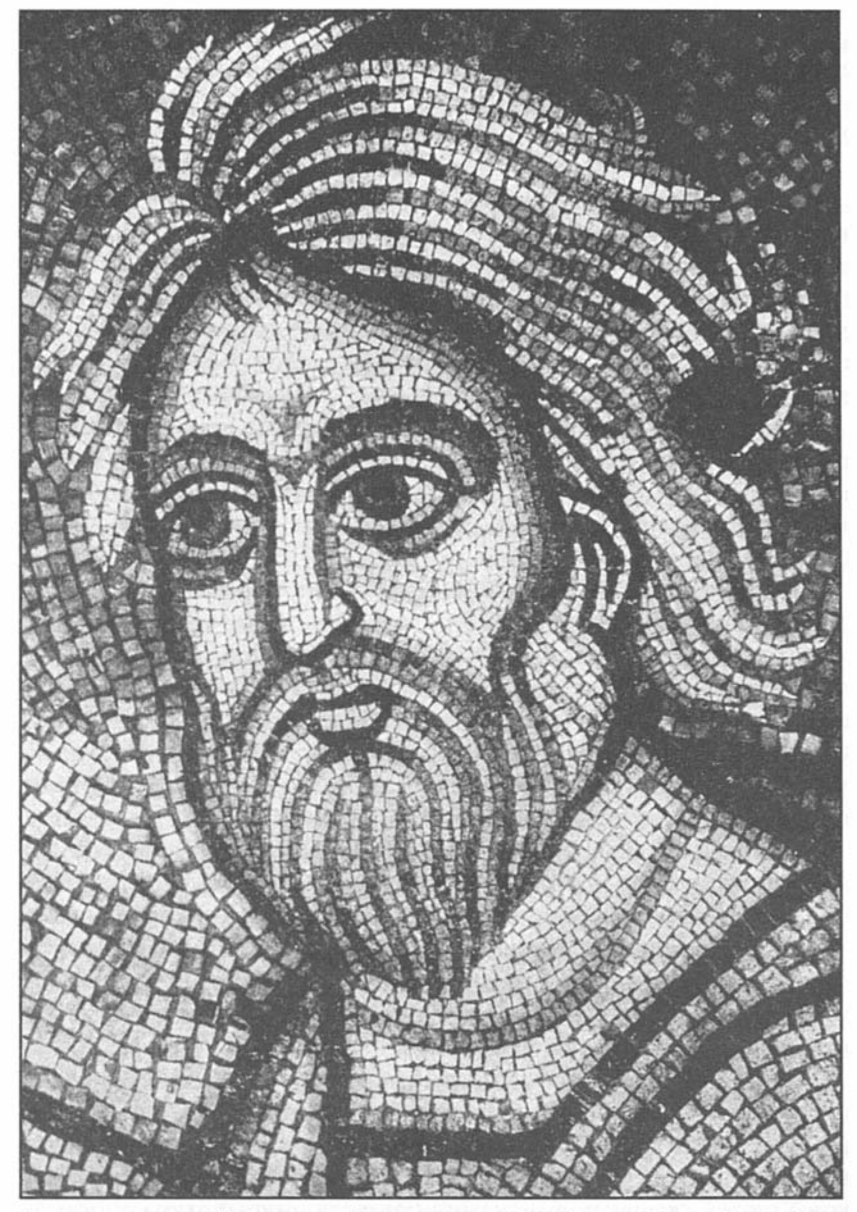
Фреска – настенная живопись по сырой штукатурке, пришедшая на Русь из Византии вместе с мозаикой. Довольно быстро фресковые изображения вытеснили мозаичные, и фреска стала единственным способом украшения внутренней, а иногда и внешней поверхности храма.

Сама Византия больше ценила мозаику. Ее лучезарное великолепие, игра золотых фонов, говорящих о внеземном существовании святых, переливы кусочков смальты в одеждах и ликах – все как нельзя более соответствовало парадной красоте византийского искусства, великолепию христианских храмов, подчеркивающих своей роскошью сказочные богатства и власть византийских василевсов.

В главном храме Царьграда – Софии Константинопольской – мозаичный ансамбль был представлен фигурами Богоматери с Младенцем (середина IX в.); фигурой Христа в куполе, которая появилась там после землетрясения 869 г., разрушившего большой крест, украшавший купол; еще одной фигурой Богоматери с Младенцем-Христом между апостолами Петром и Павлом на западной арке, а также фигурами отцов церкви, пророков и ангелов в северных и южных частях храма.[17]

Приняв от Византии христианство, великий князь Владимир принял ее систему возведения и украшения храмов. Так, в постройке первой христианской церкви в Киеве, Десятинной, участвовали византийские мастера. «Послав, приведе мастеры от Грекъ», как говорит «Повесть временных лет».[18]

Известно также, что когда возводили Великую Успенскую церковь в Киево-Печерском монастыре, то из Константинополя прибыли на берега Днепра «писцы иконней», и первый русский иконописец Алимпий учился у них, помогая выкладывать мозаику в алтаре. Именно тогда произошло чудо: «образ пречистой владычицы... изобразился сам», а потом «внезапно засиял... ярче солнца, так что невозможно было смотреть...»[19]

Голова апостола из «Евхаристии». Мозаика апсиды Софийского собора в Киеве. XI в.

Чудо с явлением Святого Духа в виде голубя, передававшееся из уст в уста, а затем записанное в Киево-Печерском патерике, стало несомненным доказательством пребывания Святого Духа в «святой и чистой церкви Печерской».[20]

Однако сейчас важно другое: церкви Киевской Руси украшались мозаиками и фресками, причем главная роль, пожалуй, отводилась все-таки мозаикам, о чем свидетельствует собор Софии Киевской.

Специалисты считают, что над мозаиками Софии работала бригада человек из восьми. Были это не только столичные, константинопольские мастера, но и их подмастерья, и провинциальные художники, о чем говорит различный уровень исполнения отдельных мозаик. Видимо, придя в Киев, эти изографы-ремесленники основали здесь свою мастерскую, взяли себе подручных и работали с ними рука об руку, одновременно обучая своих киевских коллег.

Изготавливалась смальта, основа мозаики, вероятно, на месте: во время археологических раскопок на Подоле была найдена мастерская с горнами и остатками стекла и смальты; обнаружили также кусочки свинца, серы, кобальта, железа – элементов, без которых не приготовишь смальты.

Мозаика Софии Киевской состоит из небольших кубиков смальты прямоугольной формы, но иногда встречаются кусочки-треугольники и овалы. Они вдавливались в грунты под различными углами, благодаря чему киевская мозаика сверкает отблесками света, откуда бы на нее ни смотрели. Так, на одежде Богоматери – Оранты на одном квадратном дециметре уложено 123 кубика. На ликах же их значительно больше: на одном квадратном дециметре лица архидиакона Лаврентия – 400 кубиков.[21]

В украшении Софии Киевской использованы мозаики и фрески, но мозаике отведено наиболее значимое место. Наверху, в куполе, находится мозаичное изображение Спаса-Вседержителя. Могучая полуфигура с крестчатым нимбом, евангелием в левой руке и благословляющей правой рукой заключена в круг, диаметр которого четыре метра. Само же изображение находится над полом на расстоянии двадцати восьми с половиной метров.

Образ Пантократора царит над всеми как в небесах в перекрещивающихся лучах света, проходящих через окна барабана. Вокруг него свита из четырех архангелов – его небесная стража. Ниже, между окнами барабана, – апостолы, двенадцать учеников Христа, глашатаи его учения (уцелела лишь фигура апостола Павла). Еще ниже, на парусах, – четыре евангелиста (сохранилась лишь фигура евангелиста Марка).[22]

А в центральной апсиде за алтарем в позе Оранты – с воздетыми руками – предстательствует за людей перед своим богоносным Сыном пресвятая Дева Мария.

Трактовка росписей традиционна: Спас-Вседержитель царит над миром в окружении небесных сил, апостолы провозглашают учение Христа, а евангелисты – четыре «столпа евангельского учения» – несут миру «благую весть». Фигура Богоматери в центральной алтарной апсиде олицетворяет «Церковь Земную». Она господствует в храме вместе со Спасом-Вседержителем и молит грозного Сына за грехи человеческие.

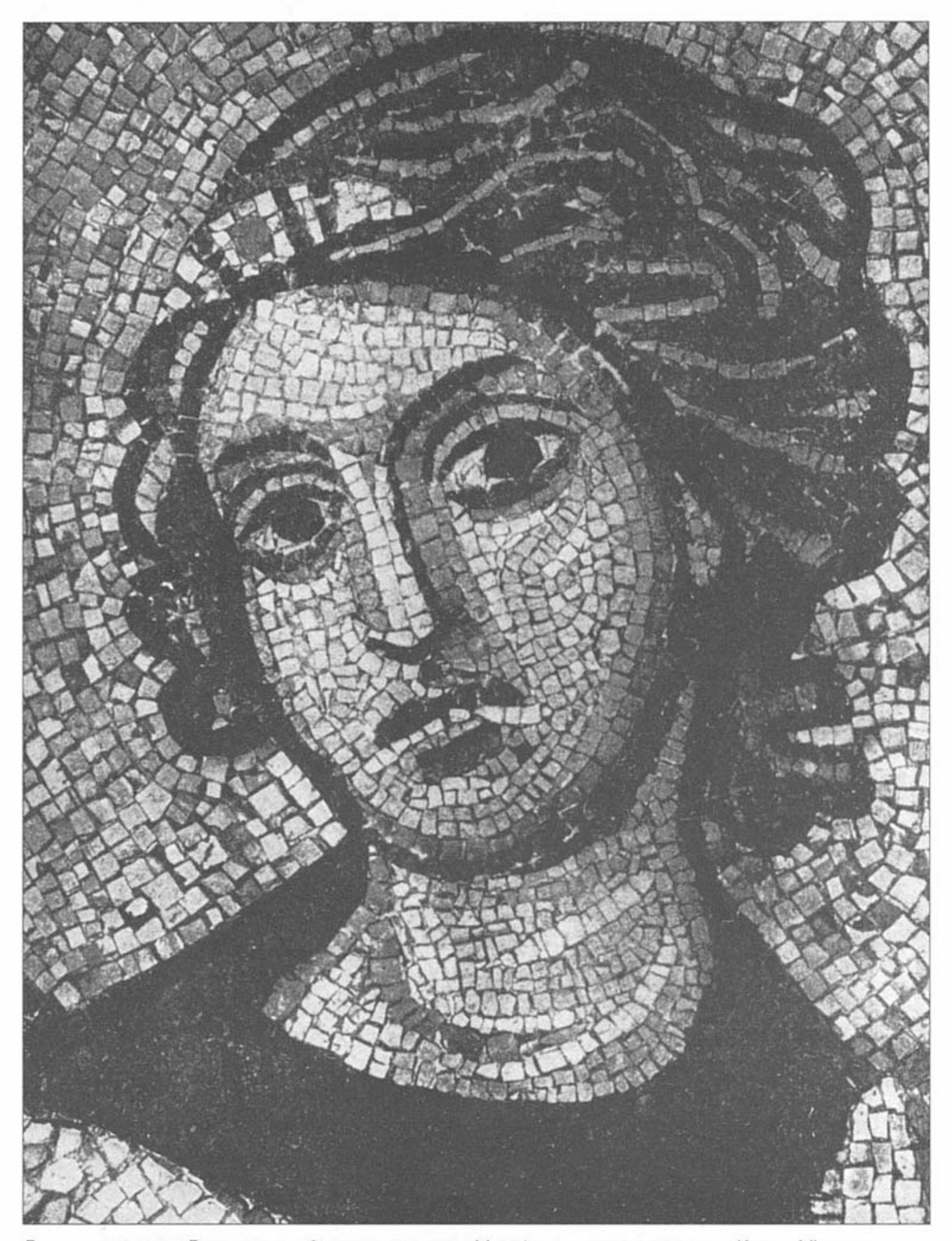
Мозаичные фигуры Софии Киевской удивляют своим насыщенным колоритом. Сверкает и переливается золото фонов и нимбов, создавая ощущение нереального пространства, в которое помещены фигуры. Велико богатство и разнообразие красочных оттенков других цветов. Так, анализ софийских мозаик показал, что синий цвет имеет 21 оттенок, золотой – 25, зеленый – 34, коричневый – 25, красный – 19...[23] Нетрудно понять, как высока была техника изготовления смальт в древнем Киеве, какое высокое мастерство принесли на Русь византийцы и какими способными учениками оказались жители Приднепровья, переняв и освоив сложное искусство мозаики.

Кроме мозаик Св. Софии, до нас дошло еще одно замечательное мозаичное произведение Киевской Руси – икона Дмитрия Солунского из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве.[24] Воин Дмитрий, изображение которого относится приблизительно к 1113 г., представлен в рост. Правая рука его держит копье, левой он опирается на щит, приставленный к левой ноге. Из-за правого бедра выглядывают ножны меча, прикрепленного у пояса за спиной. Воин одет в богатые, шитые золотом одежды с драгоценными камнями, и кусочки золотой, голубовато-зеленой, розоватой, синей смальты прекрасно передают богатую колористическую гамму его одежды и вооружения.

Эту икону в 1936 г. сняли со столба Михайловского монастыря в Киеве, который был попросту снесен, наложили на цемент и передали в музей. Сейчас она находится в Третьяковской галерее.

Мозаичная икона Дмитрия Солунского отстоит от софийских мозаик примерно на семьдесят лет, стиль ее более утонченный, изысканный. Почти двухметровая фигура хорошо сохранилась. Утраты имеются только в нижней части, на изображении ног святого.

В стиле раннего русского искусства Дмитрий Солунский изображен не в порыве битвы, не в какой-то момент своей жизни, а таким, «каким он должен представляться зрителю всегда». Он – воплощение бесстрашия, мужества, верности, в этом образе от-

Голова ангела из «Евхаристии». Фрагмент мозаики Михайловского монастыря в Киеве. XI в.

разился идеал «мужественной красоты», который приобретает здесь особую торжественность.[25]

Прекрасная мозаика была трудоемким и дорогостоящим украшением храмов. Ее парадность, холодность и блеск напоминали императорские дворцы и храмы в Византии, но плохо ложились на русскую почву. Очень скоро фреска вытеснила роскошную византийскую декоративность мозаики и надолго стала единственным способом росписи храмов, зачастую покрывая все внутреннее пространство церкви от пола до купола.

Слово «фреска» в переводе с итальянского означает «свежий, по-свежему», ибо краска накладывалась на сырую, свежую штукатурку, которой только-только, перед самой росписью, покрыли стену. Мастер точно рассчитывал, какое пространство сумеет он за день расписать красками. Поэтому на больших фресках заметны «швы» – переходы от росписи одного дня к росписи другого.

Процесс закрепления красочного слоя на влажной штукатурке довольно сложен. Штукатурка уже насыщена влагой и более ее не принимает. Наоборот, она сама отдает влагу в виде силикатной воды, которая по мере высыхания грунта поступает к поверхности, проникает в краски, делает их твердыми и несмываемыми.[26]

Мастер-фрескист должен обладать быстрой и точной кистью, так как исправить написанное уже невозможно. А если уж какая-то часть не заладилась, придется заново накладывать левкас и по нему писать вновь.

Из-за русских холодов к расписыванию храма приступали обычно через год после окончания постройки: стены должны были просохнуть. Иногда заказчики торопили, но неизменно встречали сопротивление мастеров: «немощно есть писати, дондеже исъхнет».[27]

Расписывать церкви начинали ранней весной, в мае, а в сентябре–октябре прекращали. В небольших храмах роспись заканчивалась за один сезон, а большие соборы украшались несколько лет.

Часто на фресках можно обнаружить так называемые графьи – контуры фигур, предметов, нанесенных на сырую штукатурку каким-нибудь острым предметом. Впрочем, графья была не обязательна и служила подспорьем скорее для ремесленников, чем для подлинных мастеров.

Насколько трудоемкой и кропотливой была подготовка к настенному письму, говорят древние авторы. Так, известь надо было брать старую, пяти или даже десяти лет, причем чем старее, тем

лучше. Затем просеивать через решето, чтобы стала чистая и мягкая, как пшеничная мука. Смешать с водой, выдерживать, а потом дать постоять покрытой часов пять или шесть. «И как пройдут урочные часы, тогда раскрыть. И та известь падет на дно вся в творило, а вода устоится наверху, и наверх выйдет емчуга». Эту емчугу – как бы ледок на поверхности – надо постоянно удалять, «и так чередить левкас по все дни и ночи недель семь». А чтобы «письмо было вечно, – указывают древние авторы, – надо левкас лето целое наливать и покрывать да сцеживать дни и нощи, да к зиме огрести левкас в кучу, да покрыть его рогожами. И тою зимою левкас вымерзнет и отлежится и выступит из него достальная емчуга...»[28]

Потом уж, готовя левкас к стенному письму, надо снова все процедить; затем начисто вычесать лен, чтобы был без зерен, насечь мелко, вмешать в левкас и густо замесить...

Это один из рецептов древнего приготовления прочного левкаса. Были и другие – с клеем, сваренным из еловой коры с мукою да с ячменем. А некоторые и вовсе рекомендовали класть коровью желчь.

Целая наука была и в приготовлении красок. Вот пример, как опытный мастер советует варить лазорь и киноварь: «А лазорь творити на пшеничном клею, вари пшеницу добрую, чтобы не раскипела добре и то процеди в сито и поставити тот клей на леду или в студене, чтобы устоялся, да на том и твори. А где по которым краскам прописати чернилом и в то чернило задавай вохры грецкой...»

Или вот советы по личному письму.

«А очи писать чернилом, а чернила творить на яйце. А как лица вывохришь и ты их двини белилам по сильным местам, да потому не повахривай, лишь только прирумянь, где надобе...»

Впоследствии, в XVIII в., для стенного письма уже требовались и рыбий клей, и яйца, и скипидар, и нефть, и олифа, и золото... Из расходных книг московского Успенского собора, который расписывали вновь в 1742–1743 гг., явствует, что техника стенной живописи значительно изменилась: применялись новые материалы, по-другому накладывали левкас и краски.

Древней Руси слово «фреска» было незнакомо. Говорили – «настенное письмо», «писать на стене», «указ стенному письму». У живописцев, занимавшихся этим делом, должна быть крепкая, набитая рука, точный глаз, смелость и быстрота в работе. По выражению В.Н. Лазарева, «здесь сама методика письма заставляла прибегать к лаконичному художественному языку и пользоваться традиционными, веками отстоявшимися приемами, обес-

печивающими быструю и спорую работу».[29] Дневная норма древнерусского мастера настенного письма составляла шесть–девять квадратных метров.

Сам же термин «фреска» пришел на Русь только в XVIII столетии вместе с итальянскими мастерами-художниками, выписанными для росписи и украшения императорских дворцов и богатых усадеб.

Начиная расписывать церковь, древнерусские художники твердо знали, какие изображения должны быть наверху – в церковной главе, на барабане, на парусах. В куполе – Спас-Вседержитель (иногда – Вознесение), на стенах барабана – пророки, апостолы, на парусах – евангелисты. На высокой центральной апсиде – фигура Богоматери, на западной стене – Страшный Суд.

О составе остальных церковных росписей изографы обычно договаривались с заказчиками. Здесь имело значение все: и размеры храма, и расположение дверей и оконных проемов, и просто желание заказчика (ктитора) видеть те или иные сюжеты или святых.

В Софии Киевской роспись образовывала «стройную идейную систему»: евангельские сцены от самого начала до самого конца шли слева направо, прописывая полный круг, переходили в нижележащий регистр, чтобы продолжить рассказ. Это была своего рода развернутая книга, которую можно было прочитать, став посреди храма и поворачиваясь по кругу.[30] Однако ни в новгородских, ни в псковских церквях такой строгой хронологической последовательности нет. Здесь в отношении к «иконографической программе» больше свободы. Нет стремления заставить верующих читать библейские сюжеты в определенной последовательности. Фресковая роспись постепенно превращается в своеобразный «ковер», украшающий храм изнутри и создающий радостный, приподнятый настрой.

На западной стене православного храма всегда располагается картина Страшного Суда. Она занимает одно из видных мест внутрицерковного пространства, ибо всякий выходящий из церкви обязательно упирается в нее взглядом, поневоле вспоминая учение о втором пришествии, о суде, о рае и аде, о воскрешении мертвых.

Тема эта занимала умы и сердца людей и на заре христианства, и в средние века, волнует она души и теперь. Сбудется ли указанное в Апокалипсисе? Когда наступит Страшный Суд? Последует ли справедливое возмездие за грехи? Неоднократно богословы, астрологи, различные предсказатели вычисляли и называли ужас-

ную дату: то это был 666 год, то указывали на время по истечению X столетия со дня рождения Христа, то определяли его как 1666 год. Конец света не наступал, однако идея не умирала, а утверждалась в обществе и распространялась в церковном искусстве. Богословов и художников привлекали «широта художественного замысла, сильный драматизм сюжета и глубина богословской мысли», которые позволяли воздействовать на души людей, утверждая в них глубокие нравственные начала.[31]

В книгах Нового Завета говорится о воскресении мертвых, о призвании всех народов на суд Божий, о последнем судилище, которое должно окончательно определить судьбы праведников и грешников. Идея о втором пришествии Христа, который будет творить Страшный Суд над живыми и воскресшими во плоти, наиболее полно развита в Апокалипсисе (по-гречески – Откровение), одной из книг Нового Завета. Эта книга, иначе именуемая «Откровение апостола Иоанна Богослова», написана в 68–69 гг. н. э., вскоре после смерти императора Нерона, одним из учеников Иисуса Христа Иоанном Богословом. Будущая судьба мира и человечества рисуется здесь в форме фантастических видений – откровений, идущих от Бога. Явление Антихриста – противника Христа – незадолго до конца света, борьба между ним и небесным воинством, конец света, Страшный Суд, божественное воздаяние праведникам и устрашающие кары неправедным – все эти понятия ко времени возникновения православия на Руси прочно вошли в христианскую доктрину.

В трудах византийских богословов подробно трактуются все события будущего конца мира: как воскресают мертвые, как земля и небо отдают своих мертвецов, а небо свивается в свиток; как ангелы собирают людей, как приготовляется страшный престол и является знамение креста, как приближается судия в сопровождении архангелов, серафимов, херувимов... Судия отделяет праведников от грешников, первых посылает в Царствие Небесное, вторым назначает муки вечные в аду, во тьме кромешной, в геенне огненной.

В XIII в. в византийском церковном искусстве картина «Страшного Суда» уже существовала в своих основных частях, но этот сложный, многофигурный, глубоко философский живописный трактат продолжал развиваться и в последующие века, внося отдельные новшества в изображение тех или иных эпизодов. Так, византийскому богослову и философу конца VII–VIII вв. Иоанну Дамаскину приписывалось послание к Константину Копрониму, в котором он описывал изображение Страшного Суда, где

есть второе пришествие Христово, и ангелы, в страхе и трепете стоящие у Божественного престола, и отходящая от него огненная река, поглощающая грешников, и торжествующие праведники, располагающиеся по правую сторону Судии. В этом же послании есть прямое обращение к Константину, заостряющее внимание на нравственной стороне воздействия данного изображения: «Если ты видишь такой образ, то скажи мне, отчего ты столь жесток и груб духом, отчего твое сердце не отзывчиво к этому страшному часу, отчего ты не раскрываешь книги деяний твоих, не вздыхаешь и не проливаешь слез. Смотри, сколь красноречиво этот образ представляет добродетели благочестивых и злодеяния безбожных; не видишь ли ты здесь точного изображения действительного будущего суда; не видишь ли того часа, когда сам должен будешь предстать перед лицом Бога и дать ответ?..»

Существует и более позднее предание о болгарском князе Борисе I, правившем в IX в., который поручил художнику-монаху написать в своем дворце охотничьи сцены, но потом изменил свои намерения и повелел изобразить что-нибудь страшное. Художник-монах, надеясь оказать влияние на царя-язычника, написал Страшный Суд, праведников, принимающих награду от Христа, и грешников, получающих должное возмездие за свои грехи. Когда картина была готова, царь пришел в ужас. Он пожелал подробнее познакомиться с христианским вероучением, а затем сам принял христианство и крестился.

Когда наш великий князь Владимир выбирал веру, по которой будет Русь жить дальше, и слушал рассказ греческого философа о христианском учении, познакомился он и с положениями о Страшном Суде. Рассказал христианин-проповедник о том, что «установил Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его; праведникам – Царство Небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же – мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца... Сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было судилище Господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущий в рай, а налево – грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева...»[32]

«Повесть временных лет» передает этот рассказ под годом 986, то есть до официального принятия Русью новой веры оставалось еще два года. Однако скупые слова летописи дают понять, что картина Страшного Суда произвела на Владимира определен-

Трубящие ангелы. Фрагмент фрески «Страшный суд» из Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

ное впечатление, и, кто знает, может быть, сыграла какую-то роль в изменении образа жизни великого князя и способствовала перевороту в его религиозном сознании.

Наиболее ранние фресковые изображения Страшного Суда, выполненные в XII в., находятся в Кирилловом монастыре в Киеве, в Георгиевском соборе старой Ладоги, в церкви Спаса на Нередице в Новгороде, в Дмитриевском соборе во Владимире.[33]

Фрески с изображением Страшного Суда присутствуют практически во всех самых известных храмах русского средневековья: и в Софии Новгородской, и в Успенском соборе Владимира, и в Успенском, Архангельском и Благовещенском соборах Московского Кремля, и в соборах Троице-Сергиевой лавры. В одних церквях дается более полный вариант, в других – более краткий, но основу везде составляет Священное Писание, особенно Апокалипсис.

Центральное место в этой огромной стенной композиции принадлежит Божественному Судии. Он восседает «на престоле славы своей», справа от него, как в деисусном чине, – Богоматерь, слева – Иоанн Предтеча, за ними апостолы и ангелы. Слава Судии в древних памятниках изображается в виде ореола, в более поздних – в виде облака. Эта часть композиции соответствует литературному образу: «...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе;... и увидят Сына Человеческого, грядушего на облаках небесных с силою и славою великою...» (Мф 24, 30). Часто в этом эпизоде изображаются трубящие ангелы, громы и молнии в виде разноцветных лучей, огненные херувимы, колеса с глазами. Все описанное в Апокалипсисе нашло отражение и в духовных стихах, сложенных в народе.

Тогда сойдут с небес ангели Божии,
Снесут престол Господень с небес на землю,
Тогда сойдет с небеси страшный Судия
На святых на небесных на облацех.
Сядет Господь на престоле,
Станет судить живых и мертвых.[34]

По звуку ангельских труб мертвые встают из гробов и являются на суд вместе с живыми: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Откр 20, 13). Среди воскресших являются пред Небесным Судией Адам и Ева, они обычно изображаются у подножия креста коленопреклоненными.

Все царства и народы должны явиться на Суд. Царства эти живописцы представляют в виде зверей, которые предстали еще пророку Даниилу в его видении. Один зверь был подобен льву с крыльями орла, другой медведю, третий – рыси или барсу с четырьмя птичьими крыльями и четырьмя головами, а четвертый зверь был страшен и ужасен, с десятью рогами, с большими железными зубами (Дан 7, 1–7).

Вместе с явлением Судии последует конец мира: «солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мф 24, 29). «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» (Откр 6, 14). Полно и точно выразить эту мысль в живописи весьма сложно, потому древние изографы стали изобра-

жать небо в виде свитка, свиваемого ангелами. Иногда на этом свитке изображались солнце, луна и звезды.

Ангелы разделяют праведников и грешников. Праведники оказываются с одной стороны, грешники – с другой. Добродетели и пороки людей взвешиваются на весах, при которых находится ангел, иногда обозначаемый как архангел Михаил. Он стоит у весов и поражает копьем дьявола, который старается перетянуть чашу весов со злыми делами.

Вместе с кончиною мира и судом оканчивается и власть дьяволов над людьми: небесное воинство низвергает их в ад. Во главе небесных сил стоит архистратиг Михаил. В Апокалипсисе говорится так: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали *против них,* но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним...» (Откр 12, 7–9).

Судия произнес решение – и праведники направляются в рай тесной сомкнутой толпой. Отдельные группы мучеников, преподобных, пустынножителей, святителей и святых по указанию апостолов Петра и Павла движутся в левую сторону от престола.

Слева в углу изображается рай, а в раю – Богоматерь возле трона Спасителя вместе с Предтечею; с ними пророки, патриархи, преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергий Радонежский...

В Евангелии от Луки и притче о Лазаре есть такие слова: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово» (Лк 16, 22). Притча имела очень широкое распространение, а в искусстве лоно Авраамово, место вечного блаженства, представляется в виде пазухи праотца, наполненной человеческими душами.

Рай же изображается в виде сада, насаженного самим Богом. Здесь растут необычайно красивые деревья, висят на ветках плоды, поют сладкоголосые прекрасные птицы.

В сцене Страшного Суда обязательно присутствует и ад, причем его изображения и картины мающихся грешников во многом зависят от фантазии художника; здесь и огненная река, и неусыпающий червь, и тьма кромешная. Мучаются и плачут грешники, раздираемые неимоверными страданиями, они извиваются в огне, горько вопят, просят воды, умоляют убрать орудия пыток.

Источник огня – огненная река, которая исходит от престола Судии и опаляет грешников внизу. Но постепенно эта огнен-

ная река заменяется змеем. На его толстом, идущем через всю картину теле или рядом с ним делаются надписи, поясняющие мытарства или грехи людей: здесь злоба, зависть, ревность, тщеславие, гордость, раздражительность, гнев, ярость, блуд, прелюбодейство и другие.

Среди многих изображений Страшного Суда в русских православных храмах, пожалуй, стоит выделить фреску во Владимирском Успенском соборе, написанную в 1408 г. великим Андреем Рублевым со своим старшим товарищем Даниилом Черным и учениками. Конечно, фреска эта плохо сохранилась, красочный слой местами утерян, местами остался лишь наполовину, ибо многократные «поновления» и прописывания пришлось снимать и тщательно реставрировать все кусочки живописи, имеющие отношение к гениальному русскому иконописцу.

Из-за недостатка места цельная картина разбита на отдельные группы и помещена частично на стене, на столбах, на арках и на сводах. Цельность фрески от этого, конечно, пострадала, но зато выиграла глубина содержания и богатство мысли.[35]

На западной стене над входом под хорами художник поместил уготование престола: на престоле Евангелие, восьмиконечный крест с тростью и копьем, у подножия креста – сосуд, в котором находится, вероятно, кровь распятого Богочеловека, омывшая грехи человеческого рода; к сосуду прикреплены праведные весы; здесь же Адам и Ева в коленопреклоненном положении; по сторонам престола Богоматерь и Предтеча; за ними по одному ангелу с жезлами и шарами, внутри которых вписан знак X (печать Бога живого...) и по одному евангелисту. От этих евангелистов идут по северной и южной стенам также под хорами ряды апостолов на престолах с раскрытыми книгами и ангелы.[36]

На своде между западными арками изображение Спасителя: «Строгий образ Судии, сидящего в ореоле, образованном фигурами херувимов, одетого в мантию, представлен в решительный момент суда, правою рукою Спаситель делает жест, призывающий праведников к наследию уготованного им Царства Небесного, левою рукою отвергает грешников. Подле Спасителя – звезда, солнце и луна, утвержденные на небе, имеющем форму полотняного лоскута, свиваемого двумя ангелами»...

«Рядом со Спасителем в круге представлены символические фигуры четырех царств: македонского в виде грифона, вавилонского в виде медведя, римского в виде крылатого льва и антихристова в виде рогатого зверя».

Фрагмент фрески «Страшный суд» из Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

Трубят ангелы. Земля (в виде женщины с жезлом в правой руке и гробом в левой) и море (также в виде женщины с длинными распущенными волосами с кораблем в руке) отдают своих мертвецов.

По звуку ангельских труб встают святые цари, ветхозаветные праведники, мученики, святители в крестчатых фелонях, преподобные в мантиях, святые жены, среди которых царица в царском одеянии, преподобные в клобуках.

Суд свершился...

Далее следует блаженство праведных и мучения грешников. В юго-западной части на сводах апостол Петр с ключом в правой руке ведет в рай святых царей, святителей, преподобных, цариц, праведных жен и других. Апостол Павел со свитком в левой руке указывает место блаженства праведных.

Среди райских зеленеющих деревьев – райская дверь, охраняемая херувимом; здесь же в раю – благоразумный разбойник с крестом в левой руке. На широком возвышении среди плодовых деревьев сидят Авраам в виде старца, Исаак в виде зрелого мужа и Иаков в виде довольно молодого человека. У Авраама в пазухе души праведных. Картина рая дополняется также обычным изображением Богоматери на троне, среди двух приникающих к ней ангелов.

К сожалению, эпизод, показывающий ад и мучения грешников, до нас не дошел, так что мы можем только догадываться, как выглядела картина страшных казней. Искусствоведы предполагают, что ужасов и всяческих страхов здесь не было: рублевскую роспись пронизывают умиротворение и тихая радость. В образах Христа, апостолов нет суровости и строгости, в них нет ничего грозного, пугающего. По словам Н. Воронина, «в ликах святых и праведников, напоминающих лица простых русских людей, Андрей Рублев и Даниил Черный стремились воплотить нравственный идеал той героической поры, сообщив им выражение душевной стойкости и нравственной чистоты».[37]

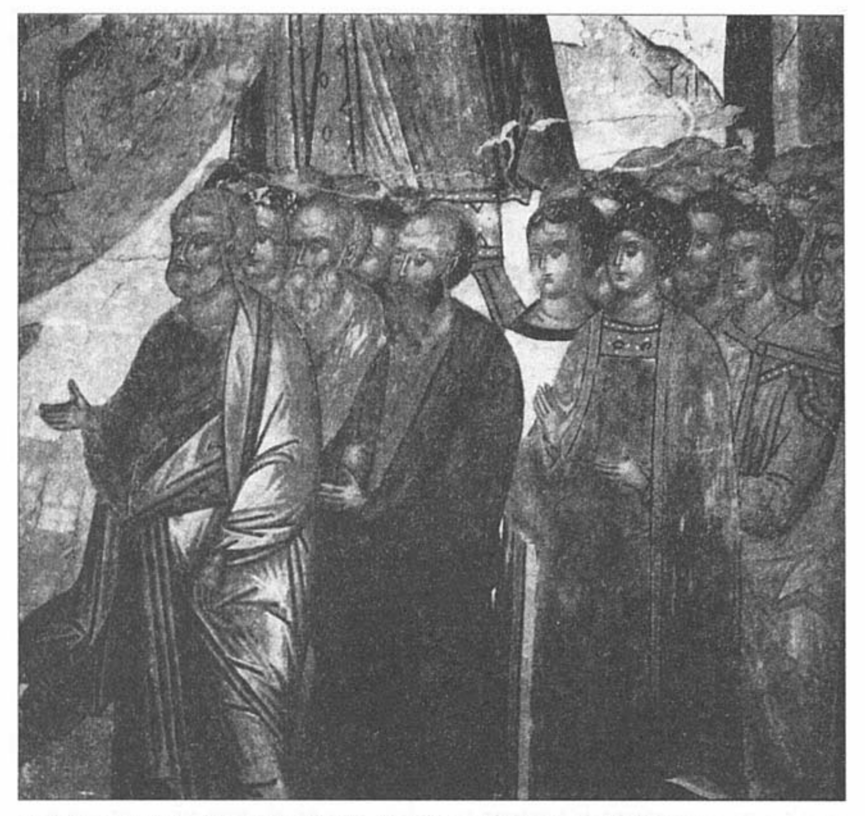
«Особой одухотворенностью и красотой, – пишет далее Н. Воронин, – отмечены фигуры трубящих ангелов на входной арке. В них нет ничего от грозных вестников Страшного Суда, поднимающих мертвецов Вселенной. Их тела девически стройны, гибки и почти невесомы, изящны прекрасные головы на тонких шеях; они проникнуты легким движением, словно художник хотел передать неуловимое мгновение, когда еще не потухла сила полета и ступни едва коснулись земли; тонкие трубы в руках вестников судилища неспособны к ужасающему звуку и похожи на пастушеские свирели».[38]

Шествие на Голгофу. Фрагмент фрески из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. *Дионисий с сыновьями.* Начало XVI в.

Чтобы познакомиться с еще одним уникальным творением древнерусской живописи – настенными росписями Ферапонтова монастыря, созданными замечательным русским изографом Дионисием, отправимся в Вологодские земли. Там, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, на невысоком холме, возвышающемся над Бородавским озером, стоит сказочно красивая обитель, основанная в конце XIV в.[39]

Местность здесь живописная: лесные холмы с остроконечными елями по вершинам, прозрачные озера, небольшие речушки. Не случайно преподобный Ферапонт облюбовал эту гору, когда ушел из Кирилло-Белозерской обители, от своего товарища, преподобного Кирилла, вместе с которым явился в эти края из Москвы. Монахи проделали столь дальний путь в поисках места для основания монастыря, что указала в видении Кириллу сама пресвятая Богородица. Недолго прожили сотоварищи вместе. Решил

О тебе радуется... Фрагмент фрески из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. *Дионисий с сыновьями.* Начало XVI в.

Ферапонт искать уединения для своего монашеского жития, испросил благословения преподобного Кирилла и удалился от его обители почти на двадцать верст, чтобы здесь, между двумя озерами – Бородавским и Паским, на берегу речки Паски, на холме основать свою обитель с деревянной тогда церковью во имя Рождества Богородицы.

Сам Ферапонт прожил здесь недолго – всего десять лет, а затем князь Андрей Дмитриевич отозвал его к себе в Можайск, дабы и там он устроил божескую обитель. А монастырь, носивший имя своего основателя, сначала было захирел, а потом стараниями игумена Мартиниана превратился в довольно большую обитель, «зело красную», «много имуще братии работающих».

В 1488 г. монастырь постигло большое бедствие: сильный пожар истребил многие деревянные строения, в том числе и церковь. Тогда решено было возвести каменный храм во имя Рожде-

ства Богородицы. Затем для росписи его пригласили изографа Дионисия, уже прославившегося тем, что украшал Успенский собор Московского Кремля и писал для него иконы.

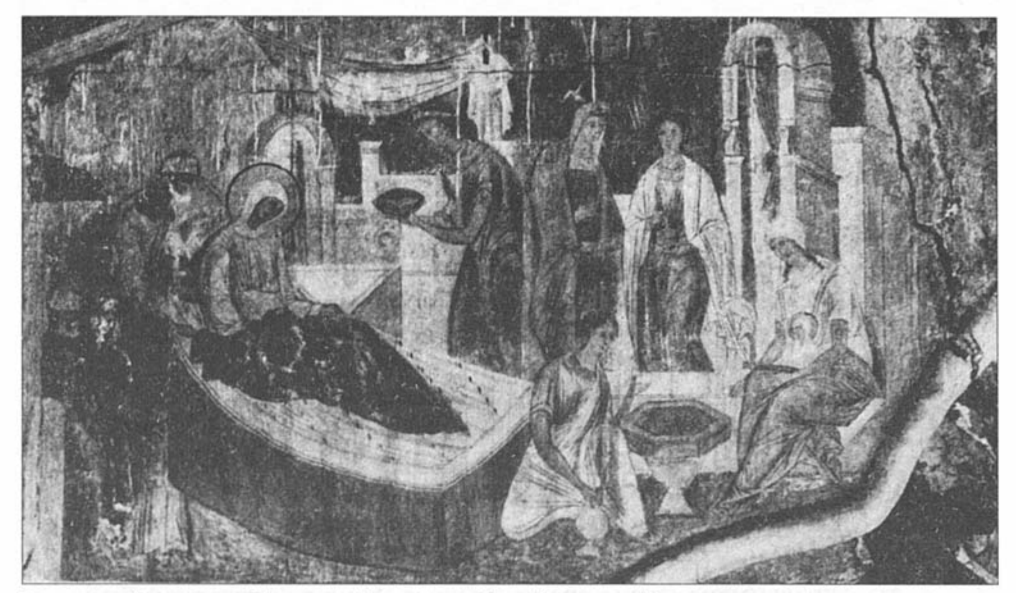
Мастер Дионисий, мирянин из Москвы, вместе со своей бригадой, куда входили и два его сына, работал в Ферапонтове монастыре два сезона: с августа 1502 по сентябрь 1503. Он расписал внутренние стены собора, написал также иконостас, украсил великолепной фреской наружную стену западного фасада, выходящую на паперть.

Когда приближаешься к Ферапонтову монастырю со стороны Бородавского озера, когда медленно, не спеша поднимаешься к его воротам по дорожке, ведущей все вверх и вверх, невольно поражаешься умению древних мастеров выбирать то самое необходимое место, которое только и нужно для монастыря. Удивляешься, как легко и свободно возносится к небесам собор, поставленный на высокий подклет. Склоняешь голову перед необычайным чувством красоты древних мастеров, что сумели соединить стройность, изящность своего творения с торжественно-величавым характером храма. Гордый и легкий, собор как бы тянется к небесам, задевая тучи своей шлемовидной главой на высоком барабане. Небольшая главка над Никольским приделом, оригинальный, нарядный наружный декор придают собору неповторимое своеобразие.

Храм с трех сторон окружает крытая галерея. Поднимаешься по ступеням, входишь на паперть и тут же соприкасаешься с одним из величайших чудес искусства – ферапонтовской росписью, выполненной рукой великого мастера Дионисия.

Когда известный изограф приехал в вологодские земли, он был уже в преклонном возрасте, и роспись храма Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре вполне могла быть его последней работой, своего рода лебединой песней. Наверное, понимая это, иконописец старался вложить в настенное и иконное письмо все свое умение, мастерство, что приобрел за долгие годы. Наверное, остался доволен своей работой, потому и решил запечатлеть имя свое на стене храма, что было необычно и удивительно для того времени.

«В лето 7010 месяца августа в 6 день на Преображение Господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывати церковь, а кончана на 2 лето месяца сентавреа в 8 на Рождество пресвятые владычица нашиа Богородица Мариа при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Тихоне, а писци Деонисие иконник с своими чады. О владыке Христе, всех царю, избави их господи мук вечных».[40]

Рождество Богородицы. Фрагмент фрески из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. *Дионисий с сыновьями.* Начало XVI в.

Перед глазами взошедшего на паперть предстает уникальная фреска, посвященная Рождеству Богородицы – тому главному празднику, в честь которого и был освящен собор.

Вверху находится плохо сохранившийся деисус: в середине Христос, сидящий на престоле, а справа и слева от него пресвятая Дева Мария, Иоанн Предтеча, апостолы Петр и Павел молят Спасителя за весь мир.

Ниже, разделенные верхом остроконечной части дверного украшения, расположены две сцены: «Рождество Богородицы» и «Ласкание Марии Иоакимом и Анной».

Слева и справа от входной двери возвышаются фигуры ангелов чуть больше человеческого роста. Один с мечом в правой руке и хартией в левой, другой – склонившийся к своему свитку. Они ведут запись входящих в храм, отмечают их грехи и добродетели.

Живопись сюжета Рождества Богородицы традиционна и вместе с тем необычна. Анна сидит на ложе, от фигуры ее веет спокойствием и даже некоторой величавостью. Женщина за ложем, почтительно наклонив голову, прикасается к одежде госпожи. Служанки с благоговением протягивают ей золотую чашу с едой. Канонический сюжет древнерусской церковной живописи написан так, что человек ощущает свершение особого таинства.

Родилось дитя – будущая мать Иисуса, избранница Божия. Поклонение будущей Богоматери – вот суть поведения всех присутствующих в сцене: и подруг, пришедших навестить роженицу, и служанок, купающих Марию-дитя.

В другой фреске – «Ласкание Марии Иоакимом и Анной» – главная фигура опять-таки Мария, ребенок, которому уготована необычная судьба. Прославление будущей Богородицы и здесь выходит на первый план.

Исследователи творчества Дионисия подчеркивают, что «фигуры ферапонтовских фресок трактованы настолько плоскостно, что воспринимаются чисто силуэтно. В них не чувствуется ни объема, ни веса, они как бы парят в воздухе. Объемные элементы переводятся на язык плоскости. Такими средствами художник стремился подчеркнуть особую одухотворенность образов, отрывая их от материального и земного».[41]

Вообще вся роспись Ферапонтова монастыря посвящена прославлению Богоматери. Многочисленны Богородичные сюжеты, украшающие стены храма. Здесь и «Покров пресвятой Богородицы», и «Похвала Богородицы», и «О тебе радуется». Многочисленные композиции из сцен жизни пресвятой Девы Марии перекликаются с евангельскими сценами и притчами.

Так, несколько раз повторяется сцена Благовещения. Однако интересно, что в этом храме, посвященном пресвятой Деве Марии, отсутствует один из самых распространенных сюжетов – Успение Богоматери. Видимо, это сделано специально: художники не хотели вводить минорные ноты в общую радостную струю настенной живописи храма.

Даже в обязательной фреске «Страшного Суда», расположенной, как обычно, на западной стене храма, сцены «Рая» преобладают над сценами «Ада». И сатанинский зверь, из пасти которого вырывается огненная река, совсем не так страшен, как на фресках, допустим, Снетогорского монастыря.[42]

Кульминация всей росписи – образ Богоматери с Младенцем на троне в окружении ангелов, помещенный в центральной апсиде. Написанное в пурпурно-охристых тонах, изображение царит над алтарем. Лик Девы Марии сосредоточен и чуть печален, но нет в нем сумрачности, горя. Это лик Богоматери, много знающей и много видевшей, заступницы и покровительницы всех людей мира.

Дионисий предпочитает светлые краски, и потому его живопись по-особенному прозрачна, как бы серебриста. Больше всего он любит нежно-голубую краску, лазурь, которую видишь и на фоне, и в одежде персонажей. Благодаря такому высветлению ко-

лорита роспись Дионисия приобретает «необычную мягкость, нежность, лиричность».

Особенного внимания заслуживают краски ферапонтовских фресок – их своеобразие, многоцветность вызваны тем, что Дионисий и его подручные изготавливали свою палитру на местном материале. Они использовали для росписи стен собранные около монастыря минеральные красители, выискивали их в виде разноцветных камней по берегам озер, на дне оврагов, у подножия горы, просто на дороге.

Как образно писал поэт Э. Межелайтис: «Из маков – красную, из одуванчиков – желтую, из пепла – серую, из угля – черную сделали краски, смешали, развели на полотне, сотканном из трав земли, написали портрет земли...»[43]

Ферапонтовские краски были заново открыты в 1924 г. студентами монументального отделения ВХУТЕМАС, среди которых был и Н.М. Чернышев, впоследствии написавший книгу «Искусство фрески в Древней Руси».

Вот как он описывает те давнишние свои открытия.[44]

«...Узнав, что мне нужно, как взрослые, так и дети с большой готовностью старались принести мне по нескольку камней, хотя далеко ходить за ними не нужно было: мы все ступали по ним.

Чтобы промыть и испробовать краски, я устроился у самой воды. У моих ног тихо плескалось озеро. Один бородатый крестьянин подал мне острый и мягкий камень типа сангины. Чтобы испробовать его, я нарисовал им на бумаге сидевшую около девочку и для развлечения крестьян вздумал раскрасить ее местными красками...

По способу первобытных людей, окуная палец прямо в озеро, я растирал им красящий камень и пальцем же наносил краску без всякого закрепителя на бумагу. В течение двух-трех минут, к удовольствию присутствовавших, работа моя была окончена».

В лето 1925 г. обследование местности вблизи монастыря превзошло все ожидания автора: «Я вывез тогда из Ферапонтова около ста оттенков: нежнейшие фиолетовые, розовые, рябиновые, палевые, белые, голубовато-серые, зеленые, гороховые, кофейные, табачные, интенсивно красные, вишневые, серо-фиолетовые, коричневые, охристые, разнообразных градаций серые и совершенно изумительную черную.

Но все эти краски не давались сразу. Разыскивая розовую, я долго любовался множеством разноцветных камешков, не подозревая об их красящих свойствах. И лишь найдя наконец розовые камни, я как-то сразу почувствовал всю палитру росписи Диони-

сия и стал пробовать все камни, рассыпанные всюду в таком изобилии.

Каково же было мое изумление, когда почти все они оказались красящими!»

В конце 1925 г. автором был прочитан доклад о ферапонтовых красках для художников, реставраторов и искусствоведов, а затем сами краски демонстрировались на выставке «Техника стенописи».

Изучая краски, колорит, цвет фресок Ферапонтова монастыря, искусствовед В.Н. Лазарев подчеркивал особое необычайное богатство и праздничность декоративного убранства собора. «Есть поистине нечто ликующее в светлых, радостных красках фресок, покрывающих стены и своды. Художники... раскрыли здесь перед зрителем палитру такой сияющей красоты, что рядом с ней колорит всех росписей XIV века кажется сумрачным и даже несколько мрачным. Нежные голубые тона сочетаются с бледно-зелеными, золотисто-желтые – с розовыми, светло-фиолетовые – с бирюзовыми, белые – с вишневыми, серебристо-серые – с бледно-сиреневыми. Вся гамма предельно высветлена, и от этого она приобретает особую прозрачность и в то же время какой-то холодный, матовый оттенок...»[45]

Фресковая роспись Ферапонтова монастыря как нельзя лучше доказывает, что древнерусские мастера объединяли живопись с архитектурой настолько, что фреска как бы сращивалась со стеною, так что архитектура храма уже не воспринималась отдельно, сама по себе. Причем рисунок, силуэты, краски делали изображение хорошо воспринимаемым на расстоянии. Эти заповеди, эти секреты мастерства переходили из поколения в поколение, шлифовались, совершенствовались и изливались со щедростью в храмах Новгорода и Пскова, Суздаля и Владимира, Ростова и Москвы.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Звонят колокола на городских улицах. Звонят по русским селам, собирая людей на молитву в храм Божий. Слышнее, громче, благодатнее стал этот звон в последние годы. Все больше храмов открывается на Руси, все больше верующих стекается к церквям, которые называют Домом Божиим, все больше прежних атеистов делают свои первые шаги к познанию Бога и приближению к нему.

Идут люди к храму с разных сторон, останавливаются на секунду у церковной ограды или, уже вступив в нее, осеняют себя крестным знамением.

Откуда этот знак? Когда он появился?

В самые начальные времена христианства, когда первые последователи Спасителя стали тайно собираться в небольшие общины, осенение крестным знамением было тем паролем, по которому узнавали соверующих. Знак принадлежности к общине поклоняющихся Христу – это образ креста, на котором был распят Иисус, это изображение креста рукою: на лоб, на живот, на правое плечо, затем на левое.*

Православные совершают крестное знамение тремя пальцами, складывая большой, указательный и средний, что символизирует триединую сущность Божества.** Основной догмат православия заключается в том, что Бог един в трех лицах или трех ипостасях: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. На догмат о Святой Троице опирается все учение христианства, хотя слабый человеческий разум бессилен понять и до конца постичь это положение, которое принимается на веру.

А колокола продолжают звонить. Люди входят в храм, пока еще торжественно-тихий, осеняют себя крестным знамением, покупают и ставят в положенных местах горящие

* У католиков сначала на левое плечо.

** Старообрядцы признают только двуперстие, а католики совершают крестное знамение безо всяких перстосложений. Троеперстие было окончательно подтверждено на Соборах1666–1667 гг.

свечи во здравие или за упокой своих близких, прикладываются к чтимым иконам.

Храм уже залит светом. В центральной части церкви из купола книзу спускается большой светильник со множеством огней – паникадило, из куполов боковых приделов спускаются в храм светильники поменьше, называемые поликандилами. В них – от семи до двенадцати светильников, а в паникадилах – более двенадцати.

Горят, тихо потрескивая, свечи в подсвечниках, зажжены лампады у икон, в тишине ожидания изредка слышен негромкий шепот...

Пока не началось богослужение, оглядимся вокруг, познакомимся с внутренним расположением храма.

Его устройство просто и символично. Люди входят в храм через притвор, место, где можно привести себя в порядок, подготовиться к общению с Богом, сосредоточиться, отбросить все житейское, мелкое, суетное...

Через притвор попадаем в обширное помещение храма – его среднюю часть, расположенную под куполом, откуда смотрит на людей Спас-Вседержитель.

Высокая стена из икон – иконостас – отделяет среднюю часть храма, где собираются верующие, от алтаря, куда вход мирянам воспрещен. Из средней части храма в алтарь ведут царские двери, находящиеся посреди иконостаса, и боковые – северные и южные. Во время богослужения они будут то открываться, то закрываться; в зависимости от этого присутствующие в храме будут видеть или не видеть то, что происходит в алтаре.

Алтарь – главное место в храме. Само слово образовано от латинских alta ara, что значит возвышенное место. Алтарь появился в христианской церкви еще в то время, когда верующие втайне собирались в катакомбах под землей и ставили здесь свою святыню – чаще всего каменную гробницу с останками какого-либо святого мученика. На этой каменной гробнице совершалось таинство Евхаристии – претворение хлеба и вина в тело и кровь Христовы. В обширных храмах алтарь поднимается над полом центральной части на несколько ступеней. Ранее он отдалялся от средней части церкви особой преградой в виде резной решетки или колоннады, что препятствовало проникновению в алтарь посторонних лиц. Была еще и специальная завеса, которая опускалась в нужное время и закрывала от взоров молящихся происходящее в алтаре. Алтарь в целом означает область бытия Божия.

Царские врата, находящиеся в середине иконостаса, именуются так потому, что через них восходит в алтарь Царь Славы, не-

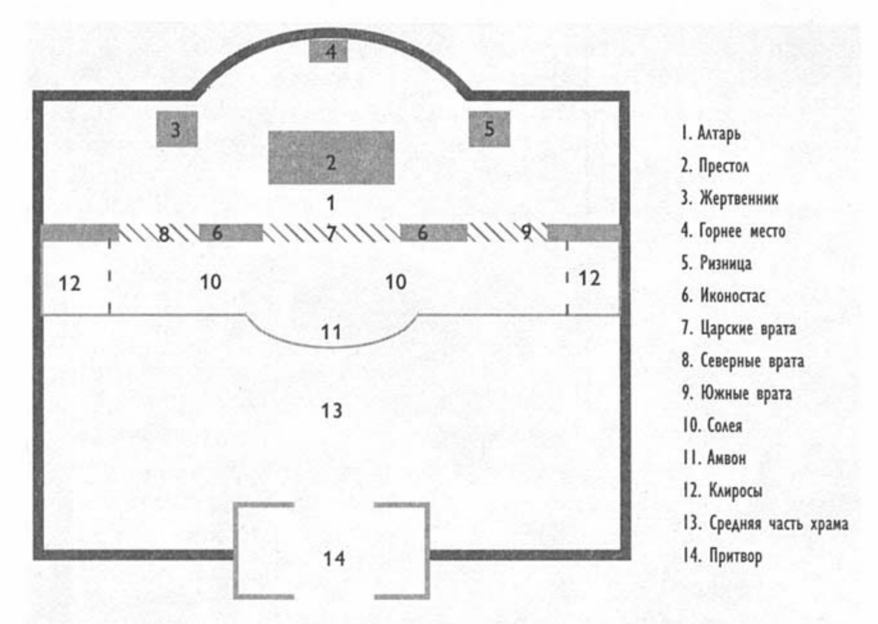

Схема внутреннего пространства православного храма.

зримо присутствующий в Святых Дарах. Мирянам вход в средние двери воспрещен: алтарь – место для священнодействующих.

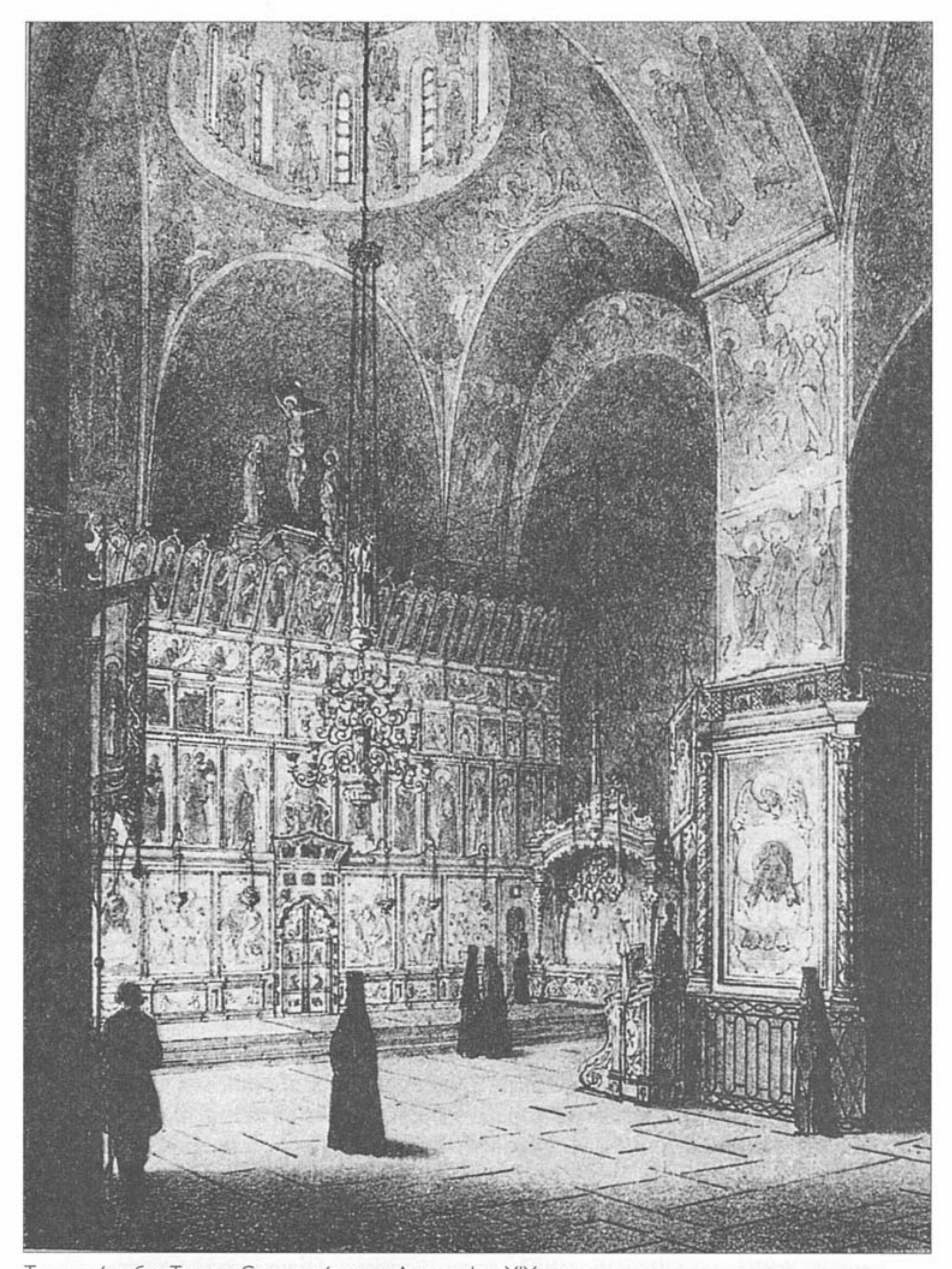
При открытых Царских вратах в алтаре виден престол, за ним – Горнее место, где восседает во время службы главный церковнослужитель, около Горнего места полукругом расположены сиденья для более низких церковных чинов.

Горнее место является знамением того небесного престола, на котором незримо восседает сам Господь. Во время службы церковнослужители кланяются Горнему месту с крестным знамением и совершают каждение.

Слева от престола находится жертвенник, справа – помещение ризницы, где хранится различная церковная утварь.

Прямо перед иконостасом – небольшое возвышение, называемое «солея». На нем идет служба. Солея в центре полукругом выдается вперед – это амвон. На нем или с него совершается таинство причащения Святыми Дарами. Величие этого таинства требует и возвышения места, с которого преподается причастие. Это как бы продолжение алтаря внутри храма, перед иконостасом.

На амвон выходит дьякон для чтения молитв и Священного Писания. Когда дьякон читает Евангелие, то оно кладется на высокий столик, называемый аналоем. По бокам, справа и слева солеи, находятся клиросы, на которых обычно располагаются певчие.

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Литография XIX в.

Подле клиросов ставятся хоругви – святые образа в виде знамен на длинных древках. Они выносятся из церкви во время крестных ходов. Хоругви – это знамена христиан, которые как воины Христовы, готовы всегда идти на борьбу и даже пострадать за свою веру.

Главная святыня алтаря – престол, восходящий к каменным гробницам – саркофагам с останками святых мучеников, что устраивали первохристиане в своих катакомбных церквях. Гробницы мучеников за Христа символизировали гроб самого Спасителя. И сейчас святой престол – это символ гроба Господня, самое святое место в алтаре, ради которого и существует сам алтарь. На престоле непременно присутствуют мощи святых. Этим как бы устанавливается непосредственная связь престола и алтаря земной Церкви с Церковью Небесной, с Царством Божиим.

В древние времена престол назывался жертвенником или трапезой, а жертвенник, на котором сейчас совершается приготовление хлеба и вина для таинства Евхаристии, – предложением. Он чаще всего находился в отдельном помещении – приделе, справа от алтаря, но затем для удобства богослужения был перенесен в алтарь, в его северо-восточный угол.

Как уже говорилось, престол знаменует собой Гроб Иисуса Христа, в котором покоилось его тело до момента Воскресения. Устроен он так: на четыре деревянные столпа кладется верхняя деревянная доска, так что высота престола составляет один метр. А размеры его зависят от размеров алтаря. В «Настольной книге священнослужителя» отмечается: «Престол скрепляется четырьмя гвоздями, знаменующими те гвозди, которыми Господь Иисус Христос был пригвожден ко кресту, омывается теплой освященной водой, красным вином и розовой водой, особым образом помазуется святым Миром, что знаменует и возлияние Мира на Христа Спасителя перед Его страданиями, и те ароматы, которыми было полито Тело Его при погребении, и теплоту Божественной любви, и благодатные дары Божии, излившиеся на нас благодаря крестному подвигу Сына Божия».[1]

Престол особым образом украшается и облачается в несколько одежд. Самая нижняя, белая, носит название катасарки, что в переводе с греческого означает «приплотие», то есть ближайшую к телу одежду. Катасарка покрывает весь престол до основания и знаменует собой плащаницу, в которую было обернуто тело Спасителя при положении во гроб. Затем престол опоясывается вервием, длина которого около сорока метров. Вервие означает

путы, коими был связан Иисус, ведомый на суд к иудейским первосвященникам.

Верхняя, нарядная одежда престола называется индития. «Она знаменует собою одеяние царственной славы Христа Спасителя как Сына Божия, после своего спасительного подвига воссевшего во славе Бога-Отца и грядущего «судить живым и мертвым».[2]

На святом престоле находятся священные предметы, нужные в разное время богослужения. Прежде всего, это антиминс – четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с изображением положения во гроб Иисуса Христа, орудий его казни и четырех евангелистов по углам с символами их: тельцом, львом, человеком и орлом. Обязательна надпись, в которой говорится, когда, где, для какой церкви и каким епископом данный антиминс был освящен и преподан. Надпись удостоверяется подписью епископа.

Антиминс – обязательная и неотъемлемая часть престола. Без него нельзя служить литургию – главную церковную службу, в основе которой – таинство претворения хлеба и вина в тело и кровь Христовы. Данное священнодействие может совершаться только на антиминсе. Обычно антиминс находится в свернутом состоянии в особом, другом, плате – илитоне (*греч.* – «обертка, повязка»), на котором нет изображения и надписей. Антиминс достается и раскрывается только в определенный момент богослужения, перед началом литургии верных*, и убирается по окончании ее. Антиминс – как бы переносной престол. Если вдруг по каким-то чрезвычайным обстоятельствам священнослужитель не может продолжать службу в храме, он должен вынести антиминс, развернуть его в любом месте и закончить на нем Божественную литургию. В углы антиминса часто зашиты кусочки мощей святых угодников.

* То есть тех, кто верит в Иисуса Христа.

На престоле находится также в обязательном порядке Евангелие, которое знаменует собою непосредственно Иисуса Христа. С давних времен напрестольное Евангелие украшалось драгоценными обложками, золотыми и серебряными накидками, окладами с финифтью. На окладах с лицевой стороны по углам изображались четыре евангелиста, а в середине помещалось или распятие Христово, или образ Христа Вседержителя на троне. На обратной стороне Евангелий чаще бывают изображены Распятие или знамение Креста, образ Троицы или Богоматери.

Рядом с Евангелием на престоле лежит Крест с изображением распятого Господа. Он обязателен так же, как антиминс и Евангелие, и знаменует собой самую вершину подвига Христа за спа-

сение человеческого рода. Напрестольный Крест с Распятием употребляется в богослужении при окончании литургии, им осеняются присутствующие в храме, им также освящается вода на Богоявление, и при особо торжественных молебнах к нему прикладываются верующие.

Неотъемлемая принадлежность престола и дарохранительница. Это особый сосуд, в виде храма или часовни, с небольшой как бы гробницей, куда кладутся приготовленные особым образом и предназначенные для длительного хранения частицы Тела и Крови Господних. Они употребляются для причащения на дому тяжелобольных и умирающих.

В древности дарохранительницы назывались гробницами, Сионами, Иерусалимами, так как иногда они были сделаны в виде храма Воскресения Христова в Иерусалиме.

Рядом с дарохранительницей находится и дароносица – небольшой ковчег в виде часовенки с дверцей и крестом наверху. Она служит для перенесения Святых Даров в дома больных и умирающих для причащения их.

Над некоторыми престолами в больших храмах бывает сень или киворий, означающий небо, простертое над землей. Но эта часть украшения алтаря сейчас редкость, а чаще для покрытия престола используется пелена – покров, которым накрывают все священные предметы на престоле по окончании богослужения. Это покрывало тайны, которым скрывают от глаз непосвященных святыни...

Книга для священнослужителей подчеркивает: «По великой святости престола прикасаться к нему и к предметам, на нем лежащим, дозволяется епископам, священникам и диаконам. Пространство от Царских врат алтаря до престола, знаменующее собою входы и выходы Самого Господа Бога, епископам, священникам и диаконам позволено пересекать лишь по мере богослужебной необходимости. Престол обходят с восточной стороны, мимо Горнего места».[3]

Прямо перед Горним местом позади престола помещается обычно семисвечник, семь лампад которого возжигаются при богослужении в соответствии с Откровением Иоанна Богослова, видевшего на этом месте семь золотых светильников.

По сторонам семисвечника принято ставить на древках выносную икону Богоматери (с северной стороны) и Крест с образом Распятого Христа (с южной стороны).

Алтарь – это как бы горница, где проходила Тайная Вечеря, потому там особо тщательно все убрано и украшено.

В ветхозаветных книгах алтарь называли «Святая Святых». Там хранился Ковчег Завета и другие величайшие святыни, а первосвященник ветхозаветного храма мог заходить туда лишь раз в год.

В храме начинается служба. Священнослужители выходят на солею и кадят перед образами иконостаса. Затем обходят церковь с курильницей, отдавая дань святым иконам и образам, изображенным на стенах. Уже хор тихо запел начальные молитвы, и верующие осеняют себя крестным знамением, низко склоняя голову перед Спасителем в его доме – Церкви.

Богослужения в православной церкви совершаются трижды в день, и называются они утреня, обедня и вечерня. В соответствии с Ветхим Заветом и раннехристианскими обычаями, отсчет времени ведется от вечера: ведь с раннебиблейских времен основное население – пастухи начинали свой трудовой день с заходом солнца. Вообще ежедневных служб девять: кроме трех названных, есть еще повечерие, полунощница, «первый час», «третий час», «шестой час», «девятый час».

«Первый час» – это, по-нашему, седьмой час утра, третий – у нас девятый, шестой – наш двенадцатый, девятый – наш третий час пополудни. Несоответствие в счете объясняется тем, что в Библии принят восточный счет времени, а их время разнится с нашим на шесть часов. Теперь для удобства верующих и церковнослужителей все девять повседневных служб объединены в три, причем в каждой из них развивается определенная мысль, каждая служба представляет стройное, законченное целое, предназначенное для того, чтобы укрепить у христиан веру в Бога.

Первой среди повседневных служб ставится вечерня. По церковным понятиям день начинается с вечера, «так как первому дню мира и началу существования человека предшествовала тьма, вечер, сумерки».[4] На этой службе основной мыслью является мысль о сотворении человека и мира. Кроме того, в это время вспоминается о грехопадении людей и ожидаемом спасении через Иисуса Христа. Начинается вечерня прославлением Бога-творца мира и Вседержителя, затем произносятся прошения о даровании мира и земных благ всему миру, всем христианам и особенно тем, которые находятся в нужде и беде. Это так называемая великая ектения – молитва всех присутствующих в храме, горячее прошение о самом главном. Кроме великой ектении, существуют еще ектении других видов: малая, сугубая (то есть усиленная, с неоднократным обращением к милосердию Бога), просительная. По

окончании великой ектении читаются псалмы. Поются различные песнопения, идет молитва о помиловании и надежде на спасение. Далее следуют хвалебная песнь в честь Христа, сугубая ектения о помиловании христиан. Просительная ектения о даровании всего потребного для души заключается молитвами.

Утреня, как следует из названия, бывает утром. Она посвящена прославлению Господа, давшего нам не только дневной, но и духовный свет. На службе вспоминается явление Христа в мир для спасения людей. Служба утрени состоит из трех частей. Первая часть – это псалмы и молитвы, в которых выражается раскаяние и надежда на спасение; затем прославляется явление Христа в мир, читаются псалмы. Во второй части поминается святой или событие, которым празднуется в этот день, поются хвалебные псалмы и праздничные песнопения, а также читается Евангелие, после чего бывает поклонение перед Евангелием или иконой праздника и целование их. Третья часть утрени – хвалебная, идет пение псалмов, сугубая и просительная ектении.

Праздничная церковная служба, соединяющая в себе вечерню и утреню с присоединением службы первого часа именуется всенощным бдением. Оно родилось из ночных служб в канун Рождества и Пасхи, продолжавшихся с вечера до утра. В современной практике бдение предшествует литургии. Оно перенесено на вечер, объем его сокращен, совершают его под праздники и воскресные дни. Ночные молитвы особенно приветствовались церковью. Священник Александр Мень приводит слова Ипполита Римского, священнослужителя III столетия, впоследствии признанного святым: «Глубокой ночью поднимись со своего ложа и молись. Древние передали нам этот обычай. В этот час весь мир отдыхает, благословляя Бога. Звезды, и деревья, и воды тихи. Все воинство ангельское вместе с душами праведных совершает свое служение. Поэтому все, кто верует, молись в этот час».[5]

Вечерня и утреня – это общие молитвы, совершаемые в церкви. Подлинной кульминацией того, что вершится в храме Божием, является литургия с тем великим таинством, которое составляет ее главную часть – таинством Евхаристии, таинством Причащения.

Литургия в обиходе именуется обедней, так как она дает человеку духовную пищу, Тело и Кровь Христову, и совершается ранее полудня, до обеда. В этой главной церковной службе вспоминается вся жизнь Иисуса Христа от Рождества до его Вознесения на небо. Само слово «литургия» – греческого происхождения,

Тайная вечеря. Икона XV в.

оно означает «общественную службу» (литос – общественный, торжественный, эргон – дело, служба). Иначе литургию называют Евхаристией, от греческого слова «благодарить». Евхаристия – это благодарение Бога за его искупительную жертву, это вместе с тем и благодарственная жертва Богу за грехи всех людей, живых и умерших.

Литургия установлена самим Иисусом Христом на Тайной вечере.

Евангелист Лука так описывает преломление хлеба и питие вина, их преобразование в Тело и Кровь Христову на той трапезе: «И когда настал час, Он возлег, и двенадцать Апостолов с Ним. И сказал им: очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием. И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша *есть* Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лк 22, 14–20).

Евангелист Матфей рассказывает о том же. «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф 26, 26–28).

Иоанн, святой апостол и евангелист, который написал Евангелие после трех своих предшественников – Матфея, Марка и Луки, более подробно объясняет суть совершенного Иисусом на памятной вечере:

«Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, *так* и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек» (Ин 6, 54–58).

Отец Александр Мень, священник и глубокий знаток Ветхого и Нового Заветов, апостольских деяний и трудов раннехристианских философов, так объясняет суть символических дей-

ствий Спасителя, которые вот уже сколько веков воспроизводятся практически каждодневно на церковных службах.

«Иисус не случайно сохранил в обряде жертвенную символику, ибо все древние алтари были призывом к небу и означали жажду общения с Высшим; последняя же трапеза Христова соединила верных с Ним, с воплощенным Сыном Божиим. Кровь в Библии считалась символом жизни, над которой властен Творец. Именно поэтому ее запрещалось употреблять в пищу. Между тем теперь Сам Спаситель мира отдавал Свою жизнь, Свою кровь людям.

Издавна заключение Завета сопровождалось окроплением верующих кровью животного, посвященного Богу. Все, на кого падали ее капли, обретали духовное родство и связь с Богом. Таков был смысл заклания пасхального агнца. Подобные обряды знал не только Израиль, но и большинство древних народов. Христос заменяет кровь жертвы соком виноградной лозы, вином трапезы, которая знаменует богочеловеческую жертву, страдания и торжество Мессии-Искупителя.

Пасхальное воспоминание об Исходе было перенесением прошлого в настоящее. Мудрецы Израиля говорили, что каждая Пасха есть освобождение от рабства, совершающееся вновь и вновь. Точно так же и новозаветная Евхаристия означает причастность к спасению, которое Христос приносит людям, пребывание Господа с любящими Его. «Всякий раз, – скажет позднее апостол Павел, – когда вы едите хлеб и пьете эту чашу, вы смерть Господа возвещаете, доколе Он придет».

Время побеждено. Остается лишь таинство Воплощения, Присутствие Бога, явившегося в мир...»[6]

Божественная литургия состоит из трех частей. Первая часть носит название «проскомидии», в это время священнослужители приготовляют вещество для Евхаристии. Вторая часть – «литургия оглашенных» (тех, кто готовится принять святое крещение), третья – «литургия верных».

Проскомидия, или «принесение», называется так потому, что в древние времена христиане приносили в назначенное время в храм хлеб и вино, чтобы совершить Евхаристию. Оттого и сам хлеб называется «приношением», иначе – просфорой. Для таинства Причащения и сейчас готовят хлеб и вино. Хлеб должен быть квасным (а не пресным), чистым, белым, пшеничным. Вино – красное виноградное. В память страданий Спасителя вино смешивается с водой, ибо во время пребывания Иисуса на кресте из его ребра, проткнутого копьем воина-охранника, текла кровь и вода.

Совершается входное действие, когда священнослужители, став перед Царскими вратами, трижды осеняют себя крестным знамением, совершают три поклона и читают входные, то есть приготовительные молитвы.

«Настольная книга священнослужителя» поясняет: «По сложившейся практике приготовившийся литургисать священнослужитель входит в алтарь, совершает по Уставу два земных или поясных поклона перед престолом, целует его, совершает третий поклон, возлагает на себя епитрахиль, снимает покрывало с престола и северной дверью выходит из алтаря на солею для совершения входных молитв. Если совершают литургию несколько священнослужителей, то старший надевает епитрахиль, остальные – в рясах».[7]

Диакон просит благословения у священника, тот отвечает: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков». Диакон заключает: «Аминь», что означает «истинно так». Далее читаются молитвы.

Подойдя к иконе Христа Спасителя, священнослужители молятся, читая Тропарь (от греческого «обращать»), церковное песнопение «Пречистому Твоему образу поклоняемся...». У иконы Пресвятой Богородицы читается другой тропарь.

Затем, снова став перед Царскими вратами и преклонив главы в сознании своего недостоинства и немощи, священник возносит молитву Господу о помощи его в совершении Божественной литургии.

После пения входных молитв священнослужители облачаются в специальные одежды: диакон – в стихарь, орарь, поручи; священник – в подризник и фелонь.* Облачение проходит под непрерывное чтение определенных молитв.

Псаломщик читает «часы», то есть молитвы, положенные для третьего и шестого часов служб. В псалмах, тропарях и других молитвах «часов» прообразовательно, как и на проскомидии, изображается земная жизнь Иисуса Христа.[8]

Действия священнослужителей при проскомидии, проходящие в алтаре и невидимые присутствующим в храме, заключаются в следующем. Священник подходит к жертвеннику и берет пять просфор. Просфора состоит из двух частей, соединенных вместе, подчеркивающих два естества Иисуса Христа – Божеское и Человеческое. Кроме того, на просфоре обозначен крест, с буквами по сторонам креста «Ис. Хр. Ни. Ка» (то есть: Иисус Христос Победитель).

---

* Стихарь (или подризник) – длинное, с широкими рукавами священническое облачение, обычно белого цвета, указывающего на нравственную чистоту облекающихся в него.

Орарь – длинная полоса из парчовой или другой цветной материи, нисходящая спереди и со стороны спины почти до пола. Укрепляется на левом плече диакона.

Поручи (нарукавники) употребляются для стягивания рукавов подризника на краях рук, перед кистью.

Епитрахиль – одно из облачений священника под фелонью. Надевается на шею, простирается до низу.

Набедренник – первая награда, даваемая священнику как знамение меча духовного, то есть Слова Божия, которым

Из первой просфоры священник вынимает копьем (острым ножом) часть в воспоминание о Христе и кладет ее на дискос (круглое блюдо). Эта часть называется агнцем, потому что Иисус Христос, как агнец, принес себя в жертву за грехи людей.

Затем священник наливает в потир (чашу) виноградное вино, смешанное с водой.

Из второй просфоры вынимается часть в память Богоматери и кладется на дискос по правую сторону агнца.

Из третьей просфоры изымаются девять частей в честь различных святых и кладутся по левую сторону агнца.

Из четвертой просфоры вынимаются части во здравие живых христиан, а из пятой – за упокой умерших. Эти части кладутся на дискос под агнцем.

Частицы закрываются звездицей,* составленной из двух дуг, дискос и потир – покровами (воздуха́ми). Священник молится, чтобы Господь принял эти дары. Затем следует отпу́ст, который означает конец данной части литургии. Проскомидия напоминает верующим Рождество Христово, явившегося в мир для того, чтобы принять смерть за грехи людей. Во время совершения ее присутствующие в храме поминают своих родных, живых и умерших.

Вторая часть литургии называется литургией оглашенных, потому что в ней, кроме истинных крещеных христиан, могут принимать участие и те, кто только готовится к принятию веры через святое крещение. Литургия оглашенных начинается с приглашения помолиться Богу, чтобы дал душевные и телесные блага всем людям. Возглас «Миром господу помолимся» означает, что молиться нужно не только «всем миром», то есть всем вместе, но и помирившись со всеми, установив мир в своей душе, простив взаимные обиды. После каждого возгласа этой молитвы – великой ектении – присутствующие в храме произносят: «Господи помилуй». В великой ектении верующие просят Господа о спасении душ, о мире для всего мира, о благосостоянии Божиих Церквей, о святых храмах, о своей стране, властях и воинстве, о главе Церкви – Патриархе, о граде своем, об изобилии плодов земных и мирных временах, о плавающих, путешествующих, страдающих недугами, страждущих, пленных, а также просят избавить от скорби, гнева и нужды.

Хор поет положенные молитвы – антифоны. Так называются песнопения, которые исполняются попеременно двумя хорами.

он должен быть вооружен. Имеет вид четырехугольного плата, на котором изображен крест. Носится на бедре с правой стороны, а при палице – с левой.

Палица – четырехугольный плат квадратной формы с изображением креста, привешиваемый при бедре с правой стороны. Принадлежит архиерейскому облачению, носят ее и архимандриты. Игуменам и протоиереям дается как награда.

Фелонь (риза) – широкая и длинная одежда без рукавов.

* Звездица – один из священных предметов церковной утвари. Представляет собой две крестообразно соединенные дуги, скрепленные на вершине. Символизирует чудесную звезду, появившуюся на небе после рождения Иисуса.

Когда поется антифон «Благослови, душе моя, Господа...», диакон отходит от Царских врат и становится перед иконой Спасителя, держа орарь тремя перстами правой руки.

Затем следует малая ектения, которую возглашает диакон, снова занявший место против Царских врат: «Паки и паки (еще и еще) миром Господу помолимся».

Священник в тайной молитве просит Господа спасти всех людей и сохранить святую Церковь, а хор поет псалом: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Хвали, душе моя, Господа»... Диакон во время этого пения также стоит перед иконой Спасителя.

Молитва следует за молитвой, после второго антифона поется третий, диакон произносит малую ектению, читаются евангельские стихи о блаженных, которые чередуются с песнопениями, посвященными празднику этого дня или святому.

В это время совершается так называемый малый вход: священник берет Евангелие, подает диакону, и оба выходят на солею, где священник читает про себя молитву. Диакон поднимает Евангелие, изображает им крест и произносит: «Премудрость, про́сти». Это означает, что далее будет следовать пение и чтение глубокой премудрости, а слово «про́сти» (стойте прямо) говорит, что слушать надо с особенным вниманием и благоговением.

Вход с Евангелием символизирует выступление Иисуса Христа на проповедь, и молящиеся взирают на Евангелие, как на самого Спасителя. Хор поет «Приидите, поклонимся»...

Священнослужители снова входят в алтарь, диакон кладет Евангелие на престол.

Далее следует часть богослужения, именуемая «Трисвятое», так как хор и священнослужители поют молитву с таким названием, троекратно склоняются перед престолом и целуют его, затем священник благословляет Горнее место.

Начинается чтение Апостола и Евангелия, и диакон призывает всех: «Вонмем», то есть будем внимательны. В соответствии с тем, какое чтение положено в данный день, читаются отрывки или из Послания апостола Павла к Римлянам, или из Деяний святых апостолов. Во время чтения диакон кадит фимиамом престол, алтарь, иконостас, священника, чтеца, хор и всех молящихся. Это каждение совершается в ознаменование благодати Святого Духа, которая сходит в сердца молящихся, с благоговением слушающих слово Божие.

Затем священник передает диакону Евангелие, тот обносит священную книгу вокруг престола и Царскими вратами выносит на амвон, где ставится аналой. На амвоне диакон полагает Евангелие на

левое плечо, правой рукой постилает на аналое конец ораря, кладет на него Евангелие и открывает его. Чтение на амвоне Евангелия изображает проповедь Самого Иисуса Христа народу, а зажженная здесь свеча знаменует свет евангельского учения. Во время чтения Евангелия священнослужители и народ стоят с преклоненными главами в знак глубокого благоговения к слову Божию.

По окончании чтения диакон передает Евангелие священнику, тот поставляет его на престол, и святые врата закрываются.

Следует сугубая (усиленная) ектения, во время которой священник развертывает илитон и антиминс с трех сторон, так что неразвернутой остается только верхняя сторона антиминса.

При закрытых Царских дверях диакон произносит ектению об оглашенных: «Ве́рнии, об оглашенных помолимся, да Господь помилует их...» Священнослужитель просит Господа, чтобы Он огласил словом истины тех, кто еще не вошел в полное общение с Церковью, готовясь к принятию крещения, чтобы открыл им слово Евангелия, присоединил их к Святой своей церкви, помиловал и сохранил своею благодатию.

Возглашением диакона «Оглашеннии, изыдите»... заканчивается вторая часть литургии – литургия оглашенных.

Далее начинается самая важная, третья часть литургии – литургия верных. Суть ее заключается в том, что Честные Дары, приготовленные на проскомидии, силою и действием Святого Духа прелагаются в Тело и Кровь Христовы и возносятся в спасительную для людей жертву Богу, а затем преподаются верным для причащения. Причащаться могут только верные, то есть принявшие православную веру через крещение и, кроме того, исповедовавшиеся в своих грехах перед святым причастием.

На литургии верных вспоминаются страдания Господа Иисуса Христа, Его смерть, погребение, Воскресение, Вознесение на небо и будущее второе пришествие на землю.

В состав этой части литургии входят важнейшие священнодействия:

1. Перенесение Честных Даров с жертвенника на престол, приготовление верующих к молитвенному участию при совершении Бескровной жертвы (великий вход).

2. Самое совершение Таинства, с молитвенным воспоминанием членов Церкви Небесной и земной.

3. Приготовление к причащению и причащение священнослужителей и мирян.

4. Благодарение за причащение и благословение на исход из храма (отпуст).[9]

Раскрыт полностью антиминс... Диакон в ектении вновь обращается к верным: «Елицы (которые) вернии, паки и паки (еще и еще) миром (в мире) Господу помолимся...»

Священник тайно читает первую и вторую молитву верных, прося Господа даровать верным преуспеяние в доброй жизни, духовное разумение и сподобить всех причаститься святых тайн для стяжания вечной жизни.

Хор поет Херувимскую песнь, священник молится перед престолом, диакон кадит алтарь, иконостас, хоры и молящихся. Священник тайно читает молитву, в которой просит Господа соделать его достойным священнодействия, причем исповедует, что он, священник, есть лишь видимое орудие, через которое невидимо тайнодействует сам Господь Иисус Христос.

Далее следует великий вход, когда священнослужители переносят святые дары с жертвенника на престол.

Диакон несет дискос с частицами тела Христова, священник – потир, впереди шествует свещеносец со свечой. Через северные двери священнослужители выходят на солею, останавливаются против Царских врат лицом к молящимся, которые склоняют головы, воздавая честь Честным Дарам. После молитвы диакон и священник входят чрез Царские врата в алтарь, и Святые Дары устанавливаются на престоле, на антиминсе, как бы на гробе Христа Спасителя.

При великом входе вспоминается погребение Христа. Честные Дары изображают Самого Господа, шествующего на вольные страдания и смерть за грехи людей.

Поются тропари, в которых поминается снятие Иисуса с креста, его погребение, а также сошествие во ад. Каждение напоминает о тех благоуханиях, с которыми было положено тело Спасителя в гроб. Закрытие Царских врат знаменует сошествие Иисуса Христа во ад, а закрытие завесы – стражу, поставленную у двери гроба Господня. Возду́х, которым покрываются Святые Дары, изображает камень, приваленный к двери гроба Господня. Молясь друг о друге, священнослужители призывают себе в помощь силу и действие Святого Духа.

После великого входа начинается приготовление молящихся к принесению бескровной жертвы. Диакон произносит просительную ектению, священник тайно читает молитву приношения, хор вторит возгласам диакона словами: «Господи, помилуй» и «Подай, Господи».

Священник из алтаря возглашает: «Мир всем».

Мир душевный должен выражаться во взаимной любви. К ней призываются верующие словами диакона: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы (единодушно выразим свою веру)».

Далее следует подробное исповедание православной веры – идет пение Символа веры.

В ознаменование Воскресения Христова открывается завеса Царских врат, священник отнимает возду́х от Святых Даров, напоминая этим священнодействием о камне, отваленном от дверей гроба Господня. Кроме того, открытие завесы Царских врат и снятие возду́ха с Честных Даров совершаются в знак того, что вера открывает тайны Божественной Премудрости.

Хор и молящиеся в храме поют Символ веры, начинающийся словами: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...». Далее следуют слова о вере в Сына Божия Иисуса Христа и в Духа Святого. Священник в это время поднимает и колеблет возду́х над Честными Дарами, что символизирует дыхание ветра, который предшествовал сошествию Святого Духа на апостолов.

Возглас священника «Горе́ име́им сердца» (то есть отрешимся от всего земного и устремимся к горнему, небесному) произносится перед самым началом Евхаристии. Священник в своей молитве от лица всех верующих прославляет величие Божие, благодарит за сотворение мира и человека, за искупление грехов человеческих Сыном Божиим и за все милости, явные и тайные.

Следует длинная Евхаристическая молитва, затем возношение Святых Даров. Диакон или сам священник, крестообразно сложив руки, берет правой рукой дискос, а левой – потир, возвышает их над престолом, а затем снова поставляет на место. Это священнодействие является возношением Святых Даров в жертву Богу от всех верующих. Хор поет: «Тебе поем, тебе благословим, тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш».

Трижды преклонившись перед святым престолом, священник благословляет Святой Хлеб, затем Святую Чашу, потом Святые Дары вместе.

Идет прославление Божией Матери и молитвенное поминовение святых угодников, а также поминовение живых и усопших.

По освящении Святых Даров молящиеся приготавливаются к причащению. Диакон, испрашивая благословения священника, исходит из алтаря на солею северными дверьми для произнесения просительной ектении, священник тайно молится, чтобы Гос-

подь сподобил молящихся причаститься святых тайн с чистой совестью, во оставление грехов, в наследие жизни вечной.

Священник закрывает Царские врата завесой, ибо алтарь во время причащения священнослужителей становится подобием Сионской горницы, в которой апостолы наедине со своим Учителем приняли причастие из рук его самого. Во время причащения священнослужителей у Царских врат ставится зажженная свеча.

Священник с особым вниманием и благоговением разламывает Святой Хлеб по надрезу на четыре части, произнося положенные по чину слова, кладет части Святого Хлеба на дискос крестообразно, затем берет частицу с буквами ИС (Иисус) и, сотворив ею знамение креста над потиром, опускает ее в потир со словами: «Исполнение Духа Святого».

Диакон, взяв ковш с теплотой (горячей водой), после благословения ее священником, крестообразно вливает теплоту в потир. Священник берет часть Святого Агнца с печатью ХС (Христос), и разделяет ее на частицы по числу причащающихся священнослужителей. После молитвы следует само причащение: священник дает диакону частицу Святого Тела, диакон принимает Святой Хлеб в ладонь правой руки, лежащей на ладони левой, целует подающую руку священника и отходит. Священник берет частицу Святого Хлеба левой рукой, полагает на ладонь правой, говоря: «Честное и Пресвятое Тело Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа преподается мне (имя), священнику, во оставление грехов моих и в жизнь вечную»...

Священнослужители тайно молятся, затем причащаются Тела Христова и из потира – Божественной Крови. Чтобы ни одна капля не упала, причащающиеся пользуются особым платом, один конец которого влагается за верхний передний край фелони, а вторым концом плата берут в руки потир.

Священник разделяет части Святого Агнца с печатью НИ и КА на столько частиц, чтобы было достаточно для всех причащающихся верующих, и опускает эти частицы в потир.

Диакон открывает Святые врата и принимает от священника Святую Чашу.

Диакон входит вместе со священником на солею, поднимает Святую Чашу вверх и возглашает: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Выход со Святыми Дарами знаменует явление Господа Иисуса Христа народу по Его Воскресении.

По окончании чтения молитвы причастники-миряне полагают земной поклон, подходят к Святой Чаше с благоговением,

крестообразно сложив руки на груди, и называют свои имена. У Чаши во избежание пролития Святой Крови креститься не полагается.

Священник, подавая лжицей (ложечкой) Святые Дары, возглашает: «Причащается раб Божий (имя) Честна́го и Свята́го Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную».

Хор поет: «Тело Христово приимите, Источника Бессмертного вкусите»...

Причастившись, верующие отходят и приемлют теплоту (питье).

После причащения священник ставит Святую Чашу на престол, с молитвами отирает дискос, покрывает Святую Чашу и складывает все предметы, используемые при причастии, в нужном порядке. Снова поются молитвы, и священник трижды кадит Святые Дары, и затем также с молитвами дискос и Святая Чаша переносятся на жертвенник, что знаменует Вознесение Господне, а кадильный фимиам – светлое облако, которое сокрыло от взора апостолов возносившегося Христа.

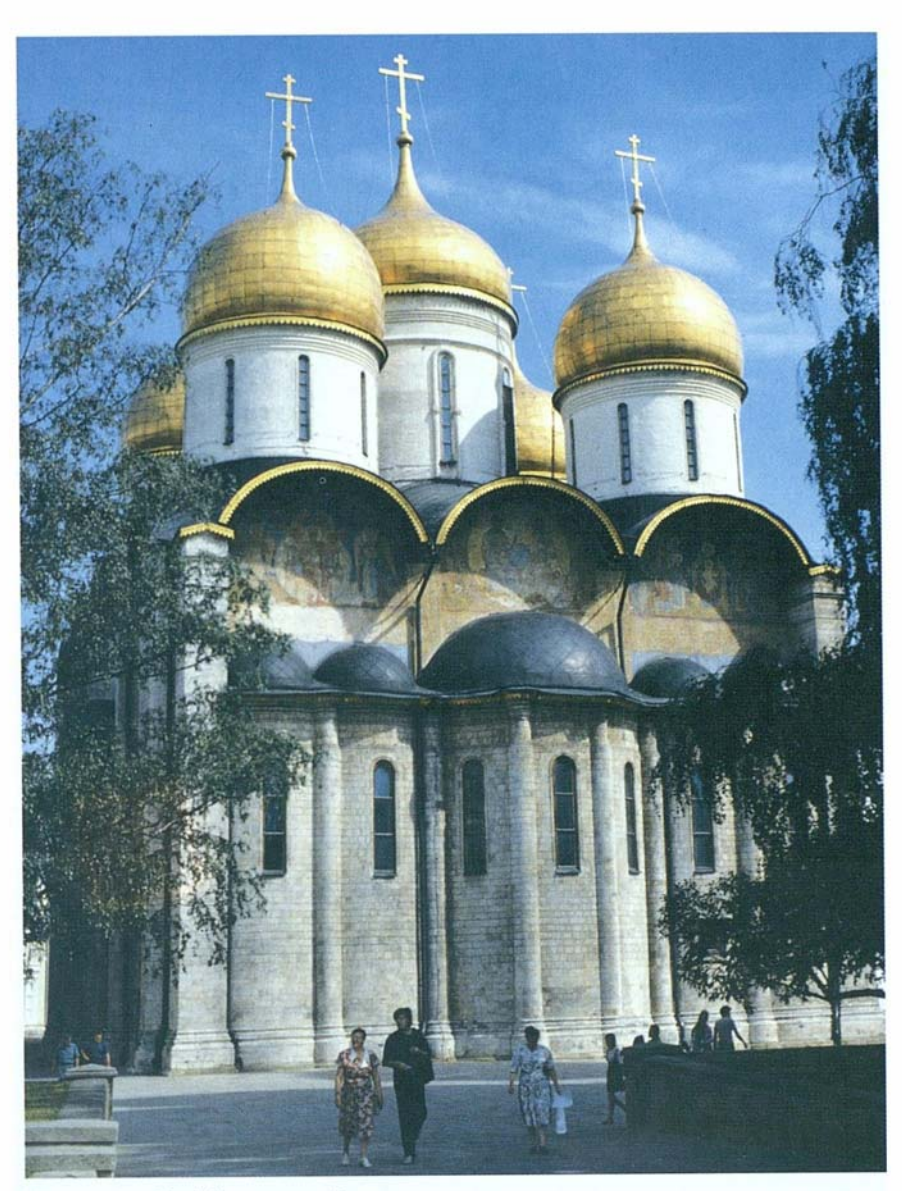
Закрывается антиминс. Хор поет благодарственную молитву Господу за то, что удостоил причаститься Святых Тайн. Диакон, выйдя на солею, читает ектению: «Про́сти (стоя прямо, с благоговением) приимше Божественных Святых Пречистых и Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Тайн, достойно благодарим Господа».

Литургия верных кончается. Священник после чтения молитв благодарения разрешает верующим выход из храма: «С миром изыдем». Священник произносит также отпуст, при котором хор поет многолетие Патриарху, митрополиту, других иереям, братии святого храма и всем православным христианам.

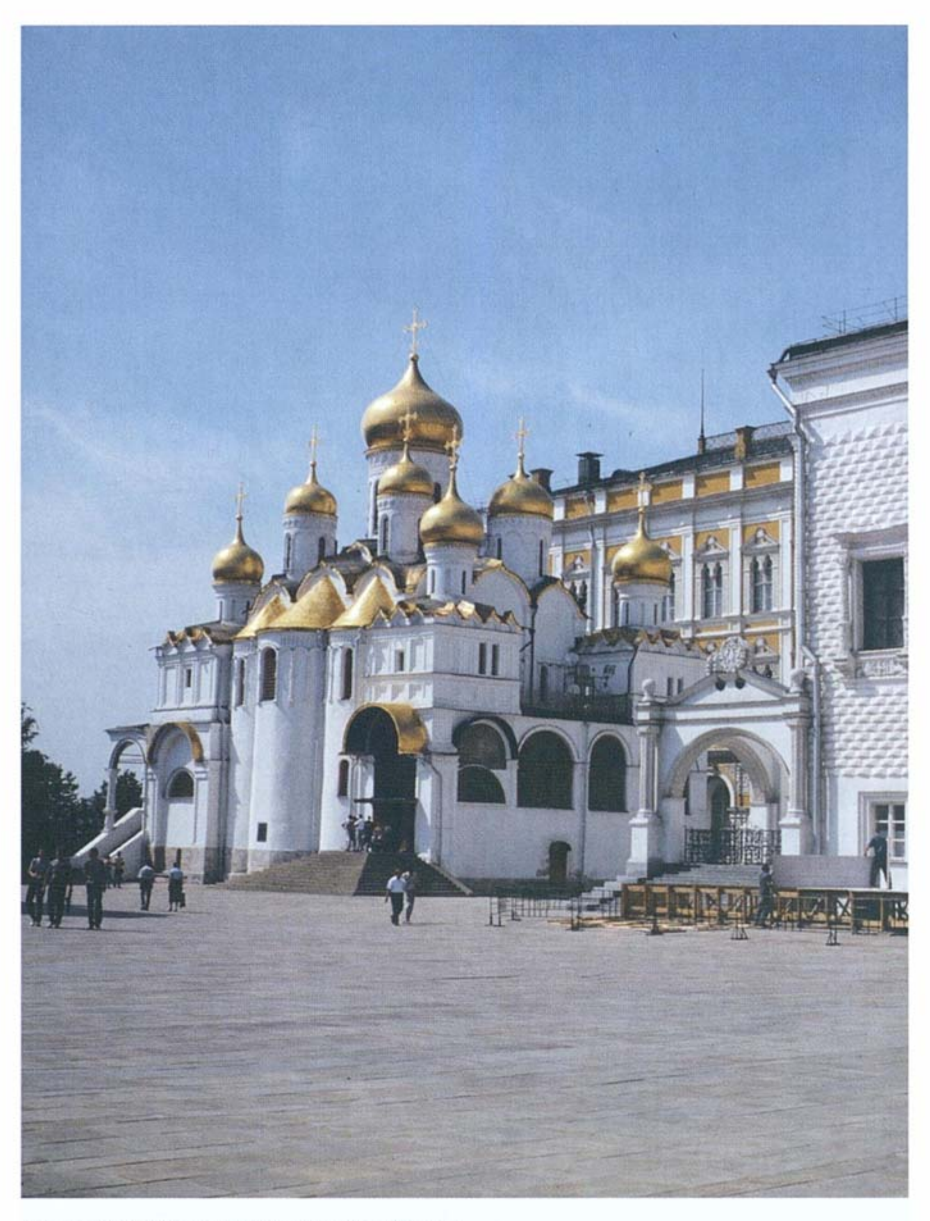
По обычаю перед отпустом священник берет Крест с престола и после отпуста, осенив Крестом оба хора и народ и сам поцеловав Крест, дает его для целования молящимся. После этого священник опять осеняет Крестом народ и возвращается в алтарь, причем Царские врата и завеса закрываются.

Божественной литургией завершается суточный круг богослужения православной церкви. Употребляются три чина Божественной литургии: святого Василия Великого, святого Григория Двоеслова (литургия Преждеосвященных Даров) и святого Иоанна Златоуста.

Божественная литургия святого Василия Великого совершается десять раз в году: в праздники Рождества Христова и Бого-

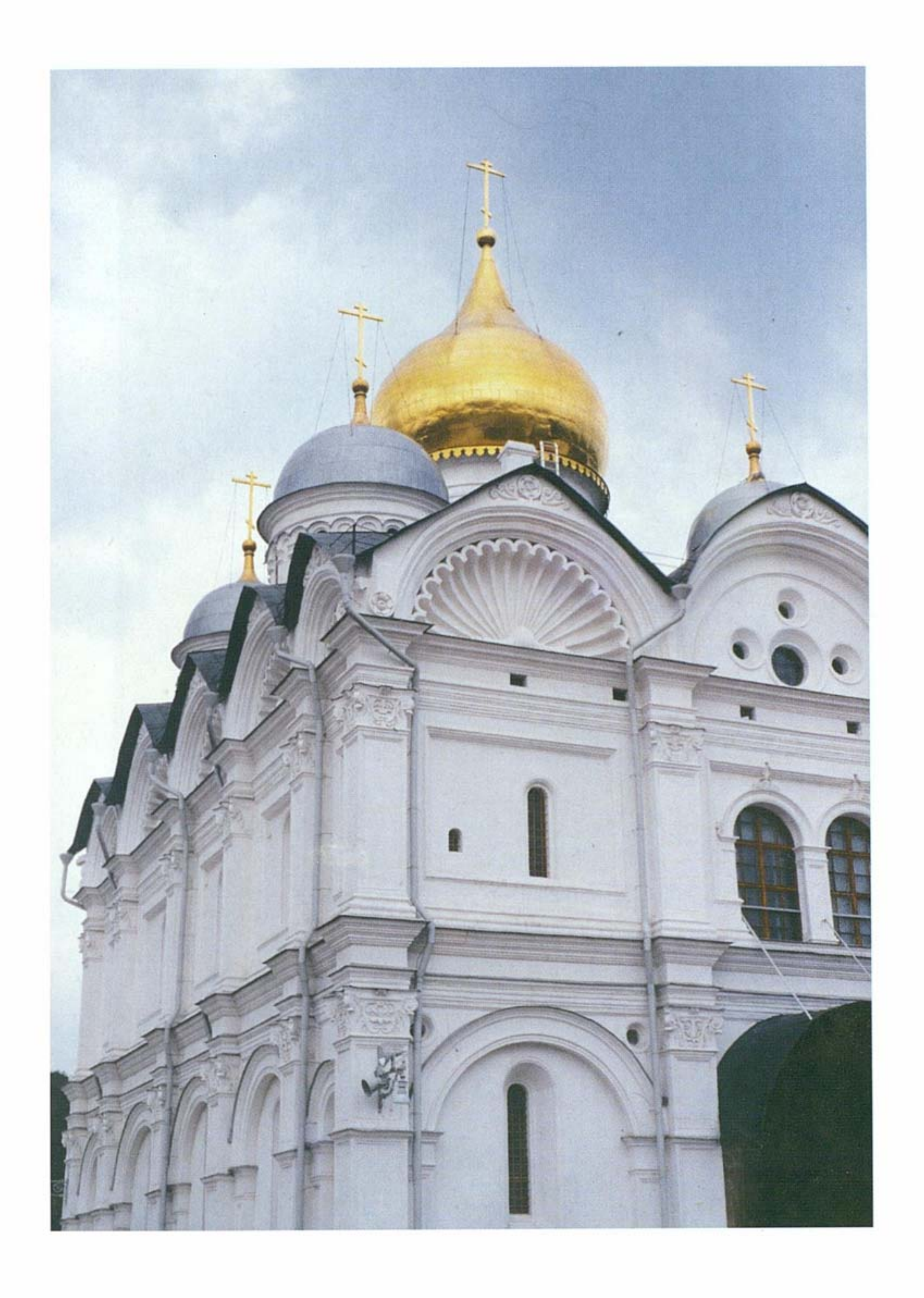

Успенский собор Московского Кремля

Благовещенский собор Московского Кремля

Архангельский собор Московского Кремля

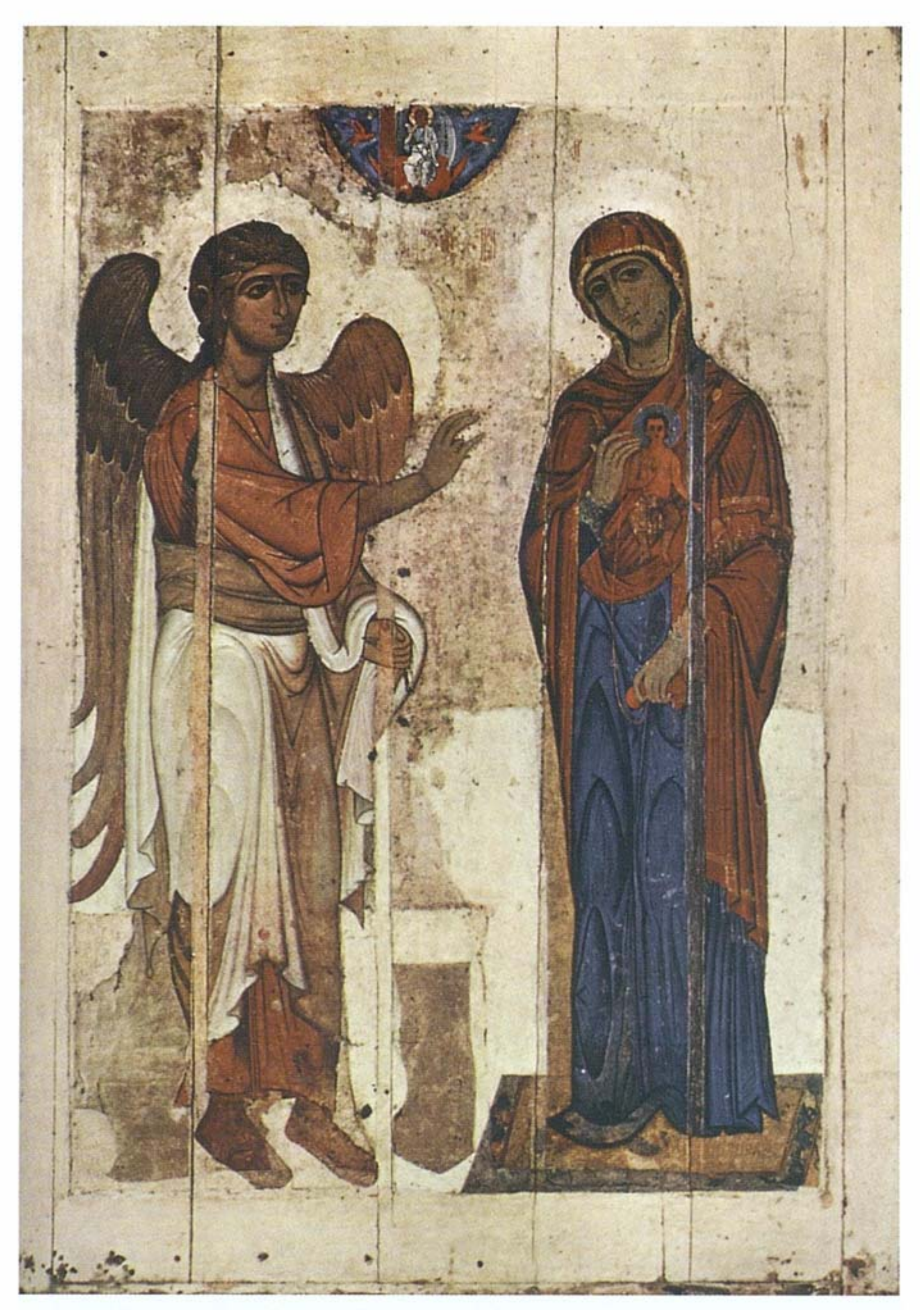

Богоматерь Владимирская. XII в.

Св. Димитрий Солунский. Мозаика. X в.

ΔΗ
ΜΗ
ΤΡΙ
ΟΥ

Благовещение Устюжское. XII в.

Фрагмент

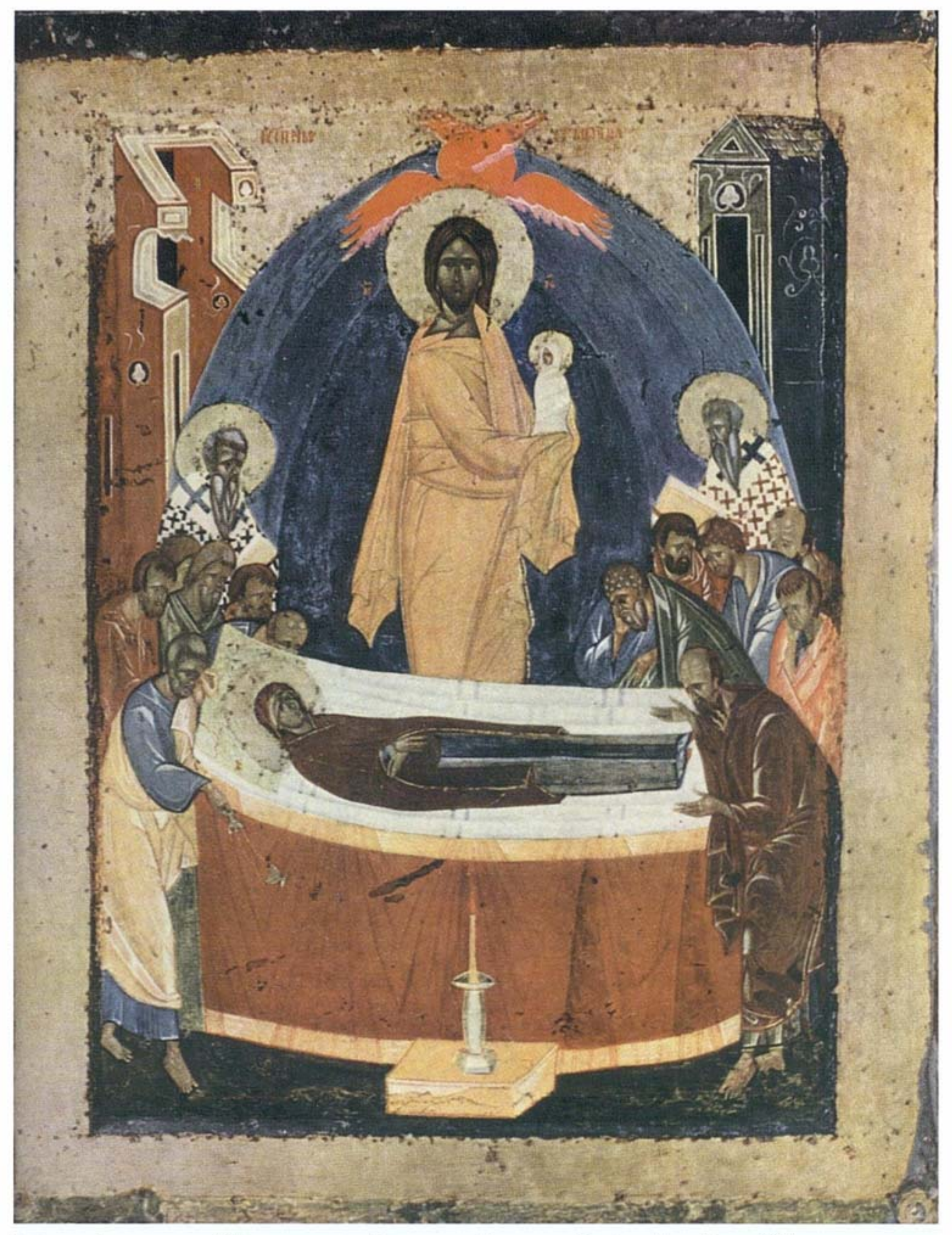

Никола в житии. XIV – XV вв.

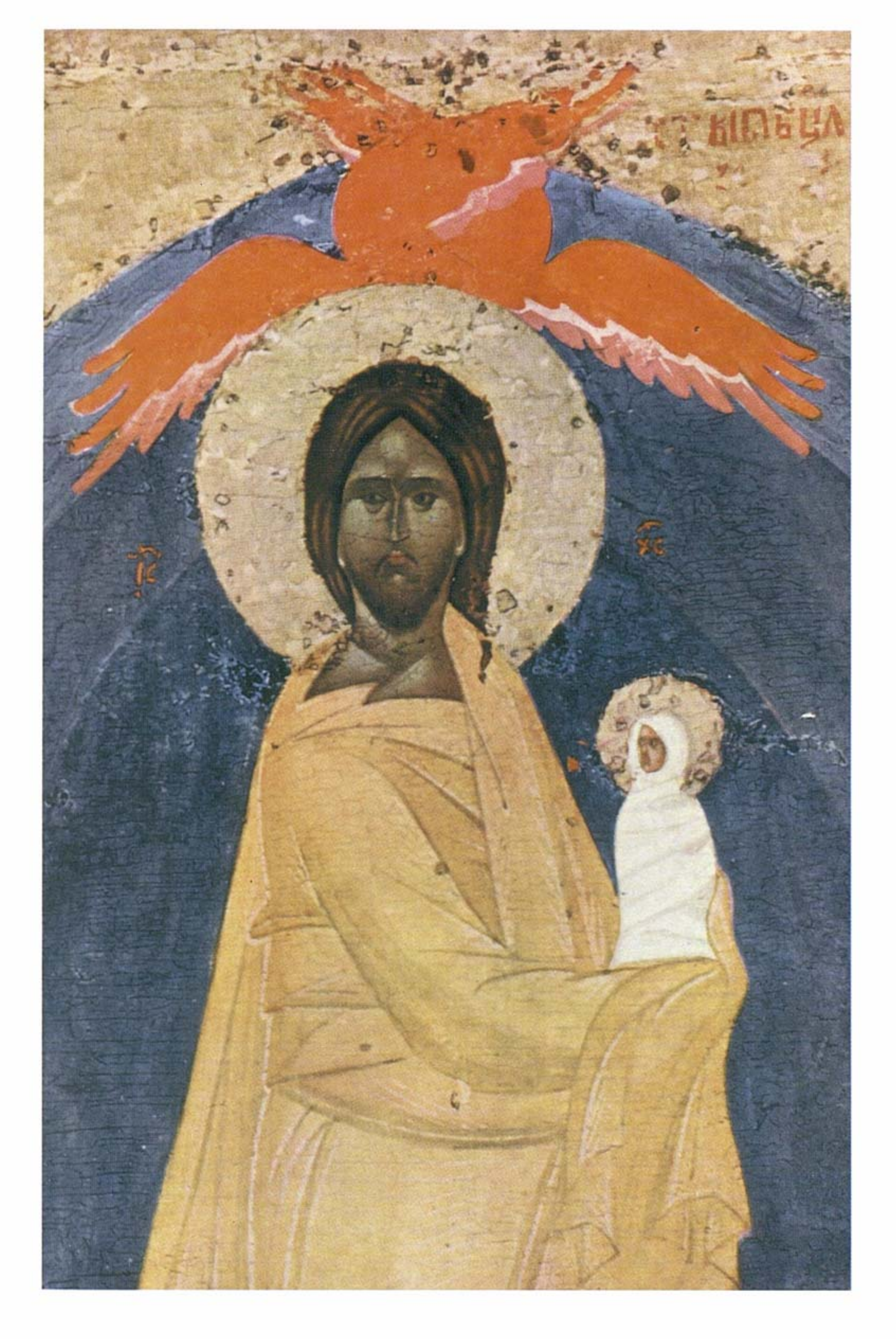

Богоматерь Донская. *Феофан Грек*. Конец XIV в.

Успение Богоматери. Оборот иконы «Богоматерь Донская». *Феофан Грек*. Конец XIV в.

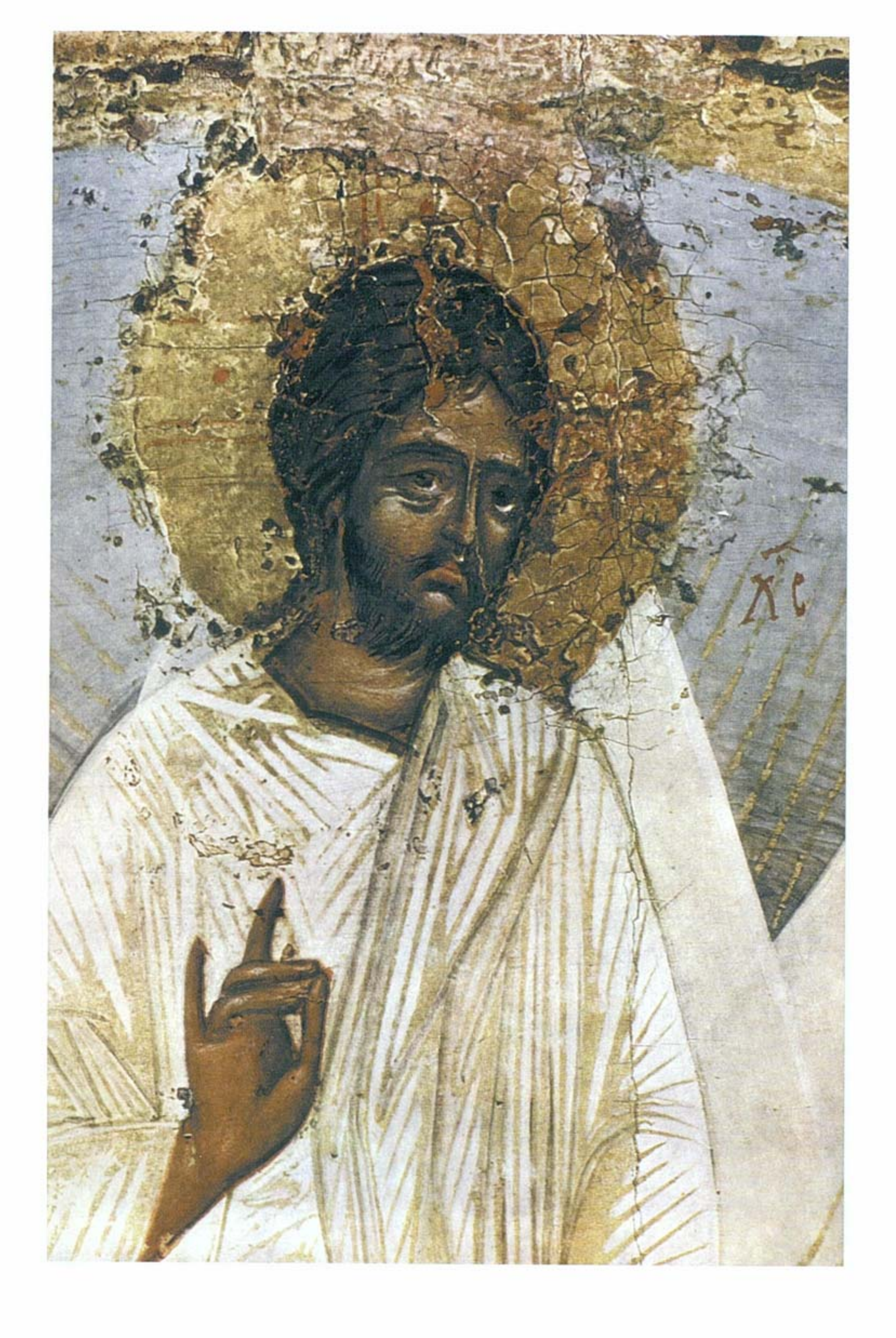
Фрагмент

Преображение. *Феофан Грек*. Конец XIV в.

Фрагмент

ХС

Снятие с креста. XV в.

Положение во гроб. XV в.

Св. Георгий. Конец XV – начало XVI вв.

явления, 1 января, в 1, 2, 3, 4 и 5 воскресенья Великого поста, в Великие Четверг и Субботу.

Литургия Преждеосвященных Даров совершается в дни Великого Поста, в понедельник, вторник и среду Страстной недели и в другие указанные Уставом дни.

Есть дни в году, когда не полагается совершать Божественную литургию, что связано с постами. Православный богослов Феодор Валсамон (XII в.) так объяснил это: «Постные дни учинены быть для плача и умиления, во очищение грехов каждого, приносить же Богу жертву есть торжество, а торжествовать не что иное, как веселие. Како убо может кто и плакать и купно радоваться?»[10]

Во все прочие дни совершается в церкви Божественная литургия святого Иоанна Златоуста.

Не случайно главная церковная служба связана с именами двух почитаемых церковью святых – Василия Великого и Иоанна Златоуста. Дело в том, что к III столетию почти каждая большая христианская община выработала свои канонические правила проведения литургии. Свои каноны существовали в Палестине, Сирии, Ма́лой Азии, Египте, Риме и т. д. В IV в. Василий Великий (ок. 329–379 гг.), епископ Кесарии Каппадокийской, один из «отцов церкви», собрал и создал определенное следование этой церковной службы, причем письменно изложил ее в строгой последовательности и соразмерности частей, со всеми употреблявшимися в ней молитвами. В Житии святого Василия Великого, приписываемом его современнику святому Амфилохию, епископу Иконийскому (344 г.), есть повествование о том, как Василий Великий составлял свою литургию. «Будучи епископом, он молился Богу о даровании благодати, мудрости и разумения, чтобы ему совершать приношение Бескровной Жертвы собственными словами, и так стал служить Богу, творя молитву каждый час дня и ночи. На седьмой день, придя в состояние особого воодушевления наитием Святого Духа, он узрел в видении Христа с апостолами. Предложив на жертвеннике хлеб и чашу, Господь сказал: «Да исполнятся уста твои хваления», и разрешил святому совершать приношение Бескровной Жертвы согласно с его желанием. После этого святой Василий Великий, приступив к жертвеннику, начал говорить и писать на пергаменте. «Да исполнятся уста мои хвалы, дабы мне воспеть твою славу, Господи Боже наш, сотворивший нас и приведший в сию жизнь», а также остальные молитвы Божественной литургии. По окончании молитв он вознес хлеб, усердно молясь и говоря: «Внемли, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, из святого жилища Твоего и

приди освятить нас, горé сидящий вместе со Отцем и здесь невидимо присутствующий с нами, и сподобить сильною Твоею рукою преподать нам и чрез нас всему народу Твоему Божественные тайны»... Затем записал другие молитвы. Когда святой разломил на три части хлеб, то одну из них со страхом и почитанием принял сам, другую сохранил, чтобы ее захоронили с ним, а третью положил в золотой ковчег и подвесил его над престолом».[11]

Немного позднее св. Иоанн Златоуст, константинопольский патриарх (с 398 по 407 г.), видный деятель восточно-христианской церкви, блестящий оратор, автор многих проповедей, псалмов и комментариев к Библии, составил свою литургию. Есть основание считать, что эта литургия была будничной литургией Константинопольской Церкви и сложилась постепенно, получив имя патриарха от составленных им центральных литургических молитв или от его евхаристической молитвы.

Однако наши чины литургии не соответствуют древним чинам, в них многое привнесено позже: изменился внутренний вид церкви, из ограждения древнего алтаря образовался иконостас, до слуха предстоящих стали долетать только концы молитв (возгласы). Появились гимны, молитвенно-разговорная форма древнего времени постепенно преобразовалась в песенную. Были вставлены новые гимны сложного распева, пение народа заменилось хором и певцами. В других частях литургии, как следствие тайного произнесения некоторых молитв, умножились ектении, внесенные и для заполнения пауз между возгласами предстоятеля и чтобы сделать известным то, о чем молится священник.

Литургия Преждеосвященных Даров отличается от литургии Василия Великого и литургии Иоанна Златоуста тем, что на ней не бывает проскомидии и освящения Даров. Святые Дары уже освящены прежде. Объясняется это так: «Святая Четыредесятница* – время сокрушения о грехах, совершенных нами,... время духовной скорби и самоуничижения перед Богом. Поэтому Святая Церковь, чтобы не смешивать печали с торжеством, самоуничижения с дерзновением, не дерзает совершать в это время полную Божественную литургию, а утешается и укрепляется лишь Преждеосвященными Дарами».[12]

О Божественной литургии писали не только многие священнослужители и богословы, но и светские писатели. Так, Николай Васильевич Гоголь посвятил этой главной церковной службе целую статью, отметив в заключение ее значение: «...для всякого, кто только захочет идти вперед

* Четыредесятница – Великий пост. Древнейшие из церковных писателей утверждают, что апостолы установили пост в 40 дней в подражание Моисею и Иисусу Христу, постившимся 40 дней

и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной литургии и внимательное слушание: оно нечувствительно строит и создает человека», ибо является службой, «напоминающей человеку о святой, небесной любви к брату».[13]

в пустыне; отсюда древнейшее название главного и великого поста у греков – четыредесятница.

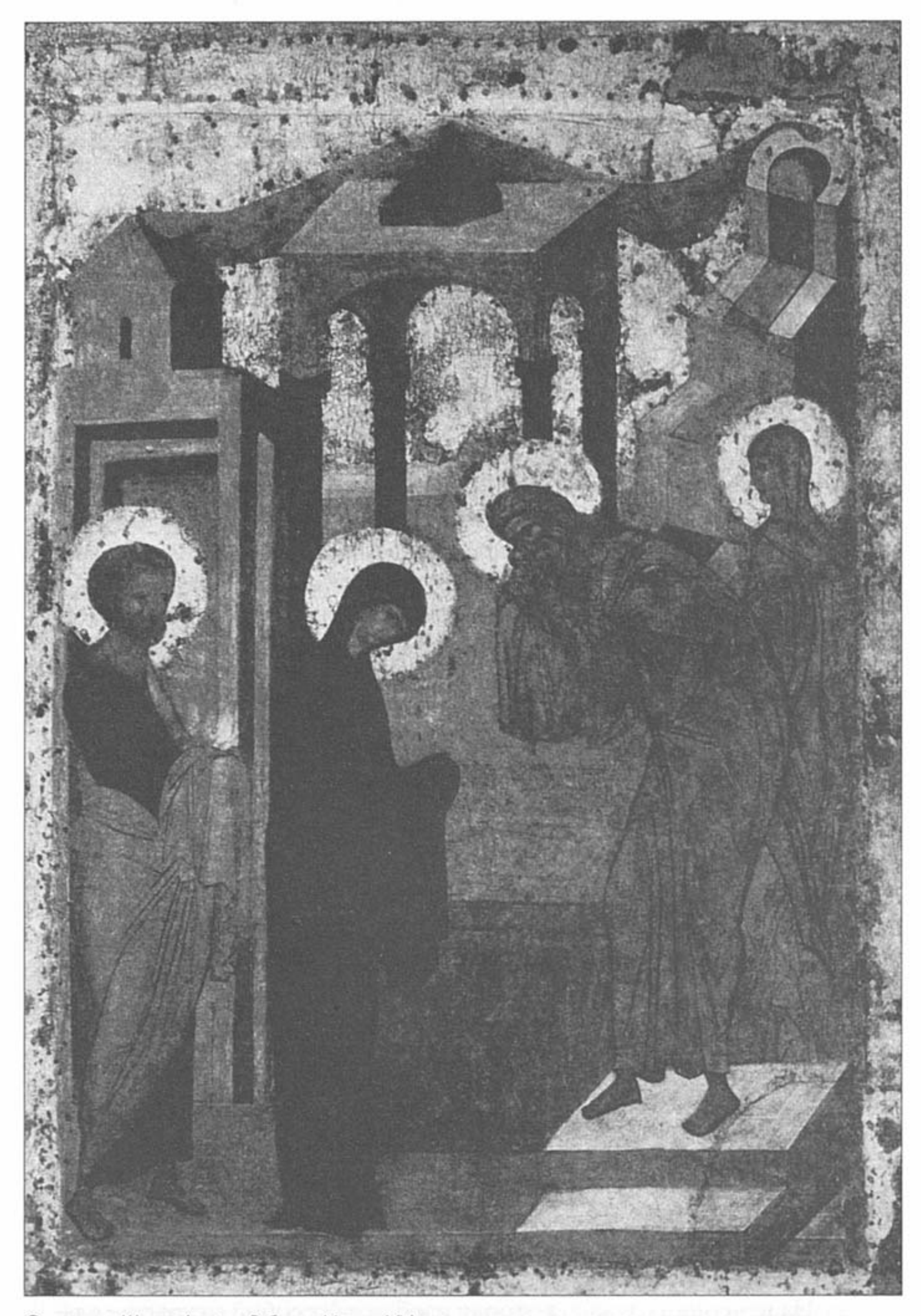
Православные церковные богослужения охватывают всю человеческую жизнь от рождения до смерти: в церковь несли младенца, чтобы крестить и дать имя, в церкви совершалось венчание, служители – иереи освящали новое жилище, благословляли в дальний путь, провожали оставивших земную жизнь. На все свои радости, на любое горе находили люди отклик в церкви, и храмы становились местом всеобщего моления в грозные, судьбоносные моменты истории.

Молитвы, произносимые в церкви, в большинстве своем известны всем верующим. Они собраны в специальные книги – «Молитвословы», и узнаются по нескольким первым словам. Так, есть несколько молитв, которые находятся в святых книгах и которые обязан знать каждый верующий. Это прежде всего Господняя Молитва – «Отче наш», которая дошла до нас от Иисуса Христа. Евангелист Лука пишет, что когда Господь в одном месте молился и потом перестал, один из его учеников попросил научить их молиться. И тогда Иисус Христос дал им слова молитвы, которая ранее читалась так: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земле. Хлеб наш насущный даждь нам днесь: и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим: и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Молитва эта переводится так: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам грехи наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».[14]

Обязательны к каждодневному чтению такие молитвы, как «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь»; тридевятое: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас» (повторяется трижды).

Молитва Пресвятой Богородице: «Богородице, Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою: благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

На вечерней службе, которая изображает собой открытие славы и премудрости триединого Бога, сотворение им мира и чело-

Сретение. *Школа Андрея Рублева.* Икона XV в.

века, жизнь прародителей в раю и изгнание из рая, в определенный момент раздается возглас священника: «Слава святей, и единосущной, и животворящей, и нераздельной Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков...».

Часто звучит в церкви и умилительная песня святого Симеона Богоприимца «Ныне отпущаеши»... В Евангелии говорится, что когда Христос родился, в положенный срок понесли его в храм Божий в Иерусалим, «чтобы представить пред Господа».

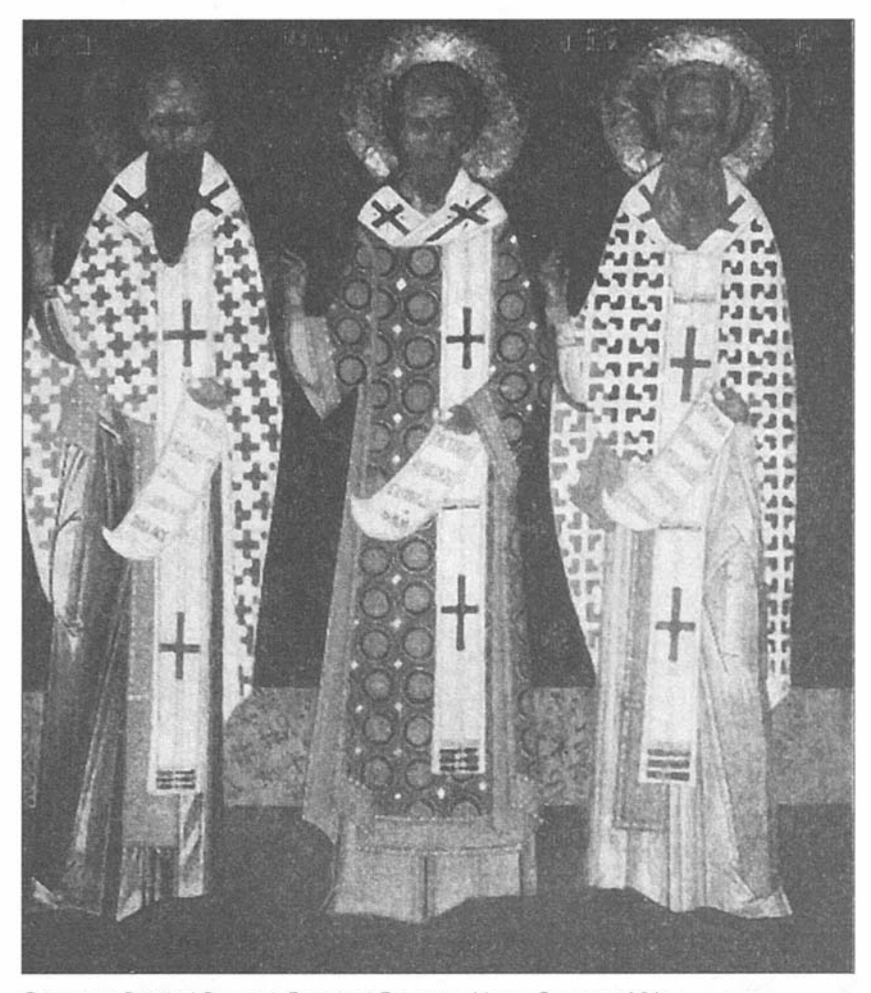
Евангелист Лука повествует, что жил тогда в Иерусалиме человек по имени Симеон и ему было предсказано Святым Духом, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня, Спасителя. Однажды, совсем глубоким старцем, пришел он по наитию в храм, и в этот же день родители принесли младенца Иисуса. Симеон взял ребенка на руки, благословил Бога и произнес слова, которые потом стали одной из церковных молитв: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром: яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение язы́ков (свет к просвещению язычников) и славу людей Твоих Израиля».

Большинство молитв написано св. отцами и учителями церкви: Василием Великим, Иоанном Златоустом, Ефремом Сириным, Иоанном Дамаскиным, Андреем Критским и другими. Молитва может быть общая, церковная, или семейная, или индивидуальная. Кроме известных молитв, выученных наизусть, произносятся свои, идущие от души молитвы. Молитва за других людей – неотъемлемая часть общего молитвенного правила, и хорошо сказал об этом поэт А.К. Толстой:

«Просить с верой у Бога, чтобы Он отстранил несчастье от любимого человека, – не есть бесплодное дело, как уверяют некоторые философы, признающие в молитве только способ поклоняться Богу, сообщаться с Ним и чувствовать Его присутствие. Прежде всего молитва производит прямое и сильное действие на душу человека, о котором ты молишься, так как, чем более вы приближаетесь к Богу, тем более вы становитесь независимыми от вашего тела, и потому душа ваша менее стеснена пространством и материей, которые отделяют ее от той души, за которую она молится...» [15]

В конце молитв произносится слово «аминь», что значит – «истинно так».

При богослужении совершаются символические действия: крестное знамение, поклон, коленопреклонения, падение ниц,

Святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст. XV в.

благословение, которое преподает людям священник, ибо во время совершения церковной службы он как бы представляет собою образ Спасителя и осеняет молящихся знамением Креста, которое есть орудие спасения.

Возжигание свечей необходимо не только для освещения церквей, но и для усиления торжественности и радости службы. Огонь – это знак пламенной любви и веры к святому, перед образом которого ставится свеча.

Каждение, то есть воскурение фимиама, когда в специальном сосуде – кадиле сжигаются смеси благовонных трав и смол, выражает благоговение к святым, изображенным на иконах. Кадильный

дым, окружающий молящихся, означает благодать Божию, которая объемлет всех. При каждом богослужении епископ или священник благословляет кадило, произнося молитву, начинающуюся словами: «Кадило Тебе приносим, Христе Боже»... Во время литургии кадятся престол, весь алтарь, иконостас, священнослужители и все присутствующие в храме. Один из древних богословов так объясняет это каждение: «Священник... кадит престол, храм и всех, священным вещам, воздавая честь, как вещам Божественным, а предстоящих освящая. Поэтому, начиная со святого святых – престола, он кадит все по порядку, не просто воскуряя фимиам, но запечатлевая и освещая его, и через молитву принося и возносся его Христу с молением о том, да принято будет кадило горе́ и да ниспошлет нам благодать Святого Духа; таким образом, через фимиам мы приемлем благодать, и никто пусть не пренебрегает каждением».[16]

Во время службы происходит также окропление верующих святой водой, что должно напоминать о духовном очищении и духовной бодрости.

В православной церкви существует не только суточный круг богослужений, но и недельный. Так, в первый день недели, воскресенье, радостный день, вспоминается воскресение Иисуса Христа, в понедельник – небесные, бесплотние, ангельские силы, приветствование рождения Спасителя, во вторник – св. Иоанн Предтеча. Среда – напоминание о предании Иисуса Христа смерти, произошедшем в тот день. Четверг – воспоминание о св. апостолах, в этот же день поминается при богослужении св. Николай Чудотворец. Пятница напоминает о дне страданий Спасителя и его смерти. По субботам поминается Божья Матерь, Пресвятая Дева Мария.

В годичный цикл богослужений входят поминание мучеников и угодников Божиих, каждому из которых посвящен определенный день, а также так называемые праздники – дни торжества в честь и память особых событий, связанных с Иисусом Христом, Богоматерью, святыми.

Праздником праздников считается Пасха, день Воскресения Господня, которая не имеет строго постоянной даты и совершается в первый воскресный день после весеннего полнолуния.

Праздник Пасхи (*евр.* – «прохождение, избавление») установлен в Ветхозаветной Церкви в память избавления еврейского народа от рабства египетского (Исх 12, 24). У древних евреев она была неподвижным праздником и праздновалась с 14 по 21 чис-

ло месяца нисана, что почти соответствует нашему марту. В Новозаветной Церкви Пасха празднуется в память Воскресения Господа Иисуса Христа.

Богослужение начинается совершением Полуночницы, затем следует пасхальная утреня. Священнослужители одеты особенно нарядно. Эту службу в главном храме – патриаршем – совершает сам Патриарх. Одна из особенностей пасхальной службы – крестный ход, который совершается вокруг храма.

Двенадцать часов ночи. Все священнослужители в полном облачении становятся по чину у престола. Горят свечи у совершающих богослужение, горят свечи в руках у молящихся. Начинается крестный ход, во время которого певцы непрерывно поют стихиру «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангела поют на небесах, и на земле сподоби чистым сердцем Тебе славити». Впереди несут фонарь, за ним – запрестольный крест и запрестольный образ Божьей Матери. Далее попарно следуют хоругвеносцы, певцы, свещеносцы со свечами, дьяконы со свечами и кадильницами, священники. В последней паре священников тот, кто идет справа, несет Евангелие, а идущий слева – икону Воскресения. Завершает шествие предстоятель с трисвещником и крестом в левой руке.

Непрерывно трезвонят колокола. Крестный ход движется вокруг храма. Праздник Пасхи, установленный в честь Воскресения Иисуса Христа из мертвых, отдельными частями своими напоминает некоторые эпизоды того воскресного дня, бывшего почти две тысячи лет тому назад. Крестный ход символизирует жен-мироносиц, которые рано утром пошли ко гробу Спасителя, чтобы помазать миром Тело Иисуса Христа.

Обойдя вокруг церкви под непрерывный звон колоколов, крестный ход останавливается у западных дверей, которые на это время затворяются: это напоминает положение жен-мироносиц, которые получили первую весть о воскресении Господа у дверей гроба. Трезвон прекращается.

Священник кадит иконы и присутствующих, и его возгласом: «Слава Святей, и Единосущной, и Животворящей Нераздельной Троице» – начинается утреня. Храм освещается множеством огней, и все поют главное песнопение – тропарь праздника: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Отверзаются церковные двери, и крестный ход входит в храм при пении «Христос воскресе»...

Пасхальная служба длинная и торжественная. Непрерывно звучат различные песнопения, а в конце священнослужители хри-

стосоваются между собой и с верующими с возгласами: «Христос воскрес» – «Воистину воскрес». Читается огласительное слово св. Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, затем предстоятель с крестом в руках, выйдя на солею вместе со всеми сослужившими ему, произносит пасхальный отпуст.

За утреней следуют пасхальные «часы» и литургия. Издавна пасхальная служба производила большое впечатление на человека своим торжественным и строгим величием, всем чинопоследованием, особым богатством церковного убранства и одежд священнослужителей. Она умягчала души, возвышала человека, будила в нем особое чувство любви и близости ко всем окружающим. Это отмечал и Лев Николаевич Толстой в своем романе «Воскресение»:

«Всю жизнь потом эта заутреня осталась для Нехлюдова одним из самых светлых и сильных воспоминаний».

Пасхальная утреня для героя романа, да и для самого великого русского писателя – это радость, доходящая до восторга, это всеобъемлющая любовь и отдание себя во власть светлым христовым чувствам.

Вспомним эти строки...

«Когда он [Нехлюдов] в черной темноте, кое-где только освещаемой белеющим снегом, шлепая по воде, въехал на прядущем ушами при виде зажженных вокруг церкви плошек жеребце на церковный двор, служба уже началась.

...Церковь была полна праздничным народом.

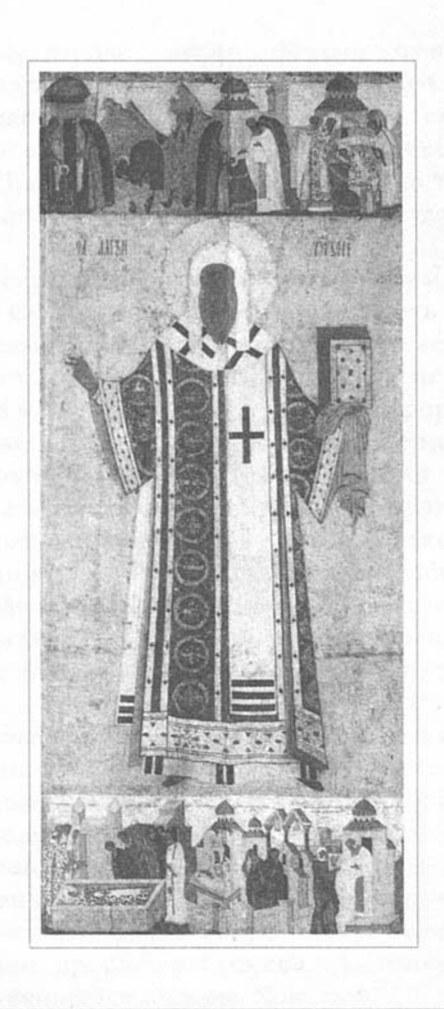
С правой стороны – мужики: старики в домодельных кафтанах и лаптях и чистых белых онучах и молодые в новых суконных кафтанах, подпоясанных яркими кушаками, в сапогах. Слева – бабы в красных шелковых платках, плисовых поддевках, с ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными, пестрыми юбками, в ботинках с подковками. Скромные старушки в белых платках, и серых кафтанах, и старинных поневах, и башмаках или новых лаптях стояли позади их; между теми и другими стояли нарядные с маслеными головами дети. Мужики крестились и кланялись, встряхивая волосами; женщины, особенно старушки, уставив выцветшие глаза на одну икону с свечами, крепко прижимали сложенные персты к платку на лбу, плечам и животу и, шепча что-то, перегибались стоя или падали на колени. Дети, подражая большим, старательно молились, когда на них смотрели. Золотой иконостас горел свечами, со всех сторон окружавшими обвитые золотом большие свечи. Паникадило было уставлено свечами, с клиросов слышались развеселые напевы добровольцев – певчих с ревущими басами и тонкими дискантами мальчиков.

...Все было празднично, торжественно, весело и прекрасно: и священники в светлых серебряных с золотыми крестами ризах, и дьякон, и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихарях, и нарядные добровольцы-певчие с маслеными волосами, и веселые плясовые напевы праздничных песен, и непрестанное благословение народа священниками тройными, убранными цветами свечами, с все повторяемыми возгласами: «Христос воскресе! Христос воскресе!» Все было прекрасно, но лучше всего была Катюша в белом платье и голубом поясе, с красным бантиком на черной голове и с сияющими восторгом глазами...»

Глядя на девушку чистыми влюбленными глазами, Нехлюдов видел «на всем ее существе две главные черты: чистота девственности любви не только к нему, – он знал это, – но любви ко всем и ко всему, не только хорошему, что только есть в мире, – к тому нищему, с которым она поцеловалась.

Он знал, что в ней была эта любовь, потому что он в себе в эту ночь и в это утро сознавал ее, и сознавал, что в этой любви он сливался с нею в одно»...[17].

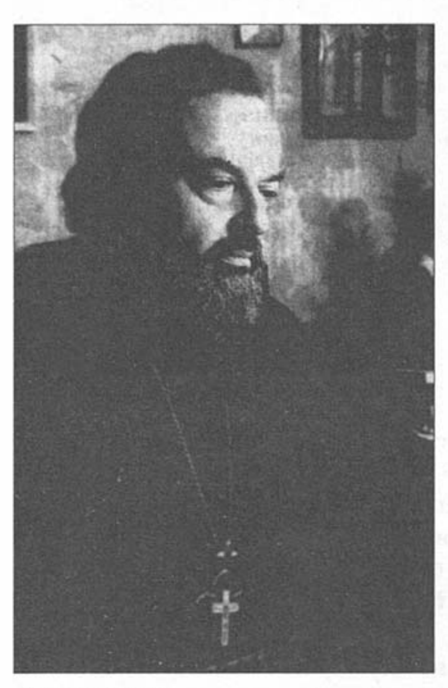
ПАСТЫРИ

В подмосковном городе Пушкино, недалеко от широкого нового Ярославского шоссе, ведущего в Троице-Сергиеву лавру, есть местечко Новая Деревня. Здесь стоит небольшая сельская деревянная церковь – место, где двадцать лет служил священник Александр Владимирович Мень, служил до тех самых пор, пока сентябрьским утром 1990 года не был убит ударом топора по дороге к храму.

В ту воскресную рань он спешил на службу и шел от своего дома в поселке Семхоз к станции, чтобы успеть на электричку в сторону Москвы. Неширокая хоженая тропа вела через лесок к платформе, но до станции отец Александр не дошел: чья-то злодейская рука нанесла ему удар по голове. Прорубленная шляпа упала в траву, а сам отец Александр повернул к дому. Его жена, открыв окно, услышала стоны у калитки. Бросилась через сад, увидела лежащего в кровавой луже мужчину, но не хотела, не осмелилась заглянуть ему в лицо. Только когда уже вызвали «скорую помощь», когда появилась милиция, она поняла, какой беспощадный удар приготовила судьба: отец Александр умер около собственной калитки, умер от страшной раны, ничего не сказав о том, кто же встретился ему в то последнее утро на дороге.

Похороны священника Александра Меня показали, как горячо он был любим и уважаем своей паствой, всеми теми, с кем он хоть раз сталкивался в жизни. Лишь после смерти отца Александра, когда до нас дошли его творения, большинство людей, незнакомых с ним лично, осознало, что «это был человек необыкновенной одухотворенности, который вел подвижническую жизнь и закончил ее мученически. Но на крови мучеников, как известно с древних времен, прорастают семена христианского благочестия, растет и укрепляется церковь Христова».[1]

Александр Мень

Человек необычайных знаний, энциклопедической эрудиции, отец Александр живо интересовался всем новым в науке, искусстве, литературе. И все свои богатые знания, все свои таланты он отдал служению Богу. «Его целью было разрушить преграды, мешающие людям воспринимать Слово Божье», – писал француз Ив Аман в своей книге об Александре Мене.[2] Этому была посвящена вся писательская деятельность священника, этому было посвящено и его пастырское служение.

Александр Владимирович Мень написал много книг, но, к сожалению, ни одна из них не была опубликована в нашей стране при его жизни. Все они увидели свет сначала за рубежом, в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом», и только после его смерти в России вышли и «Сын человеческий», посвященный Иисусу Христу, и «Небо на земле», посвященное православной литургии, потом переделанное и получившее название «Таинство. Слово. Образ. Богослужение Восточной церкви»; и огромный труд по истории человеческих религий, состоящий из семи томов и объединенный общим названием «В поисках пути, Истины и Жизни».

Сам Александр Мень в одной из своих бесед с корреспондентом, озаглавленной «Интервью на случай ареста», так говорил о своих литературных трудах: «В своих книгах я стараюсь помочь начинающим христианам, пытаясь раскрыть на современном языке основные аспекты евангельского жизнепонимания и учения. Наша дореволюционная литература, к сожалению, не всегда понятна нынешним читателям, а иностранные книги обращены к людям с психологией и опытом иными, нежели наши. Поэтому постоянно существует нужда в новых отечественных книгах. Особенно для тех, кто недавно вступил на путь веры».[3]

Писать свою первую книгу об Иисусе Христе отец Александр начал еще в отроческом возрасте. Но лишь став старше годами, столкнувшись со своими современниками, лишенными религиозных знаний и религиозной культуры, он понял, как действитель-

но необходима такая книга. Он хотел рассказать людям своего времени о земной жизни Иисуса так, «чтобы они почувствовали себя ее свидетелями».[4] Сохранив живой, непосредственный стиль общения с читателем, отец Александр привлек все новые данные истории, археологии, библейской литературы, сочетая таким образом доступность и настоящую глубину повествования. Отрывки из книги «Сын человеческий» печатались с 1959 до 1962 гг. в «Журнале Московской Патриархии», но вышла она отдельным изданием только в 1968 г. за рубежом, в уже упомянутом издании «Жизнь с Богом», где печатались потом и все остальные труды русского священника и богослова.

Однажды отца Александра спросили, «что для него важнее – пастырское служение или создание книг. Он ответил, что не может отделить одно от другого. Книга для него была одной из форм служения, которому он посвятил всю свою жизнь: «Книга есть вещь, стрела, пущенная из лука. Ты отдыхай, а она за тебя потрудится».[5]

Но Мень не переоценивал свои работы; в письме к доктору, психологу и другу Владимиру Леви он говорил о своем писательстве: «У меня научный склад ума, а наука учит смирению. Ну сделал то-то и то-то. Ну одной книгой больше. Что это в сравнении с безмерностью задач?»[6]

И все-таки главное у отца Александра – это его пастырское служение. Читая и постигая труды великих философов, открыл он для себя сочинения русских религиозных мыслителей первой половины XX века, изгнанных из страны: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.О. Лосского, С.Л. Франка. Еще юношей увлекся Александр сочинениями русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900), который стремился к целостному христианскому видению мира, охватывающему все стороны жизни. Именно Вл. Соловьева позже называл отец Александр своим учителем, хотя и не все принимал в его трудах.

Стать священником Алик решил в двенадцать лет, даже отправился в семинарию на собеседование. Но инспектор сказал, что охотно примет его, когда тот станет совершеннолетним, а пока советовал заняться духовным самообразованием. Однако когда Алик в 1953 г. закончил школу, он уже самостоятельно прошел всю программу духовной семинарии, и потому решил сразу поступать в высшее учебное заведение. В разгул антисемитизма еврейского юношу не приняли бы в университет, и он выбрал Московский Пушно-меховой институт, где стал изучать любимую им с детства биологию. Студентом Александр сблизился со священником

Николаем Голубцовым (1900–1963), который служил в храме Ризоположения на Донской улице, и выбрал его себе в духовные отцы.

Между тем институт закрыли и студентов перевели в Иркутск, где Александр пробыл три года. Но закончить высшее учебное заведение ему не дали: из-за связей с церковью исключили с последнего курса под предлогом непосещения лекций. Талантливый юноша увидел в этом перст Божий, возвратился в Москву и по благословению своего духовного отца Н. Голубцова решил идти по церковному пути. Его представили викарному епископу, тот сразу же оценил таланты молодого человека и, несмотря на отсутствие духовного образования, Александра посвятили в сан диакона 1 июня 1958 г. Новопосвященный служитель отправился в приход около станции Одинцово, прослужил там два года, заочно учился в Ленинградской семинарии, а 1 сентября 1960 г. был рукоположен в священники. Хиротония* состоялась в Донском монастыре, и молодой священнослужитель был назначен вторым священником в церковь на станции Алабино, что в пятидесяти километрах от Москвы. Через год он стал настоятелем храма. Общительный, жизнерадостный и спокойный, отец Александр сумел наладить контакты со светской властью, и церковь, которая была в очень плохом состоянии, подверглась реставрации и ремонту, была украшена новыми иконами и настенной живописью. В это время у отца Александра уже была жена и двое детей, он жил в маленьком домике около церкви, в свободное время писал книги, устроившись летом в саду, а зимой в тесной комнате рядом со своими домашними.

* Рукоположение, таинство возведения в священнический сан. Правом совершения этого таинства обладают только епископы.

Маленькая община христиан, сплотившаяся вокруг отца Александра в Алабино, жила дружной семьей. Собирались вместе, обсуждали какие-то тревожащие всех вопросы, изучали Священное Писание, и некоторые из прихожан стали друзьями своего духовного отца на долгие годы.

Потом было место второго священника в Тарасовке, а затем такое же в Новой Деревне в Пушкино. Отец Александр перешел сюда летом 1970 г., а настоятелем этой церкви был назначен лишь в 1989 г., за год до своей смерти.

Двадцать лет служил отец Александр в Новой Деревне, в небольшом деревянном храме, освященном в честь Сретения Господня. Сюда к своему пастырю стекались люди со всей округи, а то и приезжали из Москвы. Сам он жил в Семхозе, и туда в любое время могли прийти нуждающиеся в его совете, в его помощи. Тот же Владимир Леви, один из его постоянных друзей, писал в воспоми-

наниях: «Если бы спросили: как чувствует себя душа, попавшая в рай? – я бы ответил: точно так, как в доме отца Александра. Ничего особенного, просто хорошо, как никогда и нигде. Свободно. Светло. Тепло. Ничего лишнего. Все заряжено чистотой... Волшебная гармония, надышанная хозяином, исходила из каждого уголка и предмета... Вокруг него все как-то само собой слагалось в порядок, все расцветало. Его любили животные, растения, вещи и, конечно же, книги. По его словам, они приходили к нему сами, в нужное время, как друзья и родные на день рождения».[7]

Но в основном отец Александр принимал у себя в приходе. Здесь рядом с церковью тоже находился маленький домик, где священнослужители, певчие могли приготовиться к службе, где ночевали, если богослужение заканчивалось поздно, где могли перекусить и побеседовать со своими подопечными. Здесь у отца Александра был маленький кабинетик, именно сюда приходили к нему те, кому он был так необходим.

«Если бы только эти стены умели говорить! – писал француз Ив Аман. – Сколько мужчин и женщин, не веривших уже ни во что, обрели там смысл жизни! Сколько тех, кто потерял надежду, ушли отсюда с новыми силами! Сколько их, пространно рассказывая о своем прошлом, впервые исповедовали там свои грехи! Сколько тайно крестились и впервые осенили себя крестом, рукою тяжелой и напряженной, словно преодолевая какое-то физическое сопротивление».[8]

Об отце Александре Мене узнавали случайно, от знакомых, от родственников, выясняли, как пройти к храму, а затем наступал момент, когда уже нельзя больше откладывать, когда нужна встреча со священником, и в большинстве своем тайно, скрываясь от знакомых и даже близких, страждущие садились на электричку и ехали до Пушкино. Там пересаживались в автобус, потом шли по старой дороге, пока впереди не показывался голубой купол маленькой церкви. Трудно было людям, воспитанным в духе отрицания религии, войти в этот храм, трудно было подойти к священнику и попросить его о беседе, трудно было ему довериться. Но отец Александр не отказывал никому. «...С первых слов, которыми вы обмениваетесь, все опасения, вся недоверчивость рассеиваются. Перед вами друг, он вас слушает и он уже вас любит. С отцом Александром было связано множество людей, и тем не менее у вас оставалось чувство, что ваша с ним дружеская связь такая, как ни у кого другого. Даже если вы видите его очень недолго, даже если вы не один при встрече, у вас всегда найдется момент для истинной встречи один на один,

момент, в течение которого он будет весь обращен к Вам. В каждом видит он уникальную личность и любит ее уникальной любовью».[9]

Отца Александра иногда называли священником интеллигенции. Среди его прихожан и знакомых действительно были поэты, писатели, артисты, музыканты: Надежда Яковлевна Мандельштам, вдова известного поэта, пианистка Мария Вениаминовна Юдина, писатели Юз Алешковский и Владимир Файнберг. У него крестился известный поэт Александр Галич. Потом, когда Галич уехал из России, в эмиграции, тоскуя по своей стране, он написал стихотворение «Когда я вернусь». Там есть строчки и о маленькой церкви в Новой Деревне, с которой было связано столько воспоминаний:

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем –
Когда я вернусь,
О, когда я вернусь![10]

Никогда не пренебрегал отец Александр и простыми людьми. Как и во всех церквах, в его приходе было много старушек из Пушкино и окрестных деревень. Они посещали небольшой храм, слушали проповеди своего «батюшки», верили его молитвам, звали в свои семьи. И отец Александр причащал больных, соборовал умирающих, освящал дома, крестил, иногда тайно, чтобы не было у людей неприятностей на работе.

Сам он писал: «Будучи священником, я стремился сплотить приход, сделать его общиной, а не сборищем случайных малознакомых людей. Старался, чтобы они понимали друг друга, молились вместе, вместе изучали писание и основы веры, вместе причащались. Мне хотелось, чтобы вера не отгораживала их от жизни, не гасила умственных и культурных запросов, чтобы, став христианами, они стали духовно богаче, а не бедней, чтобы в них не слабел интерес к профессиональной и общественной деятельности, чтобы вера освящала все позитивные стороны их жизни. Я не хотел, чтобы их церковность носила ущербный характер... В этом я прошел хорошую школу у духовных наставников, которые направляли меня с юных лет».[11]

Митрополит Сурожский Антоний отмечал, что отец Александр стремился говорить с каждым человеком на его собственном языке, он хотел общаться с собеседниками на их собственном «поле», но тем не менее свою задачу – открывать человеку доступ к более широкому, более глубокому пониманию вещей – этот «батюшка» выполнял свято. «Он без страха, без стеснения вступал на почву инакомыслящего и бережно раскрывал перед ним горизонты, ему дотоле неведомые, пути, по которым он мог идти, не боясь себя осрамить, ибо если величайшие умы древности и современности, и писатели, и ученые, и философы, и политические теоретики и деятели могли быть верующими, то каждый имеет право на веру».[12]

То время было трудным. Гонения на церковь то утихали, то возобновлялись с новой силой, но никогда не прекращались окончательно, и отец Александр испытал на себе все тяготы тех лет. Несмотря на его необычайную популярность, а возможно, благодаря ей за ним следили, вызывали на бесконечные допросы в КГБ, у него устраивали обыски, его друзей арестовывали, отправляли в лагеря или высылали из страны. Но когда Александр Мень провожал за границу одного из своих друзей-писателей, он сказал ему: «Писателю надо жить дома; рукописи могут бродить где угодно, искать издателя, а наше место здесь. Люди ждут Слова».[13]

В последние два года жизни Александра Меня ситуация в стране резко изменилась. Неожиданно деревенский священник и одновременно проповедник с мировым именем стал нужен многим: у него брали интервью, его статьи печатались в газетах и журналах, его приглашали в школы, в студенческие аудитории, на конгрессы за границу и даже на телевидение. И он для всего находил время, жил напряженной, на пределе физических сил, жизнью, но ни от чего не отказывался, старался успевать всюду и нести свое пастырское слово всем, кто хотел его слушать. Он говорил, что раньше был посажен на короткую цепь, хотя и тогда удавалось что-то делать, «а теперь, подобно сеятелю из притчи, получил уникальную возможность разбрасывать семена. Да, большая часть их упадет на каменистую почву, всходов не будет. Но если после моего выступления пробудится хоть несколько человек, пусть даже один, разве это мало? Знаете, такое ощущение, что вскоре все кончится, по крайней мере для меня...»[14]

Да, предчувствие не обмануло отца Александра. Для него все кончилось быстро, слишком быстро. Кто направил топор того страшного человека, что повстречался с ним ранним утром 9 сен-

тября? Кто решил избавиться от неугодного священнослужителя, завоевывающего души других людей, приобщая их к Богу? Незадолго до гибели ему предложили вести еженедельные передачи по одному из каналов телевидения. Записать успели только четыре, их хотели пустить в эфир в начале учебного года. После его смерти эти кассеты оказались размагниченными... Техническая ошибка? Или сознательное уничтожение материалов людьми, не желавшими допустить распространение идей человека, которого столько лет пытались нейтрализовать.

Но, убивая отца Александра, те, кто надеялся на его забвение, ошиблись. «Вы для меня есть. Живой. Каждый час, каждую минуту. На все времена», – сказал писатель В. Файнберг, выражая чувства и мысли тысяч людей.[15]

Теперь протоиерей Александр Мень говорит с нами со страниц своих книг, говорит ярко, образно, живо, умно. Его слова приближают нас к Богу. «Именно потому, что отец Александр всеми силами старался возбудить в людях, в своих прихожанах, в своих духовных детях настоящую любовь ко Христу, его служение было столь плодотворным», – отмечал архиепископ Михаил (Мудьюгин).[16] Он же назвал отца Александра «пророком нового времени», и эти слова как нельзя лучше характеризуют священника, который был настоящим пастырем своего стада, мечущегося и ищущего дорогу к храму.

Отец Александр Мень был образцом духовного пастыря, одновременно являясь и богословом, и ученым-библеистом, и философом. Не каждому дано столько, сколько было дано ему. Однако и не обладая подобными талантами, каждый пастырь выполняет роль духовного наставника, а потому должен иметь «и твердую веру, и развитый ум, и живую совесть, и непритворную любовь к людям, и ревность об их спасении, и, наконец, интерес к здешней, земной их жизни».[17]

Профессор Киевской Духовной Академии В.Ф. Левицкий (1832–1911) дал такое определение пастырскому служению: «Священническое или пастырское служение есть особое, существенно необходимое служение в Церкви Божией, ведущее свое начало от Основателя Церкви, Господа Иисуса Христа, поручаемое избранным и освященным лицам, состоящее в строении Тайн Божиих, проповеди Слова Божия и попечительном руководстве людей в духовной жизни».[18]

Священство – одно из семи церковных Таинств. В таинстве священства рукополагаемый христианин получает особую благо-

дать Святого Духа, становится священнослужителем, через которого преподается спасающая благодать другим людям. Как и прочие христиане, священники должны молиться, исповедоваться, причащаться, но после рукоположения они сами получают право совершать Таинства, в том числе и Евхаристию, то есть причащение верующих Хлебом и Вином.

Священник – это лицо, которое состоит при храме и свершает все Таинства, кроме самого священства: Крещение, Миропомазание, Евхаристию, Покаяние, Брак и Елеосвящение. В церкви священник проводит литургию и другие богослужения: утреню, вечерню, всенощное бдение, молебны. По мере надобности богослужения могут совершаться и вне храма: в домах, на полях, на воде. Существуют специальные руководства для священнослужителей, которые определяют круг их обязанностей, церковные законы и правила, которым они подчиняются.

Благодатная способность совершать Таинства не зависит от личных качеств священника. Еще в IV в. святой Ефрем Сирин в своем «Слове о Священстве» говорил: «Если не знаешь о каком иерее, достоин ли он сана или не достоин, то не презирай его ради заповеди Христовой. Как не терпит вреда золото, если оно покрыто грязью, а также и самый чистый бисер, если прикоснется к каким-нибудь нечистым и оскверненным вещам, так подобно сему и Священство не делается оскверненным от человека, хотя бы принявший его и был недостоин».[19]

Возведение определенного лица в ту или иную степень духовного служения называется посвящением. Низшие служители храма: иподиаконы, чтецы, певцы, свеценосцы – посвящаются особым обрядом, хиротесией. Это так называемое руковозложение, и оно не дает благодатных даров, которые даются при Таинстве священства – хиротонии (рукоположении).

Есть несколько степеней священства: диаконы, пресвитеры (древнее каноническое название второй степени священства, у нас – священники), епископы. Посвящение в эти саны совершается в алтаре, во время литургии: хиротония диакона – после освящения даров, священника – после перенесения святых даров с жертвенника на престол, епископа – перед чтением «Апостола», древней богослужебной книги, содержащей в себе Деяния Апостолов и их послания.

Посвящение в священнослужители заключается в том, что архиерей (епископ, возглавляющий епархию) возлагает на преклоненную голову посвящаемого свою руку, читаются установленные молитвы, волосы на голове посвящаемого постригают-

ся крестовидно и на него надевается соответствующая церковная одежда.

При хиротонии в диаконы посвящаемого приводят к Царским вратам, где он стоит, пока в алтаре провозглашаются необходимые молитвы; затем его трижды обводят вокруг престола, архиерей возлагает на его голову край омофора, правую руку и произносит совершительные слова таинства. Затем следует ектения (прошение) о новопосвященном, архиерей полагает ему на плечи орарь, надевают поручи, и клир трижды поет «аксиос» – достоин.

При посвящении в священники после совершительной и других молитв посвящаемому дается епитрахиль, фелонь и «Служебник», в котором определены все обязанности священника.

Рукоположению в епископы предшествует «наречение» в Священном Синоде, где читается указ об избрании, а само рукоположение совершается двумя или тремя епископами, ибо все епископы равны между собой и один не может посвящать равного себе. При хиротонии в епископы посвящаемый дает обеты соблюдать каноны апостолов, семи вселенских и различных поместных соборов, повиноваться Священному Синоду, охранять церковный мир, не входить в дела других епископов, управлять вверенной паствой в страхе Божием, ничего не делать вопреки священным правилам по принуждению сильных мира сего, никого без крайней нужды не предавать анафеме, ежегодно обозревать епархию, с противниками церкви поступать кротко и благоразумно, не вмешиваться в мирские дела, но использовать свою власть и авторитет для защиты невинных и угнетенных. При самом посвящении будущий епископ становится на колени перед престолом, положив на него крестообразно руки, а на них – голову. Архиереи возлагают ему на голову раскрытое Евангелие, затем свои правые руки, читается молитва посвящения.

Посвящаемого одевают в саккос, омофор, панагию, митру и поют «аксиос» – достоин.

Надевая саккос – верхнюю одежду, заменяющую фелонь, архиерей должен помнить, что это одежда покаяния, она напоминает о той ризе, в которую был облачен Спаситель.

Архиерей в саккосе не должен гордиться высотою своего служения, а вспоминать унижение и смирение Господа. К саккосу привешиваются звонцы, которые означают благовестие слова Божия, исходящее из уст епископа. Саккос стал известным в Русской Церкви с начала XV в., когда Киевский митрополит Фотий привез его с собой из Греции. Во время патриаршества саккос принадлежал патриархам и митрополитам, а некоторым архи-

епископам давался как особая награда. С 1702 г. Петр I дает саккос в награду некоторым епископам, а с 1705 г. он становится общей одеждой всех епископов.[20]

Панагия теперь – это небольшая круглая икона Божией Матери, которая носится епископами на груди как знак архиерейского достоинства. При посвящении в епископы вручается также пастырский жезл.

Из множества книг и статей, написанных за двадцать веков о пастырском служении, и до сих пор выделяется сочинение святого Иоанна Златоуста (ок. 350–407). Он состоял в звании диакона в Антиохии и его хотели посвятить в епископский сан, но, желая избежать пресвитерского и епископского служения, Иоанн написал «Шесть слов о Священстве», изложенных в форме бесед со своим другом. В пастырском звании Иоанн Златоуст видит столь высокое служение, что страшится великой ответственности, которая ложится на человека, принявшего звание епископа. «Каков должен быть тот, – вопрошает св. Иоанн, – кто молится за целый город, за всю вселенную и умилостивляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших? Для такой молитвы я не считаю достаточным даже дерзновения Моисея и Илии. Священник так приступает к Богу, как будто ему вверен весь мир, и он есть отец всех... молить о прекращении повсюду войн, утишении мятежей, просить о мире, плодородии, скором устранении всех тяготеющих бедствий, частных и общественных. Он должен во всем столько превосходить всех, за которых просит, сколько защитник превосходит защищаемых... Какой потребовать от него чистоты и какого благоговения? Подумай, каковы должны быть руки, служащие этому, каков язык, произносящий эти слова?»[21]

Однако, несмотря на столь высокие представления о пастырском служении, а, может быть, и благодаря им, Иоанн в 386 г. был посвящен в пресвитерский сан. С этого времени начинается его настоящая проповедническая деятельность, за что его и прозвали Златоустом. Слушать своего пастыря стекались толпы народа; его богословские произведения не потеряли своего значения и до сих пор. Став архиепископом Константинопольским, Иоанн Златоуст боролся за претворение в жизнь своих взглядов, которые изложил ранее в «Шести словах о Священстве». Однако тогда, как и во все времена, часть духовенства не отличалась безупречным поведением и высокими нравственными качествами, и потому Иоанн нажил себе немало врагов. Духовенство было недовольно строгими взысканиями, что налагал архиепископ, высшие слои общества не любили его за постоянные обли-

чения. Созванный противниками Златоуста собор низложил его; новый собор признал решение предыдущего незаконным. Но Иоанн снова пострадал от козней своих врагов: он вторично был осужден собором, ему запрещено было совершать богослужения, и бывший архиепископ был сослан. Однако и в ссылке звучали речи неуспокоившегося старца, так что его решили отправить в самый отдаленный пункт империи на восточном берегу Черного моря. По дороге туда Иоанн скончался, но слово его и до сих пор живет в Православной Церкви. Звучит написанная им литургия Иоанна Златоуста, его труды читаются христианами, а «Шесть слов о Священстве» и ныне с благоговением и трепетом берут в руки те, кто готовит себя к великому пастырскому служению.

Слово «пастырь» в применении к духовнослужителям – древнего происхождения. Оно родилось в среде народа, исконно занимавшегося скотоводством. На Древнем Востоке цари называли себя пастырями, чье главное дело – собирать овец и заботиться о них. Этот образ часто встречается в Ветхом Завете. Причем пастырь – человек сильный, способный идти во главе, защищать свое стадо от всех неприятностей, любящий каждую овцу, берегущий слабых. Пастырем называют и Бога в Ветхом Завете, его отношения с народом предстают как отношения Доброго Пастыря и стада. «...Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойных», – говорит пророк Исайя (Ис 40, 11).

В Новом Завете Иисус Христос также часто предстает в виде Доброго Пастыря, недаром и в иконографии он сначала изображался в качестве молодого красивого юноши с овцой на плечах или сидящим на камне в пустыне в окружении стада овец. В Евангелиях от Матфея и Марка Иисус то являет заботу Бога о людях в образе пастыря, ищущего пропавшую овцу, то приходит на помощь овцам, не имеющим Пастыря (Мф 9, 36; Мк 6, 34).

Спаситель говорит о Себе, что Он послан «к погибшим овцам дома Израилева» (Мф 10, 6; 15, 24); Он предвещает гонения ученикам: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков» (Мф 10, 16). Святые писатели Нового Завета представляют Иисуса как «Пастыря овец великого» (Евр 13, 20), «Пастыреначальника» (I Пет 5, 4). Иисус по окончании Своей земной жизни передал пастырскую власть Своим апостолам. На каждого из них была возложена обязанность заботиться о своей пастве, а от них эта обязанность перешла к епископам и пресвитерам. «По примеру

Господа, – написано в «Настольной книге священнослужителя», – их долг искать заблудших овец (Мф 18, 12), «внимать себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил их блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян 20, 28).[22]

На протяжении всех веков существования христианства богословы постоянно подчеркивали ту мысль, что Христос – это Главный Пастырь и Великий Архиерей, возглавляющий все небесные иерархии и все земное Священство. Епископы же на земле все равны, их власть духовная, она простирается на душу человека и потому не может быть сравнима со светской властью. Еще евангелист Лука говорил о равенстве всех епископов между собой: «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий» (Лк 22, 25–26).

Простой люд, миряне также принимают участие в избрании епископов: в нужный момент рукоположения народ провозглашает свое «аксиос» – достоин. Святой Лев Великий, папа Римский († 461) писал: «Никто да не поставляется против воли и желания народа, чтобы народ, пережив принуждение, не возненавидел и не стал презирать нежелаемого епископа».[23]

Пресвитеров иначе называют священниками, ибо через посвящение они становятся святы Богу, и через них совершаются священнодействия в Церкви, прежде всего Таинства Тела и Крови Христовых. Но эта святость – не их личная святость. Это – святость Церкви, которая через них передает Божию Благодать чадам своим, это – святость Христа, в Которого они облекаются при совершении служб.

В церковной иерархии священнодействовать во всей полноте может лишь епископ. Пресвитер – помощник епископа, он тайно действует не во всей полноте, ибо не может совершать хиротонию; диакон же лишь служит при тайнодействии, но не совершает его. Священника еще именуют духовным отцом, что означает озаренность Святым Духом, проникновение в тайны Боговедения. Он – носитель Божественной Истины, о которой и свидетельствует всем своим служением.

Ярко и просто сказано о пастырстве в Посланиях первоверховных апостолов. Вот что говорил апостол Петр: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над насле-

дием *Божиим*, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (I Пет 5, 1–4).

«...Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте, – писал апостол Павел. – Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден. Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя» (I Тим 4, 12–16).

Апостольские требования и поучения о пастырском служении были развиты богословами греческой церкви, служителями и первоиерархами Русской Церкви.

Так, патриарх Пимен, обращаясь к начинающим свой путь пастырям – выпускникам духовных школ, говорил: «Горе тем, кому священство представляется только способом более или менее удобного устроения в земной жизни! Горе, если священник становится ремесленником, сводя пастырское служение до уровня формального требоисправления и устремясь в область излишних материальных стяжаний».[24]

Внимание к людям, знание их нужд, способность разделить с ними горе и радость – вот едва ли не главные черты священника. Предостерегая вступающих на этот нелегкий путь от заносчивости, гордости, пренебрежения к простым мирянам, тот же Святейший патриарх Пимен говорил: «Научитесь в людях почитать образ Божий и подобие – это оградит вас от многих ошибок в вопросе суждения о человеке».[25]

Во главе церковной иерархии стоит патриарх. Вначале в христианской церкви это были просто епископы, однако с IV в. среди них были определены главенствующие, названные митрополитами. Но уже в V в. окончательно были установлены пять главенствующих епископов или патриархов: Римский, Константинопольский, Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский. Для них была учреждена особая одежда, отличающаяся от облачения других епископов, они были независимы друг от друга и равны между собой.

В середине VII в., когда Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский патриархаты попали под власть мусульман, Константинопольский патриарх стал единственным патриархом Византийской империи, он назывался «вселенским патриархом» (с VI в.) и имел право высшего надзора за соблюдением церков-

ных канонов, право созывать соборы, посвящать в митрополиты. Когда турки захватили Константинополь и Византия пала, турецкое правительство сохранило власть патриарха над православным народом в Турции, вменив ему в обязанности и гражданские дела. В Турции патриархи часто менялись, их преследовали, даже приговаривали к смертной казни, но тем не менее патриаршество в Константинополе сохранилось до сих пор.

Сейчас, кроме Константинопольской, патриархи существуют в Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Сербской, Румынской, Болгарской церквях.[26]

На Руси патриаршество было учреждено в 1589 г. при царе Феодоре Иоанновиче. До того Русь была митрополией, зависимой от Константинополя. Митрополиты поставлялись из греков Византийским патриархом. Но Русь была далеко, и уследить за тем, что происходило там, было довольно сложно; да и сами русские князья стремились добиться того, чтобы митрополиты избирались из русских людей. Первым митрополитом из русских был Иларион (середина XI в.), однако благословение Константинопольского патриарха он все же испросил.

Между князьями и византийским патриархом происходили постоянные споры с изгнанием уже избранных митрополитов и возведением на митрополичью кафедру их соперников. В 1220 г. митрополичья кафедра была перенесена во Владимир, а затем, после митрополита Петра, который жил постоянно в Москве, кафедра также обосновалась в стольном граде. Это случилось уже при преемнике Петра митрополите Феогносте (1328–1353).

В 1453 г. Константинополь был захвачен турками, и Русская Церковь перестала зависеть от Константинопольского патриарха. А еще через пять лет, в 1458 г., произошло окончательное разделение русской митрополии на две – киевскую и московскую. Митрополиты пользовались на Руси огромным влиянием, они имели свой двор, свое войско и большой штат чиновников. При Петре I архиереев перестали возводить в митрополичий сан, но позже, при Елизавете, сан митрополита был возрожден.

Среди русских митрополитов было немало выдающихся людей. К ним относится и митрополит Петр, который вошел в историю тем, что отдал предпочтение Москве перед Владимиром, начал здесь постройку Успенского собора, завещал князю окончить его и похоронить себя в нем. И хотя митрополичья кафедра еще оставалась во Владимире, в святителе Петре «потомки недаром видят основоположника Московской державы», как сказал русский мыслитель Г.П. Федотов.[27]

Канонизирован, то есть возведен в ранг святых и святитель Алексий, являвшийся вторым русским митрополитом в Москве. Несмотря на свое духовное звание, этот человек обладал поистине государственным умом и, будучи фактически правителем при малолетнем Дмитрии Донском, умело вел зарождающееся Русское государство между Востоком и Западом, собирая национальные силы вокруг Москвы. Алексий пользовался большим личным влиянием в Золотой Орде, ибо своими руками исцелил от слепоты ханшу Тайдуллу. На Руси он искусно управлял готовыми в любой момент начать междоусобную войну князьями; пользовался своим высоким авторитетом и авторитетом преподобного Сергия Радонежского, чтобы мирить непокорных. Он высоко чтил «смиренную святость» Троицкого игумена и хотел сделать его своим преемником на московской кафедре. Однако великий пустынник отказался, считая себя недостойным занять митрополичий пост.

Может быть, более других нам памятен подвиг митрополита-мученика Филиппа, в миру Колычева. О нем стоит рассказать несколько подробнее, ибо Филипп – один из тех пастырей, что не убоялись грозной светской власти: он выступил против царя Ивана Грозного, а затем принял мученическую кончину от рук его слуги.[28]

Филипп пришел на митрополию из Соловецкого монастыря, где долгие годы был сначала простым иноком, а затем игуменом.

Когда Василий III умер и на престол взошел его трехлетний сын Иван IV, боярин Федор Колычев был в царском услужении и успел завоевать любовь и благоволение двора. Но служить при новом царе ему пришлось не очень долго. Боярину Федору было около тридцати, когда, придя однажды в церковь, услышал он слова, глубоко врезавшиеся ему в душу: «Никто не может двум господам служить...»

Историки отмечают, что уход будущего митрополита из Москвы случился после того, как начались гонения на бояр Колычевых, связанные с неудачным выступлением Андрея Старицкого против московской власти в 1537 г. Неизвестно, угрожала ли какая-нибудь опасность самому Федору Колычеву, но казни близких родственников, несомненно, как-то повлияли на его решение уйти в далекий северный монастырь, расположенный на Соловецких островах в Белом море.

В течение восемнадцати лет игумен Филипп заботился о процветании и благоустройстве обители и совершенно обновил ее. Сколько труда, сколько забот вложил он в это дикое место!

Житие митрополита Филиппа

Став игуменом, деятельный муж принялся за благоустройство обители, чтобы сделать необжитое место удобным для проживания. Он соединил между собой каналами островные озера, осушил топкие места, обратив их в пашни и пастбища. Он провел воду в монастырь, сделал плотины и устроил внутри обители водяную мельницу. Завел различные машины, фабрики, мастерские; для стока воды прорыл общий канал в море, на котором находилась корабельная верфь. Сделал просеки, проложил дороги, а внутри обители соорудил каменные здания, кельи для житья братии и посетителей-богомольцев, больницу, где немощные и престарелые могли спокойно закончить свои дни. Устроил Филипп поварни и скотный двор; при нем соляные и рыбные промыслы давали монастырю значительный доход.

Особую заботу проявил игумен о монастырских храмах: соорудив каменную церковь Успения Пресвятой Богородицы, решил он вместо деревянного Преображенского собора, возведенного еще преподобным Зосимой, построить новый каменный. Братия, видя его рвение, пыталась возразить: «Откуда имати злато на воздвижение великия церкви?» Но игумен призывал уповать на Бога, способного «подати от неоскудных его сокровищ». Стара-

ния соловецкого настоятеля не остались без внимания московских властей. Филипп стал хорошо известен царю, и государь жаловал обители новые земли, села и владения.

Ранней весной 1566 г., едва Белое море очистилось ото льда и стало возможным сообщение с берегом, на остров прибыли послы от великого государя Ивана Васильевича с грамотой к игумену Соловецкого монастыря Филиппу. Царь звал настоятеля далекой северной обители в Москву, как было сказано в грамоте, «для духовного совета».

В это время учрежденная царем опричнина была бичом государства. На опричников не было управы – царь доверял им безраздельно. Хозяйничая на Руси, эти слуги царевы и в Москве вольничали как хотели: разоряли и грабили земских, отбирали их имения и вотчины в свою пользу.

Кроткий и тихий характером митрополит Афанасий отказался от своего сана, не в силах прекратить этот разгул. На его место был призван казанский епископ Герман. Он потребовал отменить опричнину, долго беседовал с царем, «тихими и кроткими словами его наказуя», но результата не было. Приближенные убеждали государя не слушать казанского епископа. Герман, два дня живший в митрополичьих палатах, был изгнан из Кремля со словами: «Еще и на митрополию не возведен, а уже связываешь меня неволей».

Соловецкого игумена царь встретил приветливо, с особой честью, беседовал с ним дружески, объявил Филиппу, что тот назначается митрополитом, а за ним духовенство, князья, бояре провозгласили, что Филипп достоен «украшати престолы Соборныя и Апостольския Церкви царствующего града Москвы».

Филипп сначала не соглашался принять митрополичий сан, ибо считал себя недостойным такой чести, затем поставил условие: займет кафедру, если царь отменит опричнину. Тут отказался царь: не дело духовным властям в его государевы дела влезать! Иван настаивал на том, чтобы Филипп принял кафедру без всяких условий, ближние тоже уговаривали соловецкого игумена согласиться, ибо это был единственный способ хоть как-то воздействовать на грозного царя и утихомиривать его. Была подписана особая грамота, из которой видно, что за Филиппом оставалось лишь одно право – право печалования о невинных жертвах царского произвола.

25 июля состоялось торжественное поставление нового митрополита в Успенском соборе Кремля. Обращаясь к царю, Филипп еще раз подчеркнул свои требования: «Облекись одеждою

правды... подражай смирению отца своего... Не могу искренне благословлять тебя, видя скорбь отечества...» Царь снова было разгневался, но и на этот раз утишил свое недовольство, и Филипп стал первосвятителем.

Казалось, надежды оправдались. Опричнина присмирела, казней не было в течение полутора лет. Все благословляли митрополита и молили Бога, чтобы его благотворное влияние продолжалось как можно дольше. Филипп мудро правил паствой и церковью; рвался душой на Соловки, где уже без него произошло освящение нового каменного Преображенского собора; построил в Кремле небольшую церковь во имя Зосимы и Савватия Соловецких и обращался к этим чудотворцам с просьбами дать силы нести свой крест.

Однако спокойствие продолжалось недолго. Неудачный поход на Ливонию сделал царя мрачным и гневным; его приспешники постоянно пытались очернить Филиппа и других честных мужей; государь стал подозрительным, начались пытки и казни, и снова ужас обуял Россию.

Митрополит обратился к царю с увещеваниями; тот не хотел ничего слушать. Филипп умолял, просил, убеждал – все было напрасно. Справедливые слова святителя приводили Ивана в ярость, государь возненавидел митрополита.

Однажды в воскресенье (шел уже 1568 год), в час обедни, когда митрополит служил в Успенском соборе Московского Кремля, Иван Васильевич с приближенными боярами и опричниками вошел в храм. Это была черная толпа, в черных ризах, высоких черных шлыках. Находившиеся в церкви внутренне содрогнулись: царь-мучитель уже вызывал ужас.

Иван приблизился к митрополиту Филиппу, который стоял на своем месте, и остановился, ожидая благословения. Но митрополит смотрел на святые образа, не говоря ни слова.

Ему зашептали: «Святый владыко! Се государь, благослови его».

Филипп отвечал: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного, не узнаю и в делах царских... О государь! Мы здесь приносим бескровную жертву Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России их нет! Везде убийства – и совершаются именем царским!»

Царь вскипел: «Филипп, наше ли благодушие хочешь ты испытывать? Лучше б тебе быть единомышленным с нами». Но

митрополит продолжал: «Ты высок на троне, но есть Всевышний Судья наш и твой. Как предстанешь на суд Его? Обагренный кровью невинных, оглушаемый воплем их муки? Ибо сами камни под ногами твоими вопиют о мести!»

Государь произнес с угрозой: «Нашей ли державе являешься супротивником? Увидим крепость твою!»

Филипп ответил смиренно: «Не могу, государь, повиноваться велению твоему паче, нежели Божьему. Господня земля, а я только пришелец на ней и подвизаюсь за истину, хотя бы и лишился сана и лютейше пострадал».

Иван в страшном гневе ударил об пол жезлом: «Доселе я был кроток, но теперь вы узнаете меня!»

Он пошел к выходу, за ним приближенные бояре и опричники. На следующий день снова были казни, всех главных сановников митрополита взяли под стражу, пытали, выведывая тайные замыслы Филиппа.

Царь не решался, не осмеливался расправиться со святителем так, как расправлялся с ближними боярами. Он хотел предать митрополита суду и послал своих приближенных на Соловки собирать против Филиппа улики, дабы низвергнуть святителя с престола.

Прибывшие в монастырь действовали ласками и угрозами, посулами и мздой. Даже побоями пытались добиться нареканий на бывшего игумена. К чести иноков, никто не захотел сказать о нем ничего дурного. Напротив, говорили о непорочном житии Филиппа в обители. Братия помнила и любила своего добродетельного настоятеля.

Но нашелся один недостойный ученик, Паисий, который возвел хулу и напраслину на митрополита. Ему посулили епископский сан и взяли с собой в Москву, чтобы повторил свои слова перед царем.

Собор, созванный для суда над святителем Филиппом – одна из позорных страниц в истории Церкви и государства. Но он был, был этот суд, и участники свидетельствовали против митрополита Филиппа, и возносили на него хулу, и упрекали во многих грехах.

Соловецкому игумену Паисию Филипп напомнил изречение Священного Писания: «Что посеет человек, то и пожнет». А к царю обратился с такими словами: «Престань, о государь, от столь нечестивых деяний; вспомяни прежде бывших царей: как творившие добро ублажаемы по смерти, а зло содержавшие царство свое ныне не с благоговением вспоминаются. Потщися и ты подражать

благим нравам, ибо светлостию сана не умаляется смерть, во все вонзающая несокрушимые свои зубы...»

Митрополит Филипп отдал свой пастырский жезл, свой белый клобук и мантию и заявил, что лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония сего несчастного времени.

Однако царь заставил митрополита взять свое облачение и служить обедню в день архангела Михаила – 8 ноября.

Филипп в полном святительском облачении встал перед алтарем в Храме Успения. Тут явился боярин Алексей Басманов с вооруженными опричниками, стали читать свиток: собором духовенства Филипп был лишен сана митрополичьего. Воины вступали в алтарь (небывало!), сорвали с митрополита одежду святительскую, нарядили в рубище, выгнали из церкви и увезли на дровнях: уже был снег.

Больше недели сидел бывший митрополит в темнице, в оковах, терпел голод и холод. Иоанн прислал к нему отсеченную голову его племянника и велел сказать: вот твой любимый родственник, не помогли ему твои молитвы... Филипп встал, взял голову, благословил и возвратил принесшему.

Вскоре, опасаясь народного возмущения, Филиппа отвезли в Тверской Отрочь монастырь, а в Москве избрали нового митрополита Кирилла, который отныне не смел ни в чем перечить царю.

Прошло больше года... Иван Грозный направился со своей дружиной в Новгород, чтобы усмирить непокорный город. Путь его проходил мимо Твери. Вспомнил царь о сосланном митрополите и послал к нему свирепого опричника своего Малюту Скуратова, будто бы за благословением.

Филипп молился, когда вошел злодей и сказал: «Владыка святый, дай благословение царю идти на Великий Новгород».

«Благословляют только добрых и на доброе», – ответил Филипп и, догадываясь о замысле опричника, бросил ему: «Делай, что хочешь, но дара Божьего обманом не получишь».

Малюта задушил святителя, а игумену заявил, что Филипп умер от угара.

Через двадцать один год после смерти Филиппа, при царе Феодоре Иоанновиче, игумен Соловецкого монастыря и братия его обратились к государю с просьбой разрешить перенести тело святого из Отроча монастыря на Соловки. Царь разрешил, мощи бывшего митрополита, не тронутые тлением, были обретены в Твери и с почетом перенесены в Соловецкий монастырь.

При царе Алексее Михайловиче по инициативе патриарха Никона мощи святого митрополита Филиппа были с еще бóльшим почетом перевезены и помещены в новой раке в Успенском соборе Московского Кремля.

Память о перенесении мощей митрополита Филиппа, совершившемся в 1652 г., отмечается 3 июля. Кроме того, память св. Филиппа празднуется 5 октября с памятью святых митрополитов Петра, Алексея и Ионы.

Главный же день памяти св. Филиппа – 9 (22) января.

Первым русским патриархом был наречен Иов, он же стал и первым патриархом-мучеником. После смерти паря Феодора Иоанновича Иов деятельно выступал за избрание царем Бориса Годунова, организовал крестный ход из Московского Кремля в Новодевичью обитель, где временно поселился Борис, и умолял его занять престол именем Божией Матери, Владимирская икона которой была во главе процессии, прибывшей в монастырь. При появлении Лжедмитрия Иов, используя всю свою патриаршию власть, защищал избранного царя Бориса, посылал всюду грамоты, разоблачающие самозванца Гришку Отрепьева, и даже предал его анафеме.

Когда же самозванец все-таки овладел Москвой, Иов был свергнут с престола (1605), Лжедмитрий приказал заточить его в Старицкий монастырь, сменив одежду патриарха на простую монашескую рясу. Иов умер в июне 1607 г., и мощи первого патриарха московского затем были перенесены в Успенский собор Московского Кремля.

Патриарх юридически ничем не отличался от прежнего митрополита, но в богослужении имел больше прав, да и облачение у него было другое. Он носил большой клобук, но с херувимами и крестом, на митре у него тоже был крест, которого не было у митрополита; облачался он не в алтаре, как другие архиереи, а посреди церкви; один он имел право сидеть на Горнем месте; из своих рук причащал иереев; носил цветную мантию; во время его выхода или выезда несли впереди не только крест, но и свечи.

Избрание митрополитов и патриархов на престол происходило в Успенском соборе Московского Кремля как главном храме России.

Жребии, на которых были имена избираемых, клались на пелену в складной панагии, запечатывались государем и убирались в киот Владимирской иконы Богоматери – главной святыни Руси. Служился молебен, архиерей вынимал один из жребиев, и

он распечатывался царем. Имя вновь избранного святителя объявлялось народу.

В летописи так описывается чин избрания на патриарший престол при царе Михаиле Федоровиче.[29]

В 1640 г. умер Патриарх Московский и всея Руси Иоасаф. Царь Михаил Федорович не знал, кого из претендентов выбрать на высочайший святительский престол, и решил положиться на волю жребия.

В Москве собрали святителей из Новгорода, Ростова, Суздаля, Рязани, Коломны и других городов, а также множество различных церковных служителей. Все они пришли в великую соборную церковь Успения Богородицы «ко святым местам, к живоносной и цельбоносной ризе Спасителя нашего Бога и ко святой чудотворной иконе Божия Матере, яко же написа и учреди святый Апостол и Евангелист Лука, еще при самой Богородице живой сушей, и чудотворным ракам святых Митрополитов Петра и Ионы и ко всем святым и чудотворным иконам прихождаху и знаменовахуся».

Потом пошли к царю, который «повелел им видети свои Государские очи в золотой подписной палате»... Самодержец всея Руси сказал святителям, чтобы молили Бога даровать России достойного пастыря и учителя, и повелел учинить шесть жребиев, на каждом написать имя, и, запечатав царской печатью, послал все шесть в соборную церковь на службу.

Царский посланец объявил в храме, что государь полагается на Божью волю, что велел он положить жребии перед чудотворным образом Богоматери Владимирской, служить молебны и потом вынуть один.

Святители облеклись в освященные одежды и принесли святую золотую панагию к иконе Владимирской. В ту панагию положили три жребия, поставили панагию в киоте на пелене перед чудотворной иконой и всем собором начали петь молебен.

Потом из трех жребиев вынули один и отложили, а в панагию положили еще три и проделали тот же самый обряд.

Два жребия, вытянутых при двух предыдущих службах, снова во время молебна лежали перед святой иконой Владимирской. И наконец, единственный жребий, вытянутый из панагии, нераспечатанным был доставлен царю, и тот назвал патриарха – им стал архимандрит Симонова монастыря Иосиф.

После торжественного благословения государь поздравил патриарха и молвил: «Будь спасен и здрав в дому Пречистой Богородицы четного и славного ея Успения и великих чудотворцев Пет-

ра, и Алексия, и Ионы, на великом Патриаршеском престоле всея Великая России!»

Более тысячи лет прошло с тех пор, как Русь приняла христианство, но патриаршеством за это время отмечены только годы с 1589 по 1700, с 1917 по 1925 и затем с 1943 до настоящего времени, то есть немногим более 170 лет.

Патриаршее правление – это не поклонение какому-либо представителю Церкви, ибо христиане поклоняются лишь Отцу Небесному, Иисусу Христу, который является единственным Главой Церкви. Но Святейший Патриарх – это священноначальник Русской Православной Церкви, возглавляющий Церковь земную, олицетворяющий церковное единство. Именно поэтому его называют Первоиерархом – первым среди равных.

«Патриарх... есть Первомолитвенник, Первосовершитель Таинства. Его благословение полагает начало архиерейскому служению, священническому и диаконскому. Его благословение разрешает труднейшие вопросы церковной жизни, дает основание храмам, монастырям. Его благословения просят миряне, монахи, священнослужители, государственные деятели, иностранные гости. Его благословения ждут не только в России, но и во многих уголках мира, где есть приходы Русской Православной Церкви, где есть люди, сочувствующие русскому православию, – пишет «Журнал Московской Патриархии». – В годы патриаршества на Руси Патриарх был заступником за русский народ, печальником Русской земли. Ведь именно Московскому Первосвятителю в древности была дана власть защищать права простых людей, приносить царю их жалобы. Московскому Первоиерарху, Митрополиту, а позже Патриарху, дана была власть осуществлять земной церковный суд над мирянами, епископами, священниками. Патриарху надлежало усмирять гражданские междоусобицы, призывать народ на защиту Отечества от иноземных захватчиков, нести подвиг защиты земли Русской, Русского государства, даже до смерти».[30]

Особенно трудным было правление патриархов, приходящееся на годы смут, на годы унижения духовной власти, на годы гонения Церкви.

Именно в такое время пришлось занимать патриарший престол святителю Тихону Московскому. Большие трудности и тяготы выпали на его долю, ибо он занял патриаршую кафедру в ужасные для России дни, в 1917 г., когда в обществе царили разброд и беззаконие, когда брат пошел на брата, когда совершалось

кощунственное попрание всех святынь Русской земли, а Церковь была разорена.

Смиренный, даже тихий, будущий первоиерарх мало выделялся среди участников Всероссийского церковного Собора 1917 г., когда решено было избрать Патриарха всея Руси. По его поводу даже шутили: «тих он». Однако когда стали перебирать кандидатуры на Патриарший престол, то имя Тихона было на устах многих, знавших архипастыря. Среди трех кандидатов жребий выпал именно на митрополита Московского, каковым был в то время Тихон, и все дружно и с чистым сердцем произнесли священное «аксиос» – достоин! Участники Собора понимали, что «кормило корабля Российской Православной Церкви попало в руки непререкаемо верные».[31]

Святейший Патриарх Тихон, в миру Василий Белавин, родился в 1865 г. в Псковской области. Он обучался в духовных учебных заведениях Псковской епархии, а потом в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Служил во Пскове, Казани, Холме. В 1891 г. постригся в иноки, в 1897 г. был удостоен архиерейского звания, занимал семь лет святительский пост в Северной Америке, затем стал архиепископом Ярославским, служил в Вильно, а с 1917 г. был избран митрополитом Московским.

С юных лет святитель показывал большие способности в учении, был кроток и добр, так что уже тогда его прозвали «Патриархом». Никто не думал о том, что Василию Белавину и впрямь суждено стать Всероссийским Патриархом.

И простым иноком, и наделенный саном архиепископа, святитель Тихон был благожелателен ко всем обращавшимся к нему. Энергично и неутомимо выполнял он обязанности церковного деятеля, был настоящим пастырем для своей паствы.

Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн, знавший архиерея Тихона с 1903 г., говорил о нем в надгробном слове в день погребения Святейшего: «Не мудрствуя лукаво, руководясь простым, ясным, честным, здравым русским смыслом, он подходил к самым сложным святительским, церковно-общественным, национальным, церковно-государственным задачам и разрешал их в Америке и на Руси неизменно удачно. Это создало ему репутацию архипастыря мудрого. В обхождении с людьми и высшими себя, и низшими, и со своими, и с чужими, он был обаятелен. Его простое, одухотворенное, светлое, проникновенное благодушие, кажется, не могло быть нарушено никем и ничем».[32]

Сам же святитель Тихон встретил свое избрание «с глубочайшим смирением, с ясным сознанием великости и трудности пред-

Патриарх Тихон.

лежащего подвига». Выступая перед делегатами Собора, он сказал речь, в которой были и такие слова: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором написано: *плач, стон и горе* (Иез 2, 10). Сколько мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне Патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!.. Отныне возлагается на меня попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них во вся дни. Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал и оно пришло помимо меня и даже помимо человеков, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всесильною благодатию нести бремя, возложенное на меня».[33]

Речь новоизбранного Патриарха оказалась пророческой: в стране наступили тяжелейшие, кровавые времена. Гражданская война, затем разруха и голод; тысячи людей страдали от горя, всюду слышались плач и стоны, царили хаос и ужас.

Положение Церкви было неимоверно тяжелым: новые правители России желали искоренения христианства, разрушения самого православия. Казнили священнослужителей, причем безо всякой вины и суда, грабили храмы, разрушали церковные здания, издевались над верой. Противорелигиозная пропаганда, грубая, издевательская, стала повсеместной. Школа была отделена от церкви, церковь – от государства; священники лишались возможности воздействовать на семью, детей, на общественную жизнь.

Семь с половиной лет, с 1917 по 1925 г., правил Церковью Патриарх Тихон, старательно сохраняя церковные порядки в соответствии с канонами и обычаями православной веры.

Значение Патриарха в церковной жизни понимали его враги, поэтому гонения их были направлены и на Святейшего лично. Он же отвечал гонителям Церкви известными всему миру Посланиями к народу. В них он объявлял новую власть безбожной и клеймил ее за разрушение нравственных устоев общества.

В ответ власти продолжали всяческие поношения Патриарха. Теперь его бесконечно вызывали на допросы, в его адрес сыпались угрозы, в доме проводились обыски. Его заключили под домашний арест, предложили оставить Россию и уехать за грани-

цу. Но, верный своей пастве, Патриарх отказался: «Никуда я не поеду, буду страдать здесь вместе со своим народом и исполнять свой долг до положенного Богом предела».[34]

Патриарх Тихон. Современная икона.

Раскольники и сектанты, пользуясь поддержкой правящих чиновников, стали создавать различные, якобы церковные, новообразования: «Новая Церковь», «Свободная Трудовая Церковь», «Древле-Апостольская Церковь», «Живая Церковь» и другие. Объединившись, эти организации созвали «Всероссийский Церковный Собор», который признал советскую власть и осудил Патриарха. На Соборе был создан свой «Синод», долженствующий управлять Российской Церковью.

Однако народ, настоящие церковные иерархи сохранили преданность своему Первопастырю. Патриарх свято верил в то, что «церковный народ ищет в своих вождях чистоты и святости», что миряне и архиереи пойдут за ним, а не за отщепенцами и предателями.

В то время Патриарх Тихон содержался в качестве узника в Донском монастыре. Его привезли сюда из Троицкого подворья в мае 1922 г. Отсюда его забирали на Лубянку, где Патриарх находился более месяца. Даже когда его освободили из-под стражи, он продолжал жить в двух небольших комнатках монастырских келий, где пребывал под арестом. В январе 1925 г. Тихона, серьезно заболевшего, отвезли в больницу доктора Бакунина на Остоженке, где он и скончался.

Хоронили Патриарха 12 февраля там же, где он провел последние годы жизни – в Донском монастыре. На похороны собралось огромное количество народа: только в ограде, по свидетельству очевидцев, находилось более трехсот тысяч человек. Присутствовавший на погребении известный художник Павел Корин именно тогда задумал серию картин «Русь уходящая», которой, к сожалению, не суждено было сбыться.

Согласно рассказам старожилов, во второй половине 20-х гг. останки Патриарха Тихона были вывезены на немецкое Введенское кладбище: так власти хотели прекратить паломничество к его могиле. Однако новое место захоронения Патриарха было открыто, вскоре и там стали собираться верующие и почитающие умершего главу церкви. В сороковые годы, чтобы доказать иностранным делегациям, что у нас нет гонений на церковь, захоронение Тихона было вновь, в одну ночь, перенесено в Малый собор Донского монастыря, а сам собор отремонтирован.

Надгробие Патриарха Тихона в настоящее время находится у южной стены трапезной старого храма. На мраморной плите – позолоченная надпись: «Патриарх Московский и всея Руси Тихон. 21 ноября 1917 – 25 марта 1925».[35]

В 1989 г. Патриарх Тихон был причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

В народе же прочно утвердилась мысль о мученической кончине Патриарха; говорили, что Тихон жил исповедником, а скончался мучеником. Хорошо сказал о своем архипастыре архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн: «В тяжелые времена государственных потрясений, национальных унижений, смуты и гражданского лихолетия он вместе с Патриархом Гермогеном, Филиппом и другими святителями-патриотами будет для архипастырей и пастырей поучительным образцом героического стояния за национальные и гражданские права и достоинство своих пасомых».[36]

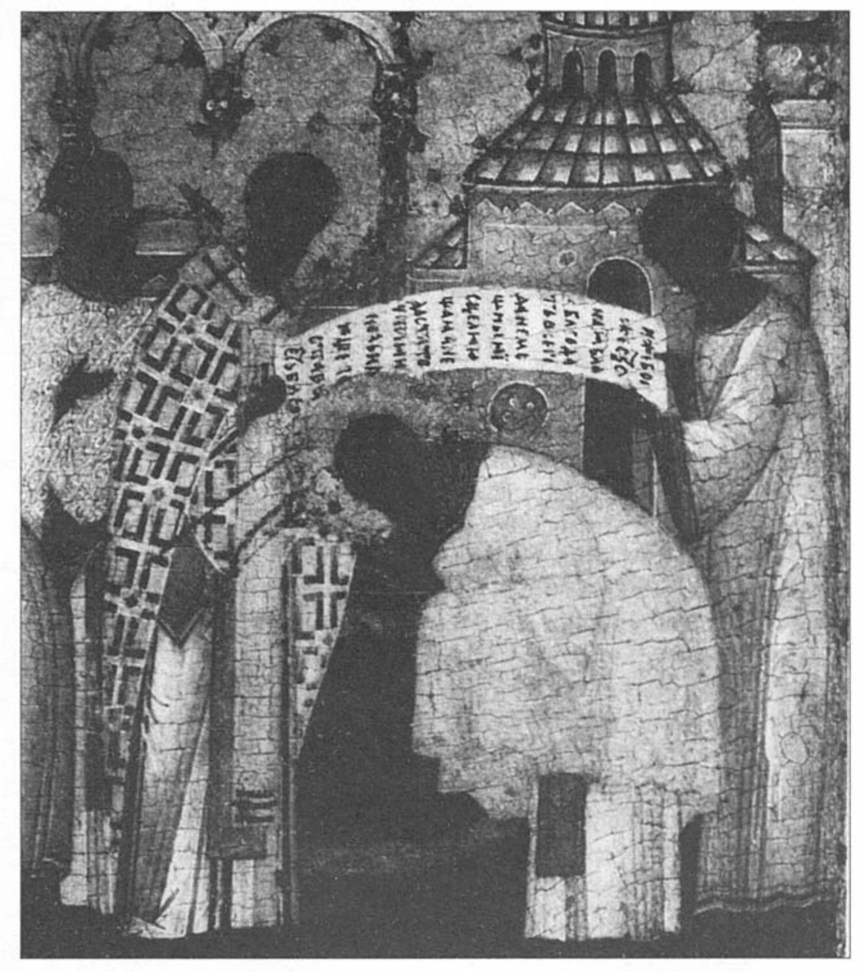
ЦЕРКОВНЫЕ ТАИНСТВА

В Русской Православной Церкви установлены семь таинств: Крещение, Миропомазание, Покаяние, Причащение, Священство, Брак и Елеосвящение.[1] Они охватывают практически всю жизнь человека, начиная от рождения и кончая смертью. Крестили обычно младенцев, и они приобретали как бы вторых родителей, вторых воспитателей, приобщавших его к Богу. Таинства Покаяния и Причащения сопровождали людей всю жизнь, ибо Церковь рекомендовала и рекомендует сейчас исповедаться и причащаться как можно чаще, очищаясь перед Богом от грехов, соделанных в жизни, и получая святую Благодать от вкушения Тела и Крови Христовых во время Причастия. Посредством таинства Брака (венчания) Церковь освящает супружеский союз мужчины и женщины, их любовь и – как венец любви – рождение детей. Таинство Елеосвящения предназначено не только для тех, кто завершает свой жизненный путь, но и для всех болящих; посредством этого таинства человек получает духовное подкрепление своим силам, врачуются его тело и душа.

Совершителями церковных таинств являются священники, люди, как бы отобранные самой Церковью из наиболее достойных сынов ее для того, чтобы они могли приобщать братьев своих по вере к благодати Святого Духа.

«Таинство Священства совершается только над лицом мужского пола, принадлежащим к клиру, православно верующим, состоящим в первом браке, освященном Церковью, или принявшим монашеские обеты и избранным для возведения в одну из трех степеней церковной иерархии: диакона, пресвитера и епископа», – указано в «Настольной книге священнослужителя».[2] А «Православный катехизис» поясняет: «Священство есть таинство, в котором через святительское рукоположение на правильно избран-

Поставление в иереи. Клеймо иконы «Преп. Сергий Радонежский в житии». XVI в.

ного нисходит Святой Дух и поставляет его совершать таинства и пасти стадо Христово».*

* Подробнее о таинстве Священства см. главу «Пастыри».

Каждое таинство совершается в Церкви по определенному чину, то есть последованию священнодействий и молитв. Такое чинопоследование – это сложившаяся в веках форма, плод трудов многих богословов, почитаемых отцов Церкви. Внешние, видимые знаки совершения таинств – это способ «возвыситься к созерцанию предметов невидимых, стяжать веру и благоговение». Богослужебные чины всех таинств проникнуты символикой, призванной, по словам Дионисия Ареопагита, «озарить всю природу человеческую светом Божественных истин»...[3]

Главное и первое таинство православной церкви – таинство Крещения. «Православный катехизис» так определяет его: «Крещение есть таинство, в котором верующий, при троекратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца и Сына и Святого Духа, умирает для жизни плотской, греховной, и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую».[4] Тем самым крещаемый вводится в Церковь и становится ее членом. Поскольку Крещение – это духовное рождение, а человек рождается лишь однажды, то и Крещение производится в жизни каждого человека только один раз. «Сила таинства Крещения состоит в том, что человек умирает для плотской и греховной жизни и рождается в новую духовную жизнь», – пишут православные богословы.[5]

Обливание водой существовало в ветхозаветные времена как церковный обычай, символизирующий физическое и нравственное очищение. Таинство Крещения в Новозаветной Церкви идет от Иисуса Христа, который крестился от Иоанна Предтечи в реке Иордан (Мф 3, 13–17), отчего последний стал именоваться Крестителем Господним. Перед Своим Вознесением Иисус Христос сказал Своим ученикам слова, которые и следует считать непосредственным установлением таинства Крещения: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 19–20). С тех пор апостолы, а потом и их преемники – священнослужители стали крестить людей крещением во оставление грехов, тогда как крещение Иоанна Предтечи – это лишь крещение покаяния.

Первоначально Крещение совершалось под открытым небом: так крестился Сам Христос в реке Иордан, так приняли крещение множество киевских людей в реке Днепр во времена Владимира Святого. Иногда крещение совершалось и в домах: например, апостол Анания крестил будущего апостола Павла в частном доме в Дамаске (Деян 9, 11–18), а сам апостол Павел крестил тюремного стражника со всем его семейством тоже в доме (Деян 16, 23–33).

После прекращения гонений на христиан Крещение совершалось в основном в храмах, где в притворах устраивали бассейн со ступенями для спуска в воду (водоем большой) или большая чаша для хранения святой воды (водоем малый).

Возраст при Крещении не имеет особого значения. Крестить можно и желательно младенцев, ибо по учению Церкви считается, что умерший без крещения ребенок не увидит Царства Божия.

На заре христианства людей крестили во взрослом возрасте, так как каждый человек должен был самостоятельно и сознательно выбрать веру. И сейчас многие сектанты (баптисты, молокане и др.) придерживаются этого же правила.

При крещении младенца, который, естественно, еще ничего не понимает, за него как бы ручаются его восприемники, которые зовутся крестными отцом и матерью. Они принимают на себя заботу о будущем воспитании ребенка в духе православия; между младенцем и крестными устанавливается духовное родство, так что восприемник не может жениться ни на восприемной дочери, ни на ее матери; девочка не может выйти замуж за своего духовного отца, а восприемница – за своего восприемного сына и за его отца.

Взрослые, готовившиеся принять крещение, назывались ранее «оглашенными». Они постепенно вводились в жизнь Церкви, принимали участие в богослужениях, заучивали молитвы, изучали Священное Писание. То же самое происходит и сейчас, когда к крещению готовится взрослый человек, только теперь обряд троекратного оглашения имени готовящегося к крещению ушел в прошлое.

При крещении человеку дается православное имя. Очень часто это имя какого-либо святого, который тем самым становится небесным покровителем и заступником крестившегося. Сейчас все больше стали пользоваться Православным месяцесловом, в который внесены имена святых, прославляемых в Православной Церкви. Однако случается и так: родители при гражданской регистрации сами выбрали имя ребенку, которое и было вписано в Свидетельство о рождении. Но при Крещении оказывается, что такого имени нет в Православном месяцеслове. Некоторые имена легко переводятся в церковно-славянскую форму и под этим именем производится крещение (Анжела – Ангелина, Жанна – Иоанна, Оксана – Ксения, Егор – Георгий, Денис – Дионисий и т. д.), а если не удается установить подобное соотношение (Эдуард, Эльвира, Карл, Октябрина), то выбирается новое православное имя, которое и будет церковным именем крещаемого. Из благоговения перед Иисусом Христом и Его пресвятой Матерью их имена никогда не даются людям. Но девочек часто называют Мариями в честь одной из святых, чья память празднуется 26 января, 1 апреля, 22 июля и других.

Еще с древности сложились обряды или действия, которые должны следовать перед Крещением, во время него и после него. Так, перед Крещением совершаются такие предварительные дей-

ствия: оглашение, отречение от диавола и сочетание с Христом. По уставу Православной Церкви обряды оглашения составляют троекратное дуновение священника на лицо и грудь оглашаемого, троекратное благословение его, чтение молитвы предогласительной с возложением руки и трех молитв заклинательных. Богословы древности так объясняли эти действия. Дуновение берет начало от книги Бытия, где говорится о том, что, сотворив тело первого человека из праха земного, Бог «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт 2, 7). Отсюда и троекратное дуновение на оглашаемого, который в таинстве Крещения получает новую духовную жизнь.

Заклинательные молитвы произносятся священником от имени Божьего, они запрещают злому духу касаться оглашаемого. При отречении от дьявола оглашаемый и восприемник становятся лицом на запад (там царство тьмы, в то время как на востоке – царство света), произносятся слова отречения от сатаны, затем оглашаемый дует и плюет вниз, как бы на сатану, показывая свое презрение. Это символическое отречение от источника зла позволяет вспомнить о том, как в сотворенном Богом духовном мире появилась часть ангелов, обуянных гордыней, как не захотели они повиноваться Богу и восстали против Него, возжелав «свободы». Во главе этих падших ангелов стоял Сатана, который был совершенен, мудр и силен, но погублен своей гордыней. Именно гордыня привела его к отрицанию, ненависти и бунту против своего создателя, к отказу от подчинения Его воле, к отказу от благодатного Света Божественной Любви. Во всевозможных руководствах для священников рекомендуется никогда не пропускать чин запрещения нечистых духов не только при крещении взрослых, но и при крещении младенцев.

Сочетание с Христом совершается в форме вопросов и ответов священника и оглашаемого. Последний обращает свое лицо к востоку, ко Христу – свету мира и трижды клянется в исповедании веры в Бога, затем говорит: «Поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельней». Далее в приготовлении к крещению идет молитва священника о том, чтобы Господь сподобил оглашенного принять Святое Крещение. Сочетание заканчивается поклоном на восток – символом почитания и благоговения перед Спасителем. В обряд сочетания с Христом входит и чтение Символа веры. Ранее его читали, причем трижды, сами оглашенные, а при крещении младенца – его восприемники; теперь же Символ веры читается один раз, и притом чаще

всего псаломщиком. Восприемникам даются зажженные свечи, зажигаются свечи и с трех сторон по краям купели.

Священник в белой одежде встает перед купелью, которая находится посреди храма (или крещальни), по левую сторону от купели ставится аналой, на который возлагаются Крест, Евангелие и крестильный ящик.

Следует освящение воды: с молитвами священник три раза погружает в воду свои три перста, сложенные в именословном жесте, и трижды благословляет воду. Затем, погрузив кисточку в освященный елей, три раза начертывает ею крест на воде. Елей (масло) издавна употреблялся в древнем мире и как лечебное средство, и как масло в светильниках, знаменуя собою радость и свет. Недаром и сейчас наиболее торжественная часть вечернего праздничного богослужения называется полиелеем, ибо в это время зажигались многие светильники с елеем. Елей делался из оливковых деревьев и символизировал также примирение человека с Богом в воспоминание о ветхозаветном предании, где говорится о том, что Бог наказал людей за их грехи всемирным потопом. Как известно, праведник Ной спасся на ковчеге, поместив туда по паре всех животных и птиц, и насекомых, населяющих землю. Когда вода стала уже убывать, Ной выпустил из ковчега голубя, и тот вернулся со свежей масличной (оливковой) ветвью в клюве. Это было для Ноя знаком, что разгневанный Бог уже примирился с людьми, и праведник со всем своим семейством возблагодарил Господа за Его милость. И так же, как в древности масличная ветвь была символом соединения Бога с человеком, так и при Крещении помазание воды и тела крещаемого елеем означает радость примирения с Богом. В молитве священника, которую он произносит при помазании человека елеем перед Крещением, упоминается и ветхозаветное предание о Ное.

При Крещении крещаемый трижды погружается в воду, при этом священник произносит: «Крещается раб Божий (имя) во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Сейчас погружение в воду часто заменяется обливанием или окроплением водой.

После погружения в воду крестившийся облекается в белую одежду и на груди его возлагается Крест. Белый цвет – это цвет белизны, чистоты души, приобретенный в таинстве Крещения, и вместе с тем это чистота той новой жизни, в которую вступает крещеный человек.

Вслед за таинством Крещения тут же идет таинство Миропомазания. Человек, возрожденный через таинство Кре-

щения, «при помазании частей тела святым Миром получает дары Духа Святого, возвращающие и укрепляющие его в духовной жизни».[6] Священник помазует крестившегося святым Миром, воспроизводя образ креста на лбу, глазах, ноздрях, устах, ушах, на груди, на руках и ногах. При этом он говорит: «Печать дара Духа Святого. Аминь», произнося эти слова при помазании каждой части тела.

«Настольная книга священнослужителя» так поясняет таинство Миропомазания: «Христос – Помазанник Божий, – и мы получаем Его помазание, Христос – Сын, – и мы усыновляемся, Христос имеет Духа, который есть Жизнь Его, – и нам дается участие в Его жизни. В этом Божественном помазании Святой Дух дает нам Христа, а Христос дает Духа Святого...»[7]

Миропомазание называется личной пятидесятницей каждого человека, ибо по сути своей напоминает тот день, пятидесятый после Пасхи, когда Святой Дух сошел на апостолов, и они вдруг заговорили на разных языках и отправились по разным странам проповедовать учение Господа Иисуса Христа. Каждый человек после Миропомазания становится храмом Духа Святого, ибо, как говорил апостол Павел, «разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор 3, 16).

Епископ Гермоген, написавший книгу «О святых Таинствах Православной Церкви», поясняет, что таинство Миропомазания дает человеку те благодатные силы, которые необходимы для развития и укрепления новой духовной жизни, дарованной Крещением, подобно тому как естественные силы природы – воздух, свет, тепло солнца – развивают и укрепляют физическую жизнь. И как человек рождается в определенный момент жизни, так и благодать Крещения действует в один определенный момент, давая человеку новую духовную жизнь; но как естественные силы природы сопровождают человека всю его жизнь, так и благодатные силы, сообщаемые таинством Миропомазания, сопровождают человека всю жизнь, начиная с этого момента. Они укрепляют и развивают его новую духовную жизнь, ибо Святой Дух – дар Божий, и очень трудно, почти невозможно выразить глубину этой тайны простыми человеческими словами.[8]

Для помазания в Церкви употребляется миро. Это слово греческое, означающее жидкую мазь или сок из растений. В Ветхом Завете миро упоминается неоднократно, причем даже указываются пять его составных частей: смирна или мирра, корица, благовонный тростник, кассия и елей (Исх 30, 23–25, 26–33, 29; 6, 21; Лев 8, 10–12; 1 Цар 10, 15; 3 Цар 19, 16 и др.). В первые века хри-

стианства на Руси святое миро получали из Константинополя, где оно варилось по мере надобности. Но впоследствии мироварение стало совершаться в Москве, в определенное время, в Патриарших палатах, и освящал его только Патриарх.

В состав миро Православной Церкви входят многие вещества в определенных пропорциях: благовонные масла, разные коренья, благовонные цветы, травы и прочее: «стиракс (особый древесный сок), ладон росной и простой, бальзам перувианский, сандарак ост-индский, мастика хиосская, корни (имбирный, колганный, кардамонный, терпентин венецианский), масла (померанцевое, коричное, мариориковое, мускатное, бергамотное, розмариновое, лигниродийное, лавандовое, гвоздичное) и виноградное вино».[9]

Начинали варить миро в понедельник Страстной недели (неделя перед Пасхой), а освящали в Великий Четверг. В Патриарших палатах Московского Кремля находилась особая Крестовая палата, которая называлась еще и мироварной, ибо здесь с 1763 г. раз в три года варили миро. Вообще Крестовая палата строилась как зал для всякого рода торжеств: заседаний церковных соборов, приема высшего духовенства, праздничных трапез. Палата поражала современников «своей необыкновенной величиной, длиной и шириной, особенно удивителен был свод без подпор посередине. По окружности его [зала] сделаны ступени, и пол в нем наподобие бассейна, которому не хватает только воды. Он выстлан чудесными разноцветными изразцами, огромные окна выходят на сквер, в них вставлены оконницы из чудесной слюды, украшенной разными цветами, как будто настоящими». Так описывал палату Павел Алеппский, путешествующий с Антиохийским патриархом Макарием в середине XVII в. по Московии.[10]

В этой-то палате в 1763 г. была установлена большая печь под резной деревянной сенью для совершения обряда мироварения.

Здесь собирались священники во главе с Патриархом, и после благословения первоиерарха в котлы вливали вино и различные масла, всыпали всевозможные необходимые вещества. Патриарх возжигал под котлами огонь, а затем начинал чтение Евангелия, которое после него продолжали священники. Чтение шло непрерывно до Великого Четверга, а диаконы все это время размешивали в котлах варимое миро, причем для этого использовали особые весла с серебряными крестами на концах.

В Великий Четверг перед литургией сваренное и процеженное миро переносилось в сосудах с крестным ходом из мироварной палаты в собор и освящалось за литургией.

В различные епархии миро присылалось из Москвы. Оно хранилось в соборах под наблюдением ключаря и выдавалось священникам приходских храмов, где стояло на престоле в серебряном или хрустальном сосуде. Часть его помещали в крестильном ящичке, где находились два стеклянных или металлических сосуда. Один – с миром, на пробке его была буква М, другой – с елеем, помеченный буквой Е. Здесь же были две кисточки, также помеченные буквами М и Е, причем священников специально предупреждали, что спутать сосуды или кисточки – большой грех. И сейчас миро готовится и освящается практически так же.

«Святое Миро, разливаясь по всей Церкви из одного благодатного источника, содержит ее в неразрывном союзе мира печатью Имени Христова, в залог общего спасения во едином Господе Иисусе Христе».[11]

После помазания святым миром крестившегося троекратно обводят вокруг купели с зажженными свечами. Первым идет священник, младенцев несут на руках восприемники. И круговое движение, и зажженные свечи означают радость и духовное просвещение крестившегося.

Облаченные в белые одежды, в обилии света, с чистой душой поют новокрещеные стих из послания апостола Павла к галатам: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся» (Гал 3, 27). Слова эти произносятся трижды с прибавлением слова «аллилуиа».

После шествия вокруг купели следует чтение Апостола и Евангелия.

Завершающие обряды Крещения и Миропомазания – это смывание святого Мира и острижение волос. Ранее они совершались на восьмой день (в следующее воскресенье после Пасхи), а в течение всей светлой послепасхальной седмицы новокрещеные собирались в храме для слушания проповедей, раскрывающих величайшую тайну Церкви – таинство Причащения.

Сейчас эти обряды совершаются непосредственно после Крещения. Священник специальной губкой, смоченной водой, омывает те части тела крещеных, что были помазаны миром. Делается это для того, чтобы смыть святыню и оградить от какого-либо осквернения. При этом священник произносит: «Крестился еси. Просветился еси. Миропомазался еси. Освятился еси. Омылся еси: во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

После краткой молитвы о том, чтобы Господь благословил новокрещеных с восприемниками, священник крестообразно постригает волосы на голове крестившихся, что имеет, по мысли

богословов, тройное значение. Во-первых, это означает благодарственную жертву новокрещеного; во-вторых, говорит о том, что со дня крещения человек становится послушным, покорным и верным Богу; в-третьих, означает, что отныне человек посвящает себя и свою жизнь служению Богу.

Обряд сходен с пострижением лиц, решивших посвятить себя иноческому служению, иначе говоря – стать монахами.

После всех этих священнодействий совершается еще и обряд воцерковления. С чтением молитв священник вводит новокрещеных в храм, к Царским вратам. Женщины (девочки) просто прикладываются к обеим половинкам Царских врат, а мужчины (мальчики) входят в алтарь северными дверями, их обводят (обносят) вокруг престола, затем они выходят южными вратами.

Заключается все целованием креста и отпустом, который произносит священник.

Что такое таинство Покаяния?

«Православный катехизис» отвечает на вопрос так: «Это есть священнодействие, в котором исповедующий грехи свои при видимом изъявлении прощения от священника невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом».[12]

Покаяние происходит на исповеди, «встрече грешника с Богом», когда человек ищет духовного исцеления. Ибо человек согрешивший, идущий против заповедей Бога – это человек с больной душой. Чаще всего он внутренне жаждет исцеления, он желает облегчить душу, рассказать кому-либо о своем грехе, но в силу разных обстоятельств не знает, кому и как это сделать, чтобы не встретить холодного равнодушия, презрения, осуждения.

Вот тут и приходит на помощь Церковь, ее пастыри. Им через таинство Священства дана власть отпускать грехи. В «Настольной книге священнослужителя» говорится: «Иисус Христос властью, присущей Ему как Богу, передал Своим апостолам власть прощать грехи. Тем самым Иисус Христос передал апостолам, а через них – пастырям церковным, власть судить о грехах».[13]

Непременным условием таинства Покаяния является исповедь. Чтобы священник знал о том, что творится в душе исповедующегося, человек должен сказать об этом вслух, а для этого он сам должен заглянуть в свою душу и внутренне приготовить себя к духовному возрождению.

Второе обязательное условие для христиан перед таинством Покаяния и затем Причащения – примирение с ближними, прощение грехов, или как их иначе называют – долгов друг другу.

Недаром среди церковных праздников есть особый день перед Великим Постом, предшествующим Пасхе, – последнее воскресенье, называющееся Прощеным. Некоторым, особенно горделивым людям, трудно прощать и самим просить прощения, но немалые усилия, которые человек прилагает к искреннему примирению с окружающими, дают свои плоды. Человек становится добрее, светлеет душой.

В Евангелии неоднократно подчеркивается важность прощения. Евангелист Матфей передает нам беседу апостола Петра с Иисусом Христом. «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? – спрашивает апостол Петр. – До семи ли раз?» И Спаситель отвечает: «До седмижды семидесяти раз» (Мф 18, 21–22), то есть надо прощать всегда.

Псалмопевец и царь Давид в одном из своих псалмов так говорит об исповедании Богу: «Я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс 31, 5).

Осознать свой грех, стыдясь его, но не стыдясь назвать его священнику – это залог того, что кающийся получит исцеление, отпущение грехов. Еще епископ Феофан Затворник писал, что на исповеди «чем больше будет стыда и страха, тем спасительнее. Желая сего таинства, желай большего устыдения и большего трепета».[14]

Перед началом исповеди священник называет себя «свидетелем» кающегося, а после ее завершения духовник «как представитель Церкви Христовой возносит к Престолу Божию мольбу о прощении, о помиловании».[15]

Только церковь дает право пастырям отпускать грехи кающихся, и только в церкви Покаяние становится Таинством. Писатель XIX в. А.С. Хомяков говорил об этом так: «По учению церкви без таинства Покаяния не может очиститься дух человеческий от рабства греха и греховной гордыни, он не может сам разрешить свои собственные грехи, ибо мы властны только осуждать себя, но не оправдывать, и одна только церковь имеет силу оправдания, потому что в ней живет полнота Духа Христова».[16]

Первым совершителем таинства Покаяния был сам Иисус Христос, который начал свое общественное служение словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4, 17). Когда к Нему приходили за помощью, Он говорил: «Прощаются тебе грехи твои» – и даровал духовное исцеление.

После Своего Распятия и Воскресения Иисус явился к ученикам и сказал, дунув на них: «Примите Духа Святого. Кому про-

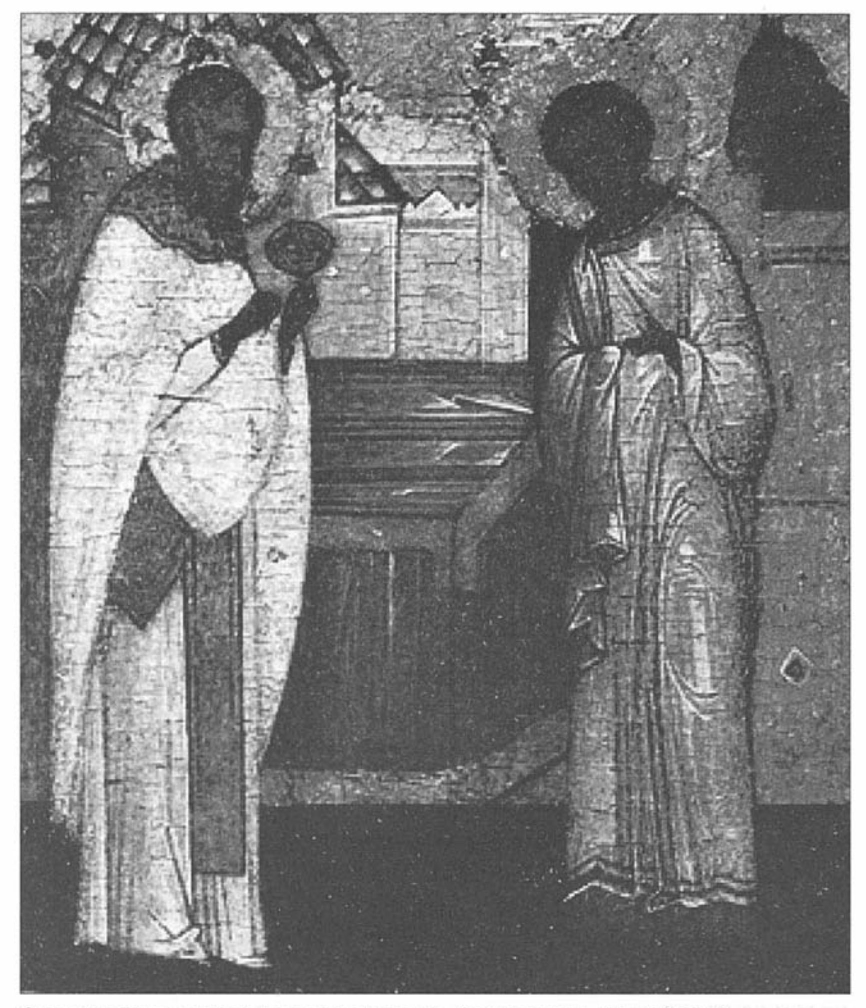
стите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин 20, 22–23). То есть сам Христос даровал апостолам право прощать грехи человеческие. От них это право перешло к священнослужителям, которые совершают таинство через возложение епитрахили на главу кающегося и прикосновение к ней своей руки с произнесением разрешительной молитвы. Через эти видимые, зримые действия происходит отпущение грехов, примирение кающегося с Церковью и восстановление нарушенного единения с Богом.

Священники имеют право налагать на кающихся епитимию (наказание), но епитимия скорее не мера наказания, а мера воспитания. При назначении ее должно проявлять разумную снисходительность, ибо «пастырь не судья кающегося, а слуга в деле его спасения». Его задача – помочь грешнику глубже осознать свои грехи и бороться с ними. Вообще епитимии в нашей Церкви редки. Чаще всего это духовные епитимии: чтение Священного Писания, заучивание и повторение молитв, Символа веры. Могут быть и другие формы: например, лишение причастия на определенный срок, назначение усиленного поста, милостыни, поклонов. Наложение епитимий – дело очень индивидуальное, главное в нем – не время, положенное для того или иного наказания, а исправление грешника. Еще св. Василий Великий говорил: «Врачевание измеряется не временем, а образом покаяния».[17]

Исповедь совершается обычно или вечером, накануне Причащения, или утром, до начала Божественной литургии. Если исповедающихся много, то священник первую часть исповеди проводит как общую. Он произносит проповедь о Покаянии, называет грехи, а стоящие в церкви мысленно каются перед Богом. Однако потом каждый исповедающийся подходит к священнику и кается в грехах, не названных пастырем. Таким образом, общая исповедь соединяется с личной, и каждый получает от священника или разрешение грехов, или епитимию.

Приходский священник должен стремиться стать для большинства своих прихожан духовным отцом. К нему верующие постоянно приходят на исповедь, к нему обращаются за духовными советами, без благословения духовного отца христиане не принимают ни одного важного шага.

Мудрость пастыря, его искренняя, отеческая любовь к своему духовному чаду, его ум и доброта обычно высоко оцениваются верующими, которые привыкают во всем советоваться со своим духовным отцом и исповедаются перед ним без ложного стыда и

Служение Божественной литургии с Ангелом. Клеймо иконы «Преп. Сергий Радонежский в житии». XVI в.

стеснения. Между ними устанавливаются искренние отношения, основанные на взаимопонимании и доверии.

Церковь учит своих пастырей тому, что человек, созданный по образу и подобию Божию, несет в себе бессмертную душу, что он и в греховном состоянии продолжает сохранять богоподобные черты. «Даже при самом глубоком падении душа грешника остается драгоценной, хотя и загрязненной жемчужиной, которая может быть омыта Покаянием и вновь засиять своей первозданной божественной красотой».[18]

Кроме того, священник должен постоянно помнить об абсолютной тайне исповеди и никогда никому не сообщать о том, что поведал ему кающийся. Мерилом духовничества является заповедь: «Люби грешника, но ненавидь грех», и этой заповеди должны свято следовать все пастыри.

Пожалуй, средоточием пастырского служения является Евхаристия. При совершении данного таинства происходит настоящее единение священнослужителей и мирян, а главное – единение с Господом, который и установил Евхаристию во время Тайной Вечери незадолго до своего Распятия на Кресте. Священнослужители объясняют Евхаристию так: «Причащение есть таинство, в котором верующий под видом Хлеба и Вина вкушает (причащается) Самого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа во оставлении грехов и Жизнь Вечную».[19]

В переводе с греческого слово «Евхаристия» означает «благодарение». «В этом основополагающем таинстве, – пишется в «Настольной книге священнослужителя», – Церковь приносит благодарственную, хвалебную, умилостивительную и молитвенную жертву Богу за спасение всех людей – живых и умерших».[20]

Совершается Евхаристия во время литургии; считается, что в отличие от других служб, где Спаситель присутствует Своей благодатью, на литургии Он присутствует действительно Своим Телом и Своею Кровью и питает ими верующих. Так совершается бескровная жертва, суть которой – в приобщении к Телу и Крови Христовой, то есть к Самому Иисусу Христу.

Готовиться к этому таинству надо заранее, через пост, усиленное моление и безгреховную жизнь. В храм верующие являются с особенным проникновением в тайну Святого Причастия, пройдя предварительно чин Покаяния и очистившись таким образом от греха.

Еще апостол Павел, говоривший об установлении Иисусом Христом таинства Причащения, заметил: «Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1 Кор 11, 27–30).

Поэтому, готовясь к участию в таинстве Евхаристии (Причащения), которое еще называют таинством Благодарения, верующие говеют, так как говение – не только отказ от опреде-

ленной пищи, но и «нравственная, аскетическая и мистическая подготовка души и тела» к участию в священнодействии, которое недаром называют центральным таинством Церкви Христовой.

Богословы сравнивают Покаяние и Причащение мирян с библейской притчей о блудном сыне, который после долгих лишений и страданий пришел в дом отца своего и с мольбой о прощении припал к ногам его. Православная Церковь говорит о том, что современным людям, «согрешающим ежечасно», предлагается не мучительный и страдальческий путь блудного сына, а более краткий покаянный подвиг, который тоже требует духовного напряжения, осмысления и средоточия. Совершать его наскоро, едва оторвавшись от повседневных дел и затем снова погрузившись в житейскую суету, недопустимо и оскорбительно для истинно верующих и их пастырей. Исполнение таинства Причащения должно давать духовную пищу душе, способствовать очищению ее и приобщению к Богу.*

* Подробнее о Божественной литургии и таинстве причастия см. главу «Богослужение».

Чтобы понять, как Церковь относится к бракосочетанию и почему Брак входит в число семи таинств, обратимся снова к «Православному катехизису». Там говорится: «Брак есть таинство, в котором при свободном, пред священником и церковью обещании женихом и невестою взаимной супружеской верности, благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей».[21]

Другая церковная книга, «Кормчая», объясняет это таинство еще проще: «Брак есть союз мужчины и женщины на всю жизнь, общение в Божеском и человеческом праве».[22]

Когда Бог из земного праха создал первого человека Адама и вдохнул в него жизнь, и поставил выше всех творений земных, то увидел Он, что «не хорошо быть человеку одному» (Быт 2, 18). И решил Господь сотворить мужчине женщину, и сотворил ее из ребра Адамова, чтобы жили они вместе, деля все поровну и заботясь друг о друге.

Однако муж есть глава, а жена подчиняется мужу, как тело подчинено главе. Муж любит жену, а жена повинуется мужу, и такие отношения должны сохраняться между ними всю жизнь.

Еще св. Иоанн Златоуст, рассуждая о Браке, писал: «Брак поистине есть таинство и таинство великое: муж, оставив отца, который его вскормил и воспитал, и мать, которая носила его во

чреве и родила, оставив обоих, которые столько благодетельствовали ему, с которыми он долго жил и свыкся, прилепляется к той, которой не видал, которая не имеет с ним ничего общего, и предпочитает ее всем».[23]

И действительно, на протяжении долгих веков в человеческом обществе происходят одни и те же процессы: ребенок, пока мал, считает своих родителей самыми замечательными, самыми близкими и любимыми людьми; родители и дети связаны плотью, кровью, нравами, привычками; но вот наступает момент, когда юноша и девушка находят друг друга, и теперь муж для жены и жена для мужа ближе и дороже всех. Объясняется это тем, что отныне они таинственной благодатью Божией соединены в единую плоть, и потому Брак есть действительно тайна, и тайна великая.

Брачный союз мужчины и женщины установлен самим Творцом, ибо после создания первых людей Бог благословил их словами: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и владейте ею» (Быт 1, 28).

В земной жизни Иисус Христос подтвердил неприкосновенность Брака и возвел его в степень таинства. Вот что пишется в Евангелии от Матфея: «И приступили к Нему [Иисусу] фарисеи, и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф 19, 3–6).

Евангелисты передают также эпизод, известный как «Брачный пир в Кане Галилейской». Иисус Христос, начав Свое великое служение людям, вместе с Матерью Своею Марией и учениками явился на свадьбу в этом небольшом городке и здесь сотворил Свое первое чудо. Кончилось вино у хозяев, и очень они расстроились, что гости будут недовольны и упрекнут их. Тогда Иисус, по просьбе Матери Своей, претворил воду в вино, чтобы не было стыдно хозяевам выслушивать недовольства гостей. Своим присутствием на брачном пире Спаситель как бы освятил его, а вместе с ним и все брачные союзы, которые заключаются любящими мужчиной и женщиной.

Обряд бракосочетания имеет свою давнюю историю. Например, женитьба Исаака на Ревекке описана в Библии (Быт 24, 7, 12–14, 50, 51, 60). Тогда существовали уже основные элементы

сговора и самой церемонии: жених приносил невесте подарки, сватался, а отцы молодых договаривались друг с другом и готовили брачный пир. Заключался и брачный договор, в котором определялись взаимные обязательства будущих мужа и жены. Родители обязательно благословляли молодых. Сама церемония была достаточно продолжительной, в ней присутствовали и друзья жениха, и подруги невесты, девушку обводили три раза вокруг жениха, ставили на правую сторону его, жених брал невесту за руку, они принимали, как мы теперь говорим, поздравления от гостей, священник произносил брачное благословение, а молодые пили вино из одной чаши, и жених надевал кольцо невесте. После этого специальная палатка, где проходила брачная церемония, убиралась, и начинался пир, который длился семь дней. Эта цифра также восходит к Библии: именно семь лет работал библейский герой Иаков в доме Лавана вначале за Лию, а потом еще семь лет – за любимую им Рахиль (Быт 29, 1–6, 9–23, 25–30).

Христианский обряд бракосочетания имеет ряд общих черт с древним еврейским свадебным обрядом, ибо оттуда идут его истоки. Но греко-римские традиции также весьма сильно повлияли на формирование христианского таинства Брака. Долгое время брачному обряду предшествовало обучение, которое сопровождалось скреплением брачного контракта и дарением невесте кольца, которое могло быть из железа, серебра или золота в зависимости от благосостояния жениха. В те времена кольцо (перстень) было обычно украшено камнем с вырезанной эмблемой, которая служила личной печатью человека. Поэтому, когда такое кольцо надевалось на четвертый (безымянный) палец левой руки, говорилось, что это нужно для того, «чтобы положить печать на хозяйство»; считалось, что таким образом хозяйство переходило в руки женщины и поручалось ее заботам.

С X–XI вв. обручение стало совершаться в церкви, но отдельно от бракосочетания. Окончательно этот чин оформился к XVII в.

Цель брака – троякая: во-первых, сохранение и продолжение человеческого рода; во-вторых, взаимная помощь мужчины и женщины во всех жизненных трудностях; в-третьих, «обуздание беспорядочных чувственных инстинктов».

Православная Церковь устанавливает и определенные условия для вступления в брак: это и соответствующий возраст; и здравомыслие; и отсутствие близкого родства, как плотского, так и духовного; и желание супружества с данным человеком; и благословение родителей или родственников.

В России возраст жениха и невесты в разное время колебался: то 15 и 13 лет, то 15 и 12; во времена Петра I жениху должно было быть не менее 20, а невесте – не менее 17 лет.

Императрица Екатерина I в 1775 г. издала указ, из которого следовало: если повенчают жениха ранее 15 лет, а невесту – ранее 13, то брак считался недействительным, а повенчавший их священник лишался сана. Для южных народов возраст бракосочетания был меньше: для жениха – 15, для невесты – 13 лет.[24]

Сейчас церковный брак, который не имеет гражданской юридической силы, заключается только после того, как супруги зарегистрировались в ЗАГСе. Венчание проходит в церкви, на нем присутствуют родственники и друзья молодых, причем отсутствие родительского благословения сейчас не является препятствием для заключения брака. Совершает таинство священник из белого духовенства; не принято, чтобы венчал священнослужитель, принявший монашеский обет.

Это таинство совершается не во всякий день: нельзя венчаться во время всех четырех постов, в сырную седмицу, в Пасхальную седмицу, в период от Рождества Христова до Богоявления (святки). Не принято совершать браки в субботу, накануне двунадесятых, великих и храмовых праздников, нельзя венчаться по вторникам и четвергам (накануне постных дней – среда и пятница), 29 августа (день Усекновения главы Иоанна Предтечи) и 14 сентября (Воздвижение Креста Господня).

Не всякий гражданский брак может быть освящен Церковью. Так, не будут венчать людей, вступивших в четвертый, пятый и т. д. браки (допускается только три раза); некрещеных; находящихся в близкой степени родства, кровного или духовного, которое существует между крестным отцом и его крестником, между крестной матерью и ее крестницей, между родителями воспринятого от купели и восприемником. Специальное разрешение архиерея требуется для венчания православного с лицом другого вероисповедания. Такое же разрешение епархиального архиерея требуется для расторжения прежнего церковного брака и вступления в новый.

Правило о том, что жених и невеста должны вступать в брак по взаимному согласию и без всякого принуждения – увы! – часто нарушалось в обычной жизни. Вспомните картину известного русского живописца В.В. Пукирева «Неравный брак», вспомните опущенную голову молодой невесты, ее опухшие от слез красные веки, ее безвольно протянутую руку, на которую священник сейчас наденет кольцо. И вспомните самодовольного, почти в стар-

ческом возрасте, лысого жениха, с недовольством и вместе с тем с затаенной гордостью глядящего на молоденькую девушку, которая отныне будет подчиняться ему полностью. Картина проникнута горечью: брак не должен быть коммерческой сделкой, при которой богатый старый жених может купить себе бедную, но красивую и молодую невесту.

Сейчас обручение и венчание происходят вместе, одно следует за другим. По окончании литургии жених и невеста стоят в притворе храма лицом к алтарю, жених справа, невеста слева. Священник в полном облачении выходит из алтаря через Царские врата. В руках у него крест и Евангелие, которые возлагаются на аналой, стоящий посреди храма. За священником следует диакон, который выносит на специальном подносе кольца: они во время литургии лежали на святом престоле в алтаре.

Священник благословляет вступающих в брак и дает им зажженные свечи – знак радости, символ чистоты и целомудрия, света и любви. Эти свечи обычно большого размера, потому что они должны гореть на протяжении всего чинопоследования таинства Брака.

Священник вводит жениха и невесту в храм, совершает каждение перед ними, затем следуют определенные правилами молитвословия: молитва «Благословен Бог наш...», прошения о спасении сочетающих браком, о даровании им детей, о ниспослании совершенной любви и помощи...

После троекратного повторения слов «Обручается раб Божий (имя) рабе Божией (имя)», священник надевает кольцо сначала жениху, потом невесте. По старому обычаю, жениху золотое, а невесте серебряное. Кольцо – знак вечности и непрерывности брачного союза. После троекратного обмена кольцами серебряное остается у жениха, а золотое – у невесты в знак того, что «женской слабости передается мужественный дух». Далее следуют молитвы и напутственные слова священника, где вспоминаются библейские эпизоды и произносится краткая ектения с добавлением прошения об обрученных.[25]

Вслед за обручением следует само венчание. Жених и невеста, держа в руках зажженные свечи, выходят на середину храма. Хор поет псалом 127, в котором пророк – псалмопевец Давид – прославляет благословенное Богом супружество.

1. Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его!

2. Ты будешь есть от трудов рук твоих, блажен ты, и благо тебе!

3. Жена твоя, как плодовитая лоза, в доме твоем; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей.

6. Увидишь сыновей у сыновей твоих. Мир на Израиля!

Жених и невеста встают перед аналоем, на котором лежит Крест, Евангелие и венцы. Отвечая на вопросы священника, мужчина и женщина подтверждают свое искреннее желание вступить в брак друг с другом и заверяют, что не давали подобных обещаний другим.

После этого начинается венчание. Священник снова читает положенные по чину молитвы, вспоминает библейское создание женщины из ребра Адама, молит самого Спасителя благословить сочетающихся браком рабов Своих, как благословил Он Брак в Кане Галилейской. Вспоминаются библейские персонажи: Авраам и Сарра, Исаак и Ревекка, Иаков и Рахиль, родители пресвятой Богородицы Иоаким и Анна, родители Иоанна Предтечи Захарий и Елизавета. Священник молит о поминовении родителей, о чадородии, о единомыслии душ и телес, долголетии, взаимной любви, обилии благ земных и «венце неувядаемом на небесах».

Наконец наступает главный момент, когда священник, взяв венец, знаменует им крестообразно жениха и дает ему целовать образ Спасителя, прикрепленный к передней части венца. Таким же образом благословляется и невеста, которая целует образ Богоматери, прикрепленный на ее венце. Затем произносятся трижды тайносовершенные слова: «Господи, Боже наш, славою и честию венчай я *(их)*».

Смысл венчания, то есть возложения венцов на главы вступающих в брак прежде всего в том, что провозглашается честь и слава человеку как царю творения. На всю последующую жизнь муж и жена становятся друг для друга царем и царицей. Венцы символически передают также честь и славу мученических венцов, они являются и венцами Царства Божия.

Снимая венцы с головы жениха и невесты, священник произносит: «Восприими венцы их в Царствии Твоем», что значит: пусть в браке этом будет та совершенная любовь, единственным завершением и полнотой которой является Бог».[26]

После возложения венцов читаются отрывки из послания апостола Павла к ефесянам (5, 20–33) и Евангелия от Иоанна (2, 1–11). При чтении подчеркивается мысль, что земные чувства чудесным образом должны претворяться в чувства духовные, благодатные, соединяющие мужа и жену и всю церковь в Едином Господе. По Евангелию от Иоанна (2, 1–11) снова вспоминается Брак

в Кане Галилейской, где сам Христос благоволил присутствовать и совершить Свое первое чудо.

Читаются две ектении – просительная и сугубая, затем поется молитва Господня. Приносится общая чаша с вином, священник читает над ней молитву и, осенив чашу крестным знамением, дает испить из нее жениху и невесте. «Общая чаша – это общая судьба, с общими радостями, скорбями и утешениями и единая радость о Господе».[27] Священник соединяет правую руку жениха с правой рукой невесты, накрывает их епитрахилью, кладет сверху свою руку и трижды обводит новобрачных вокруг аналоя. Как и в чине Крещения, это круговое хождение означает вечное шествие супругов по жизни, шествие рука об руку, с воспоминанием о торжественной благодати дня венчания.

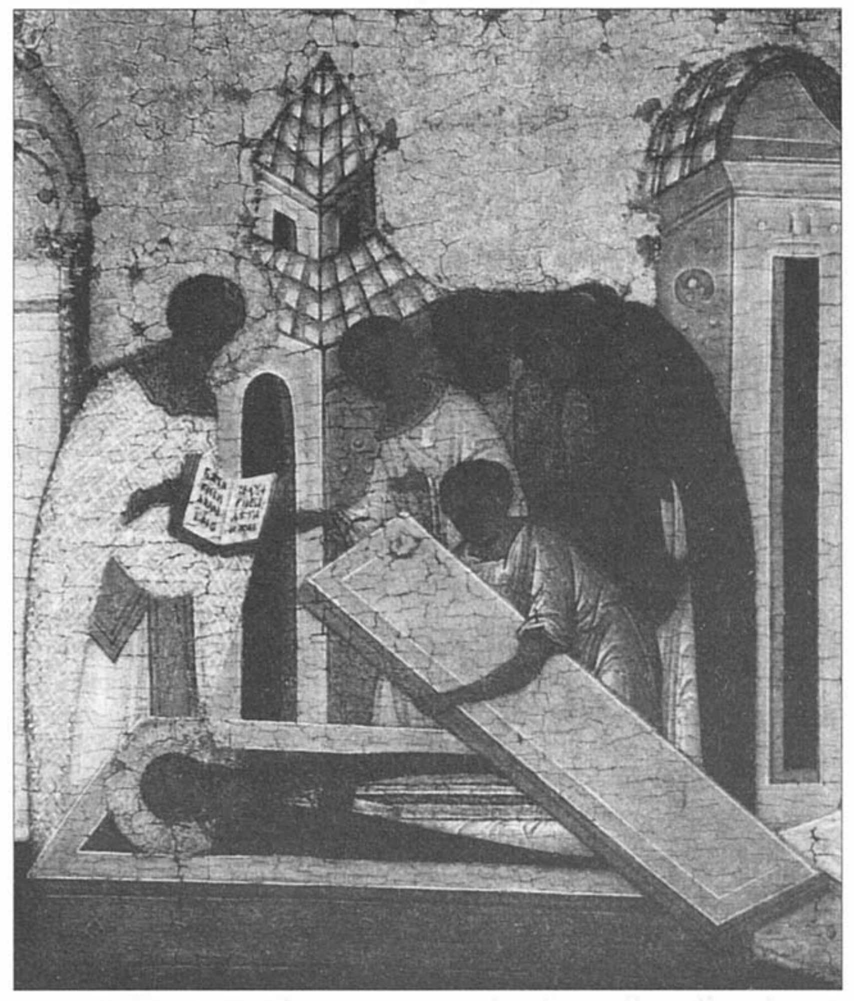
В конце бракосочетания снимаются венцы с голов обвенчавшихся, звучат заключительные молитвы и дается отпуст. Согласно обычаю, новобрачных подводят к Царским вратам, где жених целует икону Спасителя, а невеста – образ Пресвятой Богородицы. Затем они меняются местами. Здесь же священник дает им для целования Крест и две иконы: жениху – образ Спасителя, невесте – Богородицы. Обычно родители покупают эти иконы, приносят из храма домой, и они хранятся всю жизнь, как священническое и родительское благословение.

В древности, как новокрещеные семь дней носили свои белые одежды и на восьмой снимали их, так и новобрачные семь дней после венчания носили венцы и слагали их только на восьмой день. Но венцы, конечно, были не такие, как сейчас. Это были венки из миртовых или масличных листьев, украшенные цветами. Они хранились в семье всю жизнь, а по смерти надевались на умершего.

В заключительных словах священника напоминается от лица Церкви, что брачный союз освящен самим Иисусом Христом на свадьбе в Кане Галилейской, ознаменован Его чудом, и это – самое живительное и драгоценное в брачном союзе, который не должен быть осквернен суетою и страстями мира сего.

Таинство Елеосвящения или Соборования – не последний традиционный церковный обряд; оно предназначено не для человека, уже лишившегося сознания и находящегося на пороге смерти. Этот обряд предназначен для исцеления души от греха и от его последствий: телесных страданий, боли, отчаяния.

«Православный катехизис» говорит, что «елеосвящение есть таинство, в котором при помазании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и те-

Погребение святого. Клеймо иконы «Преп. Сергий Радонежский в житии». XVI в.

лесные».[28] Установление этого таинства также связано с земной жизнью Спасителя. В Евангелии от Марка говорится о том, как Иисус вылечил одного больного: «И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо... Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои» (Мк 2, 3–5). То есть болезнь, как сказал Спаситель, является от грехов людских. Тот же евангелист Марк подчеркивает, что потом и апостолы, посланные Спасителем, «изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк 6,13). Наиболее полно раскрывается таинство Елеосвящения в послании апостола Иакова, где го-

ворится: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак 5, 14–15).

Грехи в Елеосвящении отпускаются человеку не через исповедь, как в таинстве Покаяния, а без исповеди по молитве Церкви. Священнослужители считают, что таинство Елеосвящения помогло и помогает многим больным, но, к сожалению, к нему зачастую прибегают тогда, когда больной уже не подает надежды на выздоровление, и Елеосвящение становится напутствием в жизнь загробную.

Таинство Елеосвящения идет, видимо, также от Иисуса Христа, ибо Он, призвав апостолов своих, «дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» и заповедал им: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте» (Мф 10, 1, 8). Апостолы действительно «изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк 6, 13).

Елей издавна применялся как целебное средство: им смазывали различные раны. А в церковных преданиях и различных житиях описывается много случаев, когда слепые прозревали, смазав глаза елеем из лампад у святых гробов; когда расслабленные восставали, и больные члены тела становились здоровыми. В этих случаях елей получал чудодейственную целебную силу от молитв помазавшихся, от их веры и от небесной помощи святых, у мощей, или икон, или в храме которых происходило действие.

«В Елеосвящении, – пишется в «Настольной книге священнослужителя», – Церковь приходит к одру болящего и даже умирающего человека не восстанавливать его здоровье, не замещать медицину, когда та исчерпала свои возможности. Церковь в лице собора священников или одного священника приходит для того, чтобы ввести этого человека в Любовь, в Свет и Жизнь Христа. Она приходит не только для того, чтобы утешить его в страданиях, не только для того, чтобы помочь ему, нет, главным образом Церковь приходит для того, чтобы соделать человека учеником, исповедником, свидетелем Христа в своих страданиях, чтобы и он увидел небеса отверстые и Сына Человеческого одесную *(по правую руку)* Бога Отца».[29]

В России при патриархах совершалось елеопомазание всех, присутствующих в Успенском соборе Московского Кремля. В XIX в. оно происходило в Троице-Сергиевой лавре.

Преосвященный Гермоген, епископ Псковский и Порховский, на специальных чтениях о святых таинствах Православной

Церкви, прошедших в 1889 г. в Пскове, говорил о том, как совершалось елеопомазание тех, кто был в состоянии прийти в храм.[30]

...В Великий Четверг после утрени особый благовест созывал верующих в Успенский собор для елеопомазания... Его могли принять только те, кто выслушал в соборе все чинопоследования елеосвящения; потому врата в храме на все время от начала до конца службы затворялись. Среди храма ставился большой стол, покрытый пеленою, и на нем полагались крест, Евангелие, сосуд с пшеницею и с семью стручцами (спицами) и чаша с елеем и вином. Патриарх или митрополит в полном облачении выходил с шестью епископами и становился перед столом. Помазание совершалось после чтения отрывков из Евангелия и после особой молитвы, начинавшейся словами: «Безначальный Свете...» Первенствующий из архиереев помазывал участвовавших в елеосвящении священнослужителей, второй после него – царя, если он присутствовал в соборе, и сановников, остальные по очереди – прочих присутствующих. Иногда, уже после окончания всего чинопоследования, помазывали вместе все участвующие архиереи и иереи. Последнюю молитву читал и делал отпуст первенствующий из архиереев, над главою которого во время чтения молитвы священнослужители держали раскрытое Евангелие. Этот обряд совершался в России с XVI в.

Как и все другие таинства, Елеосвящение проникнуто скрытой символикой. Само совершение таинства приносит человеку освящение души и тела для вечного служения Богу еще на земле или по разлучении души с телом. Пшеница знаменует обновление жизни физической и духовной и надежду на будущее воскресение. Значение вина в том, что Целитель Небесный, соединивший в Себе правосудие и милосердие, соединяет вино и елей для врачевания нас от греха и последствий его.

Сейчас Елеосвящение может совершаться над лицами православного вероисповедания старше семи лет, страдающими телесными или душевными болезнями. Таинство может быть преподано даже физически здоровым людям, если их мучают уныние, скорбь, отчаяние. Часто Елеосвящение называется Соборованием, ибо оно совершается собором священников, коих должно быть семь.

Общее Соборование обычно проходит на Крестопоклонной или на Страстной Седмице в навечерии Великого Четверга или Великой Субботы в храме, но может быть преподано и на дому.

Ныне священнослужители в своей разъяснительной работе стараются объяснить прихожанам, что Елеосвященство, как духов-

ное врачевание, не устраняет законов физической природы. Оно поддерживает человека духовно, оказывая ему благодатную помощь, но не отменяет употребления лекарственных средств.

Елеосвящение состоит из следующих частей: 1) начало священнодействия; 2) пение канона; 3) освящение елея; 4) чтение семи посланий апостольских, семи Евангелий, семи молитв и семикратное помазание больного елеем; 5) чтение разрешительной молитвы и отпуст.

В таинстве Елеосвящения число «семь» повторяется несколько раз: его совершают семь пресвитеров, бывает семь чтений из «Апостола» и семь чтений из Евангелий, произносится семь молитв и совершается семь помазаний. Это число знаменует семь даров Духа Святого и напоминает о семи молитвах и поклонениях пророка Елисея, которыми он воскресил отрока (4 Цар 4, 35). Поскольку трудно собрать семь священников сразу для Соборования одного или нескольких человек, Церковь допускает совершение таинства тремя, двумя и даже одним священником. Но чинопоследование и в этих случаях не нарушается.

Как и в более ранние времена, для совершения таинства ставится блюдо с зернами пшеницы (ржи, проса, риса), посреди блюда устанавливается сосуд для освящения елея, в пшеницу водружаются семь палочек, обернутых ватой, и семь свечей.

После чтения молитв, покаянных тропарей, псалмов, канона об елее, кратких стихир бывает ектения об освящении елея и здравии болящего. В пустой сосуд, стоящий на пшенице, вливаются елей и вино, которое знаменует Кровь Христову. Возжигаются семь свечей над елеем и свечи в руках всех присутствующих. Читается «молитва елея» первенствующим иереем, а остальные вторят ему. В ней испрашивается, чтобы Господь, исцеляющий души и телеса, Сам освятил этот елей «во исцеление помазующегося и в очищение всякой страсти и скверны плоти и духа, и всякого зла».[31]

Перед каждым чтением из Евангелия идут чтения отрывков из Апостола.

Евангелие читается семь раз.[32] В первый раз вспоминается предание о самарянине, который милосердно помогал своему ближнему, израненному работниками (Лк 10, 25–37). Во втором чтении речь идет о мытаре Закхее, обратившемся к вере при посещении его Иисусом Христом (Лк 19, 1–10). В третьем повествуется о послании учеников на проповедь в Иудею, когда Господь дал им власть изгонять нечистых духов, исцелять всякие недуги и воскрешать мертвых (Мф 10, 1, 5–8). В четвертом повеству-

ется об исцелении Самим Спасителем тещи апостола Петра, лежащей в горячке, а также многих бесноватых (Мф 8, 14–16). В пятом, шестом и седьмом отрывках из Евангелий вспоминаются подходящие к случаю эпизоды: притча Господня о пяти мудрых и пяти неразумных девах, не приготовивших елея к встрече Жениха и оставшихся потому вне брачного пира – Царствия Небесного (Мф 25, 1–13); о великой вере женщины, испросившей здоровья своей дочери (Мф 15, 21–28), о словах Иисуса: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф 9, 9–13).

После каждого чтения совершается помазание больного елеем: первый иерей, взяв в руку стручец (палочку), обмакивает его в елей и крестообразно помазывает лоб, ноздри, щеки, губы, грудь и руки. При этом читается тайносовершительная формула, начало которой таково: «Отче Святый, Врачу душ и телес, пославый Единородного Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, всякий недуг исцеляющего, и от смерти избавляющего: исцели и раба Твоего (имя)...»

Каждый из семи священников после чтения из Апостола и Евангелия произносит эту тайносовершительную молитву целиком. После каждого из помазаний гасится одна из свечей, водруженных в пшеницу.

После последнего помазания пресвитеры окружают больного, и первенствующий с молитвами возлагает открытое святое Евангелие на голову принявшего таинство. После этого больной целует Евангелие, и таинство заканчивается краткой ектенией, двумя стихирами, последняя из которых посвящена Божией Матери, и отпустом.

Оставшиеся после совершения таинства стручцы, пшеницу и елей сжигают в церкви в жаровне, где приготавливается фимиам к каждению.

ВЕЛИКИЕ ПРАЗДНИКИ

В русской православной церкви установлено двенадцать основных (двунадесятых) праздников в воспоминание о земной жизни Иисуса Христа и Богородицы, а также о некоторых важных событиях церковной истории: Рождество Богородицы, Введение во храм, Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Богоявление (Крещение), Преображение, Вход в Иерусалим, Вознесение, Сошествие Святого Духа на апостолов, Успение Богоматери, Воздвижение Креста.

Иконы, в которых отображены события двунадесятых праздников, составляют основную часть праздничного чина иконостаса русского православного храма.

Кроме этих важнейших эпизодов, на иконах праздничного ряда бывают запечатлены и чудеса Иисуса: Брак в Кане Галилейской, Воскрешение Лазаря; и последние трагические дни земной жизни Христа: Тайная вечеря, Омовение ног, Преподание Хлеба, Преподание Вина, Распятие, Снятие с креста. Положение во гроб, Воскресение, Сошествие во ад, Жены-мироносицы у гроба Господня.

Различные праздники вводились постепенно, но основная цель Церкви при их установлении была одна: вспоминать жизнь и страдания Иисуса Христа, Богородицы и других святых, чтобы на их примере постигать благочестие, обновлять духовную жизнь прихожан, укреплять их веру. Церковь призывала верующих забыть на время ежедневные заботы, мирскую суету, погрузиться в тишину и спокойствие молитвы, предаться учению Божию и ощутить воздействие Его благодати.

Первые христианские праздники были установлены для воспоминания о смерти и воскресении Иисуса Христа. К VIII в. двенадцать великих праздников уже прочно вошли в быт верующих. Однако они были не совсем такие, которые мы знаем сейчас.

Рождество Богородицы. XIV в.

В XIV в. Никифор Каллист в стихах на греческом языке записал наименования великих праздников, которые тогда отмечались. Они следуют друг за другом в таком порядке (в переводе на русский язык): Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Богоявление, Преображение, Воскрешение Лазаря, Вход в Иерусалим, Распятие, Воскресение, Вознесение, Сошествие Святого Духа и Успение Пресвятой Богородицы. Сейчас Воскрешение Лазаря не входит в число великих двунадесятых праздников, а Воскресение Христово вошло в самый главный церковный праздник – Пасху, который впитал в себя и день Распятия, отмечавшийся в древности. С течением веков в числе двунадесятых праздников появились Рождество Пресвятой Богородицы и Воздвижение Креста.[1]

Великие праздники имеют предпразднества и попразднества, то есть приготовления к праздникам и заключение их. Последний день попразднества называется отданием празднику.

Пожалуй, самым радостным и значительным из двунадесятых праздников является Рождество Христово, предсказанное великими провидцами Ветхого Завета. Еще устами пророка Исайи было донесено до людей знамение Самого Бога: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис 7, 14). И евангелист Матфей, говоря о рождении Иисуса Христа, подчеркнул: «...да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф 1, 22–23).

Рождению Иисуса Христа предшествовали события земной жизни пресвятой Девы Марии, которые вошли в число двунадесятых праздников, названных Богородичными. Прежде всего, это, разумеется, РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ, которое отмечается 8 (21) сентября. Праздник известен с древних времен и упоминается уже в начале IV в., а с XIII в. он причислен к большим церковным праздникам. По сказаниям богословов Западной Церкви, праздник Рождества Богородицы был установлен в связи с тем, что в течение многих лет в ночь перед этим отмечаемым событием был слышен голос архангелов, которые на небе торжественно славили рождение Девы Марии. Папа Сергий, возглавлявший Западную Церковь, решил, что это знак свыше, и установил отмечать рождение пресвятой Девы и на земле 8 сентября.

Евангелие рассказывает, что святая Дева Мария родилась в конце I в. до н. э. в палестинском городе Назарете, где жила еврейская чета Иоакима и Анны. До глубокой старости не было у

них детей, но вот однажды явился Анне ангел и объявил, что родится у нее дочь, которую надлежит посвятить Богу, то есть в трехлетнем возрасте отдать на воспитание в храм. Младенец родился в положенный срок к радости родителей, и этот момент запечатлен на иконах Рождества Богородицы. Анна полулежит на высоком ложе, около нее служанки. Муж Анны, Иоаким, стоит у изголовья ложа в позе молящегося или любующегося Младенцем. Внизу обычно изображается сцена купания Младенца Марии. Служанки держат ребенка, пробуют воду в чаше. Иногда есть сцена, где Иоаким и Анна ласкают Младенца.

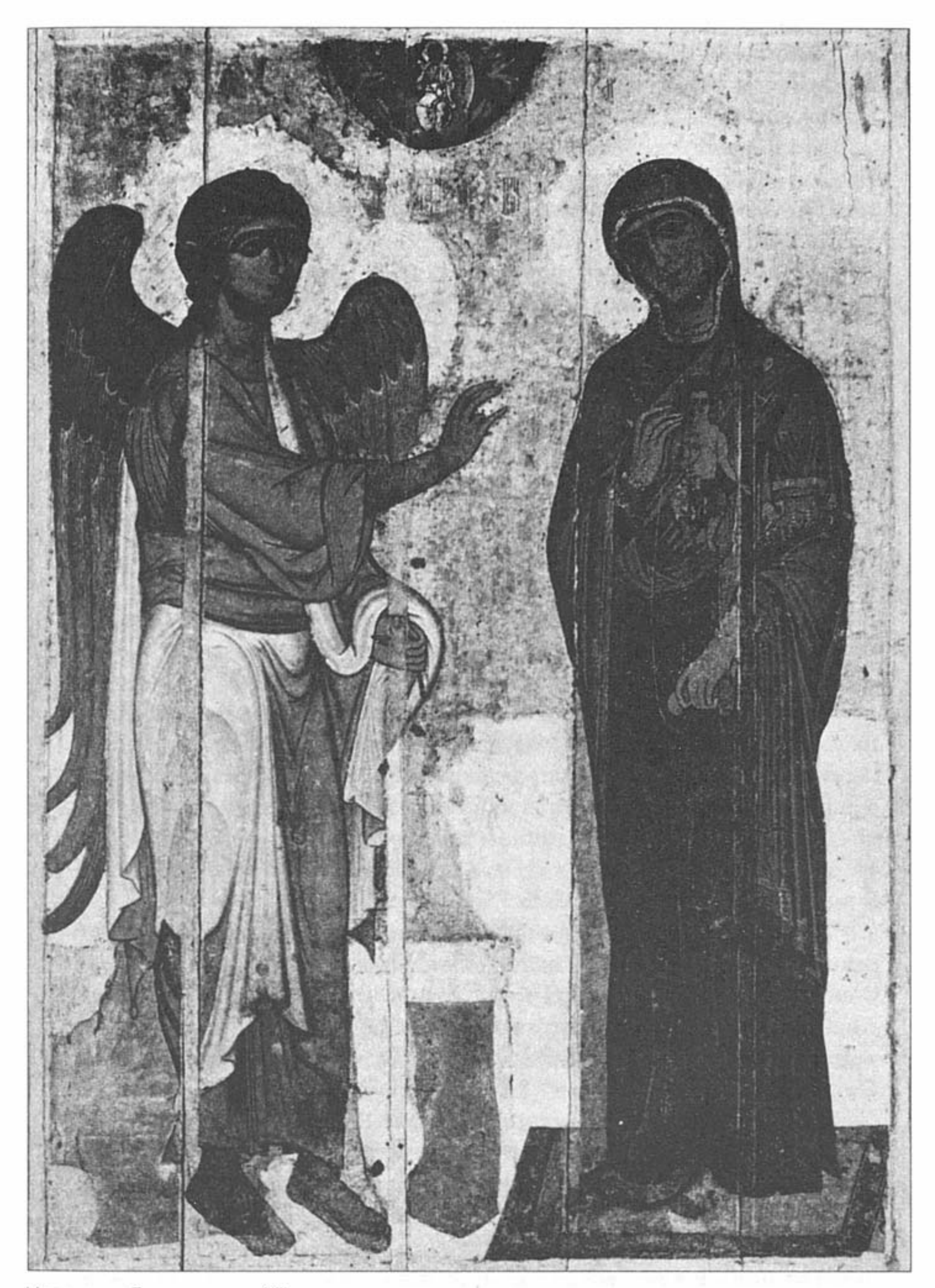
Второй праздник в честь Девы Марии – ВВЕДЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ВО ХРАМ, которой отмечается 21 ноября (4 декабря).

Когда Марии исполнилось три года, ее повели в Иерусалимский храм, где она должна была воспитываться и где потом жила до положенного срока. Пришел туда и первосвященник Захария. На иконах изображается встреча Марии с ним перед храмом. Обычно первосвященник и девочка Мария стоят на подножии около раскрытых ворот, здесь же родители Марии Анна и Иоаким, девы с зажженными свечами.

Иконография может быть несколько иной: Мария подходит к священнику с зажженной свечой в руках, за ней – пять или семь непорочных дев. Иногда изображается сцена питания Марии ангелом.

Пресвятая Дева поселилась при храме и жила там двенадцать лет. Когда она достигла совершеннолетия, то сама посвятила себя Богу, дав обет девства. Однако на пятнадцатом году жизни по совету и согласию священного Собора она была обручена со своим родственником Иосифом, 84-летним старцем, который стал обручником Марии и хранителем ее девства.

Третий великий Богородичный праздник – БЛАГОВЕЩЕНИЕ (благая, добрая, радостная весть), он отмечается 25 марта (7 апреля). Архангел Гавриил, вестник Бога, явился Деве Марии и сообщил Ей радостную весть о том, что Она станет Матерью. «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами... зачнешь во чреве и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус» (Лк 1, 28–31). И еще сказал Ангел непорочной Деве, что Сын Ее будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и Царству Его не будет конца. Спросила Мария: «Как же это будет, если я мужа не знаю». И Ангел объяснил Ей, что Дух Святой сойдет на

Устюжское Благовещение. XII в.

избранницу, посему и рождаемое Ею наречется Сыном Божиим. Сказал также небесный посланник, что и Елизавета, родственница Марии, всю жизнь бывшая неплодной, в старости зачала.

Когда же позже Мария навестила Елизавету, та приветствовала Ее словами: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк 1, 42–43).

И ответила Мария Елизавете смиренными словами глубокого благодарения Всевышнему: «...величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды» (Лк 1, 46–48).

Иосиф, которого одолевал дух сомнения, хотел тайно отпустить Марию, но тут явился ему во сне Ангел и сказал: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф 1, 20–21).

Праздник Благовещения весьма древний: он упоминается уже в III в. Многие богословы прошлого составляли тропари (особое церковное песнопение) и беседы, произносимые в этот день (например, беседа Иоанна Златоуста).

В разных церквах это событие отмечалось сначала в разные дни: в Константинополе – 18 декабря, в Миланской церкви – в последнее воскресенье перед праздником Рождества Христова, в Армянской церкви – 5 января, в навечерие Богоявления Господня.

Впоследствии за праздником Благовещения прочно закрепился день 25 марта (7 апреля), что соответствует девяти месяцам перед днем Рождения Христа.[2]

На иконах Благовещения изображается явление архангела Гавриила Деве Марии: он сообщает Ей радостную весть о том, что Она станет Матерью Бога. Обычно на иконах этого сюжета слева изображается архангел Гавриил, а справа, на фоне зданий, стоящая Мария с веретеном в руках (иногда – сидящая, иногда – без рукоделия). Бывает другая композиция – Богоматерь, черпая воду из колодца, (источника), оборачивается к летящему с ветвью архангелу.

Одна из самых ранних икон с сюжетом Благовещения – это икона XII в. «Устюжское Благовещение», которая находится в Третьяковской галерее. Здесь на груди Богоматери изображен Младенец Христос, как бы видимый через одежду. Икона считалась чудотворной, и у нее есть своя история.

Она прославилась в 1290 г., когда юродивый Прокопий объявил жителям Великого Устюга, что Бог хочет покарать их за гре-

хи. В определенный день – 8 июня – небо закрыли страшные тучи, черное облако надвигалось на город. Народ собрался в церкви, где вместе с юродивым молился перед иконой Благовещения. Вдруг из глаз Богородицы потекло миро. Народ воспринял этот знак как знамение слезного моления Богоматери перед Ее Сыном за род человеческий. Тучи пронеслись мимо, на пустом месте выпал, как говорится в предании, каменный дождь. С тех пор икона считается чудотворной.

В XVI в., при Иване Грозном, она была перенесена в Москву, в Успенский собор. В Устюге осталась копия с этой иконы.

В 1812 г. французы лишили икону ее богатого серебряного оклада, но устюжане через пять лет заменили его новым.

Икона с сюжетом «Благовещение» письма Андрея Рублева находится в Благовещенском соборе Московского Кремля.[3]

Таким образом, три Богородичных праздника предшествуют важнейшему великому Господнему празднику – РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ. С 25 декабря началась земная жизнь Спасителя, с этого дня началась история Его служения людям.

...Тогда от кесаря Августа пришло повеление сделать перепись по всей земле, и Иосиф вместе с Марией, ждущей ребенка, пошли из Назарета в Вифлеем, где должны были записаться. Мест в гостинице не было, и они разместились в пещере, укрывающей скот от непогоды. Там Мария родила сына и поместила его в ясли.

А пастухам, пасущим свои стада, явился ангел и объявил, что в Вифлееме родился Спаситель. Пастухи пошли в город, нашли Младенца в яслях и славили его.

И загорелась над Вифлеемом звезда, которую увидели волхвы с востока. Долго шли они за этой сверкающей звездой, и она привела их в Иерусалим. Волхвы начали узнавать о новорожденном, которого они называли Царем Иудейским. Встревожился царь Ирод, сам стал спрашивать у священников и книжников, где должен родиться Христос. Они же объяснили правителю, что в Вифлееме Иудейском появился Тот, Кто спасет народ свой. Ирод тайно призвал волхвов, выведал у них время появления звезды, послал их в Вифлеем, приказал все разведать о Младенце и на обратном пути рассказать ему. Волхвы ушли, и «звезда, которую они видели на востоке, шла перед ними... и остановилась над местом, где был Младенец» (Мф 2, 9). Войдя в дом, увидели они Младенца с Матерью, поклонились Ему и принесли дары. Во сне получили они откровение не возвращаться к Ироду, и ушли в свою страну другим путем.

На иконах в центре обычно изображается пещера, в ней – красное ложе, на котором возлежит Богоматерь. Рядом в яслях спеленутый Младенец, около которого – вол и осел.

На небе – Вифлеемская звезда, лучи от нее падают на Иисуса Христа. Среди гор – ангелы, волхвы с дарами, пастухи.

Внизу – сидящий в раздумье Иосиф, рядом с ним старец в шкуре, олицетворяющий «дух сомнения». Внизу справа – сцена омовения Младенца: две женщины держат ребенка и кувшин с водой.

Икона письма Андрея Рублева с этим сюжетом есть в праздничном чине иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля.[4]

Во время гонений на христиан место, где родился Иисус Христос, было осквернено: император Адриан поставил на нем статую бога Адониса. Когда же к власти пришел Константин Великий, утвердивший христианскую веру, на месте Вифлеемской пещеры была сооружена христианская церковь. Мать Константина Елена позаботилась об украшении храма. Там, где находились ясли, был возведен мраморный памятник с надписью: «Здесь от Марии Девы родился Иисус Христос».[5]

Отмечать Рождество Христово стали еще в апостольские времена, то есть в I в. н. э. С IV в. оно стало праздноваться во всем христианском мире. Ранние христиане отмечали 6 января тройной праздник в честь Иисуса Христа: Рождество, Крещение, Богоявление. Только в 354 г. Рождество Христово было выделено в самостоятельный праздник. Такие известные отцы Церкви, как Василий Великий, Иоанн Златоуст слагали беседы и слова к этому великому дню. С IV в. почти повсеместно он стал отмечаться 25 декабря (7 января).

По закону Моисея женщине после родов, если она родила младенца мужского пола, в течение сорока дней не разрешалось входить в храм. Если же появлялась на свет девочка – то и все восемьдесят. По истечении данного срока жена с новорожденным шла в храм, чтобы принести благодарственную жертву Богу. Это был день очищения. Вот и Богоматерь с Христом и своим обручником Иосифом пришли в Иерусалимский храм на сороковой день после рождения ребенка, чтобы посвятить Младенца Богу. В церкви их встретили глубокий старец Симеон и пророчица Анна, издавна жившая при храме. В свое время Симеону было предсказано, что он не умрет до тех пор, пока не увидит Христа. И вот Сретение (встреча) произошло.

Симеон взял Младенца на руки и сказал слова, которые стали молитвой и звучат ныне на богослужениях в церквах: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк 2, 29–32).

Старец Симеон, которого стали называть Богоприимцем, благословил Иосифа и Марию и сказал Пресвятой Деве слова, предрекающие будущие страдания Богоматери: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк 2, 35).

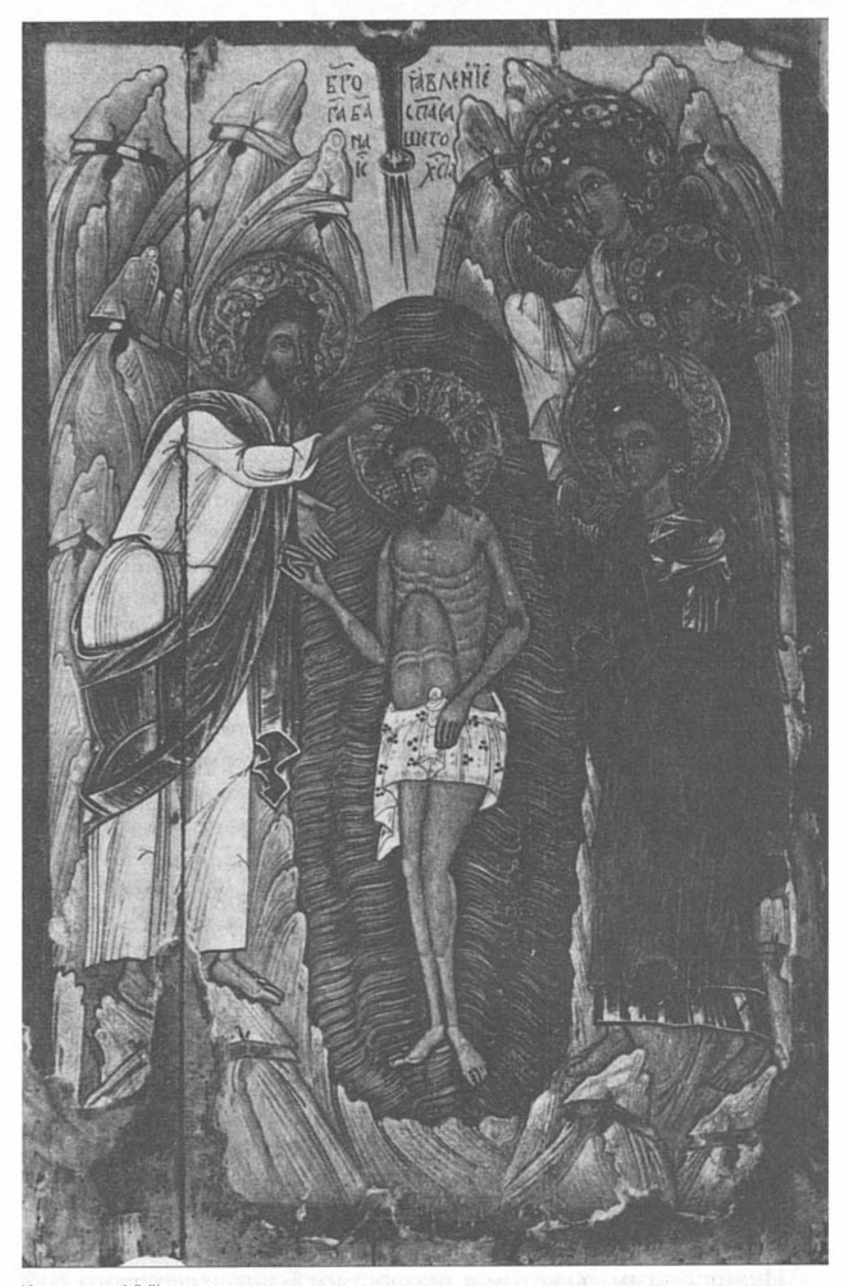
В воспоминание встречи Младенца Христа и Богоматери с Симеоном-Богоприимцем в Иерусалимском храме на сороковой день после рождения Иисуса и установлен Церковью праздник СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ.

С установлением данного праздника связано целое предание. В конце 541 г. в Константинополе и окрестных землях свирепствовала ужасная болезнь – моровая язва: в день от нее умирали от пяти до десяти тысяч человек. Три месяца страшное несчастье терзало людей, но к их страданиям прибавилось еще одно неотвратимое бедствие – землетрясение. Множество людей погибло; рушились здания, погребая под обломками жителей, целый город был буквально поглощен землей вместе с людьми.

Во время тех страшных бедствий одному благочестивому мужу было явление, из которого он узнал, что несчастья прекратятся, если в Греции будет установлено торжественное празднование Сретения Господня. С верою и радостью праздник был установлен 2 (15) февраля 542 г., и тотчас действительно кончились бедствия, постигшие Константинополь и другие города. Император Юстиниан повелел причислить сей день к большим церковным праздникам, и с тех пор Сретение неизменно отмечается Церковью как один из важнейших двунадесятых праздников.

На иконах изображается храм, на ступенях которого стоят Симеон Богоприимец и пророчица Анна. Богоматерь протягивает старцу Младенца. На некоторых иконах Симеон уже держит Христа, за Марией Иосиф несет двух голубей – очистительную жертву, причем рукава его платья закрывают кисти рук; к жертве нельзя прикасаться руками.

Икона с этим сюжетом в иконостасе Благовещенского собора Московского Кремля считается одной из лучших в праздничном ряду, наиболее «рублевской» по художественному мастерству.[6]

Крещение. XVII в.

В Священном Писании почти ничего не говорится о последующих тридцати годах жизни Иисуса Христа. Мы знаем лишь, что Иудейский царь Ирод, опасаясь за свою власть, приказал казнить всех младенцев мужского пола до двухлетнего возраста в Вифлееме и его окрестностях. Спасаясь от гнева Ирода, Святое Семейство удалилось в Египет. Когда же пришла весть о смерти Ирода, Мария с Младенцем и Иосифом вернулись в Назарет, и здесь Иисус жил до тридцатилетнего возраста, занимаясь хозяйством, плотничая и готовясь к своему великому служению.

Иоанн Предтеча, родственник и предшественник Христа, в это время уже проповедовал в пустыне Иорданской, возвещая близкое пришествие Мессии, призывая к покаянию и крестя пришедших к нему в реке Иордан.

Иисус Христос тоже явился к Иоанну Крестителю и просил крестить Его. «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты приходишь ко мне?» (Мф 3, 14). Но Иисус настоял на своем и крестился. В это время «Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный, в Тебе Мое благоволение» (Лк 3, 22).

Так на берегах Иордана открылись три лица Святой Троицы: Бог-Отец, чей глас раздался с небес, Бог-Сын – сам Иисус и Бог-Дух Святой, сошедший в виде голубя с небес. Именно поэтому праздник КРЕЩЕНИЯ, отмечающийся 6 (19) января, иначе называется праздником Богоявления. Он сначала праздновался вместе с Рождеством Христовым, но затем, с IV в., стал отмечаться самостоятельно.

В подражание Крещению Господню Восточная Церковь в навечерие этого торжественного праздника крестила ранее оглашенных, то есть приготовившихся к Святому Крещению.

Однако в наших северных краях 6 января слишком холодное время для крещения в открытом водоеме, потому у нас совершается обряд великого освящения воды – водосвятие. В столице на Москве-реке прорубалась Иордань (прорубь), военные выстраивались в парадных мундирах, священнослужители шли сюда с крестным ходом, чтобы совершить торжественное освящение воды, приезжали государи с женами и детьми. Одно такое водосвятие кончилось трагически для царя Петра II, внука императора Петра I. Ему едва исполнилось 14 лет, и два года он был уже на Российском престоле. 6 января 1730 г. Петр II присутствовал на параде по случаю водоосвящения, простудился, заболел оспой и 18 января скончался, оставив русский трон почти на весь XVIII век женщинам.

На иконах с сюжетом Крещения (Богоявления) в центре в реке стоит обнаженный Иисус Христос, справа от него Иоанн Креститель, на берегу – ангелы. Сверху на Христа нисходит Святой Дух в виде голубя или луча, ибо в Писании сказано, что по выходе Спасителя из воды Иоанн увидел Святого Духа, сходящего на него в виде голубя. Спаситель правой рукой, находящейся у бедра, благословляет.

В XVII в. в сюжет вводится Бог-Отец. В иконописном подлиннике пишется: «...Господь Саваоф в облацех, небеса аки отверсты, ризы на нем белы, Дух Святой от Него исходит трисиянен на Христа. Подпись: Сей есть Сын мой возлюбленный, о Нем же благоволих...»[7]

Иконы с сюжетом Крещения (Богоявления) находятся в иконостасах Благовещенского собора Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

После Крещения началось историческое служение Христа людям, длившееся всего три года, до Его распятия. Вместе со своими учениками ходил Он из города в город, из селения в селение, проповедовал Свое учение и творил чудеса. В тридцать третье лето Своей земной жизни Он объявил ученикам, что Ему должно много страдать и умереть, но чтобы апостолы были непоколебимы в вере, Христос решил явиться им в Своей Божественной славе, о которой они не помышляли.

Летней августовской ночью, шестого числа, взошел Иисус с учениками на Галилейскую гору Фавор помолиться и здесь ночью в присутствии трех своих ближайших учеников – Петра, Иакова и Иоанна – преобразился: «...вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк 9, 21).

Явились пророки Илия и Моисей и беседовали со Спасителем. С небес сошло светлое облако и слышан был глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте» (Лк 9, 35).

Апостолы испугались, но Христос успокоил их, а когда сходили с горы, предупредил, чтобы они никому не рассказывали об увиденном, пока Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

Начало праздника ПРЕОБРАЖЕНИЯ восходит к IV в., но только в средние века он стал отмечаться торжественно и повсеместно. Это случилось после того, как 6 (19) августа 1456 г. малые силы христиан одержали победу над сильным войском Магомета II, который уже взял Константинополь и устремился к другим городам. Папа Каллист III, усмотрев в этом знак Божий, сделал праз-

дник Преображения общим на всем Западе. Вслед за тем и Восток принял данное празднество как великое и всеобщее.

На иконах на вершине горы изображается в ярком сиянии Иисус Христос, по обеим сторонам Его стоят на горках пророки Илия и Моисей, а внизу – три апостола, испуганные и пораженные увиденным чудом. Петр и Иаков по бокам, в середине – самый молодой из них, Иоанн. От фигуры Иисуса к апостолам идут три ярких луча.

Моисей (молодой) со скрижалью (книгой) в руках изображается слева от Христа, Илия (старец) – справа.

Одежды Христа обычно белые, разделанные золотом или серебром, вокруг него – круг славы (иногда овального типа) светло-голубого, светло-синего или белого цвета.

Часто добавляются сцены восхождения Христа с апостолами на гору Фавор и схождения их с горы.

Иконы «Преображение» имеются в праздничных чинах иконостасов Благовещенского собора Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

Один из шедевров древнерусской церковной живописи – икона «Преображение» мастерской Феофана Грека, написанная в 1403 г. и бывшая храмовой иконой Спасо-Преображенского собора города Переяславля Залесского. Анализируя живописную манеру автора, искусствоведы отмечают «своеобразный сплав греческих и русских элементов», сочетание византийских черт в изображении Христа с русскими лицами пророков и апостолов.[8]

За неделю до своего распятия Христос пошел в Иерусалим.

Он остановился у горы Елеонской, подозвал к себе двух учеников и велел им идти в близлежащее село, чтобы взять там осла. Если же спросят, зачем берут, велел ответить, что это нужно Господу.

Осла привели, ученики накрыли его своими одеждами, Христос сел на него и поехал. Около Иерусалима навстречу ему вышло много народа.

Это было в последнее воскресенье перед Пасхой, которую иначе называли неделей Ваий – пальмовых ветвей. В России пальмовые ветви заменила верба, и потому воскресенье Входа Христа в Иерусалим называется Вербным воскресеньем.

В этот день верующим разрешено отступать от строгих правил Великого поста: священники снимают черные ризы и облачаются в праздничные одежды; вместо покаянных песнопений в

церквах звучат праздничные гимны; строгий пост послабляется: можно употреблять в пищу вино и рыбу.

Праздник ВХОДА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМ не имеет точной даты, так как отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой. Он высчитывается в соответствии с датой Пасхи, но обязательно приходится на воскресный день.

Перед входом в Иерусалим Иисус сотворил одно из самых замечательных своих чудес – воскресил мертвого человека по имени Лазарь.

Евангелие рассказывает, что в местечке Вифания жили две сестры – Марфа и Мария. Однажды захворал брат их Лазарь, которого они любили и почитали как отца. Сестры послали сказать Христу о болезни брата, но когда Иисус прибыл в Вифанию, прошло уже четыре дня с тех пор, как Лазарь умер. Христос пошел к пещере, где был похоронен Лазарь, велел отнять камень, загораживающий вход, заглянул в пещеру и громко сказал:

– Лазарь! Выходи!

И вот из пещеры действительно показался Лазарь, спеленутый как младенец по обычаям того времени (Ин 11, 17–44).

Присутствующие при чуде воскрешения склонились перед Христом.

Вслед за этим необычайным событием и состоялся Вход Господень в Иерусалим. В город накануне иудейской Пасхи прибыло много паломников, и всем им очень хотелось увидеть Того, Кто совершил такое чудо. Поэтому когда Иисус на осле, окруженный Своими учениками, вошел в город, все множество людей устремилось Ему навстречу. Иисусу устилали дорогу не только ветками пальм, но и собственной одеждой.

На иконах изображается Христос, который едет на осле. Сзади город, деревня, Елеонская гора. Спасителя с учениками встречает народ, путь Христа устилают одеждами и ветками деревьев. Часто встречаются бытовые сценки с детьми.

И хотя Воскрешение Лазаря не относится к числу великих двунадесятых праздников, икона с этим сюжетом, как и «Вход в Иерусалим», находится в праздничном ряду иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. Считается, что она принадлежит кисти Андрея Рублева.[9]

На иконе изображен Христос с группой апостолов сзади него, справа – темная высокая пещера. Иисус протягивает руки к уже вставшему спеленутому Лазарю. Здесь же прислужники, фарисеи, сестры Марфа и Мария, которые склоняются к ногам Христа.

Великий христианский праздник – ПАСХА – отмечается в промежутке между 22 марта (4 апреля) и 25 апреля (8 мая). Он установлен в воспоминание о страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа, его называют торжеством из торжеств, величайшим событием для каждого верующего. Вера в воскресение Христа является краеугольным камнем религии. В пасхальные дни траур по поводу смерти Христа соединяется с ликованием в честь его воскресения. Становление праздника христианской Пасхи закончилось в IV в. Чтобы не вызывать нареканий в заимствовании этого праздника у верующих иудеев, которые отмечают свою Пасху 14 числа лунного месяца нисана, христианская Церковь перенесла праздник на первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния. Но лунный календарь не совпадает с солнечным, поэтому пасхальный праздник христиан стал передвижным: его высчитывают по специальным таблицам довольно сложным путем. Эти таблицы празднования Пасхи называются пасхалиями.

После Своего воскресения Иисус Христос в течение сорока дней являлся ученикам Своим, говорил о Царствии Божием, наставлял их проповедовать Евангелие во всем мире и обещал быть со Своею Церковью до скончания века.

Следующий великий двунадесятый праздник, связанный с именем Иисуса Христа – ВОЗНЕСЕНИЕ. На сороковой день после Своего воскресения из мертвых Христос повел Своих учеников на гору Елеонскую и там у них на глазах вознесся на небо. Когда пораженные апостолы смотрели на возносящегося Христа, к ним явились два мужа и рассказали о втором пришествии Спасителя в конце мира.

Вверху икон в круглой славе, поддерживаемой двумя ангелами, изображается возносящийся Христос. Под ним, в центре, Богоматерь в позе Оранты с поднятыми в стороны и вверх руками.

В Евангелии о присутствии Богородицы при вознесении Христа не говорится; вероятно, ее образ здесь олицетворяет христианскую церковь.

Икона с сюжетом «Вознесение» письма Прохора с Городца есть в праздничном чине иконостаса Благовещенского собора и в праздничном чине иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

Кисти самого Андрея Рублева принадлежит икона «Вознесение» из праздничного ряда иконостаса Успенского собора во Владимире, написанная в 1408 г. и хранящаяся в Третьяковской галерее. Среди

Вознесение Господне. XVI в.

сохранившихся пяти икон этого праздничного чина, писанных разными мастерами и непохожих по манере исполнения друг на друга, икона «Вознесение» отличается высоким художественным уровнем.[10]

В одной из брошюр, посвященных празднику Вознесения, рассказывается, как отмечался этот день в небольшой сельской церкви.

«Начало июня. На чистом, без облачка, небе ослепительно яркое солнце. Тишина. Почти недвижима сочная зелень полей... Медленно, медленно движется солнце по бездонной синеве неба. Близится конец дня. Но даст ли вечерний сумрак столь желанную прохладу? Тишину раскалывает удар колокола. Церковь на холме, которая несколько минут назад казалась спящей, оживает. Звучит благовест ко всенощной. У входа в храм колышется празднично одетая толпа верующих. Они здесь, под открытым небом, ждут начала службы.

Вот из дверей появляется священнослужитель, облаченный в белые одежды. Он приступает к совершению массовой молитвы, литии, – молится о священном чине, о всякой душе скорбящей, об отцах и братьях, об избавлении от голода, заразы, землетрясения, наводнений, огня, меча, нашествия неприятельского и междоусобиц. Молитва сопровождается многократным «Господи помилуй». Звучат старательные голоса певчих.

Крестный ход движется вокруг храма внутри церковной ограды. Прихожане, паломники, пришедшие сюда, идут толпой, не умещаются на тропинке, ступают по траве.

Ночь постепенно окутывает серой дымкой окрестности. Дым зажженных факелов, заменяющих фонари, сливается с кадильным фимиамом, проникает за решетчатую чугунную ограду. Над спящими полями звучит пение священных гимнов. Поют все верующие, которые участвуют в крестном ходе...

Как бы встречая торжественное шествие, с высокой колокольни несется праздничный звон.

Но вот все вечерние богослужения и торжества кончились.

После краткого перерыва началась заутреня.

И наконец в восемь часов утра праздничный перезвон колоколов возвестил начало поздней литургии. Как и всенощную накануне, литургию пел стройный хор.

В конце литургии священнослужитель произнес длинную проповедь о празднике Вознесения...

Расходились после богослужения люди, в лучах солнца сверкали купола пустеющей церкви... Это было настоящее, перенесенное в сегодня из какого-то далекого прошлого».[11]

Не правда ли, яркая и впечатляющая картина? Так и тянет принять участие в этом празднике, и сожаление охватывает душу оттого, что тебя не было там, в этой сельской церкви...

В день Пятидесятницы (пятидесятый день после Пасхи) апостолы собрались вместе; вдруг послышался шум с неба, как будто от сильного ветра, явились огненные языки и низошли на каждого. Апостолы исполнились Святого Духа и начали говорить на разных языках – произошло своего рода посвящение апостолов в их проповедническую деятельность, их духовное крещение.

Праздник СОШЕСТВИЯ СВЯТОГО ДУХА НА АПОСТОЛОВ иначе называется Троицей. Православные богословы говорят, что в этом событии принял участие Бог в трех своих лицах, в трех ипостасях. Святой Дух исходил от Бога-Отца, а послан он был Богом-Сыном. В этот день Церковь украшена свежесорванными ветвями березы или молодыми деревцами. Верующие также несут с собой на богослужение ветви берез, а потом относят их домой, украшая свое жилище. Так что праздник, о котором идет речь, носит как бы тройное название: Пятидесятница (праздник древнееврейского народа, установленный в память дарования народу Закона на горе Синай), Сошествие Святого Духа на апостолов и Троица.

Обычай приносить березки в храм пошел от еще одного древнего славянского праздника – семика, которым завершались весенние пахотные работы и начинался новый важный для земледельца этап: начало цветения, колошения хлебов. В то время девушки шли в лес, срубали там березку, приносили в село, украшали лентами и цветами и водили вокруг нее хороводы. Пели разные обрядовые песни вроде этой:

Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые!
К вам девушки идут,
К вам красные идут,
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.[12]

Под березкой действительно угощались пирогами, яйцами, считая, что так люди заручаются поддержкой лесных и полевых духов. Древний языческий обычай органически вошел в праздник Троицы.

На иконах с сюжетом Сошествие Святого Духа на апостолов обычно изображаются двенадцать апостолов, которые сидят полукругом на фоне здания; наверху – Святой Дух в виде голубя, вокруг него блистает яркий свет и от него отходят двенадцать огненных языков, которые спускаются на каждого апостола. Внизу – небольшая пещера, в ней маститый старец в венце держит перед собой в обеих руках развернутое полотенце-убрус, на котором лежат двенадцать свитков-хартий (персонификация Космоса).

В XVII в. в композицию иногда включается Троица; с того времени на иконах всегда изображается Богоматерь, которая сидит в центре на возвышении, окруженная апостолами, а фигура «Космоса» исчезает.

Кисти Прохора с Городца принадлежит икона «Сошествие Святого Духа на апостолов» в праздничном чине иконостаса Благовещенского собора. Изображение сюжета есть также в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря.[13]

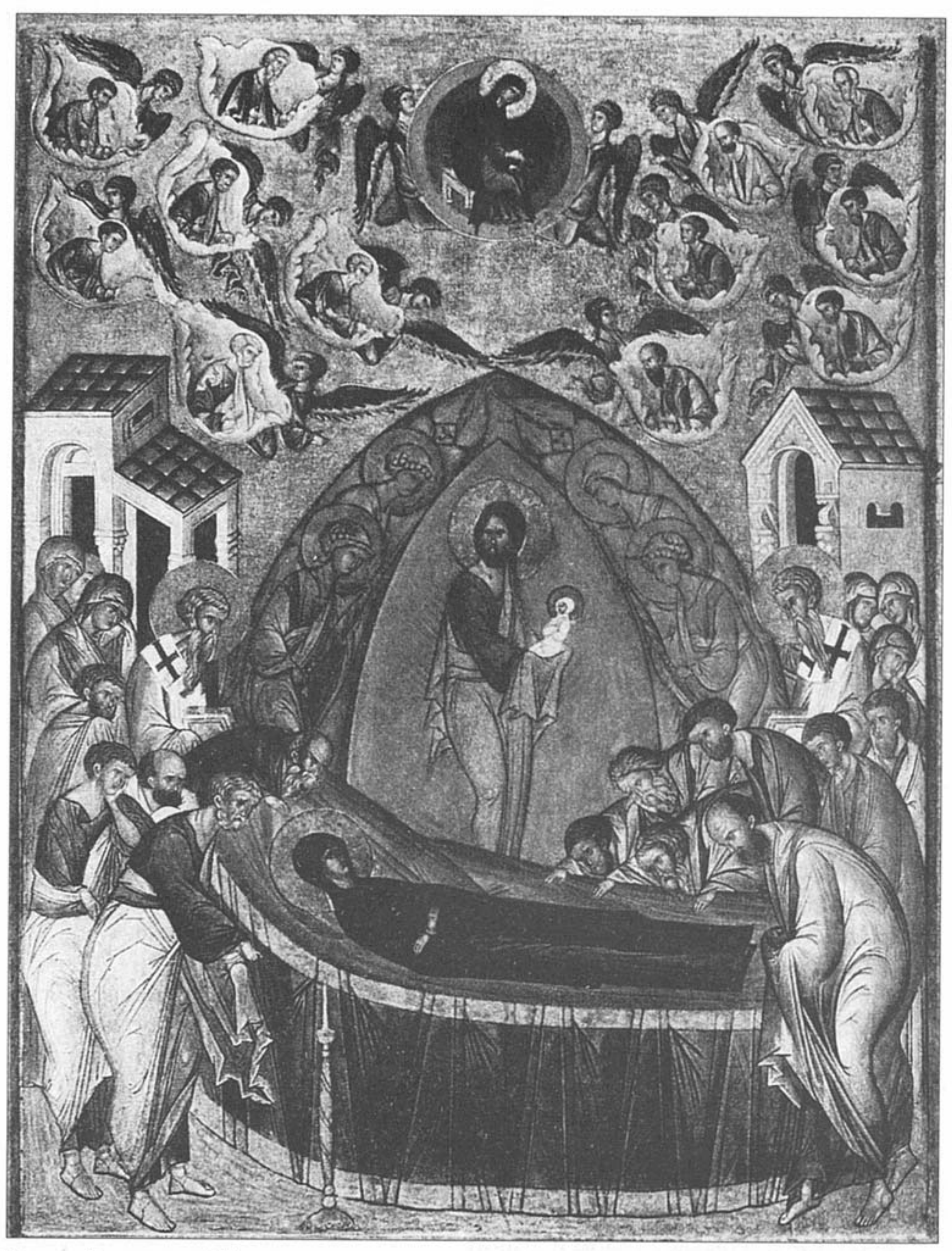
Еще один великий двунадесятый праздник посвящен Пресвятой Деве Марии – это УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ. На кресте, во время своих неимоверных страданий, Иисус препоручил свою мать любимому ученику Иоанну Богослову, в доме которого Богоматерь жила до самой кончины. Историки Церкви утверждают, что Мать Спасителя преставилась в Иерусалиме, в 48 г. от Рождества Христова.

Бог предвозвестил Ей Ее смерть. За три дня до кончины Марию посетил архангел Гавриил, который вручил Ей пальмовую ветвь. К моменту кончины все апостолы, которые находились в различных местах, были ангелами перенесены в Иерусалим к одру умирающей. Не успел только апостол Фома. В момент смерти комната наполнилась особым светом, в сопровождении ангелов с неба спустился Сам Христос и принял душу Своей Матери.

Богородицу похоронили в Гефсиманском саду. На третий день прибыл апостол Фома и захотел проститься с умершей. Когда гроб открыли, случилось чудо: тела Богородицы там не было, оно было взято на небо. В знак Своего воскресения Пресвятая Дева бросила опоздавшему апостолу Фоме Свой пояс.

Преставление Божией Матери называется Церковью Успением, ибо она на малое время погрузилась в смерть как в сон, но вскоре от того сна воспрянула и живой была взята Христом на небо, где пребывает телом и душой.

Первоначально праздник Успения Божией Матери отправлялся в январе. Но в 602 г. греческий император Маврикий повелел

Успение Богородицы. XV в.

перенести его на 15 (28) августа, ссылаясь на то, что в древних календарях он приходится именно на этот день.[14] Церковь в день Успения прославляет Богоматерь как Мать Спасителя Мира, Мать Жизни, которая избавляет от смерти души наши. Этот праздник овеян печалью от того, что Пресвятая Дева покинула мир и ушла в небо, но вместе с тем верующие радуются тому, что Богоматерь не осталась во гробе, а воскресла, вознеслась на небо и уже как Царица Небесная защищает всех любящих Ее, является заступницей и покровительницей всей Русской земли.

На иконах Успения на ложе лежит Богородица, у изголовья и в ногах стоят двенадцать апостолов, изображаются также епископы, святители.

Посередине на золотом фоне или в круге славы, иначе называемом мандорлой (*итал.* – «миндалина») – фигура Христа, держащего запеленутого младенца – душу Богоматери. К Христу летят архангелы, готовые принять душу.

Около ложа может стоять скамейка с кувшином, туфлями, свеча. С XV в. внизу стали изображать и такую сцену: ангел мечом отсекает руки Авфонию, пытавшемуся опрокинуть ложе Богоматери. Об этом сохранилось апокрифическое (написанное в более поздние времена, не вошедшее в основной текст Нового Завета) предание: когда апостолы провожали с пением тело Богоматери, иудейский первосвященник хотел остановить их. Но только он коснулся святого тела, огонь опалил его руки. Тогда первосвященник обратился с мольбой к апостолу Петру, по заступлению которого и получил исцеление. Часто изображаются и апостолы, спешащие со всех концов земли к месту смерти Богородицы. Они как бы восседают на облаках, которые несут ангелы.

Иногда встречается еще одна подробность: опоздавший апостол Фома получает из рук Богоматери, уносимой ангелами на небо, Ее пояс. Считается, что первая на Руси икона этого сюжета принесена из Царьграда в 1073 г. и вручена Антонию и Феодосию Печерским. Она находилась над Царскими вратами Успенской церкви Киево-Печерской лавры.

Древняя икона «Успение» конца XII – начала XIII вв. из Десятинной церкви в Новгороде имеется в коллекции Третьяковской галереи. Иконография усложненная, здесь представлено как бы несколько сцен. Одна – традиционная: около лежащей на ложе Богоматери столпились апостолы, а Христос принимает душу Матери. В другой те же апостолы летят к смертному одру Девы Марии на голубых облаках, следом за ангелами. И в третьей архангел Михаил возносит душу Богородицы в рай. Иисус на этой ико-

не предстает без круга. Автор выделяет и некоторые бытовые детали: за ложем стоят две свечи, а на скамеечке перед ложем – красные туфли Богоматери.

Сюжет «Успения» изображен и на обратной стороне иконы Феофана Грека «Богоматерь Донская», написанной в 1392 г. Здесь мастер особо выделяет фигуру Христа, держащего душу Марии на покрытых гиматием (плащом) руках. Его огромная по сравнению с другими персонажами фигура в окружении серафимов выделяется на фоне темно-синего круга славы. [15]

Последний великий двунадесятый праздник – ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ, которое отмечается 14 (27) сентября. Как известно, восторжествовало христианство в Византии при императоре Константине Великом и его матери Елене. Названный император был язычником, но в душе имел склонность к христианству. Когда же в 312 г. случилось некое чудо, Константин окончательно утвердился в новой вере.

Было так... Византийская армия двигалась вперед для осады Рима, где засел враг императора Максентий. Константин, как всегда, был впереди. Внезапно в небе вырос огромный светлый крест с надписью на латыни, которая в переводе означает: «Сим победиши».

На этом чудеса не кончились. На следующую ночь императору явился Иисус Христос, повелел устроить воинское знамя по образу небесного Креста и вырезать Крест на воинских щитах. Константин исполнил повеление свыше: он соорудил знамя в виде Креста с вензелем имени Спасителя и приказал носить хоругвь по всему войску. Император одержал блестящую победу, вошел в Рим и свято уверовал в силу животворящего Креста. На триумфальных воротах, сооруженных в Риме в честь победы, была сделана надпись, говорящая о вере Константина в Божественную силу Креста, дающего победу против врагов видимых и невидимых.

До Константина у язычников крест был презренным орудием казни: самого Христа вместе с разбойниками казнили этим жестоким способом. Теперь вслед за императором отношение к Кресту изменило и все общество: Крест стал почитаться как часть Божественной силы Спасителя, как орудие страданий и смерти Господа.

Видение Креста императору повторялось еще дважды, и Святой Крест с тех пор был водружен на римском Капитолии. Сам же Константин начал оказывать покровительство христианской

вере и христианской Церкви, которые до того три века преследовались.

Надо сказать, что явление Креста Константину случилось не ночью, в видении, а днем, и засвидетельствовано многими историками того времени, среди которых был и Сократ.

Явление Креста послужило к тому, что сам император и его мать Елена возымели благочестивое желание отыскать истинный Крест, на котором был распят Иисус Христос. В 326 г. царица Елена отправилась из Рима в Палестину и посетила святые места, связанные с именем Спасителя. Близ места казни Иисуса, на горе Голгофе, язычниками был построен храм Венеры. Храм разрушили, стали рыть там землю и обнаружили три креста. Как было определить тот, на котором распяли Христа? Иерусалимский епископ все три креста попеременно возлагал на мертвого, и от прикосновения одного, истинного, Господнего, мертвый ожил, ибо этот Крест был наделен чудодейственной силой. По другой версии, силу Креста испытывали на болящей женщине, которая исцелилась от прикосновения к истинному Кресту. Много народа пожелали увидеть Животворящую святыню. Чтобы удовлетворить благочестивое желание людей, патриарх Макарий показал народу честное древо во храме, с амвона, воздвигая и поднимая его на обозрение всем желающим. Данное событие, случившееся в 326 г., положило начало празднику Воздвижения животворящего Креста Господня.

Драгоценная находка, послужившая к обращению в христианство многих язычников, была поставлена в Иерусалиме. Часть Креста Елена отправила в Константинополь, к своему сыну, императору, который с благоговением принял сей драгоценный дар.

Позже, в конце XVIII в. часть Креста Господня оказалась и в России. Правивший тогда император Павел Петрович принял от Мальтийских рыцарей звание Магистра, а вместе с этим событием часть Креста Господня была перенесена с Мальты в Россию и помещена в Гатчине.
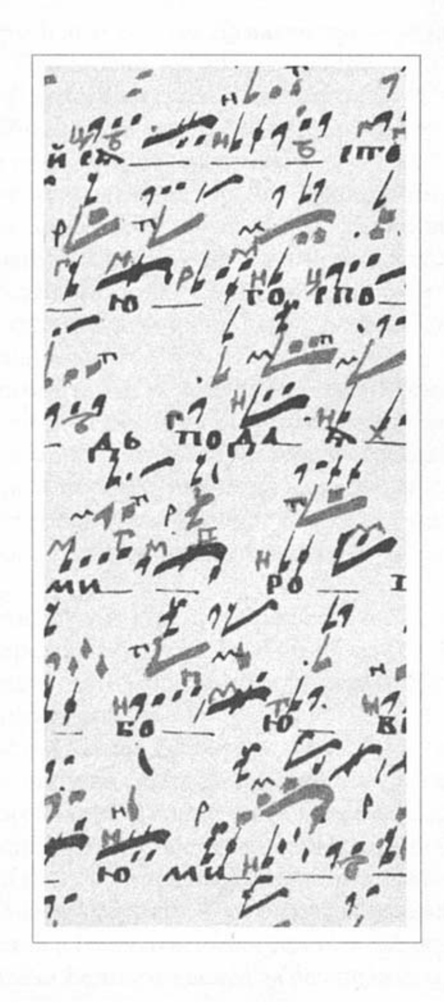
Поскольку императрица Елена обрела животворящий Крест Христов во время Пасхи, то праздник Воздвижения совершался прежде на другой день после Пасхи. Однако впоследствии он был перенесен на 14 сентября, что тоже имело свое основание. В 614 г. персидский царь Хозрой воевал с греческим императором. Воины Хозроя захватили Иерусалим, взяли в плен множество христиан и похитили Крест Господень. Четырнадцать лет святыня пребывала в руках язычников. И только сын Хозроя, взбунтовавшись

и убив своего отца, заключил мир с греческим императором и возвратил пленных и Крест, который прислал в Константинополь. Затем в 629 г. император переслал его в Иерусалим, и с тех пор 14 сентября считается праздником обретения и торжества Креста Господня. Этот день стал храмовым праздником церкви, которую император Константин Великий возвел в 335 г. в Иерусалиме для хранения в ней Креста Господня.[16]

Сейчас накануне праздника Крест, украшенный живыми цветами, выносится на середину храма в сопровождении печального пения и перезвона колоколов. В крупных храмах вслед за вынесением Креста совершается обряд его воздвижения: архиерей, архимандрит или старейший священник медленно поднимает и опускает Крест, хор много раз повторяет «Господи, помилуй», затем все присутствующие в храме приклоняются к Кресту, целуя его.

Культ Креста – это культ страдания, терпения, смирения, самоотвержения. На иконах этого сюжета изображается событие IV в. На золотом фоне возвышается главная церковь Иерусалима – храм, обычно с синими куполами. Перед ней (то есть, в соответствии с традицией, внутри нее) на возвышении стоит патриарх (епископ Иерусалимский) Макарий в белых святительских одеждах. Его окружают священнослужители, также одетые празднично. Высоко над головой поднимает Макарий Крест Господень, чтобы множество народа, присутствующее в церкви, могло видеть святыню. Здесь же облаченные в царские одежды император Константин и его мать Елена, хотя в момент воздвижения Креста в Иерусалимской церкви их там не было.

ДУХОВНОЕ ПЕНИЕ

В VIII в. в сирийском городе Дамаске жил преподобный Иоанн Дамаскин. Принятый ко двору калифа, он стал первым министром и Дамасским градоначальником. Истинный христианин, Иоанн заботился о своей братии во Христе, которая немало терпела притеснений от мусульман.[1]

В 726 г. греческий император Лев Исаврянин издал указ, в котором запретил почитание икон. Иоанн резко выступил против этого эдикта, написал несколько сочинений в защиту икон и послал их в Константинополь. Сочинения получили широкое распространение, их читали многие люди, осуждая императора и сочувствуя христианам.

Лев Исаврянин узнал о популярности писем, об их влиянии на народ, и решил отомстить сочинителю за нелицеприятные слова. Он приказал своему писцу почерком Иоанна написать послание, в котором первый министр калифа якобы обещал сдать Дамаск греческим властям. Калиф, получив подложное письмо, не стал долго разбираться: он приказал отсечь мнимому изменнику правую руку.

С отсеченной рукой Иоанн обратился к Пресвятой Деве Марии, пав ниц перед Ее образом. Горячо молил он Богородицу о заступлении, исцелении и оправдании, и молитва его была услышана: рука вновь приросла.

Благодарность Иоанна Божьей Матери была безмерна: к Ее образу с Богомладенцем на руках он прикрепил третью руку, и отсюда пошел образ Богоматери Троеручицы. Сложил также Иоанн и торжественную песнь: «Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися». А составленная им похвальная стихира в честь Богородицы «О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь» и до сих пор употребляется в богослужениях Восточной церкви: она поется в литургии Василия Великого вслед за освящением Даров.

После этого события Иоанн удалился из дворца калифа и ушел в монастырь, но здесь его ждали новые испытания. Один самый строгий инок взял Иоанна к себе в послушники, наложив строгую заповедь – ничего не писать. Трудно было замолчать песнопевцу, трудно было не слагать песен, стихир во славу Бога и его Пресвятой Матери. Долго крепился Иоанн, но однажды, когда умер близкий родственник одного из иноков, уговорил монах своего товарища написать что-нибудь «в облегчение скорби». И написал все-таки Иоанн несколько «умилительных» стихир, и сочинил мелодию для них: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...», «Кая житейская сладость бывает печали непричастна...». И хотя стихиры были превосходны и православная церковь доныне использует их при погребении умерших в надгробном пении, сам Иоанн понес суровое наказание за нарушение заповеди.

Однако строгий старец-наставник в конце концов простил преступившего заповедь инока. Тронуло его смирение Иоанна и просьбы братии. А в некоторых преданиях говорится, что явилась старцу во сне сама Богородица и упрекнула за то, что лишил песнопевца голоса:

«Зачем ты заградил источник, могущий источать сладкую и изобильную воду... Не препятствуй источнику течь... Он всю вселенную протечет и напоит». С того времени Иоанн Дамаскин, уже шестидесятилетний инок, приобрел большую известность как церковный песнопевец, так что современники называли его «златоструйным».

Этот эпизод из жизни преподобного вдохновил известного русского поэта и драматурга Алексея Константиновича Толстого на создание поэмы «Иоанн Дамаскин».[2] Из нее взяты слова для известного романса П.И. Чайковского «Благословляю вас, леса...».

Основой поэмы послужили события, связанные с уходом Иоанна Дамаскина в монастырь, где ему было запрещено писать; с нарушением преподобным этого наказа, с явлением Богородицы строгому иноку и разрешением святому старцу сочинять свои песнопения. Отвечая критикам поэмы, А.К. Толстой советовал им открыть «Четьи – Минеи» и прочитать в них житие преподобного: «Они увидят, что все было точно так, как я описал. Если бы я написал иначе, я бы отступил от предания»...[3] В поэме с большой художественной выразительностью переложены на современный язык основные мысли Иоанна Дамаскина, тот тропарь, что был сочинен на смерть родственника одного из иноков. Вот часть его.

Как ярый витязь смерть нашла,
Меня, как хищник, низложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем, как цветы, –
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши – разрушенье, –
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!
……………………………
Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды,
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье, –
Прими усопшего раба
В твои блаженные селенья!

Мы не случайно начали наш рассказ о церковном пении с повествования о преп. Иоанне Дамаскине – церковном песнопевце, написавшем 64 канона, в том числе канон на Рождество Христо-

во, на Богоявление Господне, на Вознесение Господне, Службу в день Пасхи и Октоих, или Осмогласник, который вскоре распространился во всей Восточной церкви.*[4]

Он не учредил и не изобрел осмогласие,** которое впоследствии легло в основу русского церковного пения. Однако Иоанн Дамаскин первый изложил осмогласие в строгой системе, первый написал теорию для практики церковного пения. Песнопения Октоиха Дамаскина были расположены в порядке гласов и, главное, здесь же была изображена музыкальными знаками мелодия. То есть Октоих был в полном смысле музыкальной книгой, где знаки писались над текстом священных песнопений. Знаки были уже известны, Дамаскин не менял ни формы их, ни количества, ни значения. Известно, что еще при жизни преподобного его Октоих широко употреблялся во всей Восточной церкви.

И поныне существует книга, которая называется Октоихом. В ней содержатся труды церковных песнопевцев, которые жили и до, и после Иоанна. Книга включает и мелодии разных авторов, распевших, как говорили, духовные тексты.

Октоих Дамаскина содержал в себе только службу на воскресные дни, отсюда некоторые исследователи делают выводы, что все песнопения и мелодии воскресных стихир, за исключением стихир евангельских и некоторых других, принадлежат св. Иоанну Дамаскину и им положены на музыкальные знаки.

Недаром в похвальном слове Иоанну, написанном Константином Акрополитом, говорилось: «Он украсил преславное Воскресение Спасителя стройными своими мелодиями, и притом не просто, но многообразно и многоразлично, составлением разных песнопений, удивительным сочетанием их и преемственною сменою их при исполнении».[5]

Говоря о значении Иоанна Дамаскина для церковного пения, профессор Московской консерватории Дим. Разумовский писал в прошлом веке: «Преп. Иоанн Дамаскин изложил теоретически музыкальную систему древнего осмогласия Восточной церкви, составил Октоих, как практическое руководство к изучению теории церковного пения, передал древнюю церковную мелодию на нотах или музыкальных знаках... Недаром называют Иоанна Дамаскина древнейшим учителем церковной музыки и первым нотописцем ее мелодии».[6]

* Октоих (*греч.* «восемь» и «глас»); Осмогласник – певческая книга православной церкви. Существует два вида Октоиха: богослужебный, содержащий тексты песнопений, и певческий – с записью напевов воскресных песнопений. Вместе с Триодью Октоих охватывает круг воскресных песнопений на весь год. Первое издание вышло в Москве в 1772 г.

** О принципах осмогласия в русском церковном пении см. ниже.

Христианство принесло на Русь и религиозный быт, и религиозное искусство, которое практически сразу стало на такую высоту, что ей могли бы позавидовать и представители западного искусства. «Религия несла с собой культуру, образованность и обеспечивала государственное единство. Естественно, что и искусство равнялось по наиболее организованной культурной силе», – писал академик Б.В. Асафьев в своем капитальном труде «Русская музыка от начала XIX столетия».[7] Тогда, когда сооружались знаменитые храмы Киева, Новгорода, Владимира, Москвы, тогда, когда создавались шедевры древнерусской живописи, когда божественные кисти Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия выводили на деревянных досках лики Иисуса Христа, Богоматери и святых, тогда же проходило становление и русского церковного пения.

Высказывая мысль о высоком уровне древнерусского певческого искусства, Б.В. Асафьев писал: «С точки зрения музыкального своего содержания древнерусский культовый мелос ценен ничуть не меньше памятников древнерусской живописи. Его «рисунок» отличается богатством оборотов, свежестью, размахом, выразительной напевностью и пластичностью. К сожалению и стыду нашему, русские исследователи – музыканты в отношении древнерусской музыки сильно отстали от «изобразников» и бродят в потемках, робко озираясь по сторонам, тогда как работы по изучению древнерусской живописи дают с каждым годом все более и более ценные открытия».[8] С того времени как Б.В. Асафьев писал эти строки, прошло более семидесяти лет. Появилось немало трудов, в которых описывается путь русской духовной музыки от зарождения до наших дней, раскрываются тайны нотной крюковой записи, дается характеристика знаменного распева. Крюковые нотные записи переводятся на современную нотную пятилинеечную запись, и замечательные хоры выступают в концертах с исполнением духовной музыки.

Однако старинная система богослужебного пения все еще ждет своего изучения и возрождения. Недаром современные исследователи считают, что «знаменное пение – это звуковое богословие, «иконописующее» (а не «живописующее») духовный мир», что «икона и знаменный распев – это не просто украшение службы, и часть службы, [ибо] красота – не цель, а путь и средство познания Бога».[9]

Подлинное открытие знаменного распева, каким он был до XVII в., еще впереди, и возрождение его считается «насущной необходимостью сегодняшней церковной жизни».

Музыка как таковая существовала и в Греции, и в Византии, и на Руси издревле, причем влияние Византии на придворный обиход русичей было весьма заметным. Константинопольские василевсы поражали именитых гостей из далекой Руси чудесами, среди которых было и «дерево на нем же седяху много различны птицы златые и песни возглашаху, яко от жива языка»...[10] То есть во дворце звучала музыка, и то, что сам музыкальный инструмент был вмонтирован в тельце небольшой птички, еще больше поражало воображение. Возможно, и княгине Ольге, посетившей Константинополь в 957 г., пришлось увидеть эти чудеса и услышать приветственные и торжественные звуки «духовных и ударных органов». Во время торжественного пира певчие из капелл церквей Апостолов и Св. Софии услаждали слух присутствующих царскими песнями и гимнами. Выступали и солисты, и хор, провозглашая торжественный гимн-многолетие, который затем вошел в церковный и придворный обиход древней Руси.

Особые режиссеры, носившие имя доместика зрелищ (архонта), вскоре появились и на русской земле, богатой талантами.*

В знаменитой Софии Киевской на стенах лестницы, ведущей на хоры, до сих пор сохранились фрески, представляющие музыкально-театральные сцены. Среди силачей, собирающихся начать бой, среди плясунов, водящих хоровод, мы видим и музыкантов, играющих на арфе, трубе, домбре и флейте. Искусствоведы считают эту живопись византийской по происхождению, что, с одной стороны, подчеркивает сильное влияние Византии на Русь, а с другой – говорит о том, что веселые песни и танцы были одним из любимых развлечений киевских князей и, пожалуй, вообще народа.

* Доместиками и в Византии, и на Руси называли мастеров пения, совмещавших обязанности певца-солиста, дирижера хора и учителя пения.

Когда Владимир Великий выбирал веру, помимо церковной роскоши византийцев его послов прельстило и церковное пение греков.

«...Патриарх повелел созвать клир, сотворил как положено праздничную службу, и кадило возожгли, и устроили хоры и пение. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую...»[11] Послы, рассказывающие о византийском богослужении, признавались, что во время оного не знали, на земле они или на небе.

Вероятно, при главном киевском храме – Десятинной Богородичной церкви – был учрежден и церковный хор. Поскольку митрополит, епископы и священники были греческого проис-

хождения, то и певцы скорее всего были греками. Кроме участия в богослужении, они, возможно, занимались и обучением местных певцов, отобранных для княжеского дворца.

Летописец Нестор записал в своем труде, что позже, при Ярославе Мудром, в 1051 г., когда был построен Софийский собор, в Киев приехали три греческих певца и учили русичей демественному пению. А Лаврентьевская летопись указывает на то, что близ княжеского двора находился и двор доместиков, как стали называть придворных певчих.[12]

Надо заметить, что в языческих храмах, еще до принятия христианства, были и жрецы-певцы, и специальная храмовая музыка, и как-то обученный хор. Помимо него, в молитвенных песнопениях принимал участие и народ. Здесь же, в храмах, находились и первые музыкальные инструменты – трубы, рога, не говоря уж о билах и клепалах. Любопытное замечание сделал музыковед Ник. Финдейзен: «...наше народное наименование священнослужителей попами едва ли не восходит к древнеславянским корням, когда, как мы знаем, поп и в женском роде – попейка обозначали певца и певицу...»[13] Поэтому автор допускает мысль о том, что еще до введения христианства «поп» находился в храме у западных славян в качестве священнодействующего певца.

В русских летописях и в устном народном творчестве часто встречаются упоминания о бубнах и трубах. Трубачи ездили на конях, вызывали на бой, возвещали победу. В лицевых рукописях (то есть с рисунками) можно видеть их изображения, причем трубы бывают различные: прямые, изогнутые, с широкими раструбами, украшенные замысловатыми орнаментами.

Но, пожалуй, наибольшей популярностью и любовью народа пользовались гусли. Помните, у Пушкина:

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу – прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.[14]

О певце-гусляре Баяне есть упоминание и в древнем памятнике «Слово о полку Игореве». Он жил, вероятно, в XII в. и своими

	Наим. по Разумовскому	Еванг. л. XI (ркп. Публ. б. F. I. 57)	Слав. еванг. XVI в. (Арх. Синода, № 24).	Греческие евангелия XI — XII в.
Строчные	Крест (крыж)			
	Апостроф			
Подстрочные	Скоба			
	Подвысь			
Надстрочные	Параклит			
	Крюк			
	Крюк светлый			
	Стрела			
	Апли			
	Палка			
	Двойная палка			
	Полу-статья			

Экфонетические знаки.

песнями-старинами услаждал слух князей, их дружинников и гостей. В гриднице великого князя не только звучали, но, видимо, и рождались новые поэтические повествования, воспевавшие героические дела князей и дружинников.

Таких «соловьев старого времени» было немало в Древней Руси. Однако постепенно, с внедрением христианства, совсем другая музыка зазвучала в храмах, да и в княжеских дворцах.

Стали выделяться русские знатоки церковного пения, причем некоторые из них были настолько известны, что их имена зафиксированы в летописях.

Так, у Феодосия Печерского был ученик Стефан, прославившийся в Киеве как замечательный доместик (певец). Вместе с тем он был и заместителем игумена Киево-Печерской лавры, то есть Феодосия Печерского, который и сам хорошо знал певческое дело.

В Ипатьевской летописи под 1243 г. речь идет о знаменитом («словутном») певце по имени Митусь, который не захотел почему-то служить князю Даниилу Волынскому и за то его «раздранного (истерзанного) аки связаного приведоша...»[15]

Сохранились письменные памятники древнего певческого искусства: это Евангелия с нотными знаками для чтения нараспев текста Священного Писания. Нотные знаки были взяты из византийской церковно-певческой нотации.

Старейшими подобными памятниками считаются так называемое Остромирово Евангелие и два пергаменных листа из Евангелия того же времени, известных под названием Куприяновских листов.[16] Нотные знаки их принадлежат к одной системе, призванной читать Священное Писание нараспев; это так называемая экфонетическая нотация. Так же читались псалмы и молитвы.

Впервые на эти знаки Остромирова Евангелия обратили внимание только в 1865 г., но и позднее они пребывали вне поля зрения музыковедов и историков, и только в начале XX века были как бы вновь найдены на страницах уникального памятника. С тех пор началось их исследование и попытки объяснить. Ученым пришлось больше пользоваться Куприяновскими листами, где таких знаков около двенадцати, причем они встречаются на 92-х строках из 160 строк всей рукописи. В Остромировом Евангелии всего два знака этой нотации. Подобные знаки встречаются и в более поздних Евангелиях (например, в Евангелии 1519 г.), но на них до конца XIX в. практически не обращали внимания.

Экфонетические знаки могли быть строчными, подстрочными и надстрочными. Таблица, взятая из книги «Очерки по истории музыки в России», выпущенной в 1928 г., наглядно показывает, как развивались эти знаки в течение веков, и доказывает, что часть из них вошла затем в состав нашей древнейшей знаменной нотации.[7]

Каждый знак имел свое значение для чтения нараспев: «крест» означал остановку в чтении текста, «апостроф» – связь и последовательность тонов слога (или слова) в нисходящем порядке; знак «подвысь» – требовал повышения голоса для данного слова; «параклит» – наиболее часто употреблявшийся знак в старой византийской нотации (а позднее и в русской знаменной), всегда

ставился в начале чтения и после остановки (+), поэтому был начальной нотой и одним из основных знамен в крюковой нотации; «крюк простой» выражал ноту понижающуюся, «крюк светлый» – ноту повышающуюся и т. д.[17]

Чтение (рецитация) Евангелия при различных службах, конечно, не было пением в нашем понимании, однако те знаки, та особая нотация, которая сопровождала древние тексты, предписывала определенные приемы передачи их голосом.

Церковное пение как таковое зарождается в эпоху Ярослава Мудрого. «Степенная книга» сообщает о том, что в 1053 г. при этом князе пришли в русскую землю три греческих певца со своими родственниками. Ипатьевская и Переяславская летописи под годом 6645 (1137) сообщают о более позднем событии: тогда при князе Мстиславе «поставлен был скопец Мануил епископом Смоленску, певец гораздый, иже пришел из грек сам третий».[18]

Так что смело можно утверждать, что русское церковное пение пошло от греков. В главе шестой степени второй «Степенной книги» названной «Богогласное пение от Грек», так говорится о начальном периоде русского церковного пения: «Не токмо же глаголы единеми благоволи Бог в Руси славитися имени Его святому, но и богогласным пением хотя украсити церковное исполнение. Веры же ради христолюбивого Ярослава, приидоша к нему от Царяграда богоподвизаемы трие певцы гречестии с роды своими. От них же начат быти в Рустей земли ангелоподобное пение изрядное осмогласие, наипаче же и трисоставное сладкогласование и самое красное демественное пение, в похвалу и славу Богу».[19]

Справедливости ради надо сказать, что некоторые ученые-музыковеды сомневаются, что в ту отдаленную эпоху на Руси было три вида пения, и считают, что трехголосное пение вполне может относится к XVI в., от которого до нас дошли старинные книги с крюковым письмом.

Музыковеды считают, что история русского церковного пения распадается на три этапа: I – старое истинноречие (с XI по XIV в.), II – раздельноречие (XV – сер. XVII в.); III – новое истинноречие (со второй половины XVII в.).

В певческих книгах первого периода текст писался так, как его тогда произносили. Полугласные ъ, ь, й нотировались отдельными знаками (знаменами) и пелись как гласные. Например, слово «днесь» надписывалось тремя нотными знаками, над каждой полугласной: дЬнЬсЬ.

В XV в. полугласные буквы, которые было трудно произносить и петь, были заменены гласными: ъ=о, ь=е, но они

произносились кратко. Однако в певческой практике разница между настоящими гласными О и Е и короткими О, Е, производными от полугласных Ъ, Ь, скоро сгладилась, так что получилась «текучая гладь», характерная для раздельноречного пения.

Так, в старом истинноречии было: «Съгрешихомъ, безъзаконовахомъ, не оправдихомъ предъ, тобою, ни съблюдихомъ, ни сътворихомъ, якоже заповеда намъ, но не предажь насъ до конъца отъчьскыи Боже».

В новом раздельноречии получалось так: «Согрешихомо и беззаконовахомо, не оправдихомо передо тобою, ни соблюдихомо, ни сотворихомо, якоже заповеда намо, но не предаиже насо до конеца отеческыи Боже».[20]

Поскольку в этом пении постоянно повторялись слоги «хомо», оно стало называться хомовым пением и сохранялось почти до нашего века у старообрядцев.

В певческих книгах XVI – начала XVII вв., кроме хомонии, распространены и так называемые аненайки и хабувы, придававшие довольно уродливый характер тексту. Видимо, слова эти старогреческого происхождения, но к XVI в. они давно утратили свой смысл. Объясняли их по-разному: одни считали, что это просто украшения, другие говорили, что где стоит хебуве – надо подразумевать Христе Боже, где хобува – тут Христа Бога, а где хабуву – там Христу Богу.

Однако текст был искорежен так, что докопаться до смысла было невозможно. Например, стих «В память вечную будет праведник» говорился так: «Во памя ахабува ахате, хе хе бу все вечную охо бу бува, сбудете праведе енихи ко хо бу бува». А фраза «Радуйтеся праведнии о Господе» превратилась в такую «Радуйте хе хе буве хеся ха ха бува епрахабува евелене охо господе, охобу бува, еприхабува, евелене охо господе, охо, бубува».[21]

Митрополит Макарий в своей «Истории русской церкви» замечает «При господствовавшем хомовом пении слова растягивались до бессмыслия, с переменою в них ударения, с переменою полугласных букв на гласные, с прибавлением новых гласных. Против такого бесчиния восставали еще Стоглавый собор и патриарх Гермоген...»[22]

К ним присоединились наиболее авторитетные иерархи, среди которых был и Никон, да и сам царь. Обратились к цареградскому (константинопольскому) патриарху, и тот ответил, что «чтение в церквах должно совершаться единогласно и певцам подобает петь согласно, а не рыканьем подобным».[23]

Великое нестроение образовывалось еще и потому, что служба велась многогласно, причем «один читал, другой в то же время пел, третий говорил ектении и возгласы».[24]

Московский церковный собор 1667 г. постановил «гласовое пение пети на речь», и с этого времени начался третий период, период нового истинноречия.

Тот же Финдейзен приводит в своих объемных «Очерках по истории музыки» такой пример произношения одной и той же фразы.[25]

I. Старое истинноречие. Четвероконьцьный миръ дьньсь освещаеться четвероконьчьноумоу възвышаемоу Твоемоу крьстоу.

II. Раздельноречие. Четвероконеченый миро денесе освещаетеся четвероконечену возвышаему Твоему кресту.

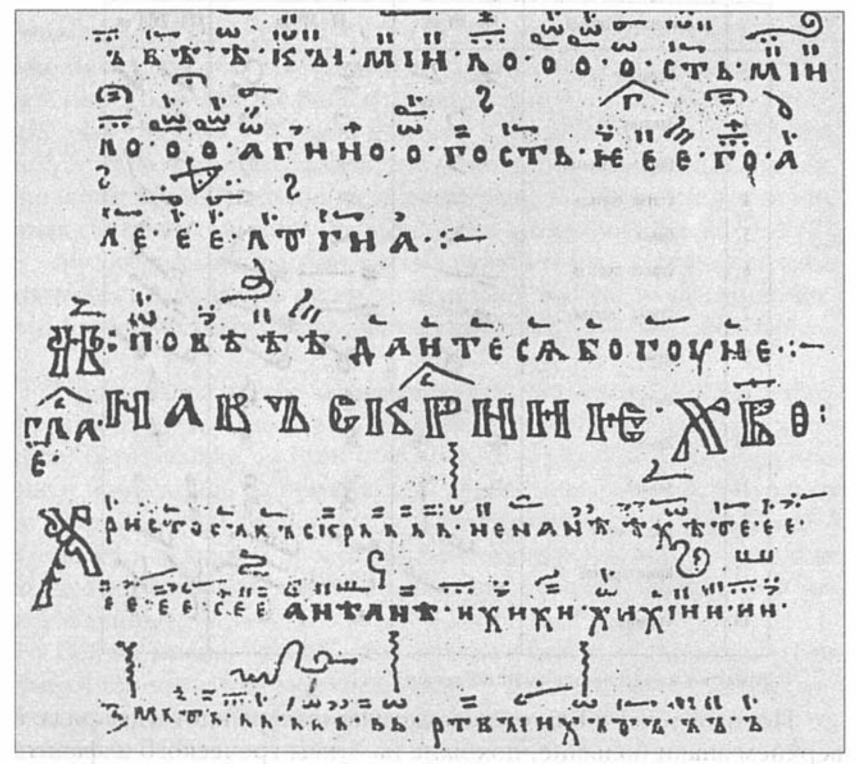
III. Новое истинноречие. Четвероконечный мир днесь освещается четвероконечному возвышаему Твоему кресту.

Собственные напевы в церковном пении на Руси стали появляться тогда, когда были канонизированы первые русские святые и когда им были составлены службы и песнопения. Вероятно, это были стихиры братьям Борису и Глебу, убитым Святополком Окаянным, преп. Феодосию Печерскому, а также в память перенесения мощей Николая Чудотворца в город Бар (1072, 1095, 1087 гг.).

Долгое время тексты богослужений исполнялись и на греческом, и на русском языках. До сих пор в храмах звучат греческие возгласы: «Ис полла эти деспота» (На многие лета, владыко), «Кирие елейсон» (Господи, помилуй), «Аксиос» (достоин) и др.

В памятниках древнейшего периода встречаются две самостоятельные нотации: кондакарная и знаменная. Первая со временем была совершенно забыта, и даже ключ к ней, по мнению многих ученых, потерян.

Музыковед Ю. Келдыш в своей «Истории русской музыки» высказал мнение о том, что кондакарное пение близко к той пышной, виртуозной певческой манере, которая была распространена в Византии в X–XI вв. «Кондакарное пение, – считает он, – видимо, не пользовалось массовой распространенностью, являясь достоянием наиболее образованной верхушки русского общества XI–XII веков. Его характер отвечал развитому и пышному блеску и роскоши, получившей столь яркое отражение в памятниках архитектуры, изобразительного искусства и художественно выполненных предметах домашней утвари. Понимание всех тонкостей кондакарного пения должно было предполагать в его слушателях и ценителях не только определенный минимум культурного развития, но и известную степень интеллектуальной и эстетической

Кондакарь XII в. Нижегородского Благовещенского монастыря.

рафинированности. Оно могло найти отклик в той среде, которую имел в виду знаменитый проповедник XI века митрополит Иларион, прямо говоривший в своем «Слове о законе и благодати», что обращается к людям, «преизлиха насытившимся сладости книжныя». Будучи типичным продуктом этого верхнего утонченного слоя древнерусской культуры, кондакарное пение отмирает вместе с упадком самого Киева и разложением тех жизненных форм, которые складываются в цветущую пору его существования».[26]

Сохранилось пять рукописей так называемых конда́карей, лучший из которых «Благовещенский», из Благовещенского монастыря Нижегородской области. Он относится к XII в. и нотирован кондакарным знаменем. Кондакарь – это певческая книга, собрание кондаков кратких песней в похвалу какому-либо святому или празднику. Слово «кондак» – древнее, оно встречается в Ипатьевской летописи под 1111 г.: «Володимер пристави попы своя, едучи пред полком пети тропари и коньдакы хреста честного».[27]

	наименование знамен	XII–XIV вв.	XV–XVI вв.	XVII–XVIII вв.
1	Параклит			
2	Запятая			
3	Голубчик борзый			
4	Статья светлая			
5	Палка			
6	Стрела простая			
7	Стрела светлая			
8	Паук			
9	Фита			
10	Крыж			
11	Змийца			
12	Два в челну			
13	Крюк простой			
14	Стопица			

Развитие начертаний знамен по векам.

Нотный текст в Благовещенском кондакаре идет в два ряда: в верхнем знаки большие, похожие на буквы греческого алфавита и поставленные более редко; в нижнем – сплошной ряд знамен меньшего размера. Начертания некоторых кондакарных знаков приближается к знакам экфонетической нотации и, вероятно, развились из них. Кондакарная нотация была заимствована из певческой практики греческой церкви. Такие знаки, как крыж, крюк, стрела, параклит, двойная палка и др. являются общими для трех древних нотаций: экфонетической, кондакарной и древней знаменной. Существует мнение, что верхняя строка кондакарной нотации служила пояснением для регентов, чтобы дать тот или иной оттенок исполнению. Нижняя строка изображала самый кондакарный распев. Кондакарная нотация не сохранилась нигде в мире, кроме России.

Знаменная нотация послужила основой для крюковой, лишь в более поздние времена уступившей место пятилинейной нотации, пришедшей из Киева.

Знаменная нотация также не до конца исследована. В одних азбуках называется 63 знака, в других перечисляются всего 43, а в знаменном ирмологе XIII в. насчитывают более 90 знамен. Си-

стематизация их велась в XVII в. и позже, в период «завершения и полного развития знаменной нотации, к тому времени получившей иное, более рельефное и резко очерченное угольное (крюковое) начертание».[28] В связи с этим с конца XVI в. такая нотация получила название крюковой. Вот некоторые из названий знамен: параклит, змийца, голубец, стопица, чашка, чашка полная, крюк, крюк светлый, скамейка, стрела, палка, дуда, ключ и т. д.[29]

Музыкальный смысл знамен и крюков точно не определялся и постижение их велось путем долголетней выучки и практики. Высота звуков обозначалась словами «простой, светлый, мрачный».

Крюковые книги – единственный вид записанной древнерусской музыки. Прочитать и осмыслить эти безлинейные рукописи, бытовавшие на Руси с XI по XVI в. – гигантский труд, ибо знаки изменялись на протяжении веков, и изменялись не только по внешнему виду. Менялось их взаимоотношение, исчезали одни и появлялись другие, да и самих певческих рукописей, дошедших до нашего времени, много: их тысячи, но, естественно, они неравноценны.

Сейчас можно только сказать, что музыковеды-исследователи сумели прочитать певческие книги XVII в. благодаря особым киноварным (красным) пометам, которые называют по имени их создателя Шайдуровскими.

Иван Акимович Шайдуров был выдающимся теоретиком музыки конца XVI в. К тому времени число знамен, употреблявшихся в певческой практике, значительно возросло, а те, что указывали на высоту звука, были несовершенны. Молодые певцы с огромными трудностями постигали начала богослужебного пения, поэтому регенты хоров и певческих школ стали вводить в практику особые киноварные пометы, которые обозначали высоту данного знамени или крюка. На западе подобные пометки были известны еще с XI в., когда монах Герман Контрактус ввел буквенные обозначения в певческое дело: t (tonus) – целый тон, s (semitonus) – полутон, ts (tonus cum semitonus) – малая терция и др. Западные пометы обозначали длительность нотных знаков, а русские высоту и характер исполнения знамени.[30]

Новгородец И.А. Шайдуров привел киноварные пометы в стройную систему, они прочно закрепились в записях крюковой нотации и получили повсеместное распространение. Буквы славянской азбуки обозначали начало, первые буквы слов, которые употреблялись при церковном пении.

	простой	мрачный	светлый	тресветлый
крюк				
стрела				
статья				
подчашие				

Высота звуков в знаменной нотации.

Г или ГН – гораздо низко
Н – низко
С – средним гласом
М – мрачно
П – повыше мрачно.[31]

Эти пометы стали называть степенными, так как они указывали на высоту (то есть степень) знамени. Потом появились пометы указательные (указывавшие способ исполнения знамени) и осмогласные, указывавшие, на какой глас надо исполнять данный текст.

Во второй половине XVII в. киноварные пометки, изложенные Шайдуровым в его трактате «Сказания о подметах, еже пишутся в пении под знаменем», встречаются в большинстве крюковых рукописей. Они были как бы узаконены особой комиссией во главе с известным старцем Александром Мезенцем, издавшим популярную «Азбуку знаменного пения».*

* См. цветную вкладку.

В рукописях XVII в. часто можно встретить указания на «распевы». Известны греческий, болгарский, киевский, малый знаменный и самый популярный большой знаменный распев. Знаменный распев (иначе – крюковое пение) – целая система старинных православных церковных напевов. Его название, как уже говорилось, идет от древнеславянского слова «знамя», что значит – певческий знак. Знаменный распев имеет различные варианты, связанные с различными церковными службами (большой и малый знаменные распевы), с именами народов, городов (болгарский, киевский) и т. д.

Мелодическая сторона этих богослужебных песнопений очень разнообразна. Напевы строятся из так называемых попевок – отдельных, разных по продолжительности самостоятельных оборотов. Попевки имели свое название.

Знаменный распев основан на системе восьми гласов, осмигласии. Глас – древнерусское наименование лада. Каждый глас отличался от другого по попевкам, мелодическим оборотам, количество которых с вариантами в каждом отдельном гласе достигало нескольких десятков. Один и тот же текст мог быть распет разными мелодическими приемами, что давало значительную свободу творчеству церковных певцов. Восемь гласов разделяются на четыре главных и четыре дополнительных. Эту систему привел в полное соответствие еще Иоанн Дамаскин и установил полный круг церковных песнопений. Собранные вместе, они называются Осмогласником или Октоихом, который заключает в себе полный круг знаменного пения на все восемь гласов. Знаменный распев был канонизирован православной церковью во второй половине XVIII в. в виде свода основных одноголосых песнопений.[32]

Начиная с XVI в. появляются свидетельства многоголосого исполнения знаменного распева, а со второй половины XVII в. многоголосие стало весьма распространенным в церковных богослужениях. В настоящее время одноголосная форма знаменного распева сохранилась только у старообрядцев.

С развитием пышности в обиходе московского царского двора появилась и придворная капелла, члены которой назывались государевыми певчими дьяками. Сначала она представляла из себя небольшой хор, человек в тридцать, а в конце XVII в. его численность увеличилась до семидесяти человек. Летописи отмечают такую капеллу при дворе Василия III (1505–1533). Но, вероятно, она зародилась раньше, в эпоху Ивана III (1462–1505), старавшегося в московской глуши насадить пышность и великолепие византийских правителей, построившего в 1479 г. грандиозный Успенский собор в Кремле. Едва ли эта соборная церковь, которая была «чудна велми величеством, и высотою, и светлостию, и пространством», обходилась без хорошего хора. Однако первое упоминание о церковном певческом дьяке относится к 1538–1539 гг.: некоего Ивашку Костицу, старого, заслуженного дьяка повысили в чине – сделали приставом (таков уж был обычай) и послали на обыск в Медынский уезд по делу об убийстве, совершенном там. Молодой Иван Грозный в 1551 г. также наградил приставством четырех своих певчих дьяков.[33]

Певчие дьяки должны были участвовать в богослужениях в дворцовых церквах и сопровождать государя в его походах. С Иваном IV певчие были в Новгороде, в Казани; постоянно находились они и в Александровской слободе. Вообще Иван Грозный был боль-

шим любителем церковного пения, как, впрочем, и скоморохов с их непристойными песнями. В Александровской слободе царь устраивал разгульные пиры, рядился со своими приближенными в скоморошьи одежды, пел «срамные» песни и плясал, а в периоды трезвости обращался к Богу, истово молился, набивая шишки на лбу, и с большим удовольствием слушал церковное пение. Он знал и любил этот вид творчества, сам сочинил стихиры, посвященные Богородице и преставлению митрополита Петра, которые сохранились в одной из крюковых книг библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Ивану Васильевичу в то время было семнадцать лет, он женился на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьиной, пережил страшный московский пожар 1547 г., что, видимо, и явилось толчком к написанию стихир, обращенных к заступничеству московского святого и Божьей Матери. Богородичная стихира записана на сретение (встречу) иконы Владимирской Богоматери в Москве, которое отмечалось церковью 23 июня.[34] Известно, что царь сам со своими певчими пел на церковных службах у себя во дворце и в церквах. У сподвижника молодого Ивана протопопа Сильвестра была своя школа, где среди прочих предметов обучали и пению. И, видимо, она была не одна в Москве.

После завоевания Казанского царства (1552 г.) в честь этого события певчие, жившие с Грозным в Александровской слободе, стали изобретателями так называемого Казанского знамени и двухголосого церковного пения. К прежнему уставному одноголосому распеву мастера добавили второй сопровождающий голос и составили новую нотацию для двух-, а потом трехголосого пения. Для понимания этих замысловатостей ими же была написана «Книга, глаголемая Кокизы, сиречь ключ к Казанскому знамени».

В монастырях во время богослужения церковное пение звучало постоянно. Интересно, что пение стихир и тропарей широко практиковалось во время трапезы, а также раздачи меда и пива. Здесь исстари повелось сопровождать пением тропарей так называемую «чашу Богородицы», а также «чашу государю». Еще преп. Феодосий Печерский в 1068 г. произнес поучение о крещении обеда и питии тропарных чаш, то есть чаш во славу Богородицы и в честь государя (тогда великого князя), во время которых исполнялись соответствующие тропари и песнопения. По обычаю тропарями и пением сопровождались лишь три чаши: Иисуса Христа, Девы Марии и государя.[35]

Исполнялись и покаянные стихи, в частности, «Плач Адама», который был популярен во всех слоях общества на протяжении

ряда столетий. Сохранилось несколько списков «Плача», где текст сопровождается крюковыми нотными знаками. Текст звучит так:

Плакася Адам
перед ра́емо седя:
«Раю мой раю,
прекрасный мой раю,
мене бо ради
сътворен еси
и Евгы ради
затворено бысте.
Ужь яз не вижю
Райскыя пища,
ужъ яз не слышю
гласа архангильскаго.
Увы мне грешному
и безаконеному!
Господи, господи не отоверзи
мене погибошаага.[36]

С тем, как звучало исполнение этой старинной стихиры, любители древнерусского пения могут ознакомиться в книге Ник. Финдейзена, где крюковые знаки переведены на современную нотацию специалистом по церковному пению.[37]

Участие певчих во всех обрядах было строго регламентировано. Существовали даже специальные уставы – «чиновники», где были полно и подробно записаны церковные церемонии на весь год с указанием соответствующих песнопений и распевов, которые надо исполнять. Эти книги подробно раскрывают ритуал церковной богослужебной практики, в том числе и участие в ней певчих, а также исполнение различных песнопений и разнообразное применение колокольного звона.

В «Чиновнике» Новгородского Софийского собора говорится: *7 сент.* (празднество Рождества Богородицы): «...обедню поют на правом клиросе демественную, а на левом – строчную новгородскую, а подьяки на амбоне (на амвоне) все демественное поют».

14 сент. (Воздвижение): «...обедню поют певцы на правом клиросе демественную, а на левом строчную новгородцкую».

1 окт. (Покров Богородицы): «...на литоргии поют певцы обиход новгородцкой роспев».[38]

По-видимому, заключают исследователи, на праздниках местных святых исполнялись песнопения и обиход местного распева, а в дни празднеств, имевших общегосударственное значение, употреблялся московский напев. Строчная обработка, упоминающаяся в тексте, – термин, понятный тогдашним певчим, – заключалась в том, что представляла переложение напева для двух-, трех- и даже четырехголосого хора, партии которых излагались в виде строк крюковых нот над текстом песнопения. Это один из видов партесного (многоголосого) пения, зародившийся в XVI в. на западе и вскоре пришедший в Москву. Нижняя строка такого переложения писалась тушью и называлась демественником; вторая, киноварная, называлась низ; третья, тушевая, – путь; четвертая, киноварная – верх.[39]

Несколько слов нужно еще сказать о демественном пении. Название образовано от латинского слова domesticus, что значит – домашний. Когда зародилось демественное пение, точно неизвестно, но оно существовало, по-видимому, еще в Киевской Руси. В XV–XVI вв. оно достигло широкого распространения и проникло в церковный обиход. Домашнее вначале, вне храма оно было одноголосым духовным пением, а с XVI в. стало применяться в церквях при различного рода торжествах, встрече и венчании царей, праздновании военных побед. Наиболее ранние рукописные памятники демественного пения относятся к XVI в. В XVII в. оно становится многоголосым. Особенности демественного пения – богатство и прихотливость мелодии, ладовое разнообразие, обилие украшений. Для записи его существовала особая разновидность знаков, «демественная азбука».

Среди демественных произведений особенно надо выделить гимн «Свете тихий», созданный в XVII в. Оригинальность, богатство и многообразие вариаций основной мелодии делают его монументальным произведением из пяти частей. «Создание такого необычного по форме произведения скорее всего было вызвано тем обстоятельством, что в городских соборах в субботу вечером под пение гимна «Свете тихий» совершался торжественный обряд вечернего входа, в котором принимало участие все городское духовенство и присутствовали князь или воевода, знать города и народ», – считает музыковед Н.Д. Успенский.[40]

Еще на соборе 1551 г. Иван Грозный поставил вопрос об оформлении вечернего входа многоголосым пением. «Коея ради вины в нашем царстве, на Москве и во всех московских пределах в соборных церквах и в приходных окроме монастырей по воскрес-

ным вечерням и по праздничным и великим святым егда выход бывает святые славы не поют?.. Как есми был в Новгороде великом и во Пскове во святей Софеи премудрости Божий и у живоначальной Троицы и во всех святых божиих церквах по воскресным дням и по господским праздникам и нарочитым святым на вечерни когда выход святые славы поют».[41]

Вечерний выход имел важное церковно-общественное значение, так что даже митрополит Макарий послал архиепископу Новгородскому специальную грамоту, где велел штрафовать тех священников, которые не придут на выход. «Присутствовавшим при обряде вечернего входа представлялась яркая и впечатляющая картина торжественного шествия одетого в блестящие облачения духовенства, – пишет далее Н.Д. Успенский. – Требовалось соответствующее музыкальное оформление зрелища. Эта задача была разрешена созданием пятичастного гимна «Свете тихий».[42]

Вторая половина XVII в. принесла значительные изменения в церковное пение. От крюкового знаменного распева Россия переходит к нотной линейной системе и партесному пению. Слово «партесное» происходит от множественного числа латинского слова pars, что значит – «часть, участие». Это вид хорового пения, который распространился сначала в Польше и на Украине, а в XVII – начале XVIII вв. пришел в Россию. Отличительный признак партесного пения – многоголосие в отличие от одноголосия знаменного распева. Правда, многоголосие пришло не на пустое место, оно было подготовлено многоголосной практикой (строчным пением), которая бытовала в России еще с XVI в. После присоединения Украины к России (1654 г.) новый вид пения получил официальное признание. Древнее крюковое письмо было заменено современной нотацией, взамен устаревшей системы гласов утвердилась мажорно-минорная система.

Хор в партесном пении разделялся на отдельные голоса, причем их могло быть 4, 8, 12 и даже более. Партесное пение – это пение торжественное, монументальное, сочетающее полноту звука с широким развитием мелодического начала.

Главным теоретиком нового вида пения и новой нотной записи был Николай Павлович Дилецкий (Дылецкий). Он родился в Киеве в 1630 г., получил музыкальное образование в Вильно и Варшаве, и с семидесятых годов XVII в. работал регентом хора в Москве, найдя надежного покровителя в лице Григория Дмитриевича Строганова, богатого промышленника и любителя искусств.

Дилецкий вошел в историю музыки как автор музыкально-теоретического трактата «Буквард-грамматика пения мусикийско-

го...» (1670), который более известен как «Мусикийская грамматика Николая Дилецкого».

В своем труде Дилецкий наиболее полно изложил теоретические основы русского партесного пения, его гармонический строй, его форму. Книга стала руководством для большинства русских музыкантов XVII–XVIII вв., ее автор сыграл большую прогрессивную роль в развитии русской музыки. Под влиянием Дилецкого в Москве сложилась целая школа русских композиторов – мастеров многоголосного пения. Появился новый жанр музыкальной практики в русской церкви – концерт.

Стали развиваться и новые виды музыкальных произведений – псальмы и канты. Псальма – духовная песня-гимн на текст, заимствованный из библейских псалмов. Форма была куплетная, трехголосная. Исполнял псальмы обычно небольшой ансамбль певцов без музыкального сопровождения.

Довольно быстро псальмы уступили место кантам (от *лат.* cantus – пение, песня). Это были русские и украинские песни (XVII–XVIII вв.) на поэтические тексты, исполнявшиеся ансамблем певцов или хором без сопровождения инструментов. Канты стали жанром домашней, бытовой музыки, отходя постепенно от религиозного содержания. В XVIII в. тексты кантов становятся пасторальными, шуточными, застольными, поздравительными, они сочиняются на слова М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского – ведущих поэтов того времени. Постепенно канты перерождаются в романсы.

В XVIII в. в России появляются и свои композиторы, сочинявшие духовную «партесную» музыку. Это А.Л. Ведель (1770–1806), Ст. А. Дехтёрев (1766–1813), Ст. И. Давыдов (1777–1825), М.С. Березовский (1745–1777) и Д.С. Бортнянский (1751–1825). Все они жили приблизительно в одно время, все были учениками итальянских музыкантов и все шли по стопам господствовавшей в течение полувека в России итальянской музыки. Мера таланта у них была разной, да и жизненные обстоятельства складывались поразному, потому и произведения их оценивались неодинаково и не получили широкого распространения и известности.

Например, Максим Созонтович Березовский, родившийся в Черниговской губернии и получивший образование в Киевской Духовной Академии, за свой прекрасный голос был взят императрицей Елизаветой Петровной в придворную певческую капеллу. Учился у итальянца в России, затем был послан в Италию для совершенствования, стал членом многих музыкальных академий Италии, а в Болонской академии его имя было вырезано золоты-

ми буквами на мраморной доске. Возвратившись в Петербург, Березовский, однако, не был оценен по достоинству. Он получил незначительное место при капелле, был преследуем завистью, кознями и нуждою. Многие неудачи довели композитора до отчаяния, и в припадке безумия он наложил на себя руки. Березовский написал много духовно-музыкальных сочинений, более самостоятельных и самобытных, чем у других авторов.

Наиболее известным духовным композитором XVIII в. по праву считается Дмитрий Степанович Бортнянский. За превосходный голос семи лет он был взят из Черниговской губернии, где родился, ко двору; изучал музыку под руководством итальянца Галуппи, пел в опере. Двадцати трех лет был послан в Венецию, там три года совершенствовался в музыке, и в 1779 г. возвратился в Петербург. Придворный капельмейстер, директор певческой капеллы – вот его основные должности. За свою жизнь Бортнянский написал множество церковных произведений, причем в своем творчестве он отходит от итальянских традиций, выдвигает на первый план священный текст, музыкальный ряд сочетает с молитвенным содержанием песнопений. Его музыка проста, его художественное творчество по силе и глубине достойно удивления. Недаром знаменитый французский композитор и дирижер Гектор Берлиоз так отзывался о произведениях русского сотоварища по музыкальному цеху: «Все произведения Бортнянского проникнуты истинным религиозным чувством, нередко даже некоторым мистицизмом, который заставляет впадать слушателя в глубоко-восторженное состояние; кроме того, у Бортнянского редкая опытность в группировке вокальных масс, громадное понимание оттенков, звучность гармонии».[43]

Наибольшими художественными достоинствами из более чем 100 церковных сочинений Бортнянского обладают такие произведения, как песнопения «Тебе, Бога, хвалим», концерт «Скажи ми, Господи, кончину мою», херувимские № 7, № 6, № 5. Произведения этого композитора и поныне исполняются во время церковных служб.

Из композиторов XIX в. нужно отметить А.Ф. Львова (1798–1870). В 1833 г. он написал гимн «Боже, царя храни» на текст В.А.Чуковского. Признанный народным, этот гимн стал вскоре известен всей России.

Церковной музыкой понемногу занимались М.И. Глинка, Н.А. Римский-Корсаков, М.А. Балакирев, П.И. Чайковский. Их произведения были «попыткой возвратить нашей церкви ее собственность, насильно от нея отторгнутую»,[44] то есть создать та-

кие музыкальные произведения, в которых художественные достоинства музыки соответствовали бы высоте чувств богослужебных текстов. Можно сказать, что попытки известных композиторов подвизаться на стезе духовной музыки не имели большого успеха. Художественные достоинства этих произведений в значительной мере уступали операм, романсам, концертам, написанным талантливыми музыкантами.

Но, пожалуй, в полной мере удалось написать настоящую духовную музыку только Сергею Рахманинову, создавшему свое «Всенощное бдение» уже в XX в. В 1915 г. «Всенощная» немедленно поставила его в первые ряды русских композиторов, сочиняющих духовную музыку», – писал Оскар фон Риземан, музыкант, многие годы живший в России и собирающий материал для задуманной им книги о С. Рахманинове.[45]

Сам Рахманинов считал, что в этом произведении «ему удалось наконец добиться единства между мелодиями «обихода» и западным контрапунктом» – мечта, которую задолго до него вынашивал Глинка.

Рахманинов так вспоминал о создании и исполнении «Всенощной»:

«Я сочинил «Всенощное бдение» очень быстро: оно было закончено меньше чем за две недели. Мысль написать ее пришла ко мне непосредственно после того, как я прослушал «Литургию», которая, кстати сказать, мне совершенно не понравилась, поскольку не отвечала требованиям русской церковной музыки. Еще в детстве меня пленили великолепные мелодии «Обихода». Я всегда чувствовал, что их особый характер требует хоровой обработки, и надеялся, что мне удастся достичь этого во «Всенощной». Не стану отрицать, что первое исполнение «Всенощной» Московским синодальным хором подарило мне счастливый час удовлетворения. Этот хор, который пел в московском Успенском кафедральном соборе, обычно давал свои редкие концерты в сравнительно небольшом зале Синодального училища. Но для исполнения литургии, посвященной жертвам войны, по распоряжению обер-прокурора Святейшего синода Самарина, который был также и предводителем московского дворянства, был предоставлен огромный зал Благородного собрания.

«Всенощное бдение» – это во многих отношениях трудное произведение: оно предъявляет огромные требования к голосовым возможностям и вокальной технике исполнителей. Однако великолепные певцы Синодального хора осуществили все мои намерения и временами даже превзошли ту идеальную звуковую кар-

тину, которая жила в моем воображении во время сочинения. В то время Синодальным училищем руководил композитор, создатель духовной музыки Кастальский. Красивое здание училища на Никитской было хорошо известно всей Москве. Колористическое и звуковое богатство, которые отличали произведения Кастальского, дают право назвать его Римским-Корсаковым хоровой музыки. Его произведения и беседы с ним многому научили меня. Дирижером, или, точнее говоря, регентом Синодального хора был Н.М. Данилин. Подобно Кастальскому, Данилин тоже учился в Синодальном училище и в качестве его воспитанника был певчим знаменитого хора, которым впоследствии управлял с несравненной изысканностью ритмического и динамического ощущения. Я сыграл «Всенощную» Кастальскому и Данилину на рояле, сочинение им очень понравилось, и они сразу же попросили моего разрешения на его исполнение; я с радостью принял это предложение. В этом сочинении я больше всего любил один кусок – почти так же, как «Колокола», – из пятого гимна «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, с миром»... (Евангелие от Луки, 29). Я бы хотел, чтобы его исполнили на моих похоронах. В конце там есть место, которое поют басы, – гамма, спускающаяся вниз до нижнего си-бемоль в медленном *pianissimo.* Когда я сыграл это место, Данилин, покачав головой, сказал:

– Где на свете вы отыщете такие басы? Они встречаются так же редко, как спаржа на Рождество.

Тем не менее ему удалось отыскать их. Я знал голоса моих крестьян и был совершенно уверен, что к русским басам могу предъявлять любые требования! Публика всегда затаив дыхание слушала, как хор спускается вниз.

Особенно меня обрадовало, что «Всенощная» понравилась моему учителю Танееву – ведь он был очень злой на язык критик, в особенности когда дело касалось контрапункта. Его оценка, высказанная в почти восторженных выражениях, оказалась последней похвалой, которую я услышал из его уст, потому что, несмотря на совершенно цветущий вид, он в пятьдесят лет неожиданно скончался от осложнения после сильной простуды, которую, как говорили, подхватил на похоронах Скрябина».[46]

Это сочинение вызвало огромный интерес у любителей музыки, так что его пришлось повторять пять раз перед переполненным залом. И хотя время было ужасное, шла первая мировая война, успех духовного произведения русского композитора был почти сенсационным. В сердцах людей находила живой отклик тема «Всенощной» – глубокая человечность, горячее сочувствие люд-

скому горю, сопереживание человеческой скорби. Кроме того, Рахманинову удалось приблизиться к подлинным напевам знаменного письма, причем в девяти из пятнадцати песен, из которых состоит произведение, он использовал подлинные напевы, а в остальных шести подражал им.

Свое гениальное произведение Рахманинов посвятил Степану Васильевичу Смоленскому (1848–1909), который долгое время руководил Синодальным хором и был глубоким знатоком древних песенных распевов, православного церковного пения. Он показывал Рахманинову древние песенные манускрипты, хранящиеся в Архангельском соборе, и знакомил его с азами знаменного пения.

Критики сходятся в том, что, используя во «Всенощном бдении» различные типы распевов (знаменный, киевский, греческий) и авторские мелодии, сочиненные самим композитором в древнем певческом стиле, С.В. Рахманинов добился того, что в контексте самого произведения они практически неотличимы друг от друга. Это ли не свидетельство глубокого проникновения в дух русского старинного певческого искусства, это ли не подтверждение того, что композитор понял, оценил и воспринял древние традиции и характер духовной музыки...

Причем современники подтверждают, что Сергей Васильевич так хорошо знал древнее искусство пения, что сам читал нотные знаки – крюки и переводил их с древних рукописей.

Сам же Рахманинов писал: «Я люблю церковное пение,... ведь оно, как и народные песни, служит первоисточником, от которого пошла наша русская музыка».[47]

К сожалению, «Всенощное бдение», отличающееся «строгой суровой простотой и сосредоточенностью», не нашло себе места в церковном обиходе. Говоря о причинах этого, известный музыковед XX в. Ю.В. Келдыш говорил, что данное произведение представляет собой «монументальное эпическое полотно», что отдельные его части выходят далеко за пределы обычных культовых норм, что произведение весьма сложно и требует большого мастерства хористов. «Благоговейная молитва превращается... часто в развернутое эпическое повествование или в массовую народную картину оперного плана», – продолжает Ю.В. Келдыш. Однако, отдавая должное музыкальному гению С. Рахманинова, Ю.В. Келдыш говорит о том, что «Всенощная» – «единственное произведение такого художественного масштаба в русской музыке после «Сказания о граде Китеже» Римского-Корсакова». «Подлинные образцы знаменного и других церковных распевов» здесь «воспринимаются не как искусственно введенная цитата, а как

вполне естественный и непринужденный способ выражения композитором его сокровенных мыслей, дум и переживаний». Заключая разбор Рахманиновского произведения, Ю. В. Келдыш пишет, что « его «Всенощная» представляет собой вершину русской классической музыки в области хоровой литературы a capella».[48] «Всенощная» С. Рахманинова исполняется в концертах, всегда собирая массу зрителей, тянущихся к духовной музыке и получающих от нее истинное наслаждение.

Но вернемся в современный православный храм, где начинается вечерняя служба, а точнее говоря – всенощное бдение. Ночные богослужения издавна совершаются церковью под воскресные дни в течение всего года, в пасхальную ночь, на праздник Богоявления (Крещения) и в дни памяти святых мучеников.

Всенощное бдение объединяет Великую вечерню с литией и благословением хлебов, утреню и первый час. Богословы считают, что «глубокое богословское содержание, нравственно-назидательный характер чтений и песнопений службы, выработанное веками богатство художественно-музыкального содержания делают всенощную сокровищницей православного богослужения».[49]

Всенощная служба начинается в 6 часов вечера благовестом: сначала в большой колокол, потом празднично звонят во все колокола. В церкви в это время читается 50 псалом или Символ веры. Сначала идет Великая вечерня, которая символизирует историю Церкви в ветхозаветное время и говорит о спасении человечества через веру в грядущего Мессию, явление которого отображено в Новом Завете. Чин вечерни имеет много сходных элементов с литургией, но главная часть литургии – это причащение Хлебом и Вином, совершение Бескровной Жертвы, вкушение Тела и Крови Христовой, а смысл вечерни – духовное, молитвенное приношение Богу.

Мы не будем подробно говорить о том, как идет всенощное бдение,* остановимся в основном на том, что и когда поет хор. В больших церквах, да еще на торжественных службах, обычно бывает два хора. Они стоят слева и справа на солее или на хорах и поют антифонно, то есть попеременно правым и левым хором. Во время богослужения певчие часто повторяют несколько возгласов: «Аминь!» (что значит «истинно», «да будет так»); «Господи, помилуй!» (самая простая молитва); «Аллилуиа» («Хвалите Бога»). Церковный хор называется также ликом, что означает по-гречески – собрание.

* См. в главе «Богослужение».

Вначале звучит псалом 103, предначинательный. «Благослови, душе моя, Господа», стихи которого читает канонарх (распорядитель

церковного пения) и повторяет хор. Псалом повествует о создании Богом мира и прославляет Творца, передавая восхищение от великолепия всего земного и небесного, видимого и невидимого.

Далее идет великая ектения – моление всей церкви, начинающаяся словами диакона: «Миром (все вместе) Господу помолимся». После каждого прошения вступает хор с краткой молитвой: «Господи, помилуй». Эти слова мысленно повторяют все присутствующие в храме, осеняя себя крестом.

В пении псалма 1-го «Блажен муж» отображается жизнь ветхозаветных праведников, которые среди бесчестия и безверия не теряли веры в Спасителя. Смысл псалма назидателен во все времена: «Блаженны все надеющиеся на Него», вера в Господа – вот Спасение. После каждого стиха хор поет припев: «Аллилуиа», повторяя его по три раза.

После малой ектении, в которой хор также после каждой просьбы вступает со словами «Господи, помилуй», поются стихиры на «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя», со стихами. Поются стихиры на один из восьми церковных гласов, антифонно. Существует предание об антифонном пении: святитель Игнатий Богоносец, ученик Иоанна Богослова, однажды увидел сон, в котором ангелы попеременно воспевали хвалу Богу.

Вот как характеризуются церковные гласы в современной богословской литературе. «Первый глас прост, важен, величествен и наиболее торжествен. Древние писатели сравнивали его с солнцем, говоря, что он прогоняет леность, вялость, сон, грусть и смущение. Второй глас исполнен кротости, благоговения, он утешает печальных и отгоняет мрачные переживания. Третий глас бурный, как море при непогоде, побуждает на духовную брань. Четвертый глас – двоякий: то возбуждает радость, то внушает печаль; тихими и мягкими переходами тонов он сообщает особый покой душе... Пятый глас успокаивает душевные волнения, он подходит для молитвы, плача о грехах. Шестой глас – рождает благочестивые чувства: преданность, человечность, любовь. Седьмой глас – мягкий, трогательный, увещающий. Он ласково убеждает, призывает просить об умилостивлении. Восьмой глас – выражает веру в будущую жизнь, созерцает небесные тайны, молится о блаженстве души».[50]

За стихирой «Господи, воззвах» следует еще одна песнь во славу Божией Матери, носящая в церкви название «Богородичен» или «догматик». В ней раскрывается церковное учение (догмат) о Рождении Господа от Пресвятой Девы Марии; составил догматики еще преп. Иоанн Дамаскин. Вообще на всенощном

бдении бывает 8 или 10 стихир, причем первую часть стиха читает канонарх, вторую поют певцы и сразу же затем начинают петь стихиру.

Во время пения догматика совершается важное священнодействие вечерни – вход с кадилом. Вечерний вход символизирует сошествие на землю Сына Божия для спасения людей, его Воплощение. За молитвой входа следует песнопение «Свете Тихий», говорящее о начале нового дня, свет которого принес Спаситель. Христос – источник благодатного духовного света, просвещающего человека. О древности этой песни мы уже говорили выше. Святитель Василий Великий писал о ней: «Отцы наши не хотели принимать в молчании благодать вечернего света, но тотчас, как он наступил, приносили хваление».[51] Хор поет слова, которые звучат уже много веков: «Свете Тихий святыя славы Безсмертнаго Отца Небеснаго Святаго, Блаженнаго, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца (дожив до солнечного захода), видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога...».[52]

Священник входит в алтарь, а хор поет прокимны (*греч.* – «предшествующий»), которые действительно предшествуют паримиям – чтениям из Священного Писания. Прокимны бывают разные, в зависимости от дней недели. В субботу, например, поется «Господь воцарися» на глас 5 – о победе воскресшего Господа над смертью.

За чтением отрывков из различных книг Ветхого Завета следует сугубая ектения, читаемая диаконом и поддерживаемая троекратным пением хора: «Господи, помилуй».

Далее идет молитва о ниспослании безгрешного вечера «Сподоби, Господи» и вечернее славословие триединому Богу.

В просительной ектении христиане обращаются к Богу с различными просьбами, которые усиливаются словами хора: «Господи, помилуй», или «Подай, Господи», или «Тебе, Господи». Все склоняют головы на знак смирения и сокрушения духа, а иерей произносит «Молитву главопреклонения».

Далее следует лития – усердное моление вне храма или в его притворе, когда священнослужители, стоя у входа в храм в знак смирения перед Богом, произносят прошения Церкви за весь мир, о нуждах всего человечества. Слова литии читает диакон, хор вторит ему, усиливая молитвы многократным пением слов «Господи, помилуй» и заключая молитву словом «Аминь».

Затем священнослужители идут к Царским вратам, а хор поет стихиры со стихами из псалмов, в которых повествуется о празднуемом событии. Снова звучат песнопения преп. Иоанна Дамас-

кина, и заключаются они Богородичными стихами, прославляющими Воплощение Христово и содержащими моления к Пресвятой Деве об избавлении от напастей.

Песнопение «Ныне отпущаещи» – это молитва праведного Симеона Богоприимца, который не смог умереть, пока не увидит Спасителя мира. «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу (по слову) твоему с миром; яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков (народов), и славу людей Твоих Израиля (верных Богу людей)», – такие слова произнес старец Симеон, когда Дева Мария принесла Младенца Христа в церковь, и Симеон воочию узрел Господа, пришедшего в мир (Лк 29–31).

Богослужение обязательно начинается и завершается Трисвятым: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...», «Пресвятая Троица, помилуй нас...» и молитвой Господней «Отче наш...».

Хор поет тропарь праздника. Под воскресенье исполняется «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою: благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила – еси душ наших». Эти слова поются трижды.

Если совершается лития, то на приготовленном столе в особом сосуде находятся пять хлебов, символизирующих пять евангельских хлебов, которыми Господь насытил 5000 человек (Мф 14, 15–21), пшеница, вино и елей. Священник молится об умножении этих даров и благословляет их.*

Хор трижды поет: «Буди Имя Господне благословено от ныне и до века», а за этими словами – 33 псалом, его самую торжественную часть: «Благословлю Господа на всякое время»...

Это является переходом ко второй части всенощного бдения, к утрене. Чтец читает стихи во славу Господа, ибо утреня символически отображает новозаветные события: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение» (Лк 2, 14). Слова эти произносятся трижды в честь Пресвятой Троицы.

Следующее далее чтение шестопсалмия передает радость человека, с которым милость Господня, и скорбь души, находящейся под тяжестью грехов. Шестопсалмие – это чтение псалмов 3, 37, 62, 87, 102, 142, во время которого христиане размышляют о суетности человеческой жизни, о смерти и страшном суде. После трех псалмов шестопсалмия священник перед Царскими вратами тихо читает утренние молитвы, а за ними следует великая ектения, как и на вечерне.

* В древности, когда всенощное бдение длилось всю ночь, христиане направлялись в трапезную и подкреплялись этими хлебами.

Песнопение «Бог Господь, и явися нам, благословен Грядый во Имя Господне» хор повторяет за диаконом после каждого стиха.

Хор поет песнопение «Бог Господь» на глас, которым будет петься тропарь праздника.

Затем следует чтение кафизм по Псалтири,* а после каждой произносится малая ектения и седальны – краткие молитвословия. Далее идет самая торжественная часть – полиелей (*греч.* – «обилие масла, елея»). Зажигаются все светильники. Хор поет хвалебные стихи из 134 и 135 псалмов «Хвалите Имя Господне»... Полиелей заканчивается чтением Евангелия. В соответствии с чином богослужения данного дня исполняются величание праздника, тропари воскресные «Ангельский собор» и степе́нны, которые поются хорами попеременно и потому называются еще антифонами. Все это подготавливает слушателей к чтению Евангелия, которое под звон колоколов выносится из алтаря на солею и возглашается утренний прокимен. Евангелие читает сам священник, изображая Господа, Который нес ученикам Свое Божественное слово.

* Псалтирь разделена на 20 отделов, которые называются кафизмами. Кафизма (*греч.* – «сидение», т. е. во время чтения кафизмы можно сидеть) делится на три части (славы), после прочтения каждой поется малое славословие.

За чтением следует Воскресная песнь по Евангелию (глас 6): «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу», которое исполняет хор и народ.

Важнейшая часть утрени – чтение канона. Так называется большое по объему церковное произведение, составленное из девяти песен, прославляющих жизнь и подвиги святого или праздник. Первая строфа каждой из девяти песен называется ирмо́сом (*греч.* – «связь»), они связывают воедино следующие строфы (тропари). Тропари канона начинаются припевами: для Господских праздников – «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», для Богородичных – «Пресвятая Богородице, спаси нас», под воскресные дни – «Слава, Господи, святому Воскресению Твоему»... Последний тропарь всегда посвящен Богородице.

После каждой песни канона поется катавасия (*греч.* – «схожу вниз»), так как в это время оба хора сходили с солеи вниз, на середину храма и пели там. В некоторых монастырях так делается и поныне.

Далее идет славословие Богоматери, взятое из Евангелия от Луки. Это те слова, что произнесла сама Богоматерь при свидании с праведной Елизаветой, матерью Иоанна Предтечи: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге Спасителе Моем» (Лк 1, 46–47).

Припевом ко всем шести стихам этой песни Богоматери служит песнь «Честнейшую Херувим», которую написал в VIII в. святитель Косма Маюмский (брат и товарищ Иоанна Дамаскина).

Последняя часть утрени имеет радостный тон. Хвалительные псалмы Господу: «Хвалите Господа с небес» (псалом 148), «Воспойте Господеви песнь нову» (псалом 149), «Хвалите Бога во святых Его» (псалом 150) содержатся не только в утрене, но и в пасхальной службе, ибо прославляют Иисуса Христа столь одухотворенно, что вполне соответствуют величайшему церковному празднику – Пасхе. Хвалебная стихира Богородице здесь всегда одна: «Преблагословенна еси, Богородице Дево»...

Великое славословие следует за словами иерея: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Оно начинается ангельской песней, прозвучавшей при рождении Иисуса Христа: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Здесь содержится моление о помиловании, обращенное к каждому лицу Пресвятой Троицы.

Великое славословие заканчивается гимном «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». В заключение утрени снова поются праздничный тропарь, ектения сугубая и просительная, которые повторяют начало.

Иерей произносит отпуст, хор снова поет хвалебную песнь Богоматери: «Честнейшую херувим»... Заканчивается утреня многолетием Патриарху, архиерею, служащим в храме, прихожанам и всем православным христианам.

После утрени идет чтение молитвословий первого часа. Служба установлена в воспоминание того, что в этот час Господь был приведен от священника Каиафы к прокуратору Иудеи Понтию Пилату (Мф 27, 2).

На службе третьего часа вспоминается суд Пилата и мучения Спасителя (Мф 27, 11–30), а также сошествие Святого Духа на апостолов после Вознесения Господня (Деян 2, 1–4).

На шестом часе воспоминаются: шествие Спасителя на казнь, распятие Его и крестные страдания (Лк 23, 26–38).

На девятом часе – великие предсмертные страдания и смерть Иисуса Христа (Мф 27, 33–54).

Службы часов совершаются ежедневно и потому называются вседневными. Ради удобства они соединяются с другими богослужениями: девятый час с вечерней, первый – с утреней, третий и шестой – с Божественной литургией.

ЖИВОПИСАНИЕ ИГЛОЮ

Торжественно звонили колокола по Москве. Духовенство чин по чину выстраивалось на Соборной площади Кремля: начиналось большое церковное торжество – крестный ход в Новодевичий монастырь. Во главе процессии стояли прославленные русские святыни: выносная икона Владимирской Божьей Матери, запрестольный крест, хоругви, наиболее чтимые иконы кремлевских соборов. Для участия в торжественном шествии прибыли и представители различных московских храмов и монастырей со своими почитаемыми святынями. Тот крестный ход 1865 г. был назначен по особому случаю: перенесению плащаницы* Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа из кремлевского Успенского собора в Новодевичий монастырь. Огромная по размерам, плащаница была создана в мастерских Новодевичьей обители в 1545 г. Несколько наиболее искусных мастериц в течение девяти месяцев кропотливо трудились над шитьем. Зато и получилась плащаница на славу. Большое, во весь рост, тело Иисуса Христа было изображено в том виде, в каком его сняли со креста и положили во гроб. Вокруг склонились Пресвятая Дева Мария, близкие и ученики Спасителя.[1]

* Плащаница (*др. рус.* «простыня») – изображение Иисуса Христа, тело которого снято с креста и положено во гроб. Ученики Иисуса и Богородица оплакивают Спасителя.

Плащаница вышивалась для торжественных служб. В великую пятницу Страстной недели ее выносили из алтаря на середину церкви, клали на катафалк, и верующие подходили к ней для поклонения. Крестились, опускались на колени, целовали край вышитого полотна, который символизировал Иисуса Христа, лежащего во гробе. Так оставалась плащаница посреди храма до пасхальной полунощницы, когда ее снова убирали в алтарь.

Плащаница, которую в тот день переносили из кремлевского собора в монастырь, была известна давно: после окончания работы ее подарили смоленскому епископу Гурию, и она хранилась в собор-

ном храме Смоленска. Однако прошло чуть более полувека, и после обороны города в 1609–1611 гг., когда Смоленск был захвачен поляками, плащаницу увезли из русского княжества в Польшу.

Казалось бы, след ее затерялся в чужих землях, однако в XIX в. нашлись энтузиасты, которые предприняли настоящий розыск уникального изделия древнерусского шитья. В «Виленских очерках», опубликованных в журнале «Русская старина» в 1884 г., рассказано о поисках и находке древней плащаницы.

В мае 1864 г. генерал М.Н. Муравьев-Виленский прибыл в город Вильну (Вильнюс) в качестве генерал-губернатора края. Автор записок пишет: «Вообще это было время, когда Михаил Николаевич достиг апогея; край был усмирен, Государь был, видимо, к нему милостлив. Из всей России сыпались к нему приветы и адресы, а в крае он был боготворим всеми русскими».

Вскоре прибыла из уездов Смоленской губернии делегация из крестьян, которые привезли в дар генерал-губернатору икону Смоленской Божьей Матери «в благодарность за спасение от угрожавшего им вторжения мятежников». Икона была богато украшена жемчугом и драгоценными камнями. Генерал не остался в долгу и послал в Смоленский собор разысканные в земле остатки древнего напрестольного креста и серебряной чаши, которые, судя по сохранившейся надписи, принадлежали смоленскому храму Пресвятой Богородицы и были, как и плащаница, захвачены поляками в 1612 г.

Среди ревностных изыскателей православных святынь был священник Антоний Пщолко, помощник начальника края. Роясь как-то в подшивке старого археологического журнала, издававшегося в Вильне в 1820-х гг., обратил он внимание на изображение и описание древней плащаницы, составленное неким монахом Базилианского монастыря. А именно этому монастырю среди прочих ценностей была подарена польским королем русская святыня. Тогда же, в 1820 г., монашеский орден преподнес плащаницу в виде подарка знаменитому Адаму Чарторыжскому, польскому магнату, крупному политическому деятелю, бывшему в начале XIX в. министром иностранных дел России. Сам Чарторыжский слыл большим любителем древностей, и в его имении Пулавы находился замечательный музей с коллекцией редких и дорогих произведений искусства разных стран.

Священник Антоний Пщолко не оставил без внимания сию ценную заметку, доложил о ней начальнику края, и тот решил отыскать святыню, которая отличалась изяществом, замечательно тонкой работой и, кроме того, уже перенесла столько странствий.

Разыскание плащаницы было поручено генерал-полицмейстеру Трепову. Тот первым делом наведался в Пулавский музей, но оказалось, что в 1831 г., во время польского восстания, музей был разграблен. Особо ценные предметы были вывезены в различные места самими Чарторыжскими и родственниками их, графами Замойскими.

Специальный офицер был направлен в Клеменсовский замок Замойских в Люблинской губернии. Но там обнаружилось, что в 1850 г., когда Замойские отстроили дворец в Варшаве, наиболее ценные вещи были перевезены туда. Замок же был конфискован и разграблен после покушения, совершенного из него на некоего графа Берга.

Однако настойчивый офицер не отступал. В поисках святыни он наткнулся на старого слугу, который тридцать лет натирал в замке полы. После долгих расспросов старик вспомнил, что действительно видел когда-то в замке изображение лежащего во гробе Спасителя, шитое золотом и шелком. Правда, драгоценных камней на нем уже не было. Где теперь находится этот образ, слуга сказать не мог.

Офицер никак не хотел уехать с пустыми руками. Неоднократно осматривал он Клеменсовский замок и все время заводил речь о знаменитой плащанице. Старший дворецкий, сопровождавший его, не говорил ничего определенного, пока наш упрямый офицер не взял с собой местные власти и не заставил дворецкого принести ключи от всех тайных помещений.

Осмотрели еще раз замок, каморки и чуланы, ветхие флигели с библиотекой и старыми картинами.

Неожиданно за библиотекой нашлись еще два тайных склада. В одном хранились люстры и другие старые веши, которые и в доме не нужны, и выбросить жалко. Во втором же складе было много знамен, ковров, турецких палаток и попон – трофеев воинственных Замойских. Между ними висел на перекладине ковер с блестящими углами. Когда офицер подошел к нему, старый слуга, шествовавший следом, тихо сказал: «Этот...»

Развернули большое полотнище – и точно: все узрели шитый золотом и шелками образ Спасителя, лежащего во гробе, и оплакивающих его учеников с Богородицей. Плащаница почти не была повреждена, хотя никаких драгоценных камней на ней, конечно, не было.

Найденную святыню отослали генералу Муравьеву. Тот расстелил ее в приемной на двух больших столах, и когда священник Антоний начал сравнивать изображение с рисунком, помещенным в

журнале, сходство оказалось совершенным. Да, это была та самая плащаница, которую изготовили мастерицы – инокини Новодевичьего монастыря и которую увезли поляки из Смоленска.

Чиновник по особым поручениям доставил драгоценную святыню в Москву. Здесь ее сначала положили в главном храме – Успенском Соборе Кремля и вторично освятили. Затем в воскресный день торжественно, с крестным ходом, плащаницу перенесли в Новодевичий монастырь, где более трехсот лет назад над ее созданием трудились инокини. Из обители навстречу святыне с крестами и хоругвями вышли священнослужители и монахини; у стен и входа стоял простой люд.

Так древняя святыня – замечательный образец древнерусского шитья – вернулась в родной дом, на место своего рождения, чтобы и впредь удивлять приходящих в обитель мастерством и художественным вкусом своих создателей.

Новодевичий монастырь славился искусством художественного шитья, которое было уделом женских обителей на Руси. Как монахи занимались иконописанием, так монахини воссоздавали целые евангельские сюжеты, имея в руках лишь полотно и иголку с нитками. Умению шить золотом и серебром, низать жемчуг, класть гладью шелковые нити, изображая лики святых, замысловатые складки их одежды учили девочек с раннего возраста. Потому много искусных мастериц приходило в монастырь из мира, и многие обучались и достигали поистине удивительного искусства шитья уже в обители.

Особенно славились мастерские Новодевичьего монастыря в XVI–XVII вв. Кроме описанной плащаницы, в монастыре сейчас находится и другая, изготовленная немного позже, в 1588 г., при царе Федоре Иоанновиче и царице Ирине Федоровне.[2]

Надпись (редкий случай!) указывает на создателей этого большого полотнища: игуменья Стефанида и келарь княжна Евдокия Мещерская. Для плащаницы был выбран дорогой и яркий материал – красный штоф, и шили по нему золотом, серебром, шелком. Наверное, не менее года ушло на изготовление плащаницы, длина которой 285 см, а высота – 191 см.

Кроме плащаниц, в православных храмах было много и других предметов, выполненных в технике художественного шитья: различные покровы, пелены, воздуха́. Так, во время литургического действа употребляли обычно три покрова: один для потира (сосуд для хранения вина), другой – для дискоса (тарелочка для просфор), третий – для того и другого вместе. Последний был больше двух

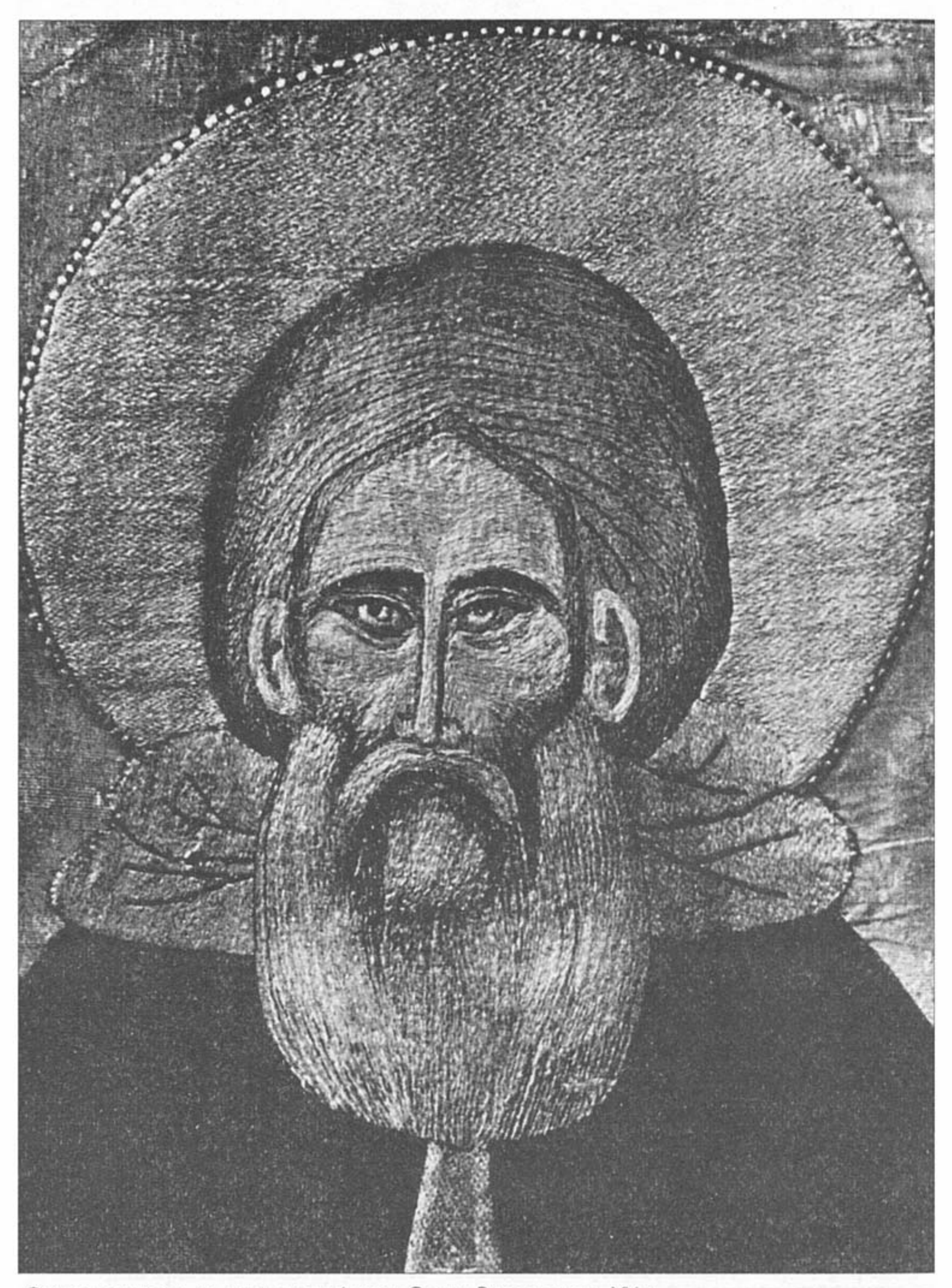
первых и назывался воздухом еще со времен Иерусалимской церкви. Название пошло от того, что во время чтения Символа веры священнослужители поднимали и опускали этот покров, создавая веяние воздуха над святыми Дарами. Это символизировало осенение Даров Духом Божиим, а сам воздух, лежащий на святых Дарах, указывал на погребение Иисуса Христа и закрытие гроба Его. Вообще же покровы на литургии были введены из гигиенических соображений: в жарком климате южных стран особенно много мух и всяческих насекомых. Для изготовления различных покровов бралась обычно дорогая ткань, и на ней в разнообразной технике шитья изображался чаще всего крест.

Другого рода покровы изготовлялись для покрытия гробниц святых. В Троице-Сергиевой лавре есть несколько покровов с изображением Сергия Радонежского. Самый ранний из них принадлежит к 20-м гг. XV в., он предназначался для покрытия деревянной гробницы преподобного Сергия, которая была установлена как раз в то время в юго-восточном углу Троицкого собора.[3]

Вероятно, именно к этому покрову относится запись в монастырской описи 1641 г.: «Покров отлас черн, на ном образ чудотворца Сергия, венец и имя чудотворцево шито золотом, около ево шито «Ублажае тя преподобне отче» шелком белим, неподложен, ветх».

При взгляде на покров бросается в глаза лик преподобного, искусно вышитый шелком телесного цвета. Чтобы создать светотени, приблизиться к подлинному облику основателя обители, мастерица пользовалась нитями светло-коричневого тона, а губы, нос, уши и щеки отмечены еще и красным шелком. Вишнево-коричневая мантия оттенена светло-голубым куколем и таким же светлым парамандом с красными крестами по нему.* Даже сейчас, при том, что древний фон не сохранился, изображение Сергия перенесено на более позднюю материю, утрачены край одежды и ступня, покров поражает своими красками и мастерством шитья. Искусствовед Т.В. Николаева, специалист по произведениям древнерусского искусства в собрании Троице-Сергиевой лавры, отмечает: «Лик Сергия на этом покрове имеет ясно выраженные индивидуальные особенности: тонкие аскетические черты, сосредоточенный взгляд близко посаженных глаз. Это позволяет говорить о том, что перед нами образ реальной исторической личности, соответствующий тому представлению, которое складывается о Сергии Радонежском на основании свидетельств исторических источников».[4]

* Мантия — верхняя одежда без рукавов. У монахов — черная, у архиереев — цветная. Куколь — монашеский головной убор. Параманд — принадлежность монашеского одеяния, спускаясь с шеи крестовидно, обнимает плечи и под мышками

Фрагмент покрова со святых мощей преп. Сергия Радонежского. XV в.

Распространены были в храмах и различные пелены, которые обычно подвешивались под чтимые иконы. Так, например, самый ранний памятник московского шитья – пелена 1389 г., которая хранится в Государственном Историческом музее.[5]

перепоясывает одежду. Своей крестовидной формой параманд означает крест, который инок берет на себя, чтобы следовать за Христом. Иначе называется аналавом.

Она была принесена в дар какому-то храму, возможно, Спасскому монастырю в Кремле, вдовой великого князя Симеона Гордого княгиней Марией Семеновной, о чем сообщает надпись, вышитая на пелене. Конечно, выполняли работу девушки из княжеской мастерской, но и сама княгиня, вероятно, приложила руку к столь великолепному вкладу.

Сюжет пелены сложен. Видимо, рисунок на ткань наносил какой-либо известный в то время иконописец. Это было обычным делом, так что практически по каждой пелене можно судить о развитии, о тенденциях живописного искусства того или иного периода. На вкладе княгини Марии в центре изображен Спас Нерукотворный на убрусе (полотенце), над которым парят четыре серафима. По бокам Нерукотворного образа Спасителя в молитвенной позе, как на всяком деисусном чине, стоят по четыре фигуры с левой и с правой стороны. Это Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, московские святители. «Фигуры предстоящих, – как отмечают искусствоведы, – весьма пропорциональны, стройны, грациозны», так что «средняя часть композиции отличается красотой линий силуэтов, их ритмичностью и согласованностью».[6]

Внизу, под деисусным чином, помещены поясные фигуры восьми святых, среди которых Владимир Великий, Борис и Глеб.

Средник обрамляют две узорчатые полосы, между которыми размещены также поясные фигуры ангелов, а по углам пелены в медальонах вышиты четыре евангелиста.

Удивительно тонкий по цвету подбор шелковых нитей, смелое сочетание контрастных цветов в одеяниях святых, небольшое использование золотых нитей в нимбе Христа и в тонко намеченных складках одежды придают этому произведению древнерусского художественного шитья особую прелесть и гармоничность. Пелена, которая, видимо, была предназначена украшать стену, издалека напоминает фресковую роспись, где красочные шелка, чередуясь, повторяясь, оттеняя друг друга и контрастируя одни с другими, создают в целом картину большой выразительности и декоративности. Да и сам лик Спасителя с увеличенными глазами, с несимметрично выходящими за круг нимба длинными прядями волос, выделяется среди выполненных в

рост фигур святых, привлекая к себе особое внимание необычностью использования образа Спаса Нерукотворного в деисусном чине.

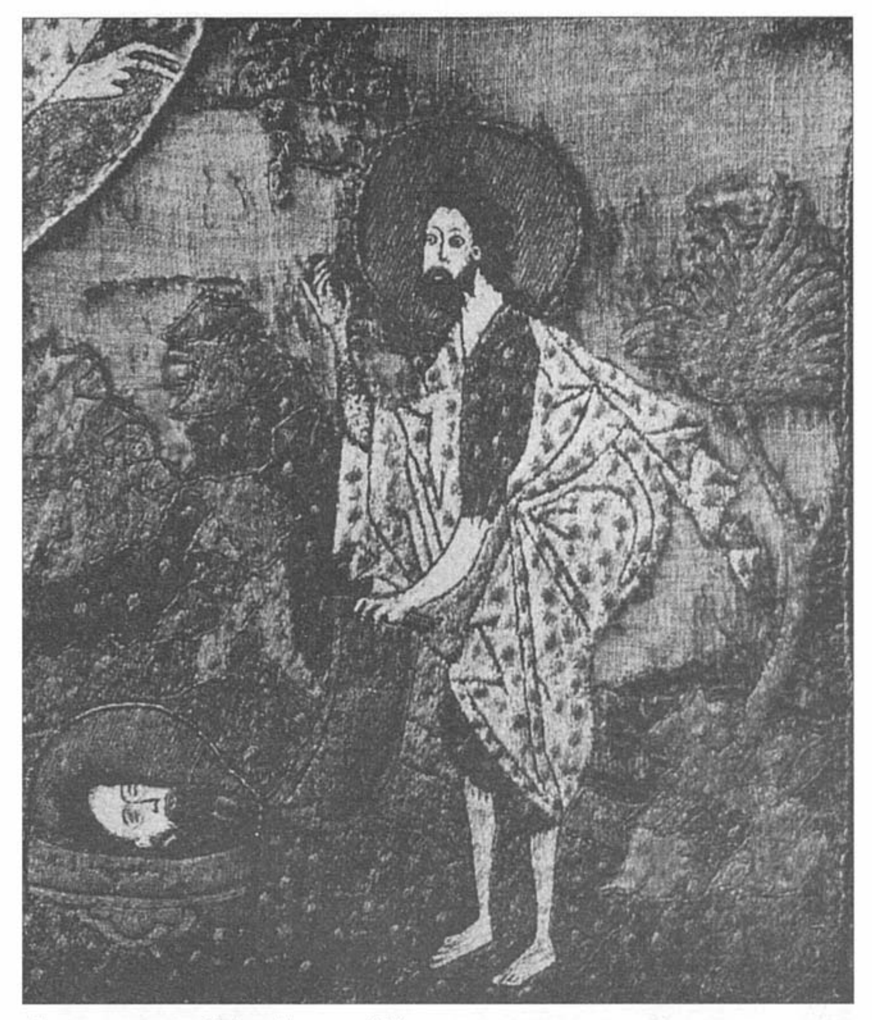
Вышивание гладью, шитье идет из глубокой древности: оно было традиционным народным искусством, и вряд ли тогда можно было найти девушку или женщину, не владеющую этим ремеслом. В русских народных вышивках преобладали старинные языческие мотивы, отражающие мировоззрение древних славян. Часто повторялся мотив с женской фигуркой между двумя конями, которых она держит за уздечки: это богиня Берегиня, сохраняющая людей от различных напастей. Подобные композиции встречаются на подзорах, на полотенцах и до сих пор. Вековое мастерство русских женщин органически передавалось от матерей к дочерям, оно никогда не иссякало на протяжении многих столетий, достигая иногда поистине высочайших вершин.

У каждой мастерицы были свои секреты, но основа художественного шитья – общая у всех. В древности самым распространенным приемом было шитье гладью, когда шелковые нити ложатся плотно друг к другу, образуя сплошной узор. Это называлось «атласным швом в раскол»: для того, чтобы не было зазора между стежками, вышивальщица вкалывала иглу в середину предыдущего стежка. Для золотого и серебряного шитья использовался другой технический прием – «вприкреп». Нити на нимбах, складках одежды накладывались на ткань и прикреплялись поперечными стежками. В зависимости от цвета прикрепа золото и серебро приобретало тот или иной отблеск, что позволяло мастерицам добиваться своеобразного мерцания определенных частей шитья. При передаче лица нитки клались по направлению какой-либо его части, и прием назывался «шитьем по форме». Так же исполнялось шитье рук, ног, других частей человеческого тела. Если же надо было выделить нимб, сделать его выступающим над общей поверхностью, то мастерица по контуру накладывала шнурок, обшитый золотой нитью.

В качестве основы чаще всего использовались бархат и шелк. Шелк привозился большей частью из Китая и Персии, причем различался по своей основе: мог быть сканым (то есть крученым), некрученым, шемаханским и т. д. Привозили материалы из Италии, из Турции. Шитье XV–XVI вв. часто исполнялось на итальянской одноцветной камке с крупными узорами. Поиск основы, ее тона – начальная стадия создания шитого полотна, и в выборе

Пелена Марии Тверской. XIV в.

Фрагмент пелены Софии Палеолог. XV в.

ее мастерицы проявляли настоящее художественное чутье, как, впрочем, и в подборе цветов шелковых нитей.

Как и в иконописи, в древнерусском шитье имена создателей упоминались чрезвычайно редко. Однако часто имеются даты и имена вкладчиков, даривших шитое полотно в тот или иной храм. Об этом рассказывают надписи, вышитые на пеленах или покровах, причем часто они бывают достаточно подробными.

Так на пелене 1499 г., хранящейся в Троице-Сергиевой лавре и изображающей избранных святых и праздники, на нижней кайме в два столбца серебром вышита надпись:

«Лет 7007 (1499) го создана сия пелена при бл(а)говерномъ великомъ кн(я)зе Иване Васильевиче всея Руси при его с(ы)не великом кн(я)зе Василе Ивановиче и при архиепискупе Симоне митрополите замышлениемъ и повелением ц(а)р(е)вны ц(а)рьгородскыя великою княгинею московьскою Софьею велико кн(я)зя московского молилася Тро(и)це живоначал(ъ)ныя и Сергию чюдотворьцу и приложиля сию пелену»[7].

Как следует из надписи, Софья Палеолог, вторая жена Ивана III, ездила в Троицкий монастырь и обращалась к преподобному Сергию Радонежскому со своими заботами. И вот когда борьба за престол с наследниками Ивана III от первой жены – тверской княгини Марии – закончилась в пользу сына Софьи Василия III, богатая пелена была подарена в монастырь. Средник пелены – четырехконечный крест на Голгофе с вышитыми буквами ИС ХР НИ КА (Иисус Христос победитель). Это более поздняя вставка, относящаяся к XVIII в. Она сделана взамен утраченной на парчовой материи.

Вокруг средника идут многофигурные клейма, напоминающие клейма икон. Здесь разнообразные сюжеты: Троица, Усекновение главы Иоанна Предтечи, Благовещение, Новозаветная Троица (Отечество), Вознесение, Сошествие Святого Духа на апостолов. По углам – шестикрылые серафимы, а по нижнему краю пелены – московские митрополиты Петр и Алексий; патрональные святые семьи великого князя – Иоанн Предтеча, Василий Парийский.

Мастерица (или мастерицы) использовали при вышивке этой пелены одну художественную особенность: на одеждах и поземе поставлены разноцветными шелками крапинки – красные на желтом, желтые на красном, белые на коричневом, которые придают особую нарядность полотну.

А вот еще одна очень красивая пелена, изготовленная в 1525 г., с сюжетом «Явление Богоматери Сергию Радонежскому», вышитом в среднике на «червчатом» (красном) бархате.[8] Голгофская гора усеяна жемчужными звездами. Крест, стоящий на ней, тоже шит жемчугом. Слева от креста – Богоматерь с апостолами Петром и Иоанном, справа – преклоненный Сергий с учеником Никоном. Сверху у креста – луна, солнце и два летящих ангела. А внизу – шитая жемчугом надпись:

«Помилуй Г(оспод)и бл(а)говерного великого кн(я)зя Василия Ивановича Г(осу)д(а)ря всея Русии и его бл(а)говерную великую кн(я)г(и)ню Соломонию и грады их подай же имъ г(оспод)и и плод чрева. Сделана пелена сия въ лето 7033 (1525) въ 19 лето г(осу)д(а)ръства его».

Надпись рассказывает о том, что Василий III и его первая жена Соломония Сабурова также посещали Сергиев монастырь и

молились о даровании им наследника. На вкладной пелене по бокам изображены специально подобранные к этому случаю сюжеты: «Благовещение», «Рождество Иисуса Христа и Иоанна Предтечи», а на нижней полосе – «Зачатие Анны» (матери Богородицы), «Зачатие Елизаветы» (матери Иоанна Предтечи). Среди прочих клейм – «Крещение», «Отечество», «Вознесение», «Сошествие Святого Духа на апостолов», московские митрополиты. Кроме обилия жемчуга, в нимбах Богоматери и ангелов Троицы помещены четырнадцать рубинов в золотых оправах.

К сожалению, ни усердные молитвы, ни богатые вклады не помогли княжне Соломонии: Василий III развелся с ней и сослал в монастырь.

Большие пелены вышивались годами, они вешались на стены в церквях и были великолепными украшениями храмов. Существовали и маленькие пелены, которые подвешивались под икону и часто повторяли ее сюжет. Архидиакон Павел Алеппский, посетивший Москву со своим отцом Антиохийским патриархом Макарием в середине XVII в., описал свое путешествие в путевых записках. Он поразился обилию икон и шитых пелен в русских храмах. Побывав в Троицком соборе, Павел Алеппский написал: «Мы больше всего удивились на пелены икон; нам показалось, что сверху до низу – всё иконы, что изображение на доске и шитое на материи одно и то же. Красота венца увеличивается множеством образов в виде маленьких золотых солнц среди драгоценных каменьев и жемчуга».[9]

В конце XVI – начале XVII вв. древнерусское шитье становится особенно пышным и богатым. В большом количестве используются золотые нити, жемчуг, драгоценные камни.

Шелковые нити теперь смешиваются с металлическими, ими уже нельзя прошивать материю насквозь, и мастерицы все чаще используют шов «в прикреп». Причем стежки располагаются то в одном порядке, то в другом, создавая дополнительные многообразные узоры самого шитья.

В столице в середине XVI в. существовали две большие мастерские, из которых одна связана с именем царицы Анастасии Романовны, первой жены Ивана Грозного, а другая – с именем Евфросиньи Старицкой, жены Андрея Старицкого, претендовавшего на русский престол. Их многочисленные вклады есть и в Троице-Сергиевом монастыре, и в Псково-Печерском, и в Суздале, и в Переяславле-Залесском.[10]

В Троице-Сергиевой лавре хранится покров, изображающий Голгофский крест на фоне Иерусалимской стены – вклад Ивана

Грозного и его жены Анастасии Романовны, сделанный в 1557 г. Специалисты отмечают, что «разноцветные шелка, которыми вышиты камни горы Голгофы, подобраны вышивальщицами настолько искусно, что у зрителя, глядящего на это изображение, создается впечатление своеобразной перспективы и светотени».[11] Не исключено, что вышивальщицей могла быть сама царица: исторические источники свидетельствуют, что она весьма искусно шила шелком, золотом и жемчугом.

Из мастерской Евфросиньи Старицкой в Троице-Сергиеву лавру попала «Плащаница» 1561 г., а также суда́рь (покров на голову Сергия в гробнице) с изображением явления Богоматери преподобному (сер. XVI в.).[12]

Плащаница, шитая мастерицами князей Старицких, была вкладом княгини Евфросиньи и ее сына удельного князя Владимира Андреевича. Вокруг средника, изображающего Иисуса Христа во гробе, Богоматерь, держащую на коленях голову Сына и склонившихся в горе учеников, идет шитая серебром литургическая надпись вязью, прерываемая изображениями Троицы, архангелов, евангелистов, Богоматери в круглых медальонах. А справа к плащанице пришита историческая надпись в три строки, также шитая серебром, где говорится, где и когда был сделан для монастыря «сии воздухъ:

«на ч(е)стъ и на поклонение всем православнъім хр(и)стианам и на воспоминание последнему роду в вечный поминокъ по свои д(у)шахъ...»

Эта плащаница «надолго стала иконографическим образцом, которому следовали вышивальщицы из других мастерских».[13] Распространенная композиция оплакивания Христа во гробе здесь трактуется по-своему. Расположение фигур, их позы, даже выражения лиц – все дано иначе, не традиционно, а живо и в определенном ритме. Кроме ангелов вверху и внизу, кроме серафимов по углам, в правом нижнем углу изображен еще и Сергий Радонежский, в молении протягивающий руки к Христу. Виртуозная техника шитья поистине достойна удивления и восхищения. Большое вышитое полотно размером 174 × 276 см похоже на живописную икону. А в разделке голубой одежды Марии Магдалины женщины сумели вышить белым шелком пробела, что воссоздает прием, характерный для русской иконописи.

В древности плащаница Старицких смотрелась, видимо, еще выразительнее: темно-красный тон шелка, на котором она шилась, был более интенсивного цвета. Сейчас первоначальный фон почти полностью утрачен.

От конца XVI – начала XVII вв. сохранилось достаточно много образцов художественного шитья – вкладов царей Федора Иоанновича и Бориса Годунова, а также известной семьи Строгановых. Работы царских мастерских того времени образуют так называемую «годуновскую школу», работы же мастерской Строгановых – «строгановскую». Если для первой характерно стремление к роскоши, богатству, к широкому использованию жемчуга и драгоценных камней, то вторая отличается более скромным использованием дорогих материалов. Там делали упор на самом шитье, на красочном сочетании различных цветов и оттенков; употребляли и золотые нити.

В 1801 г. Борис Годунов сделал богатый вклад в Троице-Сергиев монастырь – покровец (суда́рь) с изображением Троицы.[14] Монастырское предание говорит, что покровец был вышит дочерью Бориса Ксенией, искусной рукодельницей. Три ангела, фигуры которых унизаны жемчугом, сидят за столом под сенью Мамврийского дуба, также расшитого жемчугом, жемчугом же выложены и нимбы ангелов, и узоры на кайме. Кроме того, в венцах ангелов прикреплены «пять сапфиров, четыре рубина и три изумруда в золотых оправах». А на кайме, среди жемчужных узоров, нашиты восемь золоченых пластин с гравированными фигурами Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и других святых.

Несколько раньше, в 1599 г., Годунов поднес в дар тому же монастырю «жемчужную» пелену с изображением Креста на Голгофе.[15] Эта пелена подвешивалась под широко известную и почитаемую на Руси икону – «Троицу» Андрея Рублева. Как в середине, так и по кайме, в ее затейливом, искусном узоре широко используются жемчуг и драгоценные камни: изумруды, рубины, сапфиры, топазы. Кроме того, и на изображениях Креста и Голгофы, и на кайме нашиты золотые различных форм и размеров пластины с гравировкой и чернью по золоту.

Удивительна по технике шитья индития (одежда на престол), которую также приписывают Ксении Годуновой.[16] Сложный сюжет «Предста Царица одесную Тебе» изображает Спаса на престоле, Богоматерь справа от него, а Иоанна Предтечу – слева. Виртуозное исполнение сочетает различную технику шитья шелком, золотом, серебром, жемчугом с драгоценными камнями, с узорочьем одежды и каймы. Кроме того, у ног Спасителя изображены коленопреклоненные Сергий и Никон Радонежские.

Из работ мастерских Строгановых интересен покров, предназначавшийся для гробницы Александра Невского в Рожде-

ственском монастыре во Владимире.[17] Здесь нет ни жемчуга, ни драгоценных камней, ни ярких узоров. Покров выполнен в телесно-коричневых тонах разными оттенками шелка. Александр Невский лежит с закрытыми глазами, и только борода и усы, шитые красным шелком, несколько оживляют изображение фигуры почившего князя.

Художественное шитье широко использовалось и в украшении священнических богослужебных одежд. В Оружейной палате хранится богато расшитый саккос* митрополита Фотия, жившего в XV в., грека по происхождению.[18] Этот образец византийского шитья, который Фотий привез с собой, достоин удивления своим мастерством и изысканностью. Однако для русских мастериц греческое искусство «живописания нитями» не имело определяющего значения. Национальные традиции шитья, идущие из глубины веков, и с принятием христианства жили на Руси, позволяя на национальной основе создавать шедевры художественного шитья.

* Саккос — верхняя архиерейская одежда (*др. евр.* «вретище, мешок»), заменяющая фелонь.

В ризнице Троице-Сергиева монастыря хранится поруч, шитый в мастерской Софии Палеолог, с сюжетом Благовещения и фигурами Флора и Лавра.[19] Поручи надевались на руки перед кистью, чтобы сдерживать рукава нижней одежды священника. Вклад с подобным сюжетом и изображениями определенных святых сделан в обитель не случайно: именно в день Флора и Лавра преподобный Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

В Троицкой лавре находятся и образцы фелоней, оплечья которых расшиты разнообразными орнаментами. Здесь широко используются жемчуг, золотые нити, скрученные в спираль (так называемая золотая канитель), изображения двуглавых орлов, барсов, птиц-сиринов, оленей...[20] На других фелонях оплечья украшены серебряными медальонами с чернью, на третьих мастерицы сумели в шитье воспроизвести рисунок орнамента восточных тканей.

Часто памятники художественного шитья, насчитывающие по несколько сотен лет, бывают в очень плохом состоянии и их приходится тщательно реставрировать.

Такую реставрацию прошел и знаменитый военный стяг, известный как «Знамя Сапеги».[21] Это образец «строгановского» шитья, относящийся к концу XVI – началу XVII вв. и происходящий из Борисоглебского монастыря около Ростова Великого.

Как и положено на стягах, шитье здесь двустороннее, выполненное золотом и шелком. Сочетание зеленых, голубых, лимонно-желтых тонов создает красивую красочную гамму сюжета «Явление Михаила архангела Иисусу Навину». По Библии, Иисус Навин – преемник Моисея, предводитель еврейского народа периода завоевания им земли Ханаанской. Во время осады города Иерихона ему явился архангел Михаил, «вождь воинства Господня» (Нав 5, 14), который приказал Навину разуться: «...сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято...» (Нав. 5, 15).

Фигура архангела с крыльями, в воинских одеждах, с мечом в правом и зерцалом в левой руке, исполнена доблести и славы, недаром Михаил – предводитель, архистратиг небесных сил. Иисус Навин изображен в склоненной позе, развязывающим обувь. Лицо его выражает удивление, синий плащ развевается, что придает композиции элемент порывистости, движения.

С этим знаменем связан любопытный эпизод из Смутного времени, когда поляки и литовцы хозяйничали на Руси. Тогда близ Ростова Великого, в Борисоглебском монастыре подвизался монах Иринарх, известный на всю округу своими иноческими подвигами: он носил на теле тяжелые железные вериги и, более того, добровольно приказал приковать себя к стулу еще более тяжелыми цепями. Заключив себя в келью, посадив на цепь во имя Господа, старец творил чудеса по исцелению больных и молился за спасение Отечества от иноземцев. Однажды о монастырском затворнике услышал пан Сапега, руководитель польского отряда, и захотел повидать чудесного старца. «Если пан хочет посетить меня в этой темнице, то он придет к нам и по своей воле», – ответил Иринарх. Сапега с отрядом действительно явился в монастырь и, увидев добровольного страдальца, удивился, как он терпит сию муку. «Бога ради, – отвечал святой старец, – терплю сию муку и темницу в келии сей». Приближённые Сапеги стали нашептывать своему предводителю, что старец не молится за польского короля и его сподвижников. И опять ответил Иринарх-затворник: «Я в Руси рожден и крещен, за русского царя и Бога молю».

Понравились те ответы пану Сапеге. Долго еще беседовал поляк со святым русским старцем и услышал от него пророчество:

«...Полно тебе на Руси воевать; а не выйдешь из Руси или опять придешь и не послушаешь Божия слова, то будешь убит в Руси».

Задумался пан Сапега. Захотелось ему одарить чем-нибудь старца. Прислал он денег и не велел трогать монастырь и разо-

рять его. А еще, говорит предание, оставил Сапега в обители русское знамя, что захватил во время одного из боев. Подарил как охрану от разорения польскими отрядами, которые забредут в монастырь.

Ян Петр Сапега действительно погиб в русской земле в 1611 г. Преподобный Иринах преставился в 1616 г., и житие старца было составлено его ближайшим учеником монахом Александром, который провел рядом с затворником тридцать лет.

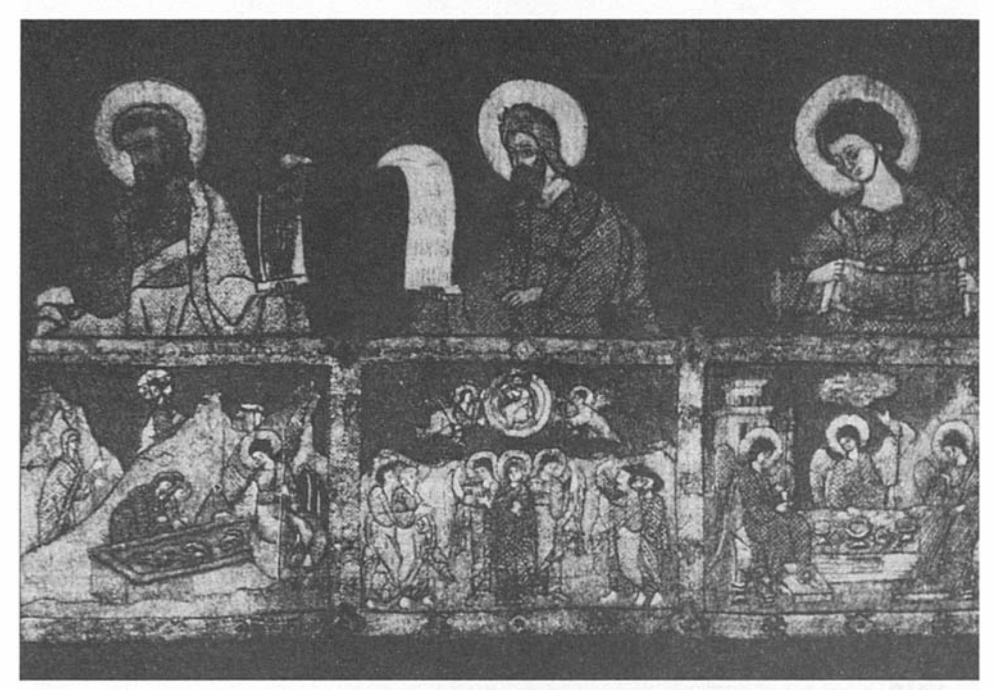
...Прошло много времени. «Охранное знамя Сапеги» оказалось в Ростовском музее, затем в Государственных Центральных реставрационных мастерских, где его тщательно отреставрировали, перенеся шитье на крашенину кирпичного цвета. Сейчас это творение древнерусского искусства находится в Государственной Третьяковской галерее. «Высокое мастерство, сложность работы над двусторонним шитьем, благородство сочетаний блеклых тонов говорят об исполнении памятника одной из лучших мастериц своего времени, имя которой история, к сожалению, не сохранила», – отмечает искусствовед Н.Е. Мнева.[22]

К уникальным памятникам художественного шитья конца XVI в. принадлежит и походный иконостас, исполненный в 1592 г., «повелением царя Федора Ивановича и его благоверной царицы великой княгини Ирины в восьмое лето государства его».[23]

К сожалению, целиком шитый иконостас не сохранился: в 1871 г. он сильно пострадал от пожара. Однако искусствоведы о нем знали, и когда фрагменты этого, одного из немногих, шитого походного иконостаса попали в реставрационную мастерскую отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея, специалисты приложили все силы, все свое умение, чтобы отреставрировать памятник и приблизить его к первоначальному виду.

Из летописных источников, мемуаров, описей было известно, что этот шитый иконостас был частью походной церкви царя Алексея Михайловича. В XVII в. он хранился в образной палате Московского Кремля и фигурировал в описях как «тафтяной походный иконостас царя Алексея Михайловича». Позднее, опять же в качестве необходимой принадлежности походной церкви, иконостас находился при Петре I и был им перевезен в новую столицу на берегу Невы.

До 1812 г. работа русских мастериц XVI в. хранилась в ящиках в Зимнем дворце. В декабре же 1812 г. по приказу царя Алек-

Фрагмент шитого походного иконостаса. XVI в.

сандра I иконостас был перенесен в теплую церковь Чесменского дворца, расположенного недалеко от Петербурга. С 1830 г. там разместилась богадельня для инвалидов войны, и в различных описаниях богоугодного заведения встречается и упоминание иконостаса, который изначально представлял из себя внушительное зрелище.

Согласно Е. Кутиловой, рассказывающей о реставрации памятника и его подготовке к экспозиции, иконостас состоял из четырех ярусов. В нижнем было четыре местные иконы, из которых до нас дошла только одна – «Троица». Рядом с ней помещались другие – «Рождество Христово», «Богоматерь Тихвинская» и «Успение». Второй ярус занимал деисусный чин с поясными фигурами. Из него сохранились шесть фигур: Богоматери, ангела, апостола Павла, неопознанных святителя и преподобного и Георгия Победоносца (или Димитрия Солунского).

Третий ярус состоял из небольших по размеру праздничных икон. Вероятно, их было двенадцать, но сохранилось только три: «Жены-мироносицы у гроба», «Вознесение» и «Троица». Над праздничным рядом размещался пророческий, где также, вероятно, было двенадцать фигур, из которых сохранилось пять.

Вверху шла вышитая историческая надпись, которая указывала на время создания этой огромной работы.

Труд был поистине титанический. Можно только догадываться о том, сколько мастериц работали над полотном, сколько времени прошло, пока оно было закончено. Ведь помимо уже названных четырех ярусов, были изображения Федора Стратилата и великомученицы Ирины на южных вратах; сохранились также небольшие поясные фигурки святых, находившихся, видимо, на столбиках Царских врат; кроме того, на шитом полотне располагались розетки с орнаментами, колонки, медальоны, столбики.

Небольшие фрагменты основы в местах утрат позволяют сделать вывод, что первоначальный фон иконостаса был темно-малиновым с лиловым оттенком. Позже, когда материя износилась, шитье было перенесено на темно-зеленый бархат. Возможно, это случилось в годы царствования Петра I. Тогда же были сделаны и чинки отдельных фигур, причем очень тщательно, так что их трудно сразу заметить в одежде великомученицы Ирины, в фигуре Богоматери.

Однако пожар в Чесменской богадельне нанес памятнику непоправимый ущерб. Сгорела почти вся левая часть, а уцелели главным образом фигуры правой половины. Его починили: обгоревшие лики были вырезаны, на их место наложен картон, по которому масляными красками были написаны новые лики. В некоторых местах краски шли прямо по ткани. Те, кто «чинил» иконостас, не особенно задумывались о его художественной ценности: штопали грубо, часто с другим узором или вовсе без узора. Некоторые изображения даже были разрезаны и отделены друг от друга (Федор от Ирины, пророки от праздников и т. д.).

Долгое время памятник в полуразрушенном, неприглядном состоянии сохранялся в церкви Чесменской военной богадельни. В таком виде он был представлен и на выставке в Петербурге в 1914 г., которая была посвящена церковной старине. Затем шитый иконостас поступил в Государственный Русский музей, где в 1938 г. прошла его реставрация.

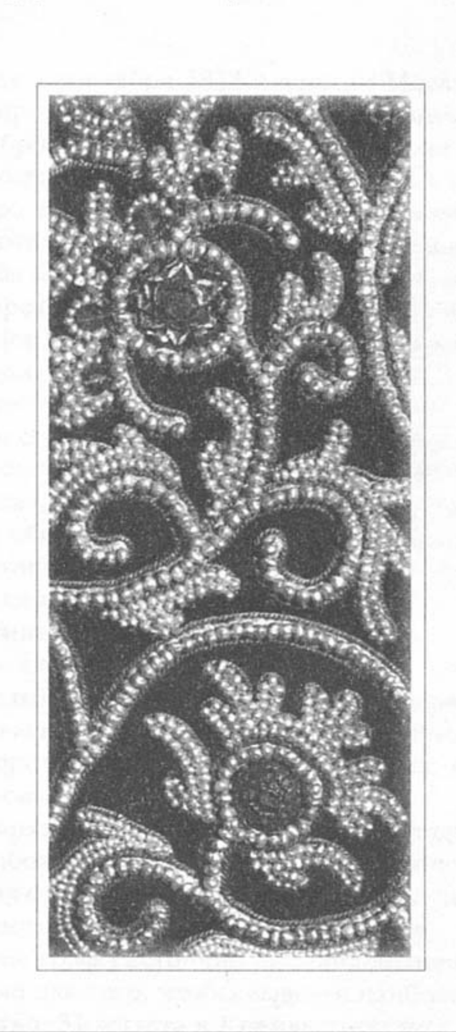
Сначала отпарили клей и сняли шитье с бархата, убрали картон с масляной живописью, смыли краски с ткани. Поскольку сама ткань под такой живописью обгорела и истлела, эти места покрыли газом. Закрепили легко ломающиеся после огня золотые и серебряные нити, подобрали и смонтировали разрозненные части.

Реставрация, проведенная специалистами Русского музея, преобразила памятник. «...Освобожденное от грубой чинки и излишних наслоений, смонтированное по определенной системе

шитье, несмотря на свои утраты, теперь ярко показывает высокое мастерство своего времени, – отмечает искусствовед Е. Кутилова,– высококачественный материал – тонкое «прядное» золото, наличие «волоченого» золота в нимбах, рельефный орнамент в них – все это придает шитью... пышность и богатство. Большое разнообразие в узорах прикрепа указывает на богатую фантазию и изобретательность первоклассных мастериц».[24]

Можно с уверенностью сказать, что и те фрагменты, которые мы видим сейчас, указывают на выдающееся произведение русского художественного шитья конца XVI в.

И ЗЛАТО, И СЕРЕБРО, И КАМЕНЬЯ ДРАГОЦЕННЫЕ

В воскресенье 1 сентября 1812 г. жители Москвы готовились оказать сопротивление наступающим французам. Надеясь на силу и храбрость войска, они ожидали сражения под стенами первопрестольной и даже на улицах, молились в храмах и домашних церквях, прося защиты у Бога и святых покровителей Москвы. Кто мог, спешно покидал город, и подводы были на вес золота.

Бородинская битва, свершившаяся 26 августа, в праздник Сретения Владимирской иконы Божией Матери в Москве, показала, что враг ослаблен, но не задержан на подступах к городу. Многочисленное неприятельское войско было сильно, и судьба столицы в высшей степени неопределенна.

На военном совете у фельдмаршала Кутузова в деревне Фили решено было уступить Москву Наполеону без боя. Об этом решении мало кто знал, и преосвященный московский архиерей Августин, как было обговорено раньше с главнокомандующим Москвы графом Растопчиным, готовился идти с крестным ходом для благословения народа и войска к решительной битве.[1]

Преосвященный Августин совершил литургию в Успенском соборе, полном народа. Перед ликами русских икон, перед гробницами святых отцов он молил господа о низвержении врага, о спасении Москвы и России. По окончании службы, понимая, что враг почти в городе, преосвященный вымолвил: «Скоро ли Бог удостоит нас снова служить в сем храме?»

Из собора архиерей поехал на Савинское подворье, едва не застряв среди обозов жителей, спешно покидающих Москву. Он ожидал известия от главнокомандующего Растопчина, когда надо будет идти с крестным ходом на Поклонную гору.

Еще накануне граф Растопчин выделил архиерею триста лошадей с телегами для того, чтобы вывезти наиболее ценное церковное имущество. 31 августа в Кремль съехались с обозами по-

чти все настоятели московских монастырей и соборов. Преосвященный благословил их, и они отправились из столицы с горечью, прощаясь с Москвой и своим пастырем.

В томительном ожидании прошло несколько часов. Неприятельские отряды уже стали появляться в окрестностях московских застав, были слышны выстрелы.

Наступила темная осенняя ночь. Без разрешения главнокомандующего архиерей не мог ни выехать из столицы, ни оставаться в ней. Наконец пришло письмо от графа Растопчина.

«Преосвященный Августин! Нечаянное решение князя Кутузова отдать столицу должно решить выезд Вашего Преосвященства по получении сего немедля. Тракт назначается Вам на Владимир. При сем Высочайшее Вам объявляю повеление вывезти из Москвы три иконы: Владимирския, что в Успенском соборе, Иверския и Смоленския Богородицы...»

Была уже полночь. Августин немедленно послал секретаря своего за образом Владимирской Богоматери в Успенский собор, другого помощника – за образом Иверской Богоматери к часовне у Воскресенских ворот. Икона Смоленской Божьей Матери уже была вывезена из Москвы.

Когда со всеми необходимыми предосторожностями иконы были доставлены на подворье и помещены в экипажи, Августин отправился из Москвы в сопровождении духовных лиц и секретаря.

Было два часа ночи второго сентября. Вокруг столицы уже пылали села и деревни; раздавались пушечные и ружейные выстрелы; по дорогам тянулись раненые, толпились пешие и конные, тянулись обозы.

На следующий день французы вошли в столицу, а ночью загорелись в Китай-городе гостиный двор и ряды. Запылали лавки, дома, и вскоре пожар распространился по всему городу.

Ужасный огненный вихрь носился по улицам столицы трое суток, затем пожар перекинулся на Замоскворечье, и обширный, величественный город превратился в груды камней, пепла, курившихся головешек. Несколько церквей сделались добычей пламени, а в уцелевшие врывались неприятельские отряды, сдирали со святых икон золото и серебро, забирали ценную церковную утварь. Многие храмы были превращены в казармы, амбары, конюшни и бойни. Повторились буйства и мерзости, которые видела столица два века назад при поляках.

Преподобный Августин с увезенными иконами прибыл во Владимир, откуда четыре века назад была взята икона Богомате-

ри, чудесно спасшая Москву от нашествия Тамерлана. Жители радовались встрече с древней святыней и ежедневно носили ее по городу с крестным ходом при общем молении и душевном единении.

Из Владимира преосвященный Августин направился в Муром, и там оставался до конца французского нашествия на Москву.

Сорок дней буйствовал враг в столице... Перед уходом Наполеон задумал разрушить древний Кремль, чтобы истребить все памятники отечественной славы и русские святыни.

В ночь на шестое октября Наполеон выехал из столицы, а через несколько дней тоже ночью в Кремле прогрохотали пять ужасных взрывов. Однако судьба была благосклонна к нам: все соборы – Успенский, Архангельский, Благовещенский, Грановитая палата, Теремной дворец – уцелели. Колокольня Ивана Великого треснула, но устояла. Разрушены были только Арсенал, часть Кремлевской стены, несколько кремлевских строений. В это время хлынул дождь. Он остановил действие прочих подкопов в Кремле, из которых потом было вынуто несколько десятков бочек пороха.

Августин в Муроме получил от графа Растопчина весть, что Москва, хоть и разоренная и сожженная, все-таки освобождена от врагов. Преосвященный поспешил в столицу. Муромчане провожали его далеко за город с крестным ходом и пять верст несли на руках Владимирскую и Иверскую иконы Богоматери. В Москве негде было остановиться: архиерейское подворье разрушено, сожжено, кремлевские монастыри разграблены, церкви обращены в казармы, конюшни и бойни. Августин остановился в селе Черкизове, потом переехал в Сретенский монастырь, построенный на том самом месте, где встречали Владимирскую икону жители Москвы. Кремль был разорен. Жуткое зрелище представлял собой Успенский собор, поруганная святыня, разграбленный и оскверненный храм... От взрывов окна в соборе перебились, внутренность его занесло снегом, перемешанным с пылью, углем, навозом; на месте огромного серебряного паникадила были весы для взвешивания награбленного золота и серебра; среди собора поставлены плавильные горны; с алтарного иконостаса ободрано все серебро. Остался лишь маленький кусочек басменной* работы, который впоследствии послужил образцом для мастеров при возобновлении храма. Иконы валялись на полу, святые гробницы были вскрыты, над гробами митрополитов сделаны стойла для лошадей.

* Басма (*тур.* «оттиск, отпечаток») – тонкая пластина из серебра, золота или белой жести (с XVI в.), с рельефным тисненым узором.

Драгоценная утварь собора, позолоченные серебряные оклады оставшихся в нем икон, раки мощей святителей были захвачены неприятелем и обращены в слитки.[2]

Цифры, написанные на иконостасе Успенского собора, говорили о том, сколько серебра и золота удалось захватить грабителям и переплавить только в данном месте: «325 пуд серебра и 18 пуд золота».*

ц – единица веса (массы) России до 1924 г. туд = 40 фунтам = 16,38 кг.

Московские церкви и монастыри, где хранилось множество изделий из золота и серебра, украшенные жемчугом и драгоценными камнями оклады икон и книг, уникальные предметы церковной утвари, шитые пелены, разноцветные эмали, – все было разорено мародерами. Те триста подвод, которые были в распоряжении архиепископа Августина, не могли вывезти все богатство храмов. Значительная часть церковных сокровищ осталась в городе. Так, из пяти женских и одного мужского монастыря не удалось спасти ни ризницы, ни утвари. А сколько было приходских церквей, не считая домовых, чьи богатства, накопленные десятилетиями и даже столетиями, не были отправлены в безопасные места...

Священнослужители старались спрятать ценности от грабителей: зарывали в землю, опускали под воду, замуровывали в стены, скрывали в подвалах.

Французы врывались в храмы, забирали все ценное, что попадалось на глаза, допрашивали монахов, священников, дьяконов, чтобы выведать, где спрятано остальное.

Очевидцы писали в своих воспоминаниях, что в Богоявленском монастыре «таскали казначея, престарелого иеромонаха Аарона, за волосы и бороду, приставляя к груди штыки», потом «били его в два палаша по спине и оставили без чувств»... Других, ограбив донага, заставляли таскать тяжелую ношу. «Иеродиакона Вонифатия... спустили в реку, грозя потопить или отсечь голову». «Священника одной церкви замучили до смерти и окровавленное его тело несколько дней лежало в Новинском монастыре».

Над русскими святынями глумились: в храмах устраивали конюшни, иконы выбрасывали, раскалывали их, употребляя как дрова или мишени для стрельбы.

Навсегда исчезла в то время из Кремлевского Успенского собора Иерусалимская икона Божией Матери, которую потом заменили копией. Выкрали все иконы из Сретенского монастыря.

Однако слитки золота и серебра вывезти из России не удалось. Добычу отбили у неприятеля донские казаки, которые за-

тем пожертвовали это серебро в Казанский собор в Петербурге, где из него были сделаны главный и два придельных иконостаса.

Архиепископ Августин совершил в храме Успения торжественную службу в честь изгнания врагов из святого места, затем началось восстановление главных кремлевских храмов, поновление икон, изготовление серебряной ризы на Успенский иконостас.

Чудотворная икона Владимирской Богоматери была перенесена из Сретенского монастыря в Успенский собор; вскоре и сам собор – Московский дом Пресвятой Богородицы, где снова водворились его святыни, обновленные с любовью и пышностью, – был открыт для народа.

Не только французы изрядно поживились от великих русских богатств. Двести лет назад, во времена Смуты, когда на Русь пожаловали поляки с литовцами, они тоже не упустили возможности присвоить себе царскую и церковную казну, вывезти из русских городов золото и серебро, что в большом количестве шло на украшение церковной утвари и предметов царского обихода.

Один поляк, видевший в 1611 г. царскую казну, где хранились всякие вещи, необходимые при коронации, говорит, что там были «царские одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоценные каменья, сверх того дорогие столы, осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчуг», дорогие меха. В специальном склепе хранились драгоценные ковчеги со святыми мощами, были эти ковчеги золотые, «длиною в пол-локтя»* и занимали семь стен, нигде не оставляя пустого места.[3]

Бояре, расплачиваясь с поляками, дали в заклад несколько вещей, обещая их потом выкупить: две царские короны, царский посох из единорога, по концам оправленный золотом с бриллиантами, гусарское седло, украшенное золотом, каменьями и жемчугами. Бояре не сдержали слово, вещи не выкупили, и поляки разделили их между собой, разломав две короны и гусарское седло, вытащив дорогие каменья из гнёзд. Посох отдали польским панам за службу, оценив его в 28 000 злотых.

Конечно, поляки грабили и православные храмы. Так, в Успенском соборе Московского Кремля хранились святые мощи митрополита Петра. В царствование Ивана Грозного они были запечатаны в гробнице царицей Анастасией, и над ними была возве-

* Локоть – русская мера длины в XI–XVI вв., равная 38–46 см (длина локтевой кости человека).

дена золотая рака. Поляки похитили сию золотую раку, и до 1812 г. останки основателя Успенского собора лежали запертые под спудом в среброкованой гробнице.[4]

После того, как французы сорвали печать и замок с верхней гробницы, преосвященный Августин испросил разрешения у Святейшего Синода оставить мощи открытыми, и с тех пор они так и хранились для благоговейного созерцания верующими.

Православная церковь всегда стремилась богато украшать свои храмы, и в трагические годы русской истории богатства эти бывали разоряемы. Начиная с татар, церковные ценности захватывались врагами, вывозились из русских земель, расходились по свету, терялись, переплавлялись и исчезали навсегда. После таких незваных гостей, будь то татары или шведы, поляки или литовцы, французы или немцы, церковь снова восстанавливала свои храмы и заботливо украшала их, снова русские мастера изготавливали замечательные оклады на иконы и Евангелия, снова отливали поразительные по художественному мастерству предметы, необходимые для службы, поновляли и писали вновь иконы.

Обстоятельно составленные церковные описи подробно рассказывают о том, какие уникальные произведения церковного искусства хранились в различных монастырях и соборах.

Вот, например, описание ризницы Симонова монастыря в Москве, составленное в конце прошлого века.[5] Здесь хранились: кресты, оклады икон и Евангелий, потира, чаши, панагии... Под номером первым идет «крест золотой с мощами святых: праведной Анны, святого Варнавы, архидиакона Стефана, Иоанна Милостивого, пророка Даниила, Феодора Стратилата, великомученика Пантелеймона, мученика Меркурия, мученика Христофора, Евстафия-Плакиды, мученика Лукиана, мученика Анфима, Михаила Малеина, Григория Декаполита и Феодосии девицы». На лицевой стороне креста находится накладной, небольшой, тоже золотой, крест с изображением Распятия Господня на финифти. Крест окружен яхонтами, изумрудами и алмазами в золотых гнездах, на рукояти его вырезана надпись: «Сий животворящий крест Господень построен повелением Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя и Белыя России Самодержца, в Симонов монастырь из их монастырского золота, лета 7189 (1681). Все с деревом, камнями и финифтью – 3 ф. 67 з., а одного золота 2 ф. 58 з., цена золоту по 3 р., злотник – 750 р., цена

каменьям 420 р. – всего 1170 р. Вышина креста – 8 1/2 верш., ширина – 4 5/8 верш.».*

А вот номер семнадцатый – потир золотой. По краям чаши вставлены 2 больших изумруда и 2 яхонта лазоревых; между этими камнями вырезано: «Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, я же за вы изливаемая во оставление грехов». Под этой надписью шесть гравированных изображений: Спасителя, Божией Матери, Иоанна Крестителя, архангелов Михаила и Гавриила и Голгофы. Ниже вставлены 2 изумруда и 2 яхонта. Дарственная надпись говорит, что этот золотой потир – вклад царя Петра Алексеевича, сделанный в 1710 г. Подсчитано, что он стоил 1495 руб.

* 1 фунт = 1/40 пуда = 96 золотникам (приблизительно 400 г). Золотник = 1/96 часть фунта, то есть 4,266 г. Вершок = 1/16 аршина = 4,445 см. Аршин = 16 вершкам = 71,72 см.

Еще дороже святое Евангелие, отпечатанное в Москве в 1681 г. На кипарисные доски-обложки наложены доски золотые с чеканными, выпуклыми, покрытыми финифтью изображениями Спасителя, Богоматери и Иоанна Предтечи. По углам в овалах – четыре евангелиста, вверху между ними – золотой крест с копьем и тростью, а в нем 10 алмазов. Оклад Евангелия украшают также восемь золотых запон с алмазами и рубинами, сцена Снятия с Креста, драгоценные камни. Это Евангелие – дар царей Петра и Иоанна Алексеевичей и их сестры царевны Марии Алексеевны, преподнесенный в Симонов монастырь в 1683 г. после смерти их брата царя Феодора Алексеевича, на помин его души. Цена этого дара – 1928 руб. 70 коп.

К сожалению, многие, очень многие уникальные предметы церковного обихода исчезли в России уже в нашем веке. Октябрьский переворот 1917 г. и гражданская война, атеистические гонения на церковь и нападение фашистской Германии – все эти катаклизмы не прошли бесследно для Русской Православной Церкви и ее храмов. Монастыри и церкви обеднели, но в различных музеях России хранятся уникальные предметы древнерусского церковного искусства, поражающие своим великолепием и высочайшим художественным мастерством.

Так, в Государственной Оружейной палате находятся несколько окладов с Владимирской иконы Божией Матери, считающейся одной из главных святынь Руси. Еще великий князь Андрей Боголюбский, привезя это уникальное творение византийских мастеров из Киевской Руси во Владимирские земли и поставив там Успенский собор, одел икону в богатый наряд. Но после трагической смерти Андрея, убитого в 1174 г., его преемники сняли с иконы драгоценный убор. Сама она находилась некоторое время в руках Глеба Рязанского, затем была возвращена

во Владимирский Успенский собор и, конечно, снова была богато украшена.

Однако прошло чуть более полувека, и в 1237 г. икона опять пострадала: теперь уже татары «...святую Богородицу разграбиша, чюдную икону одраша, украшену златом и серебром и каменьем драгим...»[6]

Привел ее в порядок Ярослав Всеволодович, но в 1410 г. татары царевича Талыча вновь похитили оклад Владимирской. В то время московский митрополит Фотий находился во Владимире; за ним, укрывшимся в лесах, гнались татары. Возможно, что в память своего спасения Фотий сделал на Владимирскую икону новый оклад взамен похищенного.

Некоторые историки высказывают мнение, что оклад был заказан византийским мастерам в честь назначения Фотия на московский митрополичий престол и в связи с переездом в Москву в 1410 г.

Сейчас данный убор Владимирской иконы хранится в Государственной Оружейной палате Московского Кремля. Он представляет из себя сплошной золотой оклад со сканью и чеканкой. На полях оклада вычеканены изображения двенадцати праздников: наверху – Благовещение, Рождество Христово, Сретение Господне, Крещение; по сторонам: Успение Богородицы, Воскрешение Лазаря, Вознесение Господне, Вход в Иерусалим; по нижнему полю: Распятие, Сошествие Св. Духа, Преображение и Воскресение Господне. Пространство между киотцами, где помещены праздники, заполнено золотой сканью, образующей тончайший кружевной узор.

На нижней части оклада, среди орнамента в кругу сделана надпись по-гречески: «Фотий, архиепископ России». Эта монограмма точно указывает на время изготовления – начало XV в.[7]

В описи Успенского собора 1627 г. дается перечисление всех убранств иконы, которое было в то время: наверху киота шесть городов золотых, а в них тридцать пять яхонтов лазоревых, два изумруда, шесть лалов и другие камни, все в золотых гнездах, унизанных вокруг жемчугом; у самой иконы оплечье, и венец, и корона, и по полям – двенадцать праздников золотых, а «меж праздников по полям обложено золотом же сканью с финифтью, а около венцов и образа пречистые Богородицы и праздников низано крупным жемчугом в одну прядь... В венце над главою яхонт лазорев большой, да шесть яхонтов лазоревых, три обнизаны жемчугом в одну прядь, все в золотых гнездах». Это еще не все украшения, надетые на икону: были

еще два лала малых, девять яхонтов, и яхонт в короне, и два изумруда, и много других камней в золотых гнездах.

Подробно описаны и «подниз», и правое оплечье, и левое оплечье, и значится «привесок»: ожерелье (вклад царя Михаила Федоровича) с драгоценными украшениями; шесть золотых цат*, четыре панагии, кресты, ризы, серьги.[8]

Когда Петр I, нуждаясь в средствах, повелел в 1722 г. снять с икон привески и доставить их в Святейший Синод, Владимирский образ лишился части своих украшений.

Однако впоследствии на оклад снова были поставлены жемчужные украшения и золотые запоны с камнями, которые сохранялись до нашего века. Все эти дополнения были удалены в 1961 г. по постановлению научно-реставрационного совета музеев Московского Кремля, и теперь золотой оклад XV века выглядит соответственно времени его изготовления.[9]

В Государственной Оружейной палате есть и еще один золотой оклад к иконе «Богоматерь Владимирская». Он относится к концу XIV – началу XV вв., украшен по всему полю замечательным чеканным узором, а в венец Богоматери вмонтированы драгоценные камни.

По верхней части оклада идут чеканные изображения святых в рост, составляющие композицию деисуса: в центре Христос, по сторонам – предстоящие Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел.

Считается, что данный оклад принадлежал одной из московских копий Владимирской иконы.[10]

Драгоценным убранством была украшена и другая святыня Руси – икона Андрея Рублева «Троица». Иван Грозный, делавший богатые вклады в различные монастыри, выделял Троице-Сергиеву обитель и даровал для знаменитой иконы жемчужную пелену, вышитую в мастерской его первой жены Анастасии. Пелена подвешивалась под святыней, а на саму икону был надет золотой оклад с коронами, венцами и цатами. Он был украшен чеканкой, разноцветными эмалями и драгоценными камнями: сапфирами, рубинами, хризолитами. Искусствоведы считают венцы и цаты из этого дара «выдающимися произведениями искусства», выполненными в московских мастерских русских царей.[11]

Однако Борис Годунов, взойдя на государев престол, захотел показать себя большим почитателем русских святынь и заказал для рублевской «Троицы» еще более великолепный оклад. На

* Украшение из металла в форме полумесяца с чеканным узором, часто с драгоценными камнями. Цату подвешивали к венцу таким образом, что она располагалась на груди изображаемого святого.

створках киота он повелел написать Деяния Троицы. Рядом с иконой теперь ставился большой серебряный подсвечник и вешалась новая жемчужная пелена.

Последующие цари также делали немалые вклады для этой знаменитой иконы, так что в XIX в. на окладе были украшения, изготовленные с XVI по XVIII в. Сам оклад был сделан из золота и позолоченного серебра с драгоценными каменьями и жемчугом.

Венцы, сень и рамка оклада – дар царя Бориса Годунова конца XVI в. Панагия – вклад сына Бориса, Федора, сделанный в начале XVII в. Цаты – дар царя Михаила Федоровича Романова от 1626 г. А ризы на одежды ангелов изготовлены московскими мастерами на средства монастыря в 1754 г.[12]

В древнем искусстве Руси особое место принадлежит так называемой мелкой пластике – небольшим предметам, выполненным в технике резьбы или литья. Это нагрудные иконки и кресты, панагии и ковчеги-мощевики, напрестольные кресты и иконы-складни. Потребность в них была велика: ведь в таких предметах нуждались не только храмы и монастыри, но и большое количество мирян. В средневековой Руси существовало много ремесленных мастерских, которые делали массовые вещи для широкого потребления, ибо литье, резьба были наиболее дешевыми способами изготовления различного вида культовых принадлежностей. Вместе с тем ремесленники выполняли и индивидуальные заказы для князей, бояр, купцов и, разумеется, церкви. Тут уж мастера показывали настоящее умение, тонкое художественное чутье и достигали порой удивительных высот, создавая подлинные шедевры.

На развитие мелкой пластики большое влияние оказывала иконопись, ибо сюжеты для литых и резных иконок, крестов, панагий брались именно оттуда. Вместе с тем в мелкой пластике прослеживается и влияние народного искусства, в котором долгое время наряду с христианством сохранялись следы языческих верований.

Для разных изделий в древности использовали материалы, легко поддающиеся обработке: камни различных пород, сланцы, шифер, стеатит (жировик) и, конечно, дерево. Поскольку дерево было наиболее непрочным, до нашего времени дошло немного подобных изделий.

Из известных нам каменных иконок самой ранней является иконка с изображением св. Глеба, найденная на Таманском полуострове.[13] Историки считают, что изображению (а оно боль-

шеголовое, укороченное) приданы черты реальной исторической личности – тмутараканского князя Глеба Святославовича. Созданная, видимо, в 1067–1088 гг., эта каменная иконка является уникальным произведением искусства, не имеющим аналогов среди предметов мелкой пластики.

В музейном собрании Троице-Сергиева монастыря есть небольшой, также каменный, образок, который висел на окладе иконы с изображением Сергия Радонежского в иконостасе Троицкого собора лавры. Эта шиферная иконка размером приблизительно 10 × 7 см заключена в серебряную золоченую оправу, украшенную сканью, перламутровыми пластинами и стеклом, имитирующим драгоценные камни.

Предполагается, что иконка была изготовлена в ремесленных мастерских Симонова монастыря в Москве в 80-е гг. XIV в. Известно, что игуменом этой обители был племянник преподобного Сергия Феодор, впоследствии ставший архиепископом Ростовским.

На лицевой стороне иконки изображено Успение Божией Матери, а на обороте – Николай-угодник с четырьмя евангелистами и святыми Георгием Победоносцем, Дмитрием Солунским, архидиаконом Стефаном и Стефаном-исповедником. Святые имели патрональное значение: они соименны Дмитрию Донскому, его второму сыну Юрию (Георгию), крестнику Сергия Радонежского, и отцу Феодора Ростовского Стефану, брату Сергия, который был духовником великого князя Симеона Гордого.[14]

Одним из распространенных предметов церковного обихода были так называемые ковчеги-мощевики, предназначенные для хранения мощей и оберега. Их носили на груди как обычные панагии, потому часто так и именовали. Соответственно положению и богатству владельца они изготавливались из драгоценных металлов и украшались камнями, финифтью, литыми фигурами. Часто в технике литья или гравировки воспроизводились популярные библейские сюжеты.

Одним из таких художественных произведений, относящихся к раннему периоду, является ковчег-мощевик, датированный 1410 г. и принадлежащий суздальско-нижегородской княгине Марии.[15] Ковчежец, иначе именуемый панагией, ранее хранился в ризнице Благовещенского собора Московского Кремля. Когда он туда попал и как – трудно сказать, но скорее всего это произошло после присоединения суздальско-нижегородских земель к Московскому княжеству при великом князе Василии Дмитриевиче.

На лицевой стороне ковчега, небольшого по размерам (всего 11,5×7 см), изображена сцена Вознесения. Иисус Христос в славе возносится на небо, сопровождаемый двумя ангелами. Внизу, на земле, остались Богоматерь и два ученика. По бокам этих фигур также витают ангелы.

Серебряный матовый фон весь заштрихован резцом. Линии идут в разных направлениях, создавая какую-то плотную материальную завесу. Литые фигуры, закрепленные на лицевой стороне, дополнительно проработаны чеканом. Вообще литье придает некую обобщенность изображениям, но на данном ковчежце фигуры удлиненные, изящные, а главное – тонко проработанные. И что удивительно – мастеру удалось передать движение. Здесь нет неподвижности, застылости. И распростертые в полете ангелы, и тянущие руки вверх апостолы, и поднимающийся Христос – все насыщено реальностью момента, все работает на основную идею сюжета Вознесения.

По краям ковчега выполнена чеканная надпись церковного песнопения: «Вознесыся въ славе Хе. Бе. нашь радость створи оученикам своим обето». На обратной стороне по всей поверхности выгравирована историческая надпись, говорящая о том, что «создана бысть икона сия при благоверномъ великом князе Данииле Борисовиче, благоверною великою княгинею Марьею, своего деля здравия и спасения».

Похож на этот ковчег-мощевик и другой, выполненный в 1414 г. и принадлежавший суздальско-нижегородскому князю Ивану Даниловичу, вероятно, сыну князя, упомянутого в надписи на мощевике княгини Марьи.[16]

Основная композиция здесь – Распятие, но фигурки летящих ангелов на лицевой стороне повторяют подобные фигуры на мощевике княгини. Видимо, делались они по одной форме, в одной мастерской Суздальско-Нижегородского княжества. И трудились здесь искусные мастера, способные создать высокохудожественные произведения, перешедшие затем в сокровищницу московских князей.

Суздальские князья были ярыми противниками Москвы в конце XIV–начале XV вв. Они никак не хотели примириться со второстепенной ролью, уготованной им историей, и отчаянно боролись с московскими князьями, привлекая на свою сторону татар. Упомянутый в надписи на мощевике Даниил Борисович стоял во главе мятежных суздальских князей в борьбе, которая продолжалась до 1418 г.

Академик Б.А. Рыбаков считает, что два ковчежца, о которых говорилось выше, переделаны в мощевики из церковных панагий.

Панагии имели круглую форму; на лицевой стороне их чаще всего воспроизводился сюжет Вознесения. Анализируя страницы русской летописи, Б.А. Рыбаков делает предположение, что ковчеги-мощевики могли быть изготовлены из панагий, хранящихся во Владимирском Успенском соборе, ограбленном в 1410 г. татарскими войсками вместе с русскими удельными князьями. Не секрет, что в междоусобной вражде удельные князья часто прибегали к помощи татарского войска.

Вот и в начале XV в., а именно в 1410 г., князь Данило Борисович «Нижняго Новгорода отчичь старый, укрывая тайно от всех приведе к себе царевича Талыча и посла с ним изгоном к Володимерю боярина своего Семена Карамышева».[17]

3 июля татары и войско князя Даниила напали на Владимир. Митрополит Фотий, бывший тогда в городе, скрылся от гнавшихся за ним татар в лесах, а потом, после всех переживаний, заказал богатейший оклад на Владимирскую икону Божией Матери (описание см. выше).

Ворвавшись в город, неприятель начал грабить и разорять дома: «...много людий повсюду секуще без милости, и стадо градское взята, и посады взяша и пожгоша, и людей избиша без числа много, и богатьство их взяша». Тогда ключарем в Успенском соборе был некий поп Патрикий, «нарочит и многодобродетелен муж», пришедший из греков на Русь вместе с Фотием. Он собрал церковные ценности, поместил их на «полати», то есть на втором ярусе собора, убрал все лестницы и затворил двери.

Это не остановило татар. Они ворвались в храм, захватили все собранное Патрикием, но не успокоились и стали пытать грека, чтобы узнать, где спрятаны остальные сокровища. Пытки были жестокими: несчастного ключаря и «на сковороде огнене ставиша, и за ногти щепы биша и кожу одираша, и, ноги порезав, уже вздернув, по хвосте у коня влачиша».

Патрикий ничего не сказал и принял мученическую смерть. Татары же с русскими изменниками хорошо поживились, награбив золота и серебра. Ценностей было так много, что, не в состоянии забрать все, их складывали «яко сенныа копны» и сжигали. Тогда же пострадала знаменитая Владимирская икона Божьей Матери, ибо татары «безбожии, высекоша двери церковныа, ...икону чюдную пречистыа Богородицы одраша...» То же самое они сделали и с прочими иконами, разграбив всю церковь, захватив и кузнь, и драгоценные ризы, и прочую церковную утварь.

Одна из летописей упоминает, что в том страшном набеге принимал участие и сын князя Даниила Иван, которого на татар-

ский лад называют «довлатом (искаженное «довлет, девлет», что значит «государь») Нижнего Новгорода».

Так что вполне вероятно, что два ковчежца-мощевика, датированные 1410 и 1414 гг., напрямую, связаны с кровавыми историческими событиями того времени, с набегом татарского царевича Талыча и разорением Владимира.

Заботливо украшали древнерусские мастера рукописные, а затем печатные церковные книги, особенно Евангелия. До нашего времени дошло немало окладов, где применялось и золото, и серебро, и драгоценные камни, и разноцветные эмали, и литье, и тончайшая скань.

К одним из древних серебряных окладов относится оклад 1343 г.[18] Великий князь Симеон Гордый внес сей вклад в церковь села Подчерково близ Дмитрова, а затем Евангелие перешло в Троице-Сергиев монастырь.

Верхняя доска оклада покрыта серебряной басмой с мелким растительным узором. Сверху басмы закреплены серебряные пластины. На них изображено Распятие, около него – Богоматерь и, видимо, Иоанн. У вершины креста – ангелы, а по углам оклада – четыре сидящих евангелиста. Фигуры выполнены техникой гравировки по черненому серебру и, несомненно, принадлежат руке опытного, искусного мастера.

Может быть, одним из наиболее интересных является оклад Евангелия, принадлежащего московскому боярину Федору Андреевичу, по прозванию Кошка.[19] Золоченая надпись по краю Евангелия на фоне зеленой и синей эмали говорит: «В лето 8900 (1392) месяца марта, индикта 31 оковано бысть Евангелие сие при велицем князе Василие Дмитриевиче всея Руси и при преосвященном Киприяне митрополите Киевском и всея Руси повелением раба Божия Федора Андреевича».

Федор Кошка был ближним боярином сына Дмитрия Донского Василия, и некоторые историки считают, что вклад сделан по случаю бракосочетания дочери боярина с сыном великого князя Тверского князем Федором Микулинским, состоявшегося в 1391 г. Богатый дар внесен в Троице-Сергиев монастырь, где Евангелие и находилось долгое время. Сейчас оно хранится в Российской Государственной Публичной библиотеке.

Оклад Евангелия боярина Федора Кошки многофигурен. В середине изображен Спас на престоле, рядом с Ним – Богородица и, предположительно, Иоанн Златоуст в рост. Фигуры не обозначены, так что другие исследователи видят в них св. Васи-

Оклад Евангелия боярина Федора Кошки. 1392 г.

лия Великого и св. Софию, небесных покровителей великого князя и его супруги Софии Палеолог. Над этим своеобразным деисусом – фигуры ангелов, по углам – изображения четырех евангелистов, а между ними, на широких полях – святые, херувимы и серафимы с кадилами в руках. Все фигуры, закрепленные на окладе – серебряные, литые, сделанные по хорошим формам. Сверху они проработаны еще и чеканом. Рельеф высокий, и отливка отличается удивительной четкостью: видна умелая рука искусного мастера.

Рака преп. Сергия Радонежского в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры.

Особое узорочье – радость для глаз – создают и разноцветные эмали, и тонкая скань.

В последующее время оклад Евангелия Федора Кошки служил своебразным образцом для серебряного дела мастеров во времена Ивана Грозного. Уже в XVI в. был выполнен еще один подобный оклад, который хранится сейчас в Оружейной палате.

В монастырях обычно с особым усердием почитали тех святых, которые так или иначе были связаны с данной обителью. Над их могилами возводили специальные раки, сначала деревянные, резные, потом – серебряные, богато украшенные различными сценами по евангельским сюжетам и житиям святых.

Такая рака в XVI в. была установлена в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря с мощами преподобного Сергия Радонежского.[20] Это монументальная гробница, украшенная растительным орнаментом и картушами.* Историческая надпись говорит о том, что рака – вклад царя Ивана Грозного, причем работа над ней продолжалась более двадцати лет. Другая надпись, вязью, рассказывает о жизни преподобного Сергия. При раке была икона троицкого чудотворца, и по велению царя Федора Иоанновича на эту надгробную икону был изготовлен золотой чеканный оклад, украшенный золотыми дробницами** с различными драгоценными камнями, а также гравировкой, чернью, византийскими камеями и крупным кафимским жемчугом. За исполнение данного заказа царь Федор щедро вознаградил четырнадцать мастеров Оружейной палаты.

При императрице Анне Иоанновне около раки, устроенной царем Иваном Грозным, была сделана другая, тоже серебряная, с сенью на четырех столпах, на что пошло более 25 пудов серебра. Надпись гласила: сие «блаженных останков хранилище» сооружено «в славу Дивного Бога... в честь преп. Сергия Радонежского».

Но, пожалуй, одна из самых богатых – рака Александра Невского, установленная в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга в 1750–1753 гг., по приказанию царицы Елизаветы Петровны.[21]

Как известно, Александр Невский скончался 14 ноября 1263 г. в городе Городце, возвращаясь из Золотой Орды. Он был похоронен во Владимире, в монастыре Рождества Богородицы, и прах его покоился там, пока Петр I не решил перенести мощи великого князя в основанный им город на Неве. Церковь канонизиро-

* Картуш – украшение в виде круга, овала, прямоугольника с надписями, миниатюрами различных сюжетов, гербами, эмблемами.

** Дробница – небольшая золотая или серебряная пластинка с отверстиями для прикрепления к окладу икон или шитью.

вала Александра Невского вскоре после его смерти, и уже в конце XIII в. было составлено житие нового святого, князя-воина, ставшего одним из небесных покровителей русских великих князей, а затем – царей.

С самого начала существования северной столицы Александр Невский почитался здесь с особой благоговейной памятью и считался молитвенным предстателем за невскую страну.

С 1720 г. по указу митрополита имя святого князя упоминалось в конце каждого богослужения, при так называемых отпустах. Мысль о перенесении святых мощей небесного покровителя города Петра оформилась к 1722 г., и Святейший Синод принял специальное постановление, в котором регламентировался весь чин перенесения. 11 августа началось само перенесение, которое в архиве Святейшего Синода описывается так: «И вынесли из града святые мощи с крестами и со звоном и с сопровождением духовных персон и светских всяких чинов жителей, со множеством народа, несли святые мощи за город, и вынесли, и поставили на Студеной горе... в расстоянии от монастыря в версте. И в тот день во Владимире в монастырях и при соборных и приходских церквах был звон до нощи...»[22]

Бóльшую часть пути гробницу с мощами несли на руках; водную часть она проделала на ладьях, и везде – в городах, селах, деревнях – выходили навстречу священники с крестами и молитвами, «со многими народными людьми». Москва, Клин, Тверь, Старая Ладога, Великий Новгород с почтением и торжественным великолепием встречали и провожали в дальнейший путь останки великого князя.

В конце августа процессия подошла к Петербургу.

«День перенесения святых мощей был в воскресенье. В пять часов утра тремя выстрелами с крепости столица была оповещена о предстоящем торжестве. По этому сигналу собрался невский флот и в полном составе пошел по направлению, откуда должны были прибыть святые мощи, к Шлиссельбургу. Прибыли святые мощи на галере. Царь встретил их у кирпичных заводов и, по сохранившимся рассказам, сам стал у руля галеры, на которой следовали святые мощи, а бывшие с ним сановники стали у весел. При пушечных салютах и колокольном звоне честные останки святого великого князя Невского были встречены на берегу Невы, у монастыря, духовенством, войсками и народом. С берега святые мощи были перенесены Государем и сановниками в монастырь и поставлены в новой церкви, которую святили в тот же день».[23]

Рака с мощами великого князя, прибывшая из Рождественского монастыря, была серебряной. К историческому акту перенесения она была подновлена и украшена, был написан новый образ святого князя в княжеской одежде, который и поместили на раке, убрав с нее образ князя в монашеском одеянии. Более того, Святейший Синод постановил отныне благоверного великого князя Александра Невского писать не в монашеской одежде, а в великокняжеской.

Начинание Петра I продолжила его дочь, Елизавета Петровна. По ее воле в соборе Александро-Невской лавры был сооружен величественный памятник, изготовленный на Монетном дворе в Петербурге. Он сооружался в несколько этапов. Сначала изготовили саму раку, то есть саркофаг, из серебра, принесенного в дар императрицею. Это было первое в ее царствование серебро, добытое в Колыванских рудниках.

Саркофаг, на который пошло до девяноста пудов серебра, по углам украшен затейливым орнаментом с литыми головками херувимов. На трех его сторонах, в рамках, перекликающихся по исполнению с украшениями ребер, помещены барельефы, изображающие события жизни Александра Невского: на передней стороне – победа над шведами на реке Неве в 1240 г., освобождение Пскова в 1242 г. и знаменитое «Ледовое побоище» на Чудском озере в 1242 г., где Невский победил Ливонский орден.

На боковых сторонах раки – сцены прибытия уже больного Александра в Городец после поездки в Золотую Орду и смерть великого князя.

На четвертой стороне помещены строки, принадлежащие М.В. Ломоносову:

Святой и храбрый князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает,
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо Петру споспешствовал.
Являя дщерь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь.
От первого сребра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.[24]

В 1753 г. перед ракой была поставлена пирамида и два постамента. Таким образом, через три года памятник приобрел законченный вид. Фоном для саркофага служит трехъярусная декора-

тивная пирамида, нижний ярус которой загорожен самой гробницей. В середине – женская фигура, олицетворяющая Веру, ведущую Александра Невского на небо. Впрочем, в XIX в. это изображение трактовали несколько иначе: считалось, что рядом с чеканным изображением князя со знаменем помещено изображение его супруги с крестом в руке.

По сторонам стоят вазы, а над ними – две фигуры ангелов, держащих щиты с надписями, также принадлежащими перу М.В. Ломоносова.

На южном щите – хвалебная песнь Елизавете, соорудившей данный памятник в подражание и в продолжение славных дел своего великого отца. А на северном щите – величание самого князя, которого Ломоносов называет «Россов усердным защитником..., укротившим варварство на Востоке, низложившим зависть на Западе».

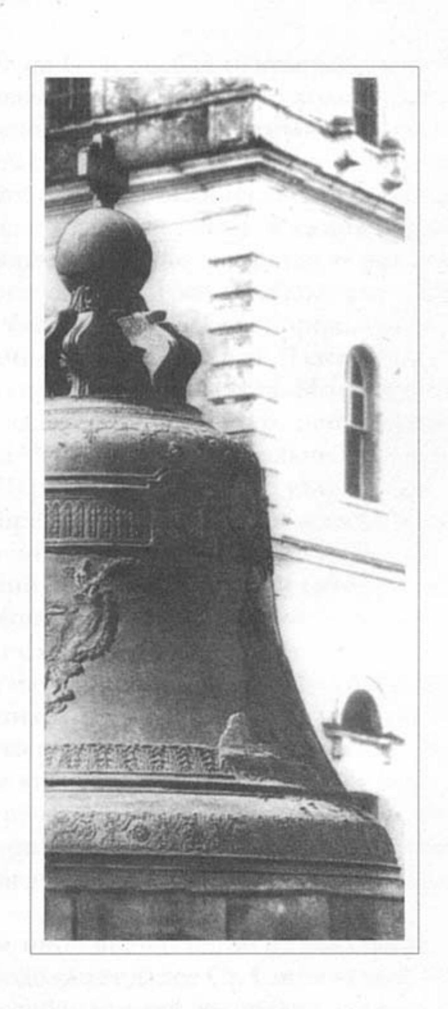
Наверху пирамиды водружено поясное чеканное изображение святого Александра Невского в короне, на фоне горностаевой мантии.

По сторонам саркофага помещены два серебряных пьедестала, на которых – литые из серебра воинские доспехи, неприятельские штандарты и оружие: копье, шлем, латы, булавы, бердыш.*

Памятник, сооруженный святому князю-воину в Александро-Невской лавре, – произведение высокой исторической и художественной ценности. В 1922 г. все это величественное сооружение было передано на хранение в Государственный Эрмитаж, где оно находится и по сей день. Монументальное произведение, выполненное в стиле барокко, является воплощением ярких дарований различных художников, литейщиков, мастеров серебряного дела и художественной чеканки середины XVIII века.

* Бердыш – холодное оружие, широкий продолговатый топор с лезвием в виде полумесяца, насаженный на длинное древко.

КОЛОКОЛА

«Есть у нас на Руси особое искусство, на которое мы почти не обращаем внимания, – это колокольный звон, – писал в начале нашего века известный музыковед Ст.В. Смоленский.* – Нет тех слов и тех красок речи, которыми можно было бы изобразить... величественный пасхальный звон в Московском Кремле. Здесь, в самом сердце, в самом «святая святых России» тысячная толпа ждет первого полночного удара в огромный колокол «Ивана Великого». Надо быть в Москве, у соборов, чтобы самому испытать величие этого ожидания. Тысячную толпу не слыхать, – она совершенно смолкла. Молчит и вся Москва. Но вот раздается первый удар, необычно мягкий, негромкий... на Ивановской колокольне. Он дает сигнал всей Москве. Через 5–6 секунд уже ударили все «сорок сороков» и загорелись иллюминации всех колоколен. Загораются и свечи тысячной толпы у Кремлевских соборов. Гудит мягкий басовый звук, вдруг сменяющийся торжественным звоном. Звонят во все тяжкая и во вся кампаны** – звонят с необычайною силою звука. В этой силе исчезает все: и начавшаяся пушечная пальба, и пение хоров в появившихся крестных ходах, и вздохи волнующейся массы тысячей. Только и слышен один звон, видны разом море свечей и как бы огненные змеи, движущиеся между свечами многотысячной толпы. Этих движущихся огневых потоков разом шесть... И над всей этой чудной картиной – звон, да ведь какой! Звон оглушительный, властный, сущее торжество!»[1]

«Но совсем иное впечатление от массового звона получается издали, – продолжает далее Ст. Смоленский. – За городом слышится совсем особая музыка, не сравнимая ни с чем... Колоколь-

* Смоленский Степан Васильевич (1848–1909) – русский музыковед, педагог, хоровой дирижер. Был директором синодального училища церковного пения и профессором консерватории в Москве. Много сделал в области изучения древнерусской музыки, собирания памятников церковного певческого искусства.

** Кампаны – древнее название колоколов.

ный звон, слушаемый издали, за городом, – это целая симфония, – это колокольная эолова арфа, дающая самые восхитительные впечатления...».[2]

Автор слушал церковные звоны на берегу Волги, недалеко от Нижнего Новгорода; на Воробьевых горах под Москвою; на Ильменском озере у Новгорода Великого. Слушал он и «чудесный орган Ростова Великого, обладающего несравненною звонницею; здесь – созвучные, подобранные, большие колокола; на озере от них – «звон в небе», который, кажется, только и можно сравнить с торжественным величием северного сияния».[3]

Такую музыку можно было раньше слышать только в России, во многих ее местах. По-разному звучала она утром, в розовых лучах восходящего солнца; в тихих теплых летних сумерках; в ликующие праздничные дни. Недаром русский народ любил и пел песни о вечернем звоне, о печальных звуках небольших валдайских колокольчиков.

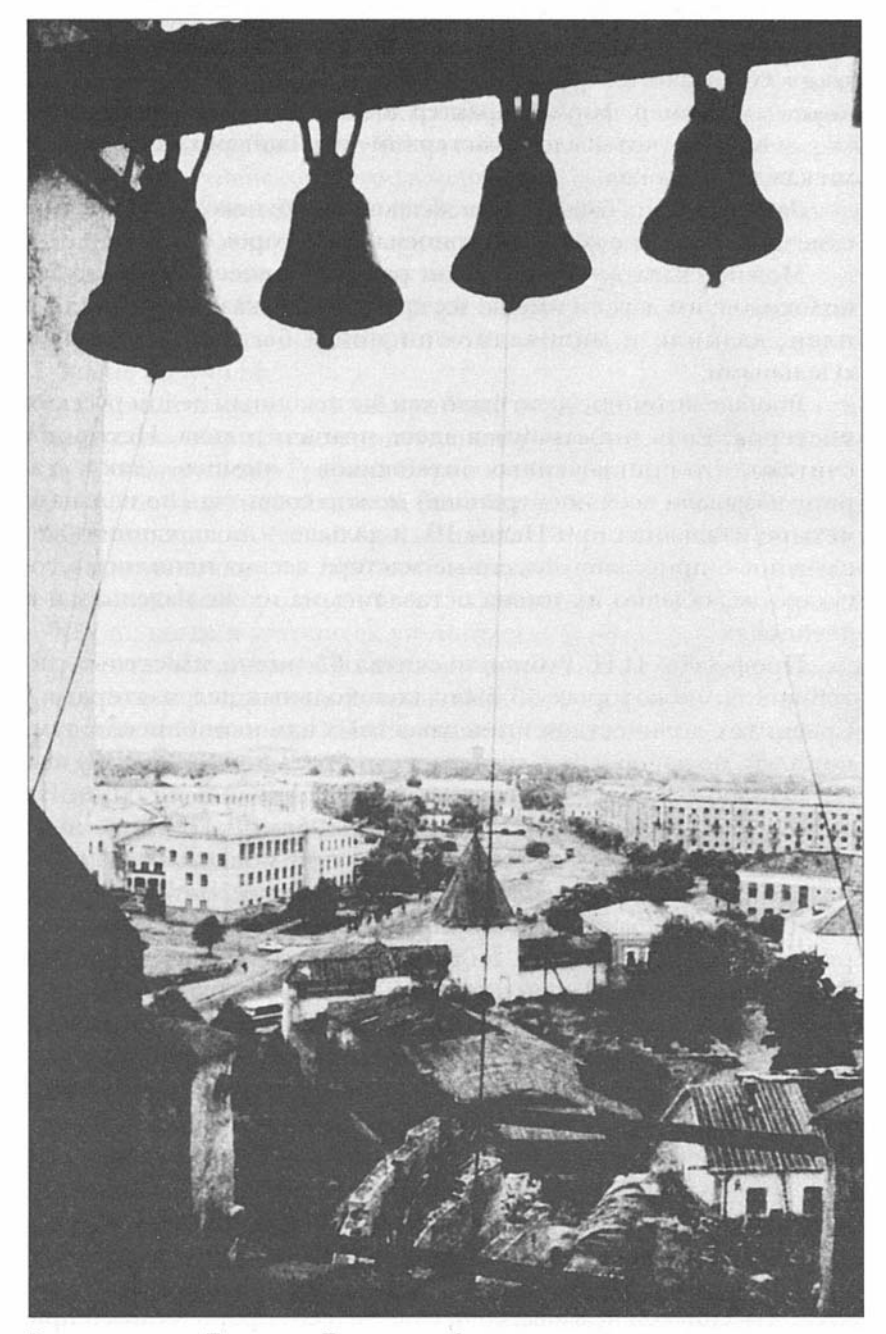
Колокольный звон был весьма распространен на Руси. Можно сказать, что он сопровождал человека от начала до самого конца его жизни. Весь быт русских людей, каждый их день был насыщен колокольным звоном. По нему определяли время, по нему распределяли заботы: когда вставать, когда к обедне идти, когда спать ложиться. Даже загадку сочинили про колокол:

Кричит без языка,
Поет без горла,
Радует и бедует,
А сердце не чует...[4]

Колокола служили различным целям: вечевые созывали жителей Новгорода и Пскова на общее собрание – вече; набатные говорили о приближении врага; были колокола осадные, часовые, вестовые, переполошные (всполошные), извещавшие о пожаре и других бедствиях. Это, так сказать, мирские колокола, предназначенные для мирских дел.

Церковные колокола тоже назывались по-разному и служили для звона в различные дни: они были праздничные, воскресные, полиелейные,* повседневные (будничные), трапезные, зазвонные, великопостные. Каждый из них отливали, заранее зная его предназначение, нужный голос, потому и звонили они по-разному. По характеру звона, который

* Полиелей (*греч.* – «многомаслие», «многомилостив») – одна из составных частей утрени.

Вид с колокольни Псковского Троицкого собора

Подробнее об этом см. в главе «Богослужение».

слышали люди, они понимали, о чем напоминают или о чем сообщают им церковные колокола.

Размер, форма, характер добавки того или иного металла – все учитывалось мастерами-литейщиками, создававшими каждый колокол.

Зато и звон их был слышен далеко-далеко: некоторые ростовские и ярославские колокола доносились за сорок верст.

Можно сказать, что в России развился своеобразный культ колоколов: им давали имена, их крестили, наказывали, брали в плен, казнили и миловали, они могли быть опальными и ссыльными.

Вообще литейное дело было как бы исконным делом русских мастеров. Роль иностранцев здесь незначительна. Историки считают, что приглашенных литейщиков – «немцев» (так в старину называли всех иностранцев) можно сосчитать по пальцам: четыре итальянца при Иване III, а дальше – лишь единичные, случайные приезжие. Литейные мастера весьма ценились в государстве, обычно их имена оставались на их же изделиях и в летописях.

Профессор Н.Н. Рубцов насчитал 63 имени известных литейщиков, из которых 43 были колокольных дел мастерами.[5] Сравните с количеством имен известных нам иконописцев: там, пожалуй, не наберется и десятка, если брать период X–XVII вв.

Однако колокола в русских храмах появились не сразу. На заре существования Русской Православной Церкви, да и последующие несколько веков в церквях и монастырях применялись в основном клепала и била – деревянные, металлические или каменные доски, подвешенные и прикрепленные, по которым ударяли колотушкой. Била сохранялись и позже, когда на Руси уже распространились колокола, их можно было встретить и в XVI в., особенно в небольших храмах. В церковном уставе колокол называется кампаном, что, возможно, пришло к нам из названия южно-итальянской области Кампании, где колокола появились раньше, чем в Греции.

Существует предание, которое приписывает изобретение колокола св. Павлину, жившему в конце IV – начале V в. и бывшему епископом Ноланским. Имеются различные варианты этого предания. По одному из них св. Павлин увидел во сне звучащие полевые цветы – колокольчики. Их звук был так нежен, так приятен, что епископ не забыл свой сон, счел его пророческим и приказал отлить колокола, которые имели бы форму увиденных им во сне полевых цветов.

Предание это не подтверждается исторической наукой, ибо ни в сочинениях св. Павлина, ни в книгах современных ему авторов ничего не говорится о колоколах. Они появляются на исторической сцене только в VII в., а в VIII и IX вв. прочно утверждаются в христианском богослужении Западной Европы.[6]

На Востоке, в Греческой церкви, колокола вошли в употребление с IX в.: тогда один из венецианских дожей прислал в дар императору Михаилу двенадцать больших колоколов, которые были повешены на башне при соборе св. Софии в Константинополе. Однако в греческой империи колокола большого распространения не получили.[7]

Трудно сказать, откуда прибыли первые колокола на Русь, но, вероятно, с принятием христианства вместе с иконами и церковной утварью в дар Русской Церкви поступили и колокола.

Они были небольшими, да и было их очень немного. Уже в XI в. зародился обычай брать колокола у поверженного, разбитого противника: так в 1066 г. поступил князь Вячеслав. Он захватил Великий Новгород и снял с Софийского собора колокола. До XIV в., когда в летописях упоминается колокольный мастер Борис, отливший колокола для московских и новгородских храмов, на страницах древних рукописей встречаются записи о вечевом колоколе Новгорода XII в., а также о Галицком князе Данииле, который в XIII в. выписывал колокола из Киева для сооруженной им церкви и даже сам отливал их. Кстати, известно, что в истории Руси были и каменные колокола: один такой находился в Соловецком монастыре.[8]

К XVI в. русские литейщики достигли высочайшего мастерства и стали изготавливать колокола, сложные по конфигурации и огромные по размерам.

Известно, что еще в XV в. итальянский мастер-строитель Аристотель Фиораванти, приглашенный в Москву для строительства нового Успенского собора в Кремле, устроил и литейный двор, где изготавливались пушки и колокола. Вместе с ним там работали три мастера из Венеции: Павел Дебосис, Петр и Яков.[9] Сколько уж там они отлили пушек для защиты города и сколько колоколов для московских церквей – неизвестно, но учили они русских мастеров хорошо, так что прошло немного времени – и московские колокола стали славиться по всей Руси. И даже иностранцы дивились им, оставляя в своих путевых записях восторженные отзывы.

В летописях достаточно часто встречаются упоминания о колоколах.

Так, в 1501 г. был отлит в Новгороде колокол «Медведь», затем перекочевавший в Москву. В 1530 г., в день рождения Ивана Грозного, его счастливый родитель повелел изготовить колокол, какого не бывало ни в Новгороде, ни во всей Новгородской области. Такой колокол был отлит, и звон его напоминал «страшную трубу гласящую». В 1552 г. некий Николай Немчин отлил колокол «Лебедь» в 445 пудов, потом «Благовестник» в 1000 пудов, поставленный на деревянной звоннице.[10]

Имеются в летописях сведения и о том, что труд мастеров – колокололитейщиков был на виду у царей и высших чиновников. Государи самолично следили за ходом изготовления наиболее известных колоколов. Труд мастеров ценили. Так, за литье колокола в 8000 пудов, на изготовление которого австрийцы просили 5 лет, а русский мастер Емельян Данилов отлил меньше чем за год, царь Алексей Михайлович дал в награду литейщику 500 крестьянских семей. Однако мастер Данилов не принял этой награды и сказал царю: «Я бедный человек и не имею силы справляться с рабами; для меня достаточно ежедневной милостыни царя». Царь пожаловал ему по одному рублю в день «до конца его жизни, а после него – его детям».[11]

В XVI в. в Москве насчитывалось не менее 5000 колоколов. Иностранцы удивлялись искусству русских мастеров, восхищались колокольным звоном, который во многих городах был своим, не похожим на другие. Так, был звон ивановский, ростовский, ионин, егорьевский, тамиловский и др.

«Звоном колоколов, – писал историк И.М. Снегирев, – выражается торжество, напр. в Царские дни, по случаю побед, отдается почесть Государю Императору при торжественных въездах и архиереям во время выезда их на служение; возвещаются печальные и радостные события в Государстве, очистительная присяга дается при колокольном звоне».[12]

Торжественный звон созывает верующих к службе, напоминает о священнодействии в церкви, побуждает присутствующих в храме к молитве.

Как известно, звучание колокола зависит от тех материалов, из которых он отлит, а также от его формы. Толщина боковых стенок в значительной мере определяет чистоту, силу звука и продолжительность последующего гула. Форма колокола может быть различна, но на Руси в основном изготавливали такие, в которых поперечник основания равнялся его высоте с ушами. Для удобства мастера делили колокол на такие части: уши, голова, поле (середина), вал, края. Многие колокола были украшены

изображениями царей, императоров, святых, орнаментами из трав и цветов, символическими фигурами, а также надписями исторического и духовного содержания. В исторических сообщалось, когда, при каком государе и кем, а также в честь какого события лит колокол. Надписи духовного содержания обычно брались из Евангелия, молитв, акафистов, торжественных песнопений.

Бывали надписи даже несколько мистического толка, как, например, на Большом колоколе в Новом Иерусалиме: «От зачала мира, бытия 7167 года, от воплощения Слова 1659 года сентября 1 дня начало святой вещи сей бытия Нового Иерусалима Воскресения Христова монастыря: восток, запад, север, юг, весна, лето, осень, зима, приидите убо и видим, и навыкнии, кии вещи и образу разум и кая истина, к ней же образ сей знаменует...».[13] Вся надпись длиннее раза в три и не очень-то понятна своим содержанием: она говорит о единстве мира, не имеющего конца, и о нераздельности Святой Троицы, венчающей нераздельность мира, где все идет по кругу.

Несмотря на то, что колокола отливали из металла, хрупкость их была известна мастерам и звонарям: некоторые служили по нескольку сотен лет, а потом вдруг разбивались от одного неудачного удара. Другие могли развалиться сразу, особенно если попадали в пожар. Неравномерное нагревание и остывание, поливание водой губительно для них. Остатки старых колоколов никогда не выбрасывали. Их переливали в новые, добавив, сколько надо, меди и олова.

Церковный колокольный звон делится на два основных вида: благовест и непосредственно звон.

Благовест – это удары в один большой колокол, раздающиеся равномерно, размеренно. Называется звон так потому, что им возвещается добрая, благая весть о богослужении.

В русских церквях колокола подвешиваются неподвижно, и звон получается от удара языка о тело колокола. Характерно само название ударной части, помещающейся внутри: голос колокола уподоблялся голосу человеческому, а в говорящих устах и должен быть язык. Не случайно язычники, услышав колокольный звон, говорили, что это слышен голос христианского Бога.

Когда звучит благовест, то сначала раздаются три редких, медленных, как бы протяжных удара, а затем идут мерные звуки. Если колокол небольшого размера, то удары языком следуют по одному его краю. Если колокол велик, то мерные удары производятся

качающимся языком в оба края. В приходских храмах больших колоколов бывает один или два, а в кафедральных соборах, монастырях, лаврах – гораздо больше. Тогда большие колокола различаются по своему назначению: праздничный, воскресный, полиелейный, будничный или каждодневный и другие.

Благовестом созывают народ в храм Божий к началу богослужения, он звучит во время литургии перед самой важной ее частью – освящением и пресуществлением Святых Даров, а также в некоторых других местах литургии.

Собственно церковный звон – когда звонят в несколько колоколов или во все колокола. Это может быть трезвон, то есть звон во все колокола, но с перерывами после первого и второго звонов. Иначе его можно назвать звоном в три приема. Теперь значение слова «трезвон» расширилось: так говорят вообще о звоне во все колокола.

В соответствии с трезвоном может быть и двузвон: звон во все колокола дважды. Есть еще и перезвон: когда звонят поочередно в каждый колокол, начиная с большого и кончая малым. Если же, наоборот, начинают с самого маленького колокола и ударяют в каждый вплоть до большого, а затем бьют во все колокола вместе, то такой медленный звон зовется перебором.

Наиболее радостный, торжественный звон – это трезвон. Он звучит после благовеста перед началом всенощного бдения, он выражает радость и торжество Воскресения Христова перед чтением Евангелия; трезвоном заканчиваются службы в великие праздники; трезвоном полагается встречать архиерея, приближающегося к храму; после окончания литургии во все великие праздники также полагается трезвонить.

Перезвон употребляется гораздо реже: перед выносом плащаницы на службе в Великую Пятницу, во время утрени Великой Субботы в продолжение всего крестного хода с плащаницей. Так что по традиции перезвон должен звучать только два раза в год: в день смерти Спасителя на Кресте и в день Его погребения (Великая Пятница и Великая Суббота).

Перебор – это похоронный или погребальный звон, в нем скорбь по умершему, горе близких. Однако после скорбного звона обязательно звучит краткий радостный трезвон как выражение веры в воскресение усопшего. Протоиерей Серафим Слободской, составивший «Закон Божий для семьи и школы», так поясняет значение перебора: «Медленный перебор колоколов, от самого маленького до самого большого, символизирует собою возрастающую жизнь на земле, от младенческого возраста до зрелости и

возмужалости, а одновременный удар колоколов означает пресечение земной жизни человеческой смертью, при которой все, что приобретено человеком для жизни сей, оставляется». Радость будущей жизни со Христом «выражается, в заключение скорбного перезвона, трезвоном».[14]

Существует и еще один так называемый красный звон («во все тяжкая»). Он бывает при кафедральных соборах, монастырях, лаврах, то есть там, где много больших колоколов, и совершается несколькими звонарями (их может быть пять и более). Красный звон сопутствует Великим Праздникам, а также торжественным и радостным событиям Церкви.

При тревожных событиях, в случае пожара, наводнения, мятежа, нашествия врагов и других бедствий народ поднимали всполошным или набатным звоном.

Русские звонари были известны во всем мире своим необычайным искусством. Когда наступал праздник Пасхи, самое торжественное время в Русской Православной Церкви, в Москву приезжали толпы туристов. Их вело желание не только присутствовать на праздничном богослужении, но и услышать легендарный пасхальный звон всех колоколов столицы. Говорят, кто слышал московский пасхальный звон, звучащий в ночном небе над столицей, тот никогда его не забудет. Эта «единственная в мире симфония» (И. Шмелев), к сожалению, сейчас уже не звучит так, как звучала еще в начале прошлого столетия. Но церквей в столице становится все больше, и все чаще можно слышать церковный благовест, зовущий людей в храм Божий.

С русскими колоколами связано немало исторических преданий; многие из них охватывают десятилетия, а то и столетия.

Русские государи любили преподносить в дар монастырям и небольшим обителям церковные колокола. Казалось, что так увековечивается их имя, да и молитвы иноков о здравии под звуки такого колокола с бо́льшей вероятностью достигнут небес. Так, например, в описи Троице-Сергиевой лавры, относящейся к 1641 г., перечисляются такие колокола: «...на колоколнице каменной колоколов больших и средних и менших: колокол благовестный, стоит внизу, благовестят в него в празднества большие... Колокол другой, благовестный, весу в нем шестьсот двадцать пять пуд, благовестят в полелиостные празднества. Оба те колокола дачи царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руссии. Колокол благовестный, долгой язык, слобоцкой, благовестят в него в простые дни во вторник, в четверг, в субботу. Колокол чудотвор-

цев, благовестят в него в понедельник, в среду, в пяток. Колокол застолной, стоит в среднем ряду...» На церкви Сошествия Святого Духа стояло еще пять колоколов, в том числе и тот, в который благовестили о приходе государя в монастырь, а также колокол всполошной, но он был «расшиблен». Наверху колокольни находились средние колокола: два повседневных, «четыре колокола красного звону», два «призвонные», два «зазвонные» и восемь «призвонных менших». К концу описи говорится, что на звоннице и в церкви Сошествия Святого Духа было тридцать два колокола. А всего в монастыре было тридцать девять колоколов.[15]

Один благовестный колокол весом в 1850 пудов монастырь получил в 1598 г. в подарок от Бориса Годунова. Название у него соответствующее – «Годунов». Огромные размеры поражали всех видевших и слышавших его. Факт изготовления зафиксирован в летописях, есть надпись и на самом колоколе. Царь Борис, мучимый (по Карамзину и Пушкину) угрызениями совести за убийство царевича Димитрия, делал большие вклады в монастыри, стремясь загладить свой грех. Вот и вместе с колоколом в Троице-Сергиеву лавру был подарен «оклад злат с камением многоценен», на известную икону Андрея Рублева «Троица».[16]

Торжественно отправляли драгоценные дары в обитель преподобного Сергия. За образом и колоколом шел «сам царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и с царицею», говорит летописец. Царское шествие на богомолье в прославленный монастырь было поистине живописным зрелищем. Один из послов, сопровождавших герцога, сватавшегося к царевне Ксении, дочери Бориса, так описывает шествие, бывшее чуть позже: «Впереди царя ехало верхом около 600 русских пищальников: за ними друг за другом 25 русских, ведших каждый в поводу замечательно красивую, хорошо убранную лошадь с седлом и убором; на семи... лошадях были накинуты через седло леопардовые шкуры. За этими лошадьми вели в поводу шесть красивых рыжих упряжных лошадей в сбруе из алого бархата... Потом следовал царь в золоченой повозке из алого бархата. За ним ехал верхом его сын царевич, одетый в парчу, а возле него бежала большая толпа бояр и русских дворян... За ним следовало шесть повозок, в каждой из которых было устроено по большому фонарю...» За царем и царевичем также с большим торжеством следовали царица и царевна.[17]

Известно, что позже правители отрицательно относились к Борису Годунову, считая его цареубийцей. Поэтому в 1744 г. настоятель Троице-Сергиевой лавры Арсений предложил Елизавете

Петровне перелить этот колокол, то есть попросту уничтожить. Но императрица отказалась от такого решения. Колокол пусть звонит, а вот имя Годунова надо убрать. Как пишет иеромонах Арсений в своей брошюре о Троицком Царе-колоколе: «...высочайшим ее императорского величества соизволением повелено только с того колокола имеющиеся слова сбить, а благовестить в него по-прежнему».[18] Колокол несомненно представлял из себя историческую и художественную ценность: ведь его отливал известный мастер Андрей Чохов. Да и звучал этот гигант красиво.

В середине XVIII в. архитектор Д.В. Ухтомский построил в Троице-Сергиевой лавре величественную колокольню. Он же составил проект, как поднять на нее большие колокола. К 1760 г. работа была закончена, и творение Андрея Чохова, отремонтированное, с новым языком, было водворено на колокольню в первом ярусе ее. Оставшаяся же надпись выглядела так: «Божею милостию великий государь царь и великий князь... всеа Русии самодержец... сей колокол слиен в дом пресвятые и животворные Троицы великому чудотворцу Сергию, в 3-е лето государства его...».[19]

Существуют и другие исторические события, связанные с колоколами, по тем или иным причинам оказавшимися неугодными правителям. Так, в Тобольск был сослан колокол, который заблаговестил именно тогда, когда в Угличе погиб царевич Димитрий. Сослал его сам царь Борис. Угличская летопись пишет: «...когда заклали убийцы... царевича, то в него в тот час некий человек усмотрев сие убийство, начал зычно и необычайно звонить, и народ в город (то есть в крепость) сзывать; и на тот тогда горько несчастный глас граждан множество сошлися: и убийц Борисовых изымаша и камением побиша».[20] Перед тем, как сослать, колокол сбросили с колокольни, били кнутами, отрубили одно ухо, и о провинности его сделали надпись на боках.

Через двести пятьдесят лет жители Углича обратились к властям с просьбой о помиловании колокола и возвращении его в родной город. Синод затребовал «положительную характеристику» на колокол, но материалы так и не были собраны. Лишь в 1892 г. опальный колокол был прощен и возвращен угличанам. Он и поныне находится в Угличском музее.[21]

Были не менее любопытные истории и при других царях. Так, императрица Екатерина II повелела отнять язык у набатного колокола за то, что в него ударили всполох в 1771 г., призывая народ к бунту. А большие колокола из Великого Новгорода и Пскова были сняты и увезены московскими государями в знак подчинения этих вольных прежде городов Великому Московскому княжеству.

Так, когда великий князь Московский Василий III покорил Псков, он приказал спустить с собора Святой Троицы колокол и отвезти его на Снетогорское подворье, в подвал церкви Иоанна Богослова. Псковичи так переживали эти скорбные события, что «ударища челом в землю, не могли против его ответа дать от слез и туги сердечные. Только тые не испустили слез, иже младенцы, сосущие млеко. И бе тогда во Пскове плач и стенание во всех домах, друг друга обнимающе. И спустиша колокол вечной у святой Троицы и начаша Псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воле».

Великий князь, уезжая из Пскова, взял с собой и другой любимый псковичами колокол, называвшийся «корсунским». Правда, затем, в 1518 г., прислал из Москвы новый большой колокол для Троицкого собора.[22]

Кроме церковных колоколов, большую славу на Руси приобрели небольшие колокольчики, что вешались под дугой запряженных лошадей. Эти знаменитые изделия изготавливались в основном на Валдае, для ямщиков, и были «поддужными», «подшейными» или «бубенцами».

Помните, в известной песне есть слова: «И колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой...» Такие поддужные колокольчики вошли в обиход в XVIII в. Они делались, как уже говорилось, в Валдае – городке, который стоял в середине пути на крупнейшем тракте России: Москва – Санкт-Петербург.

Существует даже предание о появлении первого валдайского колокольчика. В 1478 г. по приказу царя Ивана III, покорившего доселе вольный Новгород, с Софийской звонницы был снят вечевой колокол и отправлен в Москву, «чтобы звучал он согласно со всеми русскими колоколами и не проповедовал бы больше вольницы». Но на одном из склонов Валдая сани, на которых везли большой вечевик, не удержались, помчались вниз, опрокинулись, и колокол, свалившись в овраг, разбился. А мелкие осколки превратились в тысячи маленьких колокольчиков, которые подобрали местные жители. С тех пор стали отливать похожие, и предание о Великом Новгороде и его былом величии звучало вместе с ними по свету. В другом схожем предании говорится, что валдайские кузнецы сами собрали обломки новгородской святыни и отлили из них свои первые колокольчики.[23]

Существуют и другие разновидности этого предания, но все они связывают искусство валдайских мастеров с большим вече-

вым колоколом Великого Новгорода, как бы подчеркивая стремление новгородцев к свободе и независимости.

На самом деле вечевой новгородский колокол был доставлен в Москву и позднее перелит. А по летописям первое упоминание о Валдае относится не к 1478 г., а к 1495 г.

В 1886 г. поэт К. Случевский, вдохновленный преданиями русского Севера, написал стихотворение, навеянное легендой о валдайских колокольцах.

НОВГОРОДСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Да, были казни над народом...
Уж шесть недель горят концы!
Назад в Москву свою походом
Собрались царские стрельцы.

Смешить народ оцепенелый
Иван епископа послал,
Чтоб, на кобылке сидя белой,
Он в бубны бил и забавлял.

И новгородцы, не переча! –
Глядели бледною толпой,
Как медный колокол с их веча
По воле царской снят долой.

Сияет копий лес колючий,
Повозку царскую везут,
За нею колокол певучий
На жердях гнущихся несут.

Холмы и топи! Глушь лесная!
И ту размыло... Как тут быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказ дал: колокол разбить.

Разбили колокол, разбили!
Сгребли валдайцы медный сор
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...

И, быль старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной,
Тот колокольчик, изнывая,
Гудит и бьется под дугой!..[24]

Вспомним еще одну историю, связанную с колоколами северного монастыря, основанного на островах в Белом море преподобными Зосимой и Савватием Соловецкими в XV в.[25]

...В июне 1860 г. в Соловецком монастыре готовились к большому торжеству: из Архангельска в прославленную обитель на пароходе «Подвиг» был отправлен колокол, подаренный царем Александром II. Был он отлит по велению императора специально для Соловецкого монастыря в городе Ярославле на заводе

Чарышникова в память героической обороны Соловецкого острова от англичан в Крымской войне в 1854 г.

За два года до отправки колокола Александр II самолично посетил Соловки, привез с собой в дар обители золотую лампаду к раке преп. Зосимы, шитый золотом по бархату покров на раку преп. Савватия, дал деньги на постройку храма в честь Александра Невского. Здесь познакомился он ближе со славной историей монастыря. И тогда же, возможно, возникла мысль об увековечивании славной страницы из времен войны в необычном памятнике. Им стал колокол, который из Ярославля посуху был переправлен в Вологду, далее до Архангельска двигался водным путем, и вот теперь из Архангельска через море должен был быть переправлен на Соловки. И «Вологодские губернские ведомости» (22 мая 1859 г.) и «Архангельские губернские ведомости» (11 июня 1859 г.) писали о передвижении национальной святыни, отмечая, что вес колокола – 72 пуда, что «колокол отличается изящной отделкой... и звук колокола превосходный».

Торжественным звоном во все колокола встретили дар монарха на Соловках. Творение ярославских мастеров поставили на время в монастырском дворе, и наверняка в те дни не раз звучали воспоминания участников страшных и славных событий: много еще было в обители монахов, которые принимали в них непосредственное участие.

А было так...Крымская война началась в 1853 г. Основные действия англичан и французов против русских войск проходили на Черном море, в Крыму, а здесь, на Севере, в Белом, Баренцевом морях иностранный флот старался помешать русскому судоходству, а при благоприятном случае и взять Архангельск.

Тихая жизнь обители была нарушена 6 июля 1854 г. С монастырской сторожевой башни увидели два неприятельских корабля, которые шли к острову. Не прекращая своих монашеских дел, стали готовиться к возможному отражению неприятеля. Вроде и оружие было, но от давности почти все пришло в негодность. Стрелять можно было только из двух небольших пушек.

В монастыре шли службы, совершали крестный ход по стенам обители с чудотворной иконой. В ночь с 6 на 7 июля никто не спал: молились Спасителю, Божией Матери, Николаю Чудотворцу, соловецким святым о спасении обители.

7 июля, накануне праздника Казанской Божией Матери, в монастырь пожаловал парламентер с белым флагом: обители предписывалось немедленно сдаться, иначе неприятель грозил полным истреблением. Игумен архимандрит Александр отправил

ответ: обитель сдаваться отказывается, коменданта, который вроде как должен сдать оружие, в ней сроду не числилось – монастырь никогда не был военной крепостью.

Игумен архимандрит Александр, в миру много вращавшийся среди военных людей, человек решительный и мужественный, взял на себя обязанности как бы коменданта крепости. Его слушались беспрекословно, выполняя все распоряжения, не только иноки обители, но и члены Инвалидной команды во главе с прапорщиком Никоновичем.

День 7 июля был страшным днем для обители. Английские корабли начали бомбардировку монастыря. Иноки молились, архимандрит ободрял своих подопечных. Прошло богослужение во всех церквях, потом пошли крестным ходом по монастырским стенам. Ядра пробивали кровлю, падали под ноги. Но за долгие десять часов никто не был ни ранен, ни убит. Даже чайки не пострадали.

В одной из брошюр, описывавших ту многочасовую бомбардировку, говорилось: «От грома выстрелов сотрясался воздух, колебалось море, стонала земля, тряслись все здания и все приходило в страх и трепет – и люди, и бессловесные животные».[26]

Надежды на помощь со стороны не было, иноки и паломники уповали только на милость Божию. Однако пушки обители стреляли и даже повредили один из кораблей, который должен был скрыться за мысом, чтобы произвести починку.

Обстрел продолжался, и воздух наполнился дымом так, что все предметы можно было рассмотреть только с ближайшего расстояния. Однако Бог хранил обитель. Удивительно, что даже деревянные строения, которых было много, не загорелись под непрерывным десятичасовым обстрелом. Повреждения были очень значительны, но это узнали уже потом, а пока, в день накануне праздника Казанской иконы Божией Матери, молились, обращаясь не только к Господу и Богородице, но и к вечным заступникам обители: преп. Зосиме, Савватию и Герману Соловецким, святителю Филиппу, долгие годы бывшему здесь игуменом.

7 июля в 5 часов вечера колокол возвестил, что настало время совершить моление пред образом Казанской Божией Матери. И тут бомба, посланная с английского корабля, пролетела насквозь повыше лика Божией Матери иконы Знамения Пресвятой Богородицы. И, как писал в своем донесении соловецкий игумен, «икона эта в большом виде, отличной древней живописи, висела над западными дверями при входе в большой холодный собор времен святителя Филиппа».[27]

И еще добавил архимандрит Александр слова, которые потом многократно повторялись и были запечатлены на самом колоколе: «Эту рану благоволила Царица Небесная принять в образе Своем за нас, как Сын Ее за весь мир».[28]

Опять служили в церквях. Едва кончивши вечернюю молитву, начали по всем церквям всенощную, а рано утром отслужили раннюю литургию. В это время на глазах служителей английские корабли снялись с якоря и медленно удалились от острова.

Архимандрит со слезами на глазах читал акафист Пресвятой Деве, «все люди на коленях молились и плакали от избытка чувств радости».[29]

И вот спустя всего несколько лет на монастырском дворе стоял колокол-памятник, колокол-красавец, на котором в художественном литье был запечатлен тот незабываемый день. Здесь были изображены и сцена бомбардировки монастыря, и икона Богоматери со следом от вражеского ядра, и соловецкие чудотворцы преп. Зосима, Савватий и Герман, а также Елеазар Анзерский. Под сценой Воскресения Христа был еще ряд святых: Николай Чудотворец, преподобный Иринарх – игумен соловецкий, Александр Невский и святитель Филипп, выбранный митрополитом Всея Руси после игуменства в Соловецкой обители.

Сама сцена бомбардировки монастыря выполнена высоким рельефом на половине поверхности колокола. Мастер смотрит на происходящее как бы сверху. Это позволило показать и тучи чаек в воздухе, и летящие ядра, и батарею, отражающую неприятеля, и монастырские строения.

С другой стороны идет большая надпись, описывающая все события, в честь которых был отлит колокол.[30] Начинающаяся словами «Дивен Бог во святых своих», она подробно рассказывает, как летом 1854 г. при архимандрите Александре подошли к обители два английских корабля, как один из них сделал несколько выстрелов, как ему ответили тем же из обители и повредили фрегат, как монастырь отказался от требования сдаться и как оба фрегата девять с лишним часов беспрерывно бомбардировали обитель.

«До начала и во все времена бомбардирования, – продолжает надпись, – шла служба, и был крестный ход во всем церковном благолепии по стенам вокруг всей обители. Когда же поднялся ход на стену..., усилились неприятельские выстрелы, дрожали монастырские стены, затрещала на ней деревянная крыша, огненные шары насквозь ее продырявили, и с потрясающим шумом неслись над главами шествующих; ядра или падали на землю, ударя-

ясь в стены братских келий, или пролетали насквозь келий, все в них разрушая. Смерть была на волос от каждого, и – о чудо явное! – во все время ни один человек не только не убит, но и не ранен, даже из бывших на монастырском дворе в гнездах птенцов чаек ни один не убит».[31]

Далее в надписи говорится о ядре, попавшем в икону Знамения Божией Матери, о прекращении бомбардировки и уходе кораблей.

И заканчивается она словами: «По отзыву самих врагов от количества брошенных снарядов могли быть разрушены не только малая безоружная обитель, но шесть больших городов, что и сами они сознали явным чудесным покровительством Божиим».

На колоколе есть и другие надписи. Одна говорит о том, что это дар императора Александра Николаевича, вторая сообщает дату отлития колокола (1856) и напоминает, что «отлит быть сей колокол из украшений, бывших в Петропавловском соборе при погребении тела в Бозе почившего Императора Николая I».

По нижнему краю идет еще одна надпись: «Да воскреснет Бог расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его».[32]

Кроме описанных сцен, надписей, фигур святых, колокол обильно украшен орнаментами: двумя полосками с изображением колокольчиков наверху, у проушин, и по стыку боков стенок и верха; вертикально вытянутыми прямоугольниками с херувимами наверху, которые чередуются с арками, где изображены святые. Над фигурно отлитыми проушинами – держава, символ царской власти.

Для этого колокола, названного «Благовестником» в память благой вести об окончании бомбардировки, была сооружена в монастыре специальная Царская колокольня (не сохранилась), каменная, одноярусная. Под подвешенным колоколом – пирамида из ядер и осколков снарядов, собранных после ухода врага, а около колокольни – два орудия, что вели неравный бой.

История с осадой Соловецкого монастыря имела неожиданное продолжение спустя пятьдесят лет. 7 июля 1912 г. в монастырь пришла телеграмма: «Архангельск. Соловецкое подворье. Архимандриту Иоанникию. Великобританское правительство возвращает соловецкий колокол, отнятый пятьдесят четвертого года. Святейший Синод предписывает около 20 июля встретить колокол в монастыре, благочестно поднять по установленному чину на прежнее место».[33]

Телеграмма была неожиданной, что за колокол – почти никто не знал, и не ведали, где он висел. Сторожилы предполагали, что

английские фрегаты заходили на остров Заяцкий, похитили колокол с тамошней колокольни. Это было 7 июля 1854 г. Затем его увезли в Англию и хранили как трофей в Морском соборе города Портсмута. Некий высокопоставленный английский путешественник по имени Келарт, побывав в 1908 г. на Соловках, услышал рассказы о событиях 1854 г., среди которых было и предание о «пленении» колокола. Вернувшись в Англию, Келарт занялся розысками и действительно обнаружил колокол, который решено было возвратить на родину.

В Соловецкой обители пароход «Вера», доставивший из плена колокол, был встречен благовестом в «тысячный» колокол, а затем перезвоном всех монастырских колоколов. От пристани, по дороге, устланной красным сукном и усыпанной цветами, его перенесли в монастырь, освятили и подвесили в западном пролете Царской колокольни, рядом с висящим там «Благовестником».

Справедливости ради надо отметить: некоторые исследователи данного вопроса считают, что этот колокол был снят 25 июля все той же английской эскадрой с колокольни окрестного монастыря на острове Кие, другие – что вместе с еще одним колоколом этот был похищен из деревни Ковда, третьи – что он взят из церкви св. Апостола Андрея Первозванного на Заяцком острове.[34]

Как бы то ни было, вернувшийся из плена колокол был явно русским, из тех северных областей, где находилась английская эскадра в 1854–1855 гг. Так что его возвращение следовало только приветствовать, поблагодарив тех, кто приложил к свершению данного акта волю и настойчивость. Возвращение похищенного колокола – это искупление святотатства, совершенного предками тех, кто решил сделать добровольный и справедливый шаг к искоренению взаимных обид и ран, которые оставляет любая война.

Колокола бывают и солдатами, и трибунами, и спасителями. В «Книге о литье» А.М. Петриченко рассказывается о колоколе, который до Крымской войны находился в Херсонесском монастыре.[35] Как и положено, он служил инокам, участвуя в жизни обители, в церковных богослужениях. Одновременно он выполнял роль и прибрежного маяка: в сильный туман давал знать кораблям, где находится берег, и опытные моряки шли по морю, ориентируясь на хорошо слышимый звон.

В 1854 г. французы захватили Херсонес. Монастырь они превратили в военный склад, а потом, уходя из Крыма, забрали колокол с собой, пленили его как солдата. Плен продолжался до 1913 г. Но колокол не был забыт, утерян, он не валялся на складе,

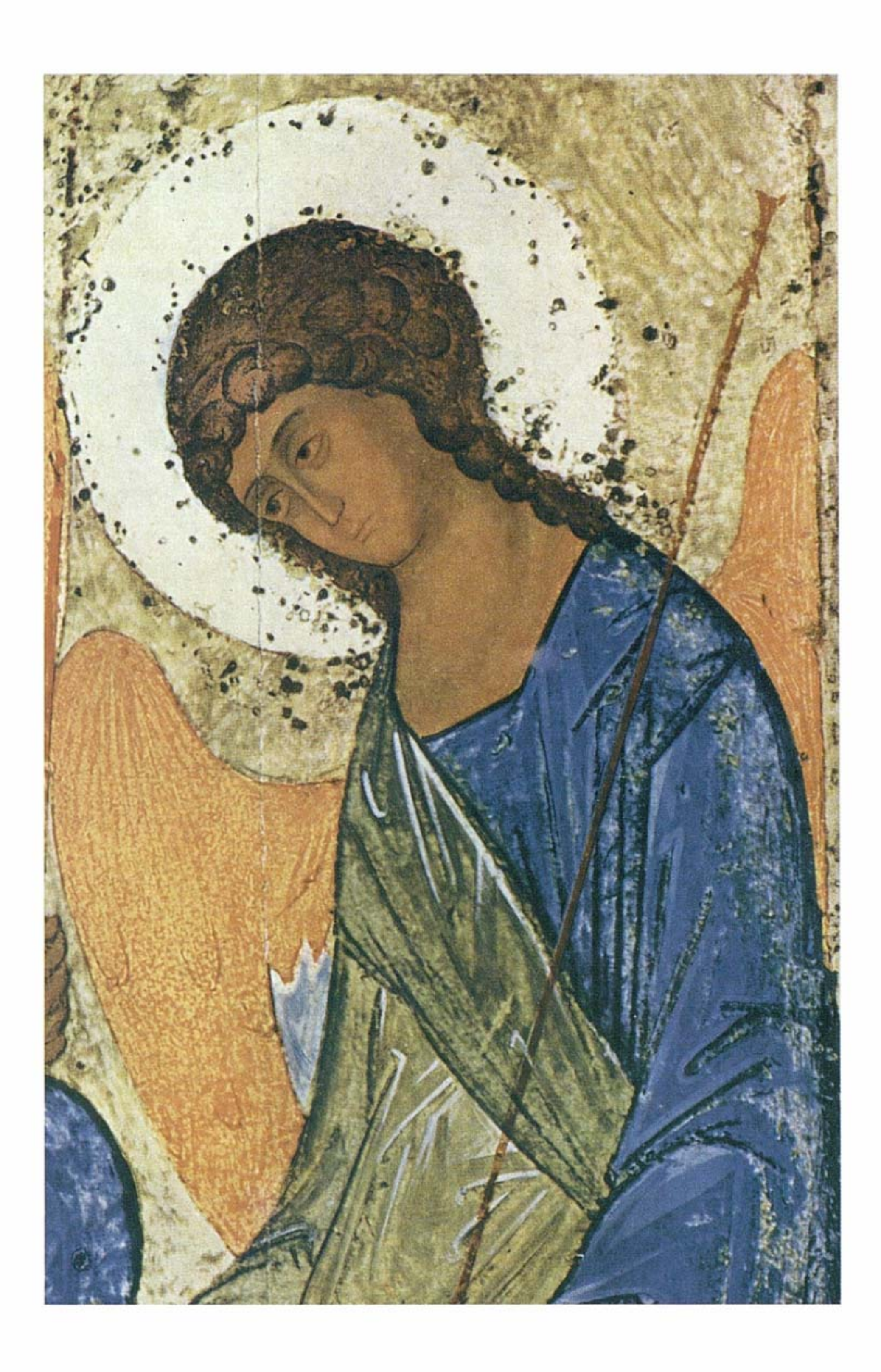

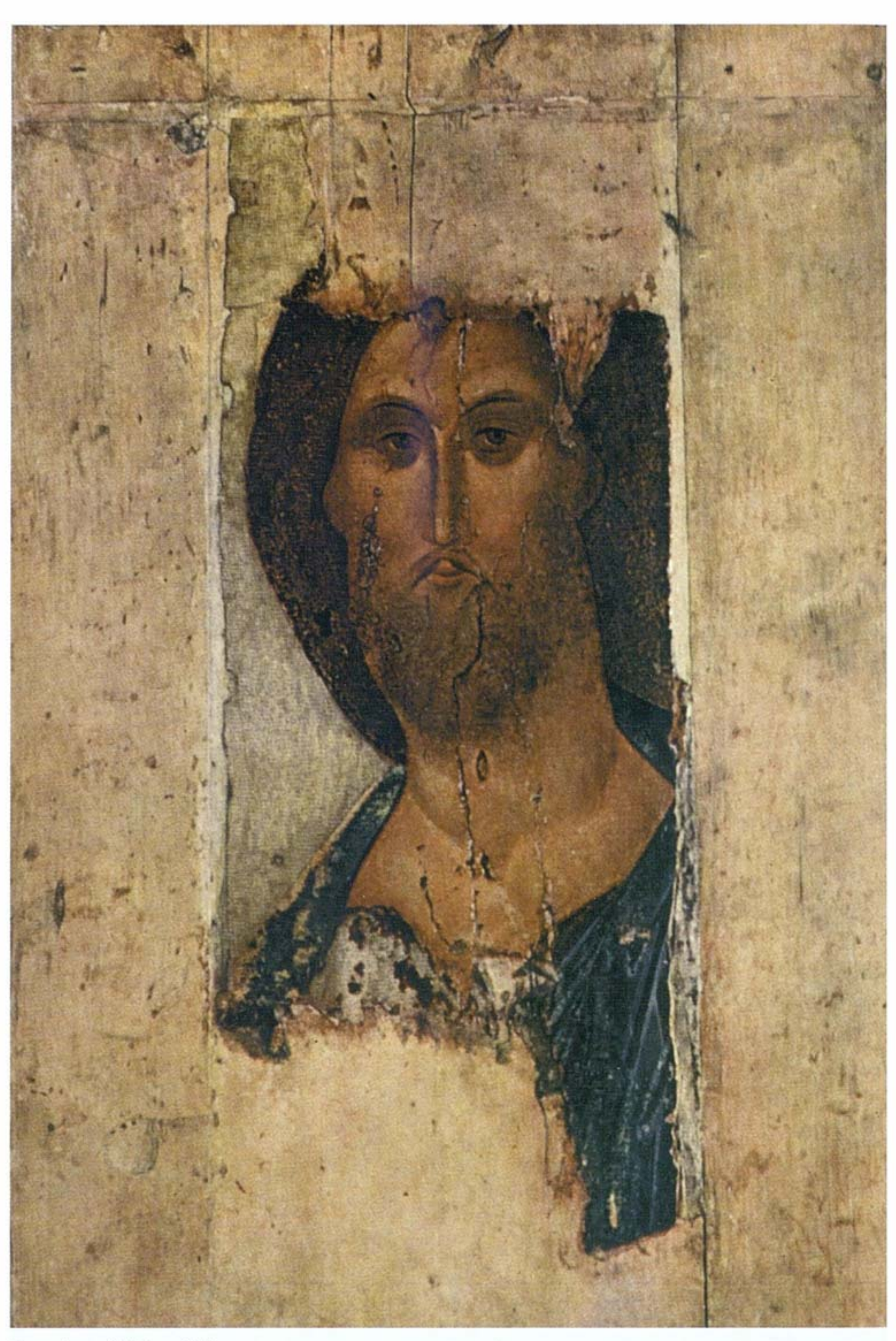
Троица. *Андрей Рублев.* XV в. Фрагмент

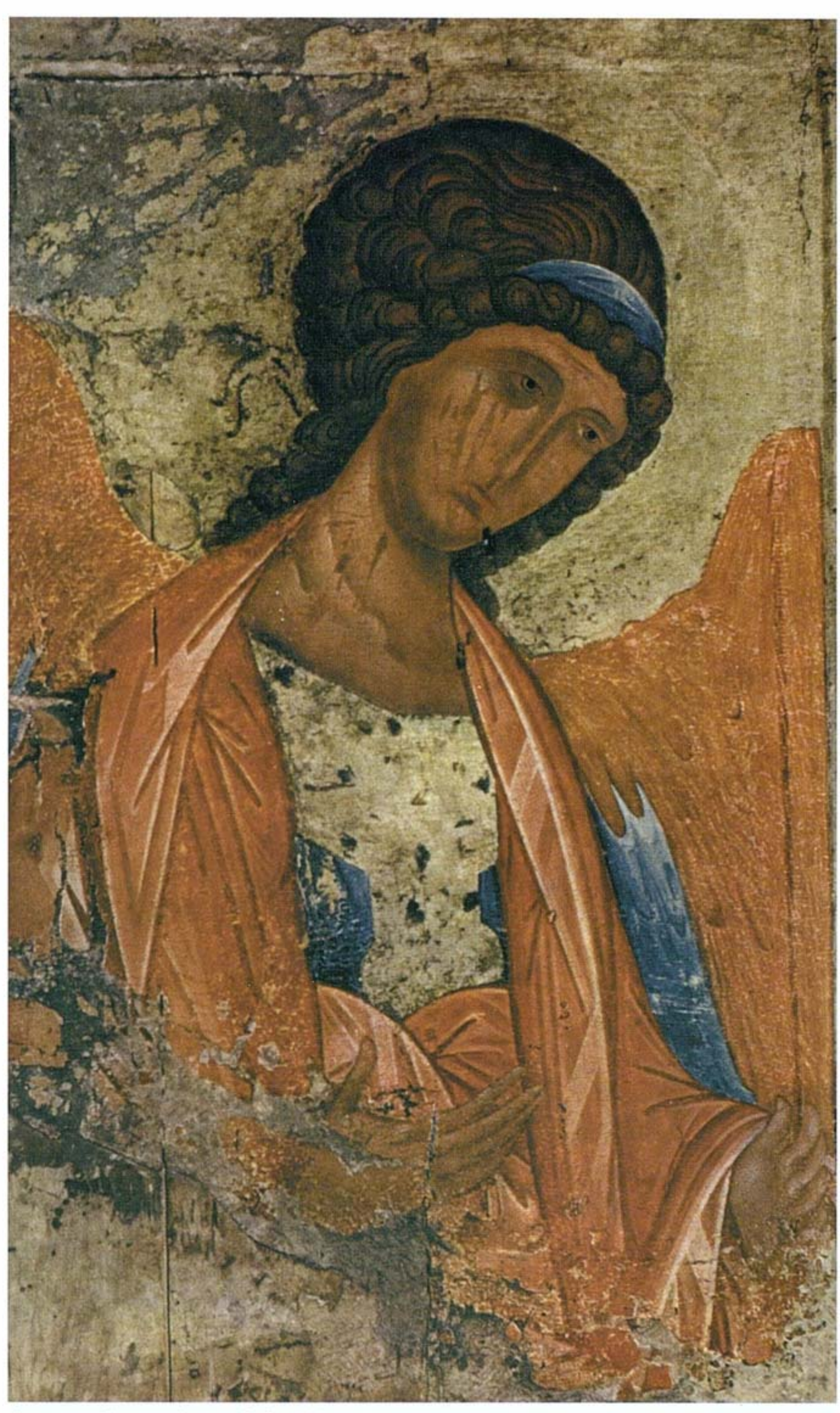
Троица. *Андрей Рублев.* XV в.

Фрагмент

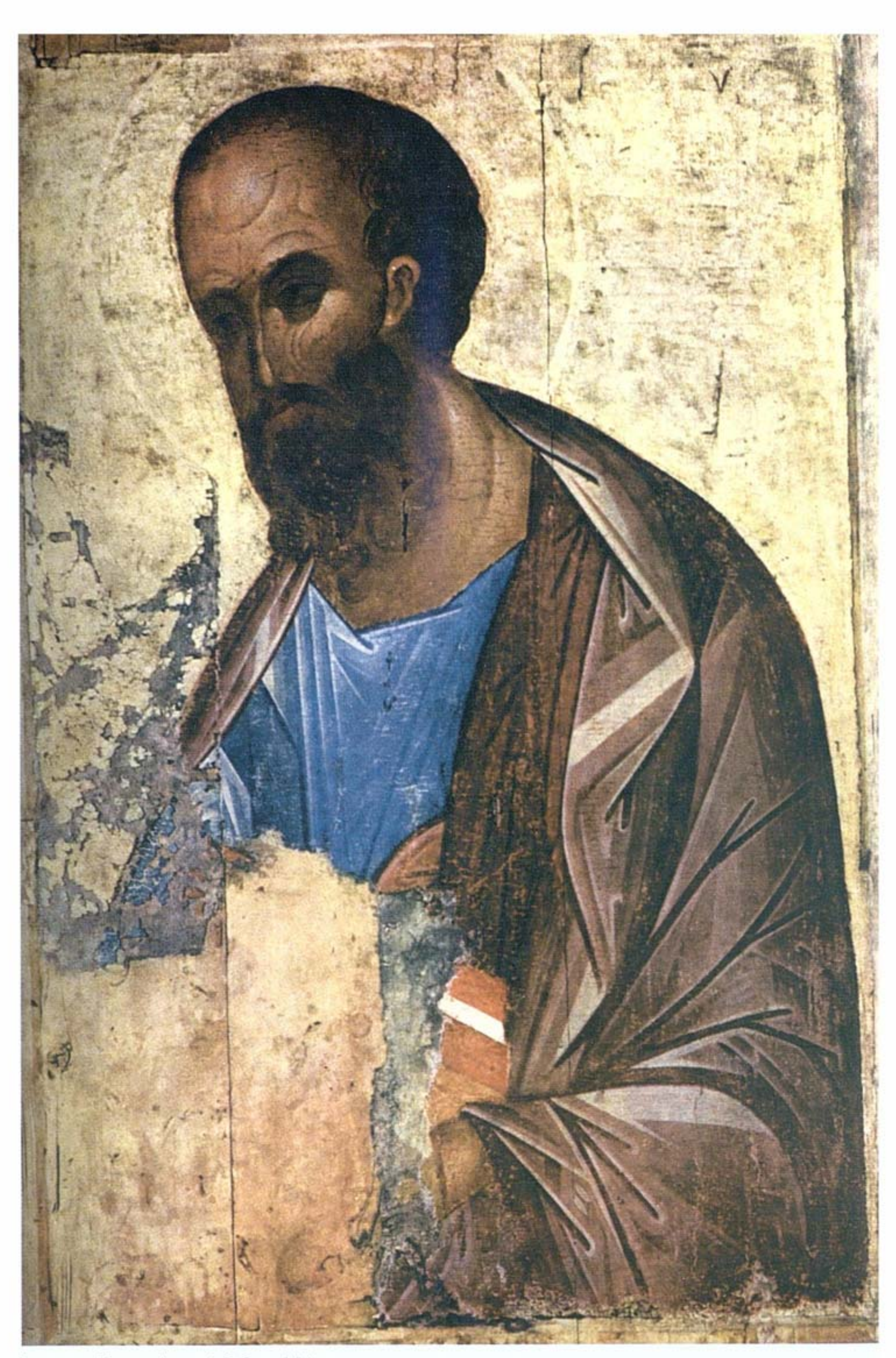

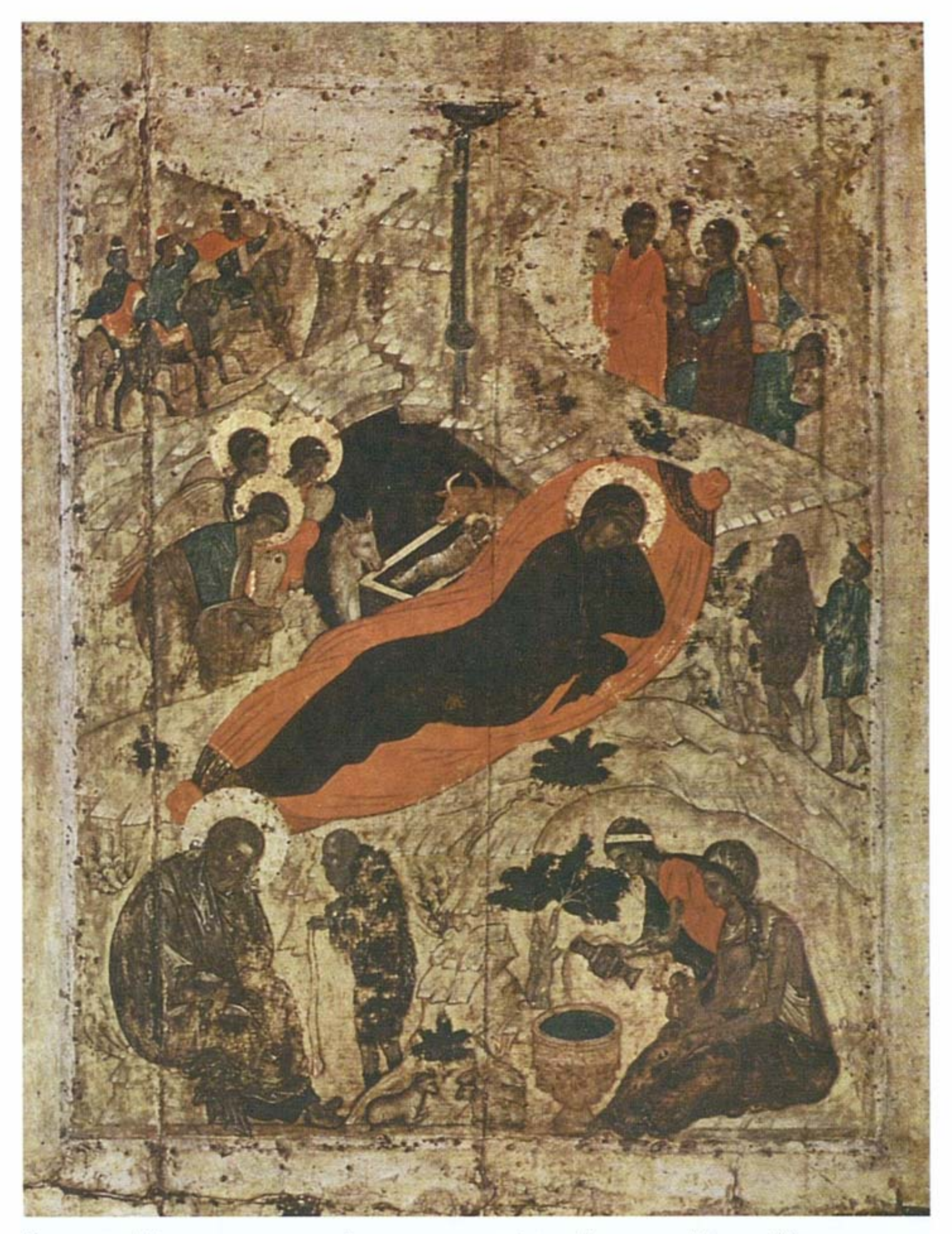
Спас. *Андрей Рублев.* XV в.

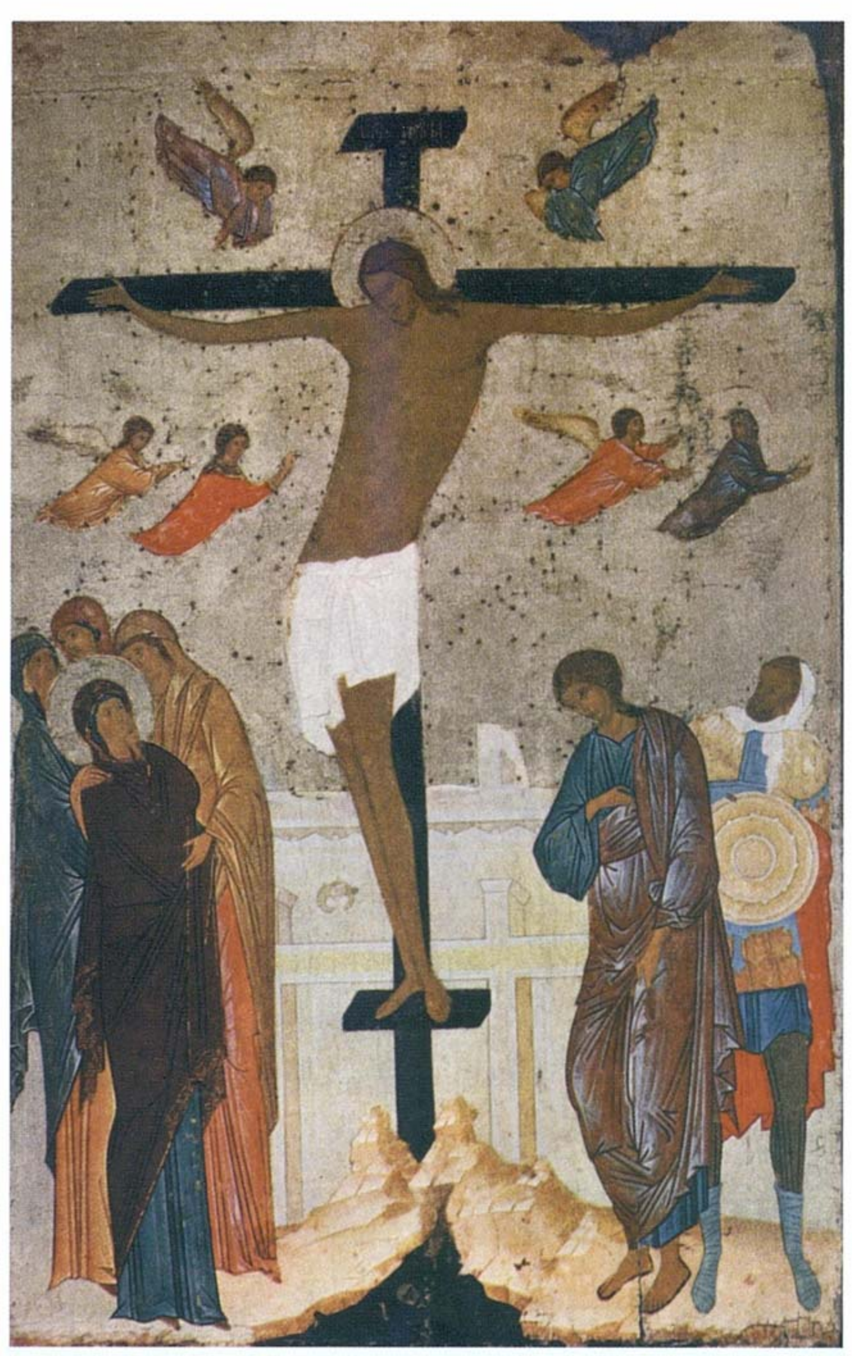
Архангел Михаил. *Андрей Рублев.* XV в.

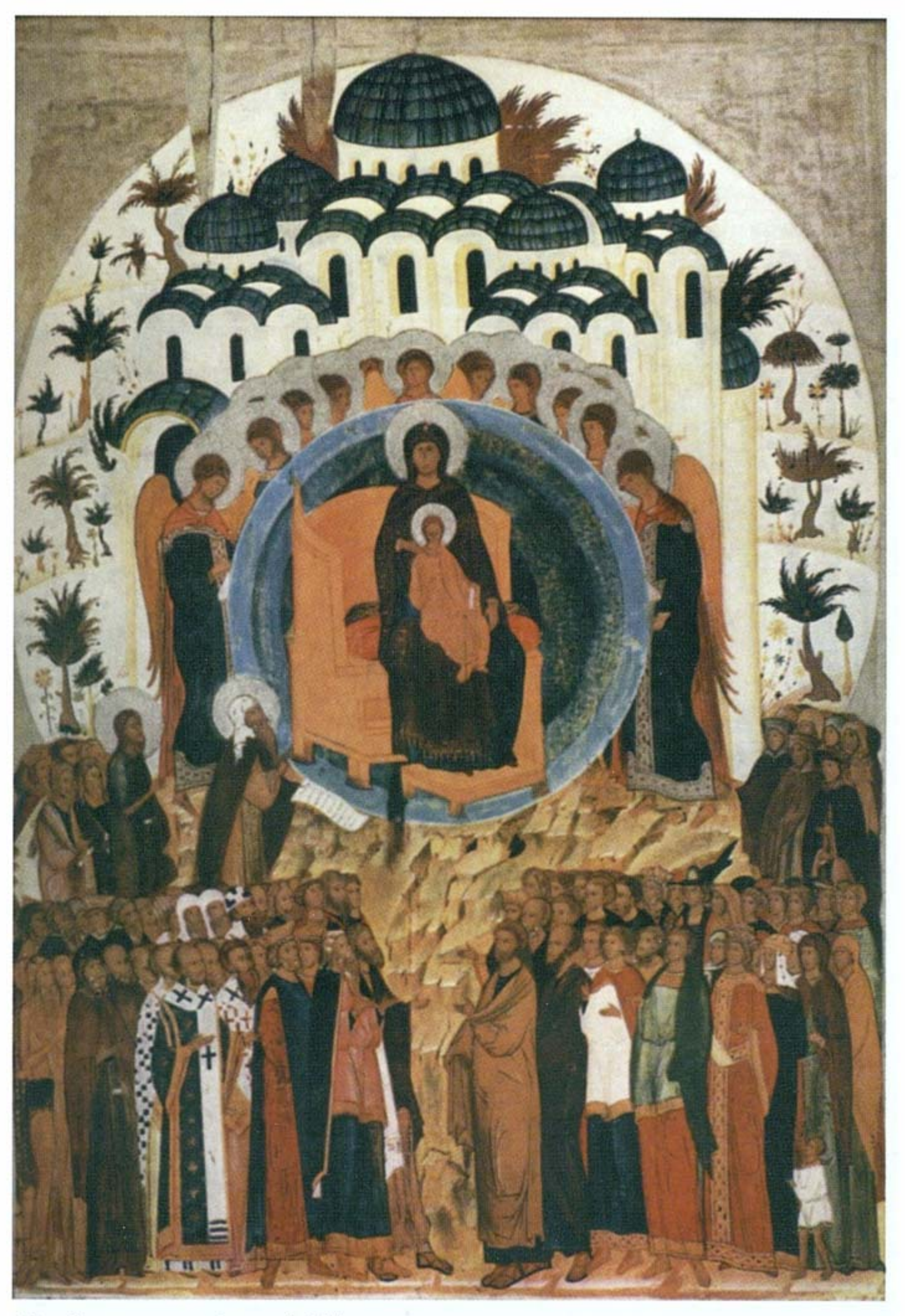
Апостол Павел. *Андрей Рублев.* XV в.

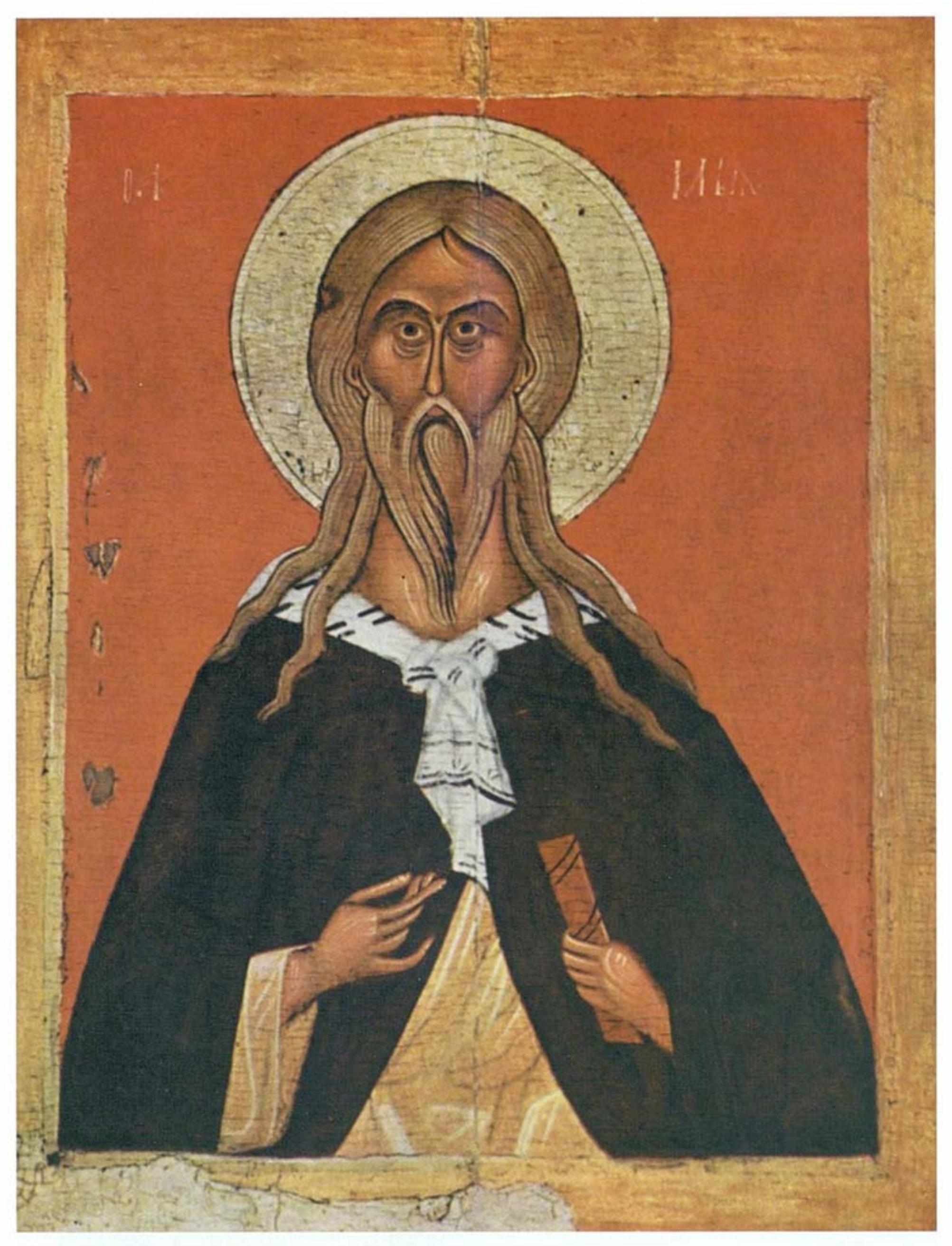
Рождество. *Икона из иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. XV в.*

Распятие. *Дионисий.* Конец XV – начало XVI вв.

«О тебе радуется...». *Дионисий.* XVI в.

Илия Пророк. XIV – XV вв.

Огненное восхождение Илии. XVI в.

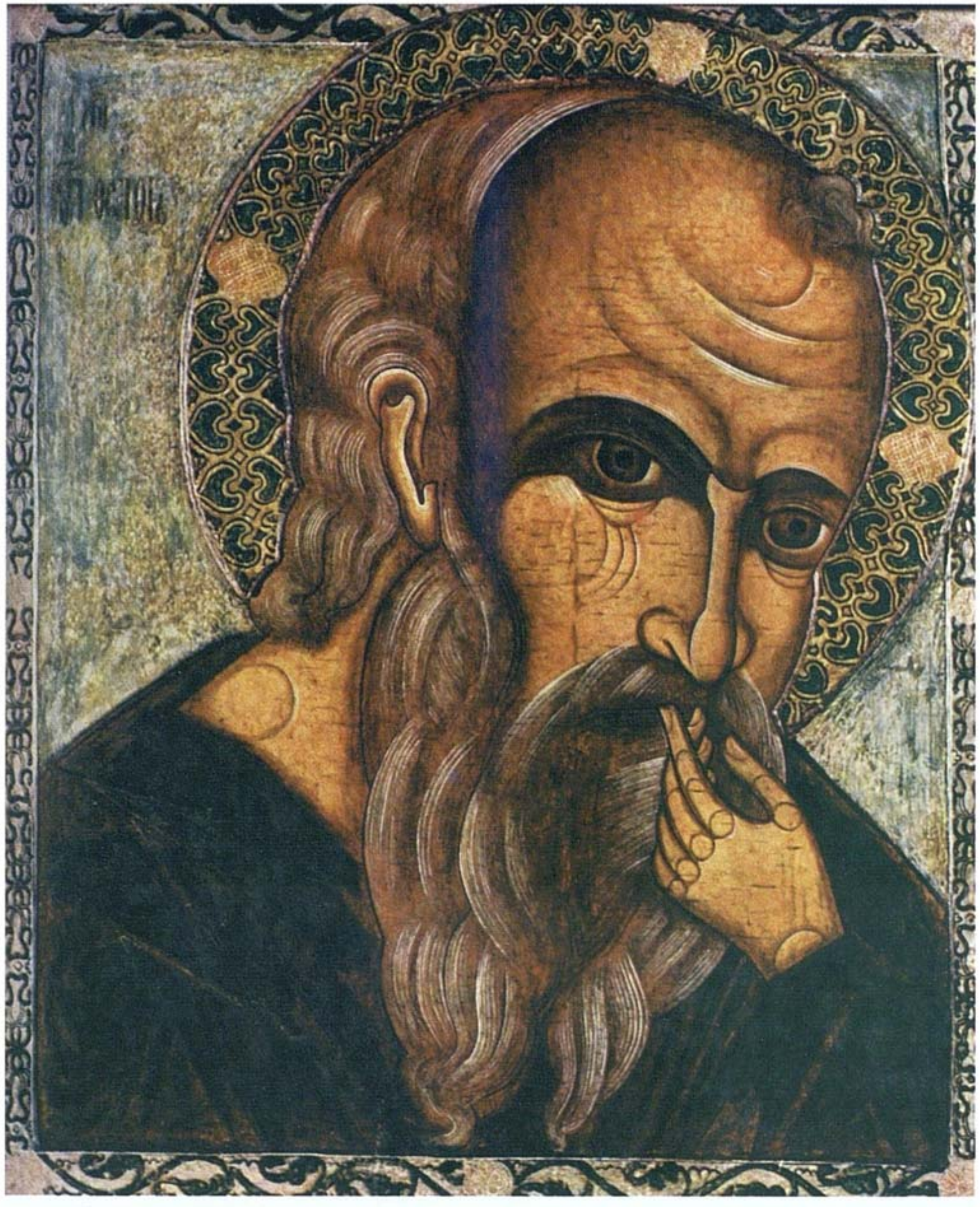

Сошествие во ад. XV в.

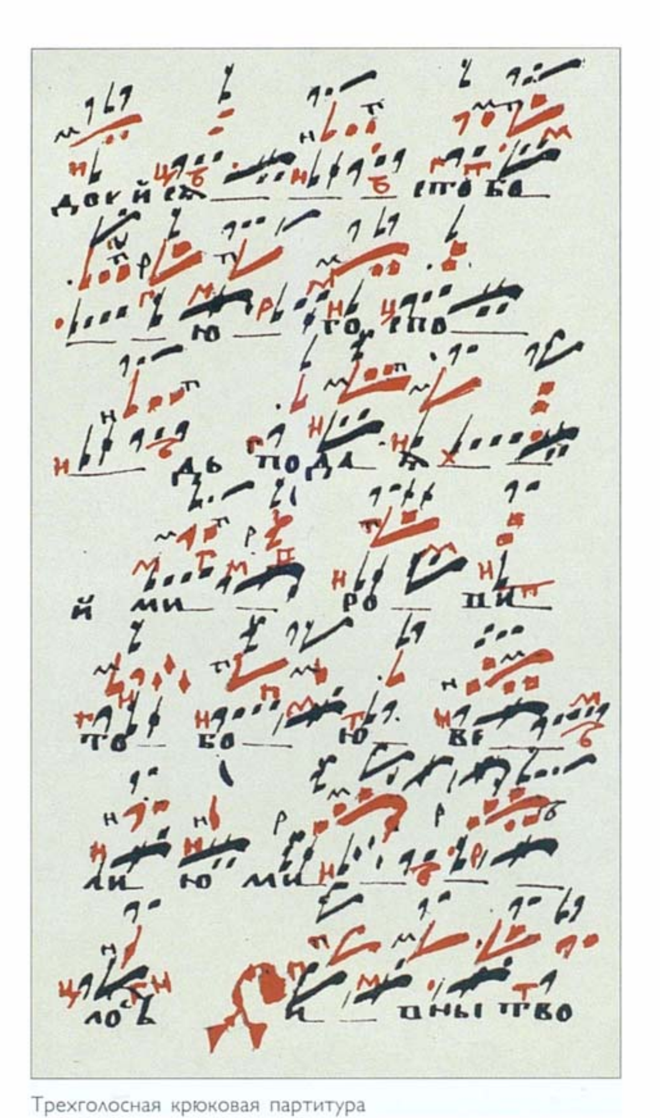
Воскрешение Лазаря. XV в.

Иоанн Богослов в молчании. XVI в.

Насаждение древа государства Российского. *Симон Ушаков.* XVII в.

Трехголосная крюковая партитура

а был установлен на одной из башен знаменитого собора Парижской Богоматери. Звон у него был великолепный, и долгие десятки лет парижане наслаждались им.

23 ноября 1913 г. колокол-пленник был возвращен в Херсонес и водружен на новую деревянную колокольню. Продолжая служить людям, он в туман и сильные зимние шторма предупреждал об опасности, спасая жизни моряков.

И во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. херсонесский колокол оставался на своем месте. На его теле можно увидеть следы пуль и осколков снарядов. После войны этот колокол-герой установлен на двух каменных столбах на берегу моря. Он продолжает по-прежнему служить людям, являясь дублером современного берегового сигнального устройства.

В нашем веке появились и колокола-трибуны, напоминающие людям о тысячах невинных жертв, понесенных разными странами в годы второй мировой войны. Это колокола Хатыни, Бухенвальда, Хиросимы.

Помните слова песни В. Мурадели на стихи А. Соболева «Бухенвальдский набат»?

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон! –
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон...

Колокола городов и деревень, переживших ужасную трагедию, призывают людей на века запомнить преступления фашистов. Эти колокола являются символами мученичества и жертвенности, символами вечной памяти невинных жертв, символами борьбы со злом и войнами.

Те, кто бывали в Московском Кремле, вероятно, подолгу любовались знаменитым Царь-колоколом, стоящим на специальном возвышении у подножия не менее знаменитой колокольни Ивана Великого.

Этот великан, этот богатырь, вес которого составляет более 200 тонн, а высота и диаметр – более 6 метров,[36] поистине заслужил свое название: ведь нигде в мире нет более подобного чуда. Русские мастера дерзнули отлить подобную громаду, и лишь досадная случайность помешала этому богатырю стать величайшим в мире звучащим колоколом: пожар 1737 г. нанес непопра-

вимый ущерб уже отлитому, изготовленному и украшенному шедевру русского литейного искусства. Колокол треснул, и от него отвалился кусок весом в 11 тонн.[37] Как же это произошло? Как сумели мастера создать уникальную отливку? И как пожар испортил дело рук знаменитых умельцев, которым они занимались несколько лет?

Царь-колокол, который мы видим сейчас, имеет свою историю. Но у истории есть своя предыстория.

То место, где стоят сейчас кремлевские колокольни, в древности называлось Горами. Здесь, при кладбище, были построены деревянные церкви, и при них находились колокола. В 1329 г. рядом с только что оконченным Успенским собором был воздвигнут второй каменный храм Москвы – церковь Иоанна Лествичника, которая в летописях (и, вероятно, в живой, разговорной речи) именовалась «иже под колоколы».[38] Историки предполагают, что это была первая на Руси постройка совершенно особого, оригинального типа: церковь здесь совмещена с колокольней, и, видимо, под куполом большой, центральной главы висел колокол, а в барабане были проделаны отверстия для исходящего звука. В 1346 г. для нового кремлевского ансамбля были «слиаша три колокола больших, а два меншых, и лил их мастер Борис Римлянин».[39] В летописях есть известия и о том, что за пять лет до того памятного события мастер Борис (наверное, тот самый) посылался в Новгород, чтобы отлить там повседневный благовестный колокол.

Значит, утверждают историки, в то время в Москве уже был литейный двор, возглавлял его некий Борис Римлянин, судя по имени – западно-европейский мастер, приглашенный, вероятно, на Русскую землю для утверждения и развития здесь литейного (пушечного и колокольного) дела. «Успенское собрание колоколов, – утверждает исследователь В.В. Кавельмахер, – стало апофеозом строительной деятельности Калиты и его сыновей».[40]

Три больших благовестных колокола, отлитых Борисом Римлянином, были, скорее всего, праздничным, воскресным и будничным колоколами. А два малых употреблялись для одновременного в них ударения, как говорили, «для звона». Так было положено начало существовавшему веками «ивановскому» звону.

И до Царь-колокола, отлитого известными на всю Москву Моториными, были в Москве мастера колокольного дела, был в Кремле колокол, который тоже величали Царем. Большой Успенский колокол работы Александра Григорьева весил 8 тысяч

пудов. Впрочем, цифры называются разные: то 8, то 9, а то и все 12 тысяч пудов. Великан был поднят на колокольню и звонил.[41]

Но и он был не единственным в своем роде: с XVI в. известен колокол Годуновский в 2 тысячи пудов, колокол мастера Данилова, колокола очень известного Андрея Чохова. Это все предшественники гигантского Царь-колокола, отлитого в 1735 г. и стоящего сейчас на кремлевской Ивановской площади.[42] В Москве был создан даже Пушкарский приказ, где трудились мастера литейного дела, отливавшие пушки и колокола. Кстати, знаменитая «Царь-пушка» была отлита уже упоминавшимся нами Андреем Чоховым в 1586 г. по приказу царя Федора Иоанновича на московском Пушечном дворе.[43]

Трудное искусство литья передавалось по наследству, мастера колокольного дела чаще всего учились у своих же родственников. Недаром царь Алексей Михайлович в особом указе говорил, что детям, братьям, племянникам мастеровых людей Пушкарского приказа «в иные приказы ни в какой чин в службу ставиться не велено».[44]

В XVII в., пожалуй, самым известным был Большой Успенский колокол, отлитый в 1655 г. Иностранец Павел Алеппский, путешествовавший по России со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием, описывая отливку этого колокола, обратил внимание на то, что мастеру, Александру Григорьеву, было в то время около двадцати лет. Впрочем, Большим Успенским колоколом некоторые историки называли и предшественника колокола Александра Григорьева: тоже гигант весом около 8 тысяч пудов, изготовленный мастером Данилой Даниловым вместе с сыном Емельяном. Однако, хотя тот колокол и подняли на деревянную звонницу, при первых же сильных ударах он раскололся, после чего молодой мастер Григорьев и решился из осколков разбившегося колокола отлить новый, больших размеров, добавив сколько нужно олова и бронзы. Так уж сложилось на Руси, что старый металл не отбрасывали в сторону: из испорченных колоколов лили новые и процесс этот был практически непрерывным.

Тот колокол, который отливали отец и сын Даниловы, тоже изготавливался из старого металла. Правда, заграничный мастер Иоганн Фальк, приехавший из Нюрнберга, отказался тогда от работы: и металл от старого разбитого колокола вроде непригоден, и уложиться в назначенные сроки нет никакой возможности. Царь обратился к русским литейщикам: возьмутся ли они отлить столь великий колокол? И ответили мастера, «что их... такое большое

колокольное дело против иноземца Ивана Фалька будет, и слова и травы на колоколе положат такие же, что кладет Иван Фальк».[45]

А от себя Емельян Данилов добавил, что «травы де он и слова на колоколе режет сам и колокол сделает такой же, что Ивана Фалька, надеясь на милость Божию».[46]

И вот в 1654 г. на Ивановской площади Кремля возле церкви Рождества Христова вырыли яму, соорудили печи и отлили новый колокол. Однако в Москве началась чума, и от этой страшной напасти скончался Емельян Данилов. Видно, не судьба была мастеру любоваться на дело рук своих. На смену ему пришел другой умелец, совсем еще молодой человек – Александр Григорьев. Мастера Григорьева не было в столице во время чумы: вместе с Федором Моториным он был послан в Великий Новгород совершенствоваться в колокольном деле.[47] Вернулся мастер в опустелую Москву, где уже погибло сто пятьдесят тысяч человек. Однако дела по отливке колоколов не прекращались, и велено было Александру Григорьеву отлить колокол весом в 8 тысяч пудов. На литье и на угар дан был металл от прежнего колокола с новой медью и оловом в придачу.

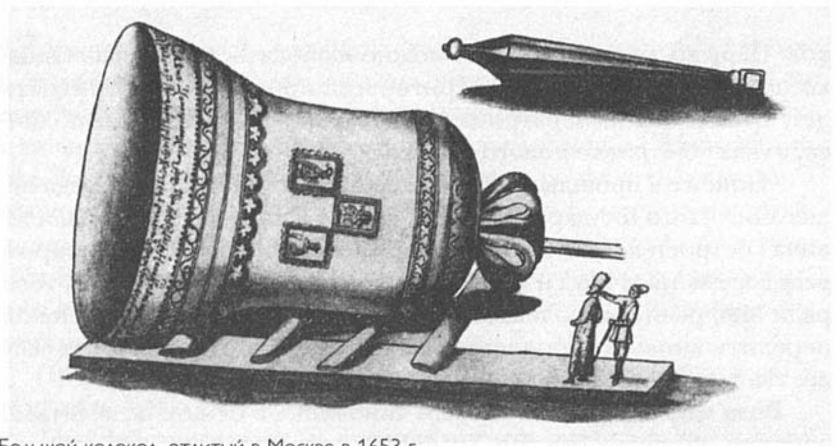
Он возглавлял бригаду, в которой находилось до ста человек: мастера-каменщики, плотники, подъемщики, молотобойцы. Сам мастер отвечал за ценный материал – медь и олово, да заодно обучал и учеников, приданных ему в помощники.

Уже упомянутый нами чужеземец Павел Алеппский, увидев Александра Григорьева, такими словами запечатлел его внешность: «Мастер, из переживших моровую язву, молодой человек, малорослый, тщедушный, худой, моложе 20 лет, совсем еще безбородый...»[48]

Он начал работать в Пушкарском приказе с 1651 г., когда уже известный Емельян Данилов и другие мастера поручились за нового «колокольного литца» своими головами.

В профессиональной клятве, которую произносили все мастеровые, в том числе Александр Григорьев, приступая к службе, были и такие слова: «Будучи у государева колокольного дела никаким воровством не промышлять, ни красть, ни разбивать, ни зернью не играть, и корчмы не держать,... и над государевой казною хитрости ни в чем не чинить...»[49]

В 1654 г. Большой Успенский колокол был отлит, причем всего за несколько месяцев: с весны до осени. Заметим, что и в наши дни это сделать очень трудно. Но поднять его сразу не смогли. Зато в то время интересующиеся могли видеть колокол вблизи, отдавая должное его размерам и украшениям.

Большой колокол, отлитый в Москве в 1653 г.
Рис. к книге А. Мейерберга «Путешествие в Московию». XVII в.

Путешественник Павел Алеппский оставил нам восторженный отзыв о колоколе Александра Григорьева: «Ничего подобного этой редкости, великой, удивительной, единственной в мире, нет, не было и не будет, она превосходит силы человеческие».[50]

Колокол подняли на деревянную звонницу, однако в следующем году он упал и лежал на земле немало лет, ибо другой иностранец, Мейерберг, осматривал его лежащим в 1668 г. Путешественник же Кольберг в 1674 г. уже видел этот колокол висящим на деревянных подмостках около колокольни Ивана Великого, и еще через несколько лет великан весом в 8 тысяч пудов был поднят на звонницу.[51] Однако слушать мощный голос этого гиганта пришлось недолго: с пожаром 1701 г., уничтожившим все деревянные постройки Кремля, кончилась жизнь и удивительного колокола А. Григорьева: он упал и разбился на мелкие частицы. История его существования насчитывала 47 лет: с 1654 по 1701 г.

Мастеру Александру Григорьеву принадлежали и другие известные колокола. Один из них был изготовлен по заказу патриарха Никона для только что основанного им Валдайского Иверского монастыря; другой, небольшой, 16-пудовый – для Саввино-Сторожевской обители, любимой царем Алексеем Михайловичем, проводившим там много времени. Для того же монастыря мастер отлил и еще один колокол, получивший название «Большой благовестный». Долгое время он считался самым благозвучным русским колоколом. А в монастырских книгах записан как дар царя Алексея Михайловича.[52]

Остатки григорьевского Большого Успенского колокола послужили основой для создания нового чуда мастеров-литейщи-

ков: Царь-колокола, которым можно любоваться и сейчас. Однако после падения колокола Григорьева прошло почти тридцать лет, прежде чем императрица Анна Иоанновна соизволила подписать указ об отливке нового колокола.

«Понеже в прошлых годах Указом блаженныя памяти Деда нашего Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича состроен к Успенскому Собору большой колокол, в котором весу восемь тысяч пуд и оной колокол от пожару повредился, того ради Мы, ревнуя изволению предков наших, указали тот колокол перелить вновь с пополнением, чтоб в нем в отделке было весу десять тысяч пуд».[53]

Воля царицы – закон. Начали чиновники в Сенате шевелиться, впрочем, не очень быстро. Граф Миних в своих записках рассказывает, что, когда императрица Анна Иоанновна вознамерилась вместо разбитого «преогромного» московского колокола, висевшего на Иване Великом, отлить другой, еще больший, «то и препоручено мне было отыскать в Париже искусного человека, дабы сделать план колоколу купно со всеми размерениями. По сей причине обратился я к королевскому золотых дел мастеру и Члену Академии наук Жерменю, который по сей части преискуснейшим почитается механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил; но как после его уверил, что имею на то Величайшее повеление, то он взялся сие исправить...»[54]

Однако записки, планы и прочее из Франции не понадобились: сложнейшая отливка была поручена русскому мастеру Ивану Моторину, потомственному литейщику, обучившемуся этому «горячему» искусству у своего отца Федора Моторина. С конца XVII в. Моторины славились своими работами, так что сейчас мы имеем сведения о 12 церковных колоколах, отлитых мастерами этой фамилии. Вместе с братом Дмитрием Иван Моторин с 1687 г. владел колокололитейным заводом, и известно, что в 1726 г. Екатерина I поручила Ивану отлить колокол для колокольни Петропавловского собора в Санкт-Петербурге на своем заводе, со своими припасами, «только медь и олово казенные». В 1732 г. был отлит колокол для Успенской колокольни Киево-Печерской лавры; по велению Анны Иоанновны в Москве отлили колокол и для Новгорода. А в Троице-Сергиевой лавре был разбитый колокол под названием «Баран» с надписью, удостоверяющей, что изготовил его Иван Моторин. Да и в Успенском соборе Кремля висели небольшие колокола Моторина – «Воскресный», «Великолепный», «Набатный».[55]

Известен был мастер нескольким царям: и Екатерине I, и Анне Иоанновне, и Екатерине II, и Петру II, по указу которого

мастер лил пушки. Да вот богатства себе не нажил, хотя славился своим искусством. Сохранилась челобитная Моторина, где он пишет: «В прошлом 1730 году по имянному Его Императорского Величества Указу определен я, нижайший, Главной Артиллерии и фортификации из конторы к перелитию большого Успенского колокола, при котором отправлении Божию помощию и к окончанию многая работа приведена и при том обретаюсь безотлучно, и Его Императорского Величества жалованья и кормовых денег и никакого награждения не имею, от чего в пропитании моем претерпеваю немалую нужду и скудость».[56]

Просит Моторин выдать денег на пропитание, «понеже при оном деле имею труд не малый».

Труд действительно был великим: тут и закупка нужных материалов, и набор рабочих, и расплата с подрядчиками, и сооружение ямы и печей.

Одной переписки сколько было! То по поводу обжигания кожуха, которое начали без специального указания из Петербурга, то получение разрешения Анны Иоанновны на отливку (указ был подписан императрицей 4 марта 1734 г.), то просьбы об отливке имени мастера на колоколе, что было традиционным. Дело шло по инстанциям довольно долго: просьба Моторина поступила некоему капитану Глебову в Артиллерийской конторе, потом контора обратилась в Сенат. Сенат рассмотрел доношение и вынес решение обратиться к императрице. А уж сама Анна Иоанновна соизволила начертать: «Изобразить имя оного мастера на том колоколе».[57]

Отливали Царь-колокол два раза. Первый раз – неудачно. В двух печах произошли аварии и начался пожар. Тем временем 19 августа 1735 г. Иван Моторин скончался. Дело продолжил его сын Михаил Моторин. Все на той же Ивановской площади Кремля была сооружена литейная яма глубиной 10 м.

Стены укреплены дубовыми бревнами, выложены кирпичом. В дно ямы вбили дубовые сваи, на которые была установлена железная решетка. Изготовление формы и кожуха длилось почти полтора года: с января 1733 по ноябрь 1734. Но, как уже говорилось, первая плавка 26 ноября прошла неудачно; две печи вышли из строя, затем еще одна. В Кремле начался пожар, повреждены были деревянные конструкции и кровля над литейной ямой.[58]

Но винить мастера было нельзя: он сделал все, что мог, его решения были правильными, технически грамотными.

Сын и помощник Моторина Михаил завершил работу отца ровно через год, когда были отремонтированы печи, форма просушена и собрана вновь. 23 ноября 1735 г. печи были затоплены,

а через два дня, 25 ноября, произведена заливка колокола. Прошла она весьма успешно по чертежам и моделям Ивана Федоровича Моторина и длилась всего тридцать шесть минут. С Михаилом Моториным работало почти двести человек: каменщики, кузнецы, слесари, пильщики, столяры, плотники...

Историк и большой ценитель древностей И.М. Снегирев в своем рассказе о Царь-колоколе приводит подробности литья, взятые из дел Московской Дворцовой конторы: в январе с 8 по 14 число, при перелитии Большого Успенского колокола было: мастеровых и каменщиков пять человек, и «оные каменщики на литейных печах над сводами кирпичом сравнивали литейные печи и поломеники, а трубы известью обеливали», двадцать шесть кузнецов ковали решетки и гвозди, слесарь возился с разными инструментами, пильники пилы различные отковывали и зубили, столяры колокольные уши из дерева склеивали и вырезали, шесть плотников шпили делали, кровлю над литейной ямой крыли; волевые рабочие кирпич и глину каменщикам подавали, известь разводили, глину мяли, воду на глину носили...[59]

Тогда же в Лефортовском доме делают небольшую модель колокола, и там работают скульптурные, пьедестальные, формовальные мастера и резчики, и «персона Ее Императорского Величества расчищается на воску, надписи переписываются на бумаге»; и орнамент из трав, и ковер, что будет проходить под «персонами Их Величеств» формируется из гипса.[60]

Так что из докладной записки, составленной неким инженером-капитаном Рухом 15 января 1733 г. видно, что на всех этапах, начиная с подготовительного, было задействовано много работников. Да и наблюдателей было немало. Сама царица, благодаря частым донесениям и рапортам, неуклонно следила за всеми видами работ, придавая большое значение отливке Царь-колокола. А ведь было у нее немало и других важных дел!

Вообще отливка колоколов – дело сложное, а тем более таких больших, как Царь-колокол Московского Кремля. Нелегкий труд колокололитейщиков воспел Фридрих Шиллер в своей «Песне о колоколе», наблюдая процесс отливки в литейной мастерской. Стихотворение скорее напоминает балладу, где есть и размышления о развитии человеческой культуры, и философские мысли о превратностях человеческой жизни. Раздумья самого поэта постоянно прерываются словами мастера-литейщика, точно передающего весь процесс изготовления колокола.[61]

Вот уж форма затвердела,
Обожженая огнем.
Веселей, друзья, за дело –
Выльем колокол! Начнем!
  Пусть горячий пот
  по лицу течет, –
Труд наш, если Бог поможет,
Славу мастера умножит,
Больше в яму положите
Дров сосновых, дров сухих,
Чтобы, сжатое в укрытье,
Пламя охватило их,
  Медь сперва расплавь,
  Олова прибавь,
Чтобы к вящей нашей славе
Все слилось в едином сплаве!
Цель все ближе час от часу;
Плавка в блестках пузырей.
Поташу прибавьте в массу,
Чтобы плавилась быстрей.
  Живо, не зевай!
  Пену всю снимай!
Чтоб металл и наших внуков
Трогал чистотою звуков.
Смесь бурлит водоворотом,
Стержень опущу в струю;
Чуть покроется налетом –
Время приступить к литью.
  А теперь ковшом
  Пробу зачерпнем
И проверим живо, все ли
Там слилось по нашей воле.
Смесь уже давно поспела:
Весь в зазубринах излом.
Подставляйте желоб смело,
И с молитвою начнем.
  Краны открывай!
  Боже, счастья дай!
Дай нам счастья и удачи
В форму лить металл горячий!

Форма налита, как чаша,
Славно потрудились мы!
Но каким созданье наше
Выйдет в божий свет из тьмы?
  Вдруг да сплав не тот?
  Вдруг да газ пойдет?
И пока работа длится,
В двери к нам беда стучится?
Что ж, пока не остудится
Медь, чтоб колоколом стать,
Беззаботен, словно птица,
Каждый может отдыхать.
  Звездочки горят,
  Подмастерье рад:
Звон его вечерний манит,
Только мастер вечно занят.
Разберите бревна сруба,
Отслужил – долой его!
Ах, как сердцу видеть любо
Смелой мысли торжество!
  Бей по форме, бей!
  Смело, не робей!
Чтобы мира вестник новый
Нам явился без покрова!
Боже, радость нам какая!
Вот по милости творца
Колокол стоит, сверкая
От ушка и до венца.
  Зорькой золотой
  Блещет шлем литой,
И в гербе горит реченье,
Славя новое творенье.
Ну-ка, дружно за канаты!
Вознесем его в простор,
В царство звуков, под богатый
Голубых небес шатер!
  Взяли! Разом! В ход!
  Тронулся! Идет!
Пусть раздастся громче, шире
Первый звон его о Мире!

Царь-колокол.

Но вернемся в Московский Кремль, туда, где в громадной яме лежит Царь-колокол, шедевр русского литейного искусства.

Поверхность гиганта замечательно украшена. Красота формы сочетается с красотой разнообразных и богатых чеканных украшений. Под самым фризом в клеймах расположены поясные изображения Иисуса Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи, апостола Петра и Анны-пророчицы. Под ними практически во всю высоту колокола даны в рост портреты царя Алексея Михайловича и императрицы Анны Иоанновны, выполненные в технике литья и чеканки.

Между портретами царей идут три надписи. Первая посвящена памяти Алексея Михайловича, чьим повелением к первособор-

ной церкви Успения Божией Матери «слит был великий колокол осмь тысящ пуд меди в себе содержащий», в год 1654. Благовестить он начал с 1668 года, а в 1701 году «от великого в Кремле бывшего пожара поврежден» и до 1731 года «пребыл безгласен».[62]

Вторая надпись прославляет императрицу Анну Иоанновну, которая приказала отлить из старого новый колокол.

Третья же надпись говорит: «Лил сей колокол Росиской мастер Иван, Федоров сын Моторин с сыном своим Михаилом Моториным».

Для украшения колокола были выписаны из Петербурга обучавшиеся за границей искусные резчики. Они-то и сделали из дерева формы для святых икон и для фигур царя и императрицы, а также для прочих украшений и надписей. Их имена: Василий Кобелев, Петр Галкин, Петр Кохтев и Петр Серебряков. Прошедшие обучение в Италии, мастера, судя по результатам, были действительно первоклассными.[63]

Однако Царь-колокол, так удачно вылитый мастерами Моториными, никогда не звонил. Долгое время он находился все в той же яме, где прошла отливка, ибо по капризу судьбы в 1737 г. в Москве разразился страшный пожар; деревянное сооружение под колоколом загорелось, бревна падали вниз, сам колокол раскалился, и его начали поливать водой. Это и сгубило шедевр литейного искусства. От неравномерного охлаждения металл дал трещины, кусок весом в 11,5 т отвалился совсем.

По удивительному стечению обстоятельств в то же самое время треснула и модель Царь-колокола, которая была отлита Иваном Моториным перед тем, как приступить к изготовлению колокола-гиганта. Модель весила всего 12 пудов и висела на колокольне Воскресенской церкви на Литейной стороне в Петербурге.[64]

Царь-колокол пробовали поднять при Екатерине II, при Павле, но безуспешно. При императоре Александре II яму расчистили, устроили там деревянный настил, соорудили перила, то есть сделали колокол обозримым для интересующихся посетителей Кремля.

Так и пролежал он в земле целое столетие. И лишь в 1836 г. под руководством архитектора Августа Монферрана, создателя Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, Царь-колокол был поднят на поверхность и установлен на специальном восьмиугольном пьедестале-постаменте.[65]

Неоднократно искусствоведы, историки, мастера литейного дела выдвигали различные проекты по восстановлению этого выдающегося исторического памятника XVIII века. Различные

специалисты предлагали провести работы по заделке всех трещин, присоединению отвалившегося куска с таким расчетом, чтобы наконец услышать голос царя колоколов. Техника сейчас так далеко шагнула вперед, что в принципе это возможно. Но нужно ли? Могут появиться новые дефекты, которые ухудшат состояние колокола. А для того, чтобы услышать его звучание, нужно построить огромную звонницу.

Специалисты отказались от подобной затеи, однако в 1979 г. реставрация памятника все-таки была проведена. Было снято многослойное красочное покрытие со всей поверхности, а оно местами достигало целого сантиметра. Работа оказалась очень трудоемкой: за пять часов интенсивной работы на «северной» стороне колокола один из реставраторов очистил лишь около 0,25 $м^2$ гладкой поверхности.[66]

Съемки, проводившиеся в ходе реставрации, показывают, как изменилась поверхность колокола: ярко стали вырисовываться орнамент и надписи; фигуры царя, императрицы и святых приобрели выпуклость, четкость, подчеркивая уникальное мастерство чеканщиков древности.

Чтобы не исказить рельеф уникального произведения литейного искусства, большинство фигур и узоров расчищали вручную, да еще был подобран такой растворитель, который, счищая краску, не вступал во взаимодействие с бронзовой патиной и не портил поверхность. Провели и ремонт постамента. За полтора века он ушел в землю на сорок сантиметров, так что пришлось убирать грунт. Восстановили позолоту на кресте, венчающем навершие колокола.

Реставраторы составили даже специальные карты, куда нанесли все трещины, все дефекты колокола. Теперь смотрители-искусствоведы ведут наблюдение за древним шедевром, вооружившись новыми достижениями науки: дефектоскопией, ультразвуковым контролем, другой специальной аппаратурой.

Надо думать, что любые серьезные изменения в теле колокола будут замечены и устранены. Бесценная историческая реликвия не должна быть утрачена с течением времени, чтобы наши потомки могли лицезреть ее в том виде, в котором она предстает сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

1. «Повесть временных лет»//Памятники литературы Древней Руси. XI — нач. XII вв. М., 1978, с. 127 (далее: *ПВЛ*).
2. Там же, с. 128.
3. Там же, с. 130.
4. Там же, с. 133.
5. Там же.
6. Как была крещена Русь. М., 1989, с. 85.
7. ПВЛ, с. 75.
8. Там же, с. 75, 77.
9. Там же, с. 78.
10. Там же.
11. Там же, с. 67.
12. Здесь и далее использованы материалы книги О. М. Рапова «Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства». М., 1988 (далее: *Рапов. Русская церковь...*).
13. Церковь в истории России. М., 1967, с. 38.
14. ПВЛ, с. 98.
15. Там же, с. 121.
16. Там же, с. 121, 123.
17. Там же, с. 123.
18. Там же, с. 94.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. — Л., 1950, с. 160 (далее: *НПЛ*).
20. Там же, с. 161.
21. Там же.
22. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991, т. I, с. 123.
23. Татищев В. Н. История Российская с древнейших времен. М. — Л., 1962, т. I, с. 112—113.
24. ПВЛ, с. 94.
25. Рапов. Русская церковь..., с. 273.
26. ПВЛ, с. 147.
27. Там же, с. 189.
28. Там же, с. 189, 191.
29. Там же, с. 195.
30. «Огонек», 1988, № 10, с. 9.
31. «Дружба народов», 1988, № 6, с. 200.
32. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 27.

ХРАМЫ

1. ПВЛ, с. 136.
2. Там же, с. 138.
3. Там же, с. 138.
4. История русского искусства. М., 1953, т. I, с. 117, 118.
5. Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. М., 1990, с. 37.
6. ПВЛ, с. 165.
7. Там же, с. 167.
8. История русского искусства, т. I, с. 124.
9. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона//Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. М., 1973, изд. 8, с. 31—33 (далее: «*Слово о законе...*»).

10. Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с.10.
11. Воронин Н. Н. Зодчество Киевской Руси//История русского искусства. М., 1953, т. II, с. 111–154.
12. Как была крещена Русь. М., 1990, с. 310.
13. История русского искусства. т. I, с. 113.
14. Там же, с. 116.
15. «Слово о законе...», с. 32.
16. Каргер М. К. Новгород. М., 1980, с. 68–76.
17. Там же, с. 87.
18. Там же, с. 84.
19. Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев Польской. М., 1983, с. 5–21 (далее: «*Воронин. Владимир...*»).
20. Анисимов А. И. Владимирская икона Богоматери. Прага, 1928, с. 14.
21. Воронин. Владимир..., с. 49.
22. Степенная книга//ПСРЛ, т. 21, ч. 2, СПб., 1908, с. 429.
23. Воронин. Владимир..., с. 38.
24. Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси//Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985, с. 17–23.
25. ПВЛ, с. 19.
26. Килессо С. К. Киево-Печерская лавра. М., 1975, с. 19.
27. Здесь и далее см.: Киево-Печерский патерик// Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980, с. 413, 423, 427.
28. Килессо. Киево-Печерская лавра, с. 33–35; Савенко А. И. Великая церковь Киево-Печерской лавры. Киев, 1901, с. 31.
29. Здесь и далее летописи цитируются по книгам: Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника. М., 1979; Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985.
30. Беляев А. Иллюстрированная история русской церкви. Митрополиты Московские. Репринт. М., 1995, с. 9–10.
31. Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1979, с. 18–19, 26.
32. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991, с. 101.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

1. Азбука христианства. Словарь-справочник. М., 1997, с. 31.
2. Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992, репринтное воспроизведение издания 1907 г. Т. I, с. 383 (далее: *ППБЭС*). Современный исследователь М. И. Шахнович в кн. «Библия в современной борьбе идей» (Л., 1988) называет 66 канонических книг: 39 в Ветхом Завете, 27 — в Новом Завете.
3. Здесь и далее цитаты даются по: «Библия». Издание Российского Библейского общества. М., 1996.
4. ППБЭС, I, с. 699.
5. Грядовой Д. И. Христианские книги. М., 1996, с. 37; ППБЭС, II, с. 2097.
6. ППБЭС, I, с. 1058, с. 1119.
7. ППБЭС, I, с. 433.
8. Грядовой. Христианские книги, с. 54–55.
9. ППБЭС, II, с. 1614.
10. Здесь и далее цит. по кн. Грядового «Христианские книги», с. 58.
11. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи. М., 1990, с. 319–325. Дживелегов А. Леонардо да Винчи. М., 1974, с. 71–75.
12. Толкование на Апокалипсис св. Андрея, Архиепископа Кесарийского. Иосифо-Волоколамский монастырь, 1992. Репринтное воспроизведение изд. 1901 г.
13. К познанию Библии. Рига, 1992, с. 239.
14. ППБЭС, т. I, с. 201–202.
15. Не на Чернобыль ли намекает пророк? Ведь «чернобыль» это и есть полынь.
16. Толкование на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского, с. 91.
17. Рогозин П. И. Тайны Апокалипсиса. Б/м, б/г, с. 194.
18. Там же, с. 334.
19. Цит. по кн.: А. Мень. Мир Библии, М., 1990, с. 19.
20. Там же.
21. Там же, с. 73–74.

ИКОНЫ. ИИСУС ХРИСТОС И БОГОРОДИЦА

1. Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник. СПб., 1905, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с. 9–10; Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971, с. 43, ил. на с. 45.
2. Хитров М. Подлинный лик Спасителя. М., 1894, с. 22, рис. I.
3. Там же.
4. Брюсова В. Г., Щапов Я. Н. Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом//Византийский временник. М., 1971, т. 32, с. 85–103; Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979, с. 36.
5. Толстая Т. В. Успенский собор..., с. 39.
6. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т. Т. 6, М., 1962, с. 222–224.
7. Киселев А. Чудотворные иконы Божьей Матери в русской истории. М., 1992, с. 35; Покров Пресвятой Девы Богородицы над Россией. М., 1843, с. 26–31; Снессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых и чудотворных Ее икон. СПб., 1894, с. 349.
8. Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника. Авторы-составители И. Я. Качалова, Н. А. Маясова, Л. А. Щенникова. М., 1990, с. 45.
9. Лазарев В. Н. Русская иконопись. М., 1983, с. 24.
10. Флоренский П. Иконостас//«Богословские труды», сб. 9, М., 1972, с. 99.
11. Кондаков Н. П. Русская икона. т. 3, ч. I, Прага, 1931, с. 26.
12. Успенский Л. Смысл и язык икон//«Журнал Московской патриархии». 1955, № 8, с. 52.
13. Настольная книга священнослужителя. М., 1983, т. 4, с. 187.
14. Там же, с. 190.
15. Алпатов М. В. Краски древнерусской иконописи. М., 1974, с. 7.
16. Там же, с. 9.
17. Степенная книга//ПСРЛ, т. 21, ч. I. СПб., 1908, с. 192–193.
18. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963, т. I, с. 58–64 (далее: *Антонова, Мнева. Каталог...*); Анисимов А. И. Владимирская икона Богоматери. Прага, 1928, с. 19; Успенский А. И. Владимирская икона Богоматери в Московском Успенском соборе. М., 1902; Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. Древнейшая песнь материнства. М., 1966, с. 221.
19. Здесь и далее цит. по: Сказание о чудотворной иконе Богоматери именуемой Владимирской. М., 1849, с. 49.
20. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского//Повести Древней Руси. Л., 1983, с. 336–342.
21. Степенная книга//ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 429.
22. Там же.
23. Успенский А. И. Владимирская икона..., с. 3.
24. Там же.
25. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899.

ИКОНЫ. ВИЗАНТИЙСКИЕ СВЯТЫЕ

1. Настольная книга священнослужителя. М., 1979, т. 2, с. 179, 471–472; т. 3, с. 773.
2. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его в России. Составители А. Вознесенский и Ф. Гусев. СПб., 1899.
3. Калинский Н. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси//Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1877, т. VII, с. 331–337.
4. ПВЛ, с. 123.
5. Макарий, архим. История христианства в России до равноапостольного кн. Владимира. СПб., 1846, с. 261–290.
6. Житие Феодосия//«Изборник». М., 1969, с. 106.
7. Житие и чудеса св. Николая..., с. 235–239.
8. Там же, с. 241.
9. Там же, с. 191.
10. Новгородская Третья летопись//ПСРЛ, т. 3. СПб., 1841, с. 213–214, 221.
11. Древнерусская живопись. Новгород. Музей (Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник). М., 1974, с. 12–13.

12. ПСРЛ, т. 3, с. 221.
13. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 252, № 214, ил. 169.
14. Угреша. Историческое описание Николаевского Угрешского общежительного монастыря. М., 1890, с. 8–9.
15. Житие и чудеса св. Николая..., с. 18.
16. Там же, с. 134–135.
17. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 459.
18. Дуров В. А. Ордена России. М., 1993, с. 37.
19. Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М., 1985, с. 45.
20. Настольная книга священнослужителя, т. 3, 23 апреля; «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского. Апрель. М., 1992, репринтное воспроизведение изд. 1906 г.
21. Настольная книга священнослужителя, т. 3, с. 233.
22. БСЭ, изд. 3, т. 30, с. 420.
23. Макарий, архиепископ. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 402–422.
24. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 47–48, № 1, ил. 17, 18.
25. Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. М., 1981, с. 8.
26. Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979, с. 44, ил. 66–68.
27. Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 62.
28. Лазарев В. Н. Новгородская иконопись, с. 22, ил. 24.
29. Кирпичников А. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879, с. 136.
30. Там же, с. 133, 141–142.
31. Там же, с. 156–159.
32. Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906, т. 1, с. 64–66.

ИКОНЫ. РУССКИЕ СВЯТЫЕ

1. Настольная книга священнослужителя. Т. 3, М., 1979, с. 262.
2. Канонизация святых. Поместный собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия крещения Руси. Троице-Сергиева лавра, 6–9 июня 1988 г. Изд. Московской патриархии. М., 1988, с. 20.
3. Там же, с. 22.
4. Там же, с. 24.
5. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 142, 153.
6. Житие преподобного Сергия Радонежского было составлено его учеником Епифанием Премудрым, иноком Троицкой обители. В течение двадцати лет после кончины Сергия Епифаний собирал материалы для своего труда, беседовал с различными людьми, знавшими троицкого игумена. Житие получилось многословным, с обилием цитат из церковных книг. Оно было сокращено и переделано Пахомием Сербом. Редакция Епифания не сохранилась до наших дней. Здесь и далее житие Сергия дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского//Жизнеописания достопамятных людей земли Русской X–XX вв. М., 1992, с. 74–80.
7. Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский. М., 1991, с. 11.
8. Там же.
9. Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия// Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991, с. 276.
10. Преподобный Сергий Радонежский. М., 1992, с. 78.
11. Зайцев. Преподобный Сергий..., с. 122.
12. Там же, с. 120.
13. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 305–306, № 246, ил. 207.
14. Житие Кирилла Белозерского составлено Пахомием Логофетом, который в 1460 г. приезжал в Кирилло-Белозерский монастырь. Он застал там еще много очевидцев и учеников Кирилла, поэтому его обширный труд насыщен многими жизненными подробностями, рисующими белозерского старца в его подвижничестве. Здесь и далее используется «Житие преподобного отца нашего Кирилла, игумена обители Пречистой Богородицы, которая на Белом море» из «Книги житий святых»

святителя Димитрия Ростовского//Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X—XX вв. М., 1992, с. 81—92.

15. Федотов. Святые Древней Руси, с. 159.
16. Там же, с. 159.
17. Там же, с. 160.
18. Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 162, 410 481; т. 3, с. 134—135.
19. Журнал Московской патриархии (далее: *ЖМП*), 1990, № 1.
20. Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 408—410, (21 декабря, ст. ст.).
21. Лазарев В. Н. Русская иконопись. М., 1983, с. 120, 121, 370, № 117; Смирнова Э. С. Московская икона XIV—XVII вв. Л., 1988, с. 293, ил. 151, 153.
22. Настольная книга священнослужителя. т. 2, с. 615—616 (12 февраля ст. ст.).
23. Иконописный подлинник сводной редакции XVIII в. под ред. Г. Д. Филимонова. М., 1876, с. 270.
24. Лазарев. Русская иконопись, № 119; Никольский К. Пособие к изучению устава богословия православной церкви. СПб., 1907, с. 66.
25. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, № 279, ил. 224, 225.
26. Иконописный подлинник..., с. 308; Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 134—135 (31 марта ст. ст.).
27. Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 477—480 (9 января ст. ст.); т. 3, с. 505—506 (3 июля ст. ст.).
28. Иконописный подлинник..., с. 246.
29. Покровский Н. В. Сийский иконописный подлинник, с. 78.
30. Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 627—630 (17 февраля ст. ст.).
31. Алексий. Патриарх Московский и всея Руси. Предисловие к кн. «Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X—XX вв.». М., 1992, с. 5.
32. Настольная книга священнослужителя, т. 3, с. 553—563 (11 июля ст. ст.).
33. Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989, с. 166, 180—182, рис. 119, 122.
34. Настольная книга священнослужителя, т. 3, с. 576—583 (15 июля ст. ст.).
35. Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви. СПб., 1862, с. 9—10.
36. Книга, глаголемая Описание о российских святых, где и в каком граде или области или монастыре и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякаго чина святых. Составитель граф М. В. Толстой. М., 1888, с. 57—58; Иконописный подлинник..., с. 54. Антонова. Мнева. Каталог...,т. 1, № 279, ил. 224; ЖМП, 1988, № 8, с. 2—4.
37. Книга, глаголемая..., с. 215—216; Настольная книга священнослужителя..., т. 3, с. 665 (1 августа ст. ст.); т. 3, с. 514—519 (4 июля ст. ст.); т. 3, с. 453—454 (18 июня ст. ст.): Иконописный подлинник, с. 60—61.
38. Книга, глаголемая..., с. 168—169; Иконописный подлинник..., с. 323—324; Антонова, Мнева. Каталог..., т. 2, с. 351, № 834, ил. 125.
39. Книга, глаголемая..., с. 90—92; Иконописный подлинник..., с. 352; Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977, с. 84, № 112.
40. Книга, глаголемая..., с. 112—113; Настольная книга священнослужителя..., т. 2, с. 612—613; Лазарев. Русская иконопись..., с. 122, № 121.
41. Книга, глаголемая..., с. 77—78; Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 291—293; Иконописный подлинник, с. 193; Николаева. Древнерусская живопись..., № 70, № 95, № 344, № 345.
42. Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 531—532; Иконописный подлинник, с. 43—44; Антонова, Мнева. Каталог..., т. 2, с. 302—303, № 775, ил. 101.
43. Словарь исторический о святых..., с. 179; Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 152—153, № 103, ил. 87, 88; Лазарев. Русская иконопись, с. 303, ил. 103—106, с. 306, ил. 123—124.
44. Книга, глаголемая..., с. 39; Антонова, Мнева. Каталог..., т. 2, № 369, 611.
45. Словарь исторический о святых..., с. 41—42; Настольная книга священнослужителя, т. 2, с. 249—250 (6 ноября ст. ст.); Иконописный подлинник, с. 186; Лазарев. Русская иконопись, с. 57, № 41.

46. Книга, глаголемая..., с. 10–11 (2 августа); Иконописный подлинник, с. 406–407; Антонова, Мнева. Каталог..., т. 2., № 690, № 709, № 785, ил. 109; № 912, ил. 142–143; № 922, ил. 149.
47. Канонизация святых, с. 24.
48. Там же, с. 166.
49. ЖМП, 1990, № 1, с. 6–7; 1990, № 2, с. 67.
50. ЖМП, 1992, № 6, с. I – V.
51. ЖМП, 1992, № 6, с. IX.
52. ЖМП, 1990, № 1, с. 6–7, 39 ил. между с. 40–41.
53. ЖМП, 1989, № 7, ил. между с. 40–41.
54. Федотов. Святые Древней Руси, с. 27.

ИКОНОСТАС

1. О русском высоком иконостасе см.: Ильин М. А. Иконостас Успенского собора во Владимире Андрея Рублева; Бетин Л. В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов; Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса//Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970, с. 29–72.
2. Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 89–90.
3. Там же, с. 13.
4. Там же, с. 92.
5. Там же, с. 89.
6. Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1961, с. 29.
7. Там же, с. 49.
8. Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода середины XIII – начала XV вв. М., 1976, с. 63–64.
9. Щенникова Л. А. К вопросу об атрибуции праздников из иконостаса Благовещенского собора в Московском Кремле//«Советское искусствознание». М., 1986, № 21, с. 67–69.
10. Демина Н. А. Андрей Рублев и художники его круга. М., 1972, с. 164–166.
11. Указатель святынь и достопримечательностей Московского Большого Успенского собора. М., 1826; Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979.
12. Снегирев И. Памятники Московской древности. М., 1842–1845, с. 11; Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1976, т. 2, с. 107.
13. Лазарев. Андрей Рублев..., с. 40–42.
14. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 2, с. 44–45, № 389, ил. 12, 13, с. 51–52, № 398, ил. 15, с. 152–153, № 547, ил. 48–51, с. 458–459, № 977, ил. 168, с. 486–487, № 1018, ил. 177; Толстая, Успенский собор, ил. 110.
15. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 114, № 53, ил. 67; т. 2, с. 105, № 487, с. 196, № 606, ил. 72; Лазарев. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. М., 1983, с. 243, № 55–56, с. 503, № 142; Николаева. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977, с. 43, № 1, с. 61, № 63.
16. Николаева. Древнерусская живопись..., с. 58–59, № 36–41.
17. Там же, с. 58, № 37.
18. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 142–143, № 91, ил. 68; с. 113, № 51, с. 119, № 60; т. 2, с. 25, № 365, ил. 3, 4, 5; с. 77, № 439, ил. 22, с. 208, № 623, ил. 75.
19. Там же, т. 1, с. 100, № 36, ил. 53, с. 182–183, № 140, ил. 91, с. 369, № 321; т. 2, с. 225–226, № 648; Лазарев. Русская иконопись, с. 241, № 40, с. 245, № 64, с. 323, № 68.
20. Николаева. Древнерусская живопись..., с. 59–61, № 42–62.

НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ

1. Каргер М. К. Новгород, М., 1980, с. 142.
2. Там же.
3. Вздорнов Г. И. Феофан Грек. Творческое наследие. М., 1983, с. 62.
4. Там же, с. 63.
5. Там же, с. 64; Алпатов М. Феофан Грек. М., 1984, с. 39.
6. Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1931, с. 39, прим. 1, 3.
7. Вздорнов. Феофан Грек..., с. 61.
8. Цит. по кн. Вздорнов. Феофан Грек..., с. 24.
9. Каргер. Новгород, с. 142.
10. Каргер. Новгород , с. 143; Лазарев. Феофан Грек, с. 41, 45.

11. Цит. по кн.: Вздорнов. Феофан Грек..., с. 22.
12. Здесь и далее: Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI–XV вв. М., 1973, с. 11, с. 41, с. 175, ил. 175, с. 47.
13. Там же, с. 42, ил. 188–206.
14. Там же, с. 44, 52, ил. 278–290.
15. Там же, с. 47, 48, ил. 243–276.
16. Там же, с. 48.
17. Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971, с. 98.
18. ПВЛ, с. 136.
19. Киево-Печерский патерик//Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980, с. 589.
20. Там же.
21. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески, с. 14.
22. Иллюстрации в книге: Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески, №№ 8–10, 13–14, 17–18.
23. Там же, с. 14.
24. Антонова, Мнева. Каталог..., т. I, с. 49, № 2, ил. I.
25. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 35.
26. Чернышев Н. М. Искусство фрески в Древней Руси. М., 1954, с. 13.
27. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески, с. 13, прим. 37.
28. Здесь и далее цит. по кн.: Чернышев. Искусство фрески в Древней Руси, с. 15–18.
29. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески, с. 17.
30. Там же, с. 15.
31. Здесь и далее: Покровский Н. П. «Страшный Суд» в памятниках византийского и русского искусства// Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. II, Одесса, 1887, с. 285–381.
32. ПВЛ, с. 121.
33. Антонова, Мнева. Каталог..., т. I, с. 123, № 64, ил. 72.
34. Покровский. «Страшный Суд...», с. 334.
35. Там же, с. 309.
36. Здесь и далее см.: Покровский. «Страшный Суд...», с. 310.
37. Воронин Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1983, с. 53.
38. Там же.
39. Здесь и далее: Бочаров Г. Н., Выголов В. П., Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1979, с. 254, 262, 268.
40. Там же, с. 268.
41. Там же, с. 271.
42. Чернышев. Искусство фрески в Древней Руси, с. 67, 68; Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески, с. 79.
43. Чернышев. Искусство фрески в Древней Руси..., с. 71.
44. Там же, с. 76–77.
45. Лазарев. Древнерусские мозаики и фрески..., с. 76.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

1. «Настольная книга священнослужителя». Т. 4, М., 1983, с. 40.
2. Там же, с. 41–43, 46–48.
3. Там же, с. 42.
4. Храм Божий и церковные службы. Учебник богослужения. Составитель — свящ. Н. Р. Антонов. СПб., 1912. Репринт: Коломна, 1993, с. 55.
5. А. Мень. Таинство. Слово. Образ. Л., 1991, с. 21.
6. А. Мень. Сын человеческий. М., 1991, с. 130–131.
7. Настольная книга священнослужителя, т. I, с. 223.
8. Здесь и далее описание церковной службы дается по книгам: «Настольная книга священнослужителя», т. I. М., 1977; т. IV. М., 1983; «Храм Божий и церковные службы». Учебник богослужения. СПб., 1912, репринт, Коломна, 1993; Протоиерей Д. Соколов. Начальное наставление в православной христианской вере. СПб., 1991.
9. Настольная книга священнослужителя, т. I, с. 253.
10. Там же, т. I, с. 401.
11. Там же, т. I, с. 410.
12. Там же, с. 413.
13. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 9-ти т. М., 1994, т. 6, с. 372.
14. Православный толковый молитвослов. СПб., 1907, с. 2, далее 71, 77.
15. Цит. по: «Настольная книга священнослужителя», т. 4, с. 737.
16. Настольная книга священнослужителя, т. 4, с. 717.
17. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т. Т. 13, М., 1964, с. 64–66, 68.

ПАСТЫРИ

1. Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Предисловие// Ив Аман. «Отец Александр Мень — христов свидетель в наше время». М., 1996, с. 10.
2. Ив Аман. «А. Мень — свидетель своего времени». 1 изд. М., 1994; Ив Аман. «Отец Александр Мень — христов свидетель в наше время». 2 изд. М., 1996, с. 153. Ив Аман несколько лет работал в Москве, «через него осуществлялась связь отца Александра и многих других с внешним миром, он привозил сюда книги, увозил рукописи, был одним из тех, кто приближал самоотверженным трудом падение атеистической эры», — писал о нем священник Георгий Чистяков в предисловии к 1-му изданию (послесловие 2-го издания, с. 200).
3. Цит. по: Ив Аман. Отец Александр Мень..., с. 153–154.
4. Там же, с. 154.
5. Леви В. Я ведь только инструмент//И было утро... Воспоминания об отце Александре Мене. М., 1992, с. 225.
6. Там же, с. 225.
7. Там же, с. 229.
8. Ив Аман. Отец Александр Мень..., с. 115.
9. Там же, с. 116.
10. Цит. по: Ив Аман. Отец Александр Мень..., с. 116.
11. Василенко Л. И. Культура, церковное служение и святость//Сборник памяти отца Александра Меня. М., 1991, с. 166–167.
12. Митрополит Сурожский Антоний. Предисловие к кн. протоиерея Александра Меня «Трудный путь к диалогу». М., 1992, с. 6–7.
13. Ив Аман. Отец Александр Мень..., с. 174.
14. Файнберг В. Отец Александр, Александр Владимирович, Саша//И было утро..., с. 196–197.
15. Там же, с. 157.
16. Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Предисловие// Ив Аман. Отец Александр Мень..., с. 10, 11.
17. Настольная книга священнослужителя. Т. 8, М., 1988, с. 6.
18. Там же, с. 9.
19. Цит. по: Настольная книга священнослужителя, т. 8, с. 19.
20. ППБЭС, М., 1992 (репринт), т. 2, 1990.
21. Настольная книга священнослужителя; т. 8, с. 37–38. Полный текст: Настольная книга священнослужителя. М., 1977, т. 1, с. 649–718.
22. Настольная книга священнослужителя, т. 8, с. 44–45.
23. Там же, с. 52.
24. Там же, с. 147.
25. Там же.
26. Азбука христианства. Словарь-справочник. М., 1997, с. 6–7.
27. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 120.
28. Здесь и далее см.: Начертание жития св. Филиппа. Б/м., 1860; Сказание о житии св. Филиппа, митрополита Московского. М., 1869; Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.
29. Здесь и далее цит. по кн.: Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1891, ч. 1, с. 122–127, 134.
30. Диакон Андрей Лоргус. Похвала Патриаршему служению//ЖМП, 1993, № 1, с. 5.
31. Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер; †1934). Слово в день погребения Святейшего Патриарха Тихона//ЖМП, 1993, № 1, с. 14–19; Вострышев М. П. Божий избранник. Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1991.
32. ЖМП, 1993, № 1, с. 15.
33. Там же, с. 16.
34. Там же, с. 18.
35. Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1992, ч. 1, с. 249.
36. ЖМП, 1993, № 1, с. 19–20.

ЦЕРКОВНЫЕ ТАИНСТВА

1. О церковных таинствах см.: Настольная книга священнослужителя в 8 томах. М., 1977–1988. Т. 1, с. 400–433; т. 4, с. 208–356; т. 6. с. 5–48; 220–232, 385–388, 603–640, 726–782; т. 8, с. 18–34, 46–95, 347–400, 559–580; О святых таинствах православной церкви. Сост. Гермоген, епископ Псковский и Порховский. СПб., 1894; Пространный христианский катехизис православной кафолической восточной церкви. М., 1995. Сост. митрополит Филарет (Дроздов).

2. Настольная книга священнослужителя. М., 1983, т. 4, с. 325.
3. Там же, т. 4, с. 206.
4. Там же, т. 4, с. 208.
5. О таинстве Крещения. М., 1996, с. 44.
6. Там же, с. 50.
7. Настольная книга священнослужителя, т. 4, с. 238.
8. О святых таинствах..., с. 70.
9. О таинстве Крещения, с. 56.
10. Цит. по кн.: Московский Кремль. Путеводитель. М., 1990, с. 70.
11. Настольная книга священнослужителя, т. 4, с. 503.
12. Там же, с. 242.
13. Настольная книга священнослужителя, т. 8, с. 271–272.
14. Там же, с. 277.
15. Там же, с. 278.
16. Цит. по: Настольная книга священнослужителя, т. 8, с. 278.
17. Там же, с. 467.
18. Там же, с. 365.
19. Указ. соч., т. 4, с. 287.
20. Там же.
21. Там же, с. 290.
22. Там же.
23. Цит. по кн.: О святых таинствах..., с. 115.
24. Там же, с. 119.
25. Настольная книга священнослужителя, т. 4, с. 302.
26. Там же, с. 305.
27. Там же, с. 307.
28. Там же, с. 312.
29. Там же, с. 313.
30. О святых таинствах..., с. 170–171.
31. Настольная книга священнослужителя, т. 4, с. 321.
32. Там же.

ВЕЛИКИЕ ПРАЗДНИКИ

1. Дни богослужения православной греко-российской церкви. СПб., 1837, с. 4.; О великих Господских и Богородичных праздниках. М., 1990, репринт.
2. Дни богослужения..., с. 126–127.
3. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 54–57, № 4, ил. 19–21; Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. М., 1933, с. 365, № 6, с. 368, № 104.
4. Благовещенский собор Московского Кремля. Составители: Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. М., 1990, с. 53–57 ил. 131, 132.
5. Дни богослужения..., с. 17.
6. Лазарев. Русская иконопись..., с. 368, № 104.
7. Благовещенский собор..., с. 57, ил. 133–135; Лазарев. Русская иконопись..., с. 110, 363, № 104.
8. Лазарев. Русская иконопись..., с. 95, 363, № 104; Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 253–257, № 217, ил. 176–177; Благовещенский собор..., с. 56–59, ил. 136, 137.
9. Благовещенский собор..., с. 56–59, ил. 139; Лазарев. Русская иконопись..., с. 53, 241, № 45.
10. Лазарев. Русская иконопись..., с. 365, 368, № 97, 104; Благовещенский собор..., с. 56–59, ил. 146.
11. Никоненко Ст. Вознесение. М., 1967, с. 8–9.
12. Титов В. Е. Троица. М., 1973, с. 53–54.
13. Благовещенский собор..., с. 53–59, № 147; Лазарев. Русская иконопись..., с. 365, № 95, с. 368, № 104.
14. Дни богослужения..., с. 134.
15. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 73–75, № 11, ил. 28–30, с. 255–256, № 216, ил. 174–175.
16. Дни богослужения..., с. 74–82.

ДУХОВНОЕ ПЕНИЕ

1. Здесь и далее см.: Минея – декабрь. М., 1982, ч. I, 4 декабря, с. 144–145; Свящ. Дим. Разумовский. Церковное пение в России (далее: *Разумовский*). М., 1867, с. 40–54; Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Декабрь. М., 1992, репринт, 4 декабря, с. 97–117.
2. Толстой А. К. Полное собрание стихотворений в 2-х т. Л., 1984, т. I, с. 225–248.
3. Там же, с. 570.
4. Разумовский, с. 43.
5. Там же, с. 50.
6. Там же, с. 54.

7. Асафьев Б. В. (Игорь Глебов). Русская музыка от начала XIX столетия. М. — Л., 1930, с. 124.
8. Там же, с. 125.
9. Кутузов Б. Возрождать ли нам знаменный распев?//ЖМП, 1993, № 3, с. 70; Кутузов Б. Принцип меры и красоты в знаменном распеве//ЖМП, 1993, № 1, с. 104.
10. Цит. по кн.: Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1928, т. I, в. I, с. 47, прим. 54 (далее: *Финдейзен).*
11. Изборник. М., 1969, с. 67.
12. Финдейзен, т. I, в. I, с. 54—55.
13. Там же, с. 59, прим. 69.
14. Пушкин А. С. Сочинения в 3-х т. М., 1985, т. I, с. 654—655.
15. Цит. по: Финдейзен, т. I, в. I, с. 79, 81.
16. Там же, с. 82—83.
17. Там же, с. 86.
18. Там же, с. 87.
19. Цит. по: Финдейзен, т.I, в. I, с. 87, прим. 95.
20. Разумовский, с. 64.
21. Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 327—329.
22. Цит. по: Финдейзен, т. I, в. I, с. 91, прим. 106.
23. Там же.
24. Там же, с. 92.
25. Там же.
26. Цит. по предисловию Ю. Келдыша к кн.: Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 13—14, прим. 2.
27. Цит. по: Финдейзен, т. I, в. I, с. 96, прим. 115.
28. Финдейзен, т. I, в. I, с. 101.
29. Там же.
30. Там же, с. 140.
31. Там же.
32. О знаменном распеве и осмогласии см. также: Бражников М. В. Статьи о древнерусской музыке. Л., 1975; Игнатьев А. А. Богослужебное пение Православной Русской Церкви с конца XVI до начала XVIII в. Казань, 1916; Металлов В. М. Осмогласие знаменного распева. М., 1899; Преображенский А. В. Культовая музыка в России. Л., 1924.
33. Финдейзен, т. I, вып. III, с. 242.
34. Там же, с. 247.
35. Там же, с. 262, 263.
36. Буслаев Ф. Историческая хрестоматия. М., 1861, с. 692.
37. Финдейзен, т. I, вып. III, с. 258—259.
38. Цит. по: Финдейзен, т. I, вып. III, с. 269.
39. Там же, с. 270.
40. Успенский, с. 285.
41. Там же.
42. Там же, с. 286.
43. Цит. по: Протоиерей В. М. Металлов. Очерк истории православного церковного пения в России//Записки императорского московского археологического института. М., 1914, с. 101.
44. Чайковский П. И. Письмо//«Русское обозрение», 1893, ноябрь, с. 453.
45. Рахманинов С. В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном. М., 1992, с. 168.
46. Там же, с. 169, 170.
47. Воспоминания о Рахманинове. М., 1988, т. 2, с. 222.
48. Келдыш Ю. Рахманинов и его время. М., 1973, с. 413, 414, 420.
49. Всенощное бдение. Литургия. Изд. Московской Патриархии, 1990, с. 63. Дальнейшее повествование о Всенощном бдении дается в основном по указанной книге. См. также: «Православный сборник». Изд. Моск. Патриархии, 1976; «Служебник», М., 1976; Успенский Н. Д. Чин всенощного бдения на Православном Востоке и в Русской Церкви//«Богословские труды». Сб. 18, М., 1978.
50. Всенощное бдение, с. 65.
51. Св. Василий Великий. Творения. К Амфилохию о Духе Святом. Т. I, СПб., 1911, с. 638, 639. Цит. по кн.: Всенощное бдение, с. 66.
52. Там же, с. 11—12.

ЖИВОПИСАНИЕ ИГЛОЮ

1. Новодевичий монастырь. Путеводитель. М., 1964, с. 45; «Виленские очерки 1863–1865гг.» //«Русская старина», 1884, янв., с. 24–28; Овсянников Ю. Новодевичий монастырь. М., 1968, с. 40; Новодевичий монастырь. М., 1974, с. 22.
2. Овсянников. Новодевичий монастырь, с. 41; Новодевичий монастырь, 1974, с. 22.
3. Николаева Т. В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, с. 110, № 53, 54.
4. Там же.
5. Лазарев В. Н. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы//История русского искусства. М., 1955, т. III, с. 194, ил. на с. 198, 199; Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971, с. 10–11, ил. 5, 6.
6. Свирин А. Н. Древнерусское шитье. М., 1963, с. 41.
7. Маясова. Древнерусское шитье, с. 21–22, ил. 29, 30, 31; Николаева. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее, с. 122–124, № 59, 60.
8. Маясова. Древнерусское шитье, с. 25–26, ил. 38, 39; Николаева. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее, с. 138, № 68.
9. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное Павлом Алеппским. Вып. 4, М., 1898, с. 30. Цит. по кн.: Свирин. Древнерусское шитье, с. 11–12.
10. Мнева Н. Е. Шитье XVI — начала XVII вв. //История русского искусства. М., 1975, т. III, с. 676–688.
11. Николаева. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее, с. 142, № 70.
12. Там же, с. 145–148, № 71–75.
13. Там же, с. 147.
14. Там же, с. 154, № 78.
15. Там же, с. 150, № 76, 77.
16. Там же, с. 158, № 81.
17. Там же, с. 160, № 82.
18. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы//История русского искусства, т. III, с. 192.
19. Николаева. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее, с. 128, № 62.
20. Там же, с. 136–137, № 66, 67, с. 156–157, № 79–80.
21. Мнева. Шитье XVI — начала XVII вв. //История русского искусства, т. III, с. 686–688; Свирин. Древнерусское шитье, с. 92, рис. на с. 89, цветная вклейка на с. 91; Преподобный Иринарх, затворник Ростовского Борисо-глебского монастыря. Ярославль, 1873, с. 42–43.
22. Мнева. Шитье XVI — начала XVII вв. //История русского искусства, т. III, с. 688.
23. Кутилова Е. Вновь реставрированный памятник шитья конца XVI века//Сообщения Государственного Русского музея. Л., 1941, с. 17–20; Мнева. Шитье XVI — начала XVII вв. //История русского искусства, т. III, с. 683–684; Свирин. Древнерусское шитье, с. 111–113.
24. Кутилова Е. Указ. соч., с. 19–20.

И ЗЛАТО, И СЕРЕБРО, И КАМЕНЬЯ ДРАГОЦЕННЫЕ...

1. Здесь и далее см.: Очерки жизни московского архиепископа Августина. М., 1848, с. 27.
2. Здесь и далее см.: Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 г.//«Русский архив», кн. I, М., 1876, с. 440–463.
3. Записки Маскевича//«Сказания современников о Дмитрии Самозванце». СПб., 1834, с. 108–109.
4. Снегирев И. М. Московские храмы по уходу французов//«Русский архив», кн. 2, № 6, с. 217.
5. Ризница ставропигиального Симонова монастыря в Москве. М., 1895, с. 1, 4, 5, № 1, № 17, № 24–29.
6. Успенский А. И. Владимирская икона Богоматери в Московском Успенском соборе. М., 1902, с. 8–9.
7. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1988, с. 49–50, 53–54, № 26.
8. Успенский. Владимирская икона..., с. 6; РИБ, т. 3. СПб., 1876, с. 374–377, с. 575–584.
9. Антонова, Мнева. Каталог..., т. 1, с. 58–64.
10. Государственная Оружейная палата. М., 1988, с. 48–51, № 24.
11. Николаева Т. В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, с. 10, с. 204, № 110.

12. Там же, с. 226, № 124.
13. Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI вв. М., 1968, с. 9, № 2.
14. Там же, с. 19, № 30.
15. Там же, с. 20, № 44; Рыбаков Б. А. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. (Мощевик княгини Марии 1410 г.)//«Материалы и исследования по археологии Москвы», вып. II, М. –Л., 1949, с. 186–191; Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1875, с. 6–10, с. 48.
16. Николаева. Древнерусская мелкая пластика..., с. 21.
17. Здесь и далее см.: Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений..., с. 191.
18. История Москвы, т. I. М., 1952, с. 86.
19. Трутовский В. К. Федор Кошка. М., 1915, с. 8–9; Николаева. Древнерусская мелкая пластика..., с. 21, № 50.
20. Николаева. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее, с. 10; Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1873, с. 21.
21. Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913, с. 255–256.
22. Там же, с. 261.
23. Там же, с. 265.
24. Там же, с. 268–269; Русское художественное серебро XVII – нач. XX вв. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1977, с. 12–15, ил. 43–49; Сокровищница Эрмитажа. М. – Л., 1969, № 93.

КОЛОКОЛА

1. Смоленский Ст. О колокольном звоне в России. СПб., 1907, с. 2.
2. Там же.
3. Там же, с. 4.
4. Цит. по кн.: Немировский Е. А. Андрей Чохов. М., 1982, с. 70.
5. Петриченко А. М. Книга о литье. Киев, 1972, с. 54.
6. Пухначев Ю. В. Загадки звучащего металла. М., 1974, с. 66–67.
7. Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. СПб., 1986, с. 20.
8. Снегирев И. М., Мартынов А. А. Московский Царь-колокол//Русские достопамятности. М., 1888, т. 3, с. 15 (далее: *Снегирев*).
9. Там же.
10. Там же, с. 16.
11. Петриченко. Книга о литье, с. 57–58.
12. Снегирев, с. 23.
13. Там же, с. 20.
14. Закон Божий. Составитель протоиерей Серафим Слободской. Изд. «Даниловский благовестник», 1995, с. 705–711.
15. Спирина Л. М. О колоколах Троице-Сергиева монастыря//Колокола. История и современность. М., 1985, с. 120–121, (далее: *Колокола I*).
16. Там же, 121.
17. Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Москву. М., 1911, с. 25–26. Цит. по кн.: Немировский. Андрей Чохов, с. 73-74.
18. Цит. по кн.: Немировский. Андрей Чохов, с. 74.
19. Там же.
20. Снегирев, с. 26.
21. Петриченко. Книга о литье, с. 60.
22. Пухначев. Загадки звучащего металла, с. 13; Рыбаков. Церковный звон в России, с. 24.
23. Яковлева Н. П. Колоколилитейное производство на Валдае//Колокола I, с. 183–198.
24. У древних стен, у Ильмень озера. М., 1980, с. 32.
25. Давыдов А. Н. Два колокола времен Крымской войны. К истории легенды о «чудесном» спасении Соловецкого монастыря//Русский Север и Россия в годы Крымской войны (1853 – 1856). Вологда, 1979, с. 64–84 (далее: *Давыдов. Два колокола...*).
26. Описание обороны Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря от нападения 6 и 7 июля 1854 г. Архангельск, 1905, с. 3.
27. Давыдов. Два колокола..., с. 66.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же, с. 71.
31. Там же.

32. Там же.
33. Там же, с. 73; Встреча пленного колокола в Соловецком монастыре. Архангельск, 1913; Возвращение из Англии пленного монастырского колокола в Соловецкую обитель 4 августа 1912 г. Изд. Соловецкой обители, 1913 г.; Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1912 г.
34. Давыдов. Два колокола..., с. 76.
35. Петриченко. Книга о литье, с. 74.
36. Московский Кремль. Путеводитель. М., 1990, с. 113.
37. Там же.
38. Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы XVI — первой половины XVII в.//Колокола. История и современность. 1990. М., 1993, с. 76 (далее: *Колокола II*).
39. Там же, с. 77–78.
40. Там же, с. 78.
41. Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев//Колокола I, с. 79, прим. I.
42. Там же, с. 79.
43. Портнов М. Э. Царь-пушка и Царь-колокол. М., 1990, с. 19.
44. Кавельмахер. Большие благовестники Москвы// Колокола II, с. 87, прим. 3.
45. Там же, с. 81.
46. Кондрашина//Колокола I, с. 81, прим. 9.
47. Там же, с. 84.
48. Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898, с. 111. Цит. по ст.: Кондрашина//Колокола I, с. 82, прим. 13.
49. Кондрашина//Колокола I, с. 81, прим. 7.
50. Цит. по кн.: Портнов. Царь-пушка и Царь-колокол, с. 35.
51. Там же, с. 35; Кондрашина//Колокола I, с. 83.
52. Кондрашина//Колокола I, с. 84.
53. Иванов П. И. Исторические сведения о большом колоколе, лежащем в Московском Кремле, близ Ивановской колокольни. М., 1835. Приложение I: «Указ Нашему Правительствующему Сенату», с. 15.
54. Там же, с. 5.
55. Рубцов Н. Н. Иван Федорович и Михаил Иванович Моторины//Люди русской науки. М., 1965, т. 4 (техника), с. 26–37.
56. Иванов. Исторические сведения о большом колоколе, лежащем в Московском Кремле..., с. 22 (приложение).
57. Костина И. Д. К истории создания «Царь-колокола» (новые архивные материалы)//Колокола II, с. 122.
58. Московский Кремль. Путеводитель, с. 112.
59. Снегирев..., с. 7–8.
60. Там же.
61. Шиллер Ф. Драмы. Стихотворения. Библиотека всемирной литературы. М., 1975, с. 781–791.
62. Снегирев, с. 2–3.
63. Там же, с. 5.
64. Там же, с. 6.
65. Петриченко. Книга о литье, с. 65.
66. Дружинин О. Н., Дубровин Н. М., Логовинюк П. И., Сальгеев В. Н. Исследование и реставрация «Царь-колокола»//Колокола I, с. 259–262.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ — Большая Советская энциклопедия

ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ЖМП — Журнал Московской патриархии

ПВЛ — «Повесть временных лет»

ППБЭС — Полный православный богословский энциклопедический словарь

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РИБ — Русская историческая библиотека

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В СОВРЕМЕННОМ ИЗДАНИИ БИБЛИИ

Книги Ветхого Завета:

Быт — Бытие

Исх — Исход

Лев — Левит

Чис — Числа

Втор — Второзаконие

Нав — Книга Иисуса Навина

1 Цар — Первая книга Царств

Пс — Псалтирь

Притч — Книга Притчей Соломоновых

Песн — Книга Песни Песней Соломона

Ис — Книга пророка Исаии

Иез — Книга пророка Иезекииля

Иер — Книга пророка Иеремии

Мал — Книга пророка Малахии

Книги Нового Завета:

Мф — от Матфея святое благовествование

Мк — от Марка святое благовествование

Лк — от Луки святое благовествование

Ин — от Иоанна святое благовествование

Деян — Деяния святых Апостолов

1 Пет — Первое послание Петра

1 Кор — Первое послание к Коринфянам

1 Тим — Первое послание к Тимофею

Евр — Послание к Евреям

Отк — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)

Еремина Татьяна Степановна

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ
История. Символика. Предания

Научное издание

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*
Зав. производством *Н.П. Романова*

Редактор *А..В. Кровякова*
Художник *Т.В. Кормер*
Корректор *С.Н. Водопьянова*
Верстка *Т.В. Кормер*

ЛР № 065292 от 17.07.97

Подписано в печать 25.12.01. Формат 70x100/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура New Baskerville C.
Усл. печ. 38,7. Тираж 7000 экз. Заказ № 1950

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д.29, корп.9
тел. 245-53-95, 245-49-03

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГМП «Первая Образцовая типография» Министерства
РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций. 113054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-89826-030-7

9 785898 260309